БОЛЬШАЯ ИЗЛУЧИНА ДОНА

Г.Г. Матишов
В.И. Афанасенко
Е.Ф. Кринко
М.В. Медведев

МЕСТО РЕШАЮЩИХ СРАЖЕНИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1942–1943 гг.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев

БОЛЬШАЯ ИЗЛУЧИНА ДОНА – МЕСТО РЕШАЮЩИХ СРАЖЕНИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1942–1943 гг.)

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2016

УДК 94(47).07/.08(470.6)(063)
Б79

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)»

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А.В. Венков,
доктор исторических наук, профессор И.О. Тюменцев

Б79 Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.) / **Г.Г. Матишов, В.И. Афанасенко, Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев.** – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. – 456 с. – ISBN 978-5-4358-0147-7.

В монографии охарактеризованы особенности и результаты советско-германского противостояния в большой излучине Дона (лето 1942 г. – зима 1943 г.). Рассмотрены влияние природно-климатического фактора на ход боевых действий, специфика стратегических и фронтовых боевых операций, эффективность действий советского и германского военного командования, вопросы оккупации, эвакуации и военной повседневности, а также отражение рассматриваемых событий в исторической памяти населения региона.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47).07/.08(470.6)(063)

ISBN 978-5-4358-0147-7

© ЮНЦ РАН, 2016
© Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Медведев М.В., 2016

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE

G.G. Matishov, V.I. Afanasenko, E.F. Krinko, M.V. Medvedev

THE BIG BEND OF THE DON RIVER – A PLACE OF DECISIVE BATTLES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1942–1943)

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2016

UDC 94(47).07/.08(470.6)(063)
M34

The study is conducted with the financial support from the RNF within Project No. 14-01-0030 "The big bend of the Don River – a place of decisive battles of the Great Patriotic War (1942–1943)"

Reviewers:

Dr (History) Professor A.V. Venkov,
Dr (History) Professor I.O. Tyumentsev

M34 **Matishov, G.G., Afanasenko, V.I., Krinko, E.F., Medvedev, M.V.** (2016). The big bend of the Don River – a place of decisive battles of the Great Patriotic War (1942–1943). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 456 p. (in Russian) ISBN 978-5-4358-0147-7.

The monograph characterizes the specific features and results of the Soviet-German confrontation in the big bend of the Don (summer of 1942 – winter of 1943). The impact of natural-climatic factor on combat operations, specific features of strategic and front military operations, effectiveness of activities of the Soviet and German military commands, issues of occupation, evacuation and everyday war life, as well as the reflection of the considered events in the historical memory of the population of the Region have been considered.

The publication is intended for researchers, university teachers, PhD-students, students, as well as readers interested in the subject.

UDC 94(47).07/.08(470.6)(063)

ISBN 978-5-4358-0147-7

© SSC RAS (2016)
© Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F., Medvedev M.V. (2016)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на значительное количество трудов о Великой Отечественной войне, в ее истории всё еще сохраняются малоизвестные страницы. К ним относятся и боевые действия в большой излучине Дона, территория которой до революции 1917 г. входила в состав области Войска Донского, а в настоящее время разделена между Ростовской и Волгоградской областями. Вместе с прилегающими территориями – юга Воронежской области, востока Луганской и Донецкой областей Украины, севера Краснодарского и Ставропольского краев и Республики Калмыкии – она стала в 1942–1943 гг. зоной кровопролитных боев стратегического значения.

Обобщение опыта боевых действий на южном крыле советско-германского фронта началось непосредственно в годы Великой Отечественной войны и носило преимущественно прикладной характер, предполагая его применение в разработке и проведении последующих операций. Вскоре после завершения сражений военно-исторический отдел Генерального штаба Красной армии издал ряд кратких очерков, в которых рассказывалось о разгроме противника на Волге и Дону[1]. В основе их лежали аналитические материалы военных специалистов, в том числе подготовленные штабами воинских объединений отчеты и обзоры боевых операций. В годы войны вышло также значительное количество популярных работ, прославлявших боевые успехи и героизм военнослужащих Красной армии и Военно-морского флота, патриотизм советских граждан на фронте и в тылу[2].

По окончании Великой Отечественной войны она продолжала оставаться в центре внимания исследователей, являясь важнейшим местом памяти советского общества. История боевых действий на Нижнем и

---

[1] *Замятин Н.М., Савин М.В., Воробьев Ф.Л.* Битва под Сталинградом. Краткий очерк. М., 1944; *Сидоров В., Фокин Н.* Разгром итало-немецких войск на Дону. М., 1944 и др.

[2] Зенитчики в боях за Сталинград. М., 1942; *Генкина Э.* Героический Сталинград. М., 1943; Героический Сталинград. Астрахань, 1943; *Юдович И.* Возрождение. Ростов н/Д, 1944 и др.

Среднем Дону рассматривалась как в фундаментальных обобщающих трудах по истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны[1], выступавших своеобразными вехами развития советской военной историографии и отражавших ее характерные особенности на разных этапах, так и в специальных исследованиях – монографиях, диссертациях, статьях, очерках[2]. Наибольшее количество публикаций было посвящено Сталинградской битве, что отражало представление о ее важнейшем значении в истории Великой Отечественной войны[3]. Уже к 1967 г. их количество исчислялось 200 наименованиями без учета художественных произведений[4]. В тени Сталинградской битвы оставались и оборонительные бои лета 1942 г., и наступательные операции зимы 1943 г. в большой излучине Дона.

Многочисленные публикации раскрывали героизм советских бойцов и командиров, мобилизацию всех сил на борьбу с противником, помощь советского тыла фронту[5]. Немаловажный вклад в осмысление хода боевых действий вносили и воспоминания очевидцев, в том числе командующих крупными войсковыми соединениями и объединениями, штабных

---

[1] Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1953; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. М., 1961. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.); История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. М., 1975–1976. Т. 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. Т. 6. Коренной перелом в войне.

[2] *Коновалов Ф.П.* Острогожско-Россошанская и Воронежско-Касторненская наступательные операции (январь – февраль 1943 г.). М., 1951; *Бирюлин И.Ф.* Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне. Воронеж, 1970; В боях за Дон 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1983 и др.

[3] *Ступов А.Д., Кокунов В.Л.* 62-я армия в боях за Сталинград. М., 1949; *Водолагин М.А.* Сталинград в Великой Отечественной войне (1941–1945). Сталинград, 1949; *Самсонов А.М.* Сталинградская битва. М., 1960; Битва за Сталинград. Волгоград, 1973; *Грязнов М.Н.* Моряки в битве за Сталинград. М., 1982 и др.

[4] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и перераб. Волгоград, 2012. С. 270.

[5] *Зайцев В.П.* Дон в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 1958; *Черноусов С.* В небе Донском. Ростов н/Д, 1974; *Маркусенко И.С.* Дон в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1977; Бессмертные героев имена. Очерки о воинах, удостоенных звания Героя Советского Союза за подвиги в сражениях на Дону. Ростов н/Д, 1978 и др.

работников[1]. Широко издавались, в основном по инициативе ветеранов, описания боевого пути воинских объединений, соединений и частей, действовавших на Дону и Волге в 1942–1943 гг.[2]

При этом советские авторы нередко приуменьшали масштаб потерь Красной армии и преувеличивали ущерб, нанесенный противнику. Отчасти это объясняется некритическим отношением к документам, содержащим соответствующие сведения, отчасти тем, что внимание больше акцентировалось на победах, причины и источники которых получали идеологизированную трактовку, и значительно меньше места уделялось поражениям. В частности, так и не было дано удовлетворительного объяснения быстрому продвижению противника в южном направлении в 1941–1942 гг. Причины тяжелых поражений и отступления советских войск связывались с превосходством противника в живой силе и технике, а также с отсутствием второго фронта в Западной Европе, который мог бы отвлечь на себя значительные силы Германии. Свою роль играл и субъективный фактор, вследствие чего оценка значения тех или иных эпизодов боевых действий менялась в зависимости от участия в них тех или иных советских руководителей.

На изучение оборонительных и наступательных операций в большой излучине Дона летом и зимой 1942–1943 гг. существенное воздействие оказывала политическая и идеологическая конъюнктура. В результате недооценивались, а зачастую замалчивались многие исторические факты. Практически не уделялось внимания природным и социальным аспектам боевых действий и их влиянию на судьбу населения, оказавшегося на прифронтовых территориях.

---

[1] Битва за Волгу. Воспоминания участников Сталинградского сражения. Сталинград, 1958; *Ерёменко А.И.* Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961; *Морозов И.К.* Полки сражались по-гвардейски. Записки командира дивизии. Волгоград, 1962; *Чуянов А.* Сталинградский дневник. 1941–1943. Волгоград, 1968; *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1968; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1969; *Москаленко К.С.* На юго-западном направлении. М., 1973; *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1975; *Чуйков В.И.* Сражение века. М., 1975; *Баграмян И.Х.* Так шли мы к Победе. М., 1979; *Егоров А.В.* В донских степях. М., 1988; *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1 и 2. М., 1989 и др.

[2] *Смакотин М.Н.* От Дона до Берлина (57-я гвардейская стрелковая дивизия в Великой Отечественной войне). М., 1962; *Овчаренко И.В.* Пятый Донской (5-й гвардейский казачий кавалерийский Краснознаменный Донской Будапештский корпус). Ростов н/Д, 1968; У ворот Кавказа. Ополченцы Ростова-на-Дону в боях за Родину. Ростов н/Д, 1972; 17-я воздушная армия в боях от Сталинграда до Вены. М., 1977 и др.

Только в конце XX в. начался новый этап в изучении истории Великой Отечественной войны в большой излучине Дона, во многом обусловленный расширением доступа исследователей к источникам и изменением общей ситуации в стране. Появились работы, авторы которых анализируют данные события, опираясь на рассекреченные документы и отказываясь от прежних догм[1]. По-прежнему приоритетный характер сохраняет изучение Сталинградской битвы[2]. К 2012 г. общее количество всех посвященных ей публикаций, включая различные исторические источники, превысило 4000 наименований[3]. В новых трудах переосмысливаются ход и итоги сражения, его геополитическое и общественно-политическое значение, а также ранее замалчивавшаяся трагедия мирных жителей[4]. Развитие историографии позволило создать фундаментальный справочный труд, в котором нашли отражение различные аспекты Сталинградской битвы[5].

Боям на Дону и Волге уделено немало внимания и в зарубежной историографии, где они стали предметом ряда обобщающих и специальных исследований[6]. Особое внимание уделяется им в германской историографии,

[1] *Филоненко С.И.* От Прута и Днестра до Дона и Волги: разгром армий сателлитов фашистской Германии под Сталинградом и Воронежем (ноябрь 1942 года – февраль 1943 года). Воронеж, 1999; *Бешанов В.* Год 1942 – «учебный». Минск, 2002; *Филоненко С.И., Филоненко А.С.* Острогожско-Россошанская операция – «Сталинград на Верхнем Дону». Воронеж, 2005; *Португальский Р.* Маршал Тимошенко. «Поставьте меня на опасный участок…» М., 2007; *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г.* Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012 и др.

[2] Битва за Сталинград. М.; СПб., 2002; *Куманев Г.А.* Сталинградская битва. Краткий военно-исторический очерк, документы, материалы. М., 2007; *Исаев А.В.* Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008; *Барятинский М.Б.* Сталинградское побоище. «За Волгой для нас земли нет!» М., 2012 и др.

[3] *Белов Д.А.* Количественный анализ тенденций развития отечественной историографии Сталинградской битвы // Сталинградская битва в судьбах народов. Материалы международной научно-практической конференции (2013 г.). Волгоград, 2013. С. 438.

[4] *Павлова Т.А.* Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005; Сталинград: забытое сражение. М., 2005; *Белов Д.А.* Сталинград в оценке общественности Великобритании и США. 1942–1945 гг. Волгоград; Самара, 2012; Сталинградская битва и ее геополитическое значение. М., 2013 и др.

[5] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград, 2012.

[6] *Лидделл-Гарт Б.Х.* Вторая мировая война. М., 1976; *Glantz D.* From the Don to the Dnepr: Soviet offensive operations, December 1942 – August 1943. London, 1991; *Бивор Э.* Сталинград. Смоленск, 1999; *Робертс Дж.* Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю. М., 2003 и др.

многие представители которой являлись непосредственными участниками рассматриваемых событий[1]. Западные историки нередко подчеркивают, что ответственность за поражения вермахта лежит на Гитлере, не слушавшем предостережения военного командования при выработке планов летней кампании 1942 г. и их последующей реализации.

Взаимоотношения между отечественной и зарубежной историографиями долгое время носили конфронтационный характер, отражая идеологическое противостояние между странами в эпоху холодной войны. Например, в США в условиях обострения отношений бывших союзников по антигитлеровской коалиции изучение опыта Второй мировой войны рассматривалось в качестве необходимого условия для эффективной подготовки собственных войск[2]. Следует отметить и различия в источниковой базе: западные исследователи опирались преимущественно на немецкие военные документы, значительная часть которых после 1945 г. оказалась в США, и опубликованные советские источники, подвергавшиеся строгой цензуре, а советские архивы для них оставались закрытыми. Только в 1990-е гг. появились возможности для сотрудничества, что проявилось и в широкой публикации зарубежных работ в России, позволившей сделать их более доступными для русскоязычных читателей, и в проведении ряда научных форумов, и в реализации других совместных исследовательских и издательских проектов[3].

Свой вклад в изучение проблемы внесла историография Италии, Венгрии, Румынии и других стран – бывших союзников Третьего рейха, войска которых воевали на юге СССР в 1941–1943 гг.[4] Для нее характерно внимание исследователей к судьбе своих воинских формирований, подчеркивание значимости сыгранной ими роли в боевых операциях или, напротив, ее приуменьшение, а также описание тяжести испытаний, перенесенных их военнослужащими во время боев на Дону и Волге и затем в советском плену. В последние годы в историографии бывших социалистических стран проявляется тенденция к переоценке данной проблемы. Если ранее господствовали представления о том, что венгерские, румынские, словацкие, хорватские солдаты воевали и гибли вдали от родины за чуждые

---

[1] *Манштейн Э.* Утерянные победы. М.; СПб., 1999; *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М., 2003; *Хаупт В.* Сражения группы армий «Юг». М., 2006; *Грамс Р.* 14-я танковая дивизия: 1940–1945. М., 2014 и др.

[2] World War II: German military studies. New York, 1979. Vol. 1–30 и др.

[3] Сталинград: Событие. Воздействие. Символ: [пер. с нем.]. М., 1995.

[4] *Zanussi G.* Guerra e catastrofe d'ltalia. Roma, 1946; *Valori F.* Gli italiani in Russia. La campagna dello C.S.I.R. dell' A.R.M.I.R. Milano, 1967; *Nemeskürty I.* Requiem egy hadseregért. Budapest, 1972; *Szabó P.* Don-kanyar. Budapest, 1994 и др.

им цели, что превращало их из соучастников чуть ли не в жертв фашистской агрессии, то теперь происходит их реабилитация и даже героизация.

Тем не менее бои в большой излучине Дона всё еще недостаточно изучены. В большинстве военно-исторических исследований рассматриваются отдельные военные операции или боевые действия отдельных воинских объединений и соединений. В значительной степени это объясняется как их не всегда удачным исходом, так и особенностями становления самой источниковой базы (комплектование архивных фондов военными документами по фондообразователям – соответствующим воинским формированиям и учреждениям). В свою очередь, историки, рассматривающие развитие отдельных регионов в годы Великой Отечественной войны, редко анализируют ход боевых действий за пределами их административных границ. Фрагментарность приводимых сведений, шаблонность подходов не позволяют воссоздать целостной картины данных событий.

По плану немецкого командования, именно на юге в летнюю кампанию 1942 г. наносился решающий удар, для реализации которого было сконцентрировано более трети всех пехотных и более половины всех танковых и механизированных соединений вермахта. В ходе Воронежско-Ворошиловградской, первых этапов Сталинградской и Северо-Кавказской стратегических оборонительных операций советским войскам пришлось отступить, неся большие потери. Красная армия сумела остановить наступление противника только на Волге и в предгорьях Кавказа. В конце 1942 г. – начале 1943 г. большая излучина Дона вновь стала ареной жестоких сражений в связи с переходом советских войск в контрнаступление. В ходе Сталинградской, Северо-Кавказской, Воронежско-Харьковской наступательных стратегических, а также крупных фронтовых операций – Котельниковской (12–23.12.1942), Среднедонской («Малый Сатурн») (16–31.12.1942), Ростовской наступательной (01.01–14.12.1943), Острогожско-Россошанской (13–27.01.1943), «Кольцо» (10.01–02.02.1943) – советские войска окружили и уничтожили немецкую группировку под Сталинградом, изгнали противника с Дона (см. приложения 1, 2).

Одним из наиболее перспективных направлений в изучении данных событий является использование комплексного междисциплинарного подхода, учет влияния сложной совокупности природных и социальных факторов на боевые действия в большой излучине Дона. Донская излучина, по форме напоминающая петлю, при ограниченном количестве переправ создавала своеобразную ловушку как для оборонявшихся, так и для наступавших войск противоборствующих сторон. Открытое степное пространство (территория бывшего Дикого поля) обеспечивало возможности для маневра крупных воинских соединений, сдерживаемого слабо развитой транспортной

инфраструктурой, а отсутствие крупных лесных массивов, горных гряд и других естественных рубежей придавало дополнительное значение обретению противоборствующими силами господства в воздухе. В результате боевые действия в большой излучине Дона на протяжении всего периода лета 1942 г. – весны 1943 г. характеризует активная оборона, применявшаяся как войсками Красной армии, так и частями вермахта. Обе стороны использовали крупные бронетанковые и механизированные соединения в ходе операций, направленных на окружение и уничтожение группировок противника. Свое влияние на ход боевых действий оказывали высокая температура летом и низкая зимой, сильный ветер и другие климатические особенности местности. Организация снабжения, обеспечение военнослужащих вооружением, боеприпасами, продовольствием и всеми необходимыми предметами воинского снаряжения становились важнейшими условиями военных успехов, а повседневная жизнь комбатантов приобретала свою специфику.

Необходимо учитывать и роль социально-экономической инфраструктуры в развитии событий на Дону в 1942–1943 гг. Имеющий преимущественно сельскохозяйственную специфику, данный регион давно и тесно связан с такими центрами промышленного производства, как Донбасс и Кавказ, поэтому обладание указанными территориями носило взаимодополняющий характер. Положение населения, оказавшегося в зоне активных боевых действий, менялось вместе с изменениями условий жизни на советской тыловой, прифронтовой, а затем оккупированной противником территории, порождая необходимость выработки соответствующих стратегий выживания.

В предшествующей историографии недостаточно внимания уделялось взаимоотношениям мирных советских граждан с частями действующей армии. Как правило, они сводились к оказанию помощи фронту в создании оборонительных рубежей, действительно потребовавших гигантских усилий, но в большинстве своем оказавшихся не использованными частями РККА. Между тем среди жителей было немало недовольных советской властью. Это недовольство стало одной из причин массового сотрудничества с противником в период нацистской оккупации, которая имела свои особенности – в связи с ее сроком, а также со стремлением захватчиков использовать в своих интересах донское казачество. Представители донского казачества, как, впрочем, и всех других этнических и социальных групп советского общества, в 1941–1945 гг. воевали по обе стороны фронта. В то же время значительная часть жителей региона оказывала сопротивление оккупационным властям.

Понять смысл и значение боев в большой излучине Дона в истории Великой Отечественной войны возможно, лишь проанализировав происходившие события во взаимосвязи с их условиями и поведением участников. Поэтому эффективным представляется анализ самого пространства

боевых действий, позволяющий «вписать» их в контекст определенной географической и социальной среды.

Авторы благодарят за предоставленные материалы, необходимые для подготовки монографии, сотрудников и руководителей Государственного архива Волгоградской области, Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Ростовской области, Российского государственного архива социально-политической истории, Центра документации новейшей истории Волгоградской области, Центра документации новейшей истории Ростовской области, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

Особую признательность за помощь в подготовке монографии выражаем:

Артюхину Юрию Владимировичу – главному научному сотруднику ООО НТЦ «Берегозащита», кандидату географических наук,

Левендорской Людмиле Валентиновне – заместителю директора по научной работе Центра документации новейшей истории Ростовской области,

Насоновой Наталье Александровне – начальнику отдела использования документов и социально-правовой информации Центра документации новейшей истории Волгоградской области,

Петровой Ирине Сергеевне – главному специалисту отдела использования документов архивного фонда и научно-исследовательской работы Государственного архива Ростовской области, кандидату исторических наук,

Редькиной Ольге Юрьевне – директору Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, доктору исторических наук, профессору,

Тюменцеву Игорю Олеговичу – директору Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, доктору исторических наук, профессору,

Яицкой Наталье Александровне – научному сотруднику Института аридных зон Южного научного центра РАН, кандидату географических наук.

Параграфы 1.2 «Строительство оборонительных рубежей и весенний паводок 1942 г.», 6.1 «Фронтовые будни бойцов и командиров Красной армии», 6.2 «Организация санитарной службы», 7.1 «Эвакуация населения в официальных документах и воспоминаниях очевидцев» подготовлены на основе материалов доктора исторических наук Т.П. Хлыниной.

Параграф 8.2 «Очистка и разминирование полей сражений» написан на основе материалов кандидата исторических наук А.Ю. Безугольного.

В сборе материалов в архивах и проведении опросов очевидцев принимала участие Т.Г. Курбат.

ГЛАВА 1. ПРИРОДНЫЙ ФАКТОР В СРАЖЕНИЯХ В БОЛЬШОЙ ИЗЛУЧИНЕ ДОНА

1.1. Географические условия

Роль природного фактора в истории России и его влияние на политическое и социально-экономическое развитие страны давно и плодотворно обсуждается в отечественной науке. Достаточно сказать, что среди наиболее известных сторонников историко-географического подхода – российские историки С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, П.Н. Милюков и евразийцы[1]. Поднимался в историографии и вопрос о влиянии природно-климатических условий на ход и итоги войн, которые вела Россия. В первую очередь это касается роли зимних морозов в победе русской армии в Отечественной войне 1812 г. Размышляя над ее причинами, А.С. Пушкин в поэме «Евгений Онегин» задавался вопросом, к которому не раз обращались очевидцы происходивших событий и профессиональные историки:

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

Влияние природного фактора на боевые действия в годы Великой Отечественной войны также традиционно сводится к роли «русской зимы» в битве под Москвой в 1941–1942 гг. Однако на ход и результаты боевых действий могут оказывать влияние не только изменения температурного режима, но и особенности рельефа, гидрологический режим рек и подземных вод, объем осадков, характер растительного покрова и другие природные процессы и явления, на которые редко обращают внимание историки. Пока еще недостаточно раскрыта и роль природного фактора в событиях коренного перелома в Великой Отечественной войне на юге

---

[1] *Ключевский В.О.* Сочинения в 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987; *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 кн. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1993; *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997; Классика геополитики, XIX век: сб. М., 2003; Классика геополитики, XX век: сб. М., 2003 и др.

страны, несмотря на появление ряда публикаций в последние годы[1]. В данной связи представляется обоснованным обращение к указанному вопросу на примере сражений 1942–1943 гг. в большой излучине Дона и прилегающих степях.

Анализ широкого спектра природных условий позволяет выделить две группы факторов, непосредственно повлиявших на ход сражений. Первая группа факторов характеризовалась постоянством воздействия на протяжении всего периода боевых действий и выражалась в особенностях рельефа, включая конфигурацию русла и долины Дона, его притоков, ландшафта прилегающей местности. Вторая носила сезонный характер и заключалась в изменчивости гидрологического режима рек и подземных вод, температуры, влажности воздуха, осадков, других абиотических и биотических процессов.

Дон, берущий начало около города Новомосковск Тульской области, течет с севера на юг вплоть до места впадения в него реки Коротояк в Воронежской области. Затем русло отклоняется на восток, но южнее станции Нижний Икорец снова разворачивается на юг. Недалеко от впадения притока Чёрная Калитва Дон совершает очередной поворот на восток, а затем, сделав петлю на север, устремляется на юго-восток, пересекая современную административную границу Воронежской и Ростовской областей. При впадении реки Тихой поворачивает на восток, пересекая границу Ростовской и Волгоградской областей. Сделав еще несколько больших петель, при впадении реки Иловли поворачивает почти под прямым углом и устремляется на юго-запад. В пределах Ростовской области от города Цимлянска (до 1950 г. – станица Цимлянская) река течет практически строго на запад, а от города Константиновска (до 1967 г. – станица Константиновская) – снова на юго-запад, образуя при впадении в Азовское море обширную дельту площадью в 340 кв. км.

---

[1] *Артюхин Ю.В.* От обороны Ейской военно-морской базы к боям за Новороссийск. О влиянии природных процессов на высадку десанта // Место подвига – Новороссийск. Август 1942 – сентябрь 1943 – на левом фланге советско-германского фронта. Материалы научной конференции. Новороссийск, 2014. С. 21–27; *Krinko E.F.* Spring Flooding and Its Consequences for the Soviet Defences againstthe Wehrmacht at the Lower Don in 1942 // Военный сборник. 2014. Т. 3. № 1. С. 41–50; *Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Артюхин Ю.В.* Влияние природных факторов на ход и характер боевых действий в большой излучине Дона во время Великой Отечественной войны // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10. № 2. С. 83–92; *Afanasenko V.I., Krinko E.F.* “The Winter happened to be severe…”: the Impact of the Weather Conditions on the Battles on the Big bend of the Don in November 1942 – February 1943 // Русская старина. 2015. № 2. С. 115–129 и др.

Представление об извилистости русла и долины Дона дает рисунок 1, на котором показано соотношение холмистого рельефа с равнинными участками и низинами.

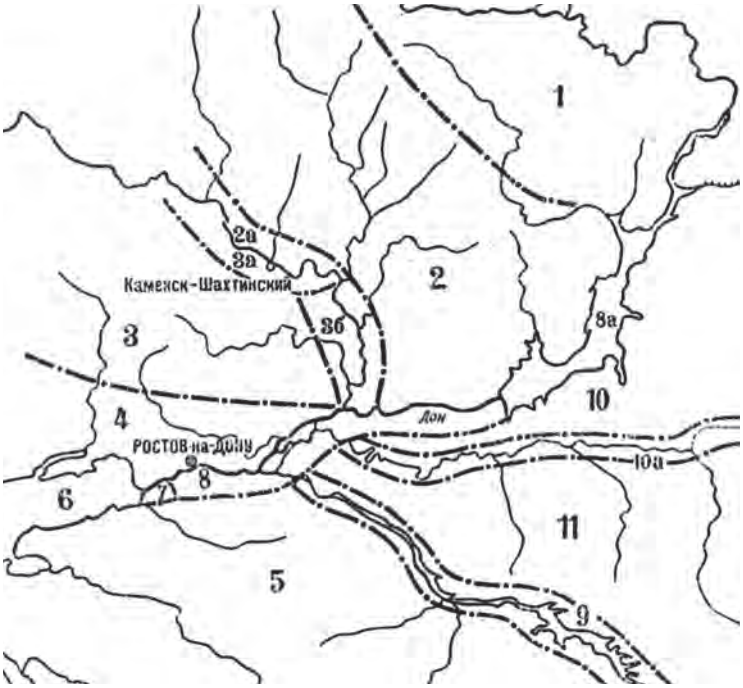

Рис. 1. Геоморфологические районы в бассейне Дона: 1 – Донская гряда; 2 – Доно-Донецкая равнина (2а – Донецкая террасовая равнина); 3 – Донецкий кряж (3а – Среднедонецкая возвышенность; 3б – Нижнедонецкая возвышенность); 4 – Северо-Приазовская равнина; 5 – Доно-Егорлыкская равнина; 6 – Таганрогский залив Азовского моря; 7 – дельта Дона; 8 – Нижнедонская низменность (8а – Цимлянское водохранилище); 9 – Манычская низменность; 10 – Доно-Сальская равнина (10а – Сальская низменность); 11 – Сальско-Манычская гряда[1]

Можно выделить два крупных изгиба реки, обусловленных геоморфологическими особенностями. Пространственная деформация русла на участке между городом Серафимович и станицей Нижний Чир возникла на участке стыка Восточно-Донецкой и Медведицкой гряд с абсолютными высотами в 200–220 м. Структурные образования разделяет система глубинных разломов разной ориентации. Дробление ими коренных пород предопределило прорыв холмистого барьера рекой с образованием

[1] *Молодкин П.Ф.* Равнины Нижнего Дона. Ростов н/Д, 1980.

крупномасштабного излома речного русла и долины. Вторая крупная структурная излучина, чаще именуемая Нижнедонской низменностью, расположена между городами Ростовом-на-Дону и Батайском. Ее возникновение обусловлено активным вздыманием края Русской платформы, породы которой обрамляют северный борт долины Дона и северное побережье Таганрогского залива, с темпом от 1 до 7 мм в год[1]. В противоположность этой структуре низина между Ростовским куполом (участок Азова и дельты Дона) и Манычским прогибом развивается в условиях опускания от 1 до 2 мм в год. В подобных тектонических и морфологических условиях значительная часть илистых фракций речного аллювия осаждается в пределах левого берега Дона. Эту природную особенность недостаточно учитывали противоборствующие стороны в 1941–1942 гг.

Помимо структурных и плановых изгибов русла и долины существует система крупных и более мелких излучин Дона палеогеографотектонического и динамического происхождения. Самая большая – от устья Медведицы до города Калач-на-Дону (длина 232 км, радиус 115,2 км). Она включает Кременскую (длина 80 км, радиус 48 км), Сиротинско-Трёхостровскую (длина 56 км, радиус 42,5 км) и Калачскую (длина 40 км, радиус 19,2 км) излучины. В свою очередь, Кременскую излучину образуют Саушинский (длина 20 км, радиус 15 км) и Верховский (длина 22 км, радиус 16,5 км) меандры, а в пределах Сиротинско-Трёхостровской выделяется Хлебновская излучина (длина 36 км, радиус 15,6 км). Параметры излучин динамических меандров зависят от руслоформирующих расходов воды и уклона русла. Излучины со временем смещаются по течению реки и меняют радиус[2].

Излучины, в том числе и крупные, встречаются на многих реках. В начальный период Великой Отечественной войны немецким войскам уже приходилось преодолевать их при форсировании Днестра, Буга, Днепра. Хорошо отлаженная инженерная служба вермахта обеспечивала выбор наиболее подходящих участков рек, на которых возводились понтоны и мосты других типов, пригодные для переброски не только пехоты, но и тяжелых вооружений (артиллерии, бронетехники), даже в условиях высоких скоростей течений, активных смещений донных мега- и мезоформ. Поэтому излучины Дона вряд ли были серьезным препятствием для немецких войск. А частям РККА приходилось использовать подручные средства, что неизбежно приводило к людским и материальным потерям.

---

[1] *Мещеряков Ю.А., Левинсон В.Г.* Современные тектонические движения в южной части Русской платформы и Кавказа // Геология и разведка. Сборник материалов по обмену опытом. М., 1951. С. 36–40.

[2] *Самойлов И.В.* Устья рек. М., 1952. С. 56–59.

Большая донская лука, образованная поворотами реки с юга на восток, юго-восток, затем на юго-запад и запад, во многом задавала стратегические условия развития боевых действий в 1942–1943 гг. на юге страны. Вторгавшийся с северо-запада противник при продвижении на юго-восток загонял себя в ловушку, а советские войска получали возможность окружить и разгромить его фланговыми ударами с левобережья Дона. Летом 1942 г. войска РККА не смогли это сделать, с трудом избежав катастрофы и понеся значительные потери при отступлении. Но поздней осенью им удалось окружить крупную немецкую группировку под Сталинградом, нанеся удары с севера – с плацдармов на правом берегу Дона в районах Серафимовича и Клетской и с юга – из района Сарпинских озер.

Сложились представления о том, что большая излучина Дона была максимально удобна для наступления противника[1]. Действительно, здесь нет высоких гор, непроходимых лесов и топей. В хорошую погоду местность может просматриваться на значительном расстоянии. Непосредственный участник боев Маршал Советского Союза (в июле 1942 г. – генерал-лейтенант) В.И. Чуйков писал: «*Видимость в степи была идеальна – километров на восемь – десять*»[2]. Но большое количество холмов, оврагов и балок, сотни рек и ручьев создавали значительные трудности для передвижения войск. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков отмечал преимущество перешедшего в сентябре 1942 г. к обороне противника: «*Местность на участке Сталинградского фронта крайне невыгодна для наступления наших войск – открытая, изрезанная глубокими оврагами, где противник хорошо укрывается от огня. Заняв ряд командных высот, он имеет дальнее артиллерийское наблюдение и возможность во всех направлениях маневрировать огнем*»[3]. Особые сложности рельеф создавал для танковых и механизированных частей, составлявших основу ударных соединений РККА и вермахта. Им приходилось ориентироваться на сложившуюся транспортную инфраструктуру, так как в условиях бездорожья резко возрастали небоевые потери военной техники.

Между тем сеть грунтовых дорог в данном регионе была плохо развита, существовавшие пути в подавляющем большинстве не имели каменного и другого твердого покрытия, в дождливое время становились труднопроходимыми. Слабо развита была здесь и железнодорожная сеть, являвшаяся основой военно-транспортного сообщения в СССР. Если в приграничной

---

1 *Ибрагимов Д.С.* Противоборство. М., 1980. С. 298.

2 *Чуйков В.И.* От Сталинграда до Берлина. М., 1980. С. 54.

3 *Жуков Г.К.* Разгром немецких войск в районе Дона, Волги и Сталинграда // Сталинградская эпопея. М., 1968. С. 35.

полосе густота железнодорожной сети доходила до 70 км на 1000 кв. км, то между Днепром и Доном она составляла 45 км, а между Доном и Волгой – всего 14 км на 1000 кв. км[1]. Главные магистрали пересекали район боевых действий с севера на юг, параллельно фронту, а с востока на запад железных дорог проходило немного, и они могли пропускать в сутки не более 8–12 пар поездов[2].

Все эти обстоятельства чрезвычайно затрудняли мобильность войск. К концу осени 1942 г., в момент наибольшего продвижения войск противника, в распоряжении немецкого командования находились всего две железнодорожные линии с невысокой пропускной способностью, обеспечивавшие их снабжение: Миллерово – Калач-на-Дону – Сталинград и Сальск – Котельниково – Сталинград.

Снабжение советских войск (Сталинградского, Юго-Восточного, Юго-Западного и частично Воронежского фронтов) обеспечивали Рязано-Уральская, Сталинградская и Юго-Восточная железные дороги. При этом основной подвоз группировки в районе Сталинграда осуществлялся по однопутным линиям Поворино – Сталинград протяженностью в 344 км (пропускная способность – до 21 пары поездов в сутки) и Урбах – Баскунчак – Ахтуба протяженностью в 289 км (пропускная способность до 19 груженых составов и 11 поездов обратно). Помимо этого, использовались линии Балашов – Камышин протяженностью 273 км, Поворино – Таловая – 124 км. По всем указанным линиям можно было пропускать до 58 поездов в сутки. Однако техническое состояние коммуникаций не отвечало необходимым требованиям, они подвергались бомбардировкам авиации противника[3].

Для повышения пропускной способности железных дорог были построены 20 новых разъездов на линиях Поворино – Качалино, Урбах – Баскунчак – Астрахань, введен в эксплуатацию участок Ахтуба – Паромная длиной 136 км с выходом к Волге, сооружены новые переправы через Волгу у Астрахани и у Сталинграда. Всего за 72 дня, к 27 декабря 1941 г., была построена линия между Сталинградом и Владимировкой (в настоящее время – в составе Ахтубинска) протяженностью почти 180 км. Она связала Сталинград с проходившей по левому берегу Волги Рязано-Уральской железной дорогой. 5 августа 1942 г. вступила в строй железная дорога

[1] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 48.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977 444. Д. 121.

[3] *Убушаев В.Б.* Дорога жизни для Сталинграда: о необходимости строительства железной дороги Астрахань – Кизляр // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2011. № 1 (22). С. 141.

длиной 348,6 км от Кизляра до Астрахани, сыгравшая огромную роль в битве за Кавказ. С 7 августа пошли поезда по участку Иловля – Петров Вал, а с 11 сентября – по участку от Петрова Вала до Саратова (199 км), составившим Волжскую рокаду. Новые пути сообщения, несмотря на систематические бомбардировки люфтваффе, обеспечили условия для подготовки советского контрнаступления в конце 1942 г.

Для рек донского региона характерно асимметричное строение, чаще с высокими и крутыми правыми, пологими и низменными левыми берегами. Такое строение подчиняется так называемому закону Кориолиса, описывающему соотношение сил инерции, вводимых для учета влияния вращения подвижной системы отсчета на относительное движение тела. На рисунке 2 видно, что между станицами Цимлянской и Нижнегниловской надпойменные террасы правого берега возвышались над левым на 10–30 м.

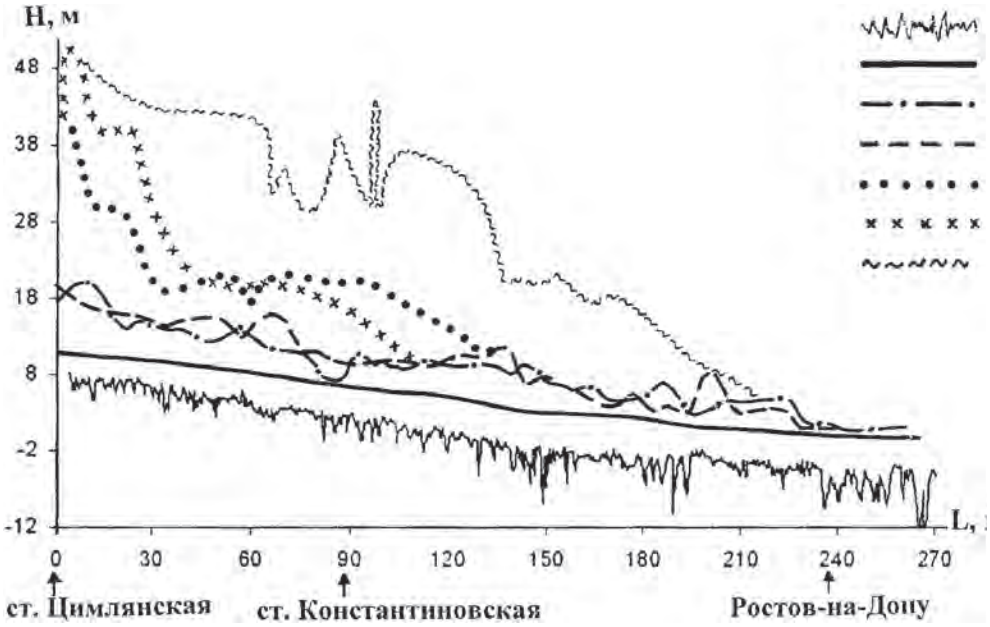

Рис. 2. Схема строения продольного профиля русла и долины Дона между станицами Цимлянской и Нижнегниловской. По горизонтали – расстояние (км) от станицы Цимлянской, по вертикали – превышение форм рельефа (м) относительно дна речного русла в Цимлянской. Цифрами обозначены элементы рельефа: 1 – дно русла с грядами и ложбинами; 2 – водная поверхность; 3 – левобережная пойма; 4 – правобережная пойма; 5 – первая надпойменная терраса правого берега; 6 – вторая надпойменная терраса правого берега; 7 – третья и четвертая надпойменные террасы правого берега[1]

[1] *Тимофеева В.В.* Русловые процессы Нижнего Дона и их антропогенные изменения: автореф. дис. … канд. геогр. наук. М., 2007. С. 11.

Но встречается и левосторонняя асимметрия долин[1]. В отдельных местах разность высот берегов доходит до 100 м, что дает возможность просматривать местность на левом берегу на расстояние до 20–25 км (см. рис. 3). Командующий 4-й танковой армией (с 22 октября преобразованной в 65-ю армию) Донского фронта, занимавшей в октябре 1942 г. позиции на участке в 80 км в излучине между станицами Клетской и Трёхостровской, генерал-лейтенант П.И. Батов вспоминал: «*Впереди, подобно крепостям, возвышались занятые противником высоты. При свете ракет поблескивали их крутые меловые скаты*»[2].

Рис. 3. Дон в районе Калача. Хорошо заметна разность высот левого (советского) и правого (немецкого) берегов. Фото Е.Ф. Кринко

Редкие лесные массивы на левом берегу Дона не могли маскировать передвижение войск в дневное время. Поэтому использование Дона и его притоков в качестве оборонительных рубежей было более благоприятно для противника, чем для советских войск, и при обороне, и при наступлении действовавших на низком и открытом левом берегу. К тому же значительная часть населенных пунктов в большой излучине располагалась в низинах, что не позволяло превращать их в опорные пункты обороны.

---

[1] *Молодкин П.Ф., Бурдуковский В.О.* Об асимметрии склонов речных долин бассейна Нижнего Дона // Географические исследования на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1974. С. 106–107.

[2] *Батов П.И.* На ударном направлении // Сталинградская эпопея. М., 1968. С. 524.

Впрочем, итальянский маршал Дж. Мессе, войска которого занимали участок «*между излучиной у Меркулова и устьем реки Хопер*», имел прямо противоположное мнение: «*Правый берег представлял собой низину с преобладанием открытой местности с длинными и неглубокими оврагами. Позади тянулся длинный плоский хребет, возвышающийся над берегом и разделенный отдельными балками. Левый берег, занятый русскими, представлял собой, наоборот, лесистую местность, довольно обширную в глубину и особенно благоприятную для наблюдения за нашей зоной с возможностью размещения оборонительных средств и скрытой концентрацией войск и вооружений для наступательных действий. Да, мы находились в невыгодном положении*»[1]. С этим выводом вряд ли можно согласиться. Достаточно отметить, что итальянские части располагались на северных отрогах Восточно-Донецкой гряды, а войска РККА – на южной периферии так называемой Каменной степи, которую пятнами покрывало чахлое редколесье, и условия создания оборонительных сооружений у них были сложнее, чем у противника.

Переход советских войск в контрнаступление обнаружил новые трудности для советского командования, о которых честно рассказал генерал П.И. Батов: «*У командного состава в ротах и батальонах нет еще навыка быстрой ориентировки на однообразной открытой, голой равнине, без ярко выраженных местных предметов. Из-за этого артиллерия иногда попусту бросает свои снаряды. Вся полковая и дивизионная артиллерия фактически перешла на ручную тягу. Транспорт изношен, горючего не хватает. Всё делает пехота. Тянет изо всех сил, зная, что без пушки в этих местах шагу вперед не сделаешь и дня не проживешь*»[2].

Следует отметить, что Дон имеет типичный для равнинных рек плавный продольный профиль, уклон реки в среднем составляет 0,1 %. На Нижнем Дону средний уклон равен 2 см/км, наибольшие значения приходятся на участок между станицами Раздорской и Мелиховской (4,6 см/км), наименьшие – между городами Ростовом-на-Дону и Азовом (0,6 см/км). Почти на всем протяжении реки существует разработанная долина с широкой поймой, за исключением участка в районе города Калача. Долина Дона здесь сужается отрогами Среднерусской и Приволжской возвышенностей, а пойма отсутствует. Ниже Ростова-на-Дону начинается дельта общей площадью в 340 кв. км. Русло реки разделяется на многочисленные рукава и протоки (гирла и ерики).

---

[1] *Мессе Дж.* Война на русском фронте. Итальянский экспедиционный корпус в России (К.С.И.Р.). М., 2009. С. 210.

[2] *Батов П.И.* В походах и боях. М., 1984. С. 203.

Расположение бассейна Дона в лесостепной и степной зонах предопределяет особенности его водного режима – относительно малую водность при большой площади водосбора. Средний годовой расход воды составляет 900 куб. м/с, модуль стока – около 2 л/с на кв. км. Доля снегового питания доходит до 70 % при сравнительно слабом грунтовом и дождевом питании. Для большей части года характерна низкая межень, но весной при таянии снега наступает высокое половодье, Дон разливается по всей пойме, особенно широко в нижнем течении. Из-за ежегодного паводка казаки не раз переносили свои станицы и хутора на новые места. Прежняя столица донского казачества – город Черкасск (в настоящее время – станица Старочеркасская) – вплоть до середины XX в. почти ежегодно затоплялся на 2–3 месяца, при этом уровень половодья доходил до 5 м. Именно с разливами Дона было во многом связано основание Новочеркасска как новой столицы области Войска Донского. После создания плотины Цимлянской ГЭС, со второй половины XX в., разливы стали реже. Тем не менее они периодически повторяются и остаются одним из главных стихийных бедствий, приносящих немалый ущерб региону, особенно при одновременном таянии снега на всей площади Донского бассейна. Например, в 2003 г. разливы вызвали подтопления в двенадцати районах Ростовской области, в девяти из них пришлось срочно отселять людей[1]. В 2013 г. был подтоплен 21 населенный пункт, пострадало 1741 домовладение и 10 социально значимых объектов, общий ущерб составил 405 млн руб.[2]

Еще более значимые последствия весеннее половодье на Дону имело в период Великой Отечественной войны. В 1941 г. сток Дона и его притоков в 1,5–1,6 раза превышал его средние значения[3]. Весна 1942 г. выдалась поздней, холодной и затяжной. Во время половодья Дон в начале 1940-х гг. даже в районе Калача, где долина сужается из-за отрогов Среднерусской и Приволжской возвышенностей, а пойма отсутствует, превращался в мощный поток шириной в 700 м, достигавший железной дороги. В районе хутора Рычков Сталинградской области (в настоящее время территория Цимлянского водохранилища) ширина реки в половодье достигала уже 780 м, а при ее выходе в пойму – 14 км. В станице Нижне-Чирской разлив

---

[1] На Дону ожидается большой разлив. URL: http://gazeta.aif.ru/_/online/don/829/08 (дата обращения: 28.03.2013).

[2] Ущерб от наводнения на Дону оценили в 400 млн рублей. URL: http://rostov-times.ru/stories/2584 (дата обращения: 28.03.2013).

[3] *Панин А.В., Сидорчук А.Ю., Власов М.В.* Мощный поздневалдайский речной сток в бассейне Дона // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 1. С. 118.

Дона достигал 8 км, в Цимлянской – 6,5 км, в Константиновской – 4,6 км, в Раздорской – 7 км, в Багаевской – 18 км, в Аксае – 10 км, в Ростове-на-Дону – 8 км. Средняя глубина колебалась от 5 до 25 м, а возвышение поймы над меженным горизонтом составляло в среднем 4 м. Существенные проблемы создавали и разливы других рек Донского бассейна. Например, Тузлов затоплял всю пойму в районе Новочеркасска и угрожал фронтовым складам, Лугань – заводы, жилые дома, трамвайную линию и вокзал Ворошиловграда (в настоящее время – Луганск), Казенный Торец – часть города Славянска, в том числе завод «Донсода»[1].

Еще 23 февраля 1942 г. был издан приказ войскам Южного фронта № 0051/оп с целью устранения «*влияния гидрометеорологических условий наступающей весны на организацию, материальное обеспечение, ведение и ход боевых действий*». В его преамбуле отмечалось: «*В ближайшее время войска Южного фронта будут вести боевые действия в условиях весны с ее распутицей и бездорожьем*». Поэтому командующий фронтом генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский приказал предусмотреть, «*что весенняя распутица, разлив рек, бездорожье иногда будут допускать развертывание боевых действий только на отдельных направлениях и участках*». Это требовало соответствующего перераспределения сил и особенно «*умения пользоваться переправочными средствами, в первую очередь подручными*»[2]. С 26 февраля по 10 марта намечалось проведение мероприятий, призванных обеспечить подготовку и бесперебойную работу не менее двух дорог на армию в армейском тылу и одной дороги в дивизионном тылу. Для этого следовало:

1) произвести восстановление и ремонт мостов (в первую очередь через крупные реки);

2) закончить устройство новых и ремонт существующих ледорезов у мостов, «*где это вызывается необходимостью*»;

3) «*произвести сколку льда у опор мостов, подмостовых русел продольными, поперечными бороздами и обеспечить разработку ледяных полей – для беспрепятственного пропуска ледохода*»;

4) расчистить отверстия труб и мостов от снега и наносов;

5) в пунктах, где мосты не удавалось восстановить, подготовить оборудование и материалы для устройства паромных переправ или наплавных мостов (баржи, плоты, бочки и др.);

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 12-й армии. Оп. 6005. Д. 96. Л. 81–83.

[2] Там же. Л. 68.

6) выделить комендантов переправ из лиц среднего начальствующего состава и закрепить за ними определенные переправы;

7) «*заготовить и подвезти на трассу к пучинистым и заболоченным участкам дорог на спуски, подъемы и мосты дежурный стройматериал* (*хворост, лапник, доски, жерди, накатник, готовые фашины, песок, щебень, шлак*)»;

8) «*обеспечить водоотвод с полотна дороги и объезды тяжело проезжих мест*»;

9) для гужевого транспорта и тракторов сделать параллельные дороги и не допускать их движения по дорогам следования автотранспорта;

10) установить по дорогам у населенных пунктов, на развилках и перекрестках четкие указательные и предупредительные знаки;

11) по профилированным дорогам движение для автотранспорта «*открывать только после их просыхания и восстановления*», а до этого обеспечить временный объезд;

12) «*на всех грунтовых дорогах ликвидировать колейность, ухабы, на мощеных участках произвести заделку ям и очистку обочин от зимних наносов*»;

13) на крутых спусках и высоких насыпях установить деревянные тумбы белого цвета;

14) на узких участках обеспечить параллельно дороге через каждые 100 м площадки для разъезда машин с соответствующими въездами и выездами;

15) на время весенней распутицы установить на всех фронтовых, армейских и дивизионных дорогах «*усиленную службу эксплуатации*»[1].

Приказ также требовал подготовить переправы к их использованию в условиях ледоходов и разлива рек, обеспечить охрану высоководных и разборку низководных мостов для пропуска весеннего ледохода и паводка (см. приложение 3). Для этого инженерному управлению и автотранспортному отделу фронта ставились задачи выделения подрывных команд и их обеспечения взрывчатыми веществами. Непосредственно в период весеннего паводка следовало навести паромные переправы через Северский Донец и Дон (табл. 1).

[1] ЦАМО РФ. Ф. 12-й армии. Оп. 6005. Д. 96. Л. 68–69.

Таблица 1. План наведения паромных переправ через реки Северский Донец и Дон[1]

№	Место	Грузоподъемность, т	Время сосредоточения переправочного имущества	Кем наводятся
1	Студенок	60	15 марта	37-й омпмб
2	Богородничное	16		
3	Шурово	16		
4	Закотное	9	15 марта	38-й инжп
5	Серебрянка	9		
6	Нижнее	5	15 марта	сапб 12-й армии
7	Лопаскино	5		
8	Веселая гора	5		
9	Давыдово-Никольское	9	15 марта	22-й омпмб
10	Большой Суходол	9		
11	Гундоровская	9		
12	Краснодонецкая	5	12 марта	273-й омстб
13	Усть-Быстрянская	5		
14	Бронницкий	5		
15	Аксайская	16	10 марта	35-й омпмб

Примечание. В таблице используются сокращения воинских частей: омпмб – отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон; омстб – отдельный мостостроительный батальон; сапб – саперный батальон; инжп – инженерный полк.

5-му управлению военно-дорожных работ тыла Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР ставилась задача обеспечить на время половодья паромную переправу у города Калач к 25 марта с устройством эстакадных подходов на заливаемой пойме и одновременно форсировать строительство постоянного моста со сроком его сдачи в эксплуатацию к 15 июня 1942 г. Все оборонительные рубежи и сооружения требовалось подготовить к предстоящему паводку, предусмотрев «*вывод войск и создание новых оборонительных сооружений на незатопляемых местах*»[2]. В приказе также говорилось о необходимости обеспечения войск «*гидрометеогеографическими описаниями участков, с данными температурного режима, начала таяния снега и схода снежного покрова, об осадках, режиме рек, характере почвы и ее состояния на весенний период, о состоянии*

[1] ЦАМО РФ. Ф. 12-й армии. Оп. 6005. Д. 96. Л. 79.

[2] Там же. Л. 69.

дорог»[1]. Но реализация намеченных работ существенно затруднялась из-за отсутствия необходимых ресурсов (в частности древесины в степных районах) и других обстоятельств.

Местное руководство также готовилось к предстоящему весеннему половодью. Еще 16 января 1942 г. Ростовский областной исполком депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б), заслушав вопрос «О строительстве и сохранении во время паводка переправ через реку Дон», принял совместное постановление, в котором содержалось требование к 15 марта закончить постройку плашкоутного моста у станицы Аксайской и построить плашкоутный мост у Будённовского проспекта в Ростове-на-Дону, «*принять необходимые меры защиты плашкоутных мостов на время ледохода и построить необходимое количество ледорезов*», а также «*построить плотовый мост*» вместо «*плашкоутного моста через старый Дон*» к 1 апреля 1942 г. Намечались необходимые мероприятия для сохранения мостов в период ледохода (выделение ледокольных и плавучих средств, очистка русла Дона для свободного прохода льда и др.), организации паромных переправ (подготовка причалов и подходов к ним, выделение судов). На областной плановый отдел возлагались задачи выделения материалов и оборудования, необходимых для постройки переправ через реки Дон и Северский Донец и их эксплуатации, по заявкам понтонно-мостовых батальонов, в первую очередь – лесоматериалов на строительство, предусмотренное постановлениями Военного совета Южного фронта. Константиновскому, Багаевскому, Вёшенскому и Верхнедонскому райисполкомам и райкомам ВКП(б) предлагалось взять под охрану суда, находившиеся под переправами, «*обеспечить сохранение на них всего инвентаря и такелажа*». Кривянскому, Октябрьскому, Раздорскому, Семикаракорскому, Константиновскому, Романовскому, Николаевскому, Белокалитвенскому, Каменскому, Зверевскому и Тацинскому райисполкомам и райкомам ВКП(б) «*предоставить рабсилу и транспорт для перевозки стройматериалов к месту строительства моста в порядке участия колхозов за плату по заявкам понтонно-мостовых батальонов*». Однако для проведения всего комплекса запланированных работ собственных средств у областного руководства не хватало, и оно обращалось с соответствующими просьбами к советскому руководству и военному командованию. В Совнарком СССР – с просьбой о выделении для строительства мостов 11 тыс. куб. м круглого и 1,4 тыс. куб. м пиленого леса, 68 якорей весом в 400 кг каждый, 62 лебедки весом 3 т и 14 лебедок весом 1,5 т, 20 т цепей, 6 т оцинкованного

[1] ЦАМО РФ. Ф. 12-й армии. Оп. 6005. Д. 96. Л. 70–71.

троса, 12 домкратов весом 15 т, 4 домкрата весом 10 т, 24 тали весом 5 т, 3 т смоляной пакли и 3,5 т древесной смолы. В Военный совет Южного фронта – с просьбой отпустить на постройку плашкоутных и плотовых мостов 3170 тыс. руб., выделить в помощь областному дорожному отделу три мостовых строительных батальона, команды подрывников и взрывчатые вещества для ликвидации возможных заторов и измельчения льда. К наркому путей сообщения Л.М. Кагановичу – с просьбой о выделении лесоматериалов, необходимых для обеспечения совмещенной езды железнодорожного и гужевого транспорта по мостам Аксайского железнодорожного обхода и Ростовскому литерному мосту[1].

2 марта 1942 г. бюро Ростовского обкома ВКП(б) и Ростовский областной совет депутатов трудящихся на совместном заседании заслушали вопрос «О мероприятиях по обеспечению боеготовности оборонительных сооружений на период весеннего паводка 1942 г.» и приняли соответствующее постановление. Секретари райкомов ВКП(б) и председатели райисполкомов обязывались подготовить все оборонительные сооружения, попадавшие в зону затопления, для защиты их от попадания воды, при этом все внутреннее оборудование (столы, нары, стеллажи, внутренние двери и пр.) следовало снять и уложить в безопасное место. Все амбразуры и входы в дерево-земляные и железобетонные сооружения следовало закрыть щитами из досок и законопатить для предохранения от затягивания илом. Для сооружений, располагавшихся на склоне, предполагалось сделать водоотводные нагорные канавы с целью отвода внешних вод. Ставилась задача организовать наблюдение в районах возможного затора льдов. По окончании паводка все находившиеся в зоне затопления оборонительные сооружения требовалось восстановить, амбразуры, сооружения, окопы и пулеметные гнезда открыть, очистить от воды и ила и вновь замаскировать, все внутреннее оборудование восстановить, подправить, а в местах полного разрушения восстановить противотанковые и противопехотные препятствия, отремонтировать мосты и дороги. Для выполнения указанных работ привлекалось в порядке трудовой повинности население и транспорт районов Ростовской области[2].

Однако принятых мер оказалось недостаточно. Традиционно половодье на Дону происходит двумя волнами. Первая возникает вследствие поступления в русло талых вод из нижней части бассейна («холодной», или «казачьей» воды), вторая образуется водами, поступающими с Верхнего

---

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 325. Л. 192–196.

[2] Там же. Д. 333. Л. 86–87.

Дона («теплая» вода)[1]. Иногда, при запаздывании снеготаяния в нижней части бассейна, обе волны сливаются – и половодье становится более высоким, но менее продолжительным. За период Великой Отечественной войны полные данные гидрологических наблюдений отсутствуют, но воспоминания очевидцев и другие документы свидетельствуют, что весеннее половодье было исключительно бурным. Бывший боец Ростовского стрелкового полка народного ополчения В.П. Ананьев вспоминал: «*В мае месяце начался разлив Дона. Дон не разливается с 1953 г., когда построили Цимлянскую плотину, а до этого, как разлив – от Ростова до Батайска стояло море, как правило. Потом вода уходила, в июне. Мы, мальчишки, шли туда, а в ямах оставалась рыба, и мы ее собирали*». Вода залила единственную тогда дорогу между Ростовом-на-Дону и Батайском, имевшую важнейшее значение для снабжения частей 56-й армии и Южного фронта в целом. На ликвидацию последствий наводнения были брошены военные части, в том числе Ростовский стрелковый полк народного ополчения, к этому времени уже зачисленный в кадровый состав РККА: «*В одном месте вода была выше дороги. И вот в этой холодной воде мешки с песком стенами клали, а потом воду откачивали. Единственная дорога была. Ну справились тогда хорошо*»[2]. Существенно пострадали в условиях весеннего паводка и оборонительные сооружения, что имело крайне негативные последствия для организации всей советской обороны.

Ширина русла Дона в среднем течении составляет от 70 до 120 м, глубина – от 2,5 до 6 м, но есть и мелководные участки, наиболее протяженные от устья Хопра до устья Медведицы. Применительно к данному участку Дж. Мессе отмечал: «*Дон вообще не создавал никаких серьезных трудностей для действий русских: расстояние между берегами около 100 метров, скорость течения минимальная, а глубина реки позволяла перейти ее вброд почти в любом месте. Твердое и прочное дно способствовало передвижению танков; пехота могла использовать легкие мостки на участках песчаных отмелей*»[3]. Также вброд можно было перейти Чир и Цимлу.

Напротив, в нижнем течении Дон представляет собой серьезное препятствие. Ширина русла здесь даже в летнюю межень составляет от 150 до

---

[1] *Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Власкина Н.А., Бритвина Е.А.* Социально-исторический портрет села Приазовья: Кагальник. Ростов н/Д, 2009. С. 9.

[2] Респондент Ананьев Всеволод Петрович, 1923 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 174 минуты. Запись 10 февраля 2011 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

[3] *Мессе Дж.* Война на русском фронте. С. 211.

550 м, а глубина – до 15 м. К моменту вторжения войск вермахта здесь действовали 9 мостов, а также паромные переправы, бесперебойной работе которых уделялось огромное значение. Советское командование понимало, что только при условии удерживания переправ оно могло вывести войска за Дон, избежать их окружения и последующего уничтожения. Но и противник осознавал, что с захватом переправ получал хорошие шансы отрезать и уничтожить советские части на правом берегу Дона и беспрепятственно наступать в сторону Волги и Кавказа.

12 мая 1942 г. по указанию автодорожного отдела Южного фронта началось строительство мостов через реки Дон и Северский Донец. 3 июня Ростовский обком ВКП(б) и исполком Ростовского областного совета депутатов трудящихся приняли план постройки мостов: на реке Дон – у станицы Цимлянской, под нагрузку 16 т – до 5 июля; у станицы Константиновской, под нагрузку 30 т – до 1 июля; на реке Северский Донец: у хутора Усть-Быстрого, под нагрузку 16 т – до 1 июля; у хутора Усть-Быстрянского, под нагрузку 30 т – до 15 июня; у хутора Авиловского, под нагрузку 9 т – до 25 июня[1]. Сжатые сроки строительства мостов и отсутствие лесоматериала заставляли использовать деревянные бочки. К 20 июня подготавливался мост в створе Будённовского проспекта в Ростове-на-Дону для пропуска танков и автомашин. Для переправ использовали баржи завода «Красный моряк». По указанию командования Юго-Западного фронта возводились переправы через Дон в станицах Казанской и Вёшенской[2]. Наплавные низководные мосты на бочках через реки Северский Донец и Дон строились у хутора Авиловского, станиц Константиновской и Багаевской[3].

В конце июля 1942 г. донские переправы стали настоящими дорогами жизни и смерти для сотен тысяч советских солдат и беженцев, устремившихся на левый берег (см. табл. 2). Несмотря на сопротивление частей Красной армии, противник захватил два крупных плацдарма у станиц Цимлянской и Николаевской и закрепился на левом берегу Дона. Только в районе Раздорской переправы погибло и пропало без вести более 10 тыс. бойцов и командиров Красной армии, а также эвакуировавшихся мирных жителей[4].

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 351. Л. 113.

[2] Там же. Д. 352. Л. 139–140.

[3] Там же. Д. 353. Л. 46–47.

[4] Оборона советских войск в нижнем течении Дона летом 1942 года (от «Блау» до «Эдельвейса»). URL: http://don1942.ru/oborona-sovetskikh-vojsk-v-nizhnem-techenii-dona-letom-1942-goda/item/v-polose-yuzhnogo-fronta-mezhdu-salom-i-manychem (дата обращения: 14.12.2016).

Таблица 2. Переправа войск Южного фронта через Дон в конце июля 1942 г.[1]

Переправа	Людей, чел.	Орудий, ед.	Минометов, ед.	Танков, ед.	Машин, ед.	Повозок, ед.
Раздорская	115 000	90	289	15	1205	1491
Старочеркасская	24 541	165	481	20		
Аксайская	115 157	58	98	16		
Ростовские	248 216	129	277	23	6300	2230
Гниловская	10 277	32	183	–		
Цимлянская и Константиновская	5000	24	26	–	1100	
Итого	269 925	498	1354	74	8605	3721

Драматизм событий ярко описал их очевидец, писатель, а во время войны военный корреспондент В.А. Закруткин: «*Под непрерывной бомбежкой и жестоким артиллерийским огнем люди разбирали деревянные сараи, заборы, подносили к берегу бревна. Покрытые кровью и пылью саперы сколачивали плоты. Артиллеристы переправляли пушки, затыкая мешками пробитые днища рыбачьих баркасов. Лошадей гнали вплавь. По реке плыли бревна от разнесенных бомбами плотов, кузова машин. Откуда-то, из-под Цимлы и Новочеркасска, течение несло раздутые трупы*»[2].

Таким образом, географические условия в значительной степени определяли развитие событий в большой излучине Дона в период Великой Отечественной войны. Свое влияние оказывали особенности рельефа, включая изгибы русла Дона и его притоков, сам характер прилегающей местности, сложившаяся транспортная инфраструктура, особенно наличие переправ через реки как естественные барьеры на пути продвижения войск. Все эти факторы сказывались на ходе и результатах боевых действий в 1942–1943 гг.

1.2. Строительство оборонительных рубежей и весенний паводок 1942 г.

В любой войне необходимым условием сдерживания врага и залогом победы над ним является заранее подготовленная оборона. Еще осенью 1941 г., предвидя возможность наступления вермахта на южном направлении, советское руководство приняло решение о подготовке здесь

[1] ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1010. Л. 233–237.

[2] *Закруткин В.А.* Кавказские записки. Ростов н/Д, 1975. С. 6.

эшелонированной обороны. 13 октября было принято постановление Государственного комитета обороны СССР об оборонительном строительстве, на основании которого создавались саперные армии. Они стали основной силой по выполнению поставленных задач оборонительного характера. 22 октября ГКО принял постановление о создании местных городских комитетов обороны. Они включали в свой состав руководителей областных, городских, партийных и советских органов, НКВД и решали важнейшие вопросы организации обороны в прифронтовой полосе, в том числе и оборонного строительства. Первоначально работами на стратегических рубежах обороны занималось Главное управление оборонительных работ НКВД и Управление оборонительного строительства Главного военно-инженерного управления Красной армии.

Непосредственно в большой излучине Дона планировалось создание Чирско-Цимлянского (по рекам Чир и Цимла между станицами Вёшенской и Цимлянской) и Сталинградского (между станицами Клетской и Верхнекурмоярской) рубежей. На подступах к Сталинграду намечалось строительство еще четырех оборонительных обводов. Кроме того, планировалось строительство трех тыловых рубежей на левом берегу Волги и нескольких отсечных рубежей. Протяженность всех рубежей составляла около 2 тыс. км. Строительство возлагалось на 5, 8, 9 и 10-ю саперные армии. На строительство Донского рубежа (от станицы Верхнекурмоярской до села Кагальник) протяженностью в 450 км предполагалось мобилизовать 300 тыс. мирных жителей. Строительство обводов вели 8-я саперная армия и 8-е управление оборонительного строительства[1].

В условиях прорыва немецкой группы армий «Юг» (6, 11, 17-я полевые и 1-я танковая армии) к Ростову-на-Дону и далее на Кавказ Ростовский обком ВКП(б) попытался организовать строительство оборонительного рубежа на подступах к городу. Планировалось до 3 ноября 1941 г. мобилизовать гусеничные трактора и автогужевой транспорт. Инженерному управлению Северо-Кавказского военного округа разрешалось выполнять вырубку лесов местного значения и разборку зданий по согласованию с местными органами власти[2].

Быстрое продвижение 1-й танковой армии сорвало эти планы. Уже 17 ноября началось сражение на подступах к Ростову-на-Дону.

---

[1] *Маляров В.Н.* Строительный фронт в годы Великой Отечественной войны. Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб., 2000. URL: http://www.szst.ru/library/malyarov/ (дата обращения: 04.04.2014).

[2] ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 318. Л. 36–37.

Для укрепления обороны Ростова городской комитет обороны объявил массовую мобилизацию населения. К несению трудовой повинности в обязательном порядке привлекались мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 17 (в исключительных случаях – от 16) до 50 лет. Мобилизации не подлежали женщины с детьми до 12-летнего возраста; «*рабочие и служащие предприятий по выработке продуктов питания, транспорта, связи, общественного питания и торговли, лечебных учреждений, коммунального хозяйства и отдельных предприятий по особому списку Комитета обороны*». 19 ноября к 7 часам утра всем «*мобилизованным на трудовые работы*» надлежало явиться в районные отделения милиции. При себе иметь паспорт, теплую одежду, исправную обувь, кружку, ложку, котелок, постельные принадлежности и дневной запас продуктов питания[1]. Но 21 ноября, несмотря на сопротивление советских войск, противник прорвался в город. Главные силы 56-й армии отошли на южный берег Дона, взорвав переправы. К этому моменту было построено лишь 21 долговременное сооружение, без всякой системы огневого взаимодействия. Объявленная мобилизация населения на рытье оборонительных сооружений запоздала.

Через неделю, 29 ноября, в ходе советского контрнаступления Ростов-на-Дону был освобожден, а соединения вермахта отступили на рубеж по высотам западного берега реки Миус. Только тогда, после жесткого указания Ставки ВГК, и начались серьезные работы по укреплению Ростова-на-Дону[2]. 4 декабря 1941 г. городской комитет обороны постановил: «*Ввиду отсутствия в настоящее время плана оборонительных укреплений вокруг г. Ростова и в самом городе*» представить «*не позже 7 декабря… план города с нанесением на нем оборонительных сооружений*», а также мобилизовать население для 8-й саперной армии, «*действовавшей по обороне города*»[3].

Мобилизация населения проводилась по законам военного времени. Райкомы партии совместно с милицией обязаны были обеспечить бесперебойную явку населения «*в указанные сроки и в установленное место*»: проводить обходы домов с целью выявления уклонявшихся граждан, направлять их на работу, а в случае «*злостного сопротивления*» арестовывать и принудительно доставлять в распоряжение «Оборонстроя». Хлебные карточки, выдаваемые «оборонцам», по постановлению комитета обороны с 19 декабря можно было отоварить только на «Оборонстрое», а со временем их и вовсе перестали выдавать на руки: «*Изъять продовольственные*

---

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 206.

[2] *Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* 56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь – декабрь 1941 г. М., 2013. С. 121–124.

[3] ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 201–202.

карточки для получения хлеба на работающих на строительстве оборонительных сооружений. На всех карточках поставить штамп: годен до 1 января, без этого штампа хлеб в городе с 24 декабря по карточкам не выдавать. Временно прекратить продажу хлеба (*пока мобилизация не будет закончена*)»[1].

Несмотря на жесткость мобилизационных мер, в памяти участников событий сохранилось отношение к оборонным работам как к «*тогдашней необходимости, не оставившей в стороне никого*». Очевидцы рассказывали: «*Строились эскарпы в открытой степи к западу от Ростова, там, где после войны вырос Западный жилой массив. Непосредственными исполнителями этой "работы адовой" были мы – тысячи трудоспособных ростовчан. По понятным причинам, среди строителей преобладали женщины. В необходимости подобных работ никто не сомневался. Работали на совесть, не щадя сил*»[2]. «*И все шли, никто там не прятался… Да, конечно, все активно, все. Дедушки, бабушки, мальчишки, все*»[3].

Копать рвы и окопы жителям приходилось в своей одежде и обуви, выдавали только строительный инструмент. Вспоминает уроженка слободы Красюковской Новочеркасского района Ростовской области М.М. Артющенко (Шевченко): «*Руководили нами учителя. Вывезли прямо с матрацами, подушками и одеялами. Отвезли в какое-то село, распределили всех по хаткам. С утра до ночи копали траншеи и противотанковый ров. Очень трудно копать, земля каменистая, так что постоянно натыкались на камни, которые приходилось разбивать киркой. Копали тихо и спокойно, безо всякого шума и веселья, как после показывали в фильмах. Еду привозили уже после обеда, к вечеру. Кормили очень плохо. Давали соус морковный, который мне страшно надоел. На всю жизнь морковка запомнилась*»[4].

Отправка на оборонительное строительство работающих горожан организовывалась предприятиями: «*Каждое учреждение работало по*

---

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 193.

[2] *Бакулина Н.В.* Пасмурные дни (1933–1953). Из истории Ростовского государственного университета и Ростовского государственного педагогического института. URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (дата обращения: 12.11.2014).

[3] Респондент Моисеев Евгений Васильевич, 1927 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 201 минута. Запись 23 января 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

[4] Артющенко (Шевченко) Мария Максимовна. URL: http://iremember.ru/zenitchiki/artiuschenko-shevchenko-mariya-maksimovna.html (дата обращения: 17.01.2014).

разнарядке, за каждым были закреплены определенные дни недели. На работу и с работы доставляли поездом. Помню все, будто это было вчера. Чтобы не опоздать на поезд, надо было выйти из дома ранним утром, часа в четыре. Пешком через сонный город идти к вокзалу. На плече лопата, на ногах стоптанные туфли, на голове косынка, чтобы земля не попадала. На вокзале погружались в теплушки… Ехали на Западный. До сих пор сохранилась сноровка землекопа»[1]. Неработающее население мобилизовали домовые комитеты: «*Это все просто делается. Домоуправление есть, позвонили, стариков собрали и все, никаких проблем*»[2].

В конце декабря 1941 г. вокруг Ростова-на-Дону шло строительство Ростовского оборонительного района (РОР). РОР располагался по правому берегу Дона, занимая участок протяженностью 155 км по фронту и от 20 до 30 км в глубину, охватывая города Ростов и Новочеркасск четырьмя рубежами обороны – «Г», «А», «Тыловым» и «Городским»[3]. К январю 1942 г. в основном завершилось строительство второй полосы внутреннего обвода протяженностью свыше 90 км, степень готовности остальных обводов не превышала 10 %[4].

Немалый вклад в строительство Донского оборонительного рубежа внесли жители Калмыцкой АССР. 10 тыс. рабочих, колхозников, служащих, студентов Калмыкии, пройдя 250 км до пункта назначения, за период с 10 ноября 1941 г. по 10 января 1942 г. выполнили огромный объем земляных работ – вырыли и перебросили свыше 1,5 млн куб. м грунта, в среднем по 145–150 куб. м на 1 чел. (по 3–4 нормы в день)[5]. Еще один оборонительный рубеж возводился по левому берегу Северского Донца, от села Диброво Краснолиманского района Сталинской (в настоящее время – Донецкой) области до устья реки. Он должен был прикрыть советские войска при наступлении противника с запада и юго-запада[6].

Строительство Сталинградского обвода осуществляли 5-я саперная армия и Главное управление оборонительного строительства Наркомата обороны. С октября 1941 г. по январь 1942 г. Сталинградский городской комитет обороны направлял на возведение внешнего оборонительного обвода гражданских строителей, которые оборудовали противотанковые

---

1 *Бакулина Н.В.* Пасмурные дни (1933–1953)...

2 Респондент Моисеев Евгений Васильевич…

3 Огненные рубежи. Военно-исторический очерк. Ростов н/Д, 1976. С. 87.

4 *Маляров В.Н.* Строительный фронт Великой Отечественной войны...

5 *Максимов К.Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2010. С. 83.

6 ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977 444. Д. 121.

рвы, эскарпы, траншеи, окопы[1]. Более сложные фортификационные задачи – установку железобетонных дотов, бронеколпаков – выполняли саперные части. Саперы руководили рабочим процессом и в гражданских формированиях оборонного строительства.

Однако работы по созданию оборонительных рубежей и здесь первоначально производились крайне медленно. Секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) А.С. Чуянов отмечал в своем дневнике: «*С “большим скрипом” идет комплектование рабочей силы, инженерно-технического персонала на строительство Сталинградского оборонительного рубежа. Беседы с некоторыми руководителями заводов строительных организаций утверждают во мне мысль, что нет ясного понимания значения этих работ. Наоборот, впечатление от разговоров с товарищами такое, что многие из них считают: зачем строить рубежи, когда враг за тысячу километров. Сейчас есть дела куда поважнее*»[2]. Руководству области и города всё же удалось добиться мобилизации на оборонительные работы тысяч человек, привлечь гражданские строительные организации[3].

Существенно осложняли возведение рубежей погодные условия, особенно в зимнее время. Личному составу военно-строительных колонн требовались пункты обогрева, теплая одежда, горячее питание, медицинская помощь и регулярная смена. Все это часто предоставлялось с перебоями, что негативно сказывалось на состоянии здоровья строителей и на качестве возводимых ими сооружений. Вспоминает жительница Сталинградской области М.Н. Бакумова: «*Когда немец начал подбираться к Сталинграду, пришли новости, что срочно требуются молодые люди в Сталинград. Так меня проводили на фронт. Под руководством солдат мы, подростки, копали противотанковые рвы, ремонтировали технику, мыли цепи у машин. Было очень тяжело, но все равно выполняла все, что приказывали. Как говорится, делала все для приближения Победы, хотя очень сильно уставали, работали в жару и в холод. Приходилось копать рвы до трех метров глубиной*»[4]. Л.М. Сысыкина также свидетельствует: «*Снова надо было строить оборонительные сооружения, теперь уже в Даниловском районе. Земля не копалась, спина не разгибалась, желудок сводило от голода. Но вокруг*

---

[1] Строительство оборонительных рубежей на территории Сталинградской области осенью 1941 – летом 1942 г. URL: http://kua.volganet.ru/activity/folder_9/folder_1/downloads/909125df-e6f2-2c10-6bac-fd922eecb239 (дата обращения: 04.04.2014).

[2] *Чуянов А.С.* Сталинградский дневник. 2-е изд. Волгоград, 1968. С. 40.

[3] *Маляров В.Н.* Строительный фронт Великой Отечественной войны...

[4] Битва, изменившая мир! Воспоминания участников Сталинградской битвы спустя 70 лет. Волгоград, 2013. С. 28–29.

были такие же, как я, а то и похилее. Все копали молча, борясь с лопатой, которая сопротивлялась и выскальзывала из ослабших рук»[1].

К концу 1941 г. в Сталинградской области были сооружены обводы: внешний по рубежам «О», «М», «В», «Д» и «П»; средний обвод «К», «Т» и «Б»; внутренний обвод по рубежам «С» и «А». Общая длина проделанных земляных работ составила 3860 км. Вместе с 5-й саперной армией над созданием внешних рубежей Сталинградского обвода трудились 115 тыс. мирных жителей[2].

Но 27 декабря 1941 г. вышло постановление ГКО «О сокращении строительства оборонительных рубежей», ставшее следствием переоценки стратегической инициативы Красной армии после контрнаступления под Москвой. С первых дней января 1942 г. приостанавливалось строительство оборонительных рубежей Богучар – Константиновская, Кагальник – Приморско-Ахтарская, от Чаусовского на Дону до Владимирова на Волге, отсечной позиции Клетская – Иловля, а также Заволжского рубежа от Рыбинска до Астрахани. Ограничивалось строительство на важнейших направлениях рубежа по притоку Дона – Медведице с окончанием работ к 20 января, рубежа Богучар – Цимлянская, а также северокавказских рубежей с окончанием работ к 15 января. Продолжалось строительство обводов вокруг Сталинграда и Астрахани с завершением работ к 15 января, а также Ростова-на-Дону. Такое решение обосновывалось необходимостью «*обеспечения рабочей силой и транспортом молотьбы и вывозки хлебов*»[3]. Со строительства были отозваны свыше 1 млн чел. К февралю 1942 г. в связи с изменением ситуации на фронте оборонительные работы на большинстве участков были прекращены.

Незадолго до этого, 13–19 января 1942 г., бюро Ростовского обкома ВКП(б) подвело первые итоги оборонных работ на рубеже между станицей Цимлянской и поселком Чернышковским и признало их «*совершенно неудовлетворительными*». В отношении «*не по-большевистски*» подошедших к выполнению поставленных задач руководителей райкомов партии предполагалась их передача суду по законам военного времени. Для исправления ситуации со срывом работ «*в район их производства командировался секретарь обкома ВКП(б) т. Горшков*», который не должен был возвращаться в город до их завершения[4]. С целью ускорения работ на рубеже «Г» (под Новочеркасском) в его западную часть перебрасывалась 26-я саперная

---

[1] Битва, изменившая мир! С. 21.

[2] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 71. Л. 18.

[3] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Л. 178.

[4] ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 324. Л. 100–101.

бригада 8-й саперной армии и три колонны «Оборонстроя». На смену им мобилизовалось «*столько же мужского населения Новочеркасска*». Причем мобилизовалось, «*не останавливаясь перед закрытием на время предприятий и учреждений, не абсолютно необходимых*». Со всех предприятий и учреждений предполагалось «*взять в организационном порядке не менее 50 % от списочного состава*»[1].

20 января руководство 4-го строительного района на рубеже «А» заявило, что все работы, кроме маскировочных, завершены. Однако на многих участках даже не было начато строительство противотанковых рвов, эскарпов и ходов сообщений. Развертывание работ по рубежу «Г» затруднялось из-за отсутствия древесины, необходимой для строительства землянок. Но основной причиной отставания были недостатки в мобилизации населения. Решения Ростовского обкома ВКП(б) о мобилизации рабочей силы выполнялись в лучшем случае на четверть. Так, к 25 марта Сталинский район города Ростова-на-Дону выполнил мобилизационное задание лишь на 21 %, а Кировский – на 25 %. Задержка строительных работ происходила также из-за сильных морозов и метелей. Руководство области принимало меры к приведению оборонительных рубежей в боевую готовность. В частности для ускорения работ на рубежах применялись взрывные действия[2].

Особо отличившихся строителей отмечали почетными грамотами исполкома областного совета депутатов трудящихся и обкома ВКП(б), наилучшие результаты работы становились предметом отдельных докладов. Так, 5 марта 1942 г. облисполком «*принял к сведению заявление начальника 34 участка АУВПС т. Иванова, что работы по строительству оборонительных сооружений по городу Новочеркасску закончены полностью*». Отмечалось, что «*граждане городов Новочеркасска, Красного Сулина, мобилизованные на производство оборонных работ, как подлинные патриоты нашей родины упорно трудились за скорейшее окончание работ, в результате чего работы были закончены в самые сжатые сроки*»[3]. 18 апреля городской комитет обороны «*поставил на вид прекрасную работу коллектива рабочих и служащих горводопровода, мясокомбината и деревоотделочной фабрики*», которые не только выполнили в срок, но и перевыполнили задания при высоком качестве работы. Выражалось пожелание, чтобы «*они и дальше помогали строительству рубежа в порядке "воскресников", а также приняли бы участие в строительстве оборонительных сооружений по*

---

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 324. Л. 101.

[2] ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 170–173.

[3] Там же. Л. 109.

городу, показав образец сознательного отношения к задаче всемерного укрепления родного Ростова»[1].

Однако в большинстве случаев обсуждались вопросы срыва строительных работ, причины их неэффективности и принятие надлежащих мер по устранению выявленных недостатков. На том же заседании 5 марта отмечалось крайне неудовлетворительное состояние дел по мобилизации необходимого количества людей на строительство оборонительного рубежа в Раздорском, Кривянском, Зверевском и Октябрьском районах. Первые секретари городских и районных комитетов ВКП(б), председатели городских и районных исполкомов обязывались в двухдневный срок «*обеспечить мобилизацию городского и сельского населения, а также всего необходимого для производства работ: отвести каждому району соответствующий участок; принять срочные меры к организации помещений для размещения людей, организовать питание и прочие бытовые условия*»[2].

Виновниками срыва оборонных работ признавались отдельные руководители предприятий, «неправильно» относившиеся к поставленным перед ними задачам: «*… вместо того, чтобы безоговорочно выполнять решения РГКО* (Ростовского городского комитета обороны. – *Авт.*)*… они продолжают околачивать пороги городских и областных организаций и имеют лазейки к тому, чтобы увильнуть от выполнения оборонных работ. Некоторые партийные и советские работники поддерживают их просьбы*». В этой ситуации комитет обороны признал необходимым «*лучше обсудить и разъяснить*» назначение строительства оборонительных сооружений, ужесточив контроль над планом их возведения[3]. Недобросовестное отношение к делу председателей районных советов и первых секретарей Сталинского, Пролетарского, Орджоникидзевского районов, по заключению городского комитета обороны, привело к неудовлетворительным темпам работ по прорыву на отведенных им участках противотанковых рвов, «*особенно скверно обстоит дело по Сталинскому району вследствие безрукости секретаря района Исаенко*». Руководителям районов вменялся в вину и срыв мобилизации населения, не выдержавшей намеченных показателей[4].

Огромный ущерб оборонительным сооружениям нанес весенний паводок. Командующий Сталинградским военным округом генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко 3 апреля докладывал Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину об их неудовлетворительном состоянии, попросив выделить

---

1 ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 332. Л. 85.

2 Там же.

3 ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 120.

4 Там же. Л. 67.

для восстановления дополнительные силы и средства[1]. Донской оборонительный рубеж от Цимлянской до Азовского моря был затоплен водой, большинство сооружений пришло в негодность. Восстановительные работы здесь так и не начались вследствие того, что долина реки не успела просохнуть, а ряд районов от станицы Николаевской до устья к 10 июля оставались залитыми водой[2]. Поэтому восстановительные работы здесь так и не начались. Подобное положение дел объяснялось не только подтоплением поймы. Изучение поперечных геологических разрезов через русло и пойму Дона показывает, что под современными песками и илами залегает до 10–12 м лиманно-аллювиальных отложений[3]. Уже на начальной стадии паводка происходит нагнетание речной воды в этот горизонт, затем вода переливается через береговой вал и затапливает пойму и долину. Поэтому надежды на быстрое осушение полосы обороны были необоснованными (см. рис. 4).

6 апреля была организована проверка состояния оборонительных сооружений на тыловых рубежах в районах и городах Ростовской области: «Левый берег Дона», «Северский Донец», «Цимла – Чернышевка», «Г» РОРа. Проверка выявила плохое состояние рубежей обороны, существенно пострадавших не только из-за погодных условий, но и из-за расхищения строительных материалов. Внутригородские сооружения также были в неудовлетворительном состоянии. Многие противотанковые рвы, вырытые по улицам Ростова, не соответствовали нормам[4]. Возводимые рубежи подвергались систематическим разорениям как со стороны самих строителей, так и местного населения.

Постановлением Городского комитета обороны от 6–9 апреля 1942 г. его члены обязывались проверить выполнение горкомами и райкомами ВКП(б), а также исполкомами городских и районных советов депутатов трудящихся постановлений обкома ВКП(б) и облисполкома от 22 февраля, 9 марта и 14 марта «Об организации охраны оборонительных сооружений» и постановления от 2 марта «О мероприятиях по обеспечению боеготовности рубежей на период весеннего паводка 1942 г.». Этим же постановлением «*принималось к сведению сообщение прокурора Ростовской области Полозкова, что на основании директивы прокурора Союза ССР им даны указания городским и районным прокуратурам о привлечении виновных к умышленной порче и разрушениям оборонительных сооружений и препятствий к строжайшей уголовной ответственности по 79 статье*

---

1 *Маляров В.Н.* Строительный фронт Великой Отечественной войны…

2 ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 5. Л. 73–83.

3 *Горецкий Г.И.* Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра. М., 1970.

4 ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 342. Л. 2–3.

Рис. 4. Батальонные районы обороны на Нижнем Дону, оказавшиеся в зоне затопления[1]

[1] Схема батальонных районов рубежа Нижнего Дона в 1942 г. // Дон 1942. URL: http://don1942.ru/Maps/maps34batrajonov_niznego_dona.jpg (дата обращения: 12.11.2015).

УК РСФСР, со сроком следствия 5 дней». Секретарям горкомов и райкомов партии, председателям советов различных уровней поручалось провести «*широкое оповещение населения об ответственности за разрушение оборонительных сооружений и препятствий*»[1].

Состояние отдельных оборонительных сооружений в городе угрожало безопасности находившихся рядом с ними гражданских объектов. 10 апреля 1942 г. главный инженер Ростовского городского жилищного управления А.С. Попов обследовал состояние противотанкового рва, вырытого по ул. Энгельса и «*подходящего торцом, с одной стороны, на 0,7 м к забору бумажной фабрики, а с другой – на 1,5 м к жилому дому*». В подписанном им заключении отмечалось: «*Ров расположен у конца улицы с резко выраженным рельефом, без устройства отвода атмосферных вод. Возможно поступление воды в подвальное помещение дома № 2 с деформацией последнего*». Предлагалось срочно засыпать ров жирной глиной «*слоями с утрамбовкой и устройством мощения*», а на его месте возвести баррикаду с окнами для пропуска атмосферных вод[2].

11 апреля в городской комитет обороны поступил акт, составленный инженером Железнодорожного районного жилуправления В.И. Щербаковым. Проведенный им осмотр противотанковых рвов, расположенных по улице Собино, показал, что существует угроза проникновения фильтрующих вод под фундамент рядом стоящего двухэтажного кирпичного дома. Кроме того, один из рвов, по его мнению, представлял «*явную опасность уже в настоящее время, так как вода из рва пробивается в подвальное помещение. Этим рвом открыт колодец и кабель, очевидно телефонный, бетонные трубы, в которые заключен кабель, прогнулись, будучи навесу. Трубы изломались, и кабель оголился*»[3]. 18 апреля, рассмотрев вопрос «Об укреплении и содержании противотанковых рвов в г. Ростове-на-Дону», комитет обороны признал, что «*часть противотанковых рвов обрушилась и в дальнейшем угрожает просадкой и разрушением мостовых*». В связи с этим исполком горсовета обязывался провести работы по укреплению откосов противотанковых рвов и устройству ливнеотводов вокруг котлованов, «*установить наблюдение за состоянием их, не допускать засыпку противотанковых рвов мусором и шлаком*»[4].

Еще 24 марта комитет обороны заслушал вопрос о состоянии противотанкового рва, расположенного по Будённовскому проспекту, в связи

---

1 ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 342. Л. 1–3.

2 ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 100.

3 Там же. Л. 102.

4 Там же. Л. 113.

со скоплением в нем атмосферных вод, создававших непосредственную «*опасность прочности* [находившихся рядом] *зданий, в наружных стенах которых появились трещины*». В мае и июне у двух зданий стал проседать фундамент, ров был признан «*местом скопления атмосферных вод, насыщающих грунт у фундаментов вблизи расположенных зданий НКО*». Признавалось, что «*условия сопротивления грунта нагрузке от фундаментов не соответствуют рассчитанным данным, принятым при проектировании и сооружении зданий*». Дальнейшее существование рва могло привести к катастрофическим последствиям, что требовало его немедленной засыпки с тщательной утрамбовкой[1]. Засыпан он, впрочем, так и не был, как и другие противотанковые рвы, ставшие угрозой для существования ряда гражданских объектов города.

18 мая 1942 г. Городской комитет обороны утвердил состав городского штаба по строительству баррикад, в который вошли не только представители партийной и советской власти, но и военные. На него возлагались задачи по возведению оборонительных укреплений города, их инспектированию и передаче воинским частям. За три дня до учреждения штаба город должен был сдать 410 баррикад, однако к 18 маю в полной готовности пребывали только три из них[2]. В Сталинском и Железнодорожном районах города «*срочно рассматривался вопрос о самом жестком применении надолб, ежей, рвов и других возможных препятствий не баррикадного типа, организовав их изготовление на предприятиях этих районов*». В связи с окончанием строительства одного из оборонительных рубежей вокруг города комитет обороны посчитал необходимым приступить к устройству более мощных противотанковых препятствий около самого города. Совместно с представителями 192-й саперной дивизии и 8-й саперной армии был принят план по сооружению «*противотанкового рва объемом 19 км, эскарпа – 20 км, надолбов – 4000 шт., пулеметных позиций – 68 шт., дотов – 28 шт., сот пулеметных – 6 шт., укреплений домов огневыми точками – 80, позиций 45-мм пушечных – 22 шт., позиций 76-мм пушечных – 14 шт., наблюдательных пунктов командиров батальонов и командных пунктов – 12 шт., наблюдательных пунктов командиров роты – 36 шт., минных полей – 2,2 км*»[3].

4 июня 1942 г. Городской комитет обороны принял решение вывести на строительство баррикад, рвов, эскарпов, надолбов «*столько людей, сколько нужно для завершения их строительства*»; «*удлинить рабочий день на строительстве баррикад – организовать работу в 2 смены, а если нужно,*

---

1 ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 104.

2 Там же. Л. 73.

3 Там же. Л. 73–74.

то и в 3»; «*подвоз материалов* (*ввиду отсутствия транспорта*) *осуществлять вручную, на домашних телегах*». Форсировалось строительство обводов на танкоопасных рубежах – на окраинах Ростова и вокруг станицы Аксайской, где выемка земли доводилась до 60 тыс. куб. в день[1]. В связи с необеспеченностью строительства оборонительных сооружений лесоматериалами предписывалось «*разобрать при ст. Хапры полуразрушенные временные сооружения и временные перекрытия стройки № 23 Наркомсвязи, а также опоры разрушенных высоковольтных линий Ростов – Артемовск*»[2]. Городской комитет обороны также посчитал целесообразным «*сформировать в помощь милиции из комсомольцев и несоюзной молодежи отряды по охране города, городских сооружений, борьбе с нарушителями порядка и общественной безопасности до 1000 чел.*». В их обязанности входило круглосуточное дежурство у баррикад и на окраинах города[3]. По завершении работ, как правило, прекращалась выдача справок об освобождения от мобилизации «*по отбытию трудовой повинности на строительстве рубежей вокруг Ростова*». Желающие могли в дальнейшем «*продолжать работу по строительству оборонительных сооружений со снятием зарплаты от предприятия и переходом на оплату* "*Оборонстроя*" (*8–10 руб. в день*)»[4].

10 июня Ставка ВГК постановила немедленно приступить к строительству и восстановлению отсечного рубежа от Северского Донца до Дона и Сталинградского рубежа, упиравшегося обоими концами в Дон. Оборонительные рубежи под Сталинградом возлагались на 7-ю резервную, по восточному берегу Дона – на 5-ю резервную армии. Общая численность жителей Сталинграда, занятых на оборонных работах, достигла 225 тыс. чел.[5] Полным ходом велись работы и по восстановлению других рубежей.

Преодолев 300 км от реки Айдар, где они до этого строили рубеж обороны, части 7-й саперной армии (командующий – генерал-майор технических войск В.С. Косенко) только в середине июля приступили к строительству линии обороны в междуречье Волги и Дона протяженностью в 70 км. К 28 июля численность 7-й саперной армии составила более 8 тыс. чел., она имела более 1 тыс. лошадей и 400 автомашин[6]. Однако для создания и оборудования оборонительных позиций в соответствии с планами и инструкциями многого не хватало. Командир 20-й саперной бригады, которая вела

---

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 32–34.

[2] Там же. Л. 35.

[3] Там же. Л. 36.

[4] Там же. Л. 78.

[5] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 335–336.

[6] ЦАМО РФ. Ф. 7-й саперной армии. Оп. 5438. Д. 13. Л. 70

строительство тылового рубежа 197-й стрелковой дивизии, подполковник Остахов докладывал: «*В районе г. Серафимович колючей проволоки и колпаков не оказалось. Строительство веду с применением дерево-земляных колпаков. Препятствий не устанавливаю*». Тем не менее он обещал завершить строительство рубежа к 5 августа 1942 г., с 6 августа перебросить бригаду на строительство Слащевского и Зотовского обводов и к 10 августа закончить все запланированные работы[1].

15-я саперная бригада строила оборонительный рубеж между станицами Вёшенской и Мигулинской с 7 июля по 6 августа 1942 г. За это время она построила 816 сооружений, в том числе 361 боевое (включая 2 усиленных дзота), 239 окопов, рассчитанных на стрелковое отделение с предусмотренной площадкой для легкого пулемета, 213 убежищ-щелей, 3 ложных сооружения. Саперы выкопали 4098 погонных метров ходов сообщений, построили 7 паромов, 17 плотов и 1 мост, а также отремонтировали 2 парома на Медведице и заминировали 5 участков на Дону[2].

29 июля 1942 г. генерал-майор технических войск В.С. Косенко докладывал заместителю командующего Сталинградским фронтом генерал-майору инженерных войск А.Ф. Ильину-Миткевичу о том, что армия продолжала выполнять поставленные задачи по строительству оборонительного рубежа на левом берегу Дона от устья реки Подгорной до станицы Клетской. Одновременно велись работы по созданию отдельных опорных пунктов на главных направлениях в глубине обороны и предмостных укреплениях на реке Хопёр, в станицах Усть-Бузулукской, Зотовской и Слащевской. К 28 июля были построены 631 огневая точка и окоп (61 находился еще в работе), 14 командных пунктов (четыре в работе), 3 склада боеприпасов и лабораторий, выкопаны 1809 погонных метров ходов сообщений, 39 усиленных щелей, установлены 226 мин на переднем крае. Работы на участке между станицами Казанской и Вёшенской приходилось вести «*исключительно ночью*». Тем не менее в 15-й саперной бригаде уже насчитывалось 15 раненых. Командующий 7-й саперной армией сообщал: «*Выполнение оборонительных работ непосредственно по переднему краю вызвано тем, что сооружения, построенные ранее, до прихода армии, войсками не занимаются* (*плохая маскировка и качество работ*), *и постройку оборонительных сооружений приходится дублировать. Саперы работают в тесном взаимодействии с войсками, и вновь выстроенные в согласовании с войсковыми командирами сооружения охотно занимаются полевыми частями*»[3].

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 7-й саперной армии. Оп. 5438. Д. 13. Л. 37.

[2] Там же. Л. 44–45.

[3] Там же. Л. 69.

Восстановительные работы на рубеже обороны между станицами Верхнекурмоярской и Семикаракорской планировалось произвести к 20 июля строительными колоннами 102-го управления военно-строительных работ. Но из-за начавшихся на Дону боевых действий оборонительные сооружения на этом участке не были восстановлены. Находившиеся на данном рубеже 2-е Орджоникидзевское и Житомирское пехотные училища не имели собственного шанцевого инструмента, а местное руководство не смогло мобилизовать гражданское население на организацию оборонительных работ.

К 5 июля 1942 г. силами 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии на участке от станицы Семикаракорской до станицы Багаевской было построено семь оборонительных эскадронных районов. Одновременно личный состав 110-й кавалерийской дивизии оборудовал второй рубеж по линии хуторов Карповка – Ажинов – Ёлкин по реке Подпольной. На участке от станицы Манычской до станицы Ольгинской 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия возвела четыре батальонных района (что составило 50–60 % от запланированного объема работ). Так и не были установлены железобетонные колпаки, не закончены дзоты. Ранее построенные батальонные районы не были восстановлены, поскольку остались залитыми водой, а в тех, где вода сошла, грунт не просох для проведения земляных работ. Рытье окопов, ходов сообщений, командных и наблюдательных пунктов, укрытий для лошадей в районах возможных переправ противника продолжалось до начала боевых действий. На участке между Ольгинской и селом Кагальником силами 91-й стрелковой дивизии было построено семь батальонных оборонительных районов, в том числе восстановлены два из числа ранее построенных, остальные построены вновь (80 % объема работ)[1].

Уже в преддверии нового немецкого наступления, 29 июня 1942 г., Ростовский городской комитет обороны рассмотрел вопрос «О ходе строительства рубежа “В”» и пришел к выводу, что оно «*протекает крайне неудовлетворительными, недостаточными темпами. Срок окончания, установленный горкомом обороны, сорван, под угрозой срыва срок, установленный командующим 24 УОС* (Управление оборонным строительством. – *Авт.*). *На участках Железнодорожного, Кировского, Пролетарского, Андреевского районов* [Ростова-на-Дону] *продолжают оставаться неоконченными большие края рва и эскарпа. Аксайский район только 28.IV приступил к строительству отсечного рубежа по балке Кобяко. По трассе “В” до сего времени на танкоопасных направлениях не ликвидированы проезды, а там, где через ров должны быть мосты, они еще не построены. Из-за малого количества*

[1] ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 5. Л. 76.

работающих крайне медленно идет сооружение плотин через р. Темерник и медленно устанавливается проволочное заграждение». С целью скорейшего окончания строительных работ комитет обороны считал необходимым к 1 июля закончить намеченные ров и эскарп, к 10 июля – возведение гидросооружений, таким образом создать «*абсолютную непроходимость по плотинам танкам, автогужевому транспорту и пехоте*». К этому же сроку планировалось полностью установить проволочное заграждение со стороны противника по всей трассе; ликвидировать все дороги к Ростову, за исключением направлений на Новочеркасск, Таганрог, Салы и Гниловскую, с которых убирались все перемычки и сооружались деревянные мосты. По предложению представителей Южного фронта, к 15 июлю в Ростове дополнительно должны были возвести 29 баррикад, 227 огневых точек, 8 командных пунктов, 9 завалов, 8 внутригородских рвов, 25 погребов для боеприпасов и 3 центральных командных пункта[1].

3 июля 1942 г. на заседании обкома ВКП(б) отмечались «*трудящиеся Ростовской области и 24-е управление оборонительным строительством НКО*», которыми «*с января месяца 1942 г. в условиях суровой зимы и весенней распутицы на освобожденной от немецких оккупантов территории, при отсутствии нормальных жилых условий и питания была проведена очень большая работа по строительству оборонительных рубежей Ворошиловградского и Ростовского обводов "А", "Б", "Г". Принятые комиссией Южного фронта рубежи заняты к обороне действующими войсками и при приемке получили оценку на "отлично" и "хорошо" 76 батрайонов, на "удовлетворительно" 26 батрайонов из общего числа сданных 102 батрайонов*»[2].

Сталинградский комитет обороны, понимая всю опасность ситуации, с 12 июля 1942 г. ускорил оборонительное строительство. На предприятиях города увеличилось производство дотов, бронеколпаков, противотанковых ежей, колючей проволоки и строительного инструмента. На учет бралась вся имевшаяся трофейная и бракованная бронетехника. В это время начал возводится сталинградский рубеж «Г»[3]. За весь период оборонительных работ в городе было возведено до 2500 погонных метров траншей, 200 дзотов, 37 дотов, 450 блиндажей и убежищ, 320 баррикад, переоборудовано к обороне 186 зданий[4]. Но сделать всё запланированное не удалось.

По приказу командования советские войска были брошены навстречу противнику, без заранее подготовленных оборонительных рубежей.

---

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 1–3.

[2] ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 354. Л. 91.

[3] Сталинград 1942–1943. М., 1995. С. 381–387.

[4] *Маляров В.Н.* Строительный фронт в годы Великой Отечественной войны...

62-я армия РККА заняла позиции на правом берегу Дона на рубеже Клетская – Калмыков – Суровикино – Пещерская – Суворовский. Фронт обороны четырех дивизий первого эшелона растянулся на 90 км, а двух дивизий и одной бригады 64-й армии, располагавшейся южнее, на 50 км. До трети дивизий первого эшелона было выделено в передовые части, на удалении от главных сил на 40–50 км, без артиллерийской и авиационной поддержки. По словам В.И. Чуйкова, «*мы не успели использовать естественные преграды – реки, речушки и овраги, которые можно было легко усилить инженерными сооружениями и сделать труднодоступными для наступающего; позиции были размещены в голой степи, открыты для наблюдения и просмотра их как с земли, так и с воздуха. Много получилось разрывов между обороняющимися подразделениями и частями, особенно на правом фланге, которые давали возможность противнику охватывать позиции обороны и выходить ей в тыл*»[1].

В результате советским соединениям пришлось противостоять танковым и механизированным частям противника, не имея к началу боевых действий даже достаточного количества полевых укреплений. А инженерные сооружения Ворошиловградского оборонительного района на левом берегу Северского Донца оказалось вообще невозможно использовать, поскольку они не были рассчитаны на организацию обороны при наступлении противника с севера. Усилия сотен тысяч жителей региона и военных строителей оказались в значительной степени потрачены впустую.

24 июля 1942 г., несмотря на самоотверженный труд ростовчан и инженерно-саперных подразделений 56-й и 8-й саперной армий, город был занят противником. Очевидцы расходятся в оценке эффективности их оборонительных возможностей: «*Ну конечно* (противотанковые рвы помогли. – *Авт.*), *а как же. Они не могли* (немецкие танки. – *Авт.*) *со скоростью бежать. Они проваливаются, может где-то развалили, время теряли*»[2]. «*И никому не приходила в голову мысль о заложенном в нашем труде чудовищном парадоксе: чем выше была эффективность наших сооружений, тем меньше была их необходимость. Ну, кто пошлет танки на штурм непроходимых для них сооружений? Яснее ясного было, что немцы будут искать другие средства овладения Ростовом…*»[3].

В целом с октября 1941 по сентябрь 1942 г. на Дону и под Сталинградом была проведена огромная работа по строительству оборонительных сооружений (см. рис. 5). К моменту вторжения вермахта и его союзников в Ростовскую область в октябре 1941 г. заранее подготовленной обороны у советских войск

---

[1] *Чуйков В.И.* От Сталинграда до Берлина. М., 1980. С. 32–33.

[2] Респондент Моисеев Евгений Васильевич…

[3] *Бакулина Н.В.* Пасмурные дни (1933–1953)...

не оказалось. Масштабное строительство рубежей Ростовского оборонительного района, а также Донского и Сталинградского оборонительных рубежей началось лишь в самом конце 1941 г. Эти рубежи имели противотанковые рвы, эскарпы, проволочные заграждения, минные поля, доты. Но темпы выполнения работ не соответствовали запланированным нормам.

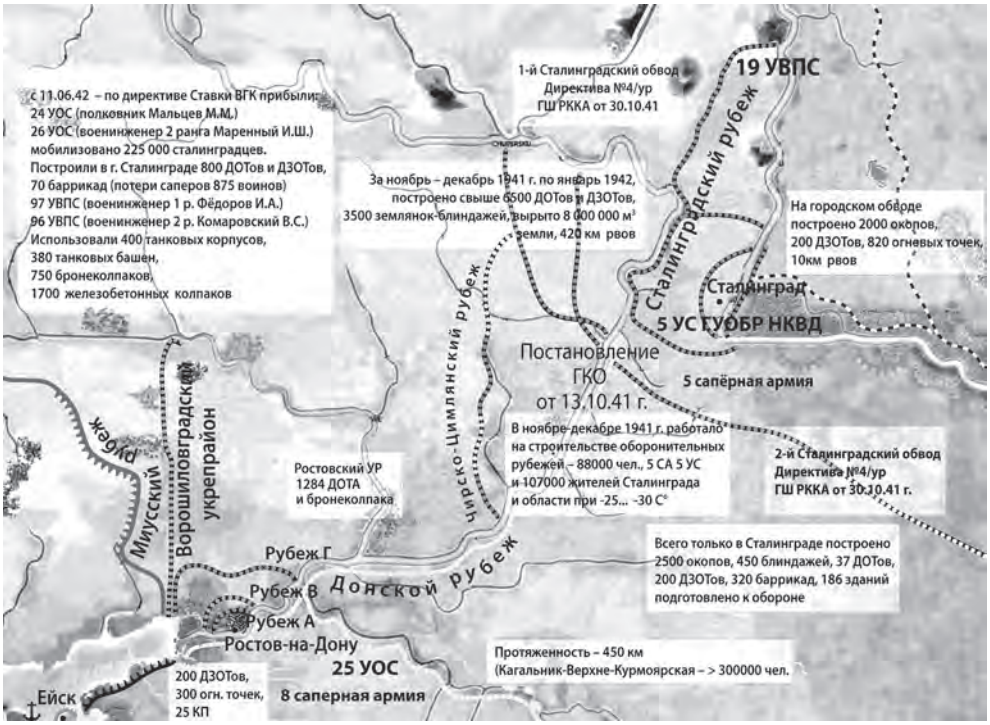

Рис. 5. Советские оборонительные рубежи в большой излучине Дона[1]

Весной, после таяния снега и разлива рек, многие уже построенные укрепления в пойме Дона оказались затоплены и пришли в негодность. К лету полностью восстановить оборонительные рубежи не успели. Возведенные укрепления не позволили сдержать врага. Ростов-на-Дону во второй раз был захвачен вермахтом и его союзниками после кровопролитных, но непродолжительных боев. Внешний обвод Сталинградского рубежа обороны задержал войска вермахта всего на месяц. Несмотря на значительный масштаб проделанных работ, построенные рубежи на Дону и под Сталинградом летом и осенью 1942 г. не смогли стать непреодолимым препятствием для противника.

[1] *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г.* Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012. С. 192–193.

1.3. Влияние климата и погодных условий

Свое влияние на развитие событий в большой излучине Дона в 1942–1943 гг. оказывали климатические особенности региона и его погодные условия. Понятие «погода» включает широкий круг метеорологических явлений, присущих в определенный момент времени той или иной местности. Это атмосферное давление, температура и влажность воздуха, сила и направление ветра, облачность, осадки, атмосферные явления (туманы, метели, грозы) и другие элементы. В отличие от климата, анализ которого содержит устойчивую характеристику состояния атмосферы на основе измерений за длительный период времени, погода подвержена постоянным переменам, носящим периодический и непериодический характер. Периодические изменения связаны с вращением Земли вокруг своей оси (изменения в течение суток) и вокруг Солнца (смена времен года). Непериодические изменения обусловлены передвижением воздушных масс, придающих те или иные свойства погоде.

Военачальникам в ходе планирования и проведения военных кампаний всегда требовалось учитывать погодные условия, расплачиваясь в ином случае потерями личного состава, боевой техники и вооружений, а то и поражениями. Появление новых технических возможностей, казалось бы, сделало человека более независимым от капризов природы. Однако Великая Отечественная война показала, что практически всем видам и родам войск в той или иной степени приходилось учитывать метеорологическую обстановку. В регулярных и надежных сведениях о погоде нуждались не только летчики и моряки, но и артиллеристы, танкисты, саперы, зенитчики и представители многих других воинских специальностей.

Это обстоятельство принимало во внимание и советское руководство. До войны информацию о погоде в Вооруженные силы СССР предоставляли отдел гидрометеорологической службы Наркомата Военно-морского флота СССР и метеорологическое управление Главного управления Военно-воздушных сил Красной армии, снабжавшее сводками погоды и сухопутные войска. Но в начале войны на решение данных задач были мобилизованы и гражданские метеорологи: 15 июля 1941 г. на основании постановления Государственного комитета обороны СССР Ставка Верховного Главнокомандования приняла специальный приказ № 0054. Согласно данному приказу, Главное управление Гидрометеорологической службы при Совнаркоме СССР со всеми подведомственными ему учреждениями было включено в состав Наркомата обороны СССР на правах Главного управления гидрометеослужбы Красной армии (далее – ГУГМС КА). Начальником

ГУГМС КА был назначен прежний руководитель Главного управления Гидрометеослужбы при СНК СССР, известный полярник, Герой Советского Союза, академик АН СССР Е.К. Федоров, которому было присвоено звание генерал-лейтенанта инженерно-технической службы. На ГУГМС КА возлагались задачи обеспечения командования и частей метеорологическими прогнозами и сводками погоды, руководства всеми органами гидрометеорологической службы частей Красной армии и ВМФ, комплектование органов гидрометеослужбы Красной армии специалистами, снабжение специальными приборами и пособиями, развертывание гидрометеослужбы на театрах военных действий[1].

В штабах фронтов и округов на основе республиканских и местных управлений гидрометеослужбы были созданы гидрометеорологические отделы. Во всех воевавших странах метеосводки были засекречены, все государства перешли на собственный метеорологический шифр. Сведения о погоде стали военной тайной, за соблюдением которой строго следили органы государственной безопасности. Так, 22 апреля 1942 г. управление особых отделов НКВД СССР издало директиву № 16/13 733 «О мерах по обеспечению конспирации в работе гидрометеослужбы Красной армии». В ней обращалось внимание всех начальников особых отделов фронтов, округов, флотов и флотилий на нарушения правил ведения шифрования гидрометеорологических сведений. В целях устранения недостатков предлагалось провести проверку выполнения правил использования и хранения гидрометеорологических шифров и секретных материалов гидрометеослужбы Красной армии, докладывать о выявленных нарушениях командованию и привлекать виновных к ответственности[2].

Вследствие советского отступления в начальный период Великой Отечественной войны гидрометеорологическая служба лишилась значительной части метеостанций и метеоточек в западных регионах страны, что снижало возможность точного прогноза погоды. Поэтому стали применяться и совершенствоваться методы работы с «обрезанными» картами, на которых целые страны и регионы выглядели белыми пятнами, широко внедрялись карты барической топографии, технические средства прогнозирования, а также авиационная разведка погоды. Сведения о погоде с оккупированных территорий предоставляли партизаны и разведчики. Точная оценка метеорологической обстановки и правильное использование

---

[1] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997. С. 26.

[2] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. Крушение «блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 375.

метеоданных позволили достичь успеха в ряде боевых операций уже в первые годы войны, а наибольшую известность, пожалуй, получил знаменитый парад на Красной площади 7 ноября 1941 г., проведение которого стало возможным вследствие нелетной для немецкой авиации погоды.

В то же время опыт первых лет войны выявил немало трудностей и недостатков в использовании метеорологических сведений военным командованием, включая и технические сложности в доведении имевшейся информации до войск. Так, анализ передачи по радио артиллерийским частям и соединениям РККА специальных метеосводок «Артель» летом 1942 г. показал, что только в дневное время слышимость была «*от удовлетворительной до хорошей*», а в ночное время «*в основном очень плохая по всем фронтам. В большинстве случаев прием сводок затруднен из-за помех работавших на близких волнах других радиостанций*». Прием метеосводок затруднялся также из-за быстроты передачи, неполного и нечеткого произношения отдельных цифр диктором, отсутствия повторений радиопередач и некомплекта радиоаппаратуры. Само качество метеосводок характеризовалось как неудовлетворительное вследствие недостаточного количества данных, поступавших в Центральный институт прогнозов[1].

Исход боевых действий в большой излучине Дона зависел не только от климата и погодных условий. Необходимо было учитывать и ряд других сопутствующих факторов, в частности невысокую плотность населения и самих населенных пунктов, что снижало возможности для укрытия личного состава, отсутствие крупных лесных массивов, которые позволили бы решить проблемы со строительными материалами и топливом. Климат здесь умеренно континентальный, с теплым, а в отдельные годы жарким летом. В течение лета средняя температура воздуха нарастает и в июле достигает 23 °С, а относительная влажность, напротив, уменьшается, нередки засухи и суховеи. Но летом 1942 г. воздух прогревался выше обычного. Унтер-офицер 297-й пехотной дивизии А. Хеймессер отмечал в своем дневнике 9 июля: «*Сегодня 50 градусов жары. Вдоль дороги в обмороке лежат пехотинцы, на протяжении километра я насчитал 27 человек*»[2]. Такая жара держалась практически до конца лета. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер 8 августа указал, что дневная температура воздуха доходила до 55 °С[3].

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 1. Л. 29.

[2] Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 131.

[3] *Гальдер Ф.* Военный дневник (июнь 1941 – сентябрь 1942). М., 2012. С. 673.

Зной и жара сделали чрезвычайно затруднительными сами передвижения в открытой степи. Прошедшие не одну кампанию военнослужащие вермахта с сожалением констатировали: «*При жаре днем наблюдается намного более высокая температура в июле по сравнению с Центральной Европой*». Они перешли на облегченный вариант формы: «*все – от писаря до командующего – носят шорты и безрукавки*»[1]. Однако и это не спасало. Офицеру 6-й полевой армии И. Видеру летнее наступление запомнилось колоннами «*обессиленных людей, бредущих по бесконечной степи, днем под палящим солнцем в клубах пыли, ночью – в пламени многочисленных степных пожаров, которые часто тянулись на много километров*»[2].

Еще больше трудностей испытывали отступавшие советские войска. По словам медсестры Н.П. Тетюнниковой, в составе 229-й стрелковой дивизии встретившей противника после двухсоткилометрового марша под бомбежкой на передовых позициях на реке Чир, «*условия ведения боя были очень трудными: голая степь, изрытая балками, была удобна для механизированных частей противника и совсем невыгодна для наших войск*». Она отмечала «*неимоверную жару*» и «*ожесточенные бои*» в тяжелейших условиях: «*пять бесконечно долгих дней и ночей – без отдыха, без еды и питья – велась смертельная схватка: нужно было прорвать вражеское кольцо, выйти из окружения и соединиться со своими*»[3]. Ветеран 33-й гвардейской стрелковой дивизии А. Паловой также вспоминал: «*Это трудное лето было знойным, жара стояла за сорок. Нас мучила жажда, но не на всех хуторах мы находили воду. Часто за нее приходилось идти в атаку. А есть совсем было нечего – основной пищей для нас была созревшая рожь*»[4].

Вопросы обеспечения водой воинских частей приобрели важнейшую роль во всей системе снабжения, как в РККА, так и в вермахте. Командир 33-й гвардейской стрелковой дивизии генерал А.И. Утвенко признавался писателю и военному корреспонденту К.М. Симонову, что выход из окружения в 1941 г. – «*это все семечки по сравнению с нынешним, летним, где за каждый грамм воды – драка. За воду ходили драться. Бросали гранаты, что-*

---

[1] *Подевильс К.* Бои на Дону и Волге. Офицер вермахта на Восточном фронте. 1942–1943. М., 2010. С. 61.

[2] *Видер И.* Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М., 1965. С. 39.

[3] *Тетюнникова Надежда Павловна* (сержант). Воспоминания. Я помню. URL: http://army.lv/ru/Tetyunnikova-Nadezhda-Pavlovna-(serzhant).-Vospominaniya.-/1002/2502 (дата обращения: 15.10.2014).

[4] *Курченко Н.* 33-я гвардейская стрелковая дивизия. 1941–1945 гг. Волгодонск, 2010. С. 53.

бы котелок воды отбить у немца, а жрать было нечего»[1]. В свою очередь, Видер вспоминал: «*Не хватало воды, жажда терзала людей; я вспоминаю пересохшие степные колодцы, однообразную и скудную походную пищу* (*снабжение не поспевало за наступавшими войсками*) *и, наконец, мириады мух, не дававших нам покоя. Тогда в частях начались желудочные и другие инфекционные заболевания, вспыхивали эпидемии малярии, а под конец и желтухи. Многие в глубине души ждали тогда болезни как избавления, рассчитывая попасть в тыловые госпитали еще до начала страшной русской зимы*»[2]. Летом 1942 г. даже происходили столкновения румынских и немецких подразделений с применением артиллерии за обладание колодцами. Пришлось на каждый колодец выставить в качестве охраны по роте СС с двумя танками[3]. Но проблема не исчерпывалась только высокой температурой воздуха. По данным измерений гидрометеостанций, на поверхности почвы температура могла достигать 62–65 °С. Растрескавшаяся земля превращалась в камень, делая чрезвычайно затруднительным рытье окопов.

В середине лета в большой излучине Дона начинаются сильные дожди с грозами. В 1942 г. грозовые фронты прошли здесь 10–12 и 15–17 июля и, размыв дороги, остановили на какое-то время немецкую военную технику. 15 июля Гальдер записал, что сражению на юге «*несколько мешают грозы и дожди*». Через три дня, 18 июля, он снова посетовал на плохую погоду: «*Сильные грозы ночью серьезно замедлили и осложнили передвижение войск и их снабжение горючим*». Запись, датированная следующим днем, позволяет понять, что особые затруднения погода доставляла танковым и моторизованным соединениям, определявшим успех действий вермахта: «*Сильные ливни затрудняют продвижение войск на юге, хотя и следует отметить успехи пехоты, не имеющей машин, при преследовании противника на многих участках*»[4]. Однако сильные ливни мешали и действиям советских войск. В документах отмечается, что 18 июля из-за сильных ливней авиация 4-й воздушной армии «*практически не летала, так как не могла взлетать с раскисших аэродромов*»[5].

---

[1] *Симонов К.М.* Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 2. М., 1977. С. 42.

[2] *Видер И.* Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. С. 39.

[3] *Веремеев Ю.* История инженерных войск Русской армии. Краткий очерк. Сапер. URL: http://army.armor.kiev.ua/engenear/ing_history3.shtml (дата обращения: 14.11.2014)

[4] *Гальдер Ф.* Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942). С. 655, 658, 659.

[5] Оборона советских войск в нижнем течении Дона летом 1942 года (от «Блау» до «Эдельвейса»). URL: http://don1942.ru/oborona-sovetskikh-vojsk-v-nizhnem-techenii-dona-letom-1942-goda/item/na-perepravakh-severskogo-dontsa (дата обращения: 14.12.2016).

В первой половине осени в большой излучине Дона сохраняется теплая погода, хотя нередки сильные проливные дожди. Зима начинается с середины ноября, средняя температура воздуха обычно не опускается ниже –10 °С. Но в 1942 г. холода пришли рано. Уже 16 сентября Хеймессер записал в дневнике: «*Проклятый холод! Вечером нам сообщили “приятную новость”, что в дивизии уже готовятся к зимовке на фронте. Заготовительная команда уже отправлена. Направлены также отряды для доставки леса для строительства блиндажей*»[1]. Взятый в плен в конце октября 1942 г. солдат 371-й пехотной дивизии В. Зоммер утверждал: «*Из теплых вещей мы пока получили перчатки и подшлемники, о других вещах ничего не слышно*»[2]. Поэтому немцы и их союзники грабили местных жителей, отнимая теплые вещи.

Трудности испытывали и советские войска. Вступивший в командование 4-й танковой армией незадолго перед началом контрнаступления генерал-лейтенант П.И. Батов утверждал: «*Противнику было легче: он сидел в траншеях, подготовленных землянках и блиндажах, их оборона в глубине и по фронту проходила через множество населенных пунктов, оврагов и балок. У нас же, куда ни кинешь взор, – бескрайняя степь. Негде укрыться и обогреться. У войск ни дров, ни воды*». Воду приходилось доставлять за 12–15 км, а из-за отсутствия дров нечем было отапливать землянки и блиндажи[3]. К тому же в целях маскировки нельзя было разжигать костры и пользоваться отопительными печками.

19 ноября 1942 г. с переходом в наступление северной группировки Красной армии под Сталинградом началась стратегическая операция советских войск «Уран». Очевидец событий, в тот момент начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, принимавший непосредственное участие в планировании и осуществлении операции по разгрому войск вермахта под Сталинградом, генерал-майор С.П. Иванов впоследствии вспоминал: «*Артподготовка представляла собой очень эффектное зрелище. Вслед за залпом гвардейских минометных частей началась артиллерийская обработка оборонительных позиций противника. 3500 орудий и минометов громили неприятельскую оборону. Один час велся огонь на разрушение и двадцать минут – на подавление. Мощная канонада нанесла врагу немалый урон и произвела на него сильное моральное воздействие. Однако из-за плохой видимости далеко не везде оборона была сокрушена, особенно на фланговых участках прорыва. Как только артиллеристы*

---

[1] Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. С. 134.

[2] Там же. С. 124.

[3] *Батов П.И.* На ударном направлении. С. 537.

перенесли огонь в глубину расположения противника, пехотинцы и поддерживающие их танкисты устремились вперед. Им пришлось в ряде случаев преодолевать не нарушенные артиллерией участки обороны – минные поля, проволочные заграждения, а местами и глубокие рвы»[1]. Слова о «сильном моральном воздействии» на врага проведенной артиллерийской подготовки звучат красиво, но на самом деле скрывают ее низкую эффективность, затруднившую выполнение боевых задач стрелковыми и бронетанковыми частями, о чем и говорится автором мемуаров в следующем предложении.

Генерал П.И. Батов так описал день начала контрнаступления под Сталинградом: «*Над Доном занималось хмурое утро… Ни черта не видно! Туман отгородил плацдарм плотным занавесом. Медленно падал снег и таял в каше тумана, лишь уплотняя его непроницаемость*». Представитель 16-й воздушной армии предупредил: «*Ввиду нелетной погоды авиация работать не будет*». А затем позвонил командующий фронтом: «*Заверещал зуммер полевого телефона. У провода К.К. Рокоссовский:*

– Какова у вас видимость, Павел Иванович?

– С трудом просматриваю на двести метров, – ответил я с тайной надеждой услышать приказ об отсрочке до улучшения погоды».

Но командующий фронтом сказал: «*Начинать будем вовремя*»[2].

На следующий день, 20 ноября 1942 г., перешла в наступление южная ударная группировка советских войск. Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А.И. Ерёменко вспоминал: «*К 7 часам 30 минутам я был уже на передовом наблюдательном пункте 57-й армии, на высоте 114,3, откуда при хорошей видимости открывался замечательный обзор большого участка, во всяком случае всего участка главного удара. К сожалению, сгустившийся туман ухудшил видимость, которая не превышала 200 метров… Таким образом, начало контрнаступления Сталинградского фронта из-за тумана было отодвинуто на два часа*»[3].

Это означало, что сотни тонн снарядов и мин ушли в туман вслепую, так и не разрушив систему стрелково-пулеметного и артиллерийско-минометного огня противника, не подорвав его минные поля в полосе ввода советских танковых и механизированных корпусов. К чему это привело, можно прочитать в воспоминаниях тех, кто 19 и 20 ноября прорывал оборону румынских соединений с плацдармов у Клетской и Серафимовича. Так, Герой Советского Союза полковник Н.Д. Козин, командир 63-й стрелковой дивизии писал: «*Приближалось утро 19 ноября 1942 года. Над Доном*

---

1 *Иванов С.П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 460.

2 *Батов П.И.* В походах и боях. С. 188, 189.

3 *Ерёменко А.И.* Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961. С. 347.

и степью расстилался густой грязновато-серый туман. В 8 часов 50 минут 226-й и 346-й стрелковые полки 63-й дивизии при поддержке танков прорвали передний край обороны противника на участке 6 километров, но, встретив сильное огневое сопротивление, к исходу дня продвинулись вперед всего на один-полтора километра. А тут еще дало себя знать неудачное наступление нашего правого соседа – 96-й стрелковой дивизии, подразделения которой не смогли сломить врага и отошли на исходные позиции»[1].

В полосе 5-й танковой армии генерал-лейтенанта П.Л. Романенко, действовавшей на направлении главного удара с клетского плацдарма, разведывательные дозоры, высланные от танковых корпусов в боевые порядки стрелковых дивизий, «*не смогли в густом тумане быстро сориентироваться на ровной, заснеженной местности и установить местонахождение пехоты. Из-за этого танковые бригады, вышедшие к 10 часам на южную и юго-восточную окраины хутора Калмыковский, вынуждены были основательно подзадержаться здесь*»[2]. Но задержка танковых корпусов еще не самое страшное. 159-ю танковую бригаду подполковника С.П. Хайдукова командарм направил восточнее ранее намеченного маршрута. В результате бригада потеряла на минном поле 12 танков[3].

Необходимо отметить, что с конца октября в большой излучине Дона на смену промозглой осени пришла суровая морозная зима. В середине ноября пошел снег, в отдельные дни температура опускалась до –18 °С, что достаточно холодно для этих мест. Подробнее представить погодные условия в начале операции «Уран» позволяет таблица 3.

Таблица 3. Сводка погоды в большой излучине Дона, ноябрь 1942 г.[4]

Дата	Температура воздуха	Облачность	Осадки, ветер	Состояние дорог
04.11.1942	от 0 до –1 °С	переменная		проходимы
05.11.1942	от –3 до –5 °С	сплошная	ледяной ветер, 5–9 м/с	труднопроходимы, гололедица

[1] *Козин Н.Д.* Гвардейцы в боях. Барнаул, 1975. С. 111, 112.

[2] *Иванов С.П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 462–463.

[3] Там же. С. 463.

[4] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 268. Д. 13. Л. 75; Ф. 229. Оп. 590. Д. 47. Л. 43; Ф. 368. Оп. 6512. Д. 25. Л. 4, 7; *Губин Б.А., Киселев В.Д.* Восьмая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 8-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1980; *Скрипко Н.С.* По целям ближним и дальним. М., 1981; *Исаев А.В.* Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008; *Метельман Г.* Сквозь ад за Гитлера. М., 2009; *Зубов Д.В., Дегтев Д.М.* Прерванный полет «Эдельвейса». Люфтваффе в наступлении на Кавказ. М., 2014 и др.

Продолжение таблицы 3

06.11.1942	от –5 до –8 °С	переменная		труднопроходимы
07.11.1942	от –7 до –9 °С	ясно	ледяной ветер	проходимы
08.11.1942	–15 °С	ясно	солнечно	проходимы
09.11.1942	до –15 °С	постоянная	ледяной ветер, 9–13 м/с	проходимы
10.11.1942	до –18 °С	сплошная		проходимы
11.11.1942	–15 °С	постоянная, плохая видимость		проходимы
12.11.1942	от –9 до –11 °С	низкая сплошная	сильный снегопад, метель	труднопроходимы, снежные заносы
13.11.1942	от –10 до –11 °С	постоянная	ветер, снег, метель	труднопроходимы, снежные заносы
14.11.1942	нет сведений			
15.11.1942	нет сведений			
16.11.1942	нет сведений			
17.11.1942	от +1 до –5 °С	низкая сплошная, туман, видимость 1–2 км		труднопроходимы, гололедица
18.11.1942	от +3 до –2 °С	сплошная, туман, видимость 1–2 км	местами снег с дождем, ветер 2–3 м/с	трудно-проходимы
19.11.1942	от –2 до +3 °С	сплошная, туман, видимость до 200 м	снег, дождь, ветер 3–5 м/с	труднопроходимы, гололед
20.11.1942	около 0 °С	низкая, видимость 300–500 м, местами туман		трудно-проходимы
21.11.1942	от –1 до +1 °С	сплошная		трудно-проходимы
22.11.1942		сильная, туман, видимость до 500 м		трудно-проходимы, гололед
23.11.1942				
24.11.1942		переменная		

Окончание таблицы 3

25.11.1942	нет сведений			
26.11.1942	нет сведений			
27.11.1942	от 0 до +1 °С	10 баллов	временами дождь, мокрый снег	трудно-проходимы
28.11.1942	нет сведений			
29.11.1942	нет сведений			
30.11.1942	нет сведений			

Приводимые сведения и воспоминания очевидцев свидетельствуют, что погодные условия создавали немало трудностей для подготовки операции «Уран». Так, заместитель командующего авиацией дальнего действия (далее – АДД) генерал-лейтенант авиации Н.С. Скрипко отмечал: «*В начале ноября на полевой аэродром в районе Камышина мы решили перебазировать 17-ю авиадивизию генерала Е.Ф. Логинова. Но погода внесла свои коррективы. Рано начались обильные снегопады. Положение усложнялось тем, что на новом полевом аэродроме совершенно отсутствовала снегоуборочная техника. Пришлось обратиться за помощью к местному населению и мобилизовать колхозников на расчистку взлетно-посадочной полосы, самолетных стоянок и рулежных дорожек*». После перебазирования экипажи 17-й авиадивизии АДД приступили к боевой работе, совершая в хорошую погоду по два-три боевых вылета за ночь. Особенно сильные удары по позициям противника были нанесены в ночь на 9 и в ночь на 11 ноября. Однако «*часто шли моросящие дожди, перемежаемые снегопадами. Ненастье сопровождалось сильными туманами*»[1].

Как уже отмечалось, непогода не позволила нанести удар с воздуха по позициям противника и накануне советского наступления: «*в дни, предшествовавшие операции “Уран”, усилились снегопады. Севернее Сталинграда повсеместно стояла сплошная низкая облачность, исключавшая боевое применение авиации… 50-я авиадивизия сумела взлететь, однако не смогла обнаружить целей из-за сплошных облаков и обильного снегопада*»[2]. В то же время плохая погода помешала и летчикам люфтваффе обнаружить скопление советских войск в местах базирования, а затем не дала им возможности нанести удар по перешедшим в наступление советским войскам. Перенос же даты советского наступления, скорее всего, не дал бы положительных результатов, поскольку последующие дни сохранялась ненастная погода.

[1] *Скрипко Н.С.* По целям ближним и дальним. С. 240–242.

[2] Там же. С. 243.

Когда наступающие советские войска замкнули кольцо окружения и создали внутренний и внешний фронты, наступила неизбежная пауза. За две недели боев обе противоборствующие стороны понесли значительные потери. Войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов – 70 312 чел., из них 24 222 чел. – безвозвратные потери. Немецкие и румынские войска (6-я полевая, 4-я танковая немецкие, 3-я и 4-я румынские армии) – 164 850 солдат и офицеров, из них 86 328 чел. – убитыми и умершими от ран[1].

Немецкое командование предприняло попытку нанести деблокирующий удар силами 4-й танковой армии генерал-полковника Г. Гота (57-й немецкий танковый, 6-й, 7-й румынские армейские корпуса) из района Котельниково на Сталинград (операция «Зимняя гроза»). Из-за погодных условий (наступила оттепель, раскисли грунтовые дороги, облачность и туман не позволяли использовать авиацию) и задержек с переброской по железной дороге частей усиления время начала операции было решено перенести с 8 на 12 декабря[2].

В ходе Котельниковской операции Сталинградского фронта в период с 12 по 30 декабря 1942 г. погода также оказала существенное влияние на ход и итоги боевых действий. Из-за оттепели в период 14–16 декабря на трое суток был задержан ввод в сражение 17-й танковой дивизии генерала Ф. фон Зенгера, способной усилить таранный удар 6-й и 23-й танковых дивизий 57-го корпуса. За это время Ставка Верховного Главнокомандования перенацелила 2-ю гвардейскую армию в составе трех корпусов с внутреннего фронта окружения на рубеж речки Мышкова для противодействия прорывавшейся к Паулюсу группировки Гота. Совершив в условиях бездорожья, глубокого снега и сильных морозов (до –22 °С днем, до –28… –30 °С ночью) двухсоткилометровый марш, 1-й и 13-й стрелковые, 2-й механизированный гвардейские корпуса 19 декабря сходу вступили в бой на рубеже Нижне-Кумский – Громославка – Васильевка. В тылу 1-го гвардейского стрелкового корпуса сосредоточивались 6-й механизированный и 7-й танковый корпуса. Задачей армии, по директиве Ставки ВГК, являлся разгром котельниковской группировки противника. В течение пяти суток соединения 2-й гвардейской и 51-й армии Сталинградского фронта отражали атаки танков и мотопехоты противника. 24 декабря последовал ответный контрудар советских войск, и к исходу 30 декабря враг был отброшен

---

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 105–117, 119–121, 130–131, 180–181.

[2] *Манштейн Э., фон.* Проигранные победы. Личные записки генерала вермахта. 1939–1944. М., 2009. С. 320.

на 60–70 км, освобождены Котельниково и Зимовники. Трехнедельные бои стоили больших потерь в личном составе и бронетехнике. Потери 4-й танковой армии составили 36 447 солдат и офицеров, из них 25 098 чел. – безвозвратные. Советские войска в этом сражении потеряли 71 315 воинов, из них 23 602 чел. убитыми и умершими от ран.

В период с 16 по 30 декабря была успешно проведена Среднедонская наступательная операция советских войск под кодовым наименованием «Малый Сатурн». Эффективность артиллерийской и авиационной подготовки утром 16 декабря была низкой из-за густого тумана. В ходе этой операции четыре танковых и один механизированный корпуса во взаимодействии с пехотой и кавалерией разгромили основные силы 8-й итальянской армии, остатки 3-й румынской армии и немецкую оперативную группу «Холлидт». В условиях глубокого снежного покрова, сильных морозов, действуя на пересеченной местности, 24-й танковый корпус генерал-майора танковых войск В.В. Баданова совершил 240-километровый рейд по тылам противника и разгромил основную базу снабжения окруженных войск Паулюса в станице Тацинской. Обстановка требовала от войск быстрых и внезапных действий, высоких темпов продвижения и стремительных ударов, проявления искусства в маневре и ведении боя, а погода затрудняла эти действия. Стояла морозная и снежная зима. В период рейда, с 20 по 28 декабря, температура воздуха опускалась до –27 °С[1].

Высота снежного покрова местами была больше метра, особенно в лощинах. К стеклам приборов наблюдения и стрельбы налипал снег. Видимость из танков во время движения в колоннах и в бою была ограничена, особенно ночью. Пользоваться фарами запрещалось. Снег проникал через смотровые щели внутрь танков, забивал их и затруднял управление. В степи было проложено много новых, не нанесенных на карту дорог, что затрудняло ориентировку. Пришлось выделить и подготовить специальных колонновожатых из числа лучших офицеров, в помощь им разрешалось привлекать местных жителей. Чтобы избежать обморожений личного состава, а также для очистки приборов наблюдения и стрельбы от снега, был дан приказ проводить через каждый час остановку. Во время привалов и дневок назначались дежурные из состава экипажей, которые следили за тем, чтобы температура в танке была не ниже +10 °С. Трудная, напряженная обстановка требовала от каждого солдата и офицера сознательного отношения к выполнению возложенных задач, предельного напряжения физических и моральных сил. Моторы танков в морозном декабре работали круглые сутки, расходуя много горючего. Когда его запасы иссякли,

[1] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072. Д. 12. Л. 1–243.

танкисты под руководством инженер-подполковника В.И. Орлова изготовили необходимое топливо сами, взяв за основу трофейные запасы авиационного масла и бензина на аэродроме в Тацинской. Авиационное масло подогревали в жестяных бочках до жидкого состояния, затем размешивали в пропорции три к одному с бензином и заливали в баки танков. В ночь с 27 на 28 декабря остатки 24-го (с 26 декабря – 2-го гвардейского Тацинского) танкового корпуса прорвали кольцо окружения и соединились с главными силами в районе Ильинки и Недежевки.

В ходе Среднедонской операции был прорван вражеский фронт шириной до 340 км. Разгромлены 11 дивизий и 3 бригады союзников Германии (румын и итальянцев). Понесли тяжелые потери 4 пехотные и 2 танковые немецкие дивизии. Советскими войсками были захвачены около 60 тыс. пленных, почти 2000 орудий, 176 танков, около 370 самолетов. Выход советских войск в тыл группы армий «Дон» заставил немецкое командование отказаться от дальнейших планов по деблокированию 6-й армии Паулюса. Наиболее отличившиеся в ходе операции соединения получили почетные наименования «Донские», «Кантемировские» и «Тацинские». Потери советских войск составили 95 690 чел., в том числе 20 301 чел. убитыми и умершими от ран. Противник потерял 118 249 солдат и офицеров, в том числе 57 174 чел. безвозвратно[1].

В январе 1943 г. советские войска приступили к ликвидации окруженной группировки Паулюса. Опираясь на укрепления сталинградских оборонительных обводов, немецкие войска создали прочную оборону, рассчитывая на помощь извне. Предложение советского командования о почетной капитуляции было отклонено. Опыта разгрома столь крупной группировки немецких войск, занимавших подготовленную оборону на сложнопересеченной местности, да еще зимой, с непредсказуемой изменчивой погодой, у советских войск не было. Из-за просчетов разведки в определении численности окруженной группировки не было достигнуто и необходимое превосходство в силах и средствах. Будущий маршал, а тогда, в январе 1943 г., командующий Донским фронтом генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский в своих мемуарах вспоминал: «*По обоим берегам Россошки густо расположены населенные пункты, которые противник превратил в узлы сопротивления. Прибавьте сюда снег – он толстым слоем покрыл все оборонительные сооружения врага, и обнаружить их нам было нелегко… Зима выдалась суровой. Сильные ветры с метелями, морозы до 32 градусов необычайно затрудняли наступление*»[2].

---

[1] Великая Отечественная война без грифа секретности... С. 346–347.

[2] *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1988. С. 157, 158.

Но еще более страдали от наступившей зимы войска окруженной 6-й полевой армии Ф. Паулюса. Об этом писал генерал-майор вермахта Э. фон Бутлар: «*На внутреннем фронте окружения русские поначалу ограничивались только тем, что прочно удерживали оборону. Воздушного транспорта явно не хватало на то, чтобы успевать эвакуировать раненых и больных. К тому же увеличивалось и число обмороженных, так как войска не имели теплого зимнего обмундирования. Морозы и недостаточное питание вызывали большое количество дополнительных жертв. Вследствие плохого питания и трудных условий физическое состояние даже здоровых солдат и офицеров быстро ухудшалось, а воля их к сопротивлению постепенно слабела*»[1].

Проблемы со снабжением у группировки Паулюса начались задолго до начала операции «Уран». Уже в сентябре 1942 г. фактический рацион продовольствия, который получали солдаты 6-й армии, составлял около 1 800 калорий в сутки – при потребности, с учетом нагрузок, 3 000–4 000 калорий. В дальнейшем нормы сокращались. 1 декабря норму выдачи хлеба пришлось уменьшить до 300 г, в январе – до 50–100 г, и только солдаты на передовой получали по 200 г. В последние дни существования Сталинградского котла большинство больных и раненых вообще не получали никакой пищи. Трудности со снабжением и постоянно нараставшее физическое и психическое истощение солдат и офицеров в условиях непрерывных боев с наступавшей Красной армией ухудшали и без того трудные – с учетом постоянного переохлаждения – условия. Степь постоянно продувалась резким и сырым холодным ветром. К тому же здесь почти полностью отсутствовали деревья. Единственным местом, откуда теоретически можно было бы доставить топливо (дрова или уголь), был сам Сталинград. Однако доставлять его было не на чем[2].

Данные метеосводок Донского, Сталинградского, Юго-Западного и Южного (с 1 января 1943 г.) фронтов за декабрь 1942 г. и январь 1943 г. приведены в таблицах 4 и 5. Они показывают, что зима в донских и приволжских степях действительно была холодной, с характерными для открытой местности пронизывающими ветрами, частой сменой температур, метелями и ледяными дождями. Сильные морозы ударили 17–19 декабря, а затем уже с 26 декабря и продолжались до конца месяца. В первые дни нового 1943 г. наступило потепление, с 5 января началось новое похолодание, особенно усилившееся во второй половине месяца. В то же время

---

[1] Мировая война 1939–1945. Взгляд побежденных. М., 2002. С. 274–275.

[2] *Пернавский Г.* Почему погибли сталинградские пленные? // Мифы Великой Отечественной. М., 2008. С. 113–146.

сопоставление сведений таблиц со средними температурами за предшествующий и последующий периоды времени не позволяет считать такие погодные условия экстремальными для данной местности.

Таблица 4. Сводка погоды в большой излучине Дона, декабрь 1942 г.[1]

Дата	Температура воздуха днем	Облачность	Осадки, ветер	Состояние дорог
01.12.1942	от 0 до –1 °С	дымка		проходимы
02.12.1942	0 °С	низкая и средняя		проходимы
03.12.1942	0 °С			проходимы
04.12.1942	0 °С	сплошная		проходимы
05.12.1942	0 °С	низкая сплошная		проходимы
06.12.1942	от 0 до –2 °С	сплошная	мокрый снег	труднопроходимы
07.12.1942	от 0 до +2 °С	сплошная низкая	слабый дождь, снег	труднопроходимы
08.12.1942	от –2 до –5 °С	низкая сплошная		проходимы
09.12.1942	от 0 до +2° С	низкая сплошная	снег и дождь	труднопроходимы
10.12.1942	от 0 до –2 °С	низкая сплошная		труднопроходимы
11.12.1942	от –5 до –8 °С	средняя	ветер северо-западный, 4–7 м/с	проходимы
12.12.1942	–6 °С	сплошная		проходимы
13.12.1942	от –2 до –5 °С	слабая		проходимы
14.12.1942	от 0 до –3 °С	ясно		проходимы

[1] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072. Д. 481л. Л. 26–243.

Окончание таблицы 4

15.12.1942	от 0 до +2 °С	10 баллов		труднопроходимы
16.12.1942	от +2 до –2°С	сплошная		труднопроходимы
17.12.1942	от –4 до –17 °С	сплошная	местами туман	проходимы
18.12.1942	от –12 до –18 °С	ясно		проходимы
19.12.1942	от –12 до –21 °С	средняя		проходимы
20.12.1942	от –2 до –6 °С	сплошная		проходимы
21.12.1942	от 0 до –5 °С	сплошная	местами снегопад	проходимы
22.12.1942	от 0 до –5 °С	сплошная		проходимы
23.12.1942	от –2 до –6 °С	низкая сплошная		проходимы
24.12.1942	от –1 до –6 °С	низкая сплошная	снегопад	труднопроходимы
25.12.1942	от –3 до –6° С	сплошная	снегопад, туман	проходимы
26.12.1942	от –13 до –20 °С	слабая		проходимы
27.12.1942	от –15 до –24° С	ясно		проходимы
28.12.1942	от –22 до –27° С	ясно		проходимы
29.12.1942	от –13 до –24° С	ясно		проходимы
30.12.1942	от –14 до –28 °С	ясно		проходимы
31.12.1942	от –8 до –14 °С	сплошная		проходимы

Таблица 5. Сводка погоды в большой излучине Дона, январь 1943 г.[1]

Дата	Температура воздуха днем	Облачность	Осадки, ветер	Состояние дорог
01.01.1943	от –3 до –9 °С	сплошная	местами снегопад	проходимы
02.01.1943	от –1 до –5 °С	сплошная	местами снегопад, туман	труднопроходимы
03.01.1943	от +2 до –2 °С	сплошная	дождь, ливневый дождь, ветер 8–12 м/с	труднопроходимы
04.01.1943	от +2 до –2 °С	сплошная, высотой 200–400 м	дождь	труднопроходимы
05.01.1943	от –3 до –6 °С	сплошная	без осадков, ветер 5–10 баллов	труднопроходимы, обледенение
06.01.1943	от –10 до –18 °С	сплошная	без осадков, ветер 3–5 баллов	проходимы
07.01.1943	от –9 до –11 °С	сплошная	местами снегопад	труднопроходимы
08.01.1943	от –6 до –8 °С	сплошная, высотой 100–300 м	снегопад, туман	труднопроходимы
09.01.1943	от –1 до –7 °С	сплошная, высотой 100–300 м	снегопад, туман	труднопроходимы
10.01.1943	от –4 до –6 °С	сплошная, высотой 200–400 м	туман	труднопроходимы
11.01.1943	от –2 до –5 °С	сплошная, высотой 600–1000 м	снегопад, ветер 7–10 баллов	труднопроходимы
12.01.1943	от –10 до –13 °С	сплошная, высотой 200–400 м	слабый снег, ветер 10 баллов	проходимы
13.01.1943	от –10 до –14 °С	сплошная, высотой 300–600 м	местами снегопад, ветер 3–10 баллов	проходимы
14.01.1943	от –13 до –18 °С	сплошная	слабый снег, туман	проходимы
15.01.1943	от –18 до –24 °С	сплошная, высотой 600–1000 м	местами снегопад, ветер 9–10 баллов	проходимы

[1] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072. Д. 1. Л. 1–297.

Окончание таблицы 5

16.01.1943	от –23 до –28 °С	небольшая	ветер северный, 3–5 м/с	проходимы
17.01.1943	от –25 до –31 °С	ясно	ясно	проходимы
18.01.1943	от –20 до –24 °С	ясно	ясно	проходимы
19.01.1943	от –15 до –28 °С	небольшая	ветер 4–5 баллов	проходимы
20.01.1943	от –15 до –28 °С	постоянная	слабая метель, ветер 4–5 баллов	проходимы
21.01.1943	от –12 до –15 °С	сплошная, высотой 600–1000 м	местами снегопад, ветер 8–10 баллов	проходимы
22.01.1943	от –8 до –13 °С	сплошная, высотой 400–600 м	местами туман, ветер до 10 баллов	проходимы
23.01.1943	от –7 до –12 °С	небольшая	местами снегопад, ветер до 10 баллов	труднопроходимы
24.01.1943	от –9 до –20 °С	сплошная, высотой 200–300 м	местами снегопад, ветер 8–10 баллов	труднопроходимы
25.01.1943	от –12 до –17 °С	сплошная, высотой 200–500 м	местами туман, ветер до 10 баллов	проходимы
26.01.1943	от –16 до –23 °С	ясно	ясно, ветер 1–2 балла	проходимы
27.01.1943	от –14 до –20 °С	ясно	ясно, ветер 1–2 балла	проходимы
28.01.1943	от –14 до –28 °С	ясно	ясно, ветер 1–2 балла	проходимы
29.01.1943	от –16 до –21 °С	небольшая	ветер 4–6 баллов	проходимы
30.01.1943	от –12 до –15 °С	небольшая	ветер 6–8 баллов	проходимы
31.01.1943	от –15 до –22 °С	небольшая	ветер 8–9 баллов	проходимы

В условиях, когда человек может согреться и отдохнуть, когда он нормально питается, длительное пребывание на холоде не представляет для него особой опасности. Следует отметить, что германское командование учло уроки первой зимней кампании 1941–1942 гг. Для вермахта были разработаны теплые ватные комплекты, меховые шапки-ушанки и масса приспособлений для обогрева блиндажей. Часть этого снаряжения попало и в 6-ю армию, однако всем солдатам теплой одежды не хватило. Еще хуже ситуация обстояла со снабжением теплым обмундированием войск союзников

Германии. Обморожения и отморожения, обострение хронических заболеваний, проблемы иммунной системы, пневмония, заболевания почек, фурункулез, экзема и многие другие заболевания стали следствием постоянного переохлаждения. В результате холод стал настоящим «тихим убийцей».

В ходе операции «Кольцо» немецкая группировка в Сталинграде 2 февраля 1943 г. была ликвидирована. Суммарные потери противника составили 255 245 чел., из них погибшими 147 200 чел. Донской фронт потерял 65 458 бойцов и командиров, в том числе 17 986 чел. убитыми и умершими от ран[1].

1 января 1943 г. началась Ростовская наступательная операция войск 5-й ударной, 2-й гвардейской, 51-й и 28-й армий Южного фронта. С первого дня наступления они встретили ожесточенное сопротивление врага. Бои за станицу Цимлянскую, превращенную врагом в мощный узел сопротивления на пути наступления 2-й гвардейской армии, приняли затяжной характер. Тогда 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского блокировала Цимлянскую и выдвинула подвижные части на запад для захвата станицы Константиновской и переправ через Северский Донец и Дон. В середине января подвижные соединения 2-й гвардейской армии вышли на оперативный простор, но нехватка горючего замедлила темпы наступления. 51-я и 28-я армии Южного фронта наступали на сальском направлении. На рубеже реки Маныч враг контрударами танковых и моторизованных соединений 4-й танковой армии на две недели сковал главные силы Южного фронта, что позволило через Батайск и Ростов вывести с Кавказа 1-ю танковую армию. В итоге Ростов-на-Дону был освобожден лишь 14 февраля. С выходом 17 февраля на рубеж реки Миус, где противник занял хорошо укрепленный рубеж, войска Южного фронта перешли к обороне. В ходе полуторамесячных непрерывных боев в Сальских степях обе противоборствующие стороны понесли большие потери, в том числе и от обморожений. Южный фронт потерял 28 331 воина, из них 9809 убитыми и умершими от ран[2]. Потери противника составили 39 818 чел., из них 13 286 чел. – безвозвратные.

Острогожско-Россошанская наступательная операция войск Воронежского фронта продолжалась 15 дней, с 13 по 27 января 1943 г., в условиях сильных зимних морозов, при глубоком снежном покрове. Из 15 дней операции в течение 11 дней погода была нелетной, и авиация не смогла оказать значительной поддержки наземным войскам. Вместо 700 запланированных самолето-вылетов в день авиация 2-й воздушной армии производила ежедневно в среднем немногим более 100 самолето-вылетов. Несмотря на это в ходе операции советские войска разгромили 2-ю венгерскую армию, итальянский альпийский и 24-й немецкий танковый корпуса

[1] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 262. Д. 189. Л. 131–134.

[2] Великая Отечественная без грифа секретности... С. 180.

и большую часть сил оперативного резерва группы армий «Б» – немецкого корпуса особого назначения генерала Крамера. Всего было разгромлено свыше 15 вражеских дивизий, а 6 дивизиям противника было нанесено тяжелое поражение. Советские войска взяли в плен свыше 86 000 солдат и офицеров противника, большое количество боевой техники, военного имущества и снаряжения. Общие потери противника в двухнедельных боях составили 143 955 чел., советских войск – 28 315 бойцов и командиров, в том числе убитыми и умершими от ран – 9265 чел.[1]

Общепринятым правилом ведения боевых действий в обороне является создание полевых укрытий (блиндажей, землянок, траншей и капониров с перекрытиями) не только для защиты от огневых средств противника, но и в качестве пунктов обогрева, питания и ночлега личного состава, мест складирования боеприпасов, медикаментов, ГСМ, продовольственного и вещевого снабжения. На передовой личный состав должен нести боевое дежурство в течение строго определенного времени в специальной экипировке, позволяющей выдерживать как высокие, так и отрицательные температуры. Необходимо периодически производить смену войск для отдыха и пополнения, регулярно контролировать санитарно-гигиеническое состояние личного состава и осуществлять противоэпидемическую профилактику, а также проводить ремонтно-регламентные работы с тяжелым оружием и боевой техникой и другие мероприятия. От технических, ветеринарных и санитарных служб требуется обеспечение войск водой, топливом, смазкой, антифризом, мазями от обморожения, кормами и укрытиями от холода и жары для лошадей, мулов, цепями для колес автомобилей, санями для гужевого транспорта, лыжами для пехоты и санками для пулеметов и легких минометов. Очевидно, что любые сбои в системе снабжения и обеспечения войск в данных условиях ведут к снижению боеспособности армии в летний и особенно в зимний период. В еще большей степени влияют погодные условия на ход и результаты наступательных операций с перемещениями многочисленных войсковых группировок, тысяч танков, орудий, автомобилей, тракторов, самолетов в открытой всем ветрам и метелям степи. Именно это и происходило в большой излучине Дона 1942–1943 гг.

В целом анализ летних и зимних операций показал, что в условиях маневренных боевых действий, при высоких и низких температурах, недостаточном питании и снабжении водой боеспособность войск резко снижается уже через две-три недели. Потери, понесенные личным составом в результате болезней, обморожений, физического и морального истощения (как следствие того, что командование недостаточно учитывало природный фактор), вполне сопоставимы с боевыми потерями от огневых средств.

[1] Великая Отечественная без грифа секретности... С. 121.

ГЛАВА 2. НАКАНУНЕ ТЯЖЕЛЫХ ИСПЫТАНИЙ

2.1. Планы сторон и соотношение сил на южном крыле советско-германского фронта накануне весенне-летней кампании 1942 г.

Замысел Ставки ВГК СССР на весенне-летнюю кампанию 1942 г. состоял в том, чтобы последовательно осуществить ряд стратегических операций на разных направлениях, заставить противника распылить свои резервы, не дать создать ему сильную ударную группировку для отражения наступления ни на одном направлении. В связи с весенней распутицей наступательные операции планировалось проводить по мере просыхания местности и грунтовых дорог, с юга на север. Харьковская наступательная операция должна была положить начало разгрому вермахта. Одновременно с нею планировалась наступательная операция в Крыму, где войска Крымского фронта имели задачу деблокировать осажденный Севастополь, затем совместно с Приморской армией очистить Крым от противника. Это открывало путь в Таврию, навстречу армиям С.К. Тимошенко и Р.Я. Малиновского, которые, согласно планам Ставки, должны были сокрушить группу армий «Юг». Позже в наступление переходили войска Брянского фронта на льговско-курском направлении, а после, в середине лета, Западный и Калининский фронты должны были разгромить ржевско-вяземскую группировку врага. Заключительными операциями планировалась деблокада Ленинграда и выход армий Карельского фронта на линию государственной границы СССР от полуострова Рыбачий до Выборга.

5 апреля 1942 г. Гитлер подписал директиву № 41 на подготовку к летней кампании 1942 г. В разделе директивы, озаглавленной как «Главные операции на Восточном фронте», говорилось: «…*цель этой операции заключается в том, чтобы для овладения Кавказским фронтом разбить и уничтожить русские силы, расположенные западнее и севернее р. Дон... Если в ходе этих операций, особенно благодаря захвату неповрежденных мостов, представится возможность образовать предмостные плацдармы восточнее и южнее Дона, то таким случаем необходимо воспользоваться.*

Было бы особенно желательно захватить неповрежденные мосты хотя бы в самом Ростове или другие защищенные плацдармы южнее Дона для дальнейшего ведения операций, запланированных на будущее. Для того чтобы не дать возможности значительной части русских сил, расположенных севернее Дона, отступить через реку в южном направлении, необходимо, чтобы боевая группа, наступающая из района Таганрога в восточном направлении, усилила свой правый фланг танками и подвижными частями, в качестве которых в случае необходимости могут служить также импровизированные части»[1].

Летняя кампания, спланированная Верховным командованием Германии (ОКВ) (нем. Oberkommando der Wehrmacht (OKW)) как цепь последовательных операций, направленных на охват и окружение советских войск на южном крыле Восточного фронта с выходом на Волгу и Кавказ, имела пять этапов. Первый этап (операция «Блау») предусматривал разгром армий Брянского фронта и выход к Воронежу с последующим поворотом подвижных соединений вдоль правого берега реки Дон на юг, в тыл войскам Юго-Западного и Южного фронтов. Вторым этапом летней кампании было окружение и уничтожение армий Юго-Западного и Южного фронтов севернее Ростова-на-Дону (операция «Клаузевиц»).

К 28 июня 1942 г. на 800-километровом фронте, от Курска до Таганрога, стояла готовая к наступлению группа армий «Юг» и ждала сигнала (см. приложение 6). Она состояла из трех мощных ударных группировок: одна – северо-восточнее Курска, другая – северо-восточнее Харькова (в Генеральном штабе РККА ее именовали волчанской), третья – в районе Краматорска. Эти группировки должны были овладеть средним и нижним течением Дона и Волги и захватить Кавказ.

Так как для осуществления крупной наступательной операции на юге не хватало сил, и резервов не было, немецкому командованию пришлось провести ряд организационных мероприятий. Для обеспечения операции «Блау» людьми и техникой немецкому командованию пришлось сократить численность 69 из 77 пехотных дивизий групп армий «Север» и «Центр». В них осталось по два батальона в полку (всего в дивизии шесть), а личный состав и вооружение трех пехотных батальонов от каждой дивизии были направлены в группу армий «Юг» на пополнение до штатной численности пехотных дивизий вермахта. В танковые дивизии, не участвовавшие в наступлении на юге, бронетехника не поставлялась. Имевшимися танками дивизии должны были укомплектовать только один батальон и ждать поступлений. Мотопехотные дивизии положенных им танков также

[1] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 15. Л. 268–278.

не получили. Все танки и штурмовые орудия новых модификаций отправлялись только на южный участок фронта. Для того чтобы восполнить недостаток танков, в войсках использовались противотанковые пушки на шасси устаревших немецких и французских трофейных танков, имевшие слабую броневую защиту.

Эти вынужденные мероприятия должны были повысить противотанковую оборону немецкого фронта. Группа армий «Юг» усилилась только за счет немецких соединений примерно с 20 до 68 дивизий. И эти дивизии, кроме трех пехотных, были полностью укомплектованы либо пополнены до 85 % от штата. Вместе с соединениями, вновь сформированными или же пополненными на Западе и в Германии, в действующую армию на Востоке, в первую очередь на участки запланированного наступления, были присланы из Германии тысячи новых автомашин. Кроме автотранспорта, были присланы 109 тыс. лошадей, в том числе примерно 60 тыс. лошадей добрались своим ходом, пройдя расстояние до 1 тыс. км. Были дополнительно изъяты 118 тыс. лошадей в оккупированных восточных областях и, наконец, кроме этого, войска сами добывали себе боевые трофеи в виде лошадей. Из группы армий «Север» было переброшено командование и штаб 4-й танковой армии. Кроме того, в ходе операции из четырех союзных стран в полосу наступления прибыло около 50 дивизий, большей частью ограниченной, сравнительно с немецкими дивизиями, боеспособности, которые были организационно объединены в четыре армии: венгерскую, итальянскую и две румынские.

Такое большое количество сил потребовало введения дополнительно еще одного штаба группы армий. С этой целью в начале наступления командование группы армий «Юг» было переименовано в командование группы армий «Б», а южная часть ее полосы была передана вновь сформированному командованию группы армий «А»[1]. В материально-техническом отношении командование группы армий «А» также было полностью оснащено, хотя и с некоторыми ограничениями. В некоторых пехотных соединениях продолжал оставаться небольшой некомплект в легком и тяжелом пехотном оружии. Такое же положение сложилось и в отношении укомплектованности противотанковыми средствами, мощь которых значительно увеличилась в связи с введением на вооружение новой 75-мм тяжелой противотанковой пушки. Конский состав был полностью пополнен, хотя зачастую вместо положенных по штату лошадей-тяжеловозов имелись обычные лошади. Кроме того, на выносливости конского состава, которым были оснащены некоторые части, отрицательно сказались ограниченные

[1] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. М., 2003. С. 330.

возможности по уходу за лошадьми и отсутствие возможностей для предоставления им отдыха. Поставки автомашин позволили укомплектовать ими части до 85 % от штатных норм[1].

К июню 1942 г. для проведения летнего наступления в составе группы армий «Юг» имелось 9 танковых дивизий (3, 9, 11, 13, 14, 16, 22, 23 и 24-я). По директиве Генерального штаба вермахта от 18 февраля 1942 г., в ходе подготовки к летней кампании в этих танковых дивизиях танковые полки впервые перешли с двух- на трехбатальонную организацию. В каждом из трех батальонов имелось по две роты легких танков и по одной роте средних танков. В Германии танки делились на легкие, средние и тяжелые не по массе, а по калибру орудия. С 1942 г. к легким относились танки с орудием калибром менее 75 мм, к средним – калибра 75 мм, к тяжелым – калибра выше 75 мм. Танковые полки указанных дивизий были укомплектованы полностью. Оставался некомплект лишь в частях, на вооружении которых находились устаревшие танки типа T-II, производство которых промышленностью было прекращено в июле 1942 г. Оснащение танка T-IV длинноствольной пушкой значительно увеличило его боевую мощь. Одна из рот мотоциклетного батальона, две усиленные роты при одном из мотопехотных батальонов и одна саперная рота получили на вооружение вездеходные полугусеничные бронетранспортеры. Мотопехотная бригада была усилена одной ротой самоходных зенитных установок (12 единиц 20-мм зенитных пушек Flak-38 «Эрликон»), а дивизионная артиллерия – зенитным дивизионом Резерва Главного командования (РГК), состоявшим из двух батарей 88-мм и одной батареи 20-мм зенитных пушек. Разведывательные батальоны были расформированы. Для ведения разведки мотоциклетному батальону была придана рота разведывательных танков. Средства тяжелой артиллерии смогли быть пополнены лишь до 75 % штатной нормы[2]. Противотанковая артиллерия танковой дивизии вермахта была представлена 48 орудиями двух типов – 37-мм Pak-35/36 и 50-мм Pak-38. Последние были новейшим образцом противотанковой артиллерии вермахта, способным бороться с советскими танками Т-34 и КВ. Однако их было еще немного, и основную массу противотанковой артиллерии танковой дивизии вермахта составляли 37-мм Pak-35/36. Помимо собственных средств борьбы с танками противника, дивизия, как правило, располагала приданными зенитками, формально подчинявшимися люфтваффе. Как 20-мм и 37-мм автоматические пушки, так и широко известные 88-мм зенитки Flak-36 подразделений люфтваффе широко применялись для борьбы с советскими

[1] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. С. 330.
[2] Там же. С. 331.

танками. Помимо использования по своему прямому назначению (против танков), противотанковые пушки использовались немцами для сопровождения танковой атаки. Орудия занимали статичные позиции на переднем крае и после перехода танков в атаку вели огонь по проявлявшим себя противотанковым орудиям и пулеметам противника. Расчеты противотанковых пушек обладали лучшим обзором, чем танкисты в раскачивавшемся на ухабах тесном танке, и могли резко повысить эффективность действий подразделения в целом.

Кроме танковых частей, к проведению операции «Блау» привлекалось 10 дивизионов штурмовых орудий, имевших более 150 САУ StuG III («Штурмгещюц»). Из них большую часть составляли штурмовые орудия StuG III Ausf.F, вооруженные 75-мм орудиями StuK-40 (с длиной ствола в 43 калибра). Эти самоходки также могли успешно бороться с Т-34 и КВ. Для проведения операции «Блау» привлекалось 6 моторизованных дивизий – 3, 16, 29, 60-я, «Великая Германия» и 5-я моторизованная дивизия СС «Викинг». Моторизованные (мотопехотные) дивизии впервые получили в штат один танковый батальон, состоявший из двух рот легких и одной роты средних танков (54–55 машин). Дивизия «Викинг» получила танковый батальон в конце апреля 1942 г. Разведывательные батальоны дивизий были расформированы. Для ведения разведки мотоциклетный батальон был усилен одной ротой разведывательных танков. Моторизованные полки получили дополнительно по одной роте 20-мм зенитных орудий, артиллерия была усилена зенитным дивизионом РГК, так же как и танковая дивизия. В истребительных противотанковых артиллерийских дивизионах две роты были оснащены 76-мм трофейными советскими противотанковыми пушками на самоходных лафетах. Моторизованная дивизия «Великая Германия» имела по сравнению с остальными моторизованными дивизиями лучшее тяжелое вооружение. Ее моторизованные полки получили в большем количестве тяжелое оружие. Танковый батальон состоял из трех рот средних танков. Кроме того, дивизия дополнительно получила дивизион штурмовых орудий трехбатарейного состава (18 САУ StuG III).

Высокая комплектность подвижных соединений для «Блау» была достигнута путем «потрошения» танковых дивизий группы армий «Центр», из которых были изъяты восемь танковых батальонов со всей материальной частью и личным составом. Так, по третьему танковому батальону получили: 9-я танковая дивизия – из 3-го танкового полка 2-й танковой дивизии; 11-я танковая – из 35-го полка 4-й танковой дивизии; 13-я танковая – из 29-го танкового полка 12-й дивизии; 14-я танковая – из 7-го

полка 10-й танковой; 16-я танковая – из 10-го полка 8-й танковой; 3, 29 и 60-я моторизованные дивизии получили по батальону танков из 1, 17 и 18-й танковых дивизий соответственно[1]. Также выделенные для «Блау» дивизии в первую очередь получали модернизированные танки T-III и T-IV с длинноствольными орудиями, которые позволили немецким танкистам на равных вести бой с Т-34 и КВ.

В летнем наступлении на Кавказ и Сталинград участвовали: 177, 191, 197, 201, 203, 209 и 210-й батальоны штурмовых орудий. Мотоциклетный батальон танковой и моторизованной дивизий насчитывал 1078 чел. личного состава, 9 противотанковых ружей, 58 ручных пулеметов, 14 станковых пулеметов, 9 50-мм и 6 81-мм минометов, 3 37-мм противотанковых и 2 75-мм легких пехотных орудия. Транспортные средства батальона включали 137 автомашин, 196 мотоциклов с коляской и 71 без коляски. По сути своей, это был мотострелковый батальон на мотоциклах, т.е. вместо грузовиков в мотоциклетном батальоне пехотинцы усаживались на мотоциклы и при необходимости вели бой в пешем порядке, используя мотоциклы лишь как транспорт. Соответственно, каждое отделение пехоты из 9 чел. перевозилось на 3 мотоциклах с коляской и вооружалось одним ручным пулеметом, шестью карабинами и одним пистолетом-пулеметом (у командира отделения).

Кроме танков, штурмовых орудий и бронеавтомобилей на вооружении вермахта имелось большое количество различной бронетехники вспомогательного назначения. Для артиллерийских частей выпускались машины передовых артиллерийских наблюдателей – колесно-гусеничные Sd.254. Для буксировки артиллерийских орудий использовались главным образом полугусеничные тягачи, а также гусеничные и колесные тягачи, в том числе и трофейных образцов. Кроме того, использовались тракторы немецкого производства и тяжелые тракторы французского производства. В саперных батальонах некоторых танковых дивизий использовались мостоукладчики, смонтированные на шасси танков T-I, T-II и T-IV.

Для буксировки артиллерийских орудий, перевозки пехоты и доставки грузов использовались грузовые автомобили немецкого, чехословацкого, французского, бельгийского производства, а также итальянские «Фиат» 618-СМ, производившиеся в Польше по лицензии и доставшиеся немцам в качестве трофеев. В дополнение к колесным грузовикам в 1942 г. специально для Восточного фронта были разработаны и запущены в производство полугусеничные грузовые автомобили Sd.3a, Sd.3b, Sd.3c и Sd.4,

---

[1] *Исаев А.В.* Когда внезапности уже не было. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005. С. 22.

получившие общее название Maultier («Мул»). Эти машины предназначались для транспортировки грузов по дорогам СССР, на которых колесные машины передвигались с трудом. Поскольку танковые и моторизованные дивизии предназначались для ведения наступления на решающих направлениях и должны были обеспечивать его непрерывность, их боеспособность самыми энергичными мерами была доведена до максимального уровня. Полностью пополненные и укомплектованные пехотные, егерские и горнострелковые дивизии по боеспособности примерно соответствовали пехотным, егерским и горнострелковым дивизиям, имевшимся в сухопутных силах на 22 июня 1941 г. Части резерва Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) (нем. Oberkommando des Heeres (OKH)) за исключением артиллерийских дивизионов, саперных батальонов и примерно 20 мостостроительных батальонов, а также артиллерии, действовавших под Севастополем, были полностью пополнены и укомплектованы до штата. Если разделить общую численность войск на количество имевшихся дивизий, то на каждую дивизию приходилось в среднем 15 231 чел. личного состава.

В полосе от Курска до Таганрога было сосредоточено около 900 тыс. солдат и офицеров, 1260 танков, свыше 17 тыс. орудий и минометов, 1640 боевых самолетов[1]. Вместе с тем на московском направлении противник продолжал держать достаточно сильную группировку войск. На участке фронта от Холма до Орла он имел 67 дивизий, из них 57 пехотных, 9 танковых и 4 моторизированных, или 28,3 % пехотных и 38,8 % танковых и моторизированных соединений. В справке «О состоянии вооруженных сил Германии во Второй мировой войне», подготовленной Главным разведывательным управлением Генерального штаба Красной армии в 1942 г., численность действующей армии Германии на советско-германском фронте на 1 июля 1942 г. определена в 5655 тыс. чел. (в тылу Германии – 3380 тыс. чел.). Вооружение составило (расчетно-документальные данные): 31 тыс. орудий, 6,5 тыс. танков (в Германии – 8,5 тыс.), 3,4 тыс. самолетов[2]. В энциклопедии «История Второй мировой войны. 1939–1945» численность войск Германии в 5655 тыс. чел. на советско-германском фронте указана на 28 июня 1942 г.[3] В этом труде военных историков численность немецко-фашистских войск на советско-германском фронте на 1 мая 1942 г. определена в 6198 тыс. чел., в том числе:

---

[1] История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. М., 1975. С. 145, 146.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 977 444. Д. 1. Л. 7–11.

[3] История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5. С. 145.

немецкие соединения – 5388 тыс. чел., финские – 300 тыс. чел., румынские – 330 тыс. чел., венгерские – 70 тыс. чел., итальянские – 68 тыс. чел., словацкие – 28 тыс. чел., испанские – 14 тыс. чел. Б. Мюллер-Гиллебранд указывает, что численность личного состава действующей армии (без войск СС) на 1 июля 1942 г. на Востоке составляла 2 847 тыс. чел. (173 дивизии), прочие войска (войска связи, железнодорожные, охранные войска, служба снабжения) – 130 тыс. чел., при общей численности 3948 тыс. чел. (226 дивизий)[1] (см. табл. 6).

Таблица 6. Боевой состав вермахта на советско-германском фронте летом 1942 г. (по немецким данным, чел.)[2]

Фронт/армия	Июнь	Июль	Август
Группа армий «Север»	509 041	525 748	582 603
Группа армий «Центр»	755 789	729 602	870 819
Группа армий «Юг»	1 141 187	1 210 861	1 120 508
В том числе:			
Группа армий «А» (с 9 июля)		612 483	460 415
1-я танковая армия	170 515	226 688	155 848
4-я танковая армия	141 013	85 643	105 792 (в группе армий «Б»)
17-я армия	167 525	135 504	202 040
11-я армия	166 010	164 648	102 527

В таблице не учтены части РГК в подчинении групп армий, резервы ОКХ, войска союзников и инонациональные соединения. Данные по численности и вооружению оценивают силы вермахта и не учитывают численность и вооружение войск союзников, а также трофейную военную технику оккупированных стран и захваченную в боях с Красной армией. Трофейная техника, особенно танки и артиллерия, позволяла вермахту создавать иллюзию непобедимости, занижая свои боевые потери. Не учтены и авиаполевые дивизии, которые относились к люфтваффе, хотя широко использовались для защиты аэродромов и служили подвижным резервом ОКВ.

[1] *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. С. 337.

[2] Среднемесячная численность немецких армий в 1941–42 гг. URL: http://don1942.ru/oborona-sovetskikh-vojsk-v-nizhnem-techenii-dona-letom-1942-goda/item/balans-sil (дата обращения: 22.11.2016).

В летней кампании на юге России участвовали многочисленные войска союзников, хотя и менее боеспособные, чем войска вермахта. Они двигались за ударными немецкими дивизиями и очищали захваченную территорию от оказавшихся в тылу наступавших немцев остатков советских войск, а также выполняли охранные функции, освобождая немецкие части для дальнейшего движения вперед. Наиболее крупную группировку предоставила Румыния. Ее войска, поддерживая части вермахта с июня 1941 г. от южных границ СССР, к 1 августа 1942 г. насчитывали 32 дивизии и бригады, 41 734 офицеров и унтер-офицеров, 631 333 солдат. Большая часть этих войск в составе 3-й и 4-й румынских армий участвовала в летнем наступлении на юге. Часть румынских войск находилась в Крыму и в дальнейшем также участвовала в боях на Северном Кавказе. Румынская танковая дивизия имела 122 танка, в основном устаревших типов, а также пополнялась трофейными советскими танками.

2-я венгерская королевская армия генерал-полковника Густава Яни, входившая в состав армейской группы «Вейхс» (в нее также входили 2-я полевая и 4-я танковая немецкие армии), насчитывала 205 тыс. чел., 107 танков, 90 самолетов. В армию входили 3-й армейский корпус (6, 7, 9-я легкопехотные дивизии), 4-й армейский корпус (10, 12, 13-я легкопехотные дивизии), 7-й армейский корпус (19, 20, 23-я легкопехотные дивизии) и 1-я венгерская танковая дивизия. Каждая легкая венгерская дивизия шестибатальонного состава имела на вооружении 362 станковых и ручных пулемета, 74 миномета, 32 полевых орудия, 46 противотанковых и 6 зенитных пушек. Танковая дивизия была оснащена танками Т-38 (бывший чехословацкий LT-38), немецкими средними танками T-III и T-IV, а также венгерскими легкими танками «Толди», бронетранспортерами «Чаба» и самоходными орудиями «Нимрод».

8-я итальянская армия (Armata Italiana in Russia, сокращенно ARMIR) под командованием генерала армии Итало Гарибольди состояла из 3 корпусов, имевших в общей сложности 5 пехотных, 3 горные, 1 мотопехотную, 1 охранную дивизии, 2 пехотные и 1 кавалерийскую бригады. Общая численность итальянских войск составляла 229 000 чел., имевших на вооружении 2906 орудий и минометов, 4394 пулемета, 74 танка и САУ (55 легких танков L6/40, 19 САУ Semovente 47/32), 100 самолетов, 16 700 автомобилей, 1130 тракторов, 25 000 лошадей и мулов. Бывший экспедиционный корпус в составе двух пехотных дивизий – 9-й «Пасубио», 52-й «Торино» и 3-й подвижной дивизии имени принца Амедео, герцога Д'Аосты, «Челере» (быстрой), принял название 35-го армейского корпуса. Во 2-й армейский корпус вошли три пехотные дивизии: 2-я «Сфорцеска», 3-я «Равенна»,

5-я «Коссерия». Альпийский корпус насчитывал три горнострелковых дивизии: 2-ю «Тридентину», 3-ю «Юлию» и 4-ю «Куэнензе». 156-я пехотная дивизия «Виченца», две бригады фашистской милиции (чернорубашечников) – «3 января» и «23 марта», отдельная кавалерийская бригада генерала Гильермо Барбо действовали самостоятельно или придавались на усиление тому или иному корпусу. 7 июня 35-й итальянский корпус вошел в подчинение 17-й полевой армии вермахта. 16 июня 1942 г. из Италии прибыли управления 8-й армии, 2-го армейского корпуса, пехотные дивизии «Равенна» и «Сфорцеска». С 12 по 21 июля 1942 г. прибыли пехотная дивизия «Коссерия», пехотная бригада «23 марта» и кавалерийская бригада «Барбо», 25 июля – управление горнострелкового корпуса, 28–30 июля – 2-я горнострелковая дивизия «Тридентина». К 28 июля 1942 г. 8-я итальянская армия выдвинулась на рубеж Белогорье – Серафимовичи, где сменила дивизии немецкого 29-го армейского корпуса. На донском рубеже 8-я итальянская армия находилась до 16 декабря 1942 г. До выхода к реке Дон и получения итальянской армией собственного участка фронта, ее войска находились в оперативном подчинении командования 17-й полевой армии вермахта. Три дивизии были усилены немецкими частями резерва ОКХ. Периодически по необходимости им также передавались в подчинение немецкие дивизии. При штабах армий и штабах корпусов союзников имелись немецкие оперативные штабы связи и оперативные группы связи.

В целом, к 28 июня 1942 г. противник создал на южном крыле советско-германского фронта благоприятную для себя оперативную обстановку. Была сосредоточена мощная ударная группировка, достигнуто значительное превосходство в силах и средствах на направлении главного удара. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер 20 июня 1942 г. в своем дневнике записал: «*Противник в целом перешел к обороне. На переднем крае у него весьма незначительное количество войск, и в данное время это прямо-таки рискованно. Подвижные части противника сосредоточены во втором эшелоне*»[1]. В 4-й танковой армии армейской группы «Вейхс» вместе с приданными частями насчитывалось около 250 тыс. чел., 799 орудий полевой артиллерии, 378 противотанковых пушек, 252 миномета, а также 828 зенитных орудий всех калибров. Ударная сила группы состояла из 733 танков и 70 штурмовых орудий. В ближайшем резерве находились еще две немецкие и пять венгерских дивизий, а также 1-я венгерская танковая дивизия, имевшая на вооружении 8 командирских Т-1, 102 чешских 38(t) и 22 Т-2. Таким образом, германское командование

[1] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 270.

на этом участке дополнительно могло ввести в сражение еще восемь дивизий, одна из которых была танковой.

Соотношение сил было не в пользу войск 13-й и 40-й армий Брянского фронта. По пехоте противник превосходил их в 2 раза, по артиллерии – в 2,5 раза. На участке прорыва враг создал тройное превосходство по пехоте и артиллерии и шестикратное – по танкам[1]. К началу летнего наступления южный фланг германских войск подчинялся штабу «Азов». Его силы составляли: 1-я танковая армия на рубеже Купянск – Каганович в составе: группа «Штрекер» (11-й немецкий и 6-й румынский армейские корпуса), 44-й армейский, 3-й танковый, 14-й танковый, 4-й армейский корпуса.

Разграничительная линия между 1-й танковой и 6-й полевой армиями и одновременно между береговым штабом «Азов» и группой армий «Юг» проходила: 5 км западнее Тарановки – Тарановка (южная часть) – Андреевка (южная часть) – Тарасовка (южная часть) – Белолуцкая (центр) – Кантемировка. 17-я армия занимала полосу от Кагановича до побережья Азовского моря, имея в своем составе: 52-й армейский, итальянский экспедиционный, 49-й горный, 57-й танковый, румынский кавалерийский корпуса. Разграничительная линия между 17-й полевой и 1-й танковой армиями проходила между Красноармейским (для 1-й танковой армии), полустанком Криго (в 3 км западнее Дзержинска), дачей Гладозова (для 17-й армии, Кагановичем (для 1-й танковой армии), Крымской (для 17-й армии) и рекой Северский Донец до села Крушиловки. 11-я полевая армия генерал-полковника Э. фон Манштейна находилась в Крыму в следующем составе: 42, 30, 54-й армейские корпуса, румынский горный корпус. К началу операции «Блау» группа армий «А» еще заканчивала пополнение своих дивизий после боев под Харьковом и в Крыму и сосредоточение вновь прибывающих дивизий.

Немецкое командование упредило в развертывании своей наступательной группировки (армейская группа «Вейхс» и 6-я полевая армия) советские войска Брянского и Юго-Западного фронтов, которые не завершили полностью построение главной полосы обороны, а на отдельных участках Юго-Западного фронта еще только поспешно переходили к обороне на слабо подготовленных в инженерном отношении рубежах. В переговорах командования Брянского фронта с командованием 40-й армии перед началом немецкого наступления есть поразительная деталь: «*С Касторненского склада ВТС* (Военно-технического снабжения. – Авт.) *№ 1803 40-я армия получила 14 тысяч штук противотанковых мин без муфт. Мины к употреб-*

[1] ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 6079. Д. 105. Л. 150.

лению не годны»[1]. И это накануне наступления ударной группировки врага, состоявшей из трех танковых, трех моторизованных и нескольких пехотных дивизий именно на фронте 40-й армии! 24 июня, за четыре дня до наступления основных сил 4-й танковой армии Г. Гота в полосе 40-й армии Брянского фронта, ее командующий, генерал-лейтенант М.А. Парсегов, в переговорах с командующим фронтом Ф.И. Голиковым сообщал: «*Мне крайне необходимо 3–5 тысяч винтовок, так как у меня в войсках имеется невооруженная пехота*». На это Голиков отвечал: «*К сожалению, винтовок нет. Как только поступят, немедленно будут вам даны*»[2]. Успел ли Михаил Артемьевич Парсегов за оставшиеся три дня до начала ожесточенных боев получить винтовки для своей невооруженной пехоты? Данных об этом в архивах нет.

О планах немецкого командования на южном крыле Восточного фронта на лето 1942 г. уже в апреле сообщили советскому руководству наши разведчики из «Красной капеллы». Сообщения поступали также из Лондона, где англичанам удалось расшифровать код «Энигма». Проанализировав все сообщения, в том числе и войсковой разведки фронтов, в Генштабе РККА и в Ставке ВГК пришли к выводу, что наибольшую угрозу представляет немецкое наступление в полосе Брянск – Курск войск группы армий «Центр». Поэтому основные резервы сосредотачивались на центральном участке советско-германского фронта для защиты Москвы. Определенную роль в принятии такого решения сыграл подброшенный немецкой разведкой план наступательной операции на столицу СССР «Кремль». Сроки начала операций «Блау» и «Кремль» совпадали по датам, что запутывало ситуацию еще сильнее.

19 июня в 9 часов утра начальник оперативного отдела 23-й танковой дивизии майор Рейхель и пилот лейтенант Дехант на самолете «Физелер Шторх» вылетели с аэродрома Харьков – Северный в штаб 17-го армейского корпуса. Из-за ошибки, допущенной летчиком, самолет очутился над нейтральной полосой и был сбит огнем артиллерии 21-й армии Юго-Западного фронта. Майор был убит, а его портфель с важнейшими документами, которые раскрывали цели и средства на первом этапе операции «Блау», оказался в руках советского командования. Ознакомившись с содержанием, маршал С.К. Тимошенко понял, какие перед ним бесценные документы, и распорядился немедленно отправить их самолетом в Москву, лично Сталину. 20 июня портфель майора Райхеля оказался в Ставке ВГК,

---

[1] *Сдвижков Н.Ю.* Дело майора Рейхеля. URL: http://zhistory.org.ua/blau42_2.htm (дата обращения: 30.03.2016).

[2] Там же.

и Сталин смог лично просмотреть подлинники и прочесть их перевод. Но Верховный главнокомандующий сомневался, не являются ли документы фальшивкой абвера. Получив уникальную информацию о предстоящем наступлении противника на белгородско-воронежском направлении, Ставка ВГК, Генеральный штаб и Сталин не посчитали это направление главным, а восприняли его как одно из серии вероятных наступлений на всем фронте, как в 1941 г., и, в первую очередь, в полосе Брянского и Западного фронтов, на московском направлении. Возможность наступления противника на курско-воронежском направлении всерьез не принималось ни в Ставке ВГК, ни в Генштабе РККА, ни в штабе Брянского фронта.

Серьезной реорганизации весной 1942 г. подверглись и советские танковые войска. Опыт наступательных операций РККА зимой 1941/42 гг. показал необходимость организационного массирования танков, создания крупных механизированных соединений. К лету появилась и материальная база – выпуск танков и другой боевой техники увеличился. Весной 1942 г. началось формирование 25 танковых корпусов, каждый в составе трех танковых и одной мотострелковой бригад, разведывательного батальона, зенитно-артиллерийского дивизиона, дивизиона реактивных минометов (8 установок РСЗО), а также подразделений материально-технического обеспечения (рота подвоза ГСМ, ремонтная рота и др.). По штату в корпусе предусматривалось иметь 5600 чел., 168 танков типа Т-34, Т-60, Т-70, 32 полевых орудия калибра 45-мм и 76-мм, 20 зенитных орудий калибра 37-мм, 44 миномета (82-мм и 120-мм), 8 установок реактивных минометов БМ-8 и БМ-13 («катюши»). В апреле – мае 1942 г. 11 танковых корпусов новой организации формировались на фронтах и 14 – в резерве Ставки ВГК. Новым в организационном строительстве танковых войск явилось создание танковых армий. По приказу народного комиссара обороны от 29 мая 1942 г. танковая армия должна была иметь в своем составе три танковых корпуса, отдельную танковую бригаду, одну-две стрелковые дивизии и специальные части. Смешанный состав танковой армии обусловливался стремлением создать мощное оперативное объединение, обладающее большой ударной силой и способностью не только прорывать оборону, но и действовать в оперативной глубине противника.

Весной и летом 1942 г. также формировались отдельные танковые батальоны и бригады, предназначенные для непосредственной поддержки пехоты. Отдельные танковые батальоны создавались двух типов: в составе 29 танков (9 средних и 20 легких) и 36 танков (5 КВ, 11 Т-34, 20 Т-60). Отдельные танковые бригады в 1942 г. содержались по различным штатам с общим количеством от 46 до 53 танков. На их вооружении состояли тяжелые, средние

и легкие танки. При такой организации возникли трудности при укомплектовании подразделений различными типами танков и организация ремонта и восстановления бронетехники в полевых условиях. На 1 мая в танковых войсках РККА имелось 25 танковых корпусов (некоторые из них входили в 3-ю и 5-ю танковые армии) в составе 75 штатных танковых бригад и 114 отдельных танковых бригад. На вооружении действующей армии находилось 4065 танков, из которых 1995 были легкими. Остальные танки с заводов поступали в части и соединения резерва Ставки ВГК.

Распределение советских войск на 25 июня 1942 г. по фронтам южного стратегического направления было следующим: войска Брянского фронта (командующий генерал-лейтенант Ф.И. Голиков) оборонялись в 350-километровой полосе от города Белёва, расположенного в Тульской области, на реке Оке, до верховьев Сейма. Своим правым крылом фронт прикрывал направление на Тулу и Москву, а левым – на Воронеж, огибая захваченные немцами Орел, Щигры, Курск. Штаб фронта находился в 12 км юго-восточнее Ельца. Брянский фронт активно укреплялся Ставкой и имел, кроме 3, 48, 13, 40-й общевойсковых армий, два танковых корпуса и три отдельных танковых бригады. 61-я общевойсковая армия (командующий генерал-лейтенант П.А. Белов) численностью в 83 824 чел. 28 июня была передана в состав Западного фронта. В составе Брянского фронта остались 24 стрелковые и 6 кавалерийских дивизий, 10 стрелковых, 32 танковых, 7 мотострелковых и 3 истребительные бригады, 7 дивизионов бронепоездов (БЕПО). Численность боевого состава Брянского фронта на 25 июня 1942 г. составляла: 3-я армия – 53 181 чел., 48-я армия – 60 631 чел., 13-я армия – 57 941 чел., 40-я армия – 80 427 чел., автобронетанковые войска (АБТВ) – 88 020 чел. Всего в составе фронта – 362 965 бойцов и командиров[1]. Во фронтовом подчинении находились: 1-й танковый корпус (1-я гвардейская, 49-я, 89-я танковые и 1-я мотострелковая бригады), 16-й танковый корпус (107, 109, 164-я танковые и 15-я мотострелковая бригады), 7-й (11, 17, 83-я кавалерийские дивизии) и 8-й (21-я, 112-я кавалерийские дивизии) кавалерийские корпуса, 1-я гвардейская, 284-я стрелковые и 2-я истребительная дивизии, 106-я, 135-я стрелковые, 118, 157 и 201-я танковые бригады.

В полосе фронта также находился резерв Ставки ВГК – 5-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта танковых войск А.И. Лизюкова. По директиве Ставки ВГК № 170451 от 17 июня 1942 г. она была переброшена северо-западнее города Ефремов из района Ельца для планировавшегося советским командованием наступления на Орел[2].

[1] ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 7. Д. 46. Л. 193–217.
[2] ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 126. Л. 211.

На 28 июня 5-я танковая армия имела в своем составе 2-й (26, 27, 148-я танковые, 2-я мотострелковая бригады) и 11-й (53, 59, 160-я танковые, 12-я мотострелковая бригады) танковые корпуса, 19-ю отдельную танковую бригаду общей численностью 27 462 чел. личного состава и 480 боеготовых танков. 25 июня был передан Брянскому фронту из Юго-Западного 17-й танковый корпус в составе 66, 67, 174-й танковых и 31-й мотострелковой бригад. Два кавалерийских корпуса размещались следующим образом: 7-й корпус – в тылу 61-й армии на восточном берегу Оки, 8-й – в тылу 3-й армии в районе Ефремова. Войска 3-й общевойсковой армии генерал-лейтенанта П.П. Корзуна в составе 60, 137, 240, 269, 283 и 287-й стрелковых дивизий, 104-й, 134-й стрелковых, 79, 150, 201-й танковых бригад и 48-й общевойсковой армии генерал-майора П.А. Халюзина в составе 6-й гвардейской, 8, 211, 280-й стрелковых и 55-й кавалерийской дивизий, 118-й, 122-й стрелковых, 80-й, 202-й танковых бригад, а также основные фронтовые резервы и резервы Ставки ВГК противостояли южному флангу группы армий «Центр», прикрывая направление на Москву, и только 13-я и 40-я общевойсковые армии держали оборону в полосе наступления ударной группировки армий «Юг».

На оборонительный рубеж, построенный в тылу войск Брянского и Юго-Западного фронта по линии Большая Верейка – Турово – Алексеевка – Ровеньки – Мостки – Трехизбенка в конце июня и в начале июля были выдвинуты части 75, 53, 117, 118 и 74-го укрепленных районов. Они готовились Генштабом РККА для так и не состоявшегося наступления с целью разгрома немецкой группировки в районе Орла и Курска. Наступление советских войск намечалось на Орел сначала на 10–12 мая, потом было перенесено на 20 мая, но из-за поражения под Харьковом наступление Брянского фронта Ставка отменила. Была поставлена задача создать в полосе фронта глубоко эшелонированную оборону. По воспоминаниям начальника штаба Брянского фронта генерала М.И. Казакова, «*из захваченной нами директивы командира 40-го танкового корпуса немцев мы узнали, что противник намеревается начать наступление… Штаб фронта, армейские штабы и войска готовились к этому. Тщательно отрабатывали взаимодействие, особенно на стыке 13-й и 40-й армии. Командарм-40 генерал-лейтенант артиллерии М.А. Парсегов – человек увлекающийся, у него порой не хватало терпения на детальный анализ обстановки. Мне и сейчас помнится один его разговор с командующим фронта. – Как оцениваете свою оборону? – спросил Ф.И. Голиков. – Мышь не проскочит, – уверено ответил командарм*»[1].

[1] *Казаков М.И.* Над картой былых сражений. М., 1971. С. 99.

«Отработав взаимодействие», штаб Брянского фронта спокойно продолжил подготовку… к наступлению. Поэтому и оборона советских войск была снова «активной»: даже первый оборонительный рубеж не успели оборудовать полностью, второй полосы, как правило, не было вовсе. Артиллерия и небольшие резервы равномерно распределялись по всему фронту. Отражать возможные наступления противника предполагалось контрударами танковых соединений. Возможности для этого имелись. В середине июня в составе Брянского фронта насчитывалось свыше 1500 танков, в том числе 780 вполне современных боевых машин. Поскольку считалось, что немцы, как и в 1941 г., будут наносить удар в направлении Мценск – Тула, наиболее сильная группировка танков – 5-я танковая армия (2, 7, 11-й танковые корпуса, 19-я отдельная танковая бригада – всего 556 танков) находилась на правом фланге фронта и готовилась к нанесению контрудара на Чернь. В своих мемуарах М.И. Казаков сообщает, что ночь на 28 июня он провел за разработкой плана орловской наступательной операции: «*Мы настолько вжились в этот план, что порою представляли себе различные его варианты как реальные события*»[1].

Спланированные немецким командованием действия группы «Вейхс» приходились на южную половину участка Орел – Курск. Против 55-го армейского корпуса и группы «Вейхс» (немецкие 11 пехотных, 3 танковых, 3 моторизованных дивизии и моторизованная бригада СС, 2-я венгерская армия) на 180-километровом участке фронта на участке от Ливен до Ржавы оборонялись две армии Брянского фронта: 13-я армия генерал-майора Н.П. Пухова – в полосе Трудки – Долгое; 40-я армия генерал-лейтенанта артиллерии М.А. Парсегова – в полосе Долгое – Ржава. Разграничительная линия между ними проходила в 15–20 км севернее железной дороги Курск – Воронеж. В составе 13-й армии находилось пять стрелковых дивизий и одна танковая бригада. В первом эшелоне, на фронте в 70 км, оборонялись 132, 148 и 15-я Сивашская стрелковые дивизии, 635-й стрелковый полк 143-й дивизии. Во втором эшелоне армии находились 307-я и 143-я (без 635-го полка) стрелковые дивизии, 129-я танковая бригада. Рядом располагалась 109-я отдельная стрелковая бригада, находившаяся в резерве Брянского фронта. В район Воротынска, на стык с 48-й армией был выдвинут 1-й танковый корпус генерал-майора танковых войск М.Е. Катукова из резерва Брянского фронта. В составе 40-й армии находилось 6 стрелковых дивизий, 2 танковые и 3 стрелковые бригады. В первом эшелоне, на фронте в 110 км, оборонялись 45, 62, 121, 160 и 212-я стрелковые дивизии. Фронт обороны этих дивизий был очень растянут, составляя в среднем 24 км.

[1] *Казаков М.И.* Над картой былых сражений. С. 103.

В их тылу находились 14-я и 170-я танковые бригады, предназначенные для контратак в тактической зоне обороны. Во втором эшелоне, на рубеже реки Кшень, в 40–60 км от переднего края, развернулись 111-я и 119-я стрелковые бригады, а южнее на этой же линии – 6-я стрелковая дивизия и 141-я стрелковая бригада. В оперативной глубине, в районе Касторной, была сосредоточена 284-я стрелковая дивизия из фронтового резерва, усиленная отдельным артиллерийским полком и 4-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой из состава 1-й истребительной противотанковой дивизии. Там же сосредотачивались 115-я и 116-я отдельные танковые бригады из фронтового резерва. Для боевых действий в полосе 40-й армии предназначались два танковых корпуса. 16-й танковый корпус генерал-майора танковых войск М.И. Павелкина был выведен в район станции Волово, к реке Кшень, на стык с 13-й армией. 4-й танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск В.А. Мишулина, до 20 июня находившийся в подчинении Юго-Западного фронта, неоднократно менял дислокацию и лишь 20 июня был направлен к Старому Осколу из района села Большетроицкого Курской области[1]. Всего 13-й и 40-й общевойсковым армиям придавалось семь танковых бригад (170, 14, 129, 80, 150, 79, 202-я), имевших на 20 июня 1942 г. 566 танков (380 Т-34 и 186 КВ-2)[2].

Войска Юго-Западного фронта Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко оборонялись на участке в 330 км, от верховья реки Сейм и далее по линии Покровка, Белгород, Купянск, Красный Лиман (45 км юго-восточнее Изюма). В состав Юго-Западного фронта входили 9, 21, 28, 38-я общевойсковые армии и 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Всего 32 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 24 танковых, 3 мотострелковых, 6 истребительных бригад, 5 укрепрайонов, 5 отдельных танковых батальонов, 2 отдельных мотоциклетных батальона, 5 отдельных дивизионов бронепоездов. Все четыре армии и 3-й гвардейский кавалерийский корпус (5-я, 6-я гвардейские, 32-я кавалерийские дивизии) находились в первом эшелоне. В резерве командующего фронтом находились 4-й (45, 47, 102-я танковые и 4-я мотострелковая бригады) и 24-й (4 гвардейская, 54, 130-я танковые и 24-я мотострелковая бригады) танковые корпуса, сосредоточенные в районе города Новый Оскол, 14-й танковый корпус (138-я и 139-я танковые бригады) северо-восточнее Кременной, 133-я отдельная танковая бригада, 304-я и 333-я стрелковые дивизии восточнее Сватово, 244-я стрелковая дивизия в районе Старобельска. Полевое управление 57-й армии, передав свои войска в состав 9-й и 38-й армий, было выведено

---

[1] *Голиков Ф.И.* В боях за Воронеж // Воронежское сражение. Воронеж, 1968. С. 7–8.
[2] Там же. С. 9.

в резерв фронта. Во фронтовом подчинении находились также 9-я гвардейская, 103-я и 300-я стрелковые дивизии, 1-я истребительная дивизия в составе 1, 2 и 5-й истребительных бригад, 11, 13, 15-я истребительные бригады, 57, 58, 84, 88, 158-я танковые и 21-я мотострелковая бригады. 300-я стрелковая дивизия была расформирована 30 июня. Части фронта после майских и июньских боев имели большой некомплект личного состава, вооружения и боевой техники. Численность боевого состава войск фронта на 25 июня 1942 г. составляла 609 699 бойцов и командиров (данные по 21-й и 28-й армиям – на 20 июня 1942 г.).

21-я армия (командующий генерал-майор В.Н. Гордов) держала оборону в 120-километровой полосе, от станции Ржава до Николаевки. В нее входили: 76, 124, 226, 227, 293, 297, 301, 343, 8-я НКВД стрелковые дивизии, 10-я танковая бригада и 13-й танковый корпус (85-я, 167-я танковые и 20-я мотострелковая бригады). Численность личного состава армии в боевых частях составляла, по данным на 20 июня, 48 007 чел.[1] 28-я армия генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева, закончив 26 июня оборонительные бои, закреплялась на новом рубеже обороны западнее города Валуйки протяженностью в 70 км, от Николаевки до Двуречной. В армию входили 13-я и 15-я гвардейские, 38, 169, 175-я стрелковые дивизии, 23-й танковый корпус (6-я гвардейская и 14-я танковые, 9-я мотострелковая бригады), 65, 90, 91-я отдельные танковые бригады. Боевой состав армии, по данным на 20 июня 1942 г., составлял 77 232 чел.[2] 38-я армия (командующий генерал-майор артиллерии К.С. Москаленко) закончила 26 июня отход после тяжелых боев на рубеж обороны по восточному берегу Оскола восточнее Купянска протяженностью в 50 км, от Двуречной до станции Боровой. В состав армии входили 162, 199, 242, 277, 278-я стрелковые дивизии, 22-й танковый корпус (3, 13, 36-я танковые бригады), 156, 159, 168-я танковые и 22-я мотострелковая бригады. Боевой состав армии, по данным на 1 июля, составлял 50 456 чел.[3] 9-я армия (командующий генерал-лейтенант А.И. Лопатин) в составе 51, 81, 106, 140, 255, 296, 318-й стрелковых дивизий, 5-го кавалерийского корпуса (30, 34, 60-я кавалерийские дивизии), 18-й и 19-й истребительных бригад, 12-й танковой бригады, 71-го и 132-го отдельных танковых батальонов, держала оборону в полосе Боровая – Красный Лиман. Численность армии составляла 96 053 чел.[4] 57-я армия генерал-майора Д.Н. Никишева, кроме полевого управления, имела в своем подчинении

[1] ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 209. Д. 41. Л. 323–337.
[2] Там же. Л. 339–354.
[3] Там же. Л. 497–512.
[4] Там же. Л. 468–487.

только 5 отдельных инженерных батальонов. Кроме того, командующий Юго-Западным фронтом маршал С.К. Тимошенко имел в своем распоряжении 52, 53, 117, 118, 74-й укрепленные районы, в которых было 32 отдельных пулеметно-артиллерийских батальона. Оборудование полосы укрепленных районов в тылу армий Юго-Западного фронта заканчивалось, что давало командованию фронта реальные возможности для прочного удержания занимаемых позиций. Однако неправильная оценка группировки противника, неточное определение направления главного удара, неглубокое построение фронта и армий, отсутствие подготовленных оборонительных рубежей – всё это значительно снижало шансы на успех оборонительной операции фронта. В штабе Юго-Западного фронта, неправильно оценив группировку противника, считали, что он имел в полосе фронта 18 пехотных дивизий и 3 пехотные бригады, т.е. на 6 дивизий меньше, чем было на самом деле. Поэтому основные усилия фронта сосредотачивались в центре и на левом крыле. Кроме этого, 29 июня 1942 г. 4-й и 24-й танковые корпуса были переданы в подчинение Брянскому фронту, что еще более оголило правый фланг фронта. Войска Тимошенко оборонялись со средней плотностью около 9 км на одну стрелковую дивизию, на центральном участке плотность достигала 6–8 км, а на правом крыле, в полосе 21-й армии, на одну дивизию приходилось до 13 км фронта.

Немецкая группировка, сосредоточенная против Юго-Западного фронта в конце июня 1942 г., была представлена 6-й полевой армией генерала танковых войск Ф. Паулюса в составе 8, 17, 29 и 51-го армейских и 40-го танкового корпусов, имевших 18 дивизий (15 пехотных, 2 танковых и 1 моторизованную). Кроме того, перед левым крылом Юго-Западного фронта располагалась часть сил армейской группы «Клейст» – 4 румынские и 6 немецких пехотных дивизий. Таким образом, к 28 июня 1942 г. перед Юго-Западным фронтом немецкое командование имело 30 дивизий, из них 27 пехотных, 2 танковых и 1 моторизованную. Задачей 6-й полевой армии Паулюса было прорвать оборону советских войск на стыке 21-й и 28-й армий. Далее своей ударной группировкой, 40-м танковым корпусом, 6-я армия должна была развивать наступление на северо-восток. Левым флангом этой группировки в районе Старого Оскола 6-я армия должна была соединиться с частями 2-й венгерской армии, окружив и уничтожив советские войска в районе Старого Оскола. Соединения правого фланга 6-й армии получили задачу, используя успех главной группировки, наступать на восток в направлении на Россошь. Особенно неблагоприятно для советских войск к началу немецкого летнего наступления сложилась обстановка на правом крыле фронта – на участке 21-й армии. Немецкое командование, сосредоточив ударную группировку против левого фланга 21-й армии, создало

значительное превосходство в силах. Здесь, на фронте протяженностью в 15 км, между речками Нежеголь и Волчья, войска 21-й армии уступали противнику в численности танков, артиллерии и авиации почти в три раза.

Южный фронт (командующий генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский) в составе 37, 12, 18, 56-й армий – всего 23 стрелковых дивизии, 4 стрелковые бригады, 6 отдельных танковых бригад, 4 укрепрайона, 2 отдельных танковых батальона, 5 отдельных дивизионов бронепоездов – занимал полосу протяжением в 250 км, от Красного Лимана до Азовского моря, обороняя два важнейших направления: на Ворошиловград (ныне Луганск) и на Ростов-на-Дону. Фронт на 25 июня имел численность личного состава в 522 500 чел., в том числе в боевых частях – 285 237 красноармейцев и командиров[1]. 37-я армия (командующий генерал-майор П.М. Козлов), включавшая 102, 218, 230, 275 и 295-ю стрелковые дивизии, 121-ю танковую бригаду, с боевым составом в 56 576 чел., оборонялась в полосе Красный Лиман – Попасная. 12-я армия (командующий генерал-майор А.А. Гречко) в составе 4, 74, 176, 261, 349-й стрелковых дивизий имела 55 075 чел. и держала оборону в полосе станция Попасная – Дебальцево. 18-я армия (командующий генерал-майор Ф.В. Камков), включавшая 216, 353, 383 и 395-ю стрелковые дивизии, 64-ю танковую бригаду, с численностью боевого состава в 59 181 чел., оборонялась на фронте Дебальцево – Миусинск (в 20 км южнее Красного Луча). 56-я армия (командующий генерал-майор А.И. Рыжов) численностью в 76 603 чел., в составе которой находились 3-й гвардейский стрелковый корпус (2-я гвардейская стрелковая дивизия, 68, 76, 81-я морские стрелковые бригады, всего – 27 462 чел.), 30, 31, 339-я стрелковые дивизии, 16-я стрелковая и 63-я танковая бригады, 70-й и 158-й укрепрайоны, обороняла направление на Ростов-на-Дону в полосе: река Миус (в 20 км южнее Красного Луча) – берег Азовского моря восточнее Таганрога. 24-я армия (третьего формирования), созданная в мае 1942 г. (командующий генерал-лейтенанта И.К. Смирнов), в составе 73, 228, 335 и 341-й стрелковых дивизий общей численностью в 33 553 чел. находилась в резерве фронта, восточнее города Ворошиловград (ныне Луганск). Во фронтовом подчинении находились: 347-я стрелковая дивизия, 5-я гвардейская, 15-я, 140-я танковые бригады, 62-й и 75-й отдельные танковые батальоны, а также два укрепленных района: на рубеже Федчин – Сокольники, в тыловой полосе 37-й армии – 73-й укрепрайон (190, 192, 194, 195, 198-й отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны) и на рубеже Сокольники – Малая Николаевка, в тыловой полосе 12-й армии – 69-й укрепрайон (181, 182, 183, 244, 245-й отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны).

[1] ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 2. Л. 183–189.

В полосе Южного фронта наибольшие силы противника были сконцентрированы против 37-й армии. Только 1-я танковая армия имела здесь 3 танковых, моторизованную, 8 немецких и 4 румынских пехотных дивизии. Кроме того, против 37-й армии должны были действовать части 17-й полевой немецкой и 8-й итальянской армий, которые наносили удар в направлении на Ворошиловград с последующим развитием успеха на Ростов. Часть сил 17-й полевой армии совместно с 4 румынскими дивизиями должна была наступать вдоль побережья Азовского моря в направлении на Ростов. В район Краматорска немецкое командование перебросило из Франции две пехотные дивизии, из Крыма – 22-ю танковую дивизию, из группы армий «Центр» – управления 14-го танкового и 5-го армейского корпусов. Кроме того, на юго-западное направление в середине июня начали прибывать соединения 8-й итальянской армии. Сюда же выдвигалась 3-я румынская армия генерал-полковника П. Думитреску. 1-я танковая и 17-я полевая армии вермахта занимали 350-километровый участок фронта от Купянска до Таганрога и имели в своем составе 34 соединения: 24 пехотных, 4 танковых, 4 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии. Средняя оперативная плотность у противника составляла около 10 км на дивизию[1].

Оперативная плотность советских войск на юго-западном направлении составляла 9 км на одну дивизию, тогда как у Ленинградского фронта приходилось 8 км на дивизию, у Волховского и Западного фронтов – около 6–6,5 км фронта на одну дивизию. Тем не менее даже при имевшихся силах и средствах, войска Брянского и Юго-Западного фронтов могли бы создать устойчивую оборону и воспрепятствовать ее прорыву противником. Но неглубокое оперативное построение обоих фронтов и большинства их армий, слабое оборудование местности в инженерном отношении, отсутствие противотанковых районов и резервов, неверная оценка группировки и намерений противника, недостаточное прикрытие резервов средствами ПВО и истребительной авиации; слабая «сколоченность» танковых корпусов – все эти ошибки и просчеты привели к тяжелым последствиям для войск Брянского и Юго-Западного фронта. Помимо танковых соединений, в состав Брянского, Юго-Западного и Северо-Кавказского фронтов входило по два кавалерийских корпуса 3-дивизионного состава – мобильные резервы, которые одновременно могли использоваться для борьбы с десантами противника. Южный фронт не имел в своем составе крупных кавалерийских соединений. Положение противоборствующих сторон к вечеру 27 июня представлено на рисунке 6.

[1] Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Т. 1. Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. М., 1958. С. 594.

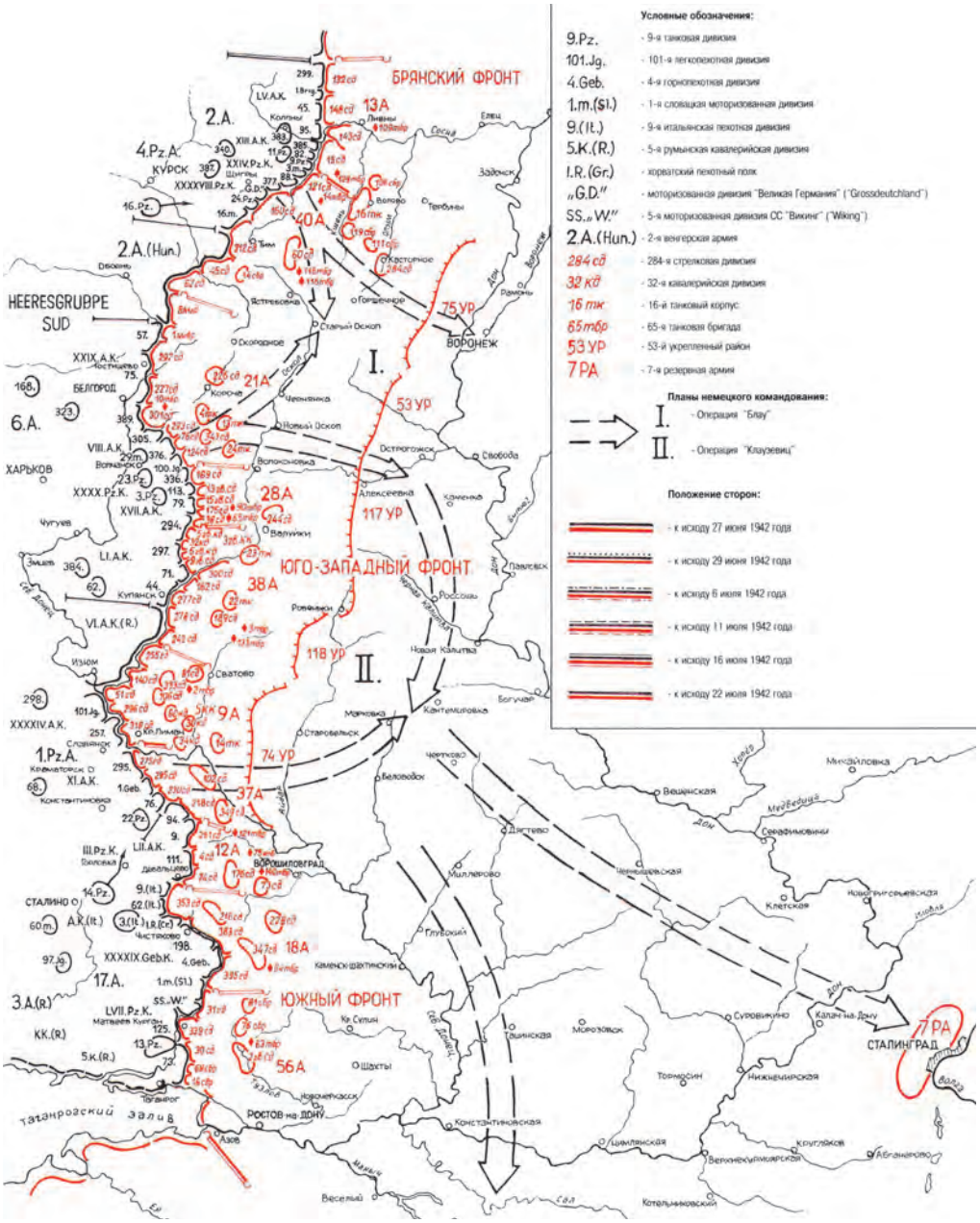

Рис. 6. Положение сторон к исходу 27 июня 1942 г. и планы немецкого командования на проведение операций «Блау» и «Клаузевиц»[1]

[1] Оборонительная операция Брянского и Юго-Западного фронтов на воронежском направлении (28 июня – 6 июля 1942 г.). URL: http://nezabudem2009.narod.ru/varonejvalsilograd.htm (дата обращения: 23.11.2016).

Состав и распределение по фронту сил и средств противоборствующих сторон представлены в таблице 7. Вероятно, данные по численности и вооружению советских войск не учитывают резервы Ставки ВГК, сосредоточенные в глубине Брянского фронта и севернее реки Дон до меридиана Сталинграда.

Таблица 7. Соотношение советских и германских войск в полосе Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов перед началом операции «Блау» (28 июня 1942 г.)[1]

	РККА	Вермахт	Соотношение
Расчетные дивизии (1 дивизия = 2 бригадам)	103,5	91,5	1,13:1
Личный состав, чел.	665 000	900 000	1:1,4
Танки, шт.	744	1 263	1:1,4
Орудия и минометы, шт.	14 196	17 035	1:1,2
Боевые самолеты, шт.	1 012	1 640	1:1,6

Маршал А.М. Василевский в своих мемуарах сообщает, что в составе войск Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов на 1 июля в общей сложности насчитывалось 81 стрелковая и 12 кавалерийских дивизий, 38 мотострелковых и стрелковых бригад, 9 укрепленных районов, 62 танковые бригады – всего 1 715 000 чел., около 2,3 тыс. танков, 16,5 тыс. орудий и минометов, 758 боевых самолетов[2]. По данным группы генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, немецким войскам к началу «Блау» с советской стороны противостояли 74 стрелковые дивизии, 37 бригад, 6 танковых корпусов, 6 укрепрайонов и Донской отряд Азовской военной флотилии общей численностью в 1310 тыс. чел. Эти цифры приведены на 28 июня, на начало Воронежско-Ворошиловградской стратегической оборонительной операции и не учитывают введенные позднее резервы Ставки ВГК[3]. Указанное количество советских войск значительно превышает их численность, рассчитанную по боевым штатам частей и соединений, и сильно расходится с представлявшимися в Генеральный штаб РККА донесениями о боевом и численном составе своих войск.

---

[1] Сталинградская битва. Хроника. Факты. Люди. Кн. 1. М., 2002. С. 17.

[2] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1991. С. 148; История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. С. 144.

[3] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 278.

Северо-Кавказский фронт (командующий маршал Советского Союза С.М. Будённый) имел всего 8 стрелковых дивизий, 7 стрелковых бригад, 6 кавалерийских дивизий, 2 отдельных кавалерийских полка, 3 танковых бригады, 2 отдельных танковых батальона, мотострелковую бригаду, 5 отдельных дорожных батальонов. Фронт прикрывал тыловой рубеж по Дону от станицы Верхнекурмоярской до устья протяженностью в 420 км войсками 51-й армии (и.о. командарма – начальник штаба полковник А.М. Кузнецов, замещавший заболевшего генерал-майора Н.И. Труфанова) и восточное побережье Азовского и Чёрного морей протяженностью в 680 км силами 17-го кавалерийского корпуса (командир генерал-майор Н.Я. Кириченко) и 47-й армии (командующий генерал-майор Г.П. Котов). Всего в составе войск фронта имелось 216 100 бойцов и командиров[1].

В резерве Ставки ВГК к июлю 1942 г. находились в стадии формирования 10 общевойсковых, 1 танковая и 3 воздушные армии, одна из которых была задействована на Брянском фронте, а также свыше 50 отдельных соединений и частей различных родов войск вне состава резервных армий, которые вошли в расчет численности советских войск, сделанный маршалом А.М. Василевским. Шесть общевойсковых и одна танковая армия были сосредоточены в районах Калинина (в настоящее время – Тверь), Тулы, Тамбова, Борисоглебска, Сталинграда. 3-я резервная армия (командующий с 3 июля генерал-лейтенант М.А. Антонюк) дислоцировалась в районе Тамбова, формировалась из 41-й армии по директиве Ставки ВГК № 170331 от 26 апреля 1942 г. С 7 июля 1942 г. она стала 60-й армией Воронежского фронта[2]. 1-я резервная армия (командующий генерал-майор В.И. Чуйков), с дислокацией в районе Тулы, формировалась на базе 24-й армии, находившейся в резерве Московской зоны обороны по директиве Ставки ВГК № 170333 от 26 апреля 1942 г. С 10 июля 1942 г. стала 64-й армией[3]. 4-я резервная армия (командующий генерал-лейтенант В.Д. Цветаев, с 24 июля генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов) дислоцировалась в районе Калинина, согласно директиве Ставки ВГК № 994030 от 28 мая 1942 г.[4] С 3 августа 1942 г. развертывалась на Брянском фронте, на рубеже от Гремячего до Воронежа уже как 38-я армия (второго формирования)[5]. 6-я резервная армия (командующий с 2 по 9 июля генерал-майор Ф.М. Харитонов) дислоцировалась в Новохоперске по директиве Ставки ВГК № 994032 от 28 мая

---

1 Великая Отечественная война без грифа секретности... М., 2010. С. 106.

2 ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 237.

3 Там же. Л. 239.

4 ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 203.

5 ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 56. Л. 61.

1942 г.[1] С 7 июля стала 6-й общевойсковой армией Воронежского фронта. 5-я резервная армия (командующий генерал-лейтенант В.И. Кузнецов) по директиве Ставки ВГК № 994031 от 28 мая 1942 г. дислоцировалась в Сталинграде[2]. С 10 июля стала 63-й общевойсковой армией. 7-я резервная армия (командующий генерал-майор В.Я. Колпакчи) располагалась в районе станицы Морозовской, имея передовые части на северо-восточном берегу Северского Донца. Она была сформирована по директиве Ставки ВГК № 994033 от 28 мая 1942 г.[3] С 10 июля стала 62-й общевойсковой армией (впоследствии – 8-й гвардейской). 5-я танковая армия (командующий генерал-майор танковых войск А.И. Лизюков) располагалась в районе Ельца по директиве Ставки ВГК № 994023 от 26 мая 1942 г.[4] Остальные четыре резервные армии Ставки ВГК располагались в более глубоком тылу на линии Вологда – Горький – Саратов. 2-я резервная армия (командующий генерал-майор Р.И. Панин, с 23 июля генерал-майор Б.К. Колчигин) дислоцировалась в районе Вологды, формировалась на базе полевого управления и соединений 27-й армии по директиве Ставки ВГК № 170332 от 26 апреля 1942 г.[5] С 6 августа стала 1-й гвардейской армией и была включена в состав Юго-Восточного фронта. 8-я резервная армия дислоцировалась в районе Саратова по директиве Ставки ВГК № 994034 от 28 мая 1942 г.[6] С 24 августа 1942 г. была переименована в 66-ю общевойсковую армию и включена в состав Сталинградского фронта. 9-я резервная армия (командующий с 7 июля генерал-майор Д.Т. Козлов) дислоцировалась с 10 июня по 27 августа 1942 г. в городе Иваново. 27 августа 1942 г. по директиве Ставки ВГК № 994171 была переименована в 24-ю общевойсковую армию (пятого формирования) и стала позже 4-й гвардейской армией в составе Сталинградского фронта[7]. 10-я резервная армия дислоцировалась в Иваново по директиве Ставки ВГК № 994061 с 16 июня по 31 августа 1942 г. Через нее за лето 1942 г. пропустили, комплектуя, обучая, сколачивая, до 25 стрелковых дивизий, которые позже были отправлены на Сталинградский, Донской и Западный фронты.

К началу летнего наступления 1942 г. немецкое командование обеспечило благоприятную для себя оперативную обстановку на южном крыле Восточного фронта, усилило войска модернизированными танками,

[1] ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 205.
[2] Там же. Л. 204.
[3] Там же. Л. 206.
[4] ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 325, 326.
[5] Там же. Л. 238.
[6] ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 207.
[7] Там же. Д. 107. Л. 232.

самоходными штурмовыми орудиями, противотанковыми орудиями, способными эффективно поражать советские танки Т-34 и КВ. Ставка ВГК и командование советских фронтов на южном крыле советско-германского фронта не сумело определить замыслы и силы противника и организовать прочную эшелонированную оборону, несмотря на превосходство в численности личного состава и в количестве танков. Это привело в июле 1942 г. к катастрофическим последствиям – прорыву врага в большую излучину Дона, к Волге, в предгорья Кавказа, захвату огромной территории на юге СССР.

2.2. Предвестники катастрофы на юге: поражения РККА в Крыму и под Харьковом в мае 1942 г.

Летнему наступлению войск вермахта и союзников Германии на южном крыле советско-германского фронта предшествовали крупные сражения весной 1942 г. под Ленинградом, в районе демянского выступа, в тыловом районе группы армий «Центр» в районе Вязьмы, под Харьковом и в Крыму, ставшие своеобразным итогом зимнего стратегического наступления Красной армии. В ходе этих операций в условиях недостаточного снабжения и пополнения, ошибок советского командования ряд армий Волховского, Северо-Западного, Калининского, Западного, Юго-Западного и Крымского фронтов потерпели поражения. Особенно тяжкие последствия для советских войск на юге имели катастрофические разгромы армий Крымского и Юго-Западного фронтов в мае 1942 г. Как и почему это произошло?

В январе – марте 1942 г. армии Юго-Западного и Южного фронтов провели несколько наступательных операций с целью освобождения Харькова, Донбасса, Таганрога, но существенных результатов не достигли. В ходе изнурительных боев удалось лишь захватить плацдарм на западном берегу реки Северский Донец в районе Старого Салтова, а силами 6, 9 и 57-й армий закрепиться южнее Харькова на плацдарме в районе Барвенково. Противник в ходе весенних боев укрепил оборону на подступах к Харькову, Краматорску, Славянску.

Сложным оставалось положение в Крыму. Крымский полуостров имел для советского командования стратегическое значение. В период с 25 декабря 1941 г. по 2 января 1942 г. в результате Керченско-Феодосийской десантной операции Красная армия освободила Керченский полуостров,

продвинувшись за 9 дней на расстояние в 100–110 км. Потери войск составили 41 935 чел., из них безвозвратные – 32 453 чел.[1] 18 января вермахт неожиданным контрударом отбил Феодосию, что заставило генерала Д.Т. Козлова отвести войска на позиции у села Ак-Монай в 80 км западнее Керчи.

Руководство войсками на Керченском полуострове осуществлялось из города Тбилиси, за тысячу километров от фронта, где располагался штаб Закавказского фронта. 28 января 1942 г. директивой Ставки ВГК был создан Крымский фронт (командующий генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, начальник штаба генерал-майор Ф.И. Толбухин, член Военного совета дивизионный комиссар Ф.А. Шаманин). В состав фронта вошли 44-я армия (командующий генерал-лейтенант С.И. Черняк), 47-я армия (командующий генерал-майор К.С. Колганов) и 51-я армия (командующий генерал-лейтенант В.Н. Львов)[2]. Задача фронта заключалась в том, чтобы деблокировать осажденный с ноября 1941 г. Севастополь и завершить освобождение всего Крымского полуострова.

С 27 февраля по 13 апреля 1942 г. армии Крымского фронта трижды пытались провести наступательную операцию. Первая из них началась 27 февраля, одновременно с наступлением частей Приморской армии Севастопольского оборонительного района. 44-я и 51-я армии в составе 8 стрелковых дивизий и 2 танковых батальонов при артиллерийской поддержке кораблей Черноморского флота попытались прорвать Ак-Монайский рубеж немецкой обороны. Оборону занимали 4 пехотные дивизии 11-й полевой армии генерал-полковника Э. фон Манштейна. Болотистая местность западнее села Ак-Монай, ставшая озером после весенних ливней, мешала использовать танки и тяжелую технику, которая увязла в раскисшей земле. Лишь на правом фланге, севернее селения Кой-Ассан, ценою больших потерь советские войска продвинулись на 10–15 км вдоль берега озера Сиваш до деревни Киет.

Следующее наступление войск Крымского фронта, предпринятое 13 марта, вылилось в двухнедельные кровопролитные бои со значительными потерями с обеих сторон. 20 марта Э. фон Манштейн силами только что прибывшей из резерва Верховного командования Германии 22-й танковой дивизии нанес контрудар из района села Кой-Ассан к побережью Азовского моря, стремясь отрезать советские части, находившиеся в киетском выступе. Однако контрудар немцев не достиг результата, а 22-я танковая дивизия понесла столь большие потери в материальной части, что

---

[1] Великая Отечественная война без грифа секретности... С. 102.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 32. Л. 17–18.

ее пришлось отвести в тыл на переформирование. После этой неудачи командование Крымского фронта наконец осознало, что в условиях весенней распутицы пытаться наступать по болотам вдоль берега Сиваша не имеет смысла. Поэтому очередное наступление советских войск, начавшееся 9 апреля, велось уже на южном фасе образовавшегося в феврале выступа и имело целью захват селения Кой-Ассан с последующим выходом на Феодосию. К 12 апреля наступление наших войск окончательно выдохлось, после чего активные боевые действия прекратились. По завершении весенней распутицы обе противоборствующие стороны готовились к возобновлению активных наступательных действий.

Во второй половине апреля командование Крымского фронта приступило к наращиванию сил для нового наступления, запланированного на середину мая. Возникли перебои с обеспечением продовольствием, боеприпасами, с подвозом пополнения. Из-за этого не удалось полностью возместить потери, понесенные в ходе февральско-апрельских боев, а они составили более 225 тыс. чел.[1] Тем не менее общее соотношение сил и средств оставалось в пользу советских войск. Войска Крымского фронта после пополнений личного состава и материальной части достигли численности в 300 тыс. чел., имели на вооружении 238 танков, до 1200 орудий, 574 самолета. Положение с рубежами обороны было катастрофическим – их просто не было. Главная полоса обороны протяженностью в 27 км не имела необходимой глубины (она не превышала 4 км), а вторая была создана лишь на правом фланге, в полосе 51-й армии. Левый, приморский фланг (полоса 44-й армии), не обеспечивался прикрытием со стороны моря. Артиллерийские противотанковые резервы фронтового и армейского подчинения не были созданы, противовоздушная оборона войск также не была организована должным образом. Фронтовой тыловой рубеж – позиции Турецкого вала и керченского оборонительного обвода – в инженерном отношении не были завершены и войсками не занимались. Резервы и пункты управления располагались близко к переднему краю, в зоне досягаемости вражеской полевой артиллерии.

К 8 мая 1942 г. в состав Крымского фронта входили 16 стрелковых и одна кавалерийская дивизии, 3 стрелковые и 4 танковые бригады, 3 танковых батальона, 9 полков артиллерии РГК, 3 полка гвардейских минометов и другие части[2]. Трем советским армиям противостояли 7 пехотных, 1 танковая

---

[1] *Виноградская И.А.* Керченская оборонительная операция. URL: http://voynablog.ru/2013/03/24/kerchenskaya-oboronitelnaya-operaciya-1942-goda (дата обращения: 23.03.2016).

[2] ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 107. Л. 177–184.

дивизия и румынская кавалерийская бригада 11-й полевой армии генерала Манштейна общей численностью около 150 тыс. солдат и офицеров. Пять дивизий 11-й армии (до 70 тыс. чел.) блокировали Севастополь. Противник уступал Крымскому фронту: в живой силе – в 2 раза, в танках – в 1,2 раза, в артиллерии – в 1,8 раза. Немцы, правда, располагали большей по численности авиацией – в 1,7 раза. В первых числах мая разведка фронта наконец-то получила информацию о немецких планах. 7 мая на заседании Военного совета фронта обсуждались вопросы, связанные с отражением предполагаемого наступления противника. До начала немецкого наступления (операции «Охота на дроф») оставалось менее суток.

На рассвете 8 мая генерал-полковник Э. фон Манштейн после 10-минутной артиллерийской подготовки нанес удар силами 4 дивизий по войскам 44-й армии вдоль побережья Чёрного моря. Несмотря на общее численное превосходство советских войск, на узком, в 5 км, участке фронта, где велось наступление, немцам удалось создать локальный перевес в силах – 3 пехотных и 1 танковая дивизии 11-й армии против 2 советских. На побережье Феодосийского залива за спиной советских войск со штурмовых мотоботов высадился тактический десант численностью до батальона, дезорганизовавший тылы оборонявшихся дивизий. Бомбардировщики 8-го авиакорпуса барона В. фон Рихтгофена господствовали над полем боя, а советские самолеты в воздухе почти не появлялись. К исходу дня советская оборона была прорвана. На участке шириной в 5 км немецкие дивизии продвинулись на 8 км в глубину. При такой плотности войск и этого оказалось достаточно – Крымский фронт потерял оперативную устойчивость. В прорыв вошла 22-я танковая дивизия, чьи танки лишь ненадолго задержались у старого противотанкового рва. При авианалете люфтваффе 9 мая погиб командующий 51-й армией генерал-лейтенант В.Н. Львов. Утром 10 мая Ставка приказала отвести войска Крымского фронта на Турецкий вал[1]. Однако к этому моменту немецкие части, оказавшись восточнее села Парпач, повернули на север и вышли в район дислокации советских резервов. Резервные соединения были разбиты, так и не развернувшись в боевые порядки, часть из них отошла на восток, к Керчи, а часть очутилась в окружении.

Утром 11 мая штаб Крымского фронта окончательно утратил связь со штабами 47-й и 51-й армий, 8 дивизий которых были зажаты в плотном котле на побережье Сиваша. Попытка командования фронтом 12 мая организовать оборону на Турецком валу силами отходившей 44-й армии, а также теми частями, которым удалось вырваться из окружения, не увенчалась

[1] ЦАМО РФ. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 136–137.

успехом. Утром 13 мая тыловая позиция наших войск была прорвана, а к исходу следующего дня немецкие войска прорвались к окраинам Керчи. Началась спешная и плохо организованная эвакуация оставшихся войск через пролив на Таманский полуостров, проходившая под массированными атаками германской авиации. 15 мая Керчь пала, неуправляемые остатки перемешавшихся дивизий, бригад и полков отступили на восточную оконечность полуострова, между мысом Хрони, поселком имени Войкова и мысом Змеиным. Вывоз остатков войск с полуострова продолжался до 20 мая, в основном в ночное время. Не успевшие эвакуироваться части численностью около 15 тыс. чел. ушли в Аджимушкайские каменоломни, где очаги сопротивления продержались до сентября. Всего на Тамань удалось эвакуировать до 120 тыс. чел. и почти всю реактивную артиллерию. 176 566 чел. погибли и попали в плен[1]. Противник захватил 260 танков и 1130 артиллерийских орудий, потеряв за 12 дней наступления всего до 8 тыс. солдат. 19 мая вместо Крымского фронта был сформирован Северо-Кавказский фронт[2]. Его командующим стал Маршал Советского Союза С.М. Будённый. Войска 11-й полевой армии высвободились для завершающего штурма Севастополя.

В эти же майские дни вторая катастрофа произошла под Харьковом (см. приложение 4, 5). Еще 22 марта 1942 г. командование юго-западного направления обратилось в Ставку ВГК с предложением провести наступательную операцию силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов, усиленных резервами Ставки, на южном крыле советско-германского фронта с целью разгрома группы армий «Юг» и выхода советских войск на линию Гомель – Киев – Черкассы – Первомайск – Николаев. Планировалось форсирование Днепра в его среднем и нижнем течении. Общая глубина операции составляла свыше 500 км на фронте шириной до 900 км[3]. Однако Ставка ВГК 29 марта отвергла эту авантюрную инициативу и дала указание маршалу С.К. Тимошенко разработать план, предусматривавший лишь разгром харьковской группировки немцев, освобождение Харькова и в дальнейшем наступление на Днепропетровск.

По плану, разработанному к 10 апреля начальником штаба юго-западного направления генерал-лейтенантом И.Х. Баграмяном и утвержденному маршалом С.К. Тимошенко, войска Юго-Западного фронта должны были нанести по харьковской группировке немцев два сходившихся удара: с северо-востока – силами 21, 28, 38-й армий, с юго-востока,

---

[1] Великая Отечественная война без грифа секретности... С. 179.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 10. Л. 141–142.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 34–60.

с северного фаса барвенковского выступа – силами 6-й армии и армейской группы генерала Л.В. Бобкина. По этому плану в течение первой недели наступления советские войска должны были прорвать немецкую оборону и сомкнуть кольцо окружения западнее Харькова, а к концу второй недели – уничтожить немецкую группировку в районе Харькова. Затем, на третьем этапе, планировалось наступление с целью захвата Днепропетровска[1]. Фланги ударных группировок Юго-Западного фронта прикрывали левофланговая 21-я армия Брянского и правофланговые 57-я и 9-я армии Южного фронтов. Численность советских войск, задействованных к началу майской операции, составляла 765 300 тыс. чел.[2] – всего 27 стрелковых и 9 кавалерийских дивизий, 20 танковых и 3 мотострелковые бригады, имевших на вооружении свыше 1200 танков, 13 тыс. орудий и минометов, 926 боевых самолетов (включая часть ВВС Южного фронта). Численность немецких войск в районе операции составляла около 250 тыс. чел. (8, 17, 29, 51-й армейские корпуса 6-й армии, всего 13 пехотных и 2 танковые дивизии).

1 мая 1942 г. Верховный главнокомандующий И.В. Сталин обратился к вооруженным силам с приказом № 130, в котором говорилось: «*Красная армия добилась перелома в ходе войны и перешла от активной обороны к успешному наступлению на вражеские войска… Всё это говорит о том, что Красная армия стала организованнее и сильнее, ее офицерские кадры закалились в боях, а её генералы стали опытнее и прозорливее. Приказываю… всей Красной армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев*»[3].

4–7 мая главком юго-западного направления маршал Тимошенко, член Военного совета Н.С. Хрущёв, командующие родами войск фронта побывали в 28-й и 6-й армиях, которые должны были в наступлении на Харьков сыграть главную роль. Вместе с командующими армиями, генерал-лейтенантами Д.И. Рябышевым и А.М. Городнянским, они проверяли в этих объединениях планирование операции и подготовку войск к наступлению. Переход войск Юго-Западного фронта в наступление на Харьков из-за несвоевременного пополнения личным составом и вооружением, запланированный на 4 мая, был перенесен на утро 12 мая.

В эти же дни немецкое командование для создания благоприятных условий для летнего наступления также готовило операцию по

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 181–188.

[2] Великая Отечественная война без грифа секретности... С. 179.

[3] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 15. М., 1997. С. 106–109.

ликвидации барвенковского выступа. Командующий 6-й полевой армией генерал-лейтенант Ф. Паулюс 10 мая представил командующему группой армий «Юг» генерал-фельдмаршалу Федору фон Боку план операции «Фридерикус». Планом предусматривалось наступление 6-й полевой армии из района севернее Балаклеи и армейской группы «Клейст» (1-я танковая, 17-я полевая армии) из районов Славянска, Краматорска в общем направлении через Барвенково на Изюм, окружение и уничтожение группировки советских войск Южного и Юго-Западного фронтов в барвенковском выступе, восстановление линии фронта по Северскому Донцу и овладение плацдармами на восточном берегу в районе Изюма. Немецкие части пополнялись личным составом и техникой, из Франции перебрасывались новые пехотные и танковые дивизии. На харьковском направлении главная полоса немецкой обороны имела две-три позиции общей глубиной в 6–7 км. Основу каждой позиции составляли опорные пункты и узлы сопротивления, созданные вокруг и между населенных пунктов. Вторая оборонительная полоса располагалась в 10–15 км от переднего края, армейская тыловая полоса – в 20–25 км, по рубежу населенных пунктов Змиев, Чугуев, Липцы, Черемошное. Хорошо развитая в инженерном отношении система полевой обороны и четкое огневое взаимодействие родов войск позволяли Паулюсу удерживать фронт предстоявшего советского наступления всего шестью пехотными дивизиями, имея в резерве в Харькове 3-ю и 23-ю танковые дивизии, в готовности оказать поддержку на любом атакованном участке.

В планировании и подготовке операции было много недостатков и просчетов. В первую очередь, это касается плана наступления. Решительная по своей сути цель операции должна была выполняться «черепашьими темпами», о чем свидетельствуют намеченные средние темпы наступления (6–8 км в сутки!), медленное наращивание сил и средств на направлении главного удара фронта, поздние (лишь на третий день наступления) сроки ввода в сражение 21-го и 23-го танковых корпусов. Основным просчетом явилось то, что наступление главной ударной группировки планировалось осуществить из оперативного «мешка», слабо защищенного от ударов противника с юга. Задачи 57-й и 9-й армий Южного фронта на южном фасе барвенковского выступа были пассивными. Дивизий и бригад, имевшихся в их составе, было недостаточно для создания прочной противотанковой обороны в занимаемой ими 176-километровой полосе. Более того, из этих армий были изъяты и переданы в состав Юго-Западного фронта стрелковая дивизия, 2 стрелковых и 3 танковых бригады, 8 артиллерийских полков и по 500 чел. пехоты из оставшихся дивизий. И это делалось, несмотря на

то что имелись сведения о сосредоточении танковых соединений армейской группы «Клейст» перед войсками этих армий. Крупные просчеты были допущены в оценке сил и намерений противника. Его группировка к началу операции оказалась значительно мощнее, чем предполагало командование юго-западного направления. Не был вскрыт план немецкого командования по ликвидации барвенковского плацдарма. Военный совет и штаб фронта в период подготовки и особенно в ходе операции во многих случаях действовали непрофессионально. На действиях соединений сказались их слабая сколоченность и недостаток боевого опыта. Взаимодействие пехоты с танками, артиллерией и особенно с авиацией часто нарушалось или полностью отсутствовало.

Наступление советских войск на Харьков началось в 5:30 утра 12 мая 1942 г. На северном участке, со Старо-Салтовского плацдарма, после часовой артиллерийской и авиационной подготовки в атаку пошли батальоны 11 стрелковых дивизий при поддержке 7 танковых бригад, сопровождаемые огнем 20 артиллерийских полков РГК. Войскам 21, 28 и 38-й армий противостояли в этот день 79-я и 294-я пехотные дивизии и пехотный полк 71-й дивизии противника. Южная ударная группировка, также после часовой артиллерийской и авиационной подготовки, в 7:30 утра перешла в наступление против частей 8-го и 51-го армейских корпусов противника на участке от Верхнего Бишкина до Мироновки. 6 советских дивизий при поддержке 200 танков и 14 полков РГК к полудню сломили сопротивление 62-й пехотной и 454-й охранной немецких дивизий и 108-й венгерской легкопехотной дивизии. Во второй половине дня на красноградском направлении в прорыв был введен 6-й кавалерийский корпус, усиленный 7-й танковой бригадой. К вечеру 12 мая войска на 42-километровом участке фронта вклинились вглубь немецкой обороны на 12–15 км, достигнув второго оборонительного рубежа, созданного на возвышенном западном берегу реки Орель. Немцы бросили на этот участок всё, что было под рукой, в том числе трофейные команды и строительные батальоны Тодта. Командующий 6-й армией генерал А.М. Городнянский начал выдвижение 103-й и 248-й стрелковых дивизий второго эшелона. 21-й и 23-й танковые корпуса оставались в исходном районе, хотя находились уже в 35 км от линии фронта.

За три дня тяжелых боев советским войскам удалось продвинуться на 20–25 км соединениями северной ударной группировки (около половины пути до Харькова) и на 35–50 км соединениями 6-й армии и армейской группы генерал-майора Л.В. Бобкина (6-й кавалерийский корпус в составе 26, 28, 49-й кавалерийских дивизий, 270-я и 393-я стрелковые дивизии,

7-я танковая бригада). Согласно плану операции, на третий день, 14 мая, маршалу Тимошенко следовало ввести в сражение 21-й и 23-й танковые корпуса. Обстановка в целом способствовала этому: командующий группой армий «Юг» фельдмаршал фон Бок, не надеясь на сопротивление своих войск, устойчивость которых из-за понесенных потерь снизилась, обратился к Гитлеру с просьбой перебросить из группы «Клейст» 3–4 дивизии для ликвидации бреши южнее Харькова. Ситуация на левом фланге 6-й полевой армии Паулюса была критической. Нарастив силу удара путем ввода в сражение танковых корпусов и резервов, фронт имел возможность стремительно развить достигнутый успех. К сожалению, этого не было сделано.

К исходу 14 мая немецкие войска остановили наступление войск 28-й и 38-й армий восточнее Харькова и стали наносить контрудары силами 3-й и 23-й танковых и 71-й пехотной дивизий. 38-я армия генерала К.С. Москаленко вынуждена была отойти за реку Большая Бабка, открыв левый фланг 28-й армии. Противник сам перешел к наступательным действиям и вынудил войска северной ударной группировки вести тяжелые оборонительные бои. Немецкая авиация господствовала в воздухе.

Утром 17 мая войска армейской группы «Клейст» силами 12 пехотных (8 немецких, 4 румынские), 2 танковых и 1 моторизованной дивизий – всего свыше 200 тыс. чел. – нанесли удар по южному фасу барвенковского выступа, который обороняли 9-я и 57-я армии Южного фронта. Они имели в своем составе 13 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, 4 танковых бригады общей численностью до 170 тыс. чел. В течение дня 17 мая немецкие войска 44-го армейского и 3-го моторизованного корпусов отбросили войска 9-й армии генерала Ф.М. Харитонова на 20 км на север. 57-я армия генерала К.П. Подласа сумела удержать свои позиции, отразив атаки 4 дивизий 6-го румынского армейского корпуса. 18 мая немецкие войска оттеснили на восток советскую 9-ю армию еще на 20–25 км, заняли Барвенково и вышли на южную окраину города Изюм. Возникла прямая угроза окружения в этом выступе войск 6, 9, 57-й армий и армейской группы генерала Л.В. Бобкина. Маршал С.К. Тимошенко приказал прекратить наступление на Харьков и сосредоточиться на отпоре наступления армейской группы «Клейст». Северная ударная группировка – 21, 28, 38-я армии – под ударами танков и авиации отошли на позиции, которые они занимали до начала наступления. 23 мая авангарды армейской группы «Клейст» соединилась с 3-й и 23-й танковыми дивизиями Паулюса, наносившими удар с чугуевского плацдарма в южном направлении. В окружение попали 6-я и 57-я армии и армейская группа генерала Ф.Я. Костенко (бывшая группа генерала Л.Б. Бобкина). Всего в котле оказались 16 стрелковых и 6 кавалерийских

дивизий, 12 танковых и 2 мотострелковые бригады общей численностью свыше 150 тыс. чел. Кольцо окружения удерживали 10 немецких дивизий, в том числе 2 танковые и 1 моторизованная, 4 румынские и 1 венгерская дивизия. В течение 24–29 мая немецкие войска методично сжимали кольцо окружения, уничтожая или захватывая в плен советские части. 28 мая из окружения смогли прорваться на восток член Военного совета фронта дивизионный комиссар К.А. Гуров, начальник штаба 6-й армии генерал-майор А.Г. Батюня с 20 тыс. бойцов и командиров. Мелкие группы и одиночки выходили из окружения еще длительное время. Всего же, по данным на 1 июня I942 г., из барвенковского выступа вырвались 21 910 чел. с 6 танками, 4 орудиями, 16 минометами, 20 пулеметами и 1939 лошадьми[1].

В ходе боев в окружении погибли заместитель командующего войсками Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, командующий 6-й армией генерал-лейтенант А.М. Городнянский (застрелился 27 мая), член Военного совета армии бригадный комиссар И.А. Власов, командующий 57-й армией генерал-лейтенант К.П. Подлас, член Военного совета армии бригадный комиссар А.И. Попенко, генерал-майор А.Ф. Анисов, генерал-майор артиллерии Ф.Г. Маляров, командующий армейской группой генерал-майор Л.В. Бобкин, командир 15-й Сивашской стрелковой дивизии генерал-майор Д.Г. Егоров, командир 47-й стрелковой дивизии генерал-майор Ф.Н. Матыкин, командир 270-й стрелковой дивизии генерал-майор З.Ю. Кутлин, командир 337-й стрелковой дивизии генерал-майор И.В. Васильев. Командир 21-го танкового корпуса генерал-майор Г.И. Кузьмин, будучи ранен в живот, застрелился 28 мая. Погибло также большое количество командиров и красноармейцев, многие попали в плен. Среди пленных оказались генералы И.М. Шепетов, Г.М. Зусманович, А.А. Носков, Н.Ф. Михайлов, А.Б. Борисов (Шистер). По донесениям немецкого командования, «армейская группа Э. фон Клейста и 6-я полевая армия взяли 215 000 пленных, а также захватили или уничтожили 1812 орудий, 1270 танков. Сбили 542 самолета»[2].

Барвенковский выступ был ликвидирован. За 18 дней этой операции безвозвратные потери советских войск убитыми и пропавшими без вести составили 170 958 чел., санитарные – 106 232 чел., всего – 277 190 бойцов и командиров[3]. Помимо огромных людских потерь, материальные потери только 6, 9, 57-й армий и армейской группы Бобкина составили

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 103. Оп. 161. Д. 843. Л. 238.

[2] *Быков К.В.* Харьковский котел. 1942 год. Крушение надежд. М., 2007. С. 454.

[3] Великая Отечественная война без грифа секретности... С. 179.

1646 орудий, 3278 минометов, 57 600 лошадей[1]. За провал операции был наказан начальник штаба юго-западного направления генерал-лейтенант Баграмян – распоряжением Сталина он был понижен в должности до должности начальника штаба 28-й армии. В конце мая 1942 г. Ставка ВГК поставила Юго-Западному фронту задачу перейти к обороне и не допустить развития наступления противника из района Харькова на восток[2]. Линия фронта проходила к этому моменту в основном по восточному берегу реки Северский Донец.

По воспоминаниям генерала армии С.М. Штеменко (весной 1942 г. – полковника, служившего в Оперативном управлении Генерального штаба РККА), «*но и на этом неудачи не кончились. Одна беда следовала за другой. Штаб Юго-Западного фронта не разработал заранее плана действий на случай вынужденного отхода войск. Не были оборудованы промежуточные рубежи обороны. Не существовало обеспеченного силами и средствами плана прикрытия отхода. Всё это пришлось срочно импровизировать. Вскоре почувствовались серьезные нарушения в работе тыла: в войсках не хватало боеприпасов и горючего, хотя они были на фронтовых и армейских базах. Их просто не успели подать бойцам. Впоследствии запасы с этих баз своевременно на восток не вывезли, и они достались противнику*»[3].

Как итог, поражение войск Крымского и Юго-Западного фронтов в мае 1942 г. позволило немецкому командованию перехватить стратегическую инициативу на южном крыле советско-германского фронта и создать благоприятные условия для летнего наступления вермахта на Кавказ и к Волге в ее нижнем течении.

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 355. Л. 19. Ф. 229. Оп. 213. Д. 63. Л. 465–466.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 107. Л. 199–203.

[3] *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1 и 2. М., 1989. С. 41.

ГЛАВА 3. БРОСОК ВЕРМАХТА НА ЮГ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

3.1. Забытые «котлы» и танковые сражения в июле 1942 г.

В июле 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта произошли три крупных танковых сражения, по количеству бронетехники и численности личного состава соединений вполне сопоставимых с самым известным танковым сражением Великой Отечественной войны, состоявшимся под Прохоровкой 12–13 июля 1943 г. в ходе битвы на Курской дуге. Но в отличие от событий Прохоровки 1943 г., танковые сражения в большой излучине Дона в июле 1942 г. исследованы недостаточно. В советской историографии не обнаружено анализа причин огромных потерь танковых войск РККА в этих сражениях.

Танковое сражение в районе Горшечного. «Первая Прохоровка» 1942 г. состоялась 30 июня – 3 июля на левом фланге Брянского фронта в полосе 13-й и 40-й армий. В 4 отдельных танковых бригадах и 5 танковых корпусах Брянского фронта (командующий генерал-лейтенант Ф.И. Голиков), принявших участие в танковом сражении, на 28 июня числилось 968 танков, в том числе 145 КВ и 351 Т-34, а также 43 Mk-3 «Валентайн» и 2 Mk-2 «Матильда». Остальные 427 танков были легкими типа БТ, Т-60, Т-70[1]. Имея сведения разведки о том, что в полосе Брянского фронта располагаются мощные советские бронетанковые соединения, германское командование максимально насытило свои войска модернизированной техникой, способной на равных бороться с Т-34 и КВ. В составе 4-й танковой армии армейской группы «Вейхс» имелось 76 танков T-IV с 75-мм длинноствольной пушкой Kwk-40 (длиной 43 калибра). В ходе июльских боев в танковые части вермахта на юге стали поступать средние танки T-IV с еще более мощной 75-мм пушкой Kwk L48 (длиной 48 калибров). В дивизионе штурмовых орудий моторизованной дивизии «Великая Германия» две батареи (14 единиц) оснащались новыми модификациями

[1] ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 80038сс. Д. 36. Л. 252–266.

САУ StuG III Ausf.F (длина ствола 75-мм пушки – 43 калибра) или StuG III Ausf.F8 (длина ствола 75-мм пушки – 48 калибров). Моторизованные дивизии в составе своих танко-истребительных дивизионов имели по батарее самоходных истребителей танков «Мардер II», с 76,2-мм советской трофейной пушкой Ф-22 (Pak 36(r) с длиной ствола в 54,8 калибра). В моторизованной дивизии «Великая Германия» в каждом из двух пехотных полков имелось по одной батарее из 9 САУ. С учетом 315 танков T-III модификаций J и M с 50-мм длинноствольными пушками Kwk L/60 немецкая танковая группировка являлась грозной силой. Всего в 4-й танковой армии вермахта вместе с приданными соединениями насчитывалось около 250 тыс. чел., 799 орудий полевой артиллерии, 378 противотанковых пушек, 252 миномета, а также 828 зенитных орудий всех калибров. Ударную силу составляли 733 танка и около 70 штурмовых орудий.

28 июня 1942 г. немцы начали наступательную операцию «Блау» в полосе обороны 13-й и 40-й армий Брянского фронта (см. приложение 6). К исходу дня немецкие соединения продвинулись на 10–12 км. Исходя из оперативных сводок армий, командование фронта вечером 28 июня стало принимать меры по противодействию немецкому наступлению. Войска 13-й и 40-й армий получили приказы об удержании оборонительных полос. 40-ю армию усилили двумя отдельными танковыми бригадами из резерва фронта: 115-й (8 КВ, 20 Т-34, 20 Т-60) и 116-й (8 КВ, 18 Т-34, 20 Т-60). На рубеж реки Кшень, на стык 13-й и 40-й армий, выдвигался 16-й танковый корпус, а западнее реки, на левый фланг 13-й армии – 1-й танковый корпус. Беспокойство за положение на воронежском направлении проявила Ставка ВГК. По ее директиве из состава Юго-Западного фронта передавались 4-й и 24-й танковые корпуса, выдвигавшиеся в район Старого Оскола. Из резерва Ставки ВГК поступал 17-й танковый корпус, двигавшийся от Воронежа к Касторному[1].

Силы сторон были примерно равны. Однако и командование фронта, и командующие армиями не сумели грамотно использовать прибывавшие резервы, так как весьма смутно представляли себе реальную обстановку. Участок главного удара противника определился, но его силы, группировка и замыслы не были раскрыты, поскольку не имелось ни пленных, ни документов. Наша воздушная разведка оказалась полностью вытесненной из района боевых действий и не дала никаких данных о передвижениях немцев. Командные пункты управления находились в 70–100 км от войск, поэтому прибывавшим соединениям и частям задачи ставились по карте или по телефону, а в лучшем случае – через офицеров связи.

[1] ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 430.

Несмотря на то что ситуация на фронте ухудшалась с каждым часом, командование Брянского фронта пребывало в состоянии странной эйфории и считало, что теперь «задавит» противника мощным танковым «кулаком». Для разгрома прорвавшегося врага командование Брянского фронта готовило два удара. С севера, из района города Ливны нанести удар должны были 1-й и 16-й танковые корпуса, а навстречу им, из района Горшечного – 4, 17 и 24-й танковые корпуса. И в Ставке, и в штабе фронта считали, что такими силами Брянский фронт сможет разгромить прорвавшуюся немецкую группировку и восстановить положение. Три танковых корпуса, наступавшие из района Горшечного, объединялись в оперативную группу под командованием генерал-лейтенанта танковых войск Я.Н. Федоренко – начальника Главного автобронетанкового управления Красной армии, специально прибывшего на фронт для оказания помощи в организации действий танковых соединений. Командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант Ф.И. Голиков получил от начальника Генштаба РККА распоряжение, в котором, в частности, говорилось: «*…запомните хорошенько, у вас теперь на фронте около 1000 танков, а у противника нет и 500 танков. Это первое. Второе – на фронте действия трех танковых дивизий у вас собралось более 500 танков, а у противника 300–400 танков самое большее. Все теперь зависит от вашего умения использовать эти силы и управлять ими по-человечески*»[1].

К сожалению, умений управлять и концентрированно использовать пять танковых корпусов и четыре отдельных танковых бригады ни командованию фронта, ни начальнику главного автобронетанкового управления еще недоставало. Массированной атаки трех танковых корпусов оперативной группы Федоренко в районе Горшечного не получилось. Вместо трех корпусов и двух отдельных бригад против 48-го танкового корпуса противника дрались только отдельные подразделения и бригады из 4-го и 17-го танковых корпусов. В полосе 13-й армии генерала Н.И. Пухова 29–30 июня успешно отражались попытки 24-го танкового корпуса вермахта в составе 9-й, 11-й танковых и 3-й моторизованной дивизий продвинуться на север. 1-й и 16-й танковые корпуса, введенные в бой южнее города Ливны, действовали как общевойсковые соединения и, опасаясь за фланги и тылы, не предпринимали наступательных операций.

1 июля бригады 1-го танкового корпуса генерал-майора танковых войск М.Е. Катукова медленно теснили войска противника в районе Редькино и прилегавших высот. В этот же день немецкие войска атаковали 15-ю мотострелковую, 107, 109 и 164-ю танковые бригады 16-го танкового

[1] ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 103–113.

корпуса генерал-майора танковых войск М.И. Павелкина. Разгорелось ожесточенное танковое сражение. Оборона корпуса в считанные часы развалилась на отдельные очаги сопротивления, а управление было полностью нарушено. Причем германское командование так умело организовало удары, что бригады корпуса не могли помочь друг другу. 2 июля развернулись основные бои в полосе 16-го танкового корпуса в районе села Васильевка. Это сражение было проиграно советскими войсками. Для 1-го танкового корпуса день 2 июля прошел в локальных боях с наступавшими германскими частями. Но инициатива была у немцев, а наши танковые бригады действовали разнонаправлено. Наступательная задача, поставленная 1-му танковому корпусу, не была выполнена. Потери 17-го танкового корпуса генерал-майора Н.В. Фекленко составили 132 танка (КВ – 23 ед., Т-34 – 62 ед., Т-60 – 47 ед.). На 7 июля в 24-м танковом корпусе генерал-майора В.М. Баданова числился исправным 81 танк (КВ – 12 ед., Т-34 – 26 ед., М3 «Стюарт» – 17 ед., Т-60 – 26 ед.). Потери составили 72 танка: КВ – 12 ед., Т-34 – 27 ед., Т-60 – 29 ед., М3 «Стюарт» – 4 ед. В 16-м танковом корпусе осталось 20 боеспособных танков, еще 25 были эвакуированы на ремонтные базы. Из 88 «тридцатьчетверок» в строю осталось 6 боевых машин. За четыре дня боев 16-й танковый корпус потерял 136 танков из 181. 4-й танковый корпус генерал-лейтенанта Г.А. Мишулина лишился 163 боевых машин. Фактически полностью потеряли материальную часть 14, 115, 116, 170-я отдельные танковые бригады.

В журнале боевых действий 24-й танковой дивизии вермахта в записи от 30 июня отмечено, что в районе села Гологуловка 115-я и 116-я танковые бригады в своей основной массе уничтожены. Захвачено 28 танков (большой частью Т-34 и КВ). 1 июля были захвачены еще 23 танка[1]. 9-я и 11-я танковые дивизии вермахта в боях с 28 июня по 4 июля уничтожили 263 советских танка[2]. Суммарные потери в танках войск Брянского фронта в первой Прохоровке июля сорок второго года составили 719 единиц[3].

Старооскольское окружение. Тем временем продолжала осложняться обстановка в полосе 40-й армии. В ночь на 3 июля в районе Старого Оскола и Горшечного соединились передовые части 4-й танковой армии и 40-го танкового корпуса 6-й полевой армии вермахта. В окружение попали 6, 8, 227, 297, 301-я стрелковые дивизии 21-й армии, части 13-го танкового корпуса Юго-Западного фронта и левофланговые соединения 40-й армии Брянского фронта (212, 45, 62-я стрелковые дивизии, 141-я отдельная стрелковая

[1] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 674. Л. 8, 9, 11.
[2] Там же. Д. 245. Л. 49.
[3] Там же. Л. 104.

бригада). Среднесуточные потери советских войск в этих боях составляли 15 516 человек[1]. От Ямского леса до села Завалишино на полосе в 50 км сражались в окружении около 50 тыс. человек. На каждый километр – по тысяче человек. На каждый метр – по человеку. Сражаясь, они стояли насмерть.

Из воспоминаний ветеранов и жителей близлежащих деревень известно, что немцы, оказавшись не в силах сломить сопротивление советских воинов, применили химическое оружие – снаряды с нервно-паралитическим газом[2]. О применении таких снарядов говорится и в книге Д. Гергени, который в июле 1942 г. командовал саперным батальоном 2-й Венгерской королевской армии, расквартированной в Старом Осколе. Он видел трупы наших солдат в скрюченном состоянии по всему Ямскому лесу. Собиравшие их команды венгров работали в противогазах[3].

Своими жизнями воины 45, 62, 160, 212, 227, 297, 301-й стрелковых дивизий и 141-й стрелковой бригады сдерживали наступление врага, сковав на несколько дней 11 дивизий (10 пехотных и 1 моторизованную) 7-го, 29-го немецких корпусов и 3-го венгерского армейского корпуса. Следует отметить, что ни одно знамя из сражавшихся под Старым Осколом воинских формирований РККА не попало в руки врага. Приведем только один пример: в период со 2 по 6 июля 1942 г. 45-я стрелковая дивизия была окружена западнее города Старый Оскол, где потеряла большую часть личного состава. В течение 7–8 июля 1942 г. остатки 45-й ордена Ленина имени Щорса стрелковой дивизии 731 чел. вышли из окружения и были направлены в район города Сызрань, на станцию Бараш на переформирование. В 1945 г. стало известно, что командир дивизии подполковник В.П. Соколов и комиссар дивизии Н.А. Гламазда 5 июля 1942 г., находясь в окружении в Атамановских лесах близ Старого Оскола, «*не желая живыми попасть в плен, покончили с собой*»[4]. Часть войск вывели из окружения заместитель командующего 40-й армией генерал-лейтенант Ф.Ф. Жмаченко и член Военного совета 40-й армии бригадный комиссар И.С. Грушецкий. В плен попали около 27 тыс. военнослужащих. В слободах Казацкой, Стрелецкой, Пушкарской и у села Котеневка в июле – октябре 1942 г. существовали 4 лагеря для военнопленных старооскольского котла.

226, 297, 301-я стрелковые дивизии 13 июля были расформированы, а остатки 45, 62, 160, 212-й стрелковых дивизий 29–30 июля отведены в тыл

[1] Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 106.

[2] Старый Оскол – город воинской славы. URL: www.proza.ru/2013/02/08/1088 (дата обращения: 21.11.2016).

[3] *Гергени Д.* Один из первых. М., 1970. С. 127.

[4] ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11 458. Д. 844. Л. 413.

на доукомплектование и переформирование. Накануне летнего немецкого наступления в составе 40-й армии состояло на довольствии 80 427 чел. личного состава[1]. В окружение попали четыре дивизии и одна бригада, пять артиллерийских полков усиления – до 40 тыс. бойцов и командиров. Пробились из окружения около 10 тыс. чел. В 21-й армии на 25 июня осталось 48 007 чел. личного состава. К 17 июля в ее составе вне кольца окружения, на левом берегу Дона, оставалось 27 878 человек[2]. Потери армии в старооскольском котле составили 20 129 советских воинов.

Но эти жертвы не были напрасными. Окруженцы Атамановского леса, пожертвовав собой, задержали на пять дней смену немецких танковых и моторизованных дивизий в Воронеже пехотными соединениями, и этих дней не хватило Гитлеру для стремительного броска на Сталинград и Ростов-на-Дону в середине июля. Кроме того, поплатился за «простой» командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок, отправленный в отставку Гитлером 13 июля 1942 г.

«Вторая Прохоровка» 1942 г. произошла 6–15 июля в полосе того же Брянского фронта. В ночь на 4 июля командующий 5-й танковой армией генерал-майор А.И. Лизюков получил директиву Ставки о подготовке и проведении контрудара. В ней говорилось: «*Ударом в общем направлении Землянск, Хохол (35 км юго-западнее Воронежа) перехватить коммуникации танковой группировки противника, прорвавшейся к реке Дон на Воронеж; действиями по тылам этой группы сорвать ее переправу через реку Дон. С выходом в район Землянск, Хохол помочь отходу левого крыла 40-й армии через район Горшечное, Старый Оскол на Воронеж*»[3]. Утром 4 июля на командный пункт Брянского фронта прибыл начальник Генерального штаба РККА генерал-полковник А.М. Василевский и сразу же выехал в штаб 5-й танковой армии. Здесь он в присутствии начальника штаба фронта генерал-майора М.И. Казакова уточнил задачу. В 5-й танковой армии имелся 641 танк, у противника, расположившего свои части севернее станции Касторное, было не более 270 танков и САУ, которые уже в течение недели вели ожесточенные бои и имели повреждения. При таком значительном советском превосходстве 9-я и 11-я танковые дивизии противника вполне могли быть разбиты, и войска левого крыла фронта получили бы возможность закрепиться на оборонительном рубеже западнее Дона.

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11 458. Д. 844.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 209. Д. 41. Л. 323–337.

[3] *Казаков М.И.* На воронежском направлении летом 1942 года // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 39.

Операцию было приказано начать не позднее 15–16 часов 5 июля, не ожидая полного сосредоточения всех сил армии. По директиве Ставки ВГК, полученной в 2 часа ночи 5 июля, в состав армии был включен 7-й танковый корпус (3-я гвардейская, 62-я, 87-я танковые и 7-я мотострелковая бригады) полковника П.А. Ротмистрова, имевший 178 танков. 7-му танковому корпусу, переброшенному из Калинина, ставилась задача, указанная в директиве Ставки. 11-й танковый корпус генерала А.Ф. Попова без 12-й мотострелковой бригады должен был ударом в направлении Вислой Поляны и Казинки, взаимодействуя с 7-м танковым корпусом, овладеть населенными пунктами Казинка, Долгое, Зацепино, а в дальнейшем – Верхним и Нижним Турово. 2-й танковый корпус генерала И.Г. Лазарева без 2-й мотострелковой бригады получил приказ наступать за 7-м танковым корпусом в направлении населенных пунктов Перекоповка, Землянск и Хохол. 148-я танковая бригада корпуса в районе Нережа и Калабино обеспечивала оборону переправ у Задонска. 340-й стрелковой дивизии был дан приказ к исходу 5 июля занять оборону на рубеже хутора Виктория, отметка 110,6 м, имея один полк во втором эшелоне на северном берегу Дона в районе хутора Верхне-Казачьего[1].

При отдаче приказа на наступление корпусам генерал Лизюков ограничился указанием на карте боевой задачи, которую получил сам. Командиры корпусов аналогичным образом поставили задачи командирам бригад. 5-я танковая армия в составе полевого управления, двух танковых корпусов, отдельных соединений и частей усиления только двигалась к местам сосредоточения, поэтому даже ее передовые бригады не могли начать операцию ранее 6 июля. Штаб армии был развернут в районе деревни Слепуха. Эшелоны 11-го танкового корпуса стали прибывать на станцию Долгоруково только к вечеру 5 июля, а 2-й танковый корпус в это время начинал погрузку на станции Ефремов. 340-я стрелковая дивизия одним полком только к вечеру 6 июля заняла оборону южнее Задонска. После выгрузки из эшелонов 11-й танковый корпус вышел в район Ивановки и Вислой Поляны лишь к 2 ночи 7 июля. Весь предыдущий день его колонны бомбила немецкая авиация. 2-й танковый корпус вышел в назначенный район лишь к 10 утра 7 июля, а его 148-я танковая бригада начала разгрузку на станции Долгоруково только в 11:00.

Командир 7-го танкового корпуса отдал приказ нанести контрудар только в 01:30 ночи 6 июля с задачей начать атаку в 06:00, т.е. через 4,5 часа. Главный удар наносился в направлении Землянска, с дальнейшим развитием наступления на Хохол. Приданные 157-ю и 161-ю танковые бригады

[1] ЦАМО РФ. Ф. 331. Оп. 5041. Д. 18. Л. 1–2.

Ротмистрову найти не удалось, но 2-ю и 12-ю мотострелковые бригады разыскали. Утром 6 июля нанес контрудар 7-й танковый корпус, усиленный 19-й танковой, 2-й и 12-й мотострелковыми бригадами, имея две своих бригады во втором эшелоне и в резерве. В ходе атаки соединения и части корпуса встретились с наступавшей 9-й танковой дивизией вермахта, с которой вели бой в течение всего дня. В результате сражения 7-й танковый корпус с приданными частями к исходу дня на участке Перекоповки – Каменки овладел правым берегом реки Кобылья Снова, но дальше продвинуться не смог. Противник закрепился на рубеже: лес в полукилометре восточнее Ивановки, южнее деревни Скаты, высота 218, высота 89, село Перекоповка. Немецкие танки действовали двумя группами: до 30 машин – на участке западнее Хрущёво и до 150 машин – в районах Перекоповки – Каменки. Всего перед фронтом 7-го танкового корпуса и приданных ему частей, имевших 246 танков, действовало до 180 танков и САУ, полк мотопехоты противника, в основном в районе Перекоповки – Каменки.

Отсутствие разведки и маневра привело к тому, что, столкнувшись с противником, которого советские войска численно превосходили (один немецкий моторизованный полк противостоял трем мотострелковым бригадам и четырем мотострелковым батальонам РККА), 7-й танковый корпус 6 июля лобовыми атаками только немного потеснил врага. Позже выяснили, что через водную преграду имелось несколько пригодных для форсирования бродов, пользуясь которыми можно было легко обойти немецкие позиции с флангов. Значительная часть войск армии еще находилась в процессе сосредоточения. 66-й гвардейский минометный полк прибыл только утром 7 июля, 2-й танковый корпус вышел в назначенный район лишь к 10:00, а его 148-я танковая бригада начала разгрузку на станции Долгоруково по достижении 11 часов утра. Вести активные боевые действия 7 июля могли 7-й и 11-й танковые корпуса с частями усиления.

Имея в распоряжении два танковых корпуса, командующий 5-й танковой армией приказом от 7 июля в 03:30 поставил ближайшей задачей войскам уничтожение противника в районе населенных пунктов Ломовка, Перекоповка, Озерки (северные). Вместо организованной массовой атаки танков на фронте в 12–15 км силами хотя бы четырех-пяти бригад, командиры корпусов вводили их в бой из маршевых колонн, с выделением передовых батальонов, по два батальона от корпуса. Наступление корпусов свелось к действиям только передовых батальонов, а остальные силы стояли на месте и несли потери от немецкой авиации. Войска армии продолжали действовать крайне вяло. Командир 11-го танкового корпуса приказ из штаба армии получил в 6:40 7 июля. 53-я танковая бригада его корпуса

атаковала противника и к 15:00 овладела Хрущёво. 59-я бригада в сражении не участвовала, так как искала брод и переправилась через реку Кобылья Снова только к 17:00. 160-я танковая бригада, стоявшая «в затылок» за 59-й, переправилась через реку еще позже. Таким образом, из всего 11-го корпуса бой 7 июля вела только 59-я танковая бригада. 7-й танковый корпус в середине дня вновь переправился через реки Кобылья Снова и Каменка, а к ночи опять оказался на ее левом берегу. 2-й танковый корпус, оставаясь в резерве, к 10:00 закончил сосредоточение, но в этот день боевых действий не вел. Попытки наступления 5-й танковой армии продолжались до 15 июля. Они привлекли на себя некоторые вражеские пехотные части, но разгрома его основных сил западнее Воронежа не получилось.

По оценкам командования Брянского фронта, провальные результаты наступления объяснялись следующими причинами: нерешительность действий командиров бригад, отсутствие организации разведки и маневра. В боях с 6 по 15 июля соединения 5-й танковой армии потеряли 7929 чел., 261 танк был сожжен, 258 танков подбито[1]. В результате 5-я танковая армия была расформирована, а ее командарм с понижением в должности назначен командиром 2-го танкового корпуса, которому передали уцелевшие танки. 25 июля 1942 г. он погиб в бою, выехав на танке КВ в направлении деревни Медвежье. Когда танк подбили, генерал приказал экипажу покинуть машину. Могила первого командующего 5-й танковой армией долгое время была неизвестной, а сам Александр Ильич Лизюков, по официальным данным, считался пропавшим без вести. В 2008 г. были найдены останки генерала в братской могиле у села Лебяжье. По желанию родственников 7 мая 2009 г. они были перезахоронены на Аллее Славы в Воронеже.

Окружение под Миллерово. В середине июля 1942 г. произошли трагические события на фронте в районе Миллерово – Тарасовки – Каменска. В окружении под Миллерово погибли тысячи наших солдат, десятки тысяч оказались в плену.

События развивались так: 9-я армия генерал-майора А.И. Лопатина, теснимая противником, в течение ночи на 13 июля отводила свои части на рубеж Зеликовки, Плугатаря, Беловодска, Новоалександровки, Колядовки, куда и вышла к 6:00. На рассвете противник ворвался на северную окраину Беловодска, одновременно захватив село Верхняя Чугинка. К 14:00 группа немецких танков с автоматчиками прорвалась в район станции Красновки и начала распространяться на восток, в направлении Верхней Тарасовки. В течение 13 июля части 9-й армии вели уличные бои в Беловодске, в лесу западнее и юго-западнее данного поселка и в Новоалександровке.

[1] ЦАМО РФ. Ф. 331. Оп. 5041. Д. 18. Л. 2–4.

51-я стрелковая дивизия с 68-м гаубичным артиллерийским полком – на южной окраине Евсуга, 296-я стрелковая дивизия с 69-м гаубичным тяжелым артиллерийским полком – юго-восточнее Беловодска. 1174-й артиллерийский полк с 9-м батальоном противотанковых ружей действовали с 14-м танковым корпусом в районе Миллерово. 140-я стрелковая дивизия с 1181-м легким артиллерийским полком РГК – в районе Скалетовского, 296-я стрелковая дивизия с 1182-м легким артиллерийским полком РГК – в районе Парневого и Копани, 318-я стрелковая дивизия с 667-м гаубичным артиллерийским полком и 73-м гвардейским минометным полком – в районе села Городище, 18-я истребительная бригада – в лесу, восточнее Весёлого, 19-я истребительная бригада – в лесу, в 6 км западнее Беловодска. 78-й гвардейский минометный полк и 48-й отдельный минометный дивизион действовали совместно с 5-м кавалерийским корпусом. Второй дивизион 2-го гвардейского минометного полка сосредоточился в районе села Баранниково, третий дивизион поддерживал 255-ю стрелковую дивизию, сосредоточившись в лесу, в 7 км восточнее Евсуга.

С 12:00, согласно приказу об отводе войск в резерв фронта и о сосредоточении за правым флангом 24-й армии в районе населенных пунктов Горны – Шарпаевская, 9-я армия начала отход в южном направлении на Волошино и Красновку на новый рубеж Нижне-Камышенский, Титовка, Калиновая. Не имея связи и взаимодействия с соседями ни справа, ни слева, 9-я армия потеряла в этот день связь со штабом фронта и действовала самостоятельно. Потеря связи была вызвана одновременным перемещением штабов фронта и армий. В этот день штаб Южного фронта перемещался из района Ворошиловграда в район города Шахты (поселка Соколово-Кундрюченского). Девять танков противника в 14:30 атаковали управление тыла 9-й армии на станции Красновка. Все отделы управления тыла были выведены, за исключением десятка уничтоженных танками противника автомашин, убито несколько командиров штаба. Штаб армии к исходу 13 июля совершил переезд из Нижне-Камышенского (Ребрикова) в Благовещенку. В районе Волошино артиллерийским огнем и в районе Благовещенки и Сулина группа танков противника рассеяла штаб армии, но его оперативная группа собралась и продолжила управлять войсками до 15 июля 1942 г. К 18:00 штабные колонны 9-й армии прибыли в хутора Груцинов и Захаро-Обливский, где установили связь с помощником командующего Южным фронтом генералом К.А. Коротеевым и организовали заградительные посты для удержания и приведения в порядок проходящих частей армии.

Немцы перехватили дорогу Миллерово – Каменск возле хутора Верхне-Таловка и захлопнули последнюю «щель» у хутора Водяного

(ныне – Россошь). Здесь соединились части 1-й и 4-й немецких танковых армий. В кольце окружения оказались соединения и части 38, 28, 57, 9-й общевойсковых армий и 7-й саперной армии – всего 16 стрелковых, 3 кавалерийских дивизии и 1 истребительная дивизия, 11 бригад, 26 артиллерийских и минометных полков, 16 отдельных батальонов. Также к ним присоединились выдвинутые западнее и севернее Миллерово две дивизии 24-й армии, до этого находившиеся в резерве в районе Каменска. Общая численность окруженной группировки составляла более 150 тыс. бойцов и командиров[1]. В оперативных сводках фронта все окруженные войска назывались «группой Лопатина» (по фамилии командующего 9-й армией генерал-майора А.И. Лопатина). После его ранения 15 июля оставшихся возглавил генерал-майор Ф.А. Пархоменко, так как остальные командармы – 28-й армии генерал-майор В.Д. Крючёнкин, 38-й армии генерал-майор артиллерии К.С. Москаленко, 57-й армии генерал-майор Д.Н. Никишев – еще 12 июля оказались вне кольца окружения. Согласно имеющимся в ЦАМО РФ документам[2], они бежали, бросив свои войска, как только кольцо окружения начало смыкаться.

Окружение создали 3-я танковая (охватом с востока вдоль реки Калитва), 23-я танковая (юго-восток) и 297-я пехотная немецкие дивизии (охватом с севера). С запада наступали дивизии 8, 44 и 51-го немецких армейских корпусов и 6-го румынского армейского корпуса. С юга пути отхода перехватили 14-я и 22-я танковые дивизии 3-го танкового корпуса. Всего в блокаде советских войск было задействовано до 20 вражеских дивизий. О тяжести последствий окружения советских армий под городом Миллерово свидетельствует директива Ставки ВГК № 170 508 от 14 июля 1942 г.: «*Ставка считает нетерпимым и недопустимым, что Военный совет фронта вот уже несколько дней не дает сведений о судьбе 28, 38 и 57-й армий и 22-го танкового корпуса. Ставке известно из других источников, что штабы указанных армий отошли за Дон, но ни эти штабы, ни Военный совет фронта не сообщают Ставке, куда девались войска этих армий и какова их судьба, продолжают ли они борьбу или взяты в плен. В этих армиях находились, кажется, 14 дивизий. Ставка хочет знать, куда девались эти дивизии. Военный совет фронта обязан добыть все необходимые сведения о положении этих войск и выработать меры помощи им, если они уже не взяты в плен. Ставка считает нетерпимым, что Военный совет отмалчивается и не проявляет заботы о судьбе этих войск. Ставка тре-*

[1] ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 2. Л. 176–182.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072. Д. 7. Л. 75–83.

бует незамедлительного ответа»[1]. Но какой ответ могли дать Верховному главнокомандующему И.В. Сталину маршал С.К. Тимошенко и член Военного совета Н.С. Хрущёв из Сталинграда, а генералы В.Д. Крючёнкин и К.С. Москаленко из окрестностей станиц Вёшенской и Качалинской?

«Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!» – решили в окруженной и не управляемой единым центром группировке. И начались импровизации. Сводная автоколонна из разных окруженных частей и полевого управления 9-й армии 14 июля прорвала фронт противника на участке Свободный – Никольская (восточнее Миллерово), прошла под руководством комиссара штаба армии полкового комиссара М.К. Усачёва по тылам противника и 15–16 июля переправилась через Дон у станиц Цимлянской и Константиновской, сосредоточившись в районе хутора Павлова (южнее Константиновской). К 16 июля «*в район Павлов прибыли: штаб и управление армии – в полном составе, за исключением оперативного, разведывательного и шифровального отделов. Всего 1100 автомашин, из них из других армий (38-й и 28-й армий) – около 500 машин, бойцов вооруженных – 2000, бойцов невооруженных – 3000, орудий – 24, установок ГМП – 26. Кроме того, в районе Каменск из состава частей 9-й армии собрано бойцов и командиров 650 чел., автомашин – 35, пушек – 2*»[2].

Командование Южного фронта пыталось деблокировать «котел» ударом от Каменска через поселки Глубокий и Тарасовский силами сводного танкового корпуса генерал-майора танковых войск В.М. Алексеева. В импровизированное соединение вошли три танковых и одна мотострелковая бригада. В составе 5-й гвардейской, 15-й и 140-й танковых бригад сводного корпуса на 14:00 12 июля имелось 139 танков: КВ – 25 ед., Т-34 – 59 ед., Т-60 – 55 ед.[3] 41-я мотострелковая бригада, не имевшая автотранспорта, бронетехники и тяжелого вооружения, совершала ночные изнурительные марши в пешем строю. 5-я гвардейская танковая бригада 13–14 июля безуспешно атаковала противотанковые узлы обороны 22-й немецкой танковой дивизии в направлении Тарасовский – Верхне-Таловка. 15-я танковая бригада пыталась наступать вместе с частями 335-й стрелковой дивизии из совхоза Тарасовского на высоты севернее хутора Верхне-Тарасовский, а 140-я танковая бригада потеряла материальную часть 13–14 июля в тяжелых боях с немецкой 14-й танковой дивизией у хутора Колодезного. Она атаковала от хутора Весеннего в направлении на Колодезный и была там окружена. Контрудар провалился, окружение осталось замкнутым. Потери

---

1 Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). М., 1996. С. 308.

2 ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1010. Л. 233–237.

3 ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 30. Л. 15.

сводного корпуса только в танках составили 95 единиц. К утру 15 июля танковая группа генерала Алексеева переправилась на правый берег реки Северский Донец в районе Каменска, имея в своем составе 46 танков разных марок.

Окруженная группировка советских войск непрерывно предпринимала попытки прорыва. Главным участком боев на прорыв по реке Калитве стал район села Криворожье (немцы удерживали село Екатериновку и высоты южнее западного берега Калитвы). Наши войска атаковали вдоль дороги Миллерово – Криворожье, 13–16 июля там шли ожесточенные бои. Далее на юг оборона немцев шла по высотам и в хуторах: Антоновка, Гремучий, Греков, Колодези, Курно-Липовка, Низовка (ныне – Мартыновка), Грачи, Хохлачи, Архиповка, Карпо-Русский – фронтом на север, северо-запад, запад.

Из немецких сводок и донесений известно об активных попытках прорыва советских войск 14–16 июля у Низовки от Миллерово[1]. Был прорыв и через хутор Курно-Липовку. Не удался прорыв 15 июля от хутора Хоперский Лог на хутора Грачи и Хохлачи. Далее всех продвинувшийся внутрь кольца окружения, в хутор Карпо-Русский мотоциклетный батальон 3-й немецкой танковой дивизии сам находился в круговой обороне с вечера 13 июля. Днем 14 июля через его позиции прорвались на юг остатки сводного танкового корпуса генерал-майора Алексеева из-под Тарасовки, а ночью 14 июля через хутор Карпо-Русский – остатки 5-го кавалерийского корпуса (30, 34, 60-я кавалерийские дивизии).

Настоящая трагедия разыгралась у хутора Нижний Ерохин Каменского района. Часть кавалеристов на дневке в Ерохинской балке в 2 км западнее хутора Нижний Ерохин была окружена подразделениями 14-й танковой дивизии. Боя практически не было. Немцы артиллерийским, минометным и пулеметным огнем расстреливали разбегавшихся по полю бойцов и командиров. Многих кавалеристов взяли в плен и повели в хутор. Обстоятельства гибели воинов 5-го кавалерийского корпуса и его командира генерал-майора Ю.В. Вальца до сих пор остаются невыясненными. Несмотря на то что было изучено большое количество документов в ЦАМО РФ, списки красноармейцев и командиров, погибших в Ерохинской балке, так и не были обнаружены. Под хутором Ерохин уже несколько лет ведутся поисковые работы, но могила генерала так и не найдена.

15 июля 9-я армия и часть сил 24-й армии продолжали вести ожесточенные бои, прорываясь из района Старой Станицы и Талового в южном направлении к реке Северский Донец. В 12 часов противник атаковал штаб

[1] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 196. Л. 78–80.

9-й армии в районе хутора Колодезного. В полном составе в штабе находились только оперативный, разведывательный и шифровальный отделы, остальные ушли с полковником М.А. Усенко еще 14 июля. Нарушив работу этих отделов штаба и рассеяв их личный состав, противник уничтожил узел проводной связи и радиостанции. При налете противника на штаб был ранен командующий армией генерал-лейтенант А.И. Лопатин. С момента налета на штаб было потеряно управление войсками, которые, имея указание о выходе за Северский Донец, прорывались в направлении Каменска отдельными группами, неся большие потери в личном составе и в материальной части.

Окруженные войска пытались прорваться из миллеровского котла на Каменск, в основном вдоль железной и шоссейной дорог у северных окраин хуторов Верхне-Таловки и Греко-Петровского. Когда немцы 15 июля заняли хутор Водяной (Россошь), бои шли севернее указанных хуторов. Отступавшая из района Сватово через Старобельск на Миллерово 9-я армия натолкнулась на немцев южнее, юго-западнее и западнее поселка Волошино в 30 км западнее Миллерово. Колонны советских войск, выступив из Волошино по дороге Красновка – Тарасовский, попали под огонь немецкой 14-й танковой дивизии, еще 13 июля закрепившейся на высотах севернее села Талового. Затем колонны войск 9-й армии пошли на восток, к городу Миллерово, но в Греково их шквальным огнем встретил заслон танков всё той же 14-й дивизии. Застрявшие на дороге Волошино – Греково войска 9-й армии пытались 13–15 июля пробиться как на восток, на Миллерово (ведя бои на западной окраине Греково), так и на юг (бои у цепи высот и в балках южнее 1–2 км от дороги), но без успеха. Управление войсками было окончательно утрачено. Командиры частей растеряли свои подразделения, а подразделения потеряли командиров. Остатки 5-го кавалерийского корпуса сводными группами 30, 34 и 60-й кавалерийских дивизий попытались в ночь на 16 июля прорвать кольцо окружения противника в направлении хутора Гусев и станицы Калитвенской и выйти в Каменск. Но в ночном марше кавалерийские части действовали самостоятельно и при вступлении в бой с противником рассыпались, после чего выходили группами.

Очутившись в окружении, без управления, действуя разрозненно, войска 9-й армии не в состоянии были организовать должного сопротивления противнику, создать ударный кулак, пробить брешь и вывести материальную часть, боевую технику и личный состав. Войска в одиночку и группами двигались самотеком. Командиры по приказу и по собственной инициативе вынуждены были уничтожать боеприпасы, боевую технику, приводить

в негодность оставшуюся без топлива технику (трактора, тягачи, автомашины), артиллерию, потерявшую упряжки. Бойцы и командиры, обрезая постромки, забирали из артиллерийских упряжек лошадей и верхом уходили на восток. Пушки бросали из-за невозможности их тащить дальше. Отходившие колонны войск, превращавшиеся в неорганизованные толпы, преследовались не только наземными войсками противника, но и его боевой и разведывательной авиацией. В итоге враг был осведомлен о силе, составе окруженных группировок и направлениях их отхода. Немцы перехватывали пути отхода высадкой десантов, систематической бомбежкой, массированным огнем всех видов оружия уничтожая и рассеивая советские войска. Так, 13 июля была разгромлена колонна штаба 175-й стрелковой дивизии 28-й армии, а ее командир, генерал-майор А.Д. Кулешов попал в плен.

Основными местами ожесточенных боев советских войск при прорыве из окружения в районе Миллерово 13–16 июля были населенные пункты Дёгтево, Ольховый Рог, Никольское, Екатериновка (у села Криворожье), Мартыновка (Низовка), Грачи, Карпо-Русский, Греко-Петровский, Верхне-Павловка, Грековo, Волошино, Хохлачи. Бои шли жестокие, с большим количеством без вести пропавших. 16 июля 1942 г. в 16:30 начальник штаба 4-й танковой армии информировал группу армий «А» о дальнейшем отходе русских колонн на юго-запад и сообщил, «*что Миллерово захвачено атакой с севера почти без боя. На участке 40-го танкового корпуса еще продолжался сильный натиск окруженных советских войск в восточном и южном направлениях: 23-я танковая дивизия, действуя боевыми группами (танки, мотопехота, артиллерия, минометы, саперы), юго-восточнее Миллерово, в районе Шульцовка, высота 172, Дробязкин, решительной атакой разгромила большую колонну советских войск, было захвачено около 7500 пленных; на участке блокирующей 3-й танковой дивизии обстановка была без изменений. На фронте 51-го армейского корпуса (командный пункт – Миллерово), теснящего с запада окруженную советскую группировку, положение к исходу 16 июля было следующим: 297-я пехотная дивизия достигла села Дегтево и высот с отметками 188 и 208 юго-западнее его; 44-я пехотная дивизия – западнее Колодези; части 71-й пехотной дивизии достигли рубежа Миллерово, Мальчевская и отбросили противника на юго-восток. Удалось установить связь с 6-м румынским армейским корпусом*»[1].

17 июля штаб 4-й танковой армии доложил, что остатки советских частей, попавших в окружение, оттесненные с западного фланга на участок

[1] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 196. Л. 99–101.

40-го танкового корпуса, уничтожены. В результате этих боев в плен попали еще 21 тыс. человек[1]. Немецкое командование заявило о захвате 422 орудий, 109 танков, 15 самолетов, 73 450 военнопленных. Из состава 9-й армии на 23 июля 1942 г. вышли из окружения 18 200 бойцов и командиров. 4 июля 1942 г. в армии состояло на довольствии 76 180 бойцов и командиров[2]. Остальные 59 тыс. бойцов и командиров не вышли из миллеровского котла.

«Третья Прохоровка» состоялась на Сталинградском фронте 25 июля – 3 августа у города Калач-на-Дону. Северная группировка 6-й армии Паулюса утром 23 июля атаковала правый фланг 62-й армии на фронте Клетская – Евстратовский, нанеся удар в юго-восточном направлении. Утром следующего дня немцы перешли в наступление также из района хуторов Перелазовского и Липовского в направлении на Манойлин. В ходе двухдневных ожесточенных боев к исходу 24 июля они прорвали фронт 62-й армии, окружив 192-ю, 184-ю стрелковые дивизии и 40-ю танковую бригаду, и главными силами вышли в район хуторов Верхне-Бузиновки, Осиновки и Сухановского. К исходу 26 июля германские передовые танковые части прорвались к Дону в район станицы Голубинской, хуторов Малого Голубого и Мостовского. 24 июля командование Сталинградского фронта приняло решение ликвидировать прорвавшуюся к Дону вражескую группу концентрическими ударами подвижных соединений из резерва фронта, а также частью сил 21-й и 62-й армий. Выполнение этой задачи возлагалось на формировавшиеся 1-ю и 4-ю танковые армии. Они должны были нанести контрудар: 1-я армия генерал-майора артиллерии К.С. Москаленко из района Калача-на-Дону в направлении на хутор Липологовский 25 июля, 4-я армия генерал-майора В.Д. Крючёнкина из района станиц Трехостровской и Качалинской в направлении Верхне-Бузиновки 27 июля. Одновременно перешли в наступление ударные группировки 21-й армии из района станицы Распопинской на хутор Цымловский и 62-й армии из района хуторов Плесистовского и Добринского на Манойлин, с задачей восстановить связь с окруженными стрелковыми дивизиями и танковой бригадой.

В 1-ю танковую армию входили 131-я и 399-я стрелковые дивизии, 13-й танковый корпус полковника Т.И. Танасчишина (157 танков и 10 бронемашин), 28-й танковый корпус полковника Г.С. Родина (178 танков) и 158-я отдельная тяжелая танковая бригада подполковника А.В. Егорова (40 танков КВ). Формально в ней числился еще 23-й танковый корпус (161 танк) генерал-майора А.М. Хасина, но до 30 июля он действовал на левом фланге 62-й армии вне оперативной связи с остальными

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 15. Л. 113.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 2. Л. 203, 204.

соединениями 1-й танковой армии. В состав 4-й танковой армии входили 18-я и 205-я стрелковые дивизии и 22-й танковый корпус (180 танков) генерал-майора танковых войск А.А. Шамшина. Однако все эти корпуса, бригады, дивизии не имели связи между собой, не были готовы к слаженным боевым действиям, у командармов не хватило времени даже познакомиться с собственными войсками, не говоря об отработке взаимодействия и управления.

Согласно плану операции, 1-й танковой армии предписывалось переправиться через Дон в районе Калача-на-Дону и наступать в направлении хутора Майоровского. Ее ближайшая задача заключалась в том, чтобы уничтожить прорвавшегося врага и к исходу дня овладеть рубежом Верхне-Бузиновская – Манойлин. В дальнейшем ей предстояло наступать на хутор Перелазовский и там соединиться с 4-й танковой армией. Войска Крючёнкина не успевали сосредоточиться на исходных позициях в указанный срок, поэтому они должны были начать боевые действия 27 июля, продвигаясь из района станицы Трёхостровской на Перелазовский. В ночь на 25 июля войска 1-й танковой армии в основном сосредоточились на восточном берегу Дона. 28-му танковому корпусу был дан приказ с утра 25 июля перейти в наступление, разгромить противника, преследовать его до Ново-Григорьевской и Логовского. 13-му танковому корпусу предстояло наступать в направлении Верхне-Бузиновской и Клетской. Во втором эшелоне армии за корпусом Г.С. Родина следовали 158-я танковая бригада и 131-я стрелковая дивизия. Левее войск Танасчишина частью сил должна была нанести удар 62-я армия.

С рассветом 25 июля 1-я танковая армия нанесла контрудар по противнику, который тоже возобновил наступление с целью захватить переправы у Калача-на-Дону. Завязалось встречное сражение 14-го танкового корпуса генерала Г. фон Витерсгейма с 1-й танковой армией генерал-майора артиллерии К.С. Москаленко. Несмотря на превосходство в силах, советские войска оказались в крайне невыгодных условиях. В первую очередь в результате нерешительных действий танковых бригад, отсутствия данных о противнике и абсолютного германского господства в воздухе. 28-й танковый корпус отбросил противника на 6–8 км от Калача-на-Дону (см. рис. 7).

Но, воспользовавшись тем, что 1-я танковая армия в течение первых трех дней наступления сражалась, по существу, одна, противник сосредоточил против нее большую часть огневой мощи своей артиллерии и крупные силы авиации. 4-я танковая армия запаздывала с началом наступления, а 13-й танковый корпус по-прежнему вел бои в районе Манойлина. Удар на Верхне-Бузиновку 1-я танковая армия наносила лишь силами 28-го танкового корпуса. 131-я стрелковая дивизия наступала на север

вдоль правого берега Дона, а 158-й тяжелой танковой бригаде было приказано очистить от противника высоты западного берега Дона. Армия наступала в разные стороны и ни на одном направлении не могла прорвать немецкую оборону.

Рис. 7. Аэрофотосъемка переправы у Калача (27.07.1942)[1]

26 июля в 3 часа ночи 28-й танковый корпус возобновил наступление. Советские командиры рассчитывали, что удар будет стремительным и внезапным, до появления авиации противника. Однако оказалось, что вражеские войска готовились к его отражению всю ночь: заняли выгодные рубежи, зарыли в землю танки, подтянули противотанковую артиллерию, а также 88-мм зенитные пушки. Атака, проведенная на рассвете частями 28-го танкового корпуса, успеха не имела. Вторая атака, предпринятая уже в 15 часов, также была отражена противником. 39-я и 55-я бригады

[1] URL: www.wwii-photos-maps.com (дата обращения: 09.11.2016).

понесли большие потери. Например, в 1-м батальоне 55-й танковой бригады на ходу осталось 9 танков. 158-я бригада потеряла 20 КВ сгоревшими и 5 – подбитыми. 13-й танковый корпус 26–27 июля наступал 166-й и 169-й танковыми бригадами на Манойлин и потерял 29 танков[1].

Между тем боевой приказ войскам армии требовал, чтобы 13-й танковый корпус наступал на Верхне-Бузиновку и далее – на Клетскую. Невыполнение этой задачи привело к тому, что контрудар наносился по расходившимся направлениям. Положение было исправлено, когда в район хутора Манойлин прибыл генерал-майор танковых войск Е.Г. Пушкин, который и стал с 28 июля руководить действиями 13-го танкового корпуса. В его состав была возвращена 163-я танковая бригада, а две другие, сражавшиеся под Манойлином фронтом на северо-запад и запад, выведены из боя и перенацелены на северное направление. Проведя разведку, войска корпуса на рассвете 28 июля атаковали противника в районе хутора Майоровского и установили контакт с 184-й и 192-й стрелковыми дивизиями, 40-й танковой бригадой. К этому времени в корпусе оставалось на ходу 66 танков. За 7 дней боев 1-я танковая армия уничтожила и захватила 116 вражеских танков и более 90 орудий разных калибров. Противник потерял убитыми и ранеными до 14,5 тыс. солдат и офицеров[2]. В течение семидневных боев 23-й танковый корпус потерял подбитыми и сожженными 147 танков (Т-34 – 90 ед., Т-70 – 35 ед., Т-60 – 22 ед.). 6 августа в строю оставалось 6 Т-34, 5 Т-70 и 2 Т-60. За это же время корпус уничтожил 70 немецких танков, 9 противотанковых орудий и до 1600 солдат и офицеров противника. Корпус боевой задачи не выполнил, липологовской группировки противника не уничтожил и 5 августа был вынужден перейти к обороне. Огромными были и потери 28-го танкового корпуса – 133 танка. После недели боев в нем осталось всего 45 танков[3].

В тяжелых условиях проходил контрудар 4-й танковой армии. К моменту отдачи боевого приказа в 20:00 26 июля командование 22-го танкового корпуса и входивших в него бригад еще не знали друг друга в лицо, а о материальной части танковых бригад командир корпуса генерал А.А. Шамшин узнал только вечером 26 июля. Но уже утром 27 июля корпус должен был переправиться через Дон и приступить к выполнению боевой задачи. К 27 июля в составе 176-й танковой бригады находились только штаб, танковой батальон и батарея ПТО , остальной состав бригады – два танковых и один мотострелковый батальоны – были в пути следования по железной дороге. Танковые батальоны присоединились к бригаде 29 июля,

[1] ЦАМО РФ. Ф. 3430. Оп. 1. Д. 11. Л. 9–10.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 71. Л. 175.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5512. Д. 10. Л. 4.

а мотострелковый батальон только на четвертый день боев – 1 августа 1942 г. Общее количество танков, находившихся в составе 22-го танкового корпуса на 28 июля 1942 г., составляло 180 боевых машин.

Начав переправу через Дон в 11:00 27 июля, части 22-го танкового корпуса завершили ее только к исходу 28 июля из-за неподготовленности переправ. На следующий день начались тяжелые бои. 29 июля при наступлении 182-й танковой бригады из-за недостаточной разведки местности первая атака с целью овладения Венцами сорвалась. При повторной атаке удалось продвинуться на 2,5 км. Наступавшая 29 июля на хутор Муковнинский 173-я танковая бригада вела бои без поддержки пехоты, потеряла 13 танков. 30 июля 182-я танковая бригада совместно с 5-й истребительно-противотанковой бригадой в 7:00 предприняла наступление на высоту 246,3. Первоначально бригада продвинулась на 3,5–4 км, но затем под ударами немцев отошла на исходные позиции. Потери составили 19 танков. Бригада потеряла командира и 20 % личного состава. 173-я танковая бригада 30 июля наступала на Верхне-Бузиновку, имея 26 танков. Атака первоначально принесла успех, удалось подбить 9 немецких танков, но затем бригада была вынуждена отойти, потеряв 7 танков. 176-я танковая бригада атаковала в направлении Осиновского. Предварительной разведки немецкой обороны проведено не было. В результате этого из 14 Т-34 и 8 Т-70 были потеряны 8 Т-34 и 7 Т-70, кроме того, был убит командир бригады. Следовавшая за ними колонна штаба под прикрытием 4 Т-34 и 3 Т-70 попала под обстрел противотанковых пушек противника с высоты 234,7. Два танка и семь автомашин были уничтожены. Однако даже после этого при помощи шести уцелевших машин удалось захватить высоту 234,7. Вечером 30 июля в район действий 22-го танкового корпуса прорвался 13-й танковый корпус в составе 22 танков и до 5 тыс. чел. из состава группы полковника К.А. Журавлёва (остатки окруженных 184-й и 192-й стрелковых дивизий и 40-й танковой бригады 62-й армии).

30 июля к фронтовому контрудару также присоединился 23-й танковый корпус генерал-майора А.М. Хасина. В состав корпуса на 27 июля входили 99-я танковая бригада (Т-34 – 17 ед. и Т-70 – 16 ед.), 189-я танковая бригада (Т-34 – 26 ед. и Т-70 – 16 ед.) и 9-я мотострелковая бригада. В 9-й мотострелковой бригаде из 3 258 человек по штату было 1 190 человек. Из-за низкой укомплектованности бригада была оставлена на левом берегу Дона. В наступлении участвовала одна 189-я танковая бригада, а 99-я танковая бригада фронтом на запад прикрывала фланг корпуса. Потери 189-й бригады за день боя составили 11 Т-34 и 12 Т-70, т.е. больше половины первоначального состава.

В полосе действий 1-й танковой армии ситуация была без изменений. Получившая маршевую роту в количестве 9 КВ, 158-я танковая бригада 31 июля атаковала в прежнем направлении. 20 КВ прорвались в глубину обороны противника без пехоты, в результате 10 танков были сожжены. В 4-й танковой армии 31 июля остатки 184-й и 192-й стрелковых дивизий вели подготовку для дальнейшего наступления. Два десятка уцелевших боевых машин 13-го танкового корпуса были сведены в 169-ю танковую бригаду и подчинены командиру 22-го танкового корпуса генералу А.А. Шамшину.

2 августа в направлении на Муковнинский и Верхне-Бузиновку перешли в наступление бригады 22-го танкового корпуса во взаимодействии с остатками 184-й и 192-й стрелковых дивизий. Наступление впервые осуществлялось совместно танками и пехотой. 182-я танковая бригада имела в своем составе 6 Т-34, 5 Т-70 и 8 Т-60. В ночь на 3 августа ей удалось продвинуться на 3,5 км и закрепиться на отметке 4-й км северо-восточнее хутора Муковнинского, который она удерживала до 4 августа. 173-я танковая бригада наступала на южную окраину Муковнинского, но продвинуться из-за сильного огня противника ей не удалось. 169-я танковая бригада наступала на южную окраину Верхне-Бузиновки. Закрепиться ей удалось только на западных скатах высоты 230,0. 176-я танковая бригада в составе четырех боеспособных танков действовала совместно со 184-й стрелковой дивизией в районе хуторов Горюшков и Глазков. Это наступление имело незначительный успех.

5 августа в 6:00 22-й танковый корпус и 205-я стрелковая дивизия предприняли наступление в направлении населенных пунктов Венцы, Свечниковского и Майоровского с целью выхода в тыл верхнебузиновской группировки немцев. 182-я танковая бригада в составе 9 танков и 160 мотострелков, во взаимодействии с 721-м полком 205-й стрелковой дивизии, вышла на рубеж 1 км западнее дороги Венцы – Малые Янки, но затем под ударами немцев отошла на исходные рубежи. Потери составили 6 танков, были убиты и ранены 50 человек. 173-я танковая бригада, имея в своем составе 11 танков, во взаимодействии с 731-м стрелковым полком к 16:00 5 августа вышла на рубеж 1 км северо-западнее Венцы. 176-я танковая бригада находилась в резерве, имея 2 Т-34 и 3 Т-70. 8 августа 173-я и 176-я танковые бригады 4-й танковой армии передали исправные танки в состав 182-й танковой бригады, которая после этого располагала 20 боевыми машинами (Т-34 – 7 ед., Т-70 – 4 ед., Т-60 – 9 ед.). Потери корпуса в танках составили 160 единиц.

В 23-м танковом корпусе на 6 августа 1942 г. насчитывалось 13 танков (9 Т-34 и 4 Т-70) и 267 мотострелков. Потери корпуса составили 148 танков.

В 39-й и 55-й танковых бригадах 28-го корпуса оставались соответственно один и два танка, в 32-й мотострелковой бригаде – 1730 человек. Потери 28-го танкового корпуса составили 167 боевых машин. Самой боеспособной оставалась 158-я отдельная танковая бригада подполковника А.В. Егорова, которая благодаря круглосуточной работе ремонтников к 7 августа сохранила в строю 12 КВ из 49 имевшихся.

Если суммировать потери бронетехники в танковых корпусах и в 158-й и 40-й отдельных танковых бригадах, с учетом 252 танков (126 Т-34 и 126 Т-60) из состава 644, 645, 648, 649, 650, 651-го отдельных танковых батальонов 62-й армии, потерянных в боях в конце июля – начале августа, то итоговая цифра составит 944 боевые машины[1]. 11 августа командующий 6-й полевой армией вермахта Ф. Паулюс доложил в штаб группы армий «Б» об уничтожении западнее Калача более 1 тыс. советских танков. К 6 августа 1-я танковая армия потеряла большую часть своего состава и была расформирована. Ее остатки были подчинены 62-й армии. 4-я танковая армия сохранила свое название, но пополнения для танковых частей не получила и бойцы иронически называли ее «четырехтанковая армия»[2]. Несмотря на большие потери, 1-й и 4-й танковым армиям удалось предотвратить окружение 62-й армии и остановить продвижение 6-й армии к Сталинграду.

Танковые сражения в июле 1942 г. были проиграны советскими войсками и на долгие десятилетия оставались в тени других событий Великой Отечественной войны. Главные причины неудачного исхода этих сражений и катастрофических потерь в бронетехнике заключались в том, что танковые армии (1, 4, 5-я) и отдельные танковые корпуса вводились в бой «с колес», по частям, без прикрытия авиацией, без поддержки артиллерии и инженерно-саперных войск. Боевые задачи корпусам командующими танковыми армиями ставили по карте, без рекогносцировки местности. Командиры корпусов также по карте ставили задачи командирам бригад. Нерешительные наступательные действия велись только в полосе известных переправ при отсутствии наземной и воздушной разведки. Вражеские опорные пункты атаковались «в лоб», без маневра и фланговых ударов. Вместо организации одновременной атаки массою танков на фронте в 12–15 км, командиры корпусов вводили бригады в бой из маршевых колонн примерно по два танковых батальона. В результате наступление танковых корпусов свелось к боевым действиям передовых батальонов, а остальные их силы стояли на месте и несли потери от немецкой авиации при ее абсолютном господстве в воздухе. Все корпуса, бригады, дивизии 1-й и 4-й танковых армий не имели

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 8. Л. 302–303; Там же. Д. 18. Л. 233–234.

[2] *Исаев А.В.* Перелом 1942. Когда внезапности уже не было. М., 2012. С. 12.

связи между собой, не были готовы к слаженным боевым действиям, у командармов не было времени даже познакомиться с собственными войсками, не говоря уже об отработке взаимодействия и управления. Разведки немецкой обороны, в первую очередь, противотанковой, проведено не было. Стрелковые части, действовавшие совместно с танками, при первом же огневом сопротивлении противника приостанавливали наступления, оставляя танки без прикрытия. Наступавшие боевые порядки слабо поддерживали артиллерия и авиация. Взаимодействия танков с артиллерией и авиацией организовано не было, в то время как самолеты люфтваффе практически господствовали в воздухе.

Проведенный анализ танковых сражений позволяет считать, что уже к лету 1942 г., а не годом позже, вермахт получил качественное превосходство в средствах противотанкового вооружения, создал структуры, позволявшие эффективно бороться с количественным превосходством в танках советских войск.

3.2. Оборона Ростова-на-Дону и Новочеркасска в июле 1942 г.

28 июня 1942 г. немецкие войска начали наступление ударом на Воронеж и уже 6 июля захватили правобережную часть города. Между армиями Брянского и Юго-Западного фронтов возникла брешь в 300 км в ширину и в 170 км в глубину. 7 июля фельдмаршал Ф. фон Бок начал операцию «Клаузевиц», повернув войска 4-й танковой и 6-й полевой армий генералов Г. Гота и Ф. Паулюса на юг, вдоль правого берега Дона, с выходом в тыл армиям Юго-Западного и Южного фронтов. 8 июля по стыку Юго-Западного и Южного фронтов в направлении на Ворошиловград нанесли удар 1-я танковая и часть сил 17-й полевой армий генералов Э. фон Клейста и Р. Руоффа. Под угрозой окружения войска 21, 28, 38, 57-й и 9-й армий Юго-Западного фронта откатывались в большую излучину Дона, без локтевой связи друг с другом и не управляемые штабом фронта. Маршал С.К. Тимошенко окончательно потерял управление войсками и уже 12 июля со штабом оказался в Сталинграде, где на базе полевого управления Юго-Западного фронта был создан новый Сталинградский фронт.

Командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский был вынужден загнуть свой открытый правый фланг на восток от обтекавших его бронетанковых колонн 1-й и 4-й танковых армий вермахта. 15 июля резервная 24-я армия генерал-лейтенанта И.К. Смирнова

силами пяти стрелковых дивизий и сводного танкового корпуса генерала В.М. Алексеева нанесла деблокирующий контрудар в направлении города Миллерово, где в окружении сражались основные силы 9-й армии генерала А.И. Лопатина. В ходе двухсуточных боев 24-я армия была разбита и, вместе с отступавшими войсками 9-й армии, переподчиненной штабу Южного фронта, стала быстро откатываться на юг, к переправам через Дон у станиц Раздорской, Мелиховской, Пухляковской и Старочеркасской.

13 июля Гитлер приказал 1-й танковой армии ударом вдоль Дона на запад во взаимодействии с 17-й полевой армией, наступающей от Таганрога, окружить и уничтожить севернее Ростова-на-Дону главные силы шести советских армий Южного фронта. Для этой операции командующий группой армий «А» генерал-фельдмаршал В. Лист выделил восемнадцать дивизий: три танковых, три моторизованных, семь пехотных, две горнострелковых, две кавалерийских и одну охранную. Эта группировка имела на вооружении до 600 танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 4 000 орудий и минометов и около 200 000 солдат и офицеров. С воздуха наземные войска поддерживала часть сил 4-го воздушного флота генерала В. фон Рихтгофена (до 400 истребителей и бомбардировщиков). Общее превосходство противника над 56-й армией и гарнизоном Ростовского оборонительного района можно представить в следующих соотношениях: в живой силе – 2:1, в танках – абсолютное (600:15); в артиллерии и минометах – 4:1.

18 июля в войска 56-й армии поступил новый боевой приказ № 0035, в котором говорилось: «*…с целью сохранения живой силы и техники, 56-я армия с вечера 19 июля 1942 года отводится на Ростовский укрепрайон и организует прочную оборону его совместно с частями укрепрайона*»[1]. Первыми в ночь на 18 июля отводились на рубеж «Г» Ростовского укрепрайона 76-я и 81-я отдельные морские стрелковые бригады с дивизионом 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка и двумя дивизионами 689-го армейского артиллерийского полка, а также 347-я дивизия полковника Н.И. Селивёрстова. 31-я Сталинградская и 339-я Ростовская стрелковые дивизии отводились в ночь на 20 июля. Располагавшиеся южнее соединения выдвигались с миусского рубежа позже: 30-я стрелковая дивизия – в ночь на 21 июля, а 68-я морская и 16-я отдельные стрелковые бригады, усиленные двумя дивизионами 39-го гвардейского армейского артиллерийского полка, – только в ночь на 22 июля, с занятием рубежа «Г» Ростовского укрепрайона к утру 23 июля. В приказе устанавливались промежуточные рубежи отвода соединений и частей и время их прохождения,

[1] ЦАМО РФ. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14.

скрытность отхода, управление войсками на марше, твердую и непрерывную связь с соседними соединениями. Пункт седьмой приказа устанавливал личную ответственность командиров и комиссаров соединений за эвакуацию складов ГСМ и боеприпасов, других материальных запасов, разрушение мостов на путях отхода войск, минирование проходов после прохождения войск. Приказ подписали командующий армией генерал-майор А.И. Рыжов, члены Военного совета армии: бригадный комиссар Г.А. Комаров и полковой комиссар Н.Т. Кальченко, начальник штаба полковник П.М. Чирков.

Установленные в приказе сроки отвода главных сил 56-й армии на рубеж Ростовского оборонительного района (РОР) оказались нереальными из-за быстрого прорыва противника на Новочеркасском направлении. 3-й танковый корпус генерала Макензена уже 21 июля вышел к Новочеркасску. Времени на занятие обороны, налаживание взаимодействия с гарнизонами Ростовского оборонительного района, приданной артиллерией, на оборудование противотанковых районов, прочное прикрытие стыков с соседними соединениями у командиров соединений и частей 56-й армии не оказалось.

РОР занимал участок на правом берегу Дона протяженностью в 155 км по фронту и 20–30 км в глубину, опоясывая города Ростов-на-Дону и Новочеркасск. Эта территория представляла собою холмистую степную местность, с отметками высот в 80–120 м, изрезанную речными долинами, балками, оврагами, с небольшим количеством искусственных лесонасаждений (рощи, лесополосы, колхозные сады). Из-за сложного рельефа местности, были затруднены укрытие войск и боевой техники от наземного и воздушного наблюдения, а также совершение скрытого маневра пехотой и тяжелой боевой техникой в ходе боя. За исключением городов (Ростова-на-Дону и Новочеркасска), остальные населенные пункты (станицы, села и хутора) располагались в лощинах, балках и речных долинах. Подобное расположение служит хорошим укрытием от господствующих ветров, однако делает затруднительным превращение сел и хуторов в опорные пункты обороны, поскольку с окружающих высот они просматривались и простреливались насквозь. Малое число родников и некачественная вода в речках Кривой, Тузлове, Донском Чулеке создавали проблему для водоснабжения войск питьевой водой в летнее время, при дневных температурах, достигавших +35… 40 °С.

Дорожная сеть представляла собою три профилированных шоссе: с запада Таганрог – Самбек – Ростов; с севера Сталино – Несветай – Ростов; с востока Москва – Новочеркасск – Ростов. Все небольшие населенные пункты были связаны между собою проселочными дорогами. Рокадные

дороги при сухой погоде обеспечивали маневр войсками и техникой из глубины РОР и вдоль фронта на любой из атакованных участков в темное время суток, а днем – под прикрытием авиации и средств ПВО.

Главная позиция Ростовского укрепрайона начиналась на правом берегу Дона у хутора Нижний Жук, далее шла до станицы Кривянской, огибала Новочеркасск с востока и с севера по западному берегу реки Мокрая Кадамовка, далее шла вдоль южного берега речки Тузлова фронтом на север через хутора Татарский, Грушевский, Каменный Брод, Несветай, исключая Генеральское. От южной окраины села Генеральского главная позиция резко поворачивала на юг, по восточным скатам балок Каменной и Донской Чулек, по западной окраине станции Хапры, до северного берега реки Мертвый Донец. Эта позиция называлась рубеж «Г» и была оборудована противотанковым рвом и эскарпами, прикрыта проволочными заграждениями и надолбами, противотанковыми и противопехотными минными полями, 47 долговременными бетонированными и бронированными огневыми точками (дотами), траншеями и окопами, основными и запасными огневыми позициями для орудий противотанковой обороны, минометов и станковых пулеметов, наблюдательными и командными пунктами (НП и КП), укрытиями для личного состава в виде блиндажей и землянок в составе взводных и ротных опорных пунктов в системе батальонных районов обороны, общей глубиной до 3–4 км.

Второй оборонительный рубеж (рубеж «А») проходил на расстоянии от 5 до 15 км восточнее и южнее рубежа «Г»: от разъезда Александровки на реке Аксай через Раковку по балке Камышевахе – до села Красный Крым, далее через высоту 86,9 по восточным склонам балки Чалтырской до восточной окраины хутора Калинина у реки Мертвый Донец. Рубеж «А» также был оборудован противотанковым рвом и эскарпами, прикрыт сплошным проволочным заграждением, надолбами, фугасами, противотанковыми и противопехотными минными полями, а также 25 железобетонными дотами.

Южнее и восточнее рубежа «А» от восточной окраины станицы Аксайской через овцесовхоз, сёла Мясникован и Ленинован и хутор Семерниково проходил тыловой оборонительный рубеж, оборудованный эскарпами и противотанковым рвом, фугасами, комбинированными минными полями и 13 железобетонными дотами.

Четвертый городской оборонительный обвод проходил по восточным, северным и западным окраинам города Ростова-на-Дону. Он имел сплошной противотанковый ров, проволочные и минно-взрывные заграждения, надолбы, баррикады на основных магистралях города (рис. 8).

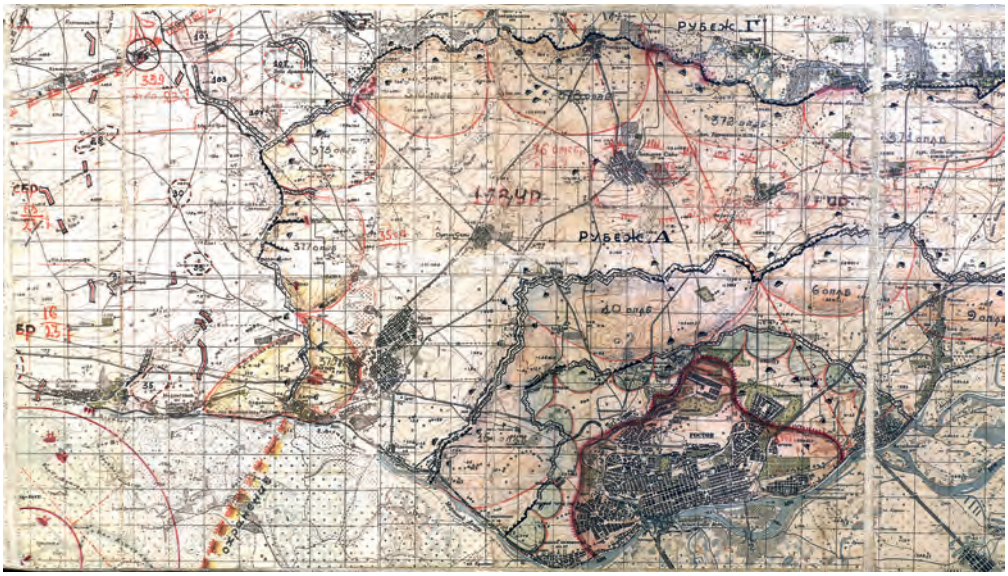

Рис. 8. Ростовский оборонительный район на 20 июля 1942 г.[1]

К началу июльских боев два оборонительных обвода – рубежи «Г» и «А» – были заняты двумя специальными соединениями – 70-м и 158-м укрепленными районами (УР). 158-й укрепрайон (комендант подполковник П.В. Косоногов, начальник штаба полковник Д.И. Рыбин) силами 373, 375, 376, 377 и 378-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов, 80, 81, 82 и 83-й отдельных траншейно-огнеметных рот занимал рубеж «Г» в полосе хутор Сердюков – западная окраина станции Хапры. 15-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон занимал рубеж «А», перехватывая железную и шоссейную дороги Ростов-на-Дону – Таганрог. Каждый из пулеметно-артиллерийских батальонов на рубеже «Г» занимал фронт в 6–7 км, имея в своей полосе от 4 до 8 дотов[2]. На 20 июля в составе 158-го укрепрайона насчитывалось 5568 чел. личного состава[3]. 70-й укрепрайон (комендант подполковник Д.В. Гордеев, начальник штаба подполковник Н.О. Павловский) силами 371, 372, 374-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов и 158-й отдельной огнеметной роты занимал рубеж «Г» от северной окраины Новочеркасска до хутора Сердюкова. 6, 9 и 10-й отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны занимали рубеж «А» – от разъезда Александровского до хутора Труд (высота 86,9).

---

1 ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 66.
2 ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 5. Л. 143.
3 ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 287. Д. 9. Л. 40.

Численность личного состава 70-го укрепрайона составляла 3710 бойцов и командиров[1]. 56-я армия к началу боев за Ростов насчитывала 107 826 чел. личного состава, в том числе в боевых частях – 81 469 человек. Армия имела на вооружении 1453 ручных и 695 станковых пулеметов, 558 минометов калибра 82-мм и 120-мм, 264 пушки калибра 76,2-мм и выше[2].

Боевым распоряжением штаба 56-й армии № 00 274 от 20 июля были определены участки обороны на рубежах «Г» и «А» для занятия их соединениями и частями армии к 6:00 21 июля. Однако одновременного занятия рубежей по внешнему обводу Ростовского оборонительного района, по всей его 150-километровой полосе, не получилось по многим причинам.

Первой на правом фланге РОР по обводу рубежа «Г» заняла оборону 347-я Краснодарская стрелковая дивизия. Ее 1175, 1177 и 1179-й стрелковые полки растянулись в линию ротных опорных пунктов – от хутора Нижний Жук, через высоту 117,6, по южным отрогам балки Кухарева, станицу Заплавскую, вдоль реки Мокрой Кадамовки, через станицу Кривянскую, по восточным и северным окраинам Новочеркасска до хутора Татарского. 907-й артиллерийский полк дивизии и ее 21-й противотанковый артиллерийский дивизион по-батарейно и по-дивизионно были приданы стрелковым полкам. В своем резерве командир дивизии оставил заградительный и учебный батальоны и три роты: разведывательную, автоматчиков, противотанковых ружей, усиленных батареей 45-мм противотанковых пушек. Дивизию поддерживал 1195-й гаубичный артиллерийский полк РГК майора В.Ф. Чурбанова огнем 12 152-мм и 8122-мм пушек-гаубиц с позиций на юго-восточной окраине Новочеркасска. Перед передним краем 347-й дивизии, вдоль шоссе Москва – Ростов-на-Дону, вели арьергардные бои 63-я отдельная танковая бригада подполковника М.М. Дергунова 56-й армии и 136-я танковая бригада подполковника Н.Н. Петушкова фронтового подчинения. К исходу 20 июля оставшиеся на ходу два десятка боевых машин 63-й бригады отошли на северную окраину поселка Хотунок, а 136-я – на восточную окраину Новочеркасска для пополнения боеприпасами и ГСМ. Против них действовала 14-я танковая дивизия вермахта под командованием генерал-майора Г. Беснера, имевшая до 130 танков и САУ и передовые части 22-й танковой дивизии, в которой насчитывалось 176 танков.

81-я отдельная морская стрелковая бригада полковника П.К. Богдановича двумя батальонами заняла на рубеже «Г» участки 371-го и 373-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов в полосе: могила Курнакова, хутор Будённый, могила Каменная. 1-й батальон составил

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 287. Д. 9. Л. 41.

[2] Там же. Л. 79–80.

второй эшелон, занимая участок высота 124,4 – хутор Щепкин – балка Рубежная. Штаб бригады расположился в хуторе Щепкин.

Оборону по левому берегу реки Тузлов – от хутора Каменный Брод до станицы Грушевской и хутора Татарского, – обороняемый 371-м и 374-м отдельными пулеметно-артиллерийскими батальонами 70-го укрепрайона, временно, до выхода сюда частей 31-й Сталинградской стрелковой дивизии, заняли четыре батальона 349-й стрелковой дивизии полковника А.И. Щагина, переданной 20 июля из состава 12-й армии Южного фронта. Артиллерийскую поддержку морякам 81-й бригады и стрелкам 349-й дивизии с огневых позиций между хуторами Большой Мишкин и Малый Мишкин обеспечивал 689-й армейский артиллерийский полк майора М.П. Стащенко, имевший на вооружении 18 пушек-гаубиц калибра 152-мм образца 1937 г., 25 тракторов, 63 автомашины, 1032 чел. личного состава[1].

В центре боевых порядков 56-й армии, на внешнем обводе РОР, опираясь на сооружения 376-го и 378-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов 158-го укрепрайона, разместились морские пехотинцы 76-й отдельной бригады полковника Д.Н. Долганова. Ее батальоны к 20:00 19 июля заняли оборону в полосе между населенными пунктами Сердюков и Междорожный[2]. Моряков с огневых позиций у села Большие Салы поддерживал 39-й гвардейский корпусный артиллерийский полк подполковника Г.В. Писарева. Полк насчитывал 36 гаубиц калибра 122-мм и 152-мм. 20 июля в 10:15 самолеты противника бомбардировали боевые порядки 76-й морской стрелковой бригады. В 15:35 немецкая авиация повторила налет на штаб бригады, располагавшийся в селе Султан-Салы. 47 самолетов двумя заходами сбросили на село до 100 авиабомб. Среди личного состава штаба бригады и тыловых подразделений были большие потери[3].

Участок балка Первая, высоту 110,7, высоту 111 до выхода на этот рубеж 339-й Ростовской стрелковой дивизии временно заняла 216-я стрелковая дивизия генерал-майора А.М. Пламеневского из состава 18-й армии. Планировалось, после смены частями 339-й дивизии, 216-ю вывести во фронтовой резерв восточнее Батайска[4]. Артиллерийскую поддержку пехоте на этом участке обеспечивал 1223-й гаубичный большой мощности РГК майора С.А. Маркова с огневых позиций у села Красный Крым.

На левом фланге Ростовского оборонительного района по рубежу «Г», от хутора Недвиговка и станции Хапры, к обороне временно перешла

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 287. Д. 9. Л. 113.
[2] ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 37. Л. 45.
[3] ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 5. Л. 114.
[4] ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 44. Л. 246.

16-я отдельная стрелковая бригада полковника В.П. Колесникова, опираясь на сооружения 375-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 158-го укрепрайона. Севернее курсантов, по восточным склонам балки Донской Чулек и балки Каменной, по высотам с отметками 116,9, 97,7 до хутора Междорожный, опираясь на сооружения 377-го и 373-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов 158-го укрепрайона, также временно, до выхода на рубеж 30-й стрелковой дивизии, к обороне перешла 68-я отдельная морская стрелковая бригада полковника А.Е. Шаповалова. Штаб 68-й бригады расположился в селе Чалтырь. Штабом 56-й армии было спланировано следующее: после выхода на рубеж «Г» 30-й стрелковой дивизии полковника Б.Н. Аршинцева 16-ю и 68-ю бригады отвести на рубеж «А» и тыловой рубеж в полосе: хутор Калинин, Чалтырь, коммуна «Труд», увеличивая тем самым глубину обороны армии в западном и северо-западном секторах РОР[1]. Артиллерийскую поддержку на этом участке обеспечивал огнем двух дивизионов 152-мм гаубиц 526-й полк большой мощности РГК майора Б.К. Терещенко с огневых позиций в районе хутора Ленинован. Противотанковый резерв командующего артиллерией армии генерал-майора артиллерии Г.С. Кариофилли составили 756-й артиллерийский полк противотанковой обороны (20 орудий), 56-й батальон противотанковых ружей (ПТР), 4-я рота собак-истребителей танков и инженерно-саперная рота с запасом противотанковых мин[2]. Эти части и подразделения располагались в садах и рощах между поселком Чкалова и селом Мясникован на северной окраине Ростова. 14-й отдельный дивизион гвардейских минометов капитана 3-го ранга А.П. Москвина занимал огневые позиции в роще между поселками Чкалова и Северным. Штаб 56-й армии 20–21 июля 1942 г. располагался в штольне поселка Каменоломни, в 400 м западнее моста через реку Темерник.

Занятие рубежей обороны советскими войсками происходило в условиях непрерывных налетов немецкой авиации. Бомбо-штурмовые удары 8-го авиакорпуса пикирующих бомбардировщиков генерала М. Фибига парализовали движение войск в светлое время суток, особенно в районах переправ и на рубежах РОР. Зенитчики 734-го зенитно-артиллерийского полка только 20 июля в зоне действия своих батарей зарегистрировали около 200 вражеских бомбардировщиков и 50 истребителей. Отражая налеты, они израсходовали 1084 снаряда калибра 85-мм, 1220 снарядов калибра 76-мм, 800 снарядов 37-мм калибра; было сбито два бомбардировщика «Хейнкель-111». 21 июля противник производил непрерывные налеты

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 44. Л. 250.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

самолетами Ю-88, ХЕ-111, бомбежку железнодорожных мостов и переправ. За сутки полком было израсходовано 508 снарядов калибра 85-мм, 658 снарядов калибра 76-мм, 250 снарядов 37-мм калибра[1].

19–21 июля непрерывным потоком через оборонительные рубежи РОР отходили к переправам через Дон у станицы Аксайской и к ростовским переправам на 29-й линии через остров Зеленый, в створе Кировского и Будённовского проспектов, через два железнодорожных моста и на Нижнегниловской большое количество частей и подразделений фронтового подчинения, а также пять дивизий, пять артиллерийских полков и четыре саперных батальона 18-й армии генерал-лейтенанта Ф.В. Камкова. Перед этой армией была поставлена задача: занять оборону по левому берегу Дона в полосе Кизитеринка – Азов – Кагальник[2]. За короткие июльские ночи переправить тысячи автомашин, сотни тракторов-тягачей, орудий и минометов, повозок, десятки тысяч военнослужащих, толпы гражданского населения было невозможно. Немецкая авиация, используя осветительные бомбы и очаги пожаров, не прекращала налеты и ночью. Так, в ночь на 20 июля только в полосе обороны 76-й отдельной морской стрелковой бригады было отмечено 80 самолето-вылетов противника группами по 9–12 бомбардировщиков в направлении Ростова-на-Дону, на переправы через реку Дон[3]. Из-за плохой службы регулирования движением колонн в ночное время на подступах к переправам и на самих переправах, а также в узких проходах многочисленных баррикад на основных магистралях города возникли многочисленные заторы. Летчики люфтваффе сбрасывали в такие скопления свой смертоносный груз. Большую помощь в спасении людей, имущества и боевой техники в эти горькие дни и ночи оказали речники Дона и моряки Азовской военной флотилии[4].

Командование и штабы отдельных соединений и частей 18-й армии не выполнили приказов по срокам удержания промежуточных рубежей, по времени смены одних соединений другими на рубеже «Г» Ростовского оборонительного района. Так, части 395-й шахтерской стрелковой дивизии генерал-майора А.И. Петраковского вместо 21:00 21 июля покинули рубеж обороны в 18:00, не предупредив соседние соединения и «сменщиков»[5]. Слабоуправляемые полки и обозы 395-й дивизии перемешались с отходившей за реку Дон по приказу фронта 383-й Донбасской стрелковой дивизией

[1] ЦАМО РФ. Ф. 734 ЗЕНАП. Оп. 86 169. Д. 1. Л. 62об., 63.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 57. Л. 51.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 5. Л. 112.

[4] Азовская флотилия в годы Великой Отечественной войны. URL: http://www.razlib.ru/istorija/azovskii_flot_i_flotilii/p9.php (дата обращения: 23.12.2016).

[5] ЦАМО РФ. Ф. 1704. Оп. 1. Д. 9. Л. 103.

генерал-майора К.И. Провалова[1]. После переправы на левый берег Дона сотни и тысячи бойцов и командиров разбредались по левобережью в поисках штабов, полевых кухонь, укрытий от вражеской авиации или поддавались стихийному бегству на юг и юго-восток[2].

В таких условиях войска 56-й армии в течение 20–21 июля 1942 г. готовились к обороне. Из-за неодновременного выхода соединений и частей на указанные им участки обороны командующий армией генерал-майор А.И. Рыжов был вынужден перебрасывать войска на неприкрытые армией участки. Кроме 347-й стрелковой дивизии и 76-й отдельной морской стрелковой бригады, нормативное время для занятия обороны и дооборудования ротных опорных пунктов и батальонных районов обороны (от 12 до 24 часов) не имели 30, 31 и 339-я стрелковые дивизии, 16, 68 и 81-я отдельные стрелковые бригады.

В течение 21 июля передовые части 17-й полевой и 1-й танковой армий противника, преследуя арьергарды 18, 12, 37 и 56-й армий Южного фронта, вышли к переднему краю РОР с запада, севера и северо-востока. После ожесточенного боя 14-я танковая дивизия генерала Ф. Беснера овладела рабочим пригородом Новочеркасска – поселком Хотунок, отбросив остатки 63-й и 136-й отдельных танковых бригад на южный берег реки Тузлов, в полосу обороны 1179-го стрелкового полка 347-й стрелковой дивизии[3]. 21 июля 1179-й полк отбил танковую атаку противника, пытавшегося с ходу ворваться в Новочеркасск. Вражеские танки, встроившись в вереницу отходивших обозов 12-й и 18-й армий, пытались незаметно просочиться в город. Уловка провалилась, а передовой отряд немцев был уничтожен[4].

Оценив всю сложность штурма Новочеркасска лобовой атакой и наличие развитой противотанковой обороны вдоль шоссе Москва – Ростов-на-Дону, командир 3-го танкового корпуса генерал Э. фон Макензен распорядился перебросить 36-й танковый полк (без двух рот) в полосу наступления 22-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Ф. Гейма для создания мощного танкового «кулака»[5].

В этот же день, 21 июля, тяжелый бой с главными силами 57-го танкового корпуса пришлось выдержать 339-й Ростовской стрелковой дивизии, прикрывавшей отход 31-й и 30-й стрелковых дивизий на рубеже Политотдельское – Совет. Как сообщалось в вечерней оперативной сводке

[1] ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 826. Л. 249.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 1704 Оп. 1. Д. 14 . Л. 106.

[3] *Э. фон Макензен*. От Буга до Кавказа. 3-й танковый корпус в кампании против Советской России 1941–1942 годов. М.: Транзиткнига, 2004. С. 325.

[4] ЦАМО РФ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

[5] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 196. Л. 157.

штаба дивизии, арьергардный 1135-й Сальский стрелковый полк в 4:00 был атакован из района высоты 122,6 мотомеханизированной колонной противника в составе 8 танков, 15 танкеток и 20 грузовиков с пехотой[1]. В завязавшемся бою огневыми средствами полка было подбито 4 танка, 7 танкеток, 7 грузовиков и уничтожено до роты пехоты противника. Чтобы сломить сопротивление 339-й стрелковой дивизии, командир 57-го танкового корпуса генерал Ф. Кирхнер приказал развернуть для боя 13-ю танковую дивизию на рубеже: хутор Валуевский, высота 119,0, высота 95,0. Двумя группами танков в 100 и 30–40 бронированных машин и полком мотопехоты враг атаковал 1133-й Таганрогский стрелковый полк. Воины полка, поддержанные огнем дивизионной артиллерии, до вечера отбивали атаки противника и вывели из строя 32 танка, 5 грузовых машин и до ста автоматчиков[2]. Вечером полк сумел оторваться от противника и отошел за передний край РОР, в район балки Второй. 1137-й Ростовский стрелковый полк в районе высот с отметками 76,2 и 96,5, в 14:00 21 июля был атакован 40 танками и полком мотопехоты 5-й моторизованной дивизии СС «Викинг» с направления курган Баба Армянская. Ростовский полк, уничтожив в ходе упорного боя 6 танков и до 200 эсэсовцев, к вечеру отошел за передний край РОР, в район балки Первой[3].

Боевым распоряжением № 00282 от 21 июля штаба 56-й армии[4] предписывалось к утру 22 июля произвести смену 76-й и 81-й отдельных морских стрелковых бригад частями 339-й и 31-й стрелковых дивизий. Этим же боевым распоряжением 16-я отдельная стрелковая и 68-я морская отдельная стрелковая бригады выводились на левый берег Дона для занятия обороны в полосе: Койсуг, Усть-Койсуг, Азов, Кагальник. 81-я отдельная морская стрелковая бригада, после смены ее батальонами 248-го и 75-го полков 31-й Сталинградской стрелковой дивизии, выводилась на рубеж «А», прикрывая подступы к Ростову с северо-востока. 76-я отдельная морская стрелковая бригада, после смены ее 339-й Ростовской стрелковой дивизией, отводилась на тыловой оборонительный рубеж, в район Красный Город-сад, а затем в резерв командующего Южным фронтом.

Не всё из намеченного командованием 56-й армии удалось выполнить за короткую июльскую ночь с 21 на 22 июля. Если смена 68-й и частично 81-й морских стрелковых бригад прошла более или менее организованно и полки 30-й и 31-й стрелковых дивизий заняли отведенные им участки

---

1 ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 44. Л. 251–253.

2 Там же.

3 Там же.

4 ТД. 37. Л. 53–55.

обороны на рубеже «Г», то 339-я Ростовская стрелковая дивизия этого не сделала. Командир дивизии полковник П.И. Морозов и его штаб не получили своевременно боевое распоряжение № 00 282 из штаба 56-й армии. Это произошло из-за того, что начальник связи дивизии капитан Трофимов на машине с радиостанцией сбежал на левый берег Дона, оставив штаб дивизии без связи со штабом армии и с соседними соединениями. Начальник оперативного отдела штаба 339-й дивизии майор Ткач, получив через офицера связи 56-й армии письменный приказ, также самовольно оставил позиции и уехал на штабной машине, заполненной оперативными документами, бросил ее в заторе у переправы и с личными вещами также ушел на левый берег Дона. Через две недели оба командира были преданы суду военного трибунала[1]. В результате этого преступления часть боевых и тыловых подразделений 76-й морской отдельной бригады, выполняя распоряжение штаба армии, в ночь с 21 на 22 июля отошли на северо-западную окраину Ростова-на-Дону, а стрелковые батальоны и оба артиллерийских дивизиона остались на рубеже «Г» дожидаться смены. Там и застал их на рассвете 22 июля таранный удар немецкого 3-го танкового корпуса. Основные силы 339-й Ростовской стрелковой дивизии полковника П.И. Морозова не были развернуты для боя. Четыре полка и спецчасти вместе с обозами рассредоточились в районе балок Первой, Второй и Хавалы, укрывшись от налетов авиации противника.

Вдоль шоссе Таганрог – Ростов-на-Дону наступал 5-й армейский корпус генерал-лейтенанта В. Ветцеля в составе 9, 73, 125 и 298-й пехотных дивизий с артиллерией усиления. Севернее пехотных соединений Ветцеля 57-й танковый корпус генерала Ф. Кирхнера силами 13-й танковой, 5-й СС «Викинг» и Словацкой моторизованной дивизий сосредоточился в районе населенных пунктов Валуевский, Генеральское, севернее хутора Несветай. 49-й горнострелковый корпус генерала горных войск Р. Конрада выдвигался на северный берег реки Тузлов в полосе Генеральское – Константиновка – Несветай силами 4-й Тирольской горно-егерской, 2-й румынской горнострелковой и 198-й пехотной дивизий. По северному берегу Тузлова, в полосе Несветай – Каменный Брод сосредоточилась 22-я танковая дивизия, усиленная 36-м танковым полком 14-й танковой дивизии, сосредоточенной в районе Хотунок – Кривянская. Восточнее, в широкой полосе от Кривянской до станицы Мелиховской включительно, действовала 2-я моторизованная дивизия СС «Великая Германия» группенфюрера СС Георга Кеплера. Эти три соединения входили в состав 3-го танкового корпуса 1-й танковой армии Э. фон Клейста. Сюда же, на новочеркасское направление, выдвигался 52-й армейский корпус генерала пехоты

[1] ЦАМО РФ. Ф. 1656. Оп. 1. Д. 41. Л. 13–19.

Ойгена Отта в составе 111-й и 370-й пехотных дивизий. Во втором эшелоне 17-й полевой армии находились управление 3-й румынской армии, 2-й кавалерийский корпус в составе 5, 6-й и 8-й румынских кавалерийских дивизий, а также 444-я немецкая охранная дивизия генерал-майора Фогеля[1].

В течение вечера и ночи с 21 на 22 июля немцы небольшими группами пехоты и танков «прощупывали» передний край обороны 56-й армии, вели пристрелку артиллерийских и минометных батарей; саперы противника делали проходы в минных полях рубежа «Г» РОР, подрывали склоны эскарпов и противотанковых рвов, готовя проходы для танков. Авиация 8-го авиакорпуса пикирующих бомбардировщиков генерала люфтваффе Фибига бомбила переправы через Дон, скопления войск и боевой техники, эвакуируемые колонны сельскохозяйственной техники, гурты колхозного скота, толпы беженцев, штабы и огневые позиции артиллерии, зенитные батареи, прикрывавшие переправы. Так, в 17:00 21 июля 14 бомбардировщиков Ю-87 тремя заходами сбросили на расположение штаба 76-й отдельной морской стрелковой бригады около сотни бомб. Погибли 32 военнослужащих, более 100 человек были ранены и контужены[2]. Только в полосе обороны этой бригады с 4:00 до 16:00 было отмечено более 250 самолето-пролетов противника и всего 5 – советских самолетов[3]. Не прекращали своей активности летчики люфтваффе и в ночное время, используя для целеуказания осветительные бомбы и многочисленные очаги пожаров. 22 июля немецкая авиация для поддержки наземных войск, штурмовавших РОР, совершила более 1 тыс. боевых вылетов, буквально вбивая бомбо-штурмовыми ударами все препятствия на пути танковых колонн. В оперативно-разведывательной сводке № 199 от 24 июля отдела ПВО Управления начальника артиллерии Южного фронта сообщалось: «*По неполным данным, в полосе фронта отмечено 928 самолето-вылетов (368 Ю-88, 203 ХЕ-111, 168 Ю-87, 69 МЕ-110, 120 МЕ-109). Предположительно, действовало до 1500 самолето-вылетов противника. Сбито 3 и подбито 3 самолета противника (по неполным данным)… По дополнительным данным, 22.7.42 над переправами Ростов и Аксайская отмечено до 540 самолето-вылетов (ХЕ-111, Ю-88, Ю-87, МЕ-109) и 23.7.42 – до 380 самолето-вылетов, сброшено по переправам до 800 бомб*»[4].

22 июля 1942 г. в 6:00, после массированного огневого налета и ударов авиации, немецкие войска перешли в наступление по всему фронту

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 196. Л. 148.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 7. Л. 21.

[3] Там же. Д. 5. Л. 112.

[4] ЦАМО РФ. Ф. 4 ВА. Оп. 4800. Д. 8. Л. 348.

Ростовского оборонительного рубежа[1]. В полосе обороны 68-й отдельной морской стрелковой бригады, занимавшей оборону в полосе 37-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона в 5 км северо-западнее села Чалтырь, в атаку двинулись около 40 танков и полк мотопехоты дивизии СС «Викинг». Огнем артиллерии было подбито несколько немецких танков. Но 12 танкам удалось раздавить батарею противотанковых орудий, занявшую открытые огневые позиции. Остальные танки и бронетранспортеры с мотопехотой стали прорываться в глубину обороны моряков в направлении Чалтыря, угрожая штабу и тылам 68-й бригады. В этот критический момент полковник А.Е. Шаповалов приказал бросить в контратаку 3-ю роту собак – истребителей танков и усилить огонь артиллерии, минометов, отсечь пехоту от танков пулеметами. Поле боя затянуло дымом горящей бронетехники противника. Собаки, на чьих спинах были закреплены заряды взрывчатки со штыревым взрывателем, бросались под танки. Было подорвано 11 боевых машин[2]. Атака была отбита. Враг отступил и вызвал авиацию. Мессершмитты на предельно малых высотах обстреливали позиции моряков, бомбили мелкими бомбами огневые позиции артиллерии и минометов. К вечеру батальоны 68-й морской стрелковой бригады отошли к селам Чалтырь и Крым. В течение этого многочасового боя было уничтожено и подбито 23 танка, убито и ранено около тысячи солдат и офицеров противника. Бригада потеряла 50 % личного состава и 60 % артиллерии и минометов[3].

Главный удар 57-го танкового корпуса пришелся по позициям 373-го и 376-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов 158-го укрепленного района и четырем батальонам пехоты (256-й стрелковый полк 30-й стрелковой дивизии и 3-й батальон 76-й морской стрелковой бригады).

В 6:50 около 100 танков 13-й дивизии Т. Герра преодолели на ряде участков противотанковый ров и атаковали передний край РОР[4]. Огнем всех средств эта атака была отбита. Было подожжено, подбито и подорвано на минных полях 32 танка и 15 грузовиков с пехотой[5]. Но шести танкам удалось выйти в тыл 3-го батальона морских пехотинцев и раздавить батарею 120-мм минометов у высоты 112,3. Расчетам ПТР удалось подбить два танка[6].

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.

[2] *Фабрикант А.Е.* 68-я отдельная морская стрелковая бригада в боях за Родину (краткая историческая справка о боевых действиях бригады в 1942–43 гг.). Одесса, 1985. С. 23.

[3] Там же. С. 23–24.

[4] ЦАМО РФ. Ф. 1172. Оп. 1.Д. 12. Л. 9.

[5] Там же.

[6] ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

В 8:30, после 15-минутного огневого налета и удара пикирующих бомбардировщиков Ю-87, немцы повторили атаку на стыке 30-й стрелковой дивизии и 76-й бригады[1]. Танки шли тремя волнами, за ними выдвигались автоматчики, мотоциклы и грузовики с пехотой, на прицепе автомашины тащили минометы и противотанковые пушки.

В 9:20 свыше 60 танков прорвались через позиции 8-й стрелковой роты моряков[2]. Половина танков двинулась по дороге на село Султан Салы, а около 30 боевых машин встали по гребню высот с отметками 112,3 и 58,6 и огнем танковых пушек расстреливали огневые точки 3-го батальона моряков и поддерживающий его 3-й дивизион 39-го гвардейского корпусного артиллерийского полка. В артиллерийской дуэли, подбив 16–18 танков, погибли расчеты дивизиона гвардейского гаубичного полка[3].

В 9:48 около 200 танков смяли правофланговый батальон 256-го полка у хутора Междорожного[4]. Основная масса бронетехники двинулась в район балок Первой и Второй, а 53 танка повернули на юг, на огневые позиции 59-го артиллерийского полка 30-й стрелковой дивизии. Полосу обороны 30-й Иркутской стрелковой дивизии затянуло огнем и дымом. Левофланговый 35-й стрелковый полк вместе с гарнизонами 375-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 158-го укрепрайона, при поддержке 526-го гаубичного артиллерийского полка большой мощности РГК в течение дня отразил три атаки противника. Из балки Донской Чулек до полка пехоты противника при поддержке тридцати танков атаковали вдоль шоссе Таганрог – Ростов-на-Дону, а из села Недвиговки на станцию Хапры наступало до двух батальонов немецкой пехоты и 15 танков. Потеряв перед противотанковым рвом три танка и около тысячи солдат и офицеров, немцы во второй половине дня прекратили атаки на этом участке.

71-й стрелковый полк, опираясь на поддержку 377-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона и двух дивизионов 59-го артполка 30-й стрелковой дивизии, успешно отбил пять атак противника в 7:00, 10:00, 11:40, 13:00 и 17:00, каждую из которых вел мотопехотный полк при поддержке 40 танков[5]. И на этом участке немцы 22 июля не смогли продвинуться ни на метр.

Тяжелее всего пришлось 256-му стрелковому полку и 373-му артиллерийско-пулеметному батальону, атакованным врагом с фронта и тыла.

---

1 ЦАМО РФ. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.

2 Там же. Л. 9.

3 ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

4 ЦАМО РФ. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 12. Л .9.

5 Там же. Л. 10.

2-й дивизион 59-го артиллерийского полка майора И.И. Марченко вывел из строя 17 немецких танков, пять легковых и 22 грузовых автомашины, но и сам потерял все орудия и бóльшую часть личного состава[1]. Командир 30-й дивизии полковник Б.Н. Аршинцев приказал отвести полуокруженный полк на отсечную позицию по высотам 72,8; 108,4; 78,1. В 11:40 полсотни немецких танков и до полка пехоты стали преследовать отходящие батальоны 256-го полка. В этот момент подоспели резервы командира дивизии – 147-й противотанковый дивизион и 4-я рота собак – истребителей танков (СИТ). Совместными усилиями расчетов «сорокапяток» и противотанковых ружей было подбито 15 танков. Стрелки и пулеметчики уничтожили до 600 солдат и офицеров противника. Уникальный результат показала рота СИТ капитана Иванчи: 56 собак, обвешанных пакетами взрывчатки со штыревым взрывателем, в течение нескольких минут подорвали 24 немецких танка[2].

22 июля за 16 часов непрерывного боя противник потерял в полосе обороны 30-й стрелковой дивизии, согласно боевым донесениям, до 3500 солдат и офицеров, подбитыми и сгоревшими до 80 танков и самоходно-артиллерийских установок, 3 бронемашины, 40 автомашин, 4 мотоцикла с пулеметными колясками, 6 орудий, 7 минометов, 18 пулеметов, 3 боевых самолета[3]. Немалыми были и потери 30-й стрелковой дивизии в личном составе и материальной части, особенно в 256-м стрелковом полку.

Но главные события происходили на участке обороны 376-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 158-го укрепрайона и 3-го батальона 76-й отдельной морской отдельной стрелковой бригады северо-западнее села Султан-Салы.

В 9:50 вражеские танки тремя группами, от 30 до 70 машин в каждой, с двумя полками мотопехоты атаковали в балках Первой и Второй рассредоточенные части 339-й Ростовской стрелковой дивизии. Комдив полковник Морозов вместе со штабом дивизии находился в селе Красный Крым и был отрезан от полков прорвавшимися в Султан Салы немецкими танками. Без радиосвязи он не мог влиять на ход боя. 1137-й Ростовский стрелковый полк находился в балке Первой и был атакован танками и мотопехотой врага с фронта и с тыла. В этот критический момент боя командир полка майор Меринов и военный комиссар полка батальонный комиссар

[1] ЦАМО РФ. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–10.

[2] *Панасенко П.С.* Гвардейская Иркутско-Пинская. Боевой путь гвардейской мотострелковой Иркутско-Пинской орденов Ленина, Октябрьской революции, трижды Краснознаменной, ордена Суворова дивизии имени Верховного Совета РСФСР. М.: Воениздат, 1986. С. 99.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–10.

Мусабеков покинули поле боя и на «эмке» (ГАЗ М-1) сбежали на левый берег Дона, бросив подчиненных. С большими потерями батальоны 1137-го полка неорганизованно отошли в балку Вторую. Боец полка Пономарёв из ПТР подбил 6 вражеских танков, но под гусеницами седьмого танка – погиб.

Пехоту Ростовского полка от полного истребления спасли артиллеристы 1-го дивизиона 900-го артиллерийского полка майора Н.Д. Калинина. Жертвуя собой, они подбили и сожгли 7 танков и 25 грузовиков с пехотой противника. Потери самого полка составили 15 орудий (8 гаубиц 122-мм и 7 пушек УСВ 76,2-мм)[1]. Две пушки «сорокапятки» из 76-й бригады и четыре расчета ПТР из 339-й стрелковой дивизии заняли удобную позицию по северо-восточным скатам балки Первой и с дистанции в 150–200 м подбили три танка. Прикрывая отход 1-го батальона старшего лейтенанта Г.Д. Рашутина из 1137-го полка, они сумели вывести из строя еще десять бронированных машин, потеряв одну пушку и три противотанковых ружья с расчетами.

В балке Второй 1135-й Сальский и 1133-й Таганрогский стрелковые полки 339-й дивизии после тяжелого боя с танками и мотопехотой противника были потеснены к югу. Под прикрытием батальона старшего лейтенанта А.И. Геновского из 1133-го полка, уничтожившего семь танков и до роты автоматчиков, поредевшие полки 339-й дивизии к вечеру 22 июля заняли отсечную позицию по гребню высот с отметками 102,8; 120,7; 109,2, хутор Новый Мир. К утру 23 июля, оставшись без управления, уцелевшие подразделения 339-й Ростовской стрелковой дивизии без приказа отошли на северо-западную окраину Ростова-на-Дону, обнажив фланги 76-й морской бригады и 30-й Иркутской стрелковой дивизии[2].

Отбросив к югу разрозненные части 339-й стрелковой дивизии, немцы после полудня навалились с фронта и тыла на морских пехотинцев 76-й бригады. В 14:00 свыше 60 танков, подавив минометную и артиллерийскую батареи 3-го батальона, несколько раз «проутюжили» траншеи и окопы стрелковых рот, нанеся батальону тяжелые потери. Остатки батальона к 17:00 с боем отошли на высоту 119,8, прикрывая с тыла 1-й и 2-й батальоны бригады. За день боя на участке 3-го батальона было убито более 300 солдат и офицеров противника, подбито и сожжено 23 немецких танка[3]. 1-й и 2-й батальоны 76-й морской стрелковой бригады при поддержке 378-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 158-го укрепрайона и гаубиц 39-го гвардейского корпусного и 1223-го РГК артиллерийских

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.

[3] Там же. Л. 23.

полков удержали свои позиции по рубежу «Г» Ростовского оборонительного района. На фланге бригады, в районе хуторов Будённый и Каменный Брод, 22-я танковая дивизия (обязанности командира исполнял в тот момент полковник Э. Родт) бронированным клином прорвала оборону 81-й отдельной морской стрелковой бригады и, продвинувшись на 8–10 км, вышла к хуторам Щепкину и Красному. В бою моряки 81-й бригады, согласно сводкам, уничтожили 6 танков, 8 автомашин, вывели из строя до 1000 вражеских солдат и офицеров. Пикирующие бомбардировщики Ю-87 группами до тридцати машин в течение дня восемь раз наносили бомбоштурмовые удары по боевым порядкам 1-го и 3-го батальонов 81-й бригады южнее хуторов Каменный Брод и Будённый.

На правом фланге РОР воины 31, 349 и 347-й стрелковых дивизий при поддержке 371-го и 374-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов 70-го укрепрайона, 689-го и 1195-го гаубичных полков большой мощности успешно отразили атаки танков и пехоты противника в направлениях: Каменный Брод, Камышеваха, Грушевская, Новочеркасск и удержали оборонительный рубеж по южному берегу речки Тузлов. Таким образом, в течение 22 июля немецким войскам удалось на двух участках прорвать главную полосу обороны РОР западнее и севернее села Красный Крым и нацелить второй танковый «кулак» от хутора Щепкин на Аксайскую переправу.

В ночь с 22 на 23 июля командование 57-го и 3-го танковых корпусов подтянуло на участки прорыва все танки и самоходно-артиллерийские установки с других направлений, где успеха достичь не удалось. Личный состав танко-ремонтных рот сумел восстановить часть подбитых и поврежденных боевых машин и вернуть их в строй. В оперативной сводке группы армий «А» от 22 июля отмечалось: «*Дивизии, наступающие на Ростов-на-Дону с запада и севера, преодолели усиленный противотанковым рвом рубеж, вышли в район 30 километров северо-западнее города. Танковые соединения, продвинувшись на северо-запад, вышли к шоссе, ведущему на Ростов, и здесь также преодолели рубеж, усиленный противотанковым рвом*»[1]. Аналогичную запись в «Военном дневнике» сделал 22 июля и начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер: «*Отрадные успехи в сражении под Ростовом, где наши войска уже прорвали внутреннее кольцо обороны. К востоку от города войска форсировали Дон в четырех местах*»[2].

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 196. Л. 156.

[2] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 302.

Командование 56-й армии также использовало короткую июльскую ночь для перегруппировки сил и упрочения обороны. 30-я стрелковая дивизия с остатками 373, 375, 377-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов отводилась на рубеж «А» РОР, с задачей удерживать его западный сектор на участке Семерниково – Чалтырь – хутор Труд в полосе 15-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона 158-го укрепрайона. Артиллерийскую группу дальнего действия здесь составлял 526-й гаубичный полк большой мощности РГК.

339-я стрелковая дивизия, оставив арьергарды на отсечной позиции по гребню высот с отметками 102,5; 120,7; 109,2, хутор Новый Мир, главными силами отводилась на позиции 10-го отдельного артиллерийско-пулеметного батальона по обводу «А» на участке Труд – Красный Крым – балка Камышеваха. Дивизию поддерживал 1223-й гаубично-артиллерийский полк большой мощности РГК и две батареи 756-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка.

Правый восточный сектор на рубеже «А», занимаемый 9-м отдельным пулеметно-артиллерийским батальоном 70-го укрепрайона, оборонял 177-й стрелковый полк майора И.П. Котельникова из 31-й Сталинградской дивизии, основные силы которой (75-й и 248-й стрелковые, 32-й артиллерийский полки) занимали оборону на рубеже «Г» от хутора Каменный Брод до хутора Татарский. Самым слабым местом обороны на рубеже «А» оставался центральный участок, который прикрывал 6-й отдельный артиллерийско-пулеметный батальон 70-го укрепрайона. Здесь войск полевого заполнения 56-й армии не было. Городской оборонительный обвод занимали части и подразделения из состава 9-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД полковника Е.А. Скородумова и 222-й стрелковый полк народного ополчения майора М.А. Варфоломеева, в котором насчитывалось 2962 бойца и командира.

23 июля, в предутренних сумерках, немецкие войска возобновили штурм Ростова-на-Дону. В 3:30 все орудия и минометы открыли массированный огонь по боевым порядкам 56-й армии, а через полчаса началась атака танков и мотопехоты[1]. Главный удар наносил 57-й танковый корпус из района Султан-Салы на северную окраину города. Второй танковый «кулак» из 22-й танковой дивизии, усиленной 36-м танковым полком 14-й дивизии, бил вдоль дороги Каменный Брод – Красный в направлении аксайской переправы. Ожесточенные бои разгорелись по всему фронту РОР. Наступление активно поддерживал 4-й воздушный флот, совершивший в этот день свыше 1 тыс. боевых вылетов. Противодействия истребителей

[1] ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.

4-й воздушной армии Южного фронта не было. Батареи 734-го зенитно-артиллерийского полка, 265-го и 266-го зенитно-артиллерийских дивизионов подвергались непрерывным бомбо-штурмовым ударам и были фактически подавлены.

В западном секторе РОР 30-я стрелковая дивизия, занявшая к рассвету 23 июля рубеж «А» на участке хутор Семерниково – Чалтырь – Крым – поселок Западный, до 15:00 успешно отражала атаки трех пехотных дивизий, поддержанных танками и самоходками. Согласно сообщению боевого донесения, во второй половине дня танки и мотопехота глубоко обошли правый фланг дивизии, угрожая отрезать ее от переправы в районе станицы Нижнегниловской. До последнего снаряда сражались артиллеристы 526-го полка большой мощности РГК. Расстреляв заряды, они подорвали тяжелые гаубицы. До последнего патрона и последней гранаты держались в дотах гарнизоны артиллерийско-пулеметных батальонов 158-го укрепрайона[1]. Благодаря их самопожертвованию, поредевшая 30-я стрелковая дивизия организованно отошла через реку Мертвый Донец и к исходу дня сосредоточилась в Колузаево. Отход дивизии прикрывал 35-й стрелковый полк с 147-м отдельным противотанковым артдивизионом. Командир 5-го армейского корпуса генерал Ветцель попытался несколькими полками пехоты прижать дивизию Б.Н. Аршинцева к реке и уничтожить. Массированный огонь 375, 377, 10-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов и 35-го стрелкового полка нанес большие потери немецкой пехоте, а решительная контратака отбросила ее назад. Потеряв до 2000 убитыми и ранеными, враг отказался от попыток уничтожить 30-ю стрелковую дивизию на правом берегу Мертвого Донца. В ночь на 24 июля ее части и подразделения с помощью речников переправились через Дон и сосредоточились следующим образом: 35-й стрелковый и 59-й артиллерийский полки со 101-м саперным батальоном – в Кулешовке, 71-й стрелковый полк со 115-м батальоном связи и 551-м минометным дивизионом – в Новоалександровке. Остатки 256-го стрелкового полка с 89-й разведывательной ротой дивизии – в хуторе Красногоровке[2].

Но главные события 23 июля происходили в полосе 57-го танкового корпуса. В 5:40 13-я танковая дивизия двумя боевыми группами атаковала вдоль дороги Генеральское – Султан-Салы – Ростов-на-Дону. К 10:00 с тяжелыми боями боевая группа полковника Ольбриха в составе первых батальонов 66-го и 93-го мотопехотных полков, батальона 4-го танкового полка, при поддержке 2-го дивизиона 13-го самоходно-артиллерийского полка

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 47. Л. 186, 187.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–11.

и батареи 88-мм зенитных пушек прорвалась к мосту через реку Темерник у поселка Каменоломни, где была остановлена огнем войск 56-й армии[1]. Вторая боевая группа под командованием генерала Кризолли (командира мотопехотной бригады 13-й танковой дивизии) в составе трех мотопехотных батальонов 66-го и 93-го полков, батальона 4-го танкового полка, 43-го мотоциклетного батальона и зенитной батареи стремительной атакой овладела мостом через Темерник. Саперы капитана Данкворта обезвредили подрывные заряды и наскоро починили мост, по которому устремились в атаку мотоциклисты 43-го батальона подполковника Штольца и танки. Не ввязываясь в бои по штурму многочисленных баррикад, мотоциклисты, танки и мотопехота 13-й танковой дивизии через дворы, боковые улочки и переулки прорывались в переправам через Дон в створе Будённовского проспекта.

К исходу 23 июля боевые группы Ольбриха и Кризолли вели бои уже в центре Ростова. Справа от танкистов наступали эсэсовцы дивизии «Викинг». После тяжелого семичасового боя на рубеже от балки Чалтырской до села Ленинаван противнику удалось обнаружить не прикрытый пехотой и артиллерией участок в километре севернее хутора Красный Чалтырь. Танковый батальон штурмбаннфюрера Й. Мюленкампа, усиленный батальоном полка «Германия», дивизионом артиллерийского полка и саперной ротой, прорвался к 14:00 в район аэродрома на северо-западной окраине Ростова, а передовыми подразделениями вышел в 15:00 на западную окраину города. В 16:00 эсесовцы атаковали вокзал Ростов-Главный[2]. Успешный прорыв противника через три оборонительных рубежа был в значительной мере обусловлен действиями командования 9-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД. В ночь с 22 на 23 июля командир дивизии полковник Е.Н. Скородумов и военком полковой комиссар А.А. Сидоренко, поддавшись панике, отдали приказ об отводе полков с рубежа «В» и городского обвода на левый берег Дона[3]. Из шести полков 9-й мотострелковой дивизии НКВД в Ростове-на-Дону находились подразделения 19-го Краснознаменного, 21, 30, 142, 267-го мотострелковых полков НКВД общей численностью в 5163 человек. В Ростове оказалась также 1-я рота старшего лейтенанта А.А. Таралевича 85-го батальона НКВД, два взвода из 89-го батальона НКВД из состава 19-й дивизии войск НКВД по охране особо важных сооружений. Фактически, весь личный состав воинов-чекистов

---

1 *П. Карель*. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М., 2003. С. 436–437.

2 Там же. С. 437.

3 ЦАМО РФ. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

погиб или пропал без вести в уличных боях 23–25 июля 1942 г. Среди погибших и пропавших без вести были командиры полков – 19-го (подполковник Г.В. Хальзов), 21-го (подполковник Б.Ф. Лускатов), 30-го (подполковник В.А. Скрыпников), 142-го (подполковник М.Л. Рыкунич), 267-го (подполковник В.В. Калинников) – и еще 243 старших командира дивизии[1].

В северном секторе рубежа «Г», в полосе обороны 76-й и 81-й морских отдельных стрелковых бригад, между хуторами Несветай, Будённый и Каменный Брод, враг 23 июля наступал боевыми группами 14-й и 22-й танковых, 4-й горно-егерской и 198-й пехотной дивизий. В 9:30 танки 22-й дивизии вышли на рубеж: балка Дубовая, высота 116,8. После упорного двухчасового боя с 11:30 до 13:20 с моряками 76-й бригады, от 70 до 80 танков ворвались в Большие Салы. Остатки 76-й морской стрелковой бригады с 12:10 до 15:00 вели неравный бой в балке Темерник и на высотах с отметками 119,5; 111,4[2].

Главные силы 22-й танковой дивизии, вместе с действовавшей на ее левом фланге Словацкой «быстрой» дивизией, во второй половине дня прорвались в поселки Орджоникидзе, Фрунзе, проникая моторизованными группами в центральные кварталы Нахичевани. 36-й танковый полк 14-й танковой дивизии до 17:00 вел бои за хутора Красный и Раковку, затем, развернувшись фронтом на восток и юго-восток, нанес удар на Новочеркасск с запада. Командир 81-й бригады полковник П.К. Богданович силами 2-го батальона и резервом организовал отражение атаки 80 танков в хуторе Красном. В неравном бою было уничтожено 13 танков, 7 автомашин, 7 мотоциклов с пулеметными колясками, до роты мотопехоты. В боевом донесении подчеркивалось, что в этом бою отличились расчеты противотанковых орудий сержантов Шалимова и Некратова из батареи лейтенанта Глубоких, подбившие пять танков и бронемашину[3].

К 18:00 остатки 81-й бригады (без 1-го батальона и двух артиллерийских батарей) отошли на рубеж высота 116,4, Раковка, шоссе Ростов – Новочеркасск, где вели бой до 22:00 23 июля совместно с двумя батальонами 177-го стрелкового полка 31-й Сталинградской стрелковой дивизии[4]. 75-й и 248-й стрелковые полки и два дивизиона 32-го артиллерийского полка этой дивизии 22–23 июля удерживали свои позиции по рубежу «Г» в полосе: Камышеваха – Грушевская – Татарская, взаимодействуя с гарнизонами 371-го и 374-го отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов

---

1 РГВА. Ф. 38 650. Оп. 1. Д. 5. Л. 143–157. Д. 837. Л. 35–41.

2 ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 7. Л. 25

3 Там же. Д. 1. Л. 37.

4 Там же.

70-го укрепрайона. Остатки 76-й морской стрелковой бригады вместе с расчетами 39-го гвардейского артиллерийского полка в течение трех часов сражались в окружении. К 15:30 массированными налетами авиации вся матчасть 39-го артполка была уничтожена, потери личного состава превысили 50 %. На исходе были боеприпасы в подразделениях 76-й бригады.

В этой сложной обстановке командир бригады полковник Дмитрий Никанорович Долганов сумел организовать прорыв в направлении северо-восточной окраины Ростова. В 16:00 по балке Темерник сводная колонна моряков и артиллеристов 39-го полка пошла на прорыв[1]. Пушки и станковые пулеметы катили вручную и на постромках. По приказу комбрига лошадей вели в поводу по флангам колонны, используя их как живой щит, частично прикрывавший от пуль и осколков. С боями остатки бригады к 20:00 пробились к поселку Мирному и заводу «Ростсельмаш». При прорыве погиб военком бригады полковой комиссар С.А. Стогов, а начальник штаба майор В.И. Худченко, которому автоматной очередью перебили ноги, не желая сдаваться в плен, застрелился[2].

В Ростове, по приказу начальника штаба артиллерии 56-й армии полковника Попова, из состава 76-й бригады были изъяты вместе с расчетами десять спасенных орудий (УСВ 76,2-мм образца 1939 г. – 4 ед., 76,2-мм образца 1927 г. – 4 ед., 45-мм пушки – 2 ед.). В ночь с 23 на 24 июля приказом штаба армии остатки 76-й бригады были выведены на левый берег Дона через переправу на 29-й линии. В ходе боев 21–23 июля потери 76-й отдельной морской стрелковой бригады составили: 2915 бойцов и командиров, 15 пушек, 52 миномета, 19 ПТР, 52 автомашины и 872 лошади[3].

В момент прорыва колонны 76-й отдельной морской стрелковой бригады по балке Темерник в направлении северо-восточной окраины Ростова-на-Дону уникальный залп сделали расчеты боевых установок 14-го гвардейского минометного дивизиона моряков капитана 3-го ранга А.П. Москвина. Колонна танков и машин противника с мотопехотой двигалась по дороге к селу Мясникован, чтобы отрезать и уничтожить остатки 76-й бригады. Дорога шла вдоль северного берега реки Темерник, и вражеская колонна оказалась в «мертвой зоне» – направляющие реактивных снарядов боевых установок имели больший угол возвышения. Всё решали минуты. И тогда командир 1-й батареи старший лейтенант Д.Н. Бериашвили отдал приказ: выдвинуть машины вперед, съехать по откосу берега так, чтобы направляющие находились горизонтально к воде,

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 7. Л. 26.

[2] Там же. Л. 26.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 1881. Оп. 1. Д. 7. Л. 25–26.

и произвести залп по вражеской колонне. Огненные клубы разрывов реактивных мин накрыли врага, и когда дым и пыль немного рассеялись, гвардейцы-минометчики увидели 11 пылавших танков, 8 машин и остатки колонны, поспешно уползавшей в балку в районе нынешней улицы Беляева Ростова-на-Дону. Командующий армией генерал Рыжов поздравил минометчиков Москвина с этой победой[1].

Немецкое командование во второй половине дня 23 июля направило в Ростов части 9, 73, 125 и 198-й пехотных дивизий для «зачистки» кварталов от сопротивляющихся бойцов и командиров Красной армии. Город горел. Во дворах, на улицах и в переулках, на многочисленных баррикадах – везде вспыхивали жестокие ближние бои. Разрозненные части и подразделения 9-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД, мелкие, отставшие от своих, группы бойцов и командиров различных частей 56-й и 18-й армий, плохо ориентируясь в незнакомом городе, оказывали яростное сопротивление. Пленных не брали ни наши, ни немцы. Как свидетельствует бывший генерал вермахта А. Рейнгардт, в дни штурма донской столицы командовавший 421-м Швабским пехотным полком 125-й пехотной дивизии, «*сражение за центр Ростова велось беспощадно. Защитники его не желали сдаваться в плен, они дрались до последнего дыхания, и если их обходили, не заметив, даже раненые, они вели огонь из укрытия до тех пор, пока не погибали. Наших раненых нам приходилось прятать в бронетранспортеры и выставлять охрану, иначе мы находили их зарезанными или забитыми до смерти...*». По словам немецкого офицера, «*труднее всего приходилось в старом городе и в районе порта. Там улицы, до того более или менее прямые и ровные, превращались в извилистый лабиринт. Среди кривых улочек и переулков не было места для пехотных пушек, даже пулеметы оказывались бесполезны. Здесь всё чаще вспыхивали рукопашные... Самыми ожесточенными были бои на Таганрогском шоссе* (Будённовском проспекте. – *Авт.*), *которое вело прямо к мосту через Дон. Здесь немцам постоянно приходилось останавливать атаку, потому что никак не удавалось уничтожить хорошо замаскированные пулеметные гнезда солдат НКВД. Солдаты войск НКВД и саперы перегородили Ростов баррикадами и сражались на них до последнего патрона. Тут негде было развернуться танковым частям и не приходилось рассчитывать на легкую победу. Конечно, танкисты первыми осуществили решительный прорыв, но центр Ростова стал местом битвы штурмовых команд. С величайшим тщанием им приходилось очищать от противника каждый дом, каждый подвал, каждую улицу. После ухода штурмовых команд в доме не должно было оставаться никого,*

[1] ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 30. Л. 24.

кто мог бы бросить гранаты или дать очередь из автомата. Немцам приходилось отбивать у противника дом за домом, прокладывая себе путь через забаррикадированный центр, – подобных сражений, вероятно, никто и никогда еще прежде не вел. Такие бои разгорелись бы, наверное, на улицах Москвы или Ленинграда, если бы немцам удалось войти туда»[1].

24 июля стало завершающим днем боев за Ростов. Словацкая «быстрая» дивизия, гренадеры 13-й и 22-й танковых дивизий, эсэсовцы моторизованной дивизии «Викинг», пехотинцы 5-го и 49-го армейских корпусов беспощадно подавляли разрозненные очаги сопротивления. Штаб армии уже с 23 июля не имел устойчивой связи с войсками, а десятки делегатов связи, отправленные с приказаниями и распоряжениями в дивизии, бригады и полки, не возвращались. 24 июля в 2:00 автоколонна штаба армии покинула центр города и через еще действовавшую переправу на 29-й линии к рассвету добралась до станицы Ольгинской, в которой были сосредоточены войска, обозы, боевая техника и санитарные машины[2]. В городе продолжались бои.

К полудню 24 июля 1-й батальон 66-го мотопехотного полка 13-й танковой дивизии при поддержке 22-й танковой дивизии после суточного боя захватил здание управления НКВД и почтамт. К вечеру были захвачены станицы Александровская и Аксайская. В вечерней сводке № 361 штаба 4-й воздушной армии сообщалось, что в течение дня 24 июля авиаразведкой установлено: «*16:30–19:15. Ст. Кизитеринка, в окрестностях Ростов, дымовая завеса. Дон в этом районе закрыт дымом и не просматривается. Остров с кожзаводом – скопление войск, предположительно противник. Переправа Ростов – Остров* [остров Зеленый] – *исправна, переправа от острова на южный берег р. Дон разрушена. Юго-западная окраина Ростов с кожзаводом – огонь ЗА* [зенитная артиллерия] *и МЗА* [малокалиберная зенитная артиллерия]»[3].

Не прекращались бои в районе переправ на Кировском проспекте, на 29-й линии, в Нахичевани. Лишь к 5:30 утра 25 июля штурмовые группы вермахта в черте Ростова-на-Дону вышли на берег Дона, затянутого дымом пожарищ[4]. Сотни и тысячи мирных жителей, военнослужащих всех родов войск пытались вплавь, на подручных средствах, перебраться на левый берег. Известный донской писатель, а в те дни – военный корреспондент

---

[1] *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на восток. 1941–1943. М., 2003. С. 438–440.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 44. Л. 251.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 4 ВА. Оп. 4800. Д. 13. Л. 99, 100.

[4] *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 441.

Виталий Закруткин, вспоминал: «*Под непрерывной бомбежкой и жестоким артиллерийским огнем люди разбирали деревянные сараи, заборы, подносили к берегу бревна. Покрытые кровью и пылью саперы сколачивали плоты. Артиллеристы переправляли пушки, затыкая мешками пробитые днища рыбачьих баркасов. Лошадей гнали вплавь. По реке плыли бревна от разнесенных бомбами плотов, кузова машин. Откуда-то из-под Цимлы и Новочеркасска течение несло раздутые трупы*»[1]. Немногим удавалось пересечь реку и благополучно добраться по затопленной невиданным весенним паводком пойме до Ольгинской, Батайска, Койсуга. Об обстановке в районе Ростова в ночь с 24 на 25 июля летчики 4-й воздушной армии сообщили в разведывательном донесении № 362: «*Авиаразведкой в ночь с 24 на 25.7.42 установлено: Койсуг, Нахичевань – пожары. Центральный аэродром и вокзал Ростов – сплошной пожар. Вокзал Новочеркасск – пожар*»[2].

24 июля стало также последним днем боев за Новочеркасск. В ночь с 23 на 24 июля по приказу штаба 56-й армии 1175-й и 1179-й полки 347-й стрелковой дивизии передали свои участки на северной и северо-восточной окраинах города полкам 81-й стрелковой дивизии полковника Н.И. Завьялова и заняли оборону в полосе между станицами Кривянская, Заплавская, Бессергеневская и хутором Калинин, прикрывая переправы в станицах Багаевской и Старочеркасской. Смена частей не осталась незамеченной противником. В 4:00 до 125 танков и бронемашин, более 350 автомашин с пехотой и артиллерией с рубежа Красный – балка Камышеваха атаковали позиции 31-й стрелковой дивизии в направлении кургана Пять Братьев (высота 123,9). Оборонявшиеся на этом участке 1-й и 3-й батальоны 75-го стрелкового полка, поддержанные дивизионом 32-го артиллерийского полка, после пятичасового боя были смяты превосходящими силами противника. В 13:00 противник силами 30 танков и до полка пехоты занял станицу Грушевскую-Западную, отбросив 2-й батальон 75-го полка в Грушевскую-Восточную[3]. Враг усилил натиск с севера, нанеся удар вдоль шоссе Москва – Ростов. Части 81-й дивизии не выдержали удара и оставили рубеж обороны. На юго-восточной окраине Новочеркасска 40 вражеских танков атаковали огневые позиции 2-го дивизиона 1195-го гаубичного полка РГК.

Оставшись без пехотного прикрытия, расчеты 12 тяжелых 152-мм гаубиц приняли неравный бой. Отважные артиллеристы отбили две атаки, подбили и сожгли 12 немецких танков. Дивизион потерял в неравном бою

---

1 *Закруткин В.А.* Кавказские записки. Ростов н/Д, 1975. С. 6.

2 ЦАМО РФ. Ф. 4 ВА. Оп. 4800. Д. 13. Л. 101.

3 ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 44. Л. 252.

пять орудий и до 200 бойцов и командиров. К этому времени переправа в станице Аксайской была уничтожена немецкой авиацией, поэтому артиллеристам 1195-го полка РГК пришлось через хутор Большой Мишкин на руках перетаскивать 13 тяжелых орудий и через хутор Красный Двор выйти на Старочеркасскую переправу. Потери 1195-го гаубичного артполка РГК в личном составе доходили до 400 человек[1].

Также стойко под Новочеркасском сражался личный состав 689-го армейского артиллерийского полка майора М.П. Стащенко, имевший на вооружении 18 пушек-гаубиц образца 1937 г. калибра 152-мм. В течение трех суток под непрерывными бомбежками артиллеристы поддерживали огнем моряков 81-й бригады и стрелков 31-й Сталинградской дивизии. С боями полк прорвался к переправе в станице Аксайской. В боях полк потерял 17 орудий (10 на огневых позициях, 5 было подорвано у переправы, два орудия утонуло в реке Дон при бомбежке). В боях и при переправе 689-й полк потерял 629 человек. Уцелевшие артиллеристы (403 чел.) сумели перетащить через Дон одну 152-мм пушку-гаубицу с 11 выстрелами и доставить ее в станицу Ольгинскую[2].

Мужественно сражались 24 июля на западной окраине города Новочеркасска моряки 1-го батальона под командованием капитана В.А. Мокиенко и политрука Н.Д. Моисеева из 81-й отдельной морской стрелковой бригады. Они отбили несколько атак танков и мотопехоты 14-й танковой дивизии, уничтожив до 500 гренадеров. Только краснофлотец С.М. Мокшанов огнем из ручного пулемета скосил 70 немецких автоматчиков[3]. Вместе с воинами 248-го и 75-го полков 31-й стрелковой дивизии они до полуночи удерживали Новочеркасск и затем с боями стали пробиваться к переправе в Старочеркасской[4]. 347-я стрелковая дивизия полковника Н.И. Селивёрстова прочно удерживала рубеж Кривянская – Заплавская – Бессергеневская – хутор Нижний Жук, прикрывая переправы через Дон в Старочеркасской и Багаевской станицах. 24 июля противник предпринял наступление силами до двух полков пехоты, поддержанных 40 танками и самоходно-артиллерийскими установками, с рубежа балки Кюхерева на Заплавскую и Бессергеневскую, в полосе обороны 1177-го стрелкового полка подполковника Ф.Г. Рыбкина[5]. Наши воины отразили в течение дня десять яростных атак. При прорыве немецких танков

---

1 ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 287. Д. 9. Л. 116.

2 Там же. Л. 113.

3 ЦАМО РФ. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

4 Там же. Д. 2. Л. 7об.

5 ЦАМО РФ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

через противотанковый ров у высоты с отметкой 75,9 м, сержант Мишкулян один выполз навстречу танку и уничтожил его бутылкой с горючей смесью. Смелый поступок своего товарища поддержали расчеты ПТР. Два бронебойщика, Коледа и Мисюра, выдвинулись на удобную позицию у рва и метким огнем подбили четыре танка противника[1]. В 14-й танковой дивизии к 25 июля оставалось на ходу 55 танков, а в 22-й танковой – всего 24 танка[2].

Только 25 июля поступил приказ штаба 56-й армии об отводе 347-й стрелковой дивизии на левый берег Дона через переправу в станице Багаевской. Но к этому времени переправа в Багаевской была уже взорвана. Личному составу дивизии пришлось организовывать переправу боевой техники, автотранспорта и обозов собственными силами, используя полузатопленный паром, баржу. Чтобы отремонтировать плавсредства и перевезти тысячи людей и сотни машин и повозок, требовалось время. Прикрывая товарищей, воины 1177-го полка еще двое суток удерживали позиции вдоль противотанкового рва у Бессергеневской и лишь 27 июля последними из частей Южного фронта организованно переправились на левый берег Дона[3].

Главные силы 31-й стрелковой дивизии, оставив Новочеркасск, 24 июля в Старочеркасской переправились на левый берег Дона и сосредоточились в хуторах Черюмкин и Нижнеподпольный. 177-й стрелковый полк, штаб и спецчасти дивизии в ночь на 25 июля отошли через Аксайскую переправу, хутор Махин, станицу Ольгинскую – в хутор Черюмкин, на соединение с главными силами дивизии. В бою 25 июля пропал без вести командир 177-го полка майор И.П. Котельников[4].

Авиаразведка 4-й воздушной армии утром 25 июля установила, что железнодорожный мост с настилом для гужевого и автотранспорта Ростов – Батайск был полностью разрушен. Переправа через Дон в Ростове, железнодорожный мост и переправа у станиц Аксайской и Ольгинской горели (см. рис. 9, 10)[5].

В 13:20 25 июля штаб 56-й армии, временно остановившийся в Ольгинской, отправил в войска боевой приказ № 0038, в котором говорилось: «*Противник подвижными группами вышел на р. Дон и овладел: Новочеркасск, Аксайская, северо-западной, западной и юго-западной частями Ростова, группой автоматчиков занял станцию Заречная. 56-я армия частью сил усиливает оборону 18-й армии, остальные силы собирает в районе*

---

1 ЦАМО РФ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.
2 ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 196. Л. 183.
3 ЦАМО РФ. Ф. 1666. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.
4 ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 44. Л. 252.
5 ЦАМО РФ. Ф. 4 ВА. Оп. 4800. Д. 13. Л. 101.

станций Мокрый Батай, Злодейская, хуторов Зеленая Роща, где приводит их в порядок. Частью сил прочно обороняет Ростов»[1]. Далее в этом приказе соединениям и частям армии ставились конкретные задачи. 347-й стрелковой дивизии приказывалось в ночь на 26 июля переправиться через Дон у Багаевской и Старочеркасской, после переправы занять и оборонять участок на фронте: Багаевская, Старочеркасская, а после смены войсками 12-й армии сконцентрироваться в районе хутора Зеленая Роща. 31-й стрелковой дивизии до смены частями 18-й армии ставилась задача оборонять участок от Старочеркасской до Аксайской, имея штаб на юго-западной окраине станицы Ольгинской. 16-й стрелковой бригаде после переправы на левый берег Дона приказывалось к утру 26 июля собрать подразделения в районе балки Сухой Батай, полевой стан в балке Дьяконова. 30-й стрелковой дивизии после переправы следовало оставить несколько усиленных отрядов на южном берегу Дона до смены частями 18-й армии, а главными силами к утру 26 июля выйти в районе станции и хутора Мокрый Батай. 81-я бригада к вечеру 26 июля должна была собраться в районе Камышевахи. 349-й стрелковой дивизии было приказано сосредоточиться к вечеру 26 июля в районе хуторов Слава Труду, Первомайский, расположить штаб на северо-западной окраине станицы Ольгинской. 76-й морской стрелковой бригаде приказывали расположиться в хуторе Зеленый Клин. Командиру 339-й Ростовской стрелковой дивизии было приказано к утру 26 июля собрать части в Зеленом Клине и Орловке. Армейская и приданная артиллерия РГК сосредотачивались в районе хуторов Дачный и Николаевка, а 63-я отдельная танковая бригада – в Новом Койсуге. 222-му Ростовскому полку народного ополчения и 9-й моторизованной дивизии НКВД ставилась задача продолжать прочно оборонять Ростов-на-Дону. Для усиления гарнизона, оборонявшего Ростов, приказывалось командирам 30, 31, 339 и 349-й стрелковых дивизий создать сводные отряды в составе роты автоматчиков, роты противотанковых ружей и взвода пеших разведчиков и под личную ответственность командиров дивизий перебросить их автотранспортом к 19:00 26 июля в станицу Ольгинскую. Начальнику инженерных войск 56-й армии подполковнику Е.Н. Журину приказывалось обеспечить плавсредствами переброску сводных отрядов через Дон в город. Штаб армии из Ольгинской к 14:00 26 июля переходил в хутор Черюмкин[2]. Только к 28 июля удалось систематизировать боевой состав частей и соединений 56-й армии после боев на рубежах Ростовского укрепленного района и переправы на левый берег Дона (табл. 8).

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

[2] Там же.

Таблица 8. Боевой состав частей и соединений 56-й армии на 28 июля 1942 г.[1]

	Личный состав	Орудий	Мино-метов	ПТР	Ручных пулеметов	Станковых пулеметов	ППШ	Танков
30 сд	5194	10	63	86	60	22	297	–
349 сд	1748	10	79	18	7	8	106	
339 сд	1200	18	–	–	5	5	–	–
76 сбр	998	–	–	–	3	6	85	–
81 сбр	900	14	28	–	31	14	121	–
69 УР	200	6	–	–	5	11	–	–
70 УР	600	12	13	31	8	5	45	–
39 гвап	608	–	–	–	7	–	15	–
1195 ап	670	7	1	2	5	–	24	–
1223 ап	485	3	–	1	1	–	7	–
63 тбр	329	–	–	2	2	3	43	1
136 тбр	44	–	–	–	–	–	–	5
7 дн БП	151	–	–	–	2	–	5	–
Всего:	10 227	80	184	130	136	74	768	6

Примечание: в таблице используются следующие сокращения сд – стрелковая дивизия; сбр – стрелковая бригада; УР – укрепрайон; гвап – гвардейский артиллерийский полк; ап – артиллерийский полк; тбр – танковая бригада; дн БП – дивизион бронепоездов; ПТР – противотанковое ружье; ППШ – пистолет-пулемет Шпагина.

Суммарные потери 56-й армии в боях за Ростов-на-Дону и Новочеркасск за 21–25 июля составили свыше 100 000 человек. Немецкие войска и их союзники на рубежах РОР и в уличных боях в Ростове потеряли, согласно сводкам санитарного управления вермахта, около 10 тыс. солдат и офицеров, в том числе 2 402 убитыми и пропавшими без вести[2]. Эти сведения существенно отличаются от приводимых данных о потерях противника в сводках и боевых донесениях соединений и частей 56-й армии, согласно которым враг потерял убитыми около 10 900 солдат и офицеров[3].

[1] ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 701. Д. 1044. Л. 105.

[2] Подсчитано по сводкам потерь за 20–25.07.1942 г. Немецкая статистика потерь. URL: http://ww2stats.com/index.html (дата обращения: 10.12.2016).

[3] Подсчитано по: ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 44. Л. 251–253; Там же. Ф. 1172. Оп. 1. Д. 12. Л. 2,9–10–11; Там же. Ф. 18881. Оп. 1. Д. 7. Л. 22, 23, 25; Там же. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 1. Л. 37; Там же. Д. 2. Л. 7об; *Фабрикант А.Е.* 68-я отдельная морская стрелковая бригада в боях за Родину… С. 23–24.

Рис. 9. Аэрофотосъемка уничтоженных переправ в Ростове-на-Дону (27.07.1942)[1]

Рис. 10. Аэрофотосъемка аксайских переправ[2]

[1] URL: http://map.etomesto.ru/base/61/1942-aero.jpg (дата обращения: 09.11.2016).
[2] URL: http://donskoyfoto.ucoz.ru/_pu/3/91452077.jpg (дата обращения: 09.11.2016).

3.3. Приказ № 227 «Ни шагу назад!» и его значение

В результате поражений войск Юго-Западного и Южного фронтов к середине июля 1942 г. стратегический оборонительный рубеж советских войск на юге оказался прорванным на глубину от 150 до 400 км, что позволило танковым и моторизованным соединениям вермахта развернуть стремительное наступление в большой излучине Дона на сталинградском, цимлянском и ростовском направлениях. Были захвачены Воронеж, Ворошиловград и Ростов-на-Дону, оккупирован Восточный Донбасс. На левом берегу Дона, в районе города Батайска, станиц Цимлянской и Николаевской, врагу удалось создать ряд плацдармов, быстро сосредоточить на них крупные силы и развернуть наступление на Сталинград и Кавказ.

В большой излучине Дона советским войскам, в отличие от кампаний лета и осени предыдущего 1941 г. и весны 1942 г., удалось избежать масштабных окружений, подобных киевскому, вяземскому или харьковскому котлам. Но понесенные за 27 суток потери в личном составе и вооружении были огромными: 568 347 бойцов и командиров (среднесуточные – 21 050 чел.)[1], 488 600 единиц стрелкового оружия, 13 716 орудий и минометов, 2 436 танков, 783 боевых самолета[2]. Потери группы армий «Юг» (с 7 июля – групп армий «А» и «Б») были значительно меньше, составив за этот период 43 238 солдат и офицеров, в том числе 8372 убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести[3].

Оглушительное поражение под Харьковом и последующее поспешное отступление десяти армий Юго-Западного и Южного фронтов в большой излучине Дона в июле 1942 г. способствовали резкому падению морального духа у советских войск, деморализации части бойцов и командиров, вызванной непрерывными успехами вермахта, господством в небе пилотов люфтваффе, захватом врагом всё новых и новых территорий. Вместе с отступавшими красноармейцами и командирами по пыльным проселкам донских степей тянулись в тыл колонны сельскохозяйственной техники, гурты колхозного скота, коляски и тачки, доверху заваленные узлами и тюками, и главная тягловая сила – измученные жаждой и голодом женщины, подростки, дети. Неорганизованная должным образом эвакуация в сельских районах и небольших райцентрах, бегство значительного числа

---

[1] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 178.

[2] Гриф секретности снят… С. 369.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 196. Л. 192–193.

местных партийных и советских руководителей с семьями и личным имуществом, породили недоверие гражданского населения к паникерам из властных структур всех уровней. Об этом свидетельствуют письма того трагического лета, перлюстрированные органами военной цензуры.

Так, весьма неприглядную картину воссоздает жена красного командира К.В. Нельга: «*11.7.42 г. произошла эвакуация нашего населения, все выехали, начальство – военком Микульского райвоенкомата выехал за два дня до эвакуации. Нам не сообщил ничего, а оставшийся зам. – интендант тов. Павлов, казак, нагрузил машину и срываться. Я к нему обратилась, так он ответил – идите на переправу, там есть лодки, и вас перевезут. Я и мама стали плакать – как же идти без ничего. Он с криком – "Я не потащу вас на своем горбу", а на машину погрузили ценности военкомата: лампы, ведра, балалайки, гитары, а ребенка и жену командира оставили на съедение немцам. Я осталась не при чем.*

Тогда я обратилась к войскам отступающей армии, они меня взяли и мы выехали на переправе через мост.

Ваня, у меня нет ничего.

Документы, деньги, вещи – всё сгорело на машине, я не знаю, что мне делать <…>

Ваня, за то, что интендант бросил меня с ребенком и мать на съедение немцам, об этом я напишу самому тов. Сталину, как к нам относится и относилось казачество Дона. Если бы ты видел эти переправы, где проходят войска, – вредительство на полный ход. Когда спокойно, тысячи машин сбиваются к переправе, когда же налетают самолеты бандитов, идет переправа. Мостик построен из кусочков дерева и его больше ремонтируют, чем переправляют войска»[1].

Похоже по своему содержанию письмо Н.Р. Лапко из колхоза «Ленинский путь» Ильинского сельсовета Дубовского района Ростовской области: «*Районные начальники уже своих жен отправили на машинах. Так было и у нас, когда мы еще и не думали, то начальство, т.е. верхушки, отправили своих жен не торопясь, обеспечив продуктами и хорошим транспортом, а нас уговаривали не делать паники, и когда враг наступал на пятки, то нас всех выпихнули. На переправе скопление народа, а там гад бомбит*»[2]. Подобных свидетельств много: о трусости местного начальства и его шкурных интересах, о хаосе и неразберихе на кровавых донских переправах на всём протяжении реки от Воронежа до устья Дона.

---

[1] Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 178–179.

[2] Там же. С. 177–178.

У многих военнослужащих, не только красноармейцев, но и командиров среднего и старшего звена, в том числе гвардейских частей и соединений, а также войск НКВД, стали появляться упаднические настроения, неверие в собственные силы. Так, капитан Трофачев из 47-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии заявил командиру полка: «*Все говорят, что отходя, мы изматываем противника. При этом отходе, наоборот, мы даем больше силы и уверенности для победы врага*»[1]. Красноармеец этой же дивизии Тетерев говорил бойцам: «*Теперь мы не остановимся до самого Урала. Можно сказать с полной уверенностью, что в этом месяце немец погонит нас до самой Волги*»[2]. Командир 214-го артиллерийского полка 38-й стрелковой дивизии подполковник Гурылев в кругу командиров заявил: «*Нужно срывать знаки различия при отходе, чтобы не застрелили. В этой войне погибнешь ни за что! Где наша авиация? В газетах пишут о нашей авиации – всё это брехня! Немецкая авиация хорошая, а у нас гробы. Я несколько раз был свидетелем: как только наши самолеты поднимутся, так их сейчас же подбивают и они горят… Скоро будет заключен мир с Германией, ибо с ней борьба бессмысленна, да нам и воевать нечем, под большим шумом мы готовились к весеннему наступлению, а когда соприкоснулись с противником, то он нас разбил. У немцев техника, а у нас еще больше крови*»[3]. Красноармеец 28-го мотострелкового полка 8-й мотострелковой дивизии оперативных войск НКВД Сопрыкин высказал бойцам свое мнение: «*Вот на харьковском направлении 75 тысяч нашего брата легло, а ничего не сделали. И я вас уверяю – если до осени не будет нашей победы, то все красноармейцы перейдут на сторону немцев и воевать не будут*»[4].

В докладной записке заместителя начальника Особого отдела НКВД Сталинградского фронта, старшего майора госбезопасности В.М. Косолапова, адресованной в Управление особых отделов НКВД СССР «Об антисоветских и пораженческих высказываниях отдельных военнослужащих 21-й армии», приводятся факты негативных высказываний комсостава РККА с оценкой деятельности командования фронта и армии. Так, 27 июля лейтенант 278-й стрелковой дивизии Легкодымов среди красноармейцев говорил: «*Когда командовал Юго-Западным фронтом Будённый, мы воевали возле Одессы, фронт был по Днестру и Бугу, когда же стал командовать Тимошенко, начали отступать и отступать… Товарищ Ворошилов спас и отстоял Ленинград, который был в тягчайшем положении. Весь*

---

1 Сталинградская эпопея. С. 150–151.

2 Там же.

3 Там же. С. 149.

4 Там же. С. 151.

народ говорит о Ворошилове, и сли бы ему поручили командовать Южным фронтом, то он разбил бы южную группировку противника и отбросил бы противника назад»[1]. Командир 855-го стрелкового полка 278-й стрелковой дивизии майор Федоров, выступая на совещании командного состава полка, высказался о том, что «*маршал Тимошенко – плохой вояка, и он гробит армию*»[2]. Начальник штаба артиллерии 76-й стрелковой дивизии капитан Свечков в беседе с работниками штаба дивизии 26 июля 1942 г. заявил: «*Нас предали. Пять армий бросили немцу на съедение. Кто-то выслуживается перед Гитлером. Фронт открыт и положение безнадежное, а нас здесь с 6 июля маринуют и никак не определят. Разбросали дивизию и умышленно сделали ее небоеспособной, тогда как можно было ее укомплектовать и бросить в бой*»[3]. Начальник санитарной службы этой же дивизии военврач 2-го ранга Никулин выражал недоверие к командованию армии и фронта, заявляя: «*Растерялись, потеряли управление, переправ никто не знал и о них никто не думал. Командовать не умеют, дают несколько приказаний, а потом их отменяют*»[4]. В докладной записке отмечено, что об этих высказываниях проинформированы член Военного совета Сталинградского фронта Н.С. Хрущёв и начальник политуправления фронта дивизионный комиссар С.Ф. Галаджев[5].

Трусость отдельных командиров и политработников 339-й Ростовской стрелковой дивизии привела к фактическому разгрому соединения 22–23 июля и невыполнению боевой задачи по обороне Ростова-на-Дону. Если перед началом оборонительного сражения за Ростов-на-Дону в 339-й стрелковой дивизии было 10 240 человек личного состава, 177 пулеметов, 120 ПТР, 149 минометов и 50 орудий[6], то к 28 июля удалось собрать в хуторах Зеленый Клин и Орловка всего 1200 бойцов и командиров, 10 пулеметов и 18 орудий[7].

Еще более трагичной оказалась судьба личного состава 9-й мотострелковой дивизии внутренних войск НКВД, оборонявшей два рубежа вокруг Ростова-на-Дону. В ночь с 22 на 23 июля командир дивизии полковник Е.Н. Скородумов и военком – полковой комиссар А.А. Сидоренко, поддавшись панике, отдали приказ об отводе полков с рубежа «В» и городского обвода на левый берег Дона. Как указывалось в постановлении № 080 Военного совета 56-й армии от 23 июля 1942 г.: «*9-й мотомехдивизии НКВД*

---

1 Сталинградская эпопея. С. 167–168.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

5 Там же.

6 ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 2. Л. 11.

7 Там же. Д. 9. Л. 777.

был поручен участок обороны “В” в городе Ростове. Командир дивизии полковник Скородумов и комиссар дивизии, полковой комиссар Сидоренко, не имея приказа командующего армией, поддавшись неправильным, паникерским слухам, дали указание частям дивизии об отходе. Только после вмешательства Военного совета армии части были оставлены на местах и положение восстановлено. В результате оказалось, что противника на участке дивизии не было. Военный совет армии постановляет:

За отдачу неправильного приказания, за пользование непроверенными, ложными слухами, командира 9-й ММД полковника Скородумова и комиссара 9-й ММД полкового комиссара Сидоренко от работы отстранить, арестовать и направить в распоряжение Южного фронта.

Командиром 9-й ММД назначить начальника штаба 9-й ММД подполковника Ветрова, комиссаром дивизии – комиссара штаба армии – полкового комиссара тов. Иконникова.

Предложить вновь назначенному командиру и комиссару дивизии восстановить положение и оборонять рубеж»[1].

Постановление подписали член Военного совета Южного фронта дивизионный комиссар Ларин, члены Военного совета 56-й армии Комаров и Кальченко, командующий армией генерал-майор Рыжов. Полковник Скородумов сумел избежать наказания, но почти шесть тысяч чекистов не вышли живыми из боев на ростовских улицах – погибли в бою или были замечены в плену.

28 июля 1942 г. Народный комиссар обороны СССР Сталин подписал приказ № 227. В историю Великой Отечественной войны и в сознание советских граждан он вошел как приказ «Ни шагу назад!». В послевоенный период этот приказ был долгое время засекречен, хотя летом 1942 г. с ним были ознакомлены миллионы воинов действующей армии. В последнем пункте документа подчеркивалось: «*Приказ прочитать во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах*»[2].

Воздействие приказа на личный состав Красной армии, по многочисленным воспоминаниям фронтовиков, было сравнимо с эффектом ледяного душа в августовскую жару. Еще совсем недавно, в приказе народного комиссара обороны СССР № 130 от 1 мая 1942 г. ставились задачи: «*Всей Красной армии – добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения Советской земли от гитлеровских мерзавцев!*»[3]. И всего три месяца спустя Верховный

[1] ЦАМО РФ. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

[2] Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997. Т. 13 (2–2). С. 279.

[3] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 15. М., 1997. С. 106–109.

главнокомандующий И.В. Сталин сообщал, что войска Красной армии не готовы вести оборонительные сражения с перегруппировавшимся, подтянувшим обученные резервы и модернизированную технику, наведшим порядок в своих войсках противником. Воинам Красной армии была впервые сказана суровая правда о том, что из-за отступления страна потеряла половину своего потенциала. За линией фронта, на оккупированной территории, до войны проживало 80 млн советских граждан, производилось около 70 % угля, чугуна и стали, пролегало 40 % всех железных дорог СССР, находилась половина поголовья скота и посевных площадей, ранее дававших половину урожая колхозных полей.

В преамбуле приказа, в отличие от сводок Совинформбюро, нередко содержавших искаженные сведения, давалась откровенная оценка сложившегося катастрофического положения дел на фронте, указывались наиболее крупные города, занятые противником. Обращает на себя внимание, что, в отличие от многих документов первого года войны, приказ был подписан одним И.В. Сталиным, больше не нуждавшимся в коллективном утверждении решений, и содержал обороты, имевшие личностный оттенок («*Я думаю…*»), и подчеркивавшие единство с теми, к кому он обращался («*наша Родина*», «*наши войска*»). Подобный доверительный тон официального документа должен был усилить его эмоциональное впечатление. Военно-политическое руководство СССР оказалось перед необходимостью принятия жестких мер, призванных кардинально изменить ситуацию на фронте и не допустить военной катастрофы. Речь шла о самом существовании советского государства и советского народа: «…*часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором. Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную армию, а многие из них проклинают Красную армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток… Каждый командир, каждый красноармеец и политработник должны понять, что наши средства небезграничны. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик… У нас нет уже преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину… Из этого следует, что пора кончить отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию,*

каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности»[1].

Сталин самим содержанием приказа, по сути, отверг идеологию «скифской войны», накрепко въевшуюся в сознание командиров и бойцов и выражавшуюся в представлениях о необъятности территории, неистощимости запасов, о заманивании врага вглубь огромной страны. В приказе нет оскорбительных выпадов или незаслуженных упреков в адрес рядовых солдат. Главный удар приказа № 227 был нанесен по растерявшимся или самовольничавшим командирам – начиная от командиров рот и батальонов до командующих армиями и фронтами. Угрозы применения суровых репрессий были адресованы в первую очередь именно им. «Ни шагу назад!» – это призыв к командирам Красной армии не считать себя стратегами, самостоятельно решающими, можно ли им отступать или нельзя, есть ли у них место для маневра или нет. Развитие такого «стратегического мышления» у солдат и офицеров, пытающихся соотносить свою боевую задачу с общим положением на всех фронтах и решать: необходима или нет защита того или иного рубежа в свете общей стратегической обстановки, – представляет собой немалую опасность для воюющей армии. Солдат и офицер, наряду с инициативой, должен иметь «узость мышления боевого устава», предписывающую ему выполнять поставленную задачу, несмотря ни на что. Между тем в июле 1942 г. неорганизованное отступление советских войск сопровождалось разрушением четкой структуры армий и фронтов, их превращением в неуправляемую вооруженную толпу. Многие командиры не проявляли стойкости и упорства в обороне.

Для всех военнослужащих, отступавших без приказа, предусматривался комплекс суровых мер. Военным советам и командующим фронтами и армиями, командирам и комиссарам корпусов и дивизий было приказано «*безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда*»[2]. Всех командующих и командиров, «*допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций*», без приказа вышестоящего начальства, требовалось «*безусловно снимать с поста*»[3]. При этом командующих армиями следовало направлять в Ставку, командиров и комиссаров корпусов и дивизий – в военный совет фронта, а командиров и комиссаров

---

[1] Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 276–277.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 278–279.

полков и батальонов требовалось лишать орденов и медалей и также направлять в военные советы фронта для предания военному суду.

Для военнослужащих, «*провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости*», создавались штрафные части. В пределах фронта формировались от 1 до 3 штрафных батальонов (по 800 чел.), куда следовало «*направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск*». В пределах армии – от 5 до 10 штрафных рот (от 150 до 200 чел. в каждой), куда направлялись рядовые бойцы и младшие командиры. Штрафные части следовало поставить «*на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины*»[1].

Наконец, в пределах армии создавались 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 чел. в каждом), которые следовало поставить «*в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной*». Командиры и комиссары корпусов и дивизий должны были «*оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях*»[2].

Сталин хорошо знал историю как древнюю, так и современную. Из античных времен было известно применение децимации, т.е. казнь каждого десятого в легионах римской армии за дезертирство или трусость в бою. Помнил Сталин и личный опыт осени 1918 г., когда в период опасности для молодого советского государства были созданы летучие сотни и заградительные отряды, осуществлявшие репрессивные меры против военнослужащих «самовольно отступавших» частей, вплоть до расстрела каждого десятого из них. Несомненно, что Верховный главнокомандующий был хорошо информирован и о штрафных подразделениях вермахта, прямо ссылаясь в приказе № 227 на «свежий» опыт противника: «*После своего зимнего отступления под напором Красной армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам… Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой*»[3]. Имелись штрафные части и в других армиях мира, в том числе в армиях союзников вермахта. Так, румынское

---

[1] Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 278–279.

[2] Там же. С. 278.

[3] Там же.

командование использовало на сталинградском направлении штрафные батальоны, укомплектованные освобожденными из тюрем преступниками, отбывшими наказания за грабежи, убийства и воровство[1].

Широко использовались в разные времена в различных армиях и заградительные отряды. Уже с июня 1941 г. заградительные отряды стали создаваться в Красной армии, при особых отделах НКВД, с целью беспощадной борьбы «*со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами*»[2]. 12 сентября 1941 г. Ставка Верховного главнокомандования разослала военным советам фронтов специальную директиву № 001919. Директива приказывала создать в каждой дивизии заградительные отряды численностью не более батальона из расчета одной роты на стрелковый полк с целью не допускать самовольного отхода частей. Они подчинялись командиру дивизии и комплектовались не из военнослужащих НКВД, а из обычных красноармейцев, имели на вооружении танки или бронемашины[3]. В отличие от них, заградительные отряды НКВД в основном вели борьбу с немецкими диверсантами и шпионами, дезертирами и другим «преступным элементом» в армейском и фронтовом тылу.

Первое штрафное подразделение в СССР – отдельная штрафная рота 42-й армии Ленинградского фронта – была сформирована уже 25 июля 1942 г., за три дня до появления приказа № 227. Через два месяца, 28 сентября 1942 г., был принят приказ наркома обороны № 298, утвердивший положения и штаты штрафных батальонов, рот и заградительных отрядов действующей армии. Согласно положению, штрафные части находились в полном распоряжении военных советов армий, их состав делился на постоянный и переменный. Постоянный – составляли командиры и комиссары, наделявшиеся значительными полномочиями. Командир штрафного батальона имел полномочия командира дивизии, а командир штрафной роты – командира полка. Срок службы им засчитывали один месяц за шесть или в два раза больше, чем остальным фронтовикам. Соответственно, и сроки выслуги в офицерских званиях сокращались вдвое.

Переменный состав (штрафники) попадали в штрафное воинское подразделение по приказу командования в связи с нарушением воинской дисциплины или приговору суда за совершение воинского или общеуголовного преступления (за исключением преступления, по которому как мера наказания

---

[1] Сталинградская эпопея. С. 118–119.

[2] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало (22 июня – 31 августа 1941 г.). М., 2000. С. 346.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 465. Л. 231–233.

была предусмотрена смертная казнь). Основаниями для освобождения штрафников являлись отбытие срока наказания (не более трех месяцев); полученное военнослужащим среднее или тяжелое ранение, требовавшее госпитализации; досрочное решение военного совета армии по ходатайству командира штрафного батальона или штрафной роты в виде поощрения за проявленное исключительное мужество и храбрость. При освобождении штрафникам возвращали прежние звания, должности и награды. Полностью были реабилитированы и погибшие на поле боя штрафники.

Изредка в штрафные роты попадали осужденные из мест лишения свободы. При этом совершивших тяжкие преступления, в том числе политические, направлять в армию запрещалось, поскольку к ним нельзя было применять предусмотренную Уголовным кодексом РСФСР 1926 г. отсрочку исполнения приговора до окончания боевых действий. Однако в отдельных случаях лица, осужденные за бандитизм, разбой, грабежи, всё же попадали в штрафные роты. 26 января 1944 г. заместитель наркома обороны СССР А.М. Василевский, нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия, нарком юстиции СССР Н.М. Рычков и прокурор СССР К.П. Горшенин подписали приказ № 004/0073/006/23, обязавший судебные органы и органы формирования и укомплектования войск полностью исключить такие случаи. Штрафные подразделения просуществовали до самого конца войны. Всего через штрафные подразделения прошли 427 910 чел., что составляло примерно 1,24 % от всех воевавших советских граждан, численность которых составляла 34 млн чел.

В составе фронтов, действовавших в большой излучине Дона в сентябре 1942 – августе 1943 г., было сформировано 6 штрафных батальонов. Это 1-й отдельный штрафной батальон Юго-Восточного, затем Сталинградского фронта (1942 г.), отдельный штрафной батальон Юго-Западного фронта (1942–1943 гг.), 1-й и 76-й отдельные штрафные батальоны Сталинградского фронта (1942 г.), 8-й отдельный штрафной батальон Донского фронта (1942 г.). В Сталинградской битве участвовали три штрафных батальона и 30 штрафных рот: 1-й и 76-й батальоны и 13 рот на Сталинградском фронте, 8-й батальон и 17 рот – на Донском. Количество штрафных рот в армиях было неравномерным. В 62-й армии их не было вообще, в 64-й – 4, в 21-й армии – 2, в 63-й армии – 8. Штрафные формирования в боях несли большие потери, в 6 раз больше чем в обычных стрелковых ротах. Три штрафных батальона и 22 штрафные роты, участвовавшие в Сталинградской битве, по окончании ее были расформированы[1].

---

[1] Штрафные части Сталинграда. URL: http://foto-history.livejournal.com/3340994.html (дата обращения: 17.11.2016).

Главная задача заградительных отрядов заключалась в приведении в порядок поддавшихся панике военнослужащих, оставивших свои позиции без приказа командования. Помимо остановки бегущих подразделений и частей и возвращения их на линию фронта, заградотряды занимались и охраной войскового тыла. Приходилось им и драться с наступавшим врагом. Так, один из заградительных отрядов 62-й армии почти полностью погиб в жестоких боях за вокзал Сталинград-1. В справке о деятельности заградительных отрядов Донского фронта с 1 августа по 1 октября 1942 г. указано, что за этот период они задержали 36 109 бойцов и командиров, сбежавших с передовой. Из них большинство было возвращено в свои части и на пересыльные пункты – 32 993 человек. В штрафные роты были направлены 1056 чел., в штрафные батальоны – 33 чел., арестовано – 736 чел., расстреляно – 433 человек. По Сталинградскому фронту было задержано 15 649 чел., из них арестовано 244 чел., расстреляно 278 чел., направлено в штрафные роты 218 чел., в штрафные батальоны – 42 чел., 14 833 чел. возвращено в свои части и на пересыльные пункты[1]. В справке отмечалось, что заградительные отряды на Сталинградском и Донском фронтах, подчиненные особым отделам НКВД общевойсковых армий, в период самых ожесточенных оборонительных боев сыграли положительную роль в деле наведения порядка в частях и предупреждения неорганизованного отхода личного состава с занимаемых ими рубежей, а также возвращения значительного числа военнослужащих на передовую линию фронта[2]. В критические моменты, когда требовалась поддержка для удержания занимаемых рубежей, заградительные отряды неоднократно вступали непосредственно в бой с противником, успешно сдерживали его натиск и наносили ему урон в живой силе и технике.

Многие фронтовики оценили приказ № 227 «Ни шагу назад!» как суровое, но своевременное и необходимое решение. Так, младший лейтенант 36-й танковой бригады Романов в беседе с другими командирами заявил: «*Такой приказ надо было издать раньше, когда мы были в районе Купянска, тогда у нас было достаточно сил, чтобы выполнить этот приказ, не допускать отступления за Дон*» [3]. Младший лейтенант Хуторянский из 1051-го стрелкового полка 300-й стрелковой дивизии 21-й армии после зачтения приказа № 227 сказал: «*Приказ товарища Сталина кладет конец нашему позорному бегству, заставит многих командиров тщательно готовиться, проводить и руководить боевыми операциями, придерживаясь указания*

---

[1] Сталинградская эпопея. С. 230.

[2] Сталинград. Цена победы. М.; СПб., 2005. С. 228.

[3] Сталинградская эпопея. С. 188.

“Ни шагу назад”»[1]. Красноармеец 293-й стрелковой дивизии Никитенко после объявления личному составу приказа № 227 заявил: «*Приказ Наркома крепко бьет по трусам и паникерам. Товарищ Сталин прямо указывает о тех мерах, которые будут приняты к трусам и паникерам, не только к рядовому составу, но и к среднему и даже высшему комсоставу. Этот приказ надо было издать еще раньше!*»[2].

Другие военнослужащие считали, что приказ надо было издать раньше. Майор Крайнов и капитан Вакуленко заявили: «*Приказ хороший, но опоздал, нужно, чтобы он вышел в свет еще в мае, перед нашим наступлением*»[3]. Старший батальонный комиссар С.В. Разумовский также полагал: «*Этому приказу надо было выйти два месяца назад*»[4]. Младший командир 26-го гаубичного артиллерийского полка Слепченко высказал следующее мнение: «*Если бы этот приказ был издан 20 дней тому назад, то такого беспорядочного отхода не было бы. Наши части вполне сдержали бы противника на старых рубежах*»[5].

Впрочем, были и скептики, отрицательно отзывавшиеся о дисциплинарных мерах, изложенных в приказе № 227. Так, красноармеец 203-й стрелковой дивизии Репин после зачтения текста приказа личному составу, заявил: «*Немец забрал почти всю Россию, а наше командование только проснулось. Правительство устанавливает какие-то ордена Суворова, Кутузова, Невского, а армией не руководит. Если бы меньше занимались выпуском медалей и награждением, а больше дисциплиной, то дела давно были бы лучше*»[6]. Таких мнений тоже было немало, но они не определяли настроения большинства личного состава советской армии в горьком августе 1942 г.

Принятие приказа № 227 отразило и всю сложность обстановки, в которой оказалось советское руководство, и его стремление использовать любые средства для достижения Победы в войне. Принятые меры сыграли определенную роль в укреплении воинской дисциплины, но не могли кардинально изменить ход боевых действий. Только ценой неимоверных усилий частям Красной армии удалось остановить войска вермахта в предгорьях Кавказа и на Волге.

---

1 Сталинградская эпопея. С. 188.

2 Там же.

3 Там же. С. 171.

4 Там же.

5 Там же. С. 172–173.

6 Там же. С. 188.

3.4. Боевое крещение 62-й и 64-й армий в большой излучине Дона в июле – августе 1942 г.

12 июля директивой Ставки ВГК был образован Сталинградский фронт на базе полевого управления Юго-Западного фронта в составе 21-й армии из прежнего Юго-Западного фронта, а также 1, 5 и 7-й резервных армий, получивших, общеармейскую нумерацию и ставших соответственно 64, 63 и 62-й армиями[1] (см. приложение 7). В состав бывших резервных армий входили 17 только что сформированных стрелковых дивизий, получивших номера ранее разбитых в боях соединений. Исключение составляла 33-я гвардейская стрелковая дивизия, сформированная в мае 1942 г. на базе 3-го воздушно-десантного корпуса, и костяк 14-й гвардейской стрелковой дивизии, вырвавшейся из харьковского котла. О качестве подконтрольных ему соединений Военный совет 62-й армии докладывал в Ставку еще 18 июня 1942 г.: «*Стрелковые дивизии армии* (речь идет о 33-й гвардейской, 147, 181, 184, 192 и 196-й стрелковых дивизиях. – *Авт.*) *совершенно сырые, только что получили вооружение и начали его осваивать. Привлечение их к оборонительным работам … резко скажется на качестве и сроках их боевой подготовки и готовности*»[2].

63-я армия генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова в составе 1, 127, 153, 197, 203-й стрелковых дивизий и 14-й гвардейской стрелковой дивизии, 13-й истребительной бригады заняла оборону по левому берегу Дона на участке хутор Бабка – устье реки Медведицы, в полосе до 300 км. Ставка ВГК и командование Сталинградского фронта рассчитывали уплотнить боевые порядки армии за счет переправлявшихся через Дон войск бывшего Юго-Западного фронта и резервных соединений. Состояние войск 21, 28, 38 и 57-й армий, согласно боевому донесению № 0032/оп от 17 июля 1942 г., было плачевным. По существу, более или менее боеспособными были соединения и части 21-й армии генерал-майора В.Н. Гордова, в 63, 76, 124, 226, 293 и 343-й стрелковых дивизиях которой оставалось соответственно 5035, 4526, 2652, 5050, 2258, 2795 чел., а также 320 минометов разных калибров, 78 полевых и противотанковых пушек и 30 установок «катюш» в 57-м и 70-м гвардейских минометных полках[3]. От 28, 38 и 57-й армий остались только штабы, материальная часть дивизий и бригад была утрачена. В стрелковых дивизиях осталось от 225 (в 15-й гвардейской стрелковой дивизии) до 950 (в 304-й стрелковой дивизии) бойцов

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1640. Д. 179. Л. 483

[2] ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5127. Д. 1. Л. 76.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 4. Л. 48–49.

и командиров, в 23-м танковом корпусе на ходу было всего 10 танков и 10 бронемашин[1].

Обстановка на фронте в июле 1942 г. менялась настолько стремительно, что завершить оборудование полевого рубежа в большой излучине Дона наши войска так и не успели. 11 июля последовала директива Ставки ВГК о занятии Сталинградского оборонительного рубежа в течение 12–14 июля силами 62-й армии в полосе населенных пунктов Караженский (18 км юго-восточнее города Серафимович) – Евстратовский – Калмыков – Слепихин – станция Суровикино – ферма № 2 совхоза № 79 – Суворовский – общим протяжением более 100 км[2]. 62-я армия под командованием генерал-майора В.Я. Колпакчи, помимо вышеуказанных 6 дивизий, получила на усиление 4 курсантских полка, сформированных на базе военных училищ, 6 отдельных танковых батальонов (по 21 танку в каждом батальоне), три полка противотанковой артиллерии и армейский артиллерийский полк.

64-й армии под командованием генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова в составе 29, 112, 131, 214 и 229-й стрелковых дивизий, 66-й и 154-й морских стрелковых, 40-й танковой отдельных бригад и частей усиления для обороны отводился участок свыше 80 км в полосе от Суровикино до Верхне-Курмоярской.

Для обеспечения развертывания соединений и частей 62-й и 64-й армий приказывалось от каждой дивизии первого эшелона выдвинуть на рубеж рек Чир и Цимла усиленные передовые отряды в составе батальона – полка, с танками, артиллерией и саперными подразделениями[3]. Так, от 147-й стрелковой дивизии 600-й стрелковый полк был выдвинут в район станицы Морозовской, а первые батальоны 15-го и 640-го полков – в район станицы Обливской[4]. В жестоких встречных боях противнику был нанесен урон в технике и личном составе, выход врага к основному рубежу обороны был задержан на двое-трое суток. Оборонительный рубеж в районе Суровикино 147-я стрелковая дивизия удерживала до 9 августа.

К 21 июля на 200-километровом фронте, от Серафимовича до Верхне-Курмоярской, противник развернул 11 дивизий 6-й полевой армии, в том числе 16-ю и 24-ю танковые, 3-ю и 60-ю моторизованные. Паулюс создал два ударных кулака из подвижных соединений 14-го и 24-го танковых корпусов, усилив каждый из них еще и пехотной дивизией. Главный удар противник наносил по флангам 62-й армии, южнее станицы Клетской,

---

1 ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 4. Л. 50.

2 ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1640. Д. 179. Л. 497.

3 Там же. Оп. 2642. Д. 32. Л. 128.

4 ЦАМО РФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

силами 14-го танкового корпуса в направлении Голубинский, а из района Суровикино – на Калач двумя дивизиями 24-го танкового корпуса, с целью окружения и разгрома главных сил 62-й армии и выхода к Сталинграду по кратчайшему пути.

Утром 23 июля противник силами 16-й танковой, 3-й, 60-й моторизованных и 113-й пехотной дивизий прорвал оборону 62-й армии на стыке 192-й и 33-й гвардейской стрелковых дивизий и устремился в прорыв на хутора Верхне-Бузиновку и Манойлин. Около полудня 24 июля до 40 танков и батальон мотопехоты противника вышли на командные пункты 192-й и 184-й стрелковых дивизий и рассеял их. В бою с прорвавшимися танками и мотопехотой противника командир 192-й стрелковой дивизии полковник А.С. Захарченко был убит, а командир 184-й дивизии полковник С.Т. Койда попал в плен. Управление частями было утрачено. В район действий 192-й и 184-й стрелковых дивизий на самолете По-2 вылетел начальник оперативного отдела штаба 62-й армии полковник К.А. Журавлёв и группа оперативных работников штаба во главе с майором Вдовченко[1]. К исходу 25 июля полковнику К.А. Журавлёву удалось объединить остатки стрелковых дивизий и оказавшиеся в том же районе 40-ю отдельную танковую бригаду, остатки двух отдельных танковых батальонов и противотанковой артиллерии, занять круговую оборону по высотам с отметками 196,2, 185,2, 196,1, 200,2, 187,7, 207,0, 174,9, 193,9 и в районе хутора Майоровского[2].

Южнее группы Журавлёва, в полосе хуторов Ерик, Евсеев и высоты 191,3 против частей 16-й танковой и 113-й пехотной дивизий противника вел бой 13-й танковый корпус полковника Т.С. Танасчишина в составе 163, 166 и 169-й танковых бригад, а в районе высоты 200,0, протока Берёзового, совхоза Копанья, на высотах 183,4 и 175,3, хуторов Рожки и Киселёва в полуокружении сражалась 33-я гвардейская дивизия полковника А.И. Утвенко с подчиненными ему 186-м стрелковым полком 181-й дивизии и курсантским полком Краснодарского пехотного училища. В ходе боевых действий гвардейцы 33-й стрелковой дивизии потеряли 1042 чел., 40 орудий и 27 танков[3].

В этих боях легендарный подвиг совершили два расчета ПТР – 4 бронебойщика 84-го гвардейского стрелкового полка – Пётр Болото, Иван Алейников, Константин Беликов и Пётр Самойлов. В бою на высоте 198,3 из двух ружей ПТР 23 июля 1942 г. они подбили 15 немецких

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 47. Л. 26.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 51 (карта обстановки).

[3] ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 42. Л. 16.

танков. К. Беликов, И. Алейников и П. Самойлов за мужество, проявленное в бою на высоте 198,3, были награждены орденами, а Петру Болото Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1942 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

Также мужественно сражались воины 186-го стрелкового полка, отрезанные от главных сил своей 181-й дивизии и подчиненные командованию 33-й гвардейской стрелковой дивизии. В ходе контратак с целью закрыть прорыв противника у хутора Калмыкова бойцы и командиры в боях, переходивших в рукопашные схватки, уничтожили до 750 солдат и офицеров противника, 10 автомашин, пушку, пулеметы. Потери полка превысили 400 чел. убитыми и ранеными[1].

27 июля в командование 62-й армией вступил генерал-лейтенант А.И. Лопатин[2]. От прежнего состава армии оставались небольшие группы. Самой крупной была группа полковника Журавлева, объединившая остатки 262, 294, 427, 676 и 753-го стрелковых полков, 298-го и 616-го артиллерийских полков 192-й и 184-й дивизий, отдельных батальонов 84-го и 88-го гвардейских стрелковых полков 33-й гвардейской дивизии, 1177-го и 1188-го истребительно-противотанковых полков, 40-й танковой бригады, 644-го отдельного танкового батальона – всего свыше 6000 бойцов и командиров .

Эта группа вела бои в окружении до 31 июля и только в этот день соединилась с частями 4-й танковой армии в районе станицы Верхнеголубой. Главные силы 33-й гвардейской дивизии – 88-й и 91-й гвардейские, 186-й стрелковые полки, полк Краснодарского пехотного училища – заняли круговую оборону по рубежу до 46 км. Основные силы 181-й и 147-й дивизий продолжали удерживать свои полосы обороны до 8 августа. 196-я и переданная из расформированной 1-й танковой армии 131-я стрелковые дивизии в ходе попыток контрудара понесли исключительно большие потери. 196-я стрелковая дивизия к 1 августа лишилась 6418 чел. личного состава, в ее стрелковых полках оставалось по 100–150 активных штыков[3].

7 августа противник силою до двух полков мотопехоты и 120 танков прорвал фронт 196-й стрелковой дивизии, рассеял ее остатки, захватил хутор Остров и приблизился к командному пункту 62-й армии в хуторе Володинском. В бою погиб командир 196-й дивизии комбриг В.В. Аверин, начальник штаба подполковник В.Л. Прибыльский и большая группа

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 47. Л. 33.

[3] Там же. Д. 49. Л. 49.

командиров штаба[1]. В 17:00 8 августа к основной переправе у города Калача прорвались 27 танков противника, затем еще несколько колон танков и мотопехоты. Оборона 62-й армии, отрезанной от переправ и снабжения, рухнула. Бои на передовом рубеже 62-й армии продолжались до вечера 8 августа. В 19:00 из штаба 62-й армии последовал приказ: незаметно оторваться от противника и пробиваться к переправам на левый берег Дона. При отходе колонны 33-й гвардейской и 181-й стрелковых дивизий были окружены в балке Грачева, восточнее хутора Савинского и после жестокого боя разбиты. Части дивизий были рассеяны и пробивались на соединение с основными силами 62-й армии мелкими группами[2].

13 августа из окружения вышли только 27 чел. из состава 147-й стрелковой дивизии во главе с ее командиром, генерал-майором А.А. Вольхиным, а всего к 20 августа из состава 147-й стрелковой дивизии вышли к своим 171 чел. Генерал-майор Вольхин был предан суду военного трибунала и приговорен к расстрелу, замененному 10 годами исправительно-трудовых работ с отбыванием наказания в действующей армии. Фактически Вольхин был понижен в звании до майора, воевал, и судимость с него была снята только в марте 1943 г. Дивизия за утрату боевого знамени была расформирована.

Командир 33-й гвардейской стрелковой дивизии полковник А.И. Утвенко сумел вывести из окружения и собрать в поселке Прудбой к 16 августа до 120 бойцов и командиров[3]. Командир 181-й стрелковой дивизии генерал-майор Т.Я. Новиков был пленен при выходе из окружения 15 августа.

Трагедия постигла малочисленную 229-ю стрелковую дивизию, которая с середины июля действовала на правом фланге 64-й армии и незадолго до окружения была подчинена командованию 62-й армии. Командир дивизии полковник Ф.Ф. Сажин погиб в окружении, а уцелевшие бойцы 229-й дивизии попали в плен.

В информационной сводке Главного командования вермахта от 11 августа 1942 г. сообщалось , что в боях в большой излучине Дона советские войска, закрепившись на возвышенностях западнее и севернее города Калача, пытались остановить наступление немецких войск. Однако войска вермахта в результате ожесточенных боев прорвали советские позиции противника и продолжили продвижение вперед по пересеченной местности. «*В течение нескольких дней немецкими штурмовиками и*

---

1 ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5504. Д. 20. Л. 25.

2 Там же. Оп. 5487. Д. 42. Л. 19–21.

3 Там же. Д. 49. Л. 42.

пикирующими бомбардировщиками были разрушены все мосты в большой излучине Дона, одновременно бомбардировочной авиацией были нанесены бомбовые удары по грузовому транспорту на автомобильных и железных дорогах. В ходе начавшегося 7 августа и продолжавшегося 5 суток сражения немецкие войска отразили яростные атаки пехоты и танков при поддержке артиллерии с восточного берега Дона. Войска и колонны автомобильной техники противника, скопившиеся у переправ, разрушенных нашей авиацией, были уничтожены непрерывными бомбовыми ударами. Особенно ожесточенными были бои западнее Калача, где противник закрепился в котловине и отчаянно оборонялся, пока его сопротивление не было сломлено. На заключительном этапе сражения советские войска ночью еще раз нанесли несколько сильных ударов с целью прорваться из окружения на юго-восток, восток и северо-восток, но понесли значительные потери в живой силе. Продолжая наносить концентрические удары, немецкие пехотные и танковые части уничтожили последние очаги отчаянного сопротивления противника»[1].

Кроме того, в сводке говорилось, что «*в большой излучине Дона западнее Калача сухопутные войска под командованием генерала танковых войск Паулюса при активной поддержке зенитной артиллерии и авиации под командованием генерал-полковника фон Рихтгофена уничтожили основные силы 62-й армии и значительную часть 1-й танковой армии советских войск. В этом решающем сражении взято в плен 57 000 чел., уничтожено или захвачено в качестве трофеев свыше 1000 танков и 750 артиллерийских орудий всех видов. Противник понес значительные потери в живой силе. В этих боях хорошо показали себя хорватские части*»[2].

В то же время в дневнике боевых действий Генерального штаба сухопутных войск об обстановке в полосе групп армий «А» и «Б» от 12 августа 1942 г. записано: «*Южнее Сталинграда были отражены атаки противника. Под р. Мышкова и южнее от нее противник, обороняясь на укрепленных позициях полевого типа, оказывает упорное сопротивление. Бои в котле западнее Калача закончились. Остатки 62-й армии и 1-й танковой армии красных, сосредоточенные на очень узком участке местности, разгромлены или взяты в плен. Бои при этом носили порой упорный характер. Было захвачено 35 000 пленных, а также захвачено или уничтожено 270 танков и 560 орудий (противотанковых и зенитных)*»[3]. Таким было боевое крещение 62-й армии в большой излучине Дона в июле – начале августа 1942 г.

---

[1] Цит. по: Сталинградская битва. Хроника. Факты. Люди. Кн. 1. М., 2002. С. 343–344.

[2] Сталинградская битва. Хроника. Факты. Люди. Кн. 1. С. 343–344.

[3] Там же. С. 343.

64-я армия генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова с 17 по 26 июля вела упорные бои на западном берегу Дона на рубеже рек Чир и Цимла с немецкими 51-м армейским и 24-м танковым корпусами, а также 6-м румынским армейским корпусами, нанося врагу большие потери. Так, 229-я стрелковая дивизия, закрывавшая стык с войсками 62-й армии, на рубеже высот с отметками 126,0, 158,3, 153,3 подбила девять танков. Сражавшаяся рядом 121-я танковая бригада у хутора Кульпинского и на высоте 164,0 отразила несколько танковых атак противника[1]. 27 июля ослабленная 229-я стрелковая дивизия была вынуждена отступить за р. Чир, открыв фланг соседней 214-й дивизии. Враг воспользовался этим и прорвался к Дону, захватив станицу Нижне-Чирскую.

При отходе к переправе через Дон под интенсивными бомбежками войска 64-й армии понесли большие потери, как в личном составе, так и в материальной части. Немецкая авиация бомбила скопления людей у переправы. Наводившие порядок на переправе начальник артиллерии армии генерал-майор артиллерии Я.И. Броуд, начальник оперативного отдела подполковник Т.М. Сидорин, начальник инженерной службы армии полковник Бурилов и ряд других офицеров штаба армии погибли. 214-я и 229-я стрелковые дивизии, 66-я отдельная морская стрелковая бригада потеряли более 50 % личного состава[2].

Командующий 64-й армией генерал-лейтенант В.И. Чуйков принял решение отвести на левый берег Дона 214-ю стрелковую дивизию и 154-ю морскую бригаду. Им уже пришлось переправляться вплавь и на подручных средствах, так как вечером 26 июля железнодорожный мост через Дон у станицы Нижне-Чирской был разбит немецкой авиацией. Отход войск 64-й армии за Дон вызвал незамедлительную реакцию Ставки ВГК. В 16:45 28 июля командующему и члену Военного совета Сталинградского фронта поступила директива № 170535, в которой была определена основная задача фронта: «*Активными действиями частей 64-й армии, с использованием подошедших в район Калач и южнее 204-й и 321-й стрелковых дивизий и 23-го танкового корпуса во что бы то ни стало не позднее 30 июля разбить противника, вышедшего южнее Нижне-Чирская на западный берег р. Дон и полностью восстановить здесь оборону по Сталинградскому рубежу, отбросив в дальнейшем противника на запад, за р. Цимла. О принятых мерах донести в Ставку не позднее утра 29.07.1942 г.*»[3].

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072сс. Д. 7. Л. 229.

[2] Там же. Л. 244–246.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 2642. Д. 12. Л. 272.

Уже в первом часу ночи командующий 64-й армией генерал-лейтенант В.И. Чуйков отдал приказ на уничтожение нижнечирской группировки противника, привлекая к контрудару все наличные силы – ослабленные 229, 214, 29-ю и свежие, необстрелянные 112, 204, 321-ю стрелковые дивизии, 23-й танковый корпус, 66-ю и 154-ю морские стрелковые, 121-ю и 137-ю танковые бригады. Готовность войск к наступлению этим приказом определялась на 2:00 29 июля[1]. За полтора часа июльской ночи подготовить войска к наступлению оказалось нереальным. Тем не менее активные действия советской пехоты и танков остановили прорыв немецких танков к Калачу с южного направления.

В этих боях проявил невероятное самообладание командир 29-й стрелковой дивизии полковник А.И. Колобутин. Группа немецких танков прорвалась к командному пункту дивизии, один из танков въехал на блиндаж и стал его «утюжить». Колобутин продолжал руководить боем; благодаря тому что телефонный провод лежал в траншее и не был поврежден, работала и рация в блиндаже. Вскоре бронебойщики подбили танк, застывший на блиндаже. Хладнокровие комдива благотворно подействовало на командиров и бойцов. Они обратили вражеские танки вспять[2].

За провал контрудара и невыполнение приказа Ставки ВГК о восстановлении обороны Сталинградского рубежа генерал-лейтенант В.И. Чуйков был отстранен от должности командующего армией. С 4 августа 64-ю армию принял генерал-лейтенант М.С. Шумилов. В.И. Чуйкову было поручено возглавить оперативную группу из 29, 138, 157-й стрелковых дивизий и в районе станицы Новоаксайской контратаками задержать противника. 12 сентября Чуйков был назначен командующим 62-й армией, к этому времени отступившей к окраинам Сталинграда.

В конце июля резко обострилась обстановка в полосе 51-й армии Северо-Кавказского фронта. 30 июля эта армия была передана в состав Сталинградского фронта[3]. 4-я танковая армия генерал-полковника Г. Гота нанесла мощный рассекающий удар на Котельниково силами 48-го танкового корпуса и к 1 августа овладела этой важной станцией разгрузки войск. Под удар попала 208-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник К.М. Воскобойников. 31 июля в штабе фронта командир дивизии получил задачу: следовать по железной дороге через Котельниково на Цимлянскую. Эшелоны с воинами-дальневосточниками двинулись по назначенному маршруту. Ранним утром 1 августа 1942 г. два передовых эшелона вошли

---

1 ЦАМО РФ. Ф. 345. Оп. 5312. Д. 9. Л. 62–63.

2 Сталинградская эпопея. М., 1968. С. 277.

3 ЦАМО РФ. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 32. Л. 136.

на станцию, и батальоны были вынуждены под огнем танковых орудий и пулеметов противника выгружаться из вагонов и принимать бой. Третий эшелон 1 августа в 8:00 попал под удар пикирующих бомбардировщиков Ю-87 на разъезде Курмоярском и был уничтожен, не успев вступить в бой[1]. Организованно выгрузился только четвертый эшелон 208-й стрелковой дивизии, который в 8:00 прибыл на станцию Гремячую, следующую за разъездом Курмоярским, на 22 км ближе к Сталинграду. С этим эшелоном прибыли штаб дивизии, саперный батальон, батальон связи. Такой состав был оптимален для организации командного пункта соединения, но мало подходил на роль передового отряда. Тем не менее штаб со связистами и саперами походной колонной пешим порядком выступил к Котельниково, несколько раз подвергшись по дороге бомбо-штурмовым ударам с воздуха в открытой степи. Пятый эшелон также успешно выгрузился в Гремячей, а прибывший в ночь на 2 августа на станцию Чилеково шестой эшелон 208-й дивизии не получил «добро» на выгрузку от коменданта станции «*из-за отсутствия воинской площадки*»[2]. В 5:00 2 августа последовал авианалет двух десятков немецких бомбардировщиков, которые разнесли эшелон на куски. В итоге у полковника К.М. Воскобойникова осталось меньше половины соединения. Под Гремячей из 208-й стрелковой дивизии удалось собрать четыре стрелковых батальона, сводный артиллерийский дивизион, противотанковый дивизион и батарею полковых пушек. В ночь на 4 августа полковник Воскобойников решил отвести собравшиеся в районе Гремячей остатки дивизии под Чилеково. Ранним утром 4 августа последовал последний акт трагедии 208-й стрелковой дивизии. Наступающие вдоль железной дороги немецкие танки и мотопехота сначала атаковали на марше отходящие части, а затем сбили с позиций не успевшие закрепиться под Чилеково два батальона. В бою под Чилеково погибли полковник Воскобойников и комиссар дивизии Малофеев. Сбор оставшихся частей 208-й стрелковой дивизии состоялся уже под Абганерово и у разъезда 74-й километр. Последний удар по ней нанесли августовские бои у станции Тингута. Формально дивизия была расформирована по Приказу НКО СССР № 00248 от 28 ноября 1942 г.[3]

Разгромив 208-ю стрелковую дивизию, танкисты Гота устремились по широкой дуге к южным окраинам Сталинграда, в обход войск 64-й армии. 64-й мотоциклетный батальон майора Р. Грамса и 36-й танковый полк 14-й дивизии 3 августа совершили бросок в 150 км за 15 часов движения,

---

1 *Исаев А.В.* Мифы и правда о Сталинграде. М., 2013. С. 34.

2 Там же.

3 Там же.

захватив село Жутово Второе, и на следующий день вышли к станции Абганерово. В районе этой станции с вечера 5 и до 17 августа 14-я танковая дивизия вела кровопролитные бои, в ходе которых было подбито около 70 танков Т-34[1]. Но и в 36-м полку 14-й танковой дивизии из 200 боевых машин, с которыми она вступила в бои южнее Сталинграда, к 10 августа оставалось на ходу только 24 танка[2].

После кровопролитных трехнедельных боев в большой излучине Дона 64-я армия, оставив усиленные передовые отряды на восточном берегу рек Дон и Аксай, 13 августа отвела части и соединения правого фланга и центра на линию внешнего обвода сталинградского укрепрайона на рубеж Самодуровка – Ермохинский – Черноморов – Нижнекумский – Громославка – высота 124,09. 126-я и 208-я стрелковые дивизии стали закрепляться на рубеже высота 124,0 – Абганерово – высота 128,1. 204-я стрелковая дивизия вместе с Краснодарским пехотным училищем обороняла рубеж Абганерово – река Гнилой Аксай – высота 148,0 – лес в 8 км восточнее фермы № 3. 38-я отдельная мотострелковая бригада удерживала фронт в полосе ферма № 2 совхоза имени Юркина – станция Тингута. 214-я стрелковая дивизия сосредоточилась в районе хуторов Новопетровский – Будённый – Федотов, а 29-я стрелковая дивизия находилась на дневке в районе хутора Вершки – высоты 138,0[3].

За четыре недели боев в 62-й и 64-й армиях сменились командармы: В.Я. Колпакчи сменил А.И. Лопатин, а В.И. Чуйкова – М.С. Шумилов. Погибли в боях, попали в плен или выбыли по ранению большинство командиров дивизий, которые первыми встретили врага 16–17 июля 1942 г. Фактически «обезлюдели» стрелковые части и подразделения.

Таким кровавым было боевое крещение воинов 62-й и 64-й армий в большой излучине Дона в июле – августе 1942 г. Впереди были сражения на ближних подступах к городу и непосредственно среди руин Сталинграда.

---

1 *Грамс Р.* 14-я танковая дивизия. 1940–1945. М., 2014. С. 64.

2 Там же. С. 64–65.

3 ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072сс. Д. 8. Л. 125–127.

ГЛАВА 4. В ЭПИЦЕНТРЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

4.1. Стратегический разворот вермахта

За день до взятия Ростова-на-Дону, 23 июля 1942 г., Гитлер издал, вероятно, самую фатальную оперативную директиву № 45. Она предписывала раздвоение сил. План «Блау» («Синий») был переименован в операцию «Брауншвейг». Ее смысл был выражен уже в преамбуле директивы № 45: «*В кампании, которая длится немногим более трех недель, большие задачи, поставленные мной перед южным крылом восточного фронта, в основном выполнены. Только слабым остаткам армий Тимошенко удалось избежать окружения и достичь южного берега Дона. Следует считаться с тем, что они будут усилены за счет войск, находящихся на Кавказе. Происходит сосредоточение еще одной группировки противника в районе Сталинграда, который он, по-видимому, собирается оборонять*»[1].

Далее в директиве были определены цели дальнейших операций. Ближайшая задача группы армий «А» – окружить и уничтожить в районе южнее и юго-восточнее Ростова вражеские силы, ушедшие за реку Дон. Для выполнения этой задачи с плацдармов в районе станиц Константиновской и Цимлянской требовалось ввести в бой сильные моторизованные соединения в общем направлении на юго-запад, примерно на Тихорецк, а пехотным, егерским и горнострелковым дивизиям – форсировать Дон в районе Ростова. Наряду с этим оставалась в силе задача авангардным частям перерезать железнодорожную линию Тихорецк – Сталинград. Два танковых соединения группы армий «А» (в том числе 22-я и 24-я танковые дивизии) для продолжения операций в юго-восточном направлении подчинялись группе армий «Б». Пехотная дивизия «Великая Германия» оставалась в качестве резерва ОКХ и не продвигалась южнее реки Маныч. Готовилась ее отправка на Западный фронт.

После уничтожения группировки противника южнее Дона важнейшей задачей группы армий «А» являлось овладение всем восточным побережьем Чёрного моря, в результате чего советское командование должно

[1] Сталинград 1942–1943. М., 1995. С. 14–15.

было лишиться черноморских портов и Черноморского флота. С этой целью, «*как только обозначится успех продвижения главных сил группы армий "А"*»[1], требовалось переправить через Керченский пролив предназначенные для этого части 11-й армии (румынский горнострелковый корпус), чтобы затем нанести удар вдоль шоссе, идущего по Черноморскому побережью на юго-восток. Силами другой группировки, в которой сосредоточивались остальные егерские и горнострелковые дивизии, предполагалось овладеть переправой через реку Кубань и гористым районом Майкоп – Армавир. Эта боевая группа, подлежавшая усилению своевременно подброшенными горными частями, в ходе своего дальнейшего продвижения к западной части Кавказа должна была использовать все доступные горные проходы и таким образом, во взаимодействии с силами 11-й армии, захватить Черноморское побережье. Одновременно группировка, имевшая в своем составе главным образом танковые и моторизованные соединения, выделив фланговые прикрытия с востока, должна была овладеть районом Грозного и частью сил перерезать Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги, прилагая максимум усилий для захвата перевалов. Вслед за этим наступлением вдоль побережья Каспийского моря предполагался захват Баку. Группа армий «А» могла рассчитывать в дальнейшем на усиление ее итальянским альпийским корпусом. Эти операции группы армий «А» получили кодовое наименование «Эдельвейс».

Группа армий «Б» имела своей задачей, согласно директиве, наряду с созданием линии обороны по реке Дон, ударом на Сталинград разгромить формировавшуюся там советскую группировку, захватить город, перерезать сухопутный перешеек между Доном и Волгой и нарушить стратегически важные перевозки по реке. Вслед за этим предполагалось направить танковые и моторизованные соединения вдоль Волги с задачей продвинуться до Астрахани и также парализовать движение по главному руслу реки. Эти операции группы армий «Б» получили кодовое наименование «Фишрейер» («Серая цапля»).

Задача германской авиации заключалась в том, чтобы сначала крупными соединениями поддержать форсирование сухопутными войсками реки Дон, а затем оказать поддержку восточной группировке войск, наступавшей вдоль железной дороги на Тихорецк. После этого была необходима концентрация главных сил авиации для уничтожения армий С.К. Тимошенко. Наряду с этим следовало поддерживать наступление группы армий «Б» на Сталинград и Астрахань. Особое значение при этом придавалось заблаговременному разрушению города Сталинграда. Кроме

[1] Сталинград 1942–1943. М., 1995. С. 14–15.

того, директива предписывала эпизодически осуществлять налеты на Астрахань; минированием с воздуха нарушать судоходство в нижнем течении Волги. В ходе дальнейшего проведения операции авиация должна была осуществлять взаимодействие с силами, наступавшими на черноморские порты, причем наряду с непосредственной поддержкой сухопутных войск требовалось во взаимодействии с военно-морским флотом препятствовать действию советских военно-морских сил. Во вторую очередь предусматривалось выделение достаточных сил для взаимодействия в наступлении через Грозный на Баку. Ввиду решающего значения добычи нефти на Кавказе для дальнейшего ведения войны налеты авиации на расположенные там нефтепромыслы и крупные нефтехранилища, а также на перевалочные пункты на Чёрном море следовало производить только в тех случаях, когда этого требовали операции сухопутных войск. Однако чтобы быстрее лишить СССР подвоза нефти с Кавказа, особенно важным признавалось своевременно парализовать движение на еще использовавшихся участках железных дорог, перерезать нефтепроводы и водные коммуникации на Каспийском море.

Военно-морскому флоту Германии ставилась задача наряду с непосредственной поддержкой сухопутных войск при форсировании Керченского пролива всеми своими силами на Черном море препятствовать советским действиям с моря, направленным против операций на Черноморском побережье. Для облегчения снабжения сухопутных войск следовало по возможности скорейшим образом доставить в Керченский пролив и на реку Дон несколько паромов. Кроме того, от штаба военно-морских сил Германии (ОКМ) требовалось начать подготовку к боевому использованию легких военных судов в Каспийском море с целью нарушения советских морских коммуникаций («*перевозок нефти и связи с англосаксами в Иране*»)[1].

Только чрезмерно оптимистическая оценка ситуации могла придать этой фантазии фюрера статус плана операций германских вооруженных сил на лето 1942 г. Начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер не хотел верить ни своим глазам, ни своим ушам. Кадровый штабной офицер с большим опытом оперативной работы, он не мог поддержать эту ошибку стратегического масштаба. Гальдер мысленно просматривал всю июльскую цепочку импровизаций фюрера: снятие с поста командующего группой армий «Б» генерал-фельдмаршала Ф. фон Бока 13 июля, переподчинение 4-й танковой армии группе армий «А» в тот же день, изменение приоритетов в большой излучине Дона, а именно стягивание подвижных соединений

[1] Сталинград 1942–1943. М., 1995. С. 14–15.

1-й и 4-й танковых армий Э. Клейста и Г. Гота к нижнему течению Дона с целью окружения главных сил Южного фронта севернее Ростова-на-Дону, создание новых групп армий, – всё это делалось без согласования с ОКХ и во многом против позиции Верховного командования.

Передача Гитлером 4-й танковой армии из группы армий «Б» на кавказское направление, в группу армий «А», вызвала перемешивание в движении танковых частей и соединений, заторы на дорогах, сумятицу в снабжении двух танковых армий. Получив 13 июля приказ о передаче в подчинение командованию группы армий «А» 4-й танковой армии и 51-го армейского корпуса, фельдмаршал В. Лист, по свидетельству очевидцев, долго его перечитывал, не веря своим глазам. В результате Клейст и Гот прибыли к донским переправам в нижнем течении Дона почти одновременно – и непонятно зачем, поскольку на северном берегу Дона больших группировок советских войск уже не было. Едкий в своих высказываниях Клейст утверждал, что «*4-я танковая армия Гота могла взять Сталинград без борьбы в конце июля, но ее придали мне для форсирования Дона. Я не нуждался в помощи, и эта армия просто запрудила дороги, в которых я очень нуждался*»[1]. Обе танковые армии растянулись вширь, вдоль берега Дона, в поисках мостов или понтонных переправ.

Вечером 23 июля Гальдер записал в своем «Военном дневнике»: «*Доклад у фюрера: после того как он 17 июля против моего желания сам приказал сосредоточить подвижные соединения и бросить их на Ростов, а 21 июля потребовал передачи 24-й танковой дивизии в 6-ю армию, даже дилетанту становится ясно, что под Ростовом стянуты все подвижные силы неизвестно зачем, в то время как на внешнем крыле у Цимлянской, то есть на очень важном участке, наши силы истощены* (*весьма слабы*). *Я предупреждал о том и другом. А теперь, вместо того чтобы по-настоящему взяться за дело и вытащить его, он снова в припадке бешенства швыряет руководству самые серьезные упреки. Всегда наблюдавшаяся недооценка возможностей противника принимает постепенно гротескные формы и становится опасной. Всё это выше человеческих сил. О серьезной работе теперь не может быть и речи*»[2].

Гитлер и его окружение из ОКВ, сильно переоценив свои успехи в большой излучине Дона в первые три недели наступления, посчитали, что тринадцати дивизий 6-й полевой армии Ф. Паулюса достаточно для овладения

---

[1] *Уткин А.И.* Вторая мировая война. М., 2002. 864 с.

[2] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3. В 2 кн. Кн. 2. От начала Восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941–24.09.1942). М., 1971. С. 303–304.

районом Сталинграда. Но первые же бои 17–19 июля на рубеже рек Чир и Цимла с передовыми отрядами 62-й и 64-й советских армий развеяли надежды на беспрепятственное преследование разбитого и бежавшего за Волгу противника. Паулюсу, чтобы сломить сопротивление советских войск, пришлось развернуть пять дивизий из тринадцати и затратить 5 суток на борьбу с ними. К 21 июля дивизии 6-й полевой армии подошли к главной полосе обороны войск Сталинградского фронта. Сопротивление передовых отрядов 62-й и 64-й армий заставило немецкое командование усилить 6-ю полевую армию. К 22 июля в ней было уже 18 дивизий.

Переподчинение и передача подвижных соединений из одной группы армий в другую ослабили дисциплину в очередности на переправах и пунктах снабжения. Командный танк Клейста пересек Дон 25 июля, но переправа, дозаправка и взрыв плотины Веселовского гидроузла на Маныче позволили большинству его танков перейти через Дон только 27–29 июля. «Счастье» фельдмаршала В. Листа, в течение десяти суток имевшего в подчинении две танковые армии, было, однако, недолгим. Согласно задачам, объявленным в директиве № 45, 4-ю танковую армию изъяли из состава группы армий «А» и передали обратно в группу армий «Б», при этом 3-я, 23-я танковые, 16-я моторизованная дивизии, управление 40-го танкового корпуса остались в 1-й танковой армии. От Клейста Готу переходила 14-я танковая дивизия. По приказу Главного командования сухопутных войск 4-я танковая армия вышла из состава группы армий «А» в следующем составе: 48-й танковый корпус (14-я танковая, 29-я моторизованная дивизии), 4-й армейский корпус (94-я и 371-я пехотные дивизии), 6-й румынский армейский корпус (1, 2, 4, 20-я пехотные дивизии).

В телеграмме, направленной в штаб 4-й танковой армии, В. Лист поблагодарил войска и командование армии и выразил надежду на скорое возвращение танкистов Г. Гота в состав группы армий «А»: «*В связи с уходом 4-й танковой армии из района группы армий “А” я еще раз выношу ей благодарность как за хорошее руководство, так и за выдающиеся успехи частей. Совершив блестящий прорыв, армии удалось наголову разбить противника. Перед армией стоит теперь новая тяжелая задача, выполнение которой должно одновременно обеспечить тыловое прикрытие группы армий “А”. Я желаю армии успешно выполнить также и эту задачу и надеюсь по выполнению ее снова увидеть армию в составе группы армий “А”. Главнокомандующий группы армий “А” Лист – генерал-фельдмаршал*»[1].

4-я танковая армия Гота перешла в наступление 29 июля от станицы Цимлянской в направлении Котельниково, с выходом на южные пред-

[1] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 282. Л. 6–7.

местья Сталинграда. Паулюс остался в донской степи с пустыми баками танков 14-го моторизованного корпуса, наблюдая, как арьергарды советских войск уходили на восток, к переправам у Калача и хутора Вертячего. Было потеряно бесценное время, упущен ослабленный противник, в излучину Дона выдвинулись и окапывались две резервные советские армии. Для броска на Сталинград, до которого оставалось 80 км, требовалась новая перегруппировка войск. Гитлер невозмутимо отодвинул предоставленные ему начальником Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковником Гальдером данные о многочисленных резервах Красной армии за Волгой. Взятие Ростова и прорыв на Кавказ казались Гитлеру важнее всех заволжских призрачных угроз. Он приказал «победителю Севастополя», свежеиспеченному генерал-фельдмаршалу Э. фон Манштейну с пятью дивизиями и полевым управлением 11-й армии, со всей тяжелой артиллерией переместиться из Крыма под Ленинград, в Синявинские болота. Две элитные моторизованные дивизии – «Гроссдойчланд» (Великая Германия) и «Лейбштандарт СС “Адольф Гитлер”» – были переведены фактически на отдых во Францию. 22-я танковая дивизия, обескровленная в боях за Ростов-на-Дону, выведена в резерв ОКХ для приведения в порядок и пополнения материальной частью, в первую очередь танками. В районе Воронежа остались 9-я и 11-я танковые дивизии.

Ф. Гальдер попытался объяснить фюреру, что именно в этих местах, вокруг Царицына, Сталин сражался в 1919 г. против белых армий генерала Деникина и победил. Теперь прежняя главная база красных на Волге носила имя Сталина. Выбор Сталинграда в качестве стратегической цели произошел случайно. Гитлеру доложили, что, согласно данным разведки, у русских на западном берегу Волги насчитывалось совсем немного войск. Согласно оценкам Верховного командования вооруженных сил Германии и данным авиаразведки, между Доном и Волгой имелись только полевые оборонительные укрепления и лишь несколько батальонов возводили в необъятной степи противотанковые заграждения. Все это привело Гитлера к мысли, что Красная армия не собиралась упорно сражаться за город на Волге. 6-й армии Паулюса было приказано взять Сталинград как можно скорее, уничтожить военные предприятия города, не допустить перевозок водным транспортом по Волге, после чего присоединиться к решению больших задач на Кавказе.

Группа армий «А», в состав которой, помимо немецких, входили румынские и словацкие соединения, начала операцию «Эдельвейс» 25 июля. Чтобы пробить советскую оборону, ей понадобилось несколько суток. Она быстро пересекла Сальские степи и ринулась на Кубань. Какие же силы

оставил генерал-фельдмаршалу В. Листу верховный главнокомандующий Третьего рейха А. Гитлер для успешного решения стратегических задач по захвату основных центров нефтедобычи в районах Майкопа, Грозного, Баку, для прорыва в Закавказье и Иран, для захвата нефтяных месторождений в зоне Персидского залива?

Целесообразно рассмотреть подробнее вопрос о силах и средствах войск группы армий «А» на начальной стадии операции «Эдельвейс», в июле – сентябре 1942 г. Уже более полувека, сначала в советской, а затем и в новейшей российской историографии, устойчиво кочуют одни и те же цифры личного состава и боевой техники группы армий «А» в битве за Кавказ на 25 июля 1942 г.: 167 тыс. чел., 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до 1000 самолетов[1]. Указывается и конкретный состав группы армий «А», задействованный в операции «Эдельвейс»: 13 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованные, 3 кавалерийские дивизии – всего 25 дивизий. Эти данные приводятся в книге А.А. Гречко «Битва за Кавказ»[2]. В пятом томе фундаментальной «Истории второй мировой войны 1939–1945 гг.» указывается, что в группе армий «А» была 41 дивизия и две бригады[3]. В.В. Бешанов в своем исследовании указывает 40 дивизий: 18 пехотных, 4 танковые, 3 моторизованные, 6 горнострелковых, 3 легкопехотные, 4 кавалерийские и 2 охранные[4]. При этом у всех авторов численность личного состава группы армий «А» составляет 167 000 человек. В результате несложных вычислений получается, что в среднем в каждой дивизии группы армий «А» на 25 июля 1942 г. находилось на котловом довольствии от 6680 до 3976 солдат и офицеров. Но при этом во всех отечественных и зарубежных изданиях подчеркивается, что к началу летнего наступления – 28 июня 1942 г. – противник довел численность личного состава дивизий группы армий «Юг» до 90–100 % от штатного (13–17 тыс. чел.).

Потери группы армий «Юг» (с 9 июля – групп армий «А» и «Б») в течение месяца (с 28 июня по 25 июля) составили около 33 тыс. чел., из них до 10 тыс. убитыми и пропавшими без вести. В расчете на одну дивизию – 344 чел. (104 чел. безвозвратных потерь), чуть более 2 % личного состава. Получается, что численность 25 дивизий группы армий «А» на 25 июля 1942 г. не могла составлять 167 000 чел. личного состава, она равнялась как минимум 375 000–380 000 чел. Так сколько же войск было летом 1942 г.

---

[1] Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. М., 1961. С. 166.

[2] *Гречко А.А.* Битва за Кавказ. М., 1971. С. 52.

[3] История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. М., 1975. С. 201.

[4] *Бешанов В.В.* «Год 1942 – «учебный». Минск, 2003. С. 212.

у командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала Вильгельма Листа на самом деле?

На 28 июня 1942 г. численность личного состава группы армий «Юг» составляла: 2-я полевая армия (генерал-полковник Максимилиан фон Вейхс) – 175 209 чел.; 4-я танковая армия (генерал-полковник Герман Гот) – 141 013 чел.; 6-я полевая армия (генерал-лейтенант Фридрих Паулюс) – 320 929 чел.; 1-я танковая армия (генерал-полковник Эвальд фон Клейст) – 170 515 чел.; 17-я полевая армия (генерал-полковник Рихард Руофф) – 167 521 чел.; 11-я полевая армия (генерал-фельдмаршал (с 1 июля) Э. фон Манштейн) – 166 010 человек. Итого в группе армий «Юг» насчитывалось 1 141 197 человек[1]. Советские и российские источники указывают другие данные по численности войск Германии и ее союзников – 900 000 человек. Войска противника имели 1263 танка, 17 035 орудий и минометов, 1640 самолетов[2].

7 июля 1942 г. группа армий «Юг» была разделена на две части. Группу армий «Б» (генерал-фельдмаршал Федор фон Бок) составили 2-я и 6-я полевые, 4-я танковая немецкие армии, 2-я венгерская (генерал-полковник Густав Яни) и 8-я итальянская (генерал армии Итало Гарибальди) армии. Численность этой группы на начало августа 1942 г. составляла: 2-я полевая армия – 268 126 чел.; 6-я полевая армия – 256 500 чел.; 4-я танковая армия – 105 792 чел. личного состава. 29-й немецкий армейский корпус, действовавший в составе 8-й итальянской армии, имел две пехотных дивизии и корпусные части общей численностью 29 675 человек. В сумме численность немецких войск составила 660 093 человек. Со стороны союзников: 2-я венгерская армия (3, 4, 7-й армейские корпуса и 1-я танковая дивизия) имела 205 000 чел. личного состава, 107 легких танков, 90 боевых самолетов. В 8-й итальянской армии (Альпийский, 2-й и 35-й армейские корпуса), занявшей в августе полосу протяженностью 180 км от Павловска до Вёшенской, насчитывалось 229 000 чел. личного состава, а также 2065 орудий и минометов, 75 танков и САУ, 64 боевых самолета. Итого в группе армий «Б» насчитывалось 1 094 093 чел.

Численность личного состава группы армий «А» на 1 августа 1942 г. составляла: 1-я танковая армия – 155 848 чел.; 17-я полевая армия – 202 040 чел., 11-я полевая армия (42-й немецкий армейский корпус, 46-я и 50-я пехотные дивизии) и румынский корпус (10-я и 19-я пехотные, 3-я горнострелковая дивизии) – 102 527 чел. Итого в группе армий «А»

---

[1] Среднемесячная численность немецких армий в 1941–1942 гг. URL: http://www.vif2ne.ru/nvk/forum/0/archive/1807/1807787.htm (дата обращения: 22.11.2016).

[2] Сталинградская битва. Хроника. Факты. Люди. Кн. 1-я. М., 2002. С. 17.

насчитывалось 460 415 чел. (см. приложение 8)[1]. При этом не учтена численность 3-й румынской армии генерал-полковника Петре Думитреску, которая в составе 1-го армейского (2-я горнострелковая и 9-я кавалерийская дивизии) и 2-го кавалерийского (5-я и 6-я кавалерийские дивизии) корпусов воевала в полосе 17-й полевой армии на Таманском полуострове. В составе 57-го танкового корпуса 17-й полевой армии вела боевые действия Словацкая подвижная дивизия, имевшая свыше 8800 человек. Командующий группой армий «А» сообщал Главному командованию сухопутных армий следующие сведения об общей численности группы по состоянию на 1 августа 1942 г: всего 467 936 чел., из них 12 719 офицеров, 3898 чиновников, 72 817 унтер-офицеров, 378 502 рядовых. Командование группы армий «А» передало Главному командованию сухопутных войск о недостатке 55 628 офицеров, унтер-офицеров и рядовых[2].

Согласно записям в журнале боевых действий группы армий «А» за август 1942 г., среднесуточная численность немецких войск и войск союзников составляла около 500 000 человек[3]. К 31 июля силы группы армий «А» составляли 17-я полевая и 1-я танковая армии. В 17-ю армию входили 5-й армейский корпус в составе 125-й и 198-й пехотных дивизий, 49-й горнострелковый корпус в составе 1-й и 4-й горно-егерских, 9-й и 73-й пехотных дивизий. В оперативном подчинении генерал-полковника Руоффа находилась 3-я румынская армия в составе 1-го армейского корпуса, включавшего 2-ю румынскую горнострелковую и 298-ю немецкую пехотную дивизии, 9-ю румынскую кавалерийскую дивизию, а также 2-й кавалерийский корпус, включавший 5-ю и 6-ю румынские кавалерийские дивизии. Таким образом, к 1 августа 1942 г. в составе 17-й полевой армии было 11 немецких и румынских дивизий. В подчинении командующего 1-й танковой армии генерал-полковника Клейста находились 40-й танковый корпус, включавший 3-ю и 23-ю танковые дивизии, 44-й армейский корпус, включавший 97-ю и 101-ю егерские дивизии, 3-й танковый корпус, включавший 13-ю танковую и 16-ю моторизованные дивизии, 57-й танковый корпус, включавший 5-ю дивизию СС «Викинг» и Словацкую моторизованные дивизии, 52-й армейский корпус, включавший 111-ю и 370-ю пехотные дивизии. Всего 10 дивизий. В сумме в 17-й полевой и 1-й танковой армиях насчитывалась 21 дивизия, а также 444-я и 454-я охранные дивизии. В Крыму дислоцировались: 42-й армейский корпус, включавший 46-ю и 50-ю пехотные дивизии

---

[1] Среднемесячная численность немецких армий в 1941–42 гг. URL: http://www.vif2ne.ru/nvk/forum/0/archive/1807/1807787.htm (дата обращения: 22.11.2016).

[2] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 475. Д. 198. Л. 106, 127.

[3] Там же. Л. 3–295.

вермахта и румынский горнострелковый корпус, включавший 3-ю горнострелковую, 10-ю и 19-ю пехотные дивизии, готовые десантироваться на Тамань через Керченский пролив, подчинявшиеся командованию группы армий «А». Моторизованная дивизия «Великая Германия» до 12 августа «зачищала» обширный степной район между реками Дон и Маныч[1]. Из Крыма в ночь на 3 сентября начали переправу через Керченский пролив 46-я немецкая пехотная и 3-я румынская горнострелковая дивизии, вступившие в бой на Таманском полуострове через несколько дней. Итого в состав группы армий «А» на 26 июля входили 37 дивизий, но никак не 25 и тем более не 42 дивизии.

К началу операции «Эдельвейс», к моменту наступления вермахта с рубежа реки Дон на Кавказ, самым весомым аргументом генерал-фельдмаршала Листа были подвижные соединения. На 25 июля четыре танковые (3, 13, 14, 23-я) и четыре моторизованные (5-я СС «Викинг», 16-я, 29-я, Словацкая) дивизии группы армий «А» имели 425 боеготовых танков. К 31 июля 4-я танковая армия генерала Гота повернула вдоль железной дороги Сальск – Котельниково на Сталинград. В состав ее 48-го танкового корпуса входили 14-я танковая и 29-я моторизованная дивизии, в которых накануне наступления, 28 июня, насчитывалось соответственно 102 и 58 танков, всего 160 единиц бронетехники. Потери танков, боевые и технические, не учитываются, хотя за месяц непрерывных боевых действий они были значительными. В моторизованной дивизии «Великая Германия», которую также вывели из состава группы армий «А» и отправили в Германию, насчитывалось 32 танка и 21 штурмовое орудие. В 13-й танковой дивизии имелось на ходу 94 танка, в 23-й танковой – 55 танков, в 3-й танковой – 80 танков, в 5-й моторизованной дивизии СС «Викинг» – 44 танка, в 16-й моторизованной дивизии – 20 танков[2]. В 22-й танковой дивизии, отправленной после боев за Ростов в резерв ОКХ, а затем в группу армий «Б», сохранилось до 130 танков. Если суммировать все танки и самоходные штурмовые орудия в 3-м, 40-м и 57-м танковых корпусах 1-й танковой армии, то в итоге получится 674 танка и САУ, но никак не 1130, как это указывается во всех советских и современных российских исследованиях, справочниках и мемуарах. Непосредственно участвовали в начальной фазе наступлении на Кавказ 405 боеготовых танков в трех танковых дивизиях и 60 САУ StuG III в составе 191-го, 203-го, 210-го и 249-го отдельных дивизионов штурмовых орудий[3]. Получается, что вдвое (674, а не 1130) меньше танков и САУ, но зато почти втрое (500 000 чел., а не 167 000 чел.) больше солдат и офицеров.

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 198. Л. 7.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 475. Д. 198. Л. 28.

[3] Там же. Д. 199. Л. 12, 113.

Наличие парка боевых машин в танковых и моторизованных дивизиях группы армий «А» к началу наступления на Кавказ (операция «Эдельвейс») представлено в сводной таблице 9, в которую внесен также танковый батальон 287-го специального соединения (корпус «Фельми»), имевший на вооружении три роты чехословацких и роту немецких танков Т-3, с короткоствольной 50-мм пушкой. Итого в 1-й танковой армии насчитывалось 674 танка и САУ.

Таблица 9. Танковый парк группы армий «А» на 25 июля 1942 г.[1]

Тип танка	3-я тд	13-я тд	23-я тд	5-я мд СС	16-я мд	Словацкая мд	Корпус «Фельми»
T-II	25	15	27	12	10		
LT-38, LT-40						32/21	38
T-III (L-42)	66	41	50	12			12
T-III (L-60)	40	30	34	24	35		
T-IV (L-24)	21	12	17	4			
T-IV (L-43)	12		10		8		
Командирские танки		5		1			
Итого	164	103	138	53	53	53	50
Отдельные дивизионы САУ							
	191-й д-н САУ		210-й д-н САУ		203-й д-н САУ	249-й д-н САУ	
САУ StuG III	15		21		14	10	

Примечание. В таблице используются следующие сокращения: тд – танковая дивизия, мд СС – моторизованная дивизия СС, д-н – дивизион.

Авиация люфтваффе на южном крыле советско-германского фронта, в полосе от Орла до Ростова-на-Дону, была представлена 4-м воздушным флотом из двух авиакорпусов общей численностью до 1000 боевых самолетов. По мере необходимости командование люфтваффе концентрировало истребители, бомбардировщики и штурмовики Ю-87 «Штука» на основных направлениях: под Воронежем, Ростовом-на-Дону, Сталинградом или на Северном Кавказе. Непосредственно на всем тысячекилометровом фронте, от Ростова-на-Дону до Махачкалы, в августе – октябре 1942 г. действовало до 230–250 самолетов противника, треть из которых составляли истребители.

[1] *Мощанский И.Б.* Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31декабря 1942 года. М., 2010. С. 38.

Исполняя директиву № 45, командующие группами армий «А» и «Б» генерал-фельдмаршалы М. фон Вейхс и В. Лист произвели перегруппировку войск, что потребовало и времени, и затрат дефицитного горючего. В течение трех суток, 23–25 июля, из состава группы армий «А» в состав группы армий «Б» были переданы управления 24-го и 48-го танковых корпусов, 22-я и 24-я танковые дивизии. В течение следующей недели на сталинградское направление последовали 14-я танковая и 29-я моторизованная дивизии, 11-й армейский корпус в составе 76-й и 295-й пехотных дивизий из 17-й полевой армии был выведен в резерв Главного командования сухопутных войск (ОКХ) и в последующем также отправлен под Сталинград. В большую излучину Дона были направлены прибывавшие из Италии соединения. Вскоре все 12 соединений 8-й итальянской армии, включая хорошо укомплектованный и подготовленный горнострелковый корпус, ранее запланированный для наступления на Кавказ, заняли оборону на Верхнем Дону. Оси наступления двух ударных группировок разошлись под прямым углом: одна – на юг, на Кавказ, другая – на восток, к Сталинграду[1].

Непрерывно удлинявшаяся линия фронта на юге СССР вынуждала высшее командование Третьего рейха прикрывать фланги немецких группировок войсками союзников: венгерской, итальянской, румынской армиями, – уступавшими вермахту качеством личного состава и вооружения. В июле – ноябре 1942 г. в состав группы армий «Б» прибыло 9 пехотных и 1 танковая дивизии 2-й венгерской королевской армии общей численностью 209 тыс. человек[2]. Между венгерскими и румынскими войсками по правому берегу Дона держали оборону 10 дивизий и 4 бригады 8-й итальянской армии – свыше 229 тыс. чел[3]. На флангах немецкой группировки под Сталинградом (6-я полевая и 4-я танковая армии) расположились 18 румынских дивизий, в которых после понесенных потерь оставалось 226,9 тыс. военнослужащих[4]. Здесь же воевал в составе 100-й егерской дивизии вермахта 369-й хорватский пехотный полк. Всего к середине

---

[1] *Исаев А.В.* Когда внезапности уже не было. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005. С. 53.

[2] *Филоненко Н.В.* Участие 2-й венгерской армии в летнем 1942 г. наступлении вермахта на южном участке советско-германского фронта // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Т. 13. Вып. 15. С. 187–194. С. 185.

[3] *Сафронов В.Г.* Итальянские войска на Восточном фронте 1941–1943 гг. М., 2012. С. 92.

[4] *Левит Н.Э.* Вступление Румынии в войну против Советского Союза // Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 194.

ноября войска союзников в группе армий «Б» имели 38 дивизий, 3 бригады и усиленный полк с общей численностью личного состава 670 тыс. чел. Немецкие сухопутные войска группы армий «Б» составляли 39 дивизий и 1 бригаду, т.е. примерно половину всей группировки[1].

Интересна динамика наращивания сил групп армий «А» и «Б» в августе – ноябре 1942 г. На 12 августа 1942 г. группа армий «Б» насчитывала 61 дивизию, из этого числа 3 охранных, 3 бригады и 2 отдельных полка[2]. На 22 декабря в подчинении командования группы армий «Б» и «Дон» находилось около 100 соединений. В составе группы армий «А» в начале августа насчитывалось, с учетом группировки в Крыму, 37 соединений. На 22 декабря 1942 г. – только 32 соединения, в том числе 8 румынских дивизий и 1 словацкая дивизия[3]. Фактически в течение августа – октября 1-я танковая и 17-я полевая армии были усилены 50-й пехотной дивизией и особым корпусом «Ф» (численностью до мотопехотной бригады), 3-й горнострелковой и 10-й пехотной румынскими дивизиями, т.е. всего 3,5 дивизий. За это время только 6-я полевая армия Ф. Паулюса получила, помимо большого количества инженерно-саперных батальонов и артиллерийских частей РГК, 7 пехотных и 2 танковые дивизии, в три раза больше, чем вся группа армий «А» на Северном Кавказе.

Представляет интерес динамика потерь и получаемого пополнения групп армий «А» и «Б» в июле – сентябре и в октябре – декабре 1942 г. В третьем квартале потери Германии на южном крыле Восточного фронта составили 281 800 военнослужащих, а пополнение – только 140 750 чел.[4] В четвертом квартале потери на юге составили 199 700 чел., а вот в качестве пополнения из армии резерва поступило лишь 89 600 чел.[5] Некомплект в соединениях стали покрывать за счет «хиви» (добровольных помощников). К моменту окружения только в 6-й полевой армии Паулюса их насчитывалось 19 300 человек[6].

Одной из причин рокового решения Гитлера, оформленного в директиве № 45, помимо «головокружения от успехов» на южном крыле Восточного фронта, могли стать опасения фюрера, связанные с возможной высадкой войск Англии и США в Европе, открытием второго фронта. Немецкая агентурная разведка докладывала руководству рейха об интенсивных

[1] Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. Кн. вторая. М., 2002. С. 10.

[2] *Мюллер-Гиллебрандт Б.* Сухопутная армия Германии. 1939–1945. М., 2003. С. 782.

[3] Там же. С. 784–786.

[4] Там же. С. 350.

[5] Там же. С. 354.

[6] *Исаев А.В.* Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008. С. 409.

переговорах Сталина, Черчилля и Рузвельта об открытии второго фронта в Европе. Еще 9 июля Гитлер подписал приказ ОКВ № 551213/42, в преамбуле которого говорилось: «*Быстрые и громадные успехи на Востоке могут поставить Англию перед альтернативой: или немедленно предпринять крупную десантную операцию для открытия второго фронта, или потерять Советскую Россию как политический и военный фактор. Поэтому с большой вероятностью следует считаться с тем, что вскоре состоится высадка противника в зоне командования Запада*»[1]. Практическими действиями штаба оперативного руководства (ОКВ) стали решения о переброске в Западную Европу элитных соединений СС «Лейбштандарт “Адольф Гитлер”» и «Рейх», 22-й и 257-й пехотных дивизий из группы армий «А», формирований 38, 39 и 65-й пехотных дивизий и переброске их во Францию. Десять резервных дивизий (148, 156, 157, 158, 159, 165, 171, 182, 189, 191-я) были подчинены командованию 64, 66 и 67-го армейских корпусов и переброшены в Западную Европу. Из состава люфтваффе с Восточного фронта на западный театр военных действий в июле 1942 г. были переброшены также две авиагруппы бомбардировочной авиации.

Таким образом, в основе ошибочного решения Гитлера, оформленного в оперативной директиве № 45, лежал сложный комплекс причин, требующих дальнейшего исследования.

4.2. Жернова Сталинграда (сентябрь 1942 г. – февраль 1943 г.)

В сентябре 1942 г. основные военные события развернулись вокруг города, носившего имя Сталина. В рамках запланированного Гитлером похода за нефтью главное значение Сталинграда заключалось в том, что он являлся важнейшим транспортным узлом: по Нижней Волге перевозились ленд-лизовские грузы, обеспечивавшие фронт всем необходимым, в другую сторону, на Кавказ, шли боевые подкрепления. Стремление вермахта захватить Сталинград объяснялось также экономическими и политическими факторами.

В воскресенье 23 августа ударная группировка 6-й армии Паулюса в составе 14-го танкового и 8-го армейского корпусов перешла в наступление с плацдарма на левом берегу Дона в районе хуторов Вертячего и Песковатки. С воздуха прорыв танковых колонн генерала фон Виттерсгейма поддерживали пикирующие бомбардировщики Ю-87 «Штука». К 17:00

[1] *Мюллер-Гиллебрандт Б.* Сухопутная армия Германии. 1939–1945. С. 346–347.

немецкие танки вышли к Волге севернее Сталинграда в районе поселков Латашинка и Рынок, оказавшись в 2–3 км от окраин тракторного завода[1]. От Дона до Волги протянулся 60-километровый коридор шириной 8 км, разрезавший Сталинградский и Юго-Западный фронты. В 16:18 23 августа 4-й воздушный флот генерал-полковника Вольфрама Рихтгофена начал массированные бомбардировки Сталинграда, совершив до 2000 самолетовылетов. Город был разрушен, погибли десятки тысяч мирных жителей.

Через неделю начались бои непосредственно в Сталинграде и его пригородах. Отрезанная от главных сил фронта, 62-я армия в тяжелых боях удержала северную и западную окраины города, не позволив Паулюсу сходу овладеть Сталинградом. 25 августа штаб городского комитета обороны во главе с первым секретарем обкома ВКП(б) А.С. Чуяновым объявил о введении в Сталинграде осадного положения. 29 августа 4-я танковая армия Г. Гота, наступая с юга, прорвала фронт 64-й армии. С потерями войска армии отошли на рубеж обороны по реке Червленой. В этот же день под Сталинград прибыл представитель Ставки ВГК генерал армии Г.К. Жуков. Ставка направила из своего резерва к месту прорыва севернее Сталинграда 24-ю и 66-ю армии, пополнила 1-ю гвардейскую армию. 3 сентября Жукову позвонил Сталин. Верховный главнокомандующий был краток: «*Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группировка войск не окажет немедленной помощи. Потребуйте от командующих войсками, стоящими к северу и северо-западу, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь сталинградцам*»[2]. На Жукова было возложено непосредственное руководство всеми войсками, призванными ликвидировать прорыв к Волге вермахта и восстановить советскую оборону.

Для наступления севернее Сталинграда привлекались войска 1-й гвардейской армии генерал-майора И.М. Чистякова (38, 39, 41-я гвардейские, 24, 64, 84, 116, 315-я стрелковые дивизии, 4, 7, 16-й танковые корпуса), 24-я армия генерал-майора Д.Т. Козлова (173, 207, 221, 292, 308-я стрелковые дивизии, 217-я танковая бригада), 66-я армия генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского (49, 99, 120, 231, 299-я стрелковые дивизии, 10, 69, 148, 246-я танковые бригады). Часть этих войск (24, 64, 84, 315-я стрелковые дивизии, 4-й и 16-й танковые корпуса) уже десять дней вели боевые действия в составе группы генерал-майора К.А. Коваленко и понесли большие потери. Уцелевшую матчасть танковых корпусов пришлось свести в две сводные танковые бригады. Фактически не было гаубичной артиллерии,

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072 с. Д. 8. Л. 248–249.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 136. Л. 21.

а пехота совершала своим ходом изнурительные марш-броски и сходу вводилась в бой.

3 сентября, без артиллерийского усиления и без прикрытия с воздуха истребительной авиацией, 1-я гвардейская армия была брошена в наступление в направлении совхоз Котлубань – Самофаловка – Гумрак. Немцы сорвали атаку упреждающим артиллерийско-минометным огнем и массированными бомбо-штурмовыми ударами авиации. 5 сентября, сразу после 50-километрового изнурительного марша, в наступление перешли войска 24-й и 66-й армий. 18 стрелковых дивизий и 13 танковых бригад на фронте в 40 км атаковали части 16-й танковой, 3-й и 60-й моторизованной (шесть полков мотопехоты и два танковых полка) дивизий, часть сил 76-й пехотной дивизии. Девять дней, с 3 до 12 сентября включительно, советские войска атаковали в лоб немецкие опорные пункты у хуторов Бородкин и Кузьмичи, разъезда 584 км, неся огромные потери от артиллерийско-минометного огня и штурмовых ударов авиации противника. Так, 7-й танковый корпус потерял 156 танков из 191, которые имелись перед наступлением. Потери стрелковых дивизий, главным образом пехоты, «активных штыков», составляли в среднем по 4000 чел. на каждую дивизию[1].

После провала первого наступления советское командование немедленно подготовило новое. Прибывавшие на Воронежский фронт из резерва Ставки ВГК 233, 258, 260, 273-я стрелковые дивизии были повернуты под Сталинград, срочно пополнены бронетехникой танковые корпуса и бригады. Главный удар наносился в стык 8-го армейского и 14-го танкового немецких корпусов в направлении Гумрак – Городище. 21-й армии генерал-майора А.И. Данилова ставилась задача по захвату и расширению плацдармов на Дону в районе Клетской, Серафимовича, Сиротинской. Для наступления были сосредоточены 20 стрелковых дивизий, 19 танковых бригад (до 600 танков), 12 артиллерийских и 1 минометный полки, 14 полков и 2 дивизиона реактивной артиллерии[2]. Наступление Сталинградского фронта с севера должен был поддержать Юго-Восточный фронт силами ударных группировок 62-й (три стрелковых дивизии и танковая бригада), 64-й (две стрелковых дивизии и 13-й танковый корпус) армий. С воздуха их прикрывали основные силы авиации 8-й воздушной армии.

18 сентября после получасовой артиллерийской подготовки советские войска пошли в наступление. В течение пяти суток днем и ночью шли ожесточенные бои, но прорвать оборону обескровленных четырех немецких дивизий так и не удалось. Атаки прекратили, когда атаковать было уже

---

[1] Сталинград. Цена победы. М.; СПб., 2005. С. 15.

[2] Там же. С. 17.

некому. Общие потери 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий Сталинградского фронта в сентябре составили 120 тыс. человек[1]. Наступление ударных групп Юго-Восточного фронта 19–20 сентября также не имело успеха. Безрезультатными были и действия 21-й армии на Серафимовичском плацдарме.

28 сентября был создан Донской фронт под командованием генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского, в состав которого вошли 21, 24, 63, 66, 1-я гвардейская, 4-я танковая армии. Юго-Восточный фронт ликвидировали, а его армии – 28, 51, 57 и 64-я – вместе с 62-й армией вошли в Сталинградский фронт генерал-полковника А.И. Ерёменко[2]. В связи с этим был произведен ряд кадровых перестановок в звене фронт – армия. Но смена руководства не изменила главной задачи – восстановления связи Донского фронта с защитниками Сталинграда. Представителем Ставки ВГК на Донском фронте оставался генерал армии Г.К. Жуков, на Сталинградском – генерал-полковник А.М. Василевский.

Наступление Сталинградского фронта южнее города силами семи стрелковых дивизий, танкового корпуса и отдельной танковой бригады началось 29 сентября и продолжалось шесть дней, до исхода 4 октября. Удалось захватить межозерное дефиле в районе озер Сарпа, Цаца и Барманцак, послужившее в ноябре плацдармом для южной ударной группировки в контрнаступлении под Сталинградом. Донской фронт, получив семь новых стрелковых дивизий, четыре танковых бригады и маршевое пополнение, 30 сентября в 5:00 перешел в наступление силами 1-й гвардейской, 65-й и 24-й армий. Лобовые атаки велись на немецкие опорные пункты на высотах в полосе Басаргино – Котлубань – Бородкин, подступы к которым были усеяны десятками тысяч трупов и остовами сгоревших танков после трехнедельных атак в сентябре. Через трое суток, 2 октября, наступление было прекращено из-за больших потерь в личном составе и боевой технике. Третья попытка советских войск ликвидировать 8-километровый разрыв между Донским фронтом и защитниками Сталинграда завершилась неудачей.

Через неделю, 9–10 октября, три армии Донского фронта – 1 гвардейская, 24 и 66-я, пополненные маршевыми ротами, предприняли еще одну попытку уничтожить 14-й танковый и 8-й армейский корпуса, но и она не принесла успеха. Остатки соединений и частей усиления 1-й гвардейской армии были переданы в 24-ю армию, а полевое управление выведено в резерв Ставки. 20 октября войска Донского фронта (13 стрелковых

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 72. Л. 85–86.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 262–263.

дивизий, 9 танковых и 2 мотострелковых бригады, 23 артиллерийских и минометных полка РГК, 12 полков реактивных систем – свыше 3000 орудий и минометов калибром 76 мм и выше, до 500 танков и 212 установок реактивной артиллерии, легендарных «катюш»[1]) начали новое наступление в рамках операция «Дон» после 30-минутной артподготовки и ударов штурмовой и бомбардировочной авиации. Атаки продолжались до 27 октября и были прекращены из-за огромных потерь пехоты и танков. Только личный состав каждой из стрелковых дивизий сократился на 4,5–5 тыс. человек. За месяц боев потери Донского фронта составили 59 969 человек[2].

Уличные бои в самом городе начались в начале сентября и уже не прекращались до завершения Сталинградской битвы 2 февраля 1943 г. Основную тяжесть этих городских боев вынесла 62-я армия, в командование которой 10 сентября вступил генерал-лейтенант В.И. Чуйков. Цель советских войск в оборонительном сражении заключалась в том, чтобы измотать и обескровить ударную группировку врага, создав условия для перехода от обороны к наступлению. В руинах Сталинграда немецкие войска утратили присущую им мобильность: танки не могли продвигаться среди каменных развалин. Бой шел за каждый дом, расстояние между противниками, как правило, не превышало 30 м, что порождало необходимость самостоятельных действий не только частей, но и небольших подразделений. Большой урон врагу нанесли советские снайперы. Для захвата того или иного объекта в 62-й армии создавались штурмовые группы, включавшие автоматчиков с гранатами, ножами и саперными лопатками, группы закрепления с пулеметами, минометами, противотанковыми пушками и резерв[3]. Свои штурмовые (ударные) группы, вооруженные автоматами, огнеметами, ручными гранатами и подрывными зарядами, стал создавать и противник[4]. Мощную поддержку малочисленным частям 62-й армии В.И. Чуйкова оказывала тяжелая артиллерия – 152-мм пушки-гаубицы МЛ-20 и другие орудия, а также полки реактивных минометов с левого берега Волги и ее островов. Противник также использовал тяжелую артиллерию для обстрела Сталинграда.

Не обращая внимания на потери, фашисты рвались к Волге. Перенеся основной удар на южную часть города, они бросили в атаку 7 дивизий, свыше 200 танков. 14 сентября немцы захватили стратегически важную

---

[1] Сталинград. Цена победы. С. 24.

[2] «Гриф секретности снят». Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 179.

[3] *Чуйков В.И.* От Сталинграда до Берлина. М., 1980. С. 206, 285–289.

[4] *Вельц Г.* Солдаты, которых предали. М., 1965. С. 69.

высоту 102 Мамаев курган, господствующую над центральной частью города и Волгой. 6-я армия Ф. Паулюса и 4-я танковая армия Г. Гота соединились в районе реки Царицы. Вся 62-я армия оказалась прижата к Волге в черте города и вела бои на крайне ограниченном пространстве в 40 км.

Сталинградская оборонительная операция – яркий пример удержания плацдарма в городе силами почти полностью изолированного советского гарнизона[1]. Войска в Сталинграде могли снабжаться только через Волгу под постоянными обстрелами и бомбардировками противника. В некоторой степени аналогом тяжелого противоборства у города на Волге может считаться оборона Брестской крепости в 1941 г.

Стягивание резервов и их концентрация для стремительного наступления советских войск, охватывавшего врага в кольцо, потребовали двух осенних месяцев. С середины сентября до середины ноября 1942 г., пока шли ожесточенные уличные бои, по отдельному плану проходила детальная подготовка контрнаступления, накапливались силы такого масштаба, чтобы нанести мощный удар по врагу. Крайне важно было сохранить резервы и не перебросить их раньше времени в истекавший кровью Сталинград. Ставка ВГК рассчитывала в ходе стремительного окружения кардинально изменить стратегическую обстановку на юге нашей страны. При этом стратегические резервы комплектовались с помощью разных комбинаций (войска прорыва и блокирования окруженной вражеской группировки), подчиненных заранее продуманному плану. В течение осени 1942 г. в действующую армию стали поступать в массовом количестве новые виды оружия: автоматы ППШ, противотанковые самозарядные ружья Симонова, гранаты РГД-42. Кроме того, в Сталинградской наступательной операции широко использовались автомобили, самолеты и танки, поставленные союзниками по антигитлеровской коалиции. Так, в 5-м механизированном корпусе насчитывался 191 танк, в том числе 114 Mk-3 «Валентайн» и 77 Mk-2 «Матильда».

К началу ноября 6-я армия Ф. Паулюса овладела практически всей территорией Сталинграда. Части 62-й армии РККА продолжали удерживать лишь несколько кварталов у берега Волги. Но и силы противника истощились. Важно отметить, что к 10 ноября 1942 г. войска вермахта на южном крыле советско-германского фронта почти повсеместно перешли к обороне, за исключением небольших участков в Сталинграде, Туапсе и Нальчике. Под несмолкаемый грохот сталинградских боев, в условиях максимальной скрытности и секретности шло сосредоточение огромных масс войск и десятков тысяч тонн боеприпасов, ГСМ, других видов материально-технического обеспечения для сокрушительного контрнаступления.

---

[1] *Исаев А.В.* Перелом 1942. Когда внезапности уже не было. М., 2012. С. 95.

Севернее и южнее Сталинграда было предусмотрено два выжидательных района для скрытого сосредоточения ударных группировок. Плацдарм южной ударной группировки находился в Заволжье, в плавнях дельты Волги (Капустин Яр, Черный Яр, Нижний Баскунчак, Соленый Баскунчак и др.). За 1–2 дня до начала операции резервные войска были переброшены в район озер Сарпа – Цаца – Барманцак (к северу от границ Калмыкии и южнее излучины Волги в районе Райгорода). Переброшенные части расположились за высоким восточным склоном Ергеней, что на некоторое время обеспечило их скрытность. Сосредоточение северной ударной группировки советских войск осуществлялось южнее Саратова, Камышина и в лесах Придонья. Только с 1 по 20 ноября через Волгу переправились в районы сосредоточения более 160 тыс. солдат, 600 орудий, 430 танков, 14 тыс. автомашин, 10 тыс. лошадей, 6,7 тыс. т боеприпасов, 4 тыс. т продовольствия, несколько тысяч тонн других грузов[1]. За сутки до наступления советские войска заняли исходные позиции на правом берегу Дона, на плацдармах у города Серафимовича и станицы Клетской. Все это обеспечило необходимые условия для успешного контрнаступления Юго-Западного и Донского фронтов. На участках прорыва были сконцентрированы ударные подвижные группы в составе пяти танковых и механизированных, трех кавалерийских корпусов, артиллерийские группы дальнего действия и гвардейские минометные части, зенитные артиллерийские полки. Передвижения советских войск в период подготовки контрнаступления под Сталинградом были замечены немцами. Начиная с середины октября командование группы армий «Б» получало сведения о концентрации советских войск южнее Саратова и северо-восточнее Сталинграда, но ничего не смогло противопоставить этому.

Стратегическим замыслом Ставки ВГК был предусмотрен ряд мероприятий, которые способствовали успеху советского наступления. К ноябрю 1942 г. были воссозданы ударные танковые объединения – танковые армии, а также отдельные танковые и механизированные корпуса. Внезапная атака наших войск западнее Дона из-за речной преграды лишила противника возможности быстро сманеврировать и своими резервами выйти навстречу наступавшим группировкам. Крайне важным оказался выбор направлений главных ударов, их внезапность, безошибочное определение слабых мест обороны противника на флангах сталинградской группировки, включавшей 6-ю полевую и 4-ю танковую армии вермахта, в районе Серафимовича и южнее Сталинграда, где располагались итальянские и румынские войска, уступавшие в боеспособности и вооружении немецким соединениям.

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 496. Д. 16. Л. 9.

Операция под кодовым названием «Уран» была разработана под руководством генерал-полковника А.М. Василевского и генерала армии Г.К. Жукова. Вначале мощный удар был нанесен 19 ноября с северного плацдарма войсками Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина. Вспомогательные удары наносил Донской фронт генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского. На следующий день, 20 ноября, войска Сталинградского фронта под командованием генерал-полковника А.И. Ерёменко пошли в наступление с юга. В соотношении сил и средств на участках прорыва значительный перевес был на стороне советских войск. Наступавшие с рубежа Сарпинских озер 4-й и 13-й механизированные корпуса представляли собой самые сильные на тот момент танковые соединения Красной армии.

Наиболее ответственный этап операции «Уран» завершился 23 ноября 1942 г. Юго-Западный и Сталинградский фронты при активной поддержке Донского фронта встретились в районе Калач – хутор Советский и замкнули кольцо окружения под Сталинградом. Однако район окружения оказался настолько велик, что не простреливался артиллерией. В окружении оказалось не 80–85 тыс. чел. (как предполагалось по данным фронтовой разведки), а почти 250 тыс. человек[1]. План операции не был полностью выполнен, так как не удалось сразу расчленить 6-ю армию на две части и уничтожить их. Враг смог использовать укрепления Сталинградского обвода[2] (см. рис. 11).

Запасы боеприпасов и продовольствия у 6-й армии сокращались, несмотря на попытки ее снабжения по воздуху и прорыва блокады, предпринятые группой армий «Дон» под командованием генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна. Только 10 января 1943 г. войскам Донского фронта удалось прорвать оборону противника и через 23 дня, 2 февраля 1943 г., принудить окруженную фашистскую армию капитулировать. Общие потери советских войск за 73 дня жестоких боев, с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г., составили 485 777 чел., в том числе 154 885 чел. – безвозвратные потери, а также 2915 танков, 3591 орудие и миномет, 706 боевых самолетов[3].

---

1 Сталинградская эпопея. М., 1968. С. 184.

2 Там же. С. 168.

3 Великая Отечественная война без грифа секретности. С. 346.

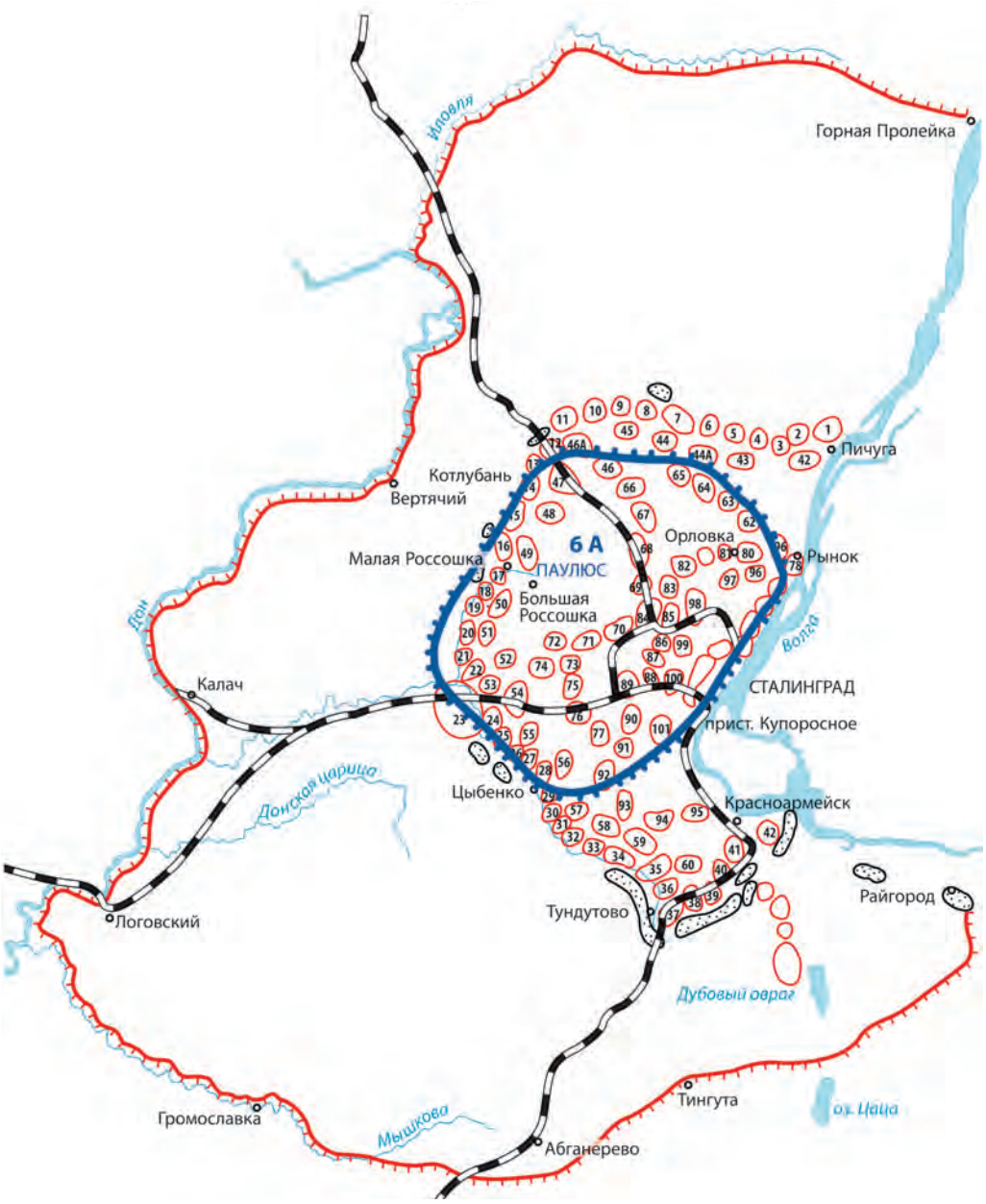

Рис. 11. Закрепление окруженных войск Паулюса на оборонительных обводах Сталинграда, построенных для советских войск[1]

[1] *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г.* Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). С. 198.

Поражение вермахта в Сталинграде стало началом перехода от стратегической обороны к стратегическому наступлению Красной армии в Великой Отечественной войне. Под Котельниково была разгромлена армейская группа «Гот» группы армий «Дон». Враг потерпел поражение на Среднем Дону. Далее войска Южного (бывшего Сталинградского) фронта развивали наступление в направлении на Ростов и Сальск, создавая реальную угрозу окружения всей северокавказской группировки вермахта. 24 января 1943 г. южнее Сальска конно-механизированные части Закавказского фронта соединились с 28-й армией Южного фронта. Объединенная группировка с боями продвигалась к дельте Дона.

Разгром под Сталинградом был одним из самых крупных поражений, которые потерпел вермахт во Второй мировой войне, а впереди, в 1943 г., его ожидали еще более серьезные испытания.

4.3. Экзамен на профпригодность, или Почему советские маршалы в мемуарах замалчивали операции РККА в большой излучине Дона в 1942–1943 гг.

В большой излучине Дона в июне 1942 г. – августе 1943 г. боевыми действиями руководили полевые управления 7 фронтов, 25 общевойсковых, 4 танковых и 5 воздушных армий. Только в июле – октябре 1942 г. командующие фронтами менялись 21 раз (на Брянском и Воронежском – четырежды, на Сталинградском – трижды). Командование армиями менялось 67 раз, причем в 21, 24, 9, 18, 62, 1-й гвардейской – четырежды, в 40, 57, 51, 2-й гвардейской – трижды[1]. Такой чехарды командующих на стратегическом и оперативном уровне не было ни до сражений в большой излучине Дона в 1942–1943 гг., ни после них. Произошел жесткий отбор военачальников РККА на профессиональную пригодность.

Аналогичный отбор в это же время (летом – осенью 1942 г.) провел Гитлер, отправивший в отставку командующих группами армий и армиями на южном крыле советско-германского фронта фельдмаршалов Ф. фон Бока, В. Листа, М. фон Вейхса, начальника генштаба ОКХ генерал-полковника Ф. Гальдера[2].

Анализ боевых действий в оборонительных и наступательных операциях лета и осени 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта приводит к выводу о невысоком качестве профессиональной подготовки

[1] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. Т. 16 (5–2). М., 1996.

[2] Энциклопедия Третьего рейха. 2-е изд. М., 2004.

командного состава РККА на оперативно-стратегическом уровне – уровне командующих армиями и фронтами. Наиболее показательные недостатки работы советских полководцев этого периода проявились в следующем:

– в неумении поддерживать непрерывную связь с войсками на передовой, с резервами и вышестоящими штабами;

– в отсутствии систематической разведки всех видов и как следствие – в незнании сил и средств противника, его планов и дальнейших действий;

– в неумении организовать тесное взаимодействие родов войск на поле боя (пехоты, артиллерии, танков, авиации, инженерно-саперных частей);

– в слабом маневрировании резервами, направленном на опережение действий противника;

– в неспособности организовать своевременное обеспечение вверенных войск всем необходимым для боя и поддержания высокой боеспособности соединений и частей (боеприпасами, продовольствием, ГСМ, медико-санитарной помощью), пополнение личного состава и ротацию войск на передовой.

Характерным недостатком в работе советских полководцев в летне-осенних сражениях 1942 г. на юге СССР оказалось неумение организовать и провести самый сложный вид боевых действий – отступление. Казалось бы, опыт первого года войны с его многодневными отходами на сотни километров, с многочисленными большими и малыми окружениями должен был послужить уроком как для войск, так и в первую очередь для командующих армиями и фронтами. Но этого не произошло. Харьковский котел, окружения под Купянском, у Старого Оскола, Горшечного, Миллерово, севернее Калача-на-Дону и Сальска, огромные потери личного состава и материальной части при отступлении армий Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов в июле 1942 г. – яркое свидетельство неусвоенного опыта 1941 г. Масштабы потерь в личном составе и вооружении в Воронежско-Ворошиловградской и Сталинградской стратегических оборонительных операциях свидетельствуют о невысокой эффективности действий советского генералитета на южном стратегическом направлении[1].

Изучение процессов становления советского генералитета в межвоенный период (1921–1941 гг.) дает достаточно ясное представление о том, как и из кого формировался высший комсостав Рабоче-крестьянской Красной армии[2]. Кузницей кадров будущих полководцев СССР стала Первая

---

[1] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010. С. 106, 109.

[2] Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940–1941 гг.: структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий: документы и материалы. М.; СПб., 2005.

мировая война (1914–1918 гг.), именовавшаяся в советский период «империалистической», а в памяти народов России оставшаяся как «Вторая Отечественная»[1].

После неудачной Русско-японской войны (1904–1905 гг.) в Российской империи были сделаны выводы, предприняты необходимые усилия для качественной подготовки командного состава всех уровней. Академия Генерального штаба, военные академии родов войск, военные училища готовили квалифицированный офицерский состав для Русской императорской армии. Учитывались передовой мировой опыт, научно-технические достижения, осуществлялось внедрение новых технических средств вооружений (скорострельное стрелковое и минометно-артиллерийское оружие, бронеавтомобили и автомобили, бронепоезда, авиация, телефонная и радиосвязь, боевые химические вещества и т.п.). Менялась структура частей и соединений, отрабатывались на командно-штабных и полевых учениях навыки ведения боя и операций. Менее чем за десятилетие был подготовлен достаточно квалифицированный командный состав тактического и оперативно-стратегического уровня.

Первая мировая война провела свой «естественный отбор». Кадровый офицерский корпус Русской императорской армии, получивший качественное военное образование, был почти полностью выбит за три военных года. К осени 1917 г. офицеры с военным образованием, полученным до войны, составляли 4 %, остальные 96 % были офицерами военного времени. При этом дворяне среди офицеров военного времени составляли 5 %, выходцы из крестьян – 80 %[2]. К концу 1917 г. основу офицерского корпуса бывшей Русской императорской армии составляли выпускники школ прапорщиков, которые создавались с осени 1914 г. по осень 1916 г., прошедшие 3–4-месячный курс обучения. С осени 1916 г. в школы прапорщиков принимали и с начальным образованием, а солдат-фронтовиков – хотя бы просто грамотных. Выпускники этих школ считались офицерами военного времени и не могли производиться в чины выше штабс-капитана, а после окончания войны подлежали немедленному увольнению в запас[3]. На практике этот запрет часто не соблюдался и многие из выпускников школ прапорщиков 1914–1916 гг. к концу 1917 г. имели чины капитана или даже подполковника. Всего в 1914–1917 гг. из школ прапорщиков было

---

[1] См.: *Krinko E.F., Khlynina T.P.* Milestones of Return of “Forgotten War”: Main Trends and Stages in the Development of Domestic Historiography of the First World // Былые годы. 2013. № 3 (33). С. 296–305 и др.

[2] *Свиридов В.* Время. Деньги. Знания // Армейский сборник. 2000. № 2. С. 66.

[3] Там же. С. 65.

выпущено 81 426 прапорщиков, на ускоренных курсах при военных училищах и Пажеском корпусе – 63 785 прапорщиков. Произведено в прапорщики на фронте за боевые отличия 11 494 солдата и унтер-офицера. Общее количество произведенных в прапорщики в 1914–1917 гг. составило 220 тыс. чел.[1]

Становится понятным, почему большинство офицеров Русской императорской армии вступили после революции в РККА. Они понимали, что в случае победы прежнего режима, реставрации дореволюционных порядков дальнейшая служба в армии для них будет закрыта и после увольнения с военной службы они в лучшем случае пополнят собой слои сельской интеллигенции и чиновничества, а в худшем – снова будут пахать землю. Именно эта категория унтер-офицеров и офицеров военного времени, 1890–1896 гг. рождения, выходцев из среднего крестьянства, с начальным и иногда неполным средним образованием, в 1920–1930 гг. составила основную часть командного состава РККА, а с июня 1940 г. и большинство ее генералов[2]. Социальное происхождение, воинское звание в Русской императорской армии, военное образование и занимаемые должности советских генералов, командующих фронтами и армиями в большой излучине Дона летом и осенью 1942 г. приведены в приложении 9.

Из 43 генералов, командующих фронтами и армиями в большой излучине Дона летом и осенью 1942 г., служили в Русской императорской армии:

– обер-офицерами – 5 чел. (М.А. Антонюк, В.И. Кузнецов, М.А. Рейтер, Ф.И. Толбухин, Н.Е. Чибисов);

– прапорщиками – 5 чел. (А.И. Данилов, Ф.А. Пархоменко, Н.П. Пухов, П.Л. Романенко, А.И. Рыжов);

– унтер-офицерами – 12 чел. (П.И. Батов, С.М. Будённый, В.Н. Гордов, А.И. Ерёменко, Д.Т. Козлов, В.Я. Колпакчи, Т.К. Коломиец, В.Д. Крючёнкин, Р.Я. Малиновский, М.А. Парсегов, К.К. Рокоссовский, И.К. Смирнов);

– рядовыми – 7 чел. (Я.И. Броуд, Ф.В. Камков, К.А. Коротеев, А.И. Лопатин, Д.Н. Никишов, Д.И. Рябышев, С.К. Тимошенко).

Не служили в Русской императорской армии 14 чел. (Н.Ф. Ватутин, И.В. Галанин, В.Ф. Герасименко, Ф.И. Голиков, А.А. Гречко, А.С. Жадов, Д.Д. Лелюшенко, А.И. Лизюков, В.Н. Марцинкевич, И.И. Масленников, К.С. Москаленко, М.М. Попов, И.Д. Черняховский, Ф.М. Харитонов). Всего из 43 генералов 29 (67 %) служили в Русской императорской армии, из них 17 (40 %) были прапорщиками и унтер-офицерами.

---

[1] *Свиридов В.* Время. Деньги. Знания. С. 66.

[2] Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь / под общ. ред. М.Г. Вожакина. М.; Жуковский, 2005.

К началу Великой Отечественной войны из этой группы генералов РККА получили высшее военное профессиональное образование (закончили Военную академию им. М.В. Фрунзе, Академию механизации и моторизации, Военно-хозяйственную академию, Артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского), в основном в 1920-х – начале 1930-х гг., 25 человек. Два высших военных образования (закончили Военную академию и Академию Генерального штаба) имели всего 3 человека. В то же время у 9 чел. военное образование ограничивалось курсами комсостава в 1920-е гг. (маршалы С.М. Будённый, С.К. Тимошенко, К.К. Рокоссовский, генералы Ф.И. Голиков, П.И. Батов, К.А. Коротеев, Ф.В. Камков, В.Н. Марцинкевич, В.Д. Крючёнкин). Вообще не имели специального военного образования 3 человека. Фактически только две трети из вышеуказанных советских генералов имели высшее военное профессиональное образование.

Для сравнения целесообразно привести краткие биографические данные немецких генералов, воевавших на южном крыле советско-германского фронта в 1942–1943 гг. (табл. 10).

Таблица 10. Немецкие генералы, воевавшие на южном крыле советско-германского фронта в 1942–1943 гг.[1]

Имя, фамилия	Военное образование	Участие и должность в Первой мировой войне	Звание и должность в 1942–1943 гг.
Федор фон Бок	Военная академия (1912)	начальник оперативного отдела штаба армии	генерал-фельдмаршал, командующий группой армий «Юг», снят с должности 13.07.1942
Зигмунд Вильгельм Лист	Военная академия (1912)	майор Генерального штаба	генерал-фельдмаршал, командующий группой армий «А», снят с должности 09.09.1942
Максимилиан фон Вейхс	Военная академия (1912)	начальник штаба пехотного корпуса	генерал-фельдмаршал, командующий группой армий «Б», снят с должности 10.07.1943
Эрих фон Манштейн	Военная академия (1914)	начальник штаба пехотной дивизии	генерал-фельдмаршал, командующий группой армий «Дон»

[1] *Залесский К.* Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование. М., 2005. С. 55–56, 81–83, 100, 151–153, 199–200, 238–242, 273–275, 281–282, 284–287, 325–327, 374–375, 496–497.

Окончание таблицы 10

Фридрих Паулюс	Военная академия (1924)	капитан Генерального штаба	генерал-фельдмаршал, командующий 6-й полевой армией, пленен 31.01.1943
Эвальд фон Клейст	Военная академия (1912)	ротмистр, начальник штаба пехотной дивизии	генерал-фельдмаршал, командующий группой армий «А»
Рихард Руоф	Военная академия (1912)	офицер Генерального штаба	генерал-полковник, командующий 17-й полевой армией; снят с должности 01.07.1943
Герман Гот	Военная академия (1914)	капитан Генерального штаба	генерал-полковник, командующий 4-й танковой армией; с 26.11.1943 – в отставке
Ганс Эберхард Курт фон Зальмут	Военное училище (1907)	капитан гвардейского полка	генерал-полковник, командующий 17-й полевой армией; снят с должности 01.07.1943
Эберхард фон Макензен	Военная академия (1914)	участник Первой мировой войны на командных должностях.	генерал танковых войск, командующий 1-й танковой армией с 21.11.1942
Гейр фон Швеппенбург	Военная академия (1917)	участник Первой мировой войны, ротмистр	генерал танковых войск, командир 40-го танкового корпуса
Фридрих Кирхнер	Военное училище (1907)	участник Первой мировой войны на командных должностях, ротмистр	генерал танковых войск, командир 57-го танкового корпуса
Густав фон Виттерсгейм	Военная академия (1914)	участник Первой мировой войны	генерал пехоты, командир 14-го танкового корпуса до 14.09.1942

Общим для всех генералов вермахта является происхождение из военной семьи, наличие специального военного образования, все являлись участниками Первой мировой войны на командных или штабных должностях, срок военной службы составлял у каждого 30–40 лет. Очевидно, что по таким показателям, как наличие профессионального образования и военного опыта, они превосходили советских военачальников.

К началу Великой Отечественной войны в деятельности Наркомата обороны СССР были допущены серьезные кадровые просчеты. При назначении генералов на командные должности большое внимание уделялось анкетным данным: социальному происхождению, партийному стажу, поведению во время внутрипартийных дискуссий 1920-х гг., наличию репрессированных родственников или связей с заграницей, службе в белой армии и т.п. В первый период Великой Отечественной войны имела место частая и неоправданная смена командующих фронтами и армиями, репрессии против высшего комсостава. Так, к осени 1942 г., за 14 месяцев войны, на должностях командующих фронтами побывало 36 чел., а за последующие 32 месяца – только 7 новых генералов[1]. Таким образом, только на стабилизацию группы командующих фронтами и армиями ушло более года. Зимой 1942–1943 гг. сложился основной костяк полководцев Великой Отечественной войны. Ими стали сравнительно молодые по возрасту генералы, но уже имевшие солидный командный и боевой опыт. А главными критериями при назначении стали личные качества военачальника и его способность успешно командовать войсками, добиваться победы над противником.

В сражениях в большой излучине Дона в 1942–1943 гг. закалился в боях высший командный состав Красной армии – советский генералитет, под руководством которого была одержана победа над очень сильным врагом – вооруженными силами нацистской Германии и ее союзников. Победы РККА стали возможны только тогда, когда под влиянием военных неудач, потерь и поражений существенно обновился ее генеральский корпус, когда генеральские звания и должности стали получать полковники, которые поступили на службу в Красную армию рядовыми красноармейцами в годы Гражданской войны или в начале 1920-х гг. Генералы, которые начинали свою военную карьеру красноармейцами в годы Гражданской войны или в 1920-е гг., относились к подчиненным без хамства и лучше воевали.

Обращает на себя внимание, что в послевоенных мемуарах и воспоминаниях советских военачальников, воевавших в 1942–1943 гг. в большой излучине Дона, о трагедии армии и населения, о драматических событиях на дорогах отступления, о кровавой каше на переправах рек Северский Донец, Дон, Маныч, о громадных потерях боевой техники и тяжелого вооружения, о многотысячных толпах беженцев и хаосе неорганизованной и неуправляемой эвакуации гражданского населения, о брошенных в панике отступления материальных и художественных ценностях почти

[1] Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Справочное пособие. М., 2005. С. 5–401.

ничего не сказано[1]. Чтобы разобраться в причинах этого замалчивания, необходимо обратиться к персональному составу советских военачальников, ответственных за проведение и результаты стратегических, фронтовых и армейских оборонительных и наступательных операций в большой излучине Дона. В качестве членов Ставки ВГК и ее представителей здесь находились будущие маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский, командующие фронтами – С.К. Тимошенко, Р.Я. Малиновский, А.И. Ерёменко, С.М. Будённый, К.К. Рокоссовский, Ф.И. Голиков, Н.Ф. Ватутин, начальники штабов фронтов – И.Х. Баграмян, А.И. Антонов, М.И. Казаков, С.С. Бирюзов, Ф.И. Толбухин, командующие армиями – А.А. Гречко, В.И. Чуйков, К.С. Москаленко, П.И. Батов, А.С. Жадов, Я.Г. Крейзер, начальники штабов армий и командиров соединений, ставшие впоследствии знаменитыми маршалами – И.И. Якубовский, Н.И. Крылов, П.К. Кошевой и др.

Генерал армии, а с 18 января 1943 г. – Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков в сентябре 1942 г. руководил операциями трех армий по прорыву 8-километрового коридора немецких войск севернее Сталинграда с целью соединиться с 62-й армией, оборонявшей центр и северную часть города. Восемнадцать стрелковых дивизий и тринадцать танковых бригад на 40-километровой полосе фронта атаковали в лоб окопавшихся на высотах шесть полков мотопехоты и танковый полк трех немецких дивизий (16-й танковой, 3-й и 60-й моторизованных дивизий) в течение десяти дней, с 3 по 12 сентября, неся огромные потери в личном составе и в танках. Через несколько дней, получив из резерва еще шесть стрелковых дивизий и пополнив танковые бригады, Жуков приказал повторить наступление на тех участках. Результаты были шокирующие. Немцы фронт удержали, а общие потери 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий в сентябре составили свыше 120 тыс. человек[2]. Вспоминать маршалу Победы Жукову эти жертвы после войны не хотелось…

Герои Гражданской войны, первые советские маршалы Семен Михайлович Будённый и Семен Константинович Тимошенко в 1942–1943 гг. оказались в тени новых военачальников и воспоминаний о сражениях в большой излучине Дона не оставили. В послевоенные нелегкие годы восстановления разрушенного хозяйства, когда надо было поддержать

[1] *Ерёменко А.И.* Сталинград: Записки командующего фронтом. М., 1961; *Бирюзов С.С.* Суровые годы. 1941–1945. М., 1966; *Малиновский Р.Я.* Солдаты России. М., 1969; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1970; *Гречко А.А.* Годы войны. М., 1976; *Чуйков В.И.* От Сталинграда до Берлина. М., 1985; *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1988 и др.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 72. Л. 85–86.

моральный дух советских людей воспоминаниями о ратной славе и великих подвигах, партия призвала известных военачальников написать мемуары. Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко отрезал: «Правду написать не дадут, а врать я не хочу!» Такую дерзость в те годы маршал позволил себе, скорее всего, потому, что являлся родственником вождя: его дочь была женой Василия Сталина. Не оставил воспоминаний и командующий Северо-Кавказским фронтом маршал С.М. Будённый.

Командующий войсками Южного фронта с 30 декабря 1941 г. по 28 июля 1942 г. генерал-лейтенант Родион Яковлевич Малиновский стал в ходе войны прославленным полководцем, провел блистательную Ясско-Кишиневскую стратегическую операцию по окружению, уничтожив и взяв в плен столько же военнослужащих немецко-румынских войск, сколько их было под Сталинградом. Но потери наших бойцов и командиров в Молдавии были на порядок меньше, чем при ликвидации окруженной группировки Паулюса. Всемирно известный советский военачальник и государственный деятель, выдающийся полководец Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза, Народный герой Югославии, с 26 октября 1957 г. и до самой своей смерти 31 марта 1967 г. Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский был министром обороны СССР. Не в его политических интересах было публично высвечивать горькие страницы своей полководческой биографии, связанные в памяти миллионов фронтовиков с печально знаменитым приказом № 227 «Ни шагу назад!», сдачей Ростова-на-Дону в июле 1942 г., безнадежными атаками непрерывно пополнявшейся в сентябре – октябре 1942 г. 66-й армии на рубежах севернее Сталинграда.

Сменивший Малиновского на посту министра обороны СССР видный советский военачальник, государственный и партийный деятель, дважды Герой Советского Союза, Герой Чехословацкой Советской Социалистической Республики, Маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко летом 1942 г. командовал 12-й армией Южного фронта. Эта армия (тогда еще генерал-майора Гречко) в составе 4, 74, 176, 261, 349-й стрелковых дивизий и частей усиления имела 55 075 чел. личного состава и держала оборону в полосе между станцией Попасной и Дебальцево. Через три недели, после стремительного отхода, похожего на бегство, в 12-й армии осталось 21 344 военнослужащих[1]. Рассказывать о том, как его армия потеряла без больших боев в ходе отступления более 60 % своего состава и почти всё тяжелое вооружение, министр обороны СССР считал неправильным. С 1973 г. А.А. Гречко являлся главным редактором фундаментального

[1] ЦАМО РФ. Ф. 224. Оп. 760. Д. 2. Л. 777.

12-томного издания «История Второй мировой войны 1939–1945», в котором о боях в большой излучине Дона сказано совсем немного.

Маршал оставил и воспоминания о своем боевом пути в годы Великой Отечественной войны. В книге «Годы войны», изданной Военным издательством Министерства обороны СССР в 1976 г. тиражом в 400 тыс. экземпляров, из 574 страниц текста боевым действиям 12-й армии в Восточном Донбассе и при отходе на левый берег Дона отведено чуть более двух десятков строк. Вот эти строки: «*Гитлеровцы снова прорвали оборону Юго-Западного фронта и к середине июля вышли в большую излучину Дона. Одновременно гитлеровцы повели наступление против правого крыла Южного фронта, где на правом берегу Северского Донца оборонялась 12-я армия. 15 июля противник нанес удар вдоль Северского Донца. Прорвав оборону, он вышел на рубеж Желтое, Ново-Дачное, Черкасское, Осиповка. Одновременно враг нанес удар в направлении Михайловка, шахта Белянка. Не щадя жизни, воины 12-й армии отстаивали каждую пядь донецкой земли. Активной обороной наши части изматывали силы врага в Донбассе. Немало подвигов было совершено в тех боях советскими воинами. Стойко оборонялась в эти дни 349-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник А.И. Щагин. Враг значительно превосходил наши силы, он часто переходил в атаки. Но их мужественно отбивали наши бойцы. Трое суток удерживала оборонительный рубеж дивизия и оставила его только по приказу командующего армией. В этих боях особенно отличился 2-й батальон 1171-го стрелкового полка. Командир батальона коммунист М.Я. Ляшко умело организовал оборону. Увлекаемые личным примером своего командира, бойцы отбивали атаки гитлеровцев до последнего патрона. А когда кончились боеприпасы, смельчаки пошли врукопашную. Только за один день бойцы этого батальона уничтожили до 250 немецких солдат и офицеров. Но как бы отважно, самоотверженно ни сражались бойцы и командиры, наши части продолжали отступать. Мы отходили к Дону. 12-я армия, которой я командовал, отступала чуть восточнее Ростова. Где-то совсем недалеко находилось мое родное село Голодаевка. Нелегко было на душе. Многие из нас покидали дорогие сердцу родные места, близких людей. Больно было сознавать это. Ненавистью к захватчикам наполнялись наши сердца. Не жалея сил, мы дрались с врагом. Выход немецко-фашистских войск в большую излучину Дона поставил оборонявшиеся в Донбассе войска Южного фронта под угрозу окружения. Ставка и на этот раз вынуждена была отдать приказ об отводе фронта за Дон. 24 июля, оставив Ростов, соединения фронта отошли на левый берег Дона. Таким образом, боевые действия войск Юго-Западного и Южного фронтов с 28 июня по 24 июля снова были неудачными.*

Противник, хотя и не сумел реализовать свой план – полностью окружить и уничтожить основные силы Юго-Западного и Южного фронтов, – добился значительных успехов. Он занял Донбасс, вышел в большую излучину Дона и создал непосредственную угрозу Сталинграду и Северному Кавказу»[1].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 февраля 1958 г. за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, А.А. Гречко было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Еще через 15 лет, в связи с 70-летним юбилеем полководца, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 октября 1973 г. за заслуги перед Родиной в строительстве и укреплении Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза А.А. Гречко был награжден второй медалью «Золотая Звезда», с установлением, согласно существовавшему порядку, памятника-бюста на его малой родине, в селе Куйбышево, районном центре Ростовской области.

Генерал-лейтенант Алексей Иннокентьевич Антонов, 45-летний начальник штаба Южного фронта (27 августа 1941 г. – 28 июля 1942 г.), в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы сделал стремительную карьеру. За три года он стал видным советским военачальником, генералом армии, членом Ставки ВГК, был участником Ялтинской и Потсдамской конференций союзников, его высоко ценил сам И.В. Сталин. Сразу после войны А.И. Антонов стал начальником Генерального штаба (1945–1946), затем, с февраля 1955 г. и по день смерти – 18 июня 1962 г. – работал первым начальником Штаба Объединенных вооруженных сил стран Организации Варшавского договора. Генерал Антонов прославился как талантливый и эрудированный штабной офицер. С декабря 1942 г. он участвовал в разработке практически всех важнейших стратегических операций советских войск в Великой Отечественной войне. А.И. Антонов оказался единственным из всех советских военачальников, награжденных орденом «Победа» в звании генерала армии, и единственным советским кавалером ордена «Победа», которому не было присвоено звание Героя Советского Союза. Никаких мемуаров и воспоминаний о событиях на Южном фронте летом 1942 г. генерал армии Антонов не оставил.

Сменивший Антонова на посту начальника Штаба Объединенных вооруженных сил стран Организации Варшавского договора генерал армии Павел Иванович Батов осенью 1942 г. воевал в большой излучине Дона в должности командарма сначала 4-й танковой, а затем 65-й общевойсковой (в которую она была преобразована 22 октября) армии. На должность командующего 4-й танковой армии генерал-лейтенант Батов был

---

[1] *Гречко А.А.* Годы войны. М., 1976. С. 74.

назначен 14 октября по ходатайству командующего Донским фронтом генерал-лейтенанта Рокоссовского. Один из лучших командармов Великой Отечественной войны, Батов написал мемуары под названием «В походах и боях», увидевшие свет в Военном издательстве в 1966 г. и затем трижды переиздававшиеся. Три главы мемуаров – «Перед великой битвой», «Между Доном и Волгой» и «Операция “Кольцо”» – посвящены боевым действиям 65-й армии в междуречье Дона и Волги в ноябре 1942 г. – феврале 1943 г. Дважды Герой Советского Союза, удостоенный этого высокого звания в годы войны, генерал армии Батов в своих мемуарах объективно рассказывает о влиянии погоды, рельефа местности на ход и результаты боев, о недостатках подготовки командиров взводов, рот и батальонов в вопросах ориентирования подразделений в заснеженной донской степи, о многих других важных и существенных моментах боевой деятельности войск[1]. Но Батова летом 1942 г. в большой излучине Дона не было.

Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, с 1960 г. главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения Кирилл Семенович Москаленко в июне – декабре 1942 г. в звании генерал-майора артиллерии последовательно командовал 38-й армией Юго-Западного фронта, 1-й танковой армией Сталинградского фронта, 1-й гвардейской армией Донского фронта. В 1969 г. московское издательство «Наука» выпустило первый том мемуаров Москаленко «На юго-западном направлении. 1941–1942 гг. Воспоминания командарма». Боевым действиям 38-й, 1-й танковой и 1-й гвардейской армий в большой излучине Дона в июне – сентябре 1942 г. в первом томе мемуаров посвящены пять глав: 6-я «Опять наступает враг», 7-я «От Оскола к Дону», 8-я «Сталинград: контрудар 1-й танковой армии», 9-я «Атаки 1-й гвардейской армии», 10-я «Наступление в междуречье Дона и Волги»[2]. В 1973 г. в том же издательстве вышел второй том воспоминаний полководца под тем же названием, охватывающий события 1943–1945 гг.[3] Мемуары Москаленко достаточны подробны, но не дают критического анализа ошибок и просчетов командования армейского и фронтового уровня, тем более представителей Ставки ВГК.

Наиболее объективно о событиях кровавого июля 1942 г. на Дону написал в своих мемуарах Герой Советского Союза, генерал армии, профессор, а в те тяжелые дни и месяцы – полковник, начальник штаба 38-й,

---

[1] *Батов П.И.* В походах и боях. М., 1966.

[2] *Москаленко К.С.* На юго-западном направлении. Воспоминания командарма. 1941–1942 гг. Кн. 1. М., 1969. С. 220–348.

[3] Там же. 1943–1945 гг. Кн. 2. М., 1973.

1-й танковой и 1-й гвардейской армий Семен Павлович Иванов[1]. В октябре 1942 г. С.П. Иванову было присвоено звание генерал-майора, и с 10 декабря 1942 г. по 30 мая 1943 г. он работал начальником штаба Юго-Западного фронта. В своих воспоминаниях Иванов приводит весьма примечательное признание И.Х. Баграмяна, с которым Сергей Павлович был особенно близок в последнее десятилетие жизни маршала: «*Жестоко сокрушался мой старший товарищ из-за того, что не смог в своих трудах изложить собственные подлинные мысли и оценки по ряду вопросов минувшей войны, так как в годы выхода его книг существовало множество ограничений. Зная, что я задумал готовить к печати воспоминания, он говорил: "Ты, Семен Павлович, на целых десять лет моложе меня и, наверное, доживешь до того времени, когда наконец позволено будет писать о войне более правдиво. Так постарайся же тогда поправить невольные искажения и умолчания тех, кто ушел из жизни слишком рано*"»[2]. Но даже генерал армии Иванов очень кратко описал действия 38-й армии Юго-Западного фронта и 1-й танковой армии Сталинградского фронта в июле 1942 г. в большой излучине Дона. Подвергнуть нелицеприятной критике приказы и распоряжения представителей Ставки ВГК Г.К. Жукова, А.М. Василевского, Н.Н. Воронова, командующих фронтами С.К. Тимошенко, В.Н. Гордова, К.К. Рокоссовского, своего непосредственного начальника генерала К.С. Москаленко даже такому профессиональному военному, как С.П. Иванов, мешала корпоративная солидарность, не позволявшая давать негативную оценку, пусть заслуженную и аргументированную, вышестоящим по должности и званию начальникам.

Генерал армии Михаил Ильич Казаков осенью 1942 г. был начальником штаба Воронежского фронта и в военно-историческом очерке «Операция "Сатурн"», опубликованном в сборнике «Сталинградская эпопея» под редакцией члена-корреспондента АН СССР А.М. Самсонова и с предисловием Маршала Советского Союза М.В. Захарова в 1968 г. в издательстве «Наука», подробно рассказал о замысле стратегической операции, которая в случае ее реализации могла бы затмить по масштабу разгром врага под Сталинградом в ходе операций «Уран» и «Кольцо». М.И. Казаков поведал, как готовился «Гросс-Сталинград» – грандиозная операция Воронежского, Юго-Западного и Сталинградского фронтов по окружению всей группировки вермахта и союзников гитлеровской Германии на Северном Кавказе ударом от Дона через Миллерово, Каменск-Шахтинский на Ростов-на-Дону[3].

---

[1] *Иванов С.П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990.

[2] Там же. С. 252.

[3] Сталинградская эпопея. М., 1968. С. 501–516.

Рассказал Казаков и о том, как «Сатурн» превратился в «Малый Сатурн», и о результатах этой Среднедонской наступательной операции.

Маршал Советского Союза Сергей Семенович Бирюзов, с марта 1963 г. утвержденный начальником Генерального штаба Вооруженных сил СССР, трагически погиб 19 октября 1964 г. в авиакатастрофе на горе Авала под Белградом, накануне 20-летия освобождения столицы Югославии. Через два года после трагической смерти военачальника усилиями его боевого друга, министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского, и с его предисловием были изданы мемуары «Суровые годы. 1941–1945»[1]. Они были составлены из прижизненных изданий воспоминаний Бирюзова «Когда гремели пушки» (1961) и «Советский солдат на Балканах» (1963). В этом 560-страничном издании военным событиям в большой излучине Дона посвящены три главы – «Разгром Манштейна», «В низовьях Дона» и «Освобождение Донбасса». В этих главах достаточно подробно раскрыты события в большой излучине Дона начиная с декабря 1942 г., с операции «Зимняя Гроза» по деблокаде группировки Паулюса и заканчивая освобождением Донбасса в сентябре 1943 г. Автор в этот период был начальником штаба 2-й гвардейской армии (ноябрь 1942 г. – апрель 1943 г.), с апреля – начальником штаба Южного фронта. К сожалению, Бирюзов не воевал в большой излучине Дона летом и осенью 1942 г.

Сменивший 12 апреля 1967 г. маршала А.А. Гречко на посту Главнокомандующего Объединенным командованием Вооруженных сил стран – участниц Варшавского договора Маршал Советского Союза Иван Игнатьевич Якубовский участвовал в боях в большой излучине Дона весь период. Подполковник Якубовский, занимавший с марта 1942 г. должность командира 91-й отдельной танковой бригады, отличился в оборонительных сражениях летом и осенью 1942 г., затем, уже будучи полковником (с 30 ноября 1942 г.), – в наступательных боях от Сталинграда до Донбасса, сражаясь на Южном, Юго-Западном, Сталинградском и Донском фронтах. Отличался личным мужеством, несколько раз был ранен, горел в танке. Якубовский оставил обширные, в 567 страниц, мемуары «Земля в огне», в которых боям летом 1942 г. в большой излучине Дона отведено семь строк: «*В середине июля под натиском превосходящих сил противника советские войска были вынуждены отойти к Воронежу, оставить Донбасс и богатые сельскохозяйственные районы правобережья Дона. Немецким войскам удалось выйти в большую излучину в нижнем течении этой реки. С этого времени и началась одна из величайших битв Второй мировой*

[1] *Бирюзов С.С.* Суровые годы. 1941–1945. М., 1966.

войны – Сталинградская битва и битва за Кавказ, протекавшие в тесном оперативно-стратегическом взаимодействии»[1].

Если прославленные маршалы и генералы умалчивают о трагедии нашей армии и гражданского населения летом 1942 г. на юге, то ожидать честного, объективного и самокритичного анализа от политических деятелей, ставших руководителями партии и страны после смерти И.В. Сталина, казалось бы, едва стоит. Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 г., Председатель Совета Министров СССР с 1958 по 1964 г., Герой Советского Союза, трижды Герой Социалистического Труда Никита Сергеевич Хрущёв в 1942–1943 гг. был членом Военного совета Юго-Западного, затем Сталинградского фронтов. С октября 1943 г. – генерал-лейтенант. Оставил мемуары под названием «Время. Люди. Власть. (Воспоминания)». В предисловии к воспоминаниям, надиктованным им на магнитофон после отставки осенью 1964 г., Хрущёв подчеркнул: «*Я хочу быть очень правдивым и буду ссылаться на факты так, чтобы будущее поколение* (*а я пишу для него*) *могло их проверить*».

В первой книге воспоминаний, увидевшей свет в 1999 г., во втором разделе, озаглавленном «Великая Отечественная война», в четырех главах («1942 год: от зимы к лету», «У руин Сталинграда», «Сталинградский поворот», «Дороги на Ростов») на 108 страницах бывший член Военного совета трех фронтов откровенно написал о том разгроме, который потерпели армии Юго-Западного и Южного фронтов в июле 1942 г. Приведем только один фрагмент: «*Наши войска были смяты, хотя и не сразу. Полная дезорганизация нашего фронта наступила в середине или, может быть, уже к концу июня. Помню лишь, что когда наши войска отступали, то уже стояли высокие рожь и пшеница. Пехота и танки – всё это бежало на восток по посевам. К нам в штаб прилетел тогда Василевский. Усиленный нажим противника ощущался на направлении 38-й армии, которой командовал Москаленко. Поговорив с Василевским, мы условились: давайте сядем на автомашину и проедем к Москаленко. Там теперь главное направление боев. Когда мы приехали в расположение войск Москаленко, то застали ужасную картину. Самолеты противника безнаказанно летали на бреющем полете и расстреливали всё, что видели: отходящие автомашины, танки, пехоту. Мы застали какое-то неорганизованное бегство*»[2]. Воспоминания бывшего генсека о событиях в большой излучине Дона в 1942–1943 гг., увидевшие свет через двадцать лет после смерти автора, при всей их субъективности, еще не оценены историками.

---

[1] *Якубовский И.И.* Земля в огне. М., 1975. С. 84.

[2] *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Кн. I. М., 1999. С. 377.

Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, кавалер ордена «Победа», государственный и партийный деятель, награжденный 117 советскими и иностранными орденами и медалями, Леонид Ильич Брежнев прожил яркую и долгую жизнь. В звании бригадного комиссара, с октября 1941 г. по 28 июля 1942 г., был заместителем начальника политуправления Южного фронта и свидетелем поражений и побед советских войск под Харьковом и под Ростовом-на-Дону в 1941–1942 гг. Но в его литературно-мемуарном наследии нет ни строчки о боевых действиях в большой излучине Дона.

Причины замалчивания и недосказанности со стороны высшего комсостава Красной армии о многих стратегических, фронтовых, армейских оборонительных и наступательных операциях в большой излучине Дона в июле – октябре 1942 г. носят комплексный характер, в них тесно переплетены идеологический и человеческий фактор, корпоративные интересы военно-политической элиты СССР и личные качества отдельных военачальников. Очевидно, что прославленным маршалам Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., занявшим высшие посты в военно-политической иерархии СССР в послевоенный период, вспоминать о горьких поражениях 1941–1942 гг., указывать на себя и своих старших товарищей из Ставки ВГК и Генерального штаба РККА как на конкретных виновников ошибок, просчетов и неудач, писать о черных страницах своей полководческой карьеры было сложно.

ГЛАВА 5. КУРС НА ЗАПАД: НАЧАЛО КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА

5.1. Разгром «нацистского интернационала» в большой излучине Дона

В годы Великой Отечественной войны против советских войск на стороне вермахта воевали боевые части и соединения союзников и сателлитов Германии. К началу войны они составляли около 20 % всех сил, действовавших против Красной армии, позже их доля еще более возросла. Особенно активно войска союзников Германии на Восточном фронте применялись с лета 1942 г. до весны 1943 г. – в самый напряженный период войны. Значительная их часть сражалась на юге России, где решалась судьба войны в целом. Местом главных поражений «нацистского интернационала» стали берега Дона и прежде всего его большая излучина.

Отечественные[1] и зарубежные[2] исследователи не раз обращались к данным вопросам. В последние годы все чаще проявляется тенденция к их переоценке, особенно в историографии бывших социалистических стран, воевавших на стороне Третьего рейха. В советской историографии господствовали представления о том, что венгерских, румынских и других солдат приносили в жертву немецким интересам, они мерзли и гибли в донских

---

[1] Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. М., 1972; *Сафронов В.Г.* Итальянские войска на советско-германском фронте: 1941–1943. М., 1990; *Филоненко С.И.* От Прута и Днестра до Дона и Волги: Разгром армий сателлитов фашистской Германии под Сталинградом и Воронежем (ноябрь 1942 года – февраль 1943 года). Воронеж, 1999; *Залесский К.А.* Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. М., 2003; Крестовый поход на Россию: сб. ст. М., 2005 и др.

[2] *Wilczur J.* Le tombe dell' ARMIR. Roma, 1964; *Valori F.* Gli italiani in Russia. La campagna dello C.S.I.R. dell' A.R.M.I.R. Milano, 1967; *Nemeskürty I.* Requiem egy hadseregért. Budapest, 1972; *Kljakiö Dr.* Ustasko domobranska legija pod Stalingradom. 2 izd. Zagreb, 1979; Сталинград. Событие. Воздействие. Символ / пер. с нем. М., 1994; *Szabó P.* Don-kanyar. Budapest, 1994 и др.

степях за чуждые цели. При этом нередко замалчивались бесчеловечные действия партнеров СССР по СЭВ и Организации Варшавского договора на временно оккупированных территориях СССР. В настоящее время в этих государствах, ставших членами Европейского союза и НАТО, нередко оправдываются и героизируются участники «крестового похода» против СССР.

Румыны. Румыния вступила в войну с СССР одновременно с Германией, стремясь вернуть утраченные в 1940 г. территории. 22 июня 1941 г. границу перешли 3-я и 4-я румынские армии с 3 тыс. орудий и минометов, 60 танками, 623 боевыми самолетами. Всего в войне против СССР в 1941 г. приняло участие 342 тыс. чел. – примерно половина численности вооруженных сил Румынии. По словам И. Антонеску, Румыния выставила против СССР даже больше дивизий, чем требовало немецкое командование[1]. Захватив Бессарабию и Северную Буковину, Румыния продолжила боевые действия против Красной армии, рассчитывая на новые приращения своей территории, в том числе за счет уже оккупированной Транснистрии.

Летом 1942 г. численность румынских войск на Восточном фронте возросла вдвое и составила почти 710 тыс. чел. Основная их часть находилась в большой излучине Дона и на подступах к Сталинграду: две из трех румынских армий, 6 из 7 армейских корпусов, 18 из 26 дивизий, сражавшихся на советско-германском фронте[2]. В сентябре 1942 г. на Дону заняла позиции 3-я румынская армия под командованием армейского генерала Петре Думитреску. Она включала: 1-й корпус (7-я и 11-я пехотные дивизии), 2-й корпус (9-я и 14-я пехотные дивизии), 4-й корпус (1-я кавалерийская и 13-я пехотная дивизии), 5-й корпус (5-я и 6-я пехотные дивизии). В резерве находились 7-я кавалерийская и 15-я пехотная дивизии. 1-я танковая румынская дивизия, позже получившая название «Великая Румыния», вместе с 22-й немецкой танковой дивизией входили в состав 48-го немецкого танкового корпуса. Всего в 3-й армии было 8 пехотных, 2 кавалерийских и 1 танковая дивизии общей численностью в 152,5 тыс. военнослужащих, а также 11,2 тыс. солдат вермахта. 4-я румынская армия генерал-полковника Константина Константинеску была в два раза меньше и включала 6-й (1, 2, 4, 18 и 20-я пехотные дивизии) и 7-й (5-я и 8-я кавалерийские дивизии) армейские корпуса. К осени 1942 г. численность указанных 5 пехотных и 2 кавалерийских дивизий вследствие потерь с 101,9 тыс. чел. сократилась до 75,4 тыс. чел.

---

[1] *Левит Н.Э.* Вступление Румынии в войну против Советского Союза // Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 194.

[2] Там же. С. 219, 231, 235.

Венгры. Венгрия активно стремилась принять участие в войне против СССР, чтобы при содействии Германии сохранить за собой уже приобретенные в 1938–1941 гг. земли и получить новые. Но Германия первоначально не была заинтересована давать ей какие-либо обещания. Поэтому только 27 июня 1941 г., через пять дней после начала боевых действий, Венгрия объявила войну СССР и послала на советско-германский фронт Карпатскую армейскую группу в составе двух корпусов – 8-го Кошицкого (горная и пограничная бригады) и подвижного (две моторизованные и одна кавалерийская бригады) с 42 самолетами. Позже на оккупированную территорию СССР для борьбы с партизанами и охраны немецких коммуникаций прибыло несколько легкопехотных дивизий[1]. В 1942 г. Германия уже сама настояла, чтобы Венгрия послала дополнительные контингенты на Восточный фронт. 2-я венгерская армия под командованием генерал-полковника Густава Яни численностью в 209 тыс. чел. была направлена на южный фланг советско-германского фронта. В ее состав входили 3-й корпус (6, 7, 9-я легкопехотные дивизии), 4-й корпус (10, 12, 13-я легкопехотные дивизии), 7-й корпус (19, 20, 23-я легкопехотные дивизии), 1-я авиационная группа (с 15 октября – 2-я авиационная бригада). В подчинении штаба армии также находилась 1-я бронетанковая дивизия[2].

Итальянцы. У Италии не было ни территориальных претензий к СССР, ни общей границы с ним, а отправка ее войск на советско-германский фронт была призвана продемонстрировать единство фашистской коалиции и закрепить за ней право быть в числе держав-победительниц в войне. В августе 1941 г. на Украину прибыл Итальянский экспедиционный корпус, включавший 62 тыс. чел., 1030 орудий и минометов, 60 танков. Летом 1942 г. Италия существенно увеличила количество своих войск на Восточном фронте, составивших 8-ю армию. Она включала 2-й (пехотные дивизии «Сфорцеска», «Коссерия», «Торино», пехотная бригада «23 марта») и 35-й (пехотные дивизии «Пасубио», «Челере», пехотная бригада «3 января» и кавалерийская бригада «Барбо») армейские корпуса. Во втором эшелоне находился альпийский горнострелковый корпус (дивизии «Тридентина», «Юлия» и «Кунеэнзе»), а в армейском резерве – дивизии «Равенна» и «Виченца». Командующим армией стал генерал армии Итало Гарибольди. К ноябрю состав армии вырос до 10 дивизий и

---

[1] *Пушкаш А.И.* Соучастие Венгрии в нападении на СССР // Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 288–289.

[2] *Филоненко Н.В.* Участие 2-й венгерской армии в летнем 1942 г. наступлении вермахта на южном участке советско-германского фронта // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Т. 13. Вып. 15. С. 185.

4 бригад. 8-я армия насчитывала 229 тыс. чел., имела почти 4,5 тыс. пулеметов, около 3 тыс. орудий и минометов, 80 танков и САУ, 100 самолетов и почти 15 тыс. автомашин[1].

В большинстве своем союзники Германии отправили на Дон летом 1942 г. свои наиболее боеспособные соединения. В частности, здесь была сосредоточена почти вся румынская и значительная часть итальянской тяжелой артиллерии. А для снабжения всем необходимым 2-й венгерской королевской армии «оставшиеся части буквально "раздели", чтобы отправляемые войска были соответствующим образом снабжены»[2]. Тем не менее они все равно уступали немецким войскам не только в вооружении и технической оснащенности, но и в уровне боевой подготовки, особенно командного состава. К тому же все соединения оказались не готовы к русской зиме. Когда в середине ноября 1942 г. в большой излучине Дона установились двадцатиградусные морозы, только треть находившихся там итальянских солдат получили зимние полушубки[3].

Снижали боеспособность войск союзников и существовавшие внутренние противоречия. В венгерской армии часть военнослужащих – представителей национальных меньшинств – плохо знали венгерский язык, не доверяли командному составу. Летом 1942 г. часть русин и закарпатских украинцев вообще разоружили и перевели в рабочие команды[4]. Германии приходилось учитывать разногласия между Венгрией и Румынией из-за спорных территорий. Поэтому позиции итальянской армии находились между румынской и венгерской. И все союзники были недовольны отношением к ним со стороны командования и солдат вермахта. Приходилось даже издавать специальные приказы для улаживания конфликтов между военнослужащими разных стран.

В новом летнем наступлении вермахта участвовали и другие боевые соединения германских сателлитов. В частности, на Кавказ наступала моторизованная словацкая дивизия, сыгравшая важную роль при штурме Ростова-на-Дону. Рядом с ней действовала 5-я добровольческая дивизия СС «Викинг», укомплектованная добровольцами из скандинавских стран

---

1 *Сафронов В.Г.* Итальянские войска на Восточном фронте 1941–1943 гг. М., 2012. С. 92.

2 *Babucs Z.* «Pihenj, te nėma hadsereg» // Magyar Hirlap online. 2013. Január, 12. URL: http://archivum.magyarhirlap.hu/pihenj-te-nema-hadsereg (дата обращения: 20.01.2015). Рус. перевод: «Спи, немая армия» – к 70-летию разгрома 2-й венгерской армии // Переводика. 15.01.2013. URL: http://perevodika.ru/articles/22479.html (дата обращения: 20.01.2013).

3 *Джусти М.Т.* Итальянские военнопленные в СССР, 1941–1954. СПб., 2010. С. 19.

4 *Пушкаш А.И.* Соучастие Венгрии в нападении на СССР. С. 314.

и Голландии. На Кавказ также наступали румынский корпус, включавший 10-ю и 19-ю пехотные, 3-ю и 4-ю горнострелковые дивизии, а также 2-я румынская горнострелковая дивизия в составе 3-го немецкого танкового корпуса. Но район их действий располагался за пределами рассматриваемого региона. С 26 сентября 1942 г. в Сталинграде сражался 369-й хорватский пехотный полк, ставший единственной негерманской частью, участвовавшей в городских боях. В организационном отношении он входил непосредственно в состав 100-й егерской дивизии вермахта.

Войска союзников прибыли в состав группы армий «Б» летом 1942 г., когда она уже втянулась в затяжные кровопролитные бои с соединениями Красной армии на Дону и понесла в них существенные потери. 2-я венгерская армия с августа вела бои в районе Урыва и Коротояка с целью ликвидировать советский плацдарм на правом берегу Дона. Пять дивизий потеряли до 50 % личного состава, а общие потери достигали 30 тыс. чел. Итальянцы, преодолев от 500 до 1200 км по степям Украины, достигли берегов Дона в конце июля. Дивизия «Челере» безуспешно пыталась сбить советские войска с плацдарма у Серафимовича, потеряв до трети личного состава. А в конце августа по позициям 8-й итальянской армии нанесла удар 63-я армия РККА. Несмотря на то, что советские войска имели незначительный перевес, они сумели разбить итальянцев. Эти бои выявили отсутствие солидарности между союзниками по коалиции, а также недоверие к ним немцев. Чтобы укрепить итальянскую армию, между ее дивизиями были размещены части 62-й и 294-й немецких пехотных дивизий. Ощутимый удар по румынским войскам был нанесен в сентябре 1942 г. частями 51-й и 57-й армий РККА в районе озер Сарпа, Цаца, Барманцы и поселка Садовое южнее Сталинграда.

14 октября 1942 г. главное командование вермахта приняло решение о переходе к стратегической обороне на всем советско-германском фронте с задачей во что бы то ни стало удержать достигнутые рубежи и создать предпосылки для продолжения наступления в 1943 г. Во время полученной передышки противник подготавливал полосу обороны глубиной в 5–8 км, умело используя рельеф местности: высокий и обрывистый правый берег Дона, командные высоты, сеть глубоких оврагов и балок, населенные пункты для создания прочной обороны, насыщенной огневыми средствами[1]. Устойчивость главной полосы обороны усиливалась эшелонированной

---

[1] См.: *Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Артюхин Ю.В.* Влияние природных факторов на ход и характер боевых действий в большой излучине Дона во время Великой Отечественной войны // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10. № 2. С. 83–92.

системой инженерных заграждений, включающей комбинированные минные поля, эскарпы, доты и дзоты, блиндажи и укрытия для личного состава и боевой техники.

К середине ноября войска группы армий «Б» занимали следующее положение. Левый фланг группы армий, примыкавший к войскам группы армий «Центр», составляла 2-я немецкая полевая армия генерал-полковника Ганса фон Зальмута. 14 немецких дивизий занимали полосу в 210 км севернее и южнее Воронежа. Далее, по правому берегу Дона, на фронте в 190 км между селами Костенки и Новая Калитва, оборонялась 2-я венгерская армия силами 12 дивизий, включая 2 немецкие. Южнее располагалась 8-я итальянская армия. Полосу в 180 км занимали 10 итальянских и 2 призванных «цементировать оборону» немецких дивизии. К итальянцам примыкала 3-я румынская армия, располагавшая 10 дивизиями и действовавшая в полосе шириной 170 км между станицей Базковской Ростовской области и хутором Ярковским (северо-восточнее станицы Клетской) Сталинградской области. У Клетской начинались позиции 6-й немецкой армии генерала танковых войск Фридриха Паулюса. Она состояла из 16 дивизий и занимала участок шириной 140 км, центром и правым флангом упиравшийся в Сталинград. Южнее Сталинграда находилась 4-я немецкая танковая армия, 3 немецкие дивизии которой действовали на участке в 50 км. Командующему 4-й немецкой танковой армией генерал-полковнику Герману Готу в оперативном отношении подчинялись и 7 румынских дивизий, занимавшие позиции вдоль излучины Волги южнее Сталинграда, от Ивановки до села Яшкуль, протяженностью 120 км. Только 21 ноября их передали в подчинение штабу 4-й румынской армии (рис. 12). Почти не имела взаимодействия с румынами 16-я немецкая моторизованная дивизия, подчиненная 4-й танковой армии. Она обеспечивала фланг группы армий «Б» и контролировала участок шириной примерно 300 км вплоть до Терека, где действовала 1-я танковая армия группы армий «А».

Всего к середине ноября войска союзников в группе армий «Б» имели 38 дивизий, 3 бригады и усиленный полк с общей численностью личного состава в 670 тыс. человек. Немецкие сухопутные войска группы армий «Б» составляли 39 дивизий и 1 бригаду, т.е. примерно половину всей группировки[1].

Разгром румынских армий в ходе контрнаступления под Сталинградом. 19 ноября 1942 г. с плацдармов у Клетской и Серафимовича в большой излучине Дона северо-западнее Сталинграда перешли в

[1] Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. Кн. 2. М., 2002. С. 10.

контрнаступление войска Юго-Западного и Донского фронтов. Началась операция «Уран». 20 ноября из района Сарпинских озер навстречу им перешла в наступление ударная группировка Сталинградского фронта. Попытки танковых и моторизованных дивизий противника, включая и 1-ю румынскую танковую, контратаками остановить продвижение советских войск не удалось. 23 ноября у хутора Советского (юго-восточнее города Калача) части 26-го танкового и 4-го механизированного корпусов соединились, замкнув кольцо окружения вокруг 330-тысячной группировки противника.

Рис. 12. Войска союзников и сателлитов Германии на Дону осенью 1942 г.[1]

Накануне, 22 ноября, стрелковые соединения 5-й танковой и 21-й армий окружили в районе станицы Распопинской войска 4-го и 5-го армейских корпусов 3-й румынской армии и через сутки уничтожили их. В оперативной сводке Генерального штаба РККА 24 ноября сообщалось: «*...сдались в плен в полном составе 5-я и 6-я пехотные дивизии, 15-я пехотная дивизия в составе двух полков и часть 13-й пехотной дивизии румын, всего не менее 15 000 солдат и офицеров. В числе взятых в плен штабы и 3 генерала. Уничтожено в боях при попытке выйти из окружения*

[1] *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г.* Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012. С. 215.

около 5000 солдат и офицеров противника»[1]. Вне окружения остались штабы 1-го и 2-го армейских корпусов, остатки 7, 11, 14-й пехотных, 7-й кавалерийской и 1-й танковой дивизий[2]. В эти же дни, с 20 по 30 ноября, южнее Сталинграда подверглись разгрому войска 4-й румынской армии. 20-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизии оказались в сталинградском котле. Остатки 4 пехотных и 2 кавалерийских дивизий отошли в район Котельниково.

К исходу 30 ноября вокруг группировки Паулюса был создан плотный внутренний фронт окружения. За время операции «Уран» немецкие и румынские войска потеряли 145 тыс. военнослужащих (в том числе 65 тыс. пленными), 2900 орудий, 700 минометов, более 300 танков, свыше 250 самолетов, 7,5 тыс. автомашин, до 1500 мотоциклов, большое количество другой военной техники и оружия. За то же время потери советских войск составили 79,4 тыс. чел. (в том числе 18,4 тыс. убитыми), 359 танков (из них 145 – безвозвратно) и 125 самолетов[3].

Командующий группой армий «Дон» генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, объединив остатки 3-й и 4-й румынских армий, 4-й танковой и 6-й полевой армий, оперативных групп «Холлидт» и «Фреттер-Пико» (всего до 48 дивизий), предпринял попытку деблокирования группировки Паулюса, но она потерпела неудачу. К 31 декабря противник на котельниковском направлении был отброшен на 200–250 км от Сталинграда. В итоговом боевом донесении командующего Сталинградским фронтом А.И. Ерёменко Верховному главнокомандующему И.В. Сталину указывалось: «*Почти полностью уничтожены 1, 2, 4, 18, 20-я пехотные дивизии, 5-я и 8-я кавалерийские дивизии* (*румын*). *Захвачено пленных 17 600 чел., уничтожено солдат и офицеров – 87 658 человек*»[4].

Поражение итальянских и румынских войск на Среднем Дону. Срыву наступления группировки Манштейна способствовало проведение советскими войсками Среднедонской наступательной операции под кодовым названием «Малый Сатурн». В ней участвовали 6-я армия Воронежского фронта (командующий – генерал-лейтенант Ф.И. Голиков), 1-я и 3-я гвардейские, 5-я танковая армии Юго-Западного фронта (командующий – генерал-полковник Н.Ф. Ватутин), усиленные 17, 18, 24, 25-м танковыми и 1-м гвардейским механизированным корпусами. Всего более 425 тыс. чел.,

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072сс. Д. 11. Л. 151–158.

[2] Сталинград. Цена победы. М.; СПб., 2005. С. 76.

[3] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 2. Перелом. С. 71.

[4] ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 451. Д. 42а. Л. 434.

5024 орудия и миномета, 1030 танков, 415 самолетов[1]. Противостоявшие Красной армии войска включали 8-ю итальянскую и 3-ю румынскую армии, оперативные группы «Фреттер-Пико» и «Холлидт». Всего 24 дивизии и три бригады общей численностью 459 тыс. чел., более 6 тыс. орудий и минометов, до 200 танков, САУ и пушечных бронеавтомобилей, около 500 самолетов. Оборона немцев, итальянцев и румын представляла собой две полосы общей глубиной около 25 км, хорошо подготовленные в инженерном отношении, между селом Новая Калитва и станицей Вёшенской. Но советской разведке удалось выяснить, что часть установленных итальянцами мин вмерзла в грунт, остальные под слоем снега оказались схвачены ледяной коркой. Хотя возможность взрыва отдельных мин не исключалась, в целом минные поля перед первой полосой обороны противника при низких температурах серьезной опасности не представляли.

К середине декабря альпийский корпус тремя дивизиями («Тридентина», «Юлия» и «Кунеэнзе») занимал полосу обороны от Белогорья до Новой Калитвы вместе с дивизией «Коссерия». Дивизия «Равенна» обороняла участок у Богучара. 35-й армейский корпус занимал позиции по правому берегу Дона в полосе населенных пунктов Медово, Монастырщина, Сухой Донец, Гормиловский, Стоговский. Однако итальянская армия практически не имела оперативных резервов: три немецкие дивизии, находившиеся у нее в тылу, в конце ноября были переброшены к Сталинграду, а шедшие им на смену три танковые дивизии были срочно переданы на усиление румынской армии.

16 декабря советские войска начали операцию «Малый Сатурн» с целью создать угрозу левому флангу и тылу группы армий «Дон», отвлечь на себя часть ее сил и ослабить тем самым деблокирующий удар противника на Сталинград. В первый же день соединения 6-й армии Юго-Западного фронта прорвали полосу обороны дивизии «Коссерия» на участке Новая Калитва – Дерезовка. На следующий день из района Нижний Мамон – Верхний Мамон – Нижняя Гнилуша в сражение были введены три советских танковых корпуса. Дивизия «Равенна» отступила назад, открыв фланги и тылы соседней 298-й немецкой дивизии. За две недели напряженных боев, с 16 по 30 декабря, в заснеженной донской степи советские войска ушли вперед на 150–200 км. 24-й танковый корпус генерала В.М. Баданова продвинулся по тылам врага на 240 км, овладев станицей Тацинской и уничтожив на ее окраине один из основных аэродромов и склады снабжения для окруженной в Сталинграде 6-й армии. Были разгромлены 5 итальянских, 5 румынских и 1 немецкая дивизия, 3 итальянские бригады.

[1] Сталинград. Цена победы. С. 95.

Противник потерял только убитыми более 50 тыс. чел., около 60 тыс. попало в плен. Точный подсчет потерь противника оказался крайне затруднен, так как сражение велось в заснеженной степи. Сдавшиеся в плен солдаты часто оставались без достаточной охраны, разбегались и гибли в степи. Иногда пленных освобождали вновь подошедшие колонны отступавших, которые в свою очередь «рассыпались» в новых столкновениях или опять сдавались советским войскам.

Уничтожение 2-й венгерской армии и Итальянского альпийского корпуса. Разгром 2-й венгерской (10 дивизий) и остатков 8-й итальянской (5 дивизий, 1 бригада) армий был осуществлен войсками Воронежского фронта во взаимодействии с фланговыми армиями Брянского и Юго-Западного фронтов в ходе Острогожско-Россошанской (13–27 января) и Воронежско-Касторненской (24 января – 2 февраля) операций 1943 г. Командование Воронежского фронта не обладало превосходством в силах над противником, поэтому оставило минимум войск в центре, сконцентрировав главные силы на флангах. 13 января советские войска перешли в наступление с острогожского плацдарма. На следующий день удар нанесли 18-й отдельный корпус с щучьинского плацдарма, из района Кантемировка, Талы – 3-я танковая армия, 7-й кавалерийский корпус и 6-я армия Юго-Западного фронта. В ходе трехдневного боя, с 12 по 14 января, были разгромлены 7, 20 и 12-я венгерские дивизии, а также 700-я бронетанковая немецкая группа. 15 января войска 3-го венгерского корпуса были полностью отрезаны от других частей 2-й армии. Генерал Яни, пытаясь организовать сопротивление, в ночь на 16 января приказал держаться до последнего человека, но уже на следующий день дал указание отступать в направлении Будённовки. Однако вместо «организованного отступления» началось паническое бегство. 19 января в районе Алексеевки, Валуйки, Россоши соединения 40-й и 3-й танковой армий РККА завершили окружение 13 вражеских дивизий. 18-й стрелковый корпус с севера, 12-й танковый корпус 3-й танковой армии с юга встречными ударами в общем направлении на Карпенково расчленили группировку противника на две части: одна (пять дивизий) находилась в районе Острогожск, Алексеевка, Карпенково, а другая (восемь дивизий) – севернее и северо-восточнее Россоши. Одновременно создавался и внешний фронт окружения. На севере он был образован правофланговыми соединениями 40-й армии на удалении 40–50 км от окруженных дивизий врага, на юге – 7-м кавалерийским корпусом, соединения которого к утру 19 января овладели важным железнодорожным узлом Валуйки. К этому же времени 6-я армия, отбрасывая арьергарды противника, вышла на реку Айдар.

Только Итальянский альпийский корпус потерял около 35 тыс. военнослужащих, что составляло половины его личного состава. Всего же советские войска взяли в плен около 52 тыс. вражеских солдат и офицеров. Почти столько же противник потерял убитыми и ранеными. Ликвидация россошанской группировки продолжалась до 27 января. За 15 дней наступления войска Воронежского фронта разгромили более 15 вражеских дивизий, 6 дивизиям нанесли тяжелое поражение, взяли в плен свыше 86 тыс. солдат и офицеров противника.

В ходе кровопролитных боев на Дону и Волге были разгромлены шесть армий, в том числе две румынские, венгерская и итальянская. Общие потери румынских войск под Сталинградом и в большой излучине Дона составили 158 850 человек. Большое количество румынских военнопленных и их моральное состояние позволили советскому командованию принять решение о создании из них формирований в составе Красной армии. Потери венгров на Дону составили 96 тыс., в том числе 42 тыс. погибших, умерших от ран, пропавших без вести, 28 тыс. раненых, 26 тыс. пленных[1]. По другим данным, в плен попало более 60 тыс. гонведов. Это было самое крупное поражение в истории вооруженных сил Венгрии. По данным итальянского Генерального штаба, только с 11 декабря 1942 г. по 31 января 1943 г. итальянская армия на советском фронте потеряла убитыми, пропавшими без вести и пленными 84 830 чел., 29 690 ранеными и обмороженными, что составило 60 % офицерского и 49 % рядового состава до начала наступления[2].

После такой катастрофы Гитлер заявил: «*Я больше не хочу видеть союзных солдат на Восточном фронте*»[3]. Большая часть уцелевших в боях частей и подразделений отправилась домой. Союзники Германии потерпели поражения, от которых не сумели оправиться до конца войны, что привело в итоге к их выходу из войны и распаду фашистской коалиции. Первой вследствие понесенных поражений 3 сентября 1943 г. вышла из войны на стороне фашистской Германии Италия.

В советской пропаганде всегда подчеркивалось, что главным противником для нас являлись немцы. Резкой критике подвергались правители государств, пошедших на сотрудничество с Гитлером, но не сами их народы. Илья Эренбург утверждал, что сражавшиеся под командованием Гитлера солдаты почти двух десятков национальностей – «*либо запроданные*

---

[1] *Габор Д.* Донская катастрофа и венгерская историография. Они были жертвами? // Портал «Россия и соотечественники». 20.02.2013. URL: http://www.russkie.org/index.php?module=printnews&id=28536 (дата обращения: 15.01.2015).

[2] *Филатов Г.С.* Восточный поход Муссолини // Крестовый поход на Россию. М., 2005. С. 107.

[3] Крестовый поход на Россию. С. 6.

Гитлеру рабы, либо ландскнехты, не имеющие родины. Пленные итальянцы, румыны, венгры в один голос повторяют: "Нас послали, а зачем, мы не знаем". Словаки или хорваты, которых заставили воевать против русских, плачутся: "Мы тоже славяне"»[1]. Напоминаниями о трагической судьбе не вернувшихся домой «завоевателей» служат мемориальные знаки и памятники в местах массовых захоронений иностранных военнослужащих на Дону.

Привлечение сил союзников в 1942 г. было вынужденной мерой для Германии, у которой не хватало собственных людских ресурсов. Но и для СССР это был самый тяжелый год войны, потребовавший максимального напряжения всех сил и средств. Поэтому появление на советско-германском фронте венгерских, румынских и итальянских войск существенно осложнило ситуацию для Красной армии. Одержать победу в этих условиях стало возможно только благодаря достигнутому в условиях начавшегося коренного перелома военного превосходства Красной армии в вооружении, в наличии резервных армий, в мобильности и боевой подготовке войск. Боевые качества войск союзников Германии оказались менее высокими, чем у немцев. Именно это обстоятельство было учтено при определении направлений и конкретных участков главных ударов при переходе советских войск в контрнаступление. Негативную роль играли и взаимоотношения между союзниками по фашистской коалиции. Разгром «нацистского интернационала» на Дону стал одним из необходимых условий Победы в Великой Отечественной войне.

5.2. Несостоявшийся «Гросс-Сталинград»: зимнее наступление Красной армии

23 ноября 1942 г. танковые и механизированные корпуса Юго-Западного и Сталинградского фронтов окружили 330-тысячную группировку Ф. Паулюса. В течение последующей недели семь армий Донского и Сталинградского фронтов все туже сжимали внутреннее кольцо окружения, а четыре армии Юго-Западного и 51-я армия Сталинградского фронта оттеснили внешний фронт окружения на рубеж рек Кривая, Чир, Дон,

---

[1] *Эренбург И.* Летопись мужества. М., 1983. С. 188–189.

в район станции Суровикино и Котельниково[1]. У Ставки ВГК появилась уникальная возможность ударом с севера на юг, на Ростов, отрезать всю северокавказскую группировку противника – а это свыше 760 тыс. солдат и огромное количество боевой техники и снаряжения, устроив немцам и их союзникам новый гигантский «котел» – «Гросс-Сталинград». План получил кодовое наименование «Сатурн», начало операции было назначено на 2 декабря. Две отборные гвардейские армии, усиленные четырьмя танковыми и тремя механизированными корпусами, должны были кинжальным ударом разрезать фронт 8-й итальянской армии, выйти к Миллерово и вдоль железной и шоссейной дорог Москва – Воронеж – Ростов-на-Дону войти в столицу Дона. Но обеспечить эту красиво задуманную операцию войсками, боеприпасами и горюче-смазочными материалами тыловые службы Юго-Западного фронта к намеченному сроку не успели, и ее перенесли сначала на 10, а затем на 16 декабря.

За это время командование группы армий «Дон» во главе с генерал-фельдмаршалом Э. фон Манштейном не только усилило резервами наспех созданную оборону, но и предприняло попытку пробить коридор к окруженной группировке Паулюса из района Котельниково вдоль железной дороги на Сталинград. Чтобы отразить эту попытку, советскому командованию пришлось задействовать 2-ю гвардейскую армию и три подвижных корпуса, т.е. половину ударной группировки, предназначенной для операции «Сатурн». Ставка ВГК внесла коррективы в план операции, изменила цели, масштаб и направление удара. Новая операция под кодовым названием «Малый Сатурн» была проведена в период с 16 по 30 декабря 1942 г. Разгром итальянской армии и уничтожение авиабазы снабжения в Тацинской, снабжавшей окруженную группировку Паулюса, заставило Манштейна прекратить наступление всего в 40 км от окруженной группировки Паулюса и перебросить наиболее боеспособные 6-ю и 11-ю танковые дивизии в полосу наступавших армий Юго-Западного фронта.

В декабре 1942 г. группа армий «А» на Кавказе окончательно утратила наступательные возможности и оказалась под угрозой окружения в случае удара советских войск от Калача на Ростов. 1 января 1943 г. началось наступление Северной и Черноморской групп войск Закавказского фронта. Одновременно, в направлении на Сальск и Ростов наступали войска Южного (бывшего Сталинградского) фронта. Стремясь избежать окружения, подобного сталинградскому котлу, 1-я танковая армия генерала Э.-А. фон Макензена планомерно отходила, разрушая при отступлении мосты и железные дороги. Умело маневрируя резервами, командующий

[1] Сталинград. Цена победы. М., 2005. С. 70–73.

группой армий «Дон» генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн остановил в конце января наступление армий Юго-Западного и Южного фронтов на рубежах рек Маныч и Северский Донец. Сил для окружения всей кавказской группировки противника оказалось недостаточно, значительное количество советских войск – 7 общевойсковых армий – участвовало в ликвидации сталинградского котла. К концу января противник отошел с Северного Кавказа, разделившись на две группы. Главные силы 1-й танковой армии выводились через Ростов в Донбасс, а оставшиеся соединения отступили на Таманский полуостров, где объединились с 17-й армией в мощную группировку общей численностью более 20 дивизий.

Ростов-на-Дону по-прежнему был целью советского высшего командования, чтобы одним махом покончить со всей северокавказской группировкой врага скоординированным наступлением трех советских фронтов при поддержке Черноморского флота. В рамках Северо-Кавказской стратегической операции была подготовлена наступательная операция Южного фронта по освобождению Батайска, Ростова-на-Дону и Новочеркасска под наименованием «Дон». Главная роль отводилась 2-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского и лучшим бронетанковым корпусам фронта – гвардейцам 3-го танкового Котельниковского, 2, 3 и 4-го Сталинградских, 5-го Зимовниковского механизированных корпусов. Всего в ударную группировку вошли 11 стрелковых дивизий, 13 механизированных и 3 танковых бригады, 9 танковых полков, поддержанных 18 артиллерийскими и минометными полками и 6 отдельными дивизионами. На бумаге эти силы выглядели внушительными, в реальности же войск и боевой техники, а главное, средств боевого обеспечения, оказалось намного меньше. Удаление войск на многие сотни километров от фронтовых баз снабжения, отсутствие передвижных танко- и авторемонтных заводов и мастерских привели к резкому ограничению в снабжении войск наиболее расходными видами боеприпасов и ГСМ. Сотни танков и автомашин застыли в тылу, дожидаясь ремонта или эвакуации в тыл, на ремонтные базы. Личный состав фронта почти месяц существовал на «подножном корме».

В середине января 1943 г. четыре армии Южного фронта генерал-полковника А.И. Ерёменко вышли к реке Маныч в полосе между станицей Пролетарской и устьем реки. От станицы Манычской и районного центра Весёлого до Батайска и Ростова оставалось около 40–60 км. В этой полосе «батайский коридор» удерживали две дивизии 4-й танковой армии вермахта – 17-я танковая и 16-я моторизованная, которыми командовали генерал-лейтенант Фридо фон Зенгер унд Эттерлин и генерал-майор граф Герхард фон Шверин. Всего у немцев в этой 50-километровой полосе было

4 полка мотопехоты, 2 артиллерийских полка, 4 батальона танков и штурмовых орудий, укомплектованных бронетехникой на 30 % (60–70 бронеединиц), полк шестиствольных реактивных минометов, два дивизиона ПВО. Значительное количество бронетранспортеров, гусеничных тягачей и грузовиков в танковой и моторизованной дивизиях позволяло немецкому командованию быстро перебрасывать части и подразделения с пассивных участков сражений к местам прорыва советских войск. С аэродромов Батайска, Ростова и Таганрога немецкая авиация за считанные минуты достигала поля боя и могла с утра до вечера эффективно поддерживать с воздуха свои малочисленные наземные войска.

14 января 1943 г. командующий Южным фронтом генерал-полковник А.И. Еремёнко, член Военного совета фронта Н.С. Хрущёв и начальник штаба фронта генерал-майор И.С. Варенников в 4 часа дня подписали оперативную директиву № 006. В преамбуле указывалось: «…*во исполнение указаний Ставки ВГК, основной задачей для войск Южного фронта является выход на рубеж Шахты, Новочеркасск, Ростов, Батайск, чтобы отрезать пути отхода войскам противника с Северного Кавказа; во взаимодействии с войсками Закавказского фронта уничтожить кавказскую группировку противника, не допустить ее выхода к р. Дон*». Далее в директиве конкретизировались силы и сроки: механизированной группе «Дон» в составе трех гвардейских корпусов – 3-го танкового, 2-го и 5-го механизированных, 98-й стрелковой дивизии и частей усиления под командованием генерал-лейтенанта танковых войск П.А. Ротмистрова с утра 17 января с фронта Багаевская – Весёлый нанести удар на Батайск и к утру 18 января его захватить, а одним механизированным корпусом – Ростов. Справа 300-я стрелковая дивизия своим наступлением от станицы Раздорской на Новочеркасск обеспечивала поддержку группы Ротмистрова с севера. 1-й гвардейский стрелковый корпус, взаимодействуя с 5-й Ударной армией, согласно этой директиве, должен был 18 января форсировать Северский Донец и наступать на Новочеркасск. 13-й гвардейский стрелковый корпус своими тремя дивизиями, наступая за группой Ротмистрова, выдвигался к 21 января в район Батайска – станицы Ольгинской, фронтом на юг. Летчики 8-й воздушной армии прикрывали с воздуха подвижную группу Ротмистрова и содействовали наземным войскам в захвате Батайска и Ростова-на-Дону. Начальник штаба подготавливал авиадесант (306 парашютистов-диверсантов) для выброски в район Батайска, чтобы подорвать железнодорожные пути и мосты в пойме Дона. Заместителю командующего фронтом по тылу предписывалось 15 и 16 января выделить для механизированной группы «Дон» 200 т горючего[1].

[1] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 512. Д. 62. Л. 157–158.

На основании директивы П.А. Ротмистров отдал приказ о наступлении командирам механизированных корпусов генералам С.И. Богданову и К.В. Свиридову и командиру 98-й стрелковой дивизии полковнику И.Ф. Серёгину. Из-за отсутствия горючего и большой разбросанности частей срок перехода в наступление перенесли на сутки, с 17 на 18 января. Но и в этот день собрать в ударный кулак войска из-за нехватки ресурсов не удалось. Сознавая, что невыполнение директив Ставки ВГК и Военного совета фронта грозит трибуналом, Ротмистров приказал слить все горючее из боевых и транспортных машин и заправить им 12 танков, 9 бронетранспортеров и 5 бронемашин из состава 19-й гвардейской танковой бригады. 200 автоматчиков 2-й гвардейской мотострелковой бригады составили десант на броне. Этот импровизированный передовой отряд возглавил командир 19-й бригады гвардии полковник А.В. Егоров.

19 января в ночь отряд Егорова, следуя по маршруту Малая Западенка – совхозы ОГПУ и имени Ленина – на рассвете 20 января вышел к Батайску. Здесь отряд разделился: 5 танков Т-34 с взводом автоматчиков на броне атаковали немецкий аэродром в полутора километрах восточнее станции, а главные силы отряда – станцию и поселок. На аэродроме было уничтожено десять самолетов, ангар, склады горюче-смазочных материалов и военного имущества, убиты десятки солдат из батальона аэродромного обслуживания. Отличились экипажи танков капитана А.В. Капусты, лейтенантов М.С. Курышева и Б.В. Романова. Но огнем зенитной батареи все 5 танков были подбиты, немцы при этом потеряли одно орудие. На станции Батайск разбили десятки вагонов, несколько паровозов, зенитное орудие, шестиствольный реактивный миномет, 12 автомашин и до 100 вражеских солдат и офицеров. Ответным огнем противник подбил 3 танка и 3 бронемашины, убил и ранил около 50 автоматчиков. Испытывая острый недостаток боеприпасов и горючего, остатки передового отряда отошли от Батайска на 8–10 км и в совхозах имени Ленина и имени ОГПУ заняли круговую оборону, дожидаясь подхода главных сил механизированной группы «Дон»[1].

Одновременно с атакой Батайска отрядом полковника Егорова к активным действиям перешел и противник. Генерал-фельдмаршал Манштейн передал во временное подчинение 4-й танковой армии свою «пожарную команду» – 11-ю танковую дивизию генерал-майора Г. Балька. Опытный военачальник, генерал-полковник Г. Гот немедленно нанес молниеносный удар из района станицы Ольгинской на Манычскую силами 11-й танковой дивизии, и из района Весёлого на хутор Тузлуков силами 17-й танковой дивизии, чтобы сорвать наступление главных сил группы генерала

[1] *Ерёменко А.И.* Сталинград. М., 1961. С. 489.

Ротмистрова. 19 января 45 танков и полк мотопехоты 11-й танковой дивизии атаковали малочисленную 98-ю стрелковую дивизию. Ее 166-й стрелковый полк, оборонявший хутор Самодуровка (ныне – хутор Первомайский), был окружен и рассечен на изолированные очаги сопротивления. А с наступлением темноты остатки полка разрозненными группами отступили в станицу Манычскую. 20 января 44 танка с мотопехотой 11-й танковой дивизии атаковали 308-й стрелковый полк 98-й дивизии. Его обескровленные батальоны стали отходить к Манычской. Пехоту от уничтожения спас старший лейтенант И.Л. Дроздов – командир 2-й батареи 54-го гвардейского истребительно-противотанкового дивизиона 2-го гвардейского механизированного корпуса. Подчинив себе два взвода противотанковых ружей, Дроздов огнем орудий и ПТР отбил танковую атаку. Остатки 308-го полка отошли в Манычскую, к главным силам 98-й дивизии.

21 января противник атаковал остатки отряда полковника Егорова на территории центральной усадьбы совхоза имени Ленина. Две атаки врага отбили, но горючего и боеприпасов оставалось в обрез. Вечером враг ворвался в совхоз. Контратакой резервного взвода лейтенанта В.Ф. Рекало немцы были отброшены, оставив до 40 трупов. Капитан Н.Н. Перлик своей «тридцатьчетверкой» уничтожил шестиствольный миномет, но получил тяжелое ранение. Его механик-водитель, сержант А.А. Чистяков, сам раненый, доставил командира к своим. Старшина М.М. Голиков со своей разведгруппой, используя обе уцелевшие бронемашины, вел разведку, нападал на блокирующие посты и нарушал связь противника. Опасаясь уничтожения передового отряда, генерал Ротмистров приказал Егорову отвести остатки его сил на правый берег Маныча. Под прикрытием 3-й танковой и 2-й мотострелковой гвардейских бригад к утру 23 января семь оставшихся танков и полсотни автоматчиков из отряда Егорова соединились с главными силами 3-го гвардейского танкового корпуса. За время рейда, с 19 по 22 января, передовой отряд уничтожил до 60 солдат и офицеров противника, 10 самолетов, 10 пулеметов, 2 зенитные пушки[1].

21 января летчики Жовтоножко и Думенко из 622-го штурмового авиационного полка вылетели на штурмовку колонн противника в район Усьмана, но их атаковала четверка мессершмиттов. Лейтенант Г.А. Жовтоножко приказал ведомому Думенко, прикрываясь облачностью, уходить на свой аэродром, а сам вступил в бой с истребителями. Скоро его Ил-2 был подбит, но летчик сумел посадить его на поле у Тузлукова. К самолету направились два немецких бронетранспортера. Огнем из авиапушки Жовтоножко подбил обе машины, а когда боекомплект закончился,

---

[1] *Богачёв В.П.* Гвардейский Котельниковский. М., 1981. С. 66.

поджег самолет и, отстреливаясь из пистолета, стал отходить к лесополосе. Но прорваться сквозь кольцо вражеских солдат не удалось. Последний патрон Г.А. Жовтоножко пустил себе в висок.

22 января бригады 2-го и 5-го гвардейских механизированных корпусов атаковали противника и заняли хутора Самодуровка, Черюмкин, Красный, Усьман, Нижнеподпольный. Немецкое командование направило в этот район свою авиацию и перебросило главные силы 17-й танковой и 16-й моторизованной дивизий, насчитывавших до 60 танков и столько же бронетранспортеров, до 100 орудий и минометов, сотни автомашин. 23 января, после ударов пикирующих бомбардировщиков «Ю-87» и мощного артиллерийско-минометного обстрела, обе немецкие дивизии в ходе ожесточенного боя к полудню заняли хутора Нижнеподпольный, Черюмкин, Самодуровку, Пустошкин и непрерывно атаковали Красный и Усьман[1].

98-я стрелковая дивизия полковника И.Ф. Серёгина своими малочисленными 4-м и 308-м полками обороняла Красный, прикрывая штабы дивизии и 5-го гвардейского механизированного корпуса. 166-й стрелковый полк, усиленный учебным батальоном дивизии, был окружен 50 немецкими танками и 70 автомашинами с пехотой в Самодуровке. До темноты советские пехотинцы вели неравный бой в этом хуторе, а затем пробились к Манычской. Около полудня 37 танков с двумя батальонами мотопехоты атаковали хутор Красный, предварительно сровняв с землей его немногочисленные саманные домики массированной бомбежкой и артиллерийско-минометным огнем. Штабы 5-го корпуса и 98-й дивизии понесли потери, были разбиты узлы связи, но под прикрытием пехотинцев 4-го и 308-го полков им удалось организованно перебазироваться на северный берег Маныча. Вечером 23 января остатки полков по приказу командира дивизии отошли в Манычскую. В Самодуровке в руки гитлеровцев в бессознательном состоянии попал командир 1-го батальона 166-го полка капитан В. Лесников. Его жестоко пытали, но офицер молчал. Ему нанесли десятки колото-резанных ран ножами и штыками. Радист роты связи этого полка красноармеец Л. Солдатенко до последнего патрона вел огонь и уничтожил 11 солдат противника, а ночью, прихватив рацию, вышел из окружения в расположение главных сил 98-й дивизии.

Тяжелейший бой в этот день вели за Усьман 10-я и 12-я гвардейские механизированные бригады 5-го механизированного корпуса. В 8:05 18 танков из Камышовки и 24 танка из Тузлукова атаковали позиции 12-й механизированной бригады на юго-восточной окраине хутора. Гвардейцы бригады отбили три атаки, уничтожив 11 танков и до 100 вражеских солдат.

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 505. Д. 16. Л. 98.

Еще три танка подорвались на минных полях, установленных саперами 63-го гвардейского батальона 5-го механизированного корпуса на дорогах западнее и юго-западнее Тузлукова. Западную и северо-западную окраины Усьмана обороняла 10-я гвардейская механизированная бригада. Ее воины отбили две атаки превосходивших сил, но немцы не ослабляли натиска. Когда их танки и мотопехота ворвались в хутор, к панораме орудия, расчет которого вышел из строя, встал гвардии подполковник В.И. Карев. Прежде чем осколки сразили его, командир бригады лично подбил три вражеских танка.

11-я механизированная бригада 5-го корпуса в этот день удерживала хутор Чернышёв. К исходу 23 января 4, 5, 6-я гвардейские механизированные бригады 2-го механизированного корпуса решительной контратакой выбили немцев из Черюмкина, Нижнеподпольного, Красного Ловца, где и закрепились. В 3-м гвардейском танковом корпусе все боеспособные танки были переданы в 3-ю гвардейскую танковую бригаду, которая при поддержке 2-й гвардейской мотострелковой бригады выбила 63-й мотопехотный полк 17-й танковой дивизии противника из хутора Пустошкина и потеснила его к хутору Зелёная Роща. В корпусе осталось всего 11 боеспособных танков. В двух остальных корпусах механизированной группы «Дон», в 2-м и 5-м гвардейских механизированных (шесть механизированных бригад и четыре отдельных танковых полка) на 24 января оставалось на ходу 45–50 легких и средних танков типа Т-70 и Т-34[1]. 13-й гвардейский стрелковый корпус генерала П.Г. Чанчибадзе силами 49-й гвардейской дивизии удерживал рубеж Позднеевка – Красный Кут – Весёлый. 3-я гвардейская дивизия двумя полками вела бой в 500 м севернее хутора Красное Знамя, имея в резерве 3-й стрелковый полк в станице Багаевской[2].

24 и 25 января эпицентром кровопролитных боев стала Манычская, где отличился 54-й гвардейский истребительно-противотанковый дивизион старшего лейтенанта И.П. Наконечного из 2-го механизированного корпуса. Героем обороны станицы стал замполит дивизиона майор Н.К. Русаков. В первый день боя 2-я батарея под командованием старшего лейтенанта Н.М. Остапенко отразила две массированные танковые атаки и подбила 10 танков. Два из них уничтожил сам комбат. 25 января враг атаковал станицу с юго-запада и юго-востока двумя группами, по 20 и 30 танков, с батальоном мотопехоты каждая. Уничтожив пять танков, погибла 3-я батарея, боем которой руководил командир дивизиона. Командование 2-й гвардейской армии посмертно наградило И.П. Наконечного орденом

[1] ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1072. Д. 1. Л. 225, 235, 243, 261.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 505. Д. 16. Л. 98.

Красного Знамени. К исходу этого дня, потеряв еще 10 танков и подавив батареи 54-го дивизиона и 435-го противотанкового полка, немцы захватили Манычскую. Захват станицы стоил противнику 30 сгоревших и подбитых танков. На восточной окраине был блокирован пункт управления 1-й батареи 54-го гвардейского противотанкового дивизиона во главе с лейтенантом Г.Н. Гайфулиным. Подчинив себе взвод противотанковых ружей, отважный лейтенант в течение всей ночи вел неравный бой с танками и автоматчиками противника. Утром 26 января, оставшись один и без патронов, Гайфулин подорвал противотанковой гранатой себя и бросившихся к нему вражеских солдат.

26 января, к 15:00, остатки 3-го гвардейского Котельниковского танкового корпуса сосредоточились на правом берегу Маныча. 19-я и 18-я танковые бригады сосредоточивались в хуторе Ёлкин. 3-я танковая и 2-я мотострелковая гвардейские бригады этого корпуса заняли оборону по берегу реки, имея боеспособными 4 КВ, 1 Т-34 и 1 Т-70, 2 противотанковые пушки. 2-й гвардейский механизированный корпус перешел к обороне напротив станицы (во всех трех бригадах насчитывалось 4 Т-34 и 4 Т-70). 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус из района хутора Федулов атаковал Тузлуков, имея в боевых порядках 2 Т-34 и 5 легких Т-70, а также 7 45-мм противотанковых пушек, 2200 активных штыков[1]. Эта атака была отбита с большими потерями пехоты на манычском льду.

Вечером генерал-лейтенант танковых войск П.А. Ротмистров докладывал командующему 2-й гвардейской армией генерал-лейтенанту Р.Я. Малиновскому: «*Части механизированной группы в результате сложившейся обстановки и тяжелых потерь сейчас самостоятельных боевых действий вести не могут*»[2]. Оперативные сводки Генерального штаба Красной армии за 24–31 января 1943 г. фиксируют упорные оборонительные бои с танками и пехотой противника в полосе Манычская – Свобода. Ставка ВГК оперативной директивой № 30031, отправленной 26 января в 23 часа 40 минут командующему Южным фронтом генерал-полковнику Ерёменко, категорически потребовала: «*1. Решительно улучшить управление войсками фронта. 2. Ускорить темп наступления 51-й и 28-й армий и 28.01.43 г. выйти на рубеж: Ольгинская, Батайск. 3. ВПУ 2-й гвардейской армии немедленно приблизить к войскам. 4. Управления 2-го, 5-го гвардейских механизированных корпусов и 3-го гвардейского танкового корпуса передать непосредственно тов. Малиновскому. 5. Получение подтвердить, исполнение донести. И. Сталин. Г. Жуков*»[3].

[1] *Ерёменко А.И.* Сталинград. С. 490.

[2] Там же.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 12. Л. 75–76.

Немедленно по получении этой директивы Военный совет фронта отдал приказ командующим 2-й гвардейской, 51-й и 28-й армиями: «*Ставка ВГК поставила перед Южным фронтом категорическую задачу к исходу 28-го января выйти в район Батайск, Койсуг и отрезать пути отхода кавказской группировки. Решительными действиями 28-го января разгромить противостоящего противника и выйти на рубеж: Ольгинская, Батайск, Койсуг. Для выполнения этой задачи мобилизовать весь личный состав. В войска направить ответственных командиров и политработников для помощи в организации и проведения решительного наступления и разгрома врага. Ерёменко. Хрущёв. Варенников*»[1].

Командующий 2-й гвардейской армией генерал Малиновский был вынужден провести перегруппировку, сменить обескровленные части танкового и механизированных корпусов и 98-ю стрелковую дивизию гвардейской пехотой 1-го и 13-го стрелковых корпусов. Наспех организованное наступление результатов не дало. 27 января полки 24-й гвардейской дивизии генерала П.К. Кошевого с остатками 5-го механизированного корпуса повели наступление на Тузлуков и Малую Западенку. Неоднократные попытки преодолеть Маныч враг пресекал шквальным огнем всех видов оружия и бомбо-штурмовыми ударами авиации. Также безуспешными были атаки 3-й и 49-й гвардейских дивизий, усиленных танками 128, 136, 158 и 223-го отдельных танковых полков, восстановить положение на южном берегу Маныча. Под лед ушло до двух десятков танков, столько же было подбито огнем противника. Большие потери понесли и стрелковые полки. Как свидетельствуют старожилы хутора Тузлуков, «*много погибших солдат осталось лежать в камышах реки Маныч. Весной, когда река проснулась, течение понесло тела погибших. Куда? Никто не знает. Сколько? Никто не считал...*»[2]. Под впечатлением от больших потерь, раздавленный неудачным наступлением, пытавшийся лично поднимать солдат в атаку и получивший ранение в ногу, застрелился член Военного совета армии гвардии генерал-майор Илларион Иванович Ларин.

29 и 30 января войска 2-й гвардейской армии неоднократно пытались форсировать реку, но безуспешно. 30 января немецкая авиация разбомбила штаб армии в хуторе Нижнесолёном. Погибли несколько офицеров штаба, сгорело много оперативных и учетных документов. Поэтому указанная в итоговой сводке штаба армии суммарная цифра потерь личного состава

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 30. Л. 16.

[2] Ростовский областной музей краеведения. Отдел фондов. Письменные источники. КП 22169.

за 20–30 января 1943 г. – 17 802 чел.[1] – неполная. На 30 января все танковые и механизированные соединения и части были обескровлены и небоеспособны: 3-й гвардейский танковый корпус имел 9 танков и 350 мотострелков; 2-й гвардейский мехкорпус – 8 танков, около 1000 мотострелков; 5-й гвардейский мехкорпус – 8 танков, до 2000 мотострелков; 128, 136, 158, 223-й отдельные танковые полки имели 24 танка, а всего во 2-й гвардейской армии оставалось боеспособными 49 танков. 4-й гвардейский мехкорпус с 2 танками занимал хутора Павлов, Золотарёв и Ново-Калиновский. 3-й гвардейский мехкорпус имел 4 танка, сосредоточился в хуторах Раково-Таврический и Радухина Балка[2]. За три недели до этого в вышеуказанных частях и соединениях было 526 исправных танков[3]. В штабе Южного фронта оформили заявку, где указывалось: «*для восполнения потерь необходимо фронту пополнение – 100 000 человек, из них 50 000 гвардейского; танков – 500 единиц*»[4].

31 января гвардейцы 24, 33 и 49-й дивизий, поддержанные уцелевшими и отремонтированными танками из расформированной механизированной группы «Дон», форсировали Маныч и завязали бои на его левобережье. 24-я дивизия с 9 отремонтированными танками 18-й гвардейской танковой бригады подполковника Д.К. Гуменюка вышла к хутору Красному. 33-я гвардейская дивизия генерал-майора А.И. Утвенко вела бои за Манычскую, которую враг превратил в мощный узел сопротивления. Здесь оборонялся 156-й мотопехотный полк 16-й моторизованной дивизии, усиленный 2 батареями гаубиц и 20 танками. Предпринятая в ночь на 1 февраля атака 84-го и 91-го стрелковых полков была отражена. Неудачей закончился и штурм Самодуровки 88-м гвардейским полком.

В первый день февраля продолжались затяжные бои. Гвардейцы 24-й дивизии после двух атак хутора Красного отошли на рубеж: отметка 14,5; отметка 10,7. 49-я гвардейская дивизия генерала Д.П. Подшивалова в ходе тяжелого боя заняла хутор Армянский, но, контратакованная во фланг и тыл батальоном мотопехоты с 11 танками, отошла на рубеж: отметка 53,4; отметка 101,8. 33-я дивизия вела бой за Манычскую. Батальон 88-го полка зацепился за ее восточную окраину. Немцы выставили против него из Самодуровки 8 танков и 5 грузовиков с пехотой, но наскочили на минное поле и остановились. Генерал Утвенко атаковал Манычскую с трех сторон.

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 505. Д. 14. Л. 46, 46об, 47.
[2] ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 15. Л. 78–79.
[3] ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 505. Д. 82. Л. 1–7.
[4] ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 15. Л. 78–79.

После двухсуточного боя, к исходу 2 февраля, гвардейцы полностью очистили станицу. В этот же день 88-й гвардейский полк освободил Самодуровку[1]. Дивизии 13-го гвардейского стрелкового корпуса к исходу 2 февраля освободили Красный, Усьман, Зелёную Рощу. Тяжелый и длительный бой шел за хутор Тузлуков. Участник боя И.А. Пшенник в 1978 г. вспоминал: «*Наша бригада двинулась к хутору Тузлукову. Ночь превратилась в день. Взлетали красные ракеты, строчили пулеметы, рвались гранаты, мины, снаряды, стреляли бронебойщики. Крики и стоны, ругань – все слилось в единый звук. С востока немцев прижали наши батальоны. На западе хутора, на минных полях, расставленных нашими саперами, подрывались немецкие танки. Хутор горел как факел. Бой не утихал вторые сутки, но уже было заметно, что силы немцев на исходе. Всю ночь – бой. На рассвете мы вступили в хутор Тузлуков. Повсюду можно было видеть зияющие в провалах снега черные воронки, скелеты сгоревших танков, немецкие трупы, брошенную врагом технику. Были здесь и собачьи упряжки, на которых наши санитары вывозили с поля боя раненых бойцов. Мы подсчитали свои трофеи: около 500 убитых фашистов, 124 пленных, 54 автомашины, 4 зенитки, 8 минометов, 6 брошенных немецких танков, продовольственный склад и многое другое... От некогда большого хутора осталось 6–7 домов. Снег от копоти был черным, везде грудами лежали солдаты: наши и немецкие. В одном доме было около двадцати наших солдат, когда в него попал снаряд. Все погибли. Старики хутора Тузлуков сразу стали собирать убитых. Они запрягали волов в сани и целую неделю ездили по всей округе, собирая солдат. Укладывали их в воронки. Сколько их было, воронок, набитых мерзлыми трупами – тридцать? Сорок? Пятьдесят? Кто знает? Счету не было...*»[2].

В этот напряженный момент произошла смена командования Южного фронта. Ввиду открывшихся ран генерал-полковник Ерёменко был отправлен в подмосковный госпиталь, 2 февраля в командование фронтом вступил генерал-лейтенант Малиновский[3]. Полгода назад он, после оставления Ростова-на-Дону, был снят с должности командующего Южным фронтом 1-го формирования. Теперь Р.Я. Малиновский снова командовал Южным фронтом, и его войскам предстояло освобождать донскую столицу. Через два дня последовал указ о присвоении ему воинского звания генерал-полковника. В командование 2-й гвардейской армии вступил генерал-майор Я.Г. Крейзер.

После освобождения Манычской и Самодуровки малочисленные полки 33-й гвардейской дивизии в упорных боях освободили 4 февраля

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 71. Л. 19–20.

[2] Ростовский областной музей краеведения. Отдел фондов. Письменные источники. КП 22169.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 64. Оп. 505. Д. 101. Л. 13.

хутора Арпачин и Алитуб. Гвардейцы 3, 24 и 49-й стрелковых дивизий 13-го стрелкового корпуса к 6 февраля вышли в район Усьман – Резников – Верхне- и Нижнеподпольный. На этом бои на манычском рубеже завершились. Перед 2-й гвардейской армией были поставлены новые задачи – освободить Новочеркасск, обойдя Ростов с севера. 51-я армия генерала Н.И. Труфанова наступала через Ольгинскую на Аксайскую, а 28-я армия генерала В.Ф. Герасименко – через Батайск на Ростов. Фронтовая конно-механизированная группа генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко в составе 4-го Кубанского и 5-го Донского гвардейских казачьих кавалерийских корпусов (шесть дивизий), 2, 14, 15-й танковых бригад, 134-го и 221-го отдельных танковых полков наступала из района Койсуга через плавни на станцию Хапры, обходя Ростов с запада. Пять дивизий 44-й армии генерала В.А. Хоменко через Азов и пойму дельты Дона двигались на Синявскую и Самбек. Наступление продолжалось.

Кровавые бои в течение 18 суток в устье Маныча отмечены в официальной истории Великой Отечественной войны несколькими строчками общего характера. Массовый героизм и подвиги сотен воинов-гвардейцев не удостоены золотых звезд героев. Тысячи павших остались безымянными, захороненные в воронках, в погребах сожженных хуторов, в силосных ямах, в окопах и блиндажах. Немецкое командование удостоило высшей награды – Рыцарского креста с бриллиантами не только командиров дивизий – 11-й и 17-й танковых, 16-й моторизованной, но и командира 156-го мотопехотного полка и ряд младших офицеров, отметив их вклад в спасение 1-й танковой армии вермахта, выведенной с Северного Кавказа через «батайские ворота». «Гросс-Сталинград» не получился...

7 февраля войска 28-й армии освободили Батайск, 13 февраля воины 2-й гвардейской армии вошли в Новочеркасск, а 14 февраля, после шести суток тяжелых боев, советские войска освободили Ростов-на-Дону. Однако дальнейшее наступление армий Южного фронта остановил немецкий оборонительный рубеж протяженностью в 104 км, получивший название Миус-фронта. Он начинался у села Самбек у Таганрогского залива, шел по реке Миус и упирался в город Красный Луч Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области. По степени неприступности, плотности огня и количеству долговременных укреплений Миус-фронт можно сравнить с такими широко известными оборонительными комплексами, как финская линия Маннергейма, французская линия Мажино, немецкая линия Зигфрида или советская линия Молотова[1]. Бои на Миусских рубежах продолжались до конца августа 1943 г.

---

[1] *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г.* Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). С. 201.

Одновременно с войсками Южного фронта в большой излучине Дона наступали левофланговые армии Юго-Западного фронта – 1, 3-я гвардейские, 5-я танковая армии. К 14 января соединения 5-й танковой армии генерала М.М. Попова вышли к реке Северский Донец восточнее Каменска. Сюда вскоре подошли соединения 5-й Ударной армии Южного фронта. В это же время войска правого крыла Юго-Западного фронта продвинулись к реке Айдар. Попытки противника задержать наши войска на заранее подготовленном рубеже потерпели неудачу. В результате январского наступления армии Юго-Западного фронта вышли на рубеж: Покровское, Сватово, Рубежное, далее по левому берегу Северского Донца до поселка Усть-Быстрый (в 65 км юго-восточнее Каменска). Восточнее Ворошиловграда наши войска форсировали Северский Донец и захватили плацдарм на правом берегу. 20 января командующий фронтом генерал-полковник Н.Ф. Ватутин доложил Верховному главнокомандующему И.В. Сталину план операции по окружению и уничтожению донбасской группировки противника. Суть его заключалась в следующем: «…*сильной подвижной группой в составе 3, 10 и 18-го танковых корпусов, трех стрелковых дивизий, трех истребительно-противотанковых бригад, трех гвардейских минометных полков, трех зенитно-артиллерийских полков, усиленных тремя лыжными бригадами, прибывающими по ж/д; нанести удар с рубежа Тарасовка – Старобельск в общем направлении на Краматорск, Артемовск и далее на Сталино, Волноваха, Мариуполь, с задачей отрезать всю территорию Донбасса, окружить и уничтожить войска противника, забрать всю технику, запасы и прочие богатства на этой территории, не дав противнику ничего вывезти*»[1].

С подвижной группой генерал-лейтенанта М.М. Попова, по замыслу Ватутина, должна была тесно взаимодействовать 3-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко, которая наносила удар из района юго-западнее Каменска на Сталино (ныне – Донецк). Своей подвижной группой в составе 2-го гвардейского, 23-го и 2-го танковых, 1-го механизированного корпусов на 3–4-й день операции она должна была выйти на рубеж Дебальцево, Макеевка, Сталино, где соединиться с группой Попова, окружив и уничтожив войска противника в Донбассе[2].

Этот дерзкий план получил кодовое наименование «Скачок». К сожалению, материально-техническое обеспечение задуманной операции оставляло желать лучшего. Стрелковые соединения были обескровлены вследствие больших потерь. 1-я и 3-я гвардейские, 5-я танковая армии в течение

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1135. Д. 9. Л. 325.

[2] Там же. Л. 327–329.

января 1943 г. потеряли, соответственно, 19 319, 21 113 и 8929 чел. личного состава. 8-й кавалерийский корпус – 2500 чел.[1] 1-й и 4-й гвардейские, 25-й танковые корпуса не имели матчасти. Ставка ВГК в течение нескольких суток не имела возможности пополнить бронетехникой 9 танковых и 2 механизированных корпуса Юго-Западного фронта хотя бы до половины штатной численности (по 80–90 боевых машин в корпусе), как и дать 100 000 чел. обученного пополнения.

30 января, в 8:50, после артиллерийского огневого налета, войска Юго-Западного фронта перешли в наступление. После исключительно кровопролитных боев соединения 3-й гвардейской армии 14 февраля освободили город Ворошиловград. 1-я гвардейская армия и фронтовая подвижная группа генерал-лейтенанта Попова заняли Лозовую, Барвенково, Славянск, Краматорск, Красноармейское. 8-й кавалерийский корпус к 13:00 вел бои на восточной окраине Дебальцево. 5-я танковая армия, в командование которой с 21 января вступил генерал-майор И.Т. Шлемин, к исходу 13 февраля освободила Каменск-Шахтинский и важную узловую станцию Лихая. К 14 февраля, выйдя на рубеж Малая Каменка, Лихая, Зверево, войска 5-й танковой армии полностью очистили от противника железные дороги Сталинград – Лихая и Миллерово – Ростов на участке Каменск – Зверево[2]. К 18 февраля части 5-й Ударной армии вышли на рубеж Верхний Нагольчик, Дьяково, Новая Надежда, Куйбышево, где встретили хорошо подготовленный в инженерном отношении оборонительный рубеж противника. Дивизии армии имели лишь 20–30 % от штатного состава, активных штыков в стрелковых ротах и батальонах оставалось по 20–30 чел. В 4-й гвардейской стрелковой дивизии осталось 2550 чел., из них 800 чел. – в частях обслуживания, в 258-й стрелковой дивизии – 2138 чел, из которых 1123 – в тыловых подразделениях обеспечения и обслуживания, в 315-й стрелковой дивизии – соответственно 3241 и 915 чел.[3]

В труднейших зимних условиях в сражениях с опытным и хорошо оснащенным противником войска Южного и Юго-Западного фронтов в течение полутора месяцев очистили большую излучину Дона и вышли на позиции, с которых враг начинал летнюю кампанию 1942 г. Требовалась передышка. Впереди были штурм и прорыв Миус-фронта, освобождение Донбасса.

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 592. Д. 92. Л. 71, 89–98, 105–106, 115.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 230. Л. 202–206.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 333. Оп. 4885. Д. 27. Л. 64–67.

5.3. Роль ленд-лиза и каспийских конвоев

Изучение вопроса о роли поставок по ленд-лизу через «персидский коридор» в успехах Красной армии на южном фланге советско-германского фронта в годы Великой Отечественной войны не являлось приоритетным исследовательским направлением в советской историографии вследствие идеологического противостояния времен холодной войны. И только сегодня этот вопрос приобрел актуальность, появились и первые переводные работы[1].

С началом Великой Отечественной войны Советский Союз оказался в тяжелом положении. Большие потери военной техники и боеприпасов, вынужденная эвакуация оборонных предприятий на восток страны поставили перед советским военно-политическим руководством задачу поиска альтернативы в решении проблемы обеспечения армии необходимым вооружением в кратчайшие сроки. К этому времени лидеры США и Великобритании Ф. Рузвельт и У. Черчилль оценили последствия возможного поражения СССР. Германская агрессия против СССР дала толчок к возобновлению военно-экономических связей Вашингтона и Лондона с Москвой.

После подписания в июле 1941 г. советско-английского соглашения о предоставлении СССР кредита в размере 10 млн фунтов стерлингов в начале сентября начались первые поставки военных грузов из Великобритании в северные порты СССР. Поставки из США совершались по ранее заключенному советско-американскому соглашению 1937 г. и первоначально были платными для СССР[2]. На Московской конференции 29 сентября – 2 октября 1941 г. представители СССР, США и Англии договорились о поставках для нашей страны военной техники, оружия, снаряжения и других средств на период до июня 1942 г. Президент США Ф. Рузвельт 25 октября 1941 г. учредил Администрацию по ленд-лизу во главе с Э. Стеттиниусом. В сентябре 1943 г. она была преобразована в Администрацию по внешней экономике под руководством Л. Кроули. Достигнув трехстороннего соглашения, стороны определили способы поставки военно-экономической помощи в СССР.

---

[1] *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г.* Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012. С. 47–70; *Джонс Р.* Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй мировой войне 1941–1945. М., 2015 и др.

[2] *Монин С.* Маршруты ленд-лиза // Обозреватель – Observer. Научно-аналитический журнал. 2010. № 6 (245). С. 50–57.

Все ленд-лизовские поставки в СССР осуществлялись в несколько этапов в соответствии с подписанными протоколами:

1) до подписания протокола – с 22 июня 1941 г. по 30 сентября 1941 г.;

2) Первый протокол (подписан 1 октября 1941 г.) – с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г.;

3) Второй протокол (подписан 6 октября 1942 г.) – с 1 июля 1942 г. по 30 июня 1943 г.;

4) Третий протокол (подписан 19 октября 1943 г.) – с 1 июля 1943 г. по 30 июня 1944 г.;

5) Четвертый протокол (подписан 17 апреля 1944 г.) – с 1 июля 1944 г. по 20 сентября 1945 г.

Действовало пять основных маршрутов ленд-лиза: Тихоокеанский – через Дальний Восток, Трансиранский, Арктические конвои в Мурманск, через Чёрное море и через Советскую Арктику. Трансиранский маршрут был относительно безопасным, хотя и протяженным. В целях увеличения объема поставок пришлось усовершенствовать транспортные узлы Ирана – порты Персидского залива и Трансиранскую железную дорогу. Для обеспечения безопасности и стабильности поставок через «персидский коридор» СССР и Великобритания еще в августе 1941 г. ввели на территорию Ирана свои войска. С мая 1942 г. через Иран доставлялось до 90 тыс. т грузов в месяц[1].

Значительную долю грузов перевозила Каспийская военная флотилия, нередко подвергавшаяся при этом авиационным налетам противника. Самолеты люфтваффе наносили постоянные удары по астраханскому рейду, где проводилась перегрузка оборудования и товаров с морских судов на речные. С начала августа до конца ноября 1942 г. противник совершил более 200 налетов на астраханский рейд. Основным прикрытием от вражеской авиации служили зенитные плавсредства, которые охраняли водный транспорт[2]. Из Астрахани грузы ленд-лиза отправлялись в Сталинград и далее[3]. Стратегическое значение имела железная дорога от Кизляра до Астрахани, построенная в первом полугодии 1942 г. и обеспечивавшая снабжение советских войск на Кавказе и поставки по Трансиранскому коридору ленд-лиза в СССР.

[1] Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. Киров, 2014. С. 78–83.

[2] *Широкорад А.Б.* Каспий – русское озеро. Великий Волжский путь. Большая нефть и большая политика. М., 2007. С. 305–306.

[3] *Монин С.М.* Ленд-лизовский транзит через Иран и Каспий в 1941–1942 годах // Центр военно-политических исследований МГИМО. 01.2013. URL: http://eurasian-defence.ru/?q=node/6540 (дата обращения: 11.11.2016).

По ленд-лизу поставлялись различные виды продовольствия и армейского снаряжения, от пуговиц до обуви. Немаловажную долю поставок составляло промышленное оборудование, а также цветные и черные металлы, в которых остро нуждалась экономика страны вследствие остановки в начале войны многих предприятий. Особенно был необходим алюминий, составляющий основу всей авиационной промышленности. Из него также изготавливались двигатели для танков, автомобилей и мотоциклов. Поставки необходимого для авиационной отрасли сырья по ленд-лизу в СССР начались весной 1942 г. Снабжение медью и железом помогло в производстве боеприпасов, военной техники, оборудования для связи и т.д.

Широкомасштабное наступление немецких войск и их союзников на юге советско-германского фронта летом 1942 г. совпало с приостановкой на 5 месяцев транспортировки грузов ленд-лиза через Северную Атлантику со стороны США и Англии. Причиной этого стала трагическая гибель северного конвоя союзников PQ-17. В июле 1942 г. на дно ушло 430 танков, 210 самолетов, 3350 автомобилей и почти 100 тыс. т других грузов, которые направлялись в СССР для нужд Красной армии. Временно были сокращены и поставки ленд-лиза по Трансиранской железной дороге[1]. В октябре 1942 г., когда решалась судьба войны на Кавказе и под Сталинградом, американские продовольственные поставки возросли. Советские войска получали по ленд-лизу консервы, сгущенное молоко, сухие продукты для быстрого приготовления и многое другое. Но общий объем поставок в 1942 г. оказался значительно ниже запланированного. А в 1943 г. в СССР из США была поставлена только треть продуктов из предполагаемого объема.

Первостепенное значение для Вооруженных сил СССР имели поставки танков и авиации по ленд-лизу (см. приложение 10). Всего в СССР за время Великой Отечественной войны по разным оценкам было поставлено от 10 до 13 тыс. танков «Валентайн», «Матильда», «Черчилль», «Стюарт», «Шерман» и других из США, Великобритании и Канады[2]. Из Англии и США также поставлялись бронетранспортеры МК-1 «Универсал Кэрриер» и М3А1 «Скаут». Английская, американская и канадская бронетехника широко использовалась в боях в большой излучине Дона (рис. 13, 14).

---

[1] *Якушевский А.* Реферат на книгу Р. Джоунса «Дороги в Россию: помощь США Советскому Союзу по ленд-лизу» // Информационный бюллетень Института военной истории МО СССР. М., 1972. № 10. С. 41.

[2] *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г.* Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). С. 64.

Рис. 13. БТР МК-1 «Универсал Кэрриер». Юго-Западный фронт, июль 1942 г.[1]

Рис. 14. Итальянские солдаты у подбитого советского среднего танка М3с «Генерал Ли». Большая излучина Дона, лето 1942 г.[2]

[1] *Таланов В.* Бронетехника ленд-лиза // Бронеколлекция. 2009. № 3. С. 22.

[2] Итальянские солдаты у подбитого советского танка М3 «Генерал Ли». URL: http://waralbum.ru/27157 (дата обращения: 15.11.2016).

Так, в течение сентября – октября 24, 66-я и 1-я гвардейская армии вели тяжелые бои с противником, рвавшимся в Сталинград с севера. Осуществив перегруппировку войск, советское командование решило перейти в наступление в районе поселка Городище[1]. С этой целью 241-я танковая бригада 66-й армии и 167-я танковая бригада 62-й армии были переданы в подчинение 24-й армии. Значительную часть вооружений в них составляли английские и американские танки: в 241-й бригаде имелось 23 танка М3с «Генерал Ли» и 25 танков М3А1 «Стюарт» (рис. 15, 16), в 167-й бригаде – 29 танков Mk III «Валентайн» и 21 танк Т-70. Ранним утром 30 сентября началось советское контрнаступление. Плотный огонь орудий противника отрезал советскую пехоту от танков. Танковые бригады ушли на большое расстояние вперед, связь с ними после полудня прервалась. Советские танкисты потеряли 2 Т-34, 3 Т-60, 19 Т-70, 8 М3с «Генерал Ли», 47 М3А1 «Стюарт» и 24 «Валентайна». Контратаковавшая 3-я моторизованная дивизия противника, применив 24 легких и средних танка, потеряла всего 3 танка[2]. Огромные потери 241-й и 167-й танковых бригад в меньшей степени связаны с боевым качеством машин и, в первую очередь, объясняются отсутствием плотного взаимодействия танков с пехотой и артиллерией, а также прикрытия с воздуха. Понеся тяжелые потери, советская группировка все же смогла ослабить наступавшие на Сталинград силы 6-й немецкой армии.

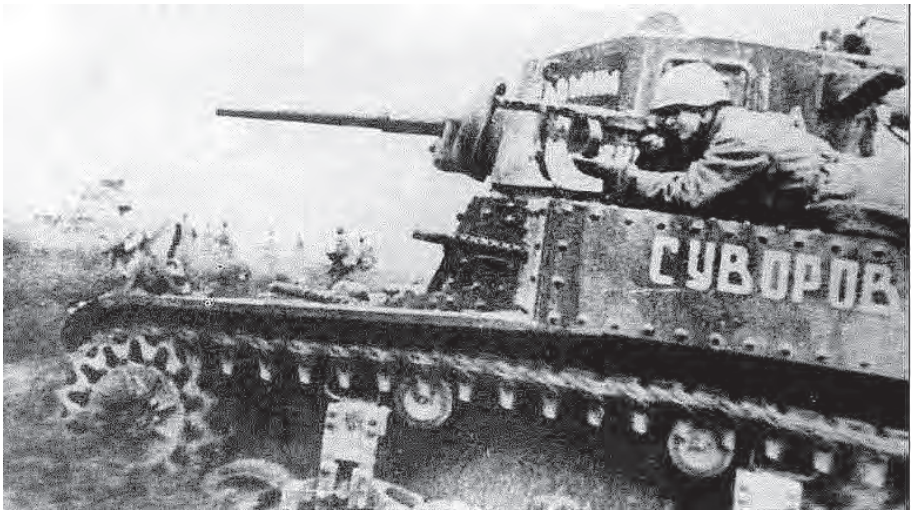

Рис. 15. Танки М3А1 «Стюарт» 241-й танковой бригады. Донской фронт, сентябрь – ноябрь 1942 г.[3]

[1] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 268. Д. 2. Л. 112–114.

[2] *Исаев А.В.* Сталинград. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2014. С. 100–101.

[3] Танки ленд-лиза в Красной армии. URL: http://www.libros.am/book/read/id/228018/slug/tanki-lend-liza-v-krasnojj-armii-chast-2 (дата обращения: 15.11.2016).

Рис. 16. Танк М3с «Генерал Ли» 241-й танковой бригады. Донской фронт, сентябрь – ноябрь 1942 г.[1]

В сравнении с поставками легких и средних танков количество тяжелых британских танков Mk III и Mk IV «Черчилль», полученных в 1942 г. по программе ленд-лиза, было невелико. Первая партия танков «Черчилль» (10 машин) поступила в июле 1942 г. Как и другие тяжелые танки, они были направлены в парк отдельных гвардейских тяжелых танковых полков прорыва. Каждому такому полку полагалось иметь 21 танк и более 200 чел. в своем штате. Впервые танки «Черчилль» использовались в боевых действиях в период Сталинградской битвы во второй половине 1942 г. В январском разгроме 1943 г. немецкой группировки 6-й армии Ф. Паулюса активно участвовали 47-й и 48-й отдельные гвардейские тяжелые танковые полки прорыва[2]. В первой декаде января 1943 г. 47-й полк, имевший на вооружении 21 танк Mk IV «Черчилль», находясь в оперативном подчинении 65-й армии Донского фронта, совместно с 91-й танковой бригадой и пехотными частями вел активные бои у сталинградского завода «Баррикады». В 91-й танковой бригаде в ноябре 1942 г. из 23 танков 7 были американскими М3с «Генерал Ли». Но уже 14 января 1943 г., после понесенных потерь, из 12 танков в бригаде всего один был ленд-лизовским. 48-й отдельный гвардейский тяжелый полк прорыва, оснащенный на 100 % ленд-лизовскими танками Mk IV «Черчилль», прибыв из Горького на Донской

[1] Танки ленд-лиза в Красной армии...

[2] *Барятинский М.Б.* Танки ленд-лиза в бою. М., 2009. С. 118.

фронт, сосредоточился на левом берегу Дона у поселка Питомник и вошел в подчинение 21-й армии. Взаимодействуя с 51-й гвардейской стрелковой дивизией, 48-й танковый полк сражался за хутор Гумрак, и 30 января его 4 уцелевших танка вошли в Сталинград.

Оснащенная американскими средними М3с «Генерал Ли» и легкими М3л «Генерал Грант» танками, а также автомобилями американского производства «Форд-6», «Шевроле», «Додж» и мотоциклами «Харлей», 114-я танковая бригада в составе Сталинградского и Донского фронтов вела тяжелые оборонительные бои в междуречье Дона и Волги. На 18 сентября 1942 г. в ней имелось 30 М3с «Генерал Ли» и 16 М3л «Генерал Грант». Во время советского контрнаступления под Сталинградом в ноябре 1942 г. бригада действовала в районе города Калача, станицы Нижне-Чирской, хутора Вертячего и других населенных пунктов.

В 10-й танковой бригаде из 41 танка только 10 были британскими Mk II «Матильда». В боях на Донском фронте в октябре – ноябре 1942 г. 10-я бригада потеряла технику и в декабре была отведена в тыл на переформирование и укомплектование. Из оставшихся танков большинства танковых бригад, сражавшихся на Дону и Волге, позже были сформированы отдельные танковые батальоны.

В Миллерово-Ворошиловградской наступательной операции Юго-Западного фронта в январе – феврале 1943 г. 5-й механизированный корпус под командованием генерал-майора танковых войск М.В. Волкова, кроме бронеавтомобилей имел на вооружении 217 ленд-лизовских танков: 79 Мк III и 138 Мк IV[1]. Успехи 5-го корпуса в разгроме миллеровской группировки противника были оплачены большими потерями в личном составе и бронетехнике. На 10 февраля в корпусе осталось 27 танков и 65 бронеавтомобилей[2].

Через Персидский залив в СССР прибыло значительное количество автомобилей. Часть из них поставлялась в порты Ирана и Ирака в разобранном виде, собиралась на месте и транспортировалась далее своим ходом. К октябрю 1942 г. пропускная способность иранского маршрута ленд-лиза вышла на уровень северных портов, до 100 тыс. т в месяц. Порой приходилось перегонять до 10 тыс. машин в месяц. В связи с этим большой проблемой стала подготовка водителей для автомобильных колонн, которые от портов Персидского залива перегонялись до Каспия. Этот вопрос решился после организации кратковременных курсов водителей, набранных из числа местного населения. Благодаря этому в боях в большой излучине Дона

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11 373. Д. 150. Л. 21.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 161. Л. 135.

в войсках РККА широко использовались «Виллисы», «Студебеккеры», «Доджи», «Джи-Эм-Си», «А.Е.С.», «Бедфорды», «Альбионы», «Остины», «Скаммеллы» и другие автомобили. Ежемесячно в течение 1942 г. для Красной армии по «персидскому коридору» поставлялось 2 тыс. военных машин, а во второй половине 1943 г. – около 5 тыс. автомобилей[1]. Наибольшую известность приобрел легкий полевой автомобиль «Виллис» (рис. 17), а также «Студебеккер», на который впоследствии установили реактивную систему БМ-13, получившую название «Катюша». За все время действия ленд-лиза в СССР были переправлено 483 тыс. автомобилей[2].

Рис. 17. Автомобиль «Виллис» буксирует 45-мм противотанковую пушку. Окраина Сталинграда, ноябрь 1942 г.[3]

С весны 1942 г. на вооружение советских ВВС через «персидский коридор» поступали американские и английские самолеты. Уже в марте 1942 г. советские летчики получили в Тегеране 72 бомбардировщика. К концу 1942 г. США поставили в СССР 300 бомбардировщиков А-20 «Бостон» и

[1] Автомобили по ленд-лизу. URL: http://www.gruzovikpress.ru/article/3224-avtomobili-po-lend-lizu (дата обращения: 22.11.2016).

[2] *Шинкаренко Г.В.* Поставки по ленд-лизу в Советский Союз через территорию Ирана. 1941–1945 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2003. № 2–3. С. 111.

[3] Автомобили, тракторы, мотоциклы. URL: http://www.nnre.ru/voennaja_istorija/tanki_lend_liza_v_boyu/p16.php (дата обращения: 20.11.2016).

В-25 «Митчелл». В большом количестве поступали английские истребители «Харрикейн» и «Спитфайр» (рис. 18), американские Р-39 «Аэрокобра» и Р-63 «Кингкобра», Р-40 «Томагаук» и «Киттихаук», транспортный С-47 «Дуглас». Меньше всего было поставлено американских истребителей Р-47D «Тандерболт». За два года через Иран поступило в СССР 3188 самолетов: в 1942 г. – 742, в 1943 г. – 2446 самолетов[1].

Рис. 18. Подготовка британских истребителей «Спитфайр» для перегонки советскими летчиками из Ирана в СССР[2]

В ходе оборонительных боев на Дону и Волге воздушное пространство защищали авиационные полки и дивизии 2, 8, 16 и 17-й воздушных армий, в которых использовались английские и американские самолеты. Так, прибывший 28 августа под Сталинград 126-й авиаполк, имевший на вооружении 18 истребителей Р-40 «Киттихаук», разместился на аэродроме 268-й авиадивизии. Уже 29 августа он принял первый бой, потеряв один самолет. Тем не менее первые результаты были положительными. На следующий день 126-й авиаполк уничтожил 5 бомбардировщиков «Хенкель-111» и 5 истребителей «Мессершмитт Bf 109F», потеряв 3 «Киттихаука». Однако

[1] *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г.* Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). С. 64.

[2] СССР и ленд-лиз в 1941–1945 годы. URL: https://razboiulpentrutrecut.wordpress.com (дата обращения: 18.11.2016).

через неделю напряженных воздушных боев в районе Сталинграда потери 126-го авиаполка стали превышать потери противника. Еще через неделю в полку осталось всего 4 самолета, после чего было решено отправить его в тыл на перевооружение советскими типами самолетов. О неэффективности полученных по ленд-лизу самолетов в условиях советско-германского фронта И.В. Сталин сообщал Ф. Рузвельту 7 октября 1942 г.: «*…мы крайне нуждаемся в увеличении поставок самолетов-истребителей современного типа (например, "Аэрокобр")… Следует иметь в виду, что самолеты "Киттихаук" не выдерживают борьбы с нынешними немецкими истребителями*»[1].

Противовоздушную оборону Сталинграда обеспечивала 102-я истребительная авиадивизия ПВО, оснащенная самолетами Р-40 «Томагаук» и «Киттихаук». За 200 дней Сталинградской битвы ее летчики совершили 8439 боевых вылетов, уничтожив 324 немецких самолета[2]. В борьбе за господство в воздухе в большой излучине Дона летом 1942 г. в составе 8-й воздушной армии участвовала 235-я истребительная авиационная дивизия под командованием подполковника И.Д. Подгорного, в которую входили 46, 180, 191 и 436-й истребительные авиационные полки. Имевшие на вооружении английские самолеты «Харрикейн», советские летчики-истребители менее чем за неделю в июле 1942 г. уничтожили 29 самолетов противника, потеряв 17 своих. Впоследствии 8-я воздушная армия в основном получала пополнение новыми советскими самолетами, а английских «харрикейнов» в ее парке становилось все меньше. Эта тенденция стала характерной для всего советско-германского фронта[3]. К 1943 г. в советских ВВС количество самолетов иностранного образца составляло всего 11 % от общего количества авиапарка[4].

Увеличение поставок через «персидский коридор» последовало после конференции Великобритании, СССР и США осенью 1943 г. в Тегеране. Начальник Управления по соблюдению закона о ленд-лизе в США Э. Стеттиниус в изданной в 1944 г. книге «Ленд-лиз – оружие победы» писал: «*Роль поставок вооружений Красной армии по ленд-лизу во время боев с Германией летом 1941 г. трудно оценить верно. Если говорить о нехватке в России конкретных военных материалов и техники, как грузовиков или*

---

[1] Авиация Второй мировой. URL: http://www.airpages.ru/us/p40bp3.shtml (дата обращения: 27.11.2016).

[2] *Горемыкин В.П.* Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. М., 2014. Т. 2. С. 110.

[3] Авиация Второй мировой. URL: http://www.airpages.ru/uk/hurr2_3.shtml (дата обращения: 26.11.2016).

[4] *Котельников В.Р.* Авиационный ленд-лиз // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 223–227.

телефонов, то ленд-лиз сыграл тут важную роль. Но в целом объем поставленных нами военных материалов не слишком велик. Мы знаем, что американская техника сослужила хорошую службу в обороне Сталинграда. Но прямо скажем: у нас нет подробных сведений о той пользе, какую принесло в том году наше оружие русским»[1].

В период напряженных оборонительных сражений в большой излучине Дона и под Сталинградом объемы поставок по «персидскому коридору» ленд-лиза в мае – июне и сентябре – октябре 1942 г. составили от 87 до 121 тыс. т, что доходило почти до 53 % от общего объема поставок по всем маршрутам ленд-лиза (табл. 11).

Таблица 11. Объем американских поставок через «персидский коридор» в 1941–1943 гг.[2]

Период	Объем поставок	Доля в общем объеме (%)
Общий объем	4 159 117	23,8
1941 год	13 502	3,7
Июнь	0	0
Июль	0	0
Август	0	0
Сентябрь	0	0
Октябрь	0	0
Ноябрь	2972	5,2
Декабрь	10 530	14,7
1942 год	705 259	28,8
Январь	34	менее 0,05
Февраль	5282	5,7
Март	17 754	8,3
Апрель	21 173	4,8
Май	86 978	44,7
Июнь	91 012	47
Июль	62 497	34,1
Август	65 598	30,4
Сентябрь	72 057	40,2
Октябрь	121 272	52,9

[1] *Стеттиниус Э.* Ленд-лиз – оружие победы / пер. с англ. С. Луговского. М., 2000. URL: http://militera.lib.ru/memo/usa/stettinius/index.html (дата обращения: 04.11.2016).

[2] *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г.* Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д, 2012. С. 244.

Окончание таблицы 11

Ноябрь	70 430	39,8
Декабрь	91 177	37,5
1943 год	1 606 979	33,5
Январь	86 836	33,7
Февраль	40 071	11,8
Март	131 277	49,9
Апрель	143 808	42,6
Май	121 002	34,6
Июнь	28 786	10,4
Июль	126 184	37,5
Август	177 153	37,7
Сентябрь	197 886	38,7
Октябрь	192 744	43,8
Ноябрь	194 775	34,2
Декабрь	166 457	25,9

Отставание Красной армии в оснащении техникой заставляло компенсировать этот недостаток не только увеличением объема производства боевой техники, но и активным строительством в тылу железных дорог с целью дальнейшей их эксплуатации для нужд фронта. Уже в сентябре – октябре 1941 г. через Иран было доставлено 96 локомотивов, более 2 тыс. вагонов и около 230 миль железнодорожного полотна[1]. Однако процент поставок железнодорожного оборудования по ленд-лизу в 1941–1942 гг. был не столь велик, как в последующие годы войны. Большая часть материалов для скорейшего строительства железных дорог вблизи Сталинграда прибывала из районов Байкало-Амурской магистрали. Тем не менее совместными усилиями и средствами удалось достигнуть определенных успехов и на этом участке. Построенная за три месяца объездная прифронтовая линия Саратов – Иловля, запущенная в эксплуатацию 7 августа 1942 г., позволила Красной армии своевременно доставлять необходимую помощь и резервы для обороны Сталинграда. Важное значение в системе советских коммуникаций приобрел и подготовленный к концу 1942 г. южный участок Волжской рокады Саратов – Сталинград длиной в 336,2 км[2] (рис. 19).

---

[1] *Шинкаренко Г.В.* Поставки по ленд-лизу в Советский Союз через территорию Ирана. 1941–1945 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2003. № 2–3. С. 109–110.

[2] *Захарченко А.В., Солдатова О.Н.* Волжская рокада и железнодорожное строительство в Поволжье в годы Великой Отечественной войны. Самара, 2014. С. 145–151.

Рис. 19. Сеть железных дорог в Нижнем Поволжье осенью 1942 г.[1]

[1] *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г.* Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). С. 52.

В целом, поставки по «персидскому коридору» ленд-лиза сыграли положительную роль в оснащении войск РККА боевой техникой, средствами связи, другими видами материально-технического обеспечения как при организации и проведении оборонительных сражений в период боев в большой излучине Дона, так и в последующем переходе Красной армии в контрнаступление. Победа противника в боях на Дону, Волге и Кавказе грозила СССР потерей важнейших источников нефти и прекращением поставок от союзников по антигитлеровской коалиции через Иран. Провал похода Гитлера за нефтью означал крах нацистской Германии уже в ближайшей перспективе.

ГЛАВА 6. ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

6.1. Фронтовые будни бойцов и командиров Красной армии

Летом 1942 г. – зимой 1943 г. войска Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов вели ожесточенные бои в междуречье Дона и Волги на подступах к Сталинграду, а затем в самом городе. По свидетельствам очевидцев, «*это был кромешный ад*», пережив который, «*войны уже можно было и не бояться*»[1]. Между тем, не бояться ее можно было и по причинам вполне обыденного свойства: война становилась неотъемлемой частью повседневной жизни огромной страны, и, прежде всего, тех, кто воевал. Неустроенность фронтового быта первых полутора лет войны постепенно сменялась налаживанием жизни за линией фронта. В расположениях частей появлялись не только бани, но и сапожные мастерские, менялись калорийность и рацион питания, улучшалось вещевое довольствие военнослужащих. Однако процесс этот был длителен во времени, зависел от целого ряда обстоятельств, вносивших в нормирование фронтовой повседневности неизбежные коррективы.

Неустроенность фронтового быта первых месяцев войны была вызвана не только ее внезапностью, но и представлениями о скоротечности боевых действий на территории противника. Наступательная военная доктрина Красной армии не предполагала длительной эшелонированной обороны, да и сама необходимость обеспечения бытовых потребностей военнослужащих не рассматривалась «всерьез и надолго». Всенародный характер Красной армии должен был обеспечить ей хотя бы временный кров, а поддержка населения – продукты первой необходимости. Однако действительность оказалась куда сложнее и потребовала скорейшего налаживания армейского быта.

---

[1] Респондент Гуревич Арнольд Михайлович, 1931 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев, Т.П. Хлынина. Место проведения: Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН. Продолжительность: 168 мин. Запись: 3 апреля 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Уже первое столкновение с реалиями жизни большой страны выявило «*существенные недостатки в ее организации*». «Конъюнктурный обзор санэпидемсостояния войск Юго-Западного фронта за три месяца войны (июль, август, сентябрь 1941 г.)» показал, что войска, действовавшие на территории Украинской ССР и располагавшиеся по населенным пунктам, оказались «*в крайне неудовлетворительном санитарном состоянии*»: «*В связи с отсутствием достаточного количества местных бань и благоустроенных колодцев, войска испытывали затруднения по линии банно-прачечного обслуживания и водоснабжения. Санитарное состояние населенных пунктов на территории фронта было крайне низкое. Особенно неблагополучно обстоял вопрос с водоснабжением. Вследствие загрязнения территории населенных пунктов и плохого состояния местных колодцев, все исследованные воды, которые использовались войсками, показали, что как гигиенические, так и бактериологические показатели качества воды низкие… Банно-прачечных объектов в населенных пунктах было мало, притом лишь по райцентрам. В сельской местности бань и прачечных совсем не было, население пользовалось лишь водоемами*»[1]. Завшивленность местного населения, достигавшая в среднем до 50 %, не могла не сказаться и на состоянии расквартированных в населенных пунктах частей, составив «*в армейских подразделениях 10–35 %, а в 26 А до 80–100 %. Белье менялось нерегулярно, мылись редко*». Еще одной причиной столь «*вопиющего антисанитарного состояния военнослужащих*» называлась плохая обработка пополнения и его частые передвижения[2].

Схожая ситуация наблюдалась и в обеспечении войсковых подразделений зимней одеждой, продуктами питания, организации бытового обслуживания. По состоянию на конец ноября 1941 г. 100-я отдельная автомобильно-санитарная рота Юго-Западного фронта «*не имела ни одной шапки, валенок, теплых шаровар, теплого белья, телогрейки, рукавиц. Бойцы и командиры в декабре месяце носили летние пилотки, летнее обмундирование и обувь, притом крайне изношенные. Люди не мылись три месяца. Имела место полная завшивленность личного состава*»[3]. Прокурорская проверка только 28, 51, 57, 62 и 64-й армий Сталинградского фронта в декабре 1942 г. выявила, что «*снабжение бойцов и командиров по зимнему плану в соответствии с приказом НКО № 0908 от 21.11.1942 г. и приказа Сталинградского фронта № 053 от 12.11.1942 г. продолжает оставаться крайне неудовлетворительным. Особо тяжелое положение имеет место*

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 195. Д. 17. Л. 270.

[2] Там же. Л. 272.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 22. Л. 4.

в 152 ОСБ (отдельной стрелковой бригаде. – *Авт.*). *Личный состав бригады имеет разбитую и требующую немедленной замены обувь, а некоторая часть людей совершенно не имеет обуви и ходит с обмотанными ногами в портянки. Несмотря на наличие починного материала, ремонт обуви не организован. Белье на протяжении 1,5 месяцев не менялось и имеется большой процент завшивленности. В бригаде не организована доставка воды, в результате чего бойцы не имели по 3–5 дней воды и из-за отсутствия таковой оставались без горячей пищи*». В соединениях 7-го стрелкового корпуса отмечались низкое качество приготовления пищи, перебой с доставкой жиров. В 96-й бригаде водка выдавалась по умеренной норме, а ее незаконная выдача привела к «*присвоению со стороны комбата 93-й бригады капитана Сафронова в количестве 46 л. Стирка белья не организована*». Признавалось, что такое положение «*в дальнейшем нетерпимо*» и влияет на морально-политическое состояние личного состава[1].

Примечательно, что водка, ассоциирующаяся в массовом сознании с непременным атрибутом довольствия военнослужащих, в рацион питания фронтовиков была введена только в конце августа 1941 г. И если первоначально ее 100 г выдавались «*красноармейцам и начальствующему составу первой линии действующей армии*», то начиная с мая 1942 г. они стали выдаваться лишь «*военнослужащим частей передовой линии, имеющим успехи в боевых действиях против немецких захватчиков*». Дневная норма выдачи увеличивалась до 200 г. Всем остальным военнослужащим передовой линии выдача водки по 100 г на человека полагалась исключительно в революционные праздники, к которым были отнесены: годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, день Конституции, день Нового года, день Красной армии, дни международного праздника трудящихся, Всесоюзный день физкультурника, Всесоюзный день авиации и Международный юношеский день[2]. О ценности водки как «*продукта стратегического назначения*» вспоминал 11-летний участник обороны Сталинграда А.М. Гуревич, выполнявший в октябре 1942 г. роль снабженца приютившего его батальона: «*Я пошел за сухарями, пришел, а мне сухари не дали, мне обычно старшина писал записку и давал пустую накладную и расписывался, и то, что они давали, они заполняли, а уже подпись старшины была, что он получил. Вот такой документ у меня с собой всегда был. Я помню, такая большая накладная, как лист и там это все, его роспись. Я пришел, мне сухарей не дали, говорят, нет сухарей, но ты, говорит,*

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 470. Д. 4. Л. 322.

[2] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. –1942 г. М., 1997. Т. 13 (2–2).

возьми сахар и спирт, я говорю, нет, ну, водку, я водку брать не буду, у меня, во-первых, не во что водку брать, а, во-вторых, я не буду брать водку, мне старшина строго запретил, он мне сказал: "Водку, ни в коем случае". Он не доверял никому водку, сам ходил за водкой, сам проходил этот ад 500 метров, чтобы взять водки»[1].

30 августа 1942 г. заместитель командующего войсками по тылу Юго-Восточного фронта генерал-майор Анисимов в директиве начальнику управления тыла отмечал: «*Питание и снабжение продфуражом, горючим и боеприпасами проходящих частей, идущих на фронт, не организовано. Вместо хлеба, крупы, мяса частям выдается рожь или пшеница, идущие части буквально голодают*». В срочном порядке приказывалось «*полностью выполнить директиву по тылу в отношении организации заправочных и питательных пунктов для раненых и проходящих мелких команд*». Для создания продовольственных запасов предлагалось активнее использовать «*аппарат тыла*»: взять на учет все мельницы, которых только в районе Баскунчака насчитывалось не менее 5 по 500 т каждая, и организовать размол муки. Обращалось внимание, что в Сталинграде все мельницы были уничтожены, и оставалась только одна, с выводом из строя которой «*подвоз муки должен идти от Вас. Все существующие мельницы использовать на полную мощность, суточный помол довести до 300 т. Запасы зерна <неразб.> до 100 000 т. Организовать производство крупы из пшеницы, ячменя, овса. Организовать заготовку мяса, овощей, молочных продуктов*»[2]. Для своевременной заготовки продовольствия и фуража на месте с июля 1942 г. во всех армейских и фронтовых подразделениях создавались штатные группы. Однако отношение к их деятельности не всегда встречало понимание со стороны высокого начальства. А.И. Миренков, проанализировавший военно-экономическую составляющую Сталинградского сражения, приводит примеры, когда вопросы своевременной заготовки продовольствия расценивались командующими фронтов «отвлечением людей от настоящего дела»[3].

Вместе с тем финансовое обеспечение заготовок проводилось без каких-либо существенных задержек. Срывы в организации своевременного питания военнослужащих связывались с боевой обстановкой и нераспорядительностью непосредственного начальства. Приводимые в литературе нормы суточного довольствия по своей калорийности, по

---

[1] Респондент Гуревич Арнольд Михайлович...

[2] ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 470. Д. 4. Л. 47.

[3] *Миренков А.И.* Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. URL: http://www.mirenkov.ru/works/faktor/p3.html (дата обращения: 24.12.2015).

заключению исследователей, обеспечивали энергозатраты военнослужащих, а состав продуктов позволял готовить горячую пищу 2–3 раза в день. При этом нормы ее выдачи, да и сама возможность приготовления зависели от характера выполняемых боевыми подразделениями заданий, месторасположения армейских баз и наличных запасов продовольствия. А.М. Гуревич вспоминал об одной из таких продовольственных баз, расположенных на левобережье Волги: «*Значит, рюкзак, такой – матрасовка, половина матрасовки, рюкзак вот так, вот и с этим рюкзаком я за сухарями ходил на пристань, где переправились, туда и ходил. Там большие катакомбы такие были и там склады с продуктами, и со всем этим были, а называли это по простонародью солдаты "идти на баржу". Там была баржа, как примета, перевернутая, на боку лежала, половина баржи лежала на берегу, а половина баржи – в воде и в самой этой барже тоже там сделали такие полки и туда хлеб складывали, это самое, сухари, сахар, продукты первой необходимости, мешки с крупой, в основном пшенка, кормили пшенкой в основном. Вот, пшенная каша, сухари, пшенная каша с маргарином, но это не голод, это не то, что в тылу люди, это не голод, кушали вот так* (хорошо. – *Авт.*). *Еще по два куска рафинада, когда делили сахар, не вешали, а вот я принесу мешок сахара в роту, старшина берет, тебе два кусочка, один меньше, один больше. Он не имел формы – рафинад. Не помните такой сахар?*». Будучи «*малым, смышленым не по годам*», он уже тогда отметил, что «*кушали хорошо*», но «*у офицеров все же получше было*», «*да и в госпитале получше ел*»: «*Вот, я проснулся, тихо и опять спустился в землянку, и в это время старшина посылал там, уже тушенку носили, уже сгущенку, молоко. И офицер один, мне говорит*: "*На банку сгущенки*". *Я говорю*: "*Всё мне?*". *Офицер*: "*Ешь*". *И вот я помню, как я ее съел – у меня вот тут защекотало в горле*». «*И вот, однажды, я лежал три месяца, меня выводили, лежал три месяца, а когда уже ходить начал, слабенький. Слабо кушал, бульончик иногда давали куриный мне, как генералу, а так никому не давали такой хорошей пищи*»[1]. Обеспечение продуктами питания той же 100-й роты осуществлялось со складов Наркомата обороны, «*мясо и овощи, кроме того, заготавливались по нарядам Упродснаба в селах, где дислоцировалась рота, и ближайших к ней селах*»[2].

Начиная с лета 1942 г. ситуация в области бытового обеспечения военнослужащих стала постепенно меняться: «*В конце ноября весь личный состав* (100-й роты. – *Авт.*) *уже был обеспечен зимнем обмундированием: теплым бельем, ватными телогрейками, ватными шароварами, рукавицами,*

---

[1] Респондент Гуревич Арнольд Михайлович…

[2] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 22. Л. 12.

шапками-ушанками, валенками, подшлемниками, теплыми портянками. В отношении бытовых условий: имеются сапожная мастерская, парикмахерская. Один раз в неделю бойцы и командиры моются в банях и сменяют белье. Вшивости нет совершенно. Стирку белья организовывает старшина на договоренных условиях с колхозниками»[1].

Отмечались укрепление дисциплины и расширение досуга. В течение года, с декабря 1941 г. по декабрь 1942 г., было проведено 21 партийное и 19 комсомольских собраний. За основу массовой воспитательной работы бралось «*изучение исторических документов – выступлений, докладов, приказов тов. Сталина. За истекший год проведено 49 политзанятий, сделаны доклады и лекции по тематике, утвержденной Главным политуправлением РККА и политотделом ФЭП* (фельдшерского эвакуационного пункта. – *Авт.*) *№ 75 как пример: об отечественной войне советского народа; героическое прошлое русского народа; о военной мощи СССР; о союзе СССР, США и Англии; о партизанской войне в тылу*». С бойцов брались социалистические обязательства, приуроченные к 1 января, 23 февраля, 1 мая и 7 ноября. В дни революционных праздников проводились общие собрания личного состава с поощрением бойцов, выполнивших обязательства и отличившихся «*в деле укрепления моральной самодисциплины*». В роте была создана библиотека, насчитывавшая 170 книг и брошюр, имелись гармонь, шашки, шахматы, домино[2].

Улучшение ситуации с вещевым довольствием отмечали и участники событий того времени. А.М. Гуревич, оказавшийся в самой «гуще» сталинградского наступления, неоднократно подчеркивал, что «*все одеты были хорошо*»: «*Все одеты хорошо, одели хорошо всех, тепло одеты, все в сапогах, никаких обмоток этих, ничего не было. Все были одеты хорошо*». «*Что я хорошо помню: все были в сапогах. Всем дали портянки новые, байковые. Офицеры все в полушубки оделись. Солдатам, сержантам – фуфайка, ватные брюки, сапоги и бушлат, шапка. Одетых в рукавицы эти вот, двойные, с двумя пальцами, это я все хорошо помню*»[3].

При этом на оборонительном этапе Сталинградского сражения боевые потери вещевого имущества были столь значительны, что мало кто надеялся «*не носить и дальше обмоток*». По данным, приводимым А.И. Миренковым, только по 51, 57, 62 и 64-й армиям Сталинградского фронта за один месяц, с 20 сентября 1942 г. по 20 октября 1942 г., они составили: 37 191 шинель, 38 173 пары хлопчатобумажных шаровар, 36 429 пилоток, 76 532 нательные

---

1 ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 22. Л. 12.

2 Там же. Л. 17–19.

3 Респондент Гуревич Арнольд Михайлович…

рубахи, 13 874 пары яловых и кирзовых сапог[1]. Показательно, что, несмотря на налаженность выпуска вещевого имущества, производившегося в условиях военного времени со значительными отступлениями от технических норм и неизбежным снижением качества, последнее в целом оценивалось удовлетворительным. Исключением на протяжении всей войны оставался выпуск качественной кожаной обуви. Дефицит кожевенного сырья ввиду резкого сокращения поголовья скота привел к широкому использованию заменителей натуральной кожи. По заключению исследователей, «свыше 80 % военной обуви изготавливалось с применением обувной кирзы СК и резиновых подошв... В силу ряда причин (недостатка кондиционных материалов и фурнитуры, плохой квалификации рабочей силы, изношенности оборудования) в 1942 г. имели место случаи выпуска больших партий обуви низкого качества»[2]. Именно наличие некачественной кожаной обуви на резиновой подошве признавалось одной из причин обморожений военнослужащих[3].

Как отмечается в литературе, к концу 1942 г. органы квартирной службы Красной армии приобрели необходимый опыт по размещению военнослужащих, как в населенных пунктах, так и в полевых условиях. Последние требовали особого внимания, так как приспособленные под жилье блиндажи, вырытые землянки нуждались в обогреве. По разработанным нормативам необходимо было строить печи. Дефицит кирпича привел в конечном итоге к созданию чугунной разборной печи, получившей название «буржуйки». Они «изготовлялись на заводах с централизованной оплатой их через КЭУ НКО, а железные непосредственно в войсках. В 1942 г. было изготовлено 73 тыс. переносных печей с комплектом труб»[4]. Участники Сталинградского сражения отмечали, что «*жили вполне сносно*»: «*Поехали, станица Качалинская, есть такая в Волгоградской области, это от Иловли недалеко, но она на Дону находится, станица Качалинская, на Дону, на реке Дон. Короче говоря, был там один старший лейтенант, он, вот я как привязался к ним, так я и жил с ними. Там поставили утепленные палатки, но холодно все равно было, поставили эти, печки, и мы находились в этих утепленных палатках*». «*Я приболел, вот в этой землянке на наших позициях. Маленькая земляночка была, солдаты отдыхали по очереди и офице-*

---

[1] *Миренков А.И.* Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве.

[2] Там же.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 366. Д. 21. Л. 275.

[4] *Миренков А.И.* Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве.

ры, чай мы там пили, там у нас печурка была»[1]. Е.С. Тюкина, сбежавшая на фронт и оказавшаяся под Сталинградом в бактериологической лаборатории, с большой любовью вспоминала медсанбатовскую «буржуйку»: «*А вот печка у нас была, мы ставили буржуйку, топилась она. Ну, тогда, понимаете, такое было время, что, как говорится, даже и день, и ночь – все были заняты*»[2].

Бытовая неорганизованность и хаотичность армейской жизни постепенно сменялись ее упорядочиванием. Нормированию подлежала и ставшая обыденной стороной армейской жизни смерть сослуживцев. В декабре 1941 г. начальником 3-го отделения санитарного управления Юго-Западного фронта были подписаны «Санитарные правила захоронения трупов на полях сражений». Согласно правилам, захоронения должны были проводиться на братских кладбищах, «*для которых должен быть отведен специальный участок территории или выделен участок на общем кладбище*». Участки земли под могилы должны были выбираться в отдалении от населенного пункта «*с разрывом не менее 300 метров*»; с учетом уровня состояния грунтовых вод; «*с таким учетом, чтобы уклон местности был в сторону, противоположную населенному пункту и источнику питьевого водоснабжения*». В исключительных случаях захоронения могли проводиться этажным способом с соблюдением санитарных норм. Поверх могилы надлежало насыпать холм земли высотою 40–50 см, который обкладывался дерном, камнем или «*иным строительным материалом*»[3].

Началась регламентация отдыха военнослужащих. 18 октября 1942 г. был принят приказ № 035, согласно которому для личного состава частей и соединений действующих армий Сталинградского фронта вводился краткосрочный отдых «*с пребыванием в домах отдыха*». Отдых предоставлялся всему личному составу, «*прослужившему в боевых частях не менее 10 месяцев и непосредственно участвовавшему в боях; личному составу, отличившемуся в процессе боевых действий – в порядке поощрения, вне зависимости от срока службы; личному составу, нуждающемуся в отдыхе в результате переутомления, независимо от срока службы*». Отдых предоставлялся в январе – апреле и должен был предоставляться без ущерба для боевых действий: на отдыхе одновременно могло находиться не более 3 %

---

[1] Респондент Гуревич Арнольд Михайлович…

[2] Респондент Тюкина Евгения Степановна, 1925 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 195. Д. 5. Л. 449.

от наличного состава части. Его длительность для рядового состава определялась в количестве 6 дней, для младшего, старшего и высшего начсостава – в 8 дней. Дома отдыха должны были располагаться в районе «*своих армейских баз*» на линии Ахтуба – Солодники – Черный Яр – Никольское, а для 28-й армии – в Астрахани. По распоряжению командующего войсками Сталинградского фронта генерал-полковника А.И. Ерёменко, приказывалось «*отвести для домов отдыха лучшие помещения, создать в них необходимый уют и хорошее культурно-бытовое обслуживание с таким расчетом, чтобы отдыхающий боец и командир могли в короткий срок восстановить свои силы и внешне привести себя в культурный воинский вид. В частности: организовать при домах отдыха библиотеки, киноустановки, санпропускники, починочные мастерские. Создать обменный фонд обмундирования, обуви и нательного белья*». Два дома отдыха на 50 и 150 мест планировалось открыть 1 декабря 1942 г.[1]

В апреле 1942 г. приказом № 095 по Юго-Западному фронту принимались срочные меры по «*улучшению доставки почты и печати бойцам, командирам и политработникам*». Причиной тому послужила неналаженность руководства службой войсковых почтальонов, выразившаяся в нерегулярном получении почтальонами писем, их скоплением на полевых почтовых станциях. С целью «*налаживания работы в этой сфере*» армейским почтовым базам выделялись по одному вездеходу и машине на гусеничном ходу. Начальникам почтовых полевых станций и отделений полевой связи вменялось в обязанность «*организовать четкое и культурное обслуживание личного состава войсковых частей. В помещениях почтовых станций и баз навести чистоту, опрятность и удобства, как в рабочих помещениях, так и в комнатах для посетителей*»[2].

Состояние и организация быта в войсковых подразделениях Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов в рассматриваемый период времени несли на себе отпечаток общего положения дел, складывавшегося в ходе военного противоборства с противником. От общей неустроенности первого года войны фронтовая повседневность постепенно перемещалась в плоскость приказного нормирования, внося в жизнь военнослужащих уже изрядно позабытые элементы довоенного комфорта и благоустроенности. Следует отметить, что в 1942–1943 гг. войсковые части Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов, находясь на передовой линии обороны, а затем в контрнаступлении, несли большие потери, как в живой силе, так и в вещевом, обозно-хозяйственном имуществе.

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 470. Д. 6. л. 107, 107об.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 1. Л. 116, 116об.

Их бытовые нужды находились в центре внимания высшего военного командования и удовлетворялись несколько быстрее, чем соединений, которые несли службу на участках, где боевые действия не носили активного характера, или в советском тылу.

6.2. Организация санитарной службы

Ожесточенные бои на южном направлении советско-германского фронта летом 1942 – зимой 1943 г. стали для Красной армии переломом в противоборстве с противником. Переход стратегической инициативы к советским войскам был оплачен огромными потерями личного состава боевых подразделений. Значительная их доля пришлась на санитарные потери – раненых, обмороженных, обожженных, восстановление боеспособности которых требовало слаженной и эффективной работы врачебной службы. Ее деятельность отмечена давней историографической традицией, раскрывающей героический вклад советской медицины и ее представителей в достижение Победы. При этом многие аспекты этого вклада всё еще нуждаются в конкретизации и обстоятельном прояснении[1]. В частности, к ним относятся вопросы обеспечения санитарных подразделений и частей необходимым количеством медикаментов, запасами крови, техникой и кадровым составом; характера полученных ранений и утраты боеспособности военнослужащими в тех или иных операциях; возможностей эвакуации раненых и сопряженных с их транспортировкой трудностей; методики лечения определенных заболеваний и ее воздействия на процесс выздоровления.

В рамках данного исследования указанные вопросы решаются на материалах фондов санитарных управлений Юго-Западного фронта, ставшего впоследствии Сталинградским, а затем Донским фронтом ЦАМО РФ. Специфика работы крупнейшего в нашей стране архивохранилища документов по истории Великой Отечественной войны, насчитывающего на сегодняшний день около 9 млн ед.[2], не могла не сказаться на видовом и содержательном разнообразии полученных источников.

---

[1] См.: *Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф.* Юг России в 1942–1943 гг.: актуальные проблемы военно-исторических исследований // Вестник Южного научного центра. 2013. № 9 (юбилейный вып.). С. 115–125.

[2] ЦАМО РФ. URL: http://archive.mil.ru (дата обращения: 12.02.2015).

Треть из них, судя по аннотированному содержанию дел, относящихся к гинекологическим заболеваниям военнослужащих, борьбе с самострельными ранениями, сводным данным по конкретным видам заболеваемости, оказались засекреченными либо снятыми с учета и выдаче не подлежали. Уничтожению подверглись по истечению сроков хранения отчеты санотделов армий о состоянии питания и водоснабжения военнослужащих; заявления и сведения об обеспеченности и заявки на пополнение медицинского санитарно-хозяйственного имущества; отчеты о банно-прачечном и дезинфекционном обслуживании войск; сведения о движении, расходе и боевых потерях медицинского санитарно-хозяйственного имущества, отчетно-требовательные ведомости на его восполнение. В свою очередь, полученные документы (отчеты о движении раненых; сводки по видам заболеваемости и характеру их протекания в стационарных учреждениях; объяснительные записки по утвержденным Главным санитарным управлением Красной армии формам о работе его подразделений) нередко отличаются фрагментарностью предоставляемых сведений. Состоящие из нескольких склеенных листов и напоминающие собою простыни, отчеты в большинстве случаев заполнены простым карандашом, с огромным количеством пропусков и плохо прочитываемы. Во многих из них отсутствуют указания на место дислокации медицинского учреждения, номера и даты предоставляемых сведений. В результате собранные данные не позволяют воссоздать всей полноты деятельности санитарной службы фронта, выйти на обобщающие статистические показатели эвакуированных раненых; выздоровевших/умерших от конкретных видов полученных ранений или заболеваний. Тем не менее они проясняют условия, в которых осуществлялась деятельность санитарной службы, ее возможности, а также трудности, с которыми приходилось сталкиваться.

Санитарная служба фронта – это огромный по количеству задействованных институтов организм, призванный оказывать эффективную медицинскую помощь военнослужащим. Помимо медицинских учреждений (госпитали, эвакуационные пункты) она включала целый ряд санитарно-хозяйственных (противоэпидемические, снабженческие службы, банно-прачечные комбинаты) и транспортных подразделений, не всегда отлажено взаимодействовавших между собой. Их штат, приемлемый процент укомплектованности и направления деятельности определялись Главным военно-санитарным управлением Красной армии, которое исходило из норм, плохо учитывавших быстро менявшуюся обстановку на фронте. Деятельность санитарной службы изначально осложнялась потерей

в первые месяцы войны многих госпитальных баз, что долго сказывалось на возможностях своевременной эвакуации и лечении раненых.

Одним из основных показателей деятельности санитарной службы, позволяющих оценить объем и степень реализации стоявших перед нею задач, являлась ее материально-техническая и кадровая обеспеченность. В рассматриваемый период времени она полностью зависела от характера и хода боевых операций, в которых принимали участия части и соединения Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. Материальные и людские потери определялись конкретным местоположением госпитальной базы, ее протяженностью, условиями осуществлявшейся эвакуации раненых, интенсивностью обстрела вражеской авиации, наличием водных переправ. Согласно «Итогам боевой, политической и оперативно-хозяйственной деятельности за 1942 год» 100-й отдельной автомобильно-санитарной роты Донского фронта, она прибыла в город Лиски Воронежской области в ноябре 1941 г. На тот момент времени ее «*недоукомплект*» автомашинами составлял 80 единиц. По штату роте полагалось иметь «*на хорошем ходу*» 105 автомобилей. По списку же на момент прибытия в новое место дислокации она располагала 45 автомобилями, из которых «*на лицо состояло 25* (*остальные застряли в пути*)». При этом из «*наличных*» 10 требовали капитального, а 15 – среднего ремонта[1].

Рота являлась фронтовой, последовательно Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов, поэтому эвакуация раненых проводилась в основном по обслуживанию армий и госпиталей, входивших в систему фронтовых эвакуационных пунктов. Всего за период с декабря 1941 – по декабрь 1942 гг. было перевезено тяжело- и легкораненых 73 256 чел. Наибольший пик их транспортировки пришелся на май – сентябрь 1942 г. По признанию командира роты старшего лейтенанта Г. Гриценко, этот показатель мог оказаться значительно выше: «*Дело, однако, в том, что установленный лимит горюче-смазочных материалов в количестве 5 заправок на месяц, по сути, хватает только на 10–12 дней в месяц – в остальное же время машины работать не могут из-за недостатка бензина и масла… Имели место задержки машин госпиталями по причине не подготовки раненых. В ряде случаев простой доходил до 3–4 часов на одну машину. Были случаи, когда госпитали, не желая принимать раненых, отсылали машины с ранеными в другие госпитали, что приводило к излишнему пробегу машин и расходу горючего*». Нередко автотранспорт использовался для индивидуальных поездок медперсонала и хозяйственных нужд[2].

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 22. Л. 4–5.

[2] Там же. Л. 6–7.

В сентябре 1942 г. ситуация существенно изменилась. Штат автопарка был пополнен «*хорошими машинами, на ходу и не требовавшими ремонта*»: 35 ГАЗ-АА, 4 ГАЗ-санитарок, 6 ЗИС-5, 1 ГАЗ-автобус, 1 Форд-15, 4 М-1, 2 ГАЗ-А, 1 летучкой на шасси ГАЗ-АА и 1 летучкой на шасси ГАЗ-ААА. Несмотря на то, что к концу 1942 г. в целом «*заметно возросло количество штатных санитарно-транспортных средств медицинской службы*», она все еще продолжала испытывать значительные трудности с автомобильным транспортом: «*Так, в этот период, например, некомплект достигал на Донском фронте – 38,5 %. К тому же значительная часть автомобилей и санитарных самолетов была неисправна и достигала до 25 %*»[1]. Списочный состав роты на 1 декабря 1942 г. включал 109 чел. вместо 139 чел., «*положенных по штату*». В течение года рота практически не несла потерь в личном составе за исключением переправы через Дон. 12 июля 1942 г. в районе Белогорья она подверглась налету вражеской авиации. В результате прямого попадания сгорело 8 автомашин, 3 человека получили тяжелые ранения и несколько – легких[2].

По «Сведениям о состоянии и обеспеченности санитарных учреждений 63 армии» на 3 августа 1942 г., после участия в оборонительных боях на дальних подступах к Сталинграду их укомплектованность личным составом составляла от 100 % по отдельным полевым лечебным госпиталям до 5 %. Потребность в санитарно-хозяйственном и медицинском имуществе оценивалась от 10 до 70 %; в автотранспорте – от 10 % до его полного наличия[3]. Практически за тот же период времени, с июля по август 1942 г., 62-я армия, ведя бои в междуречье Дона и Волги, находясь на направлении главного удара противника, несла большие потери. Санитарная служба армии находилась в 4–6 км от переднего края боевых действий: «*применение исключительно больших танковых соединений, возможность прорыва и обхода тыла заставляло МСБ* (медицинские санитарные батальоны. – *Авт.*) *держаться вплотную к дивизиям. Первые эшелоны облегченные, мобильные, оборудованные всем необходимым для производства сложных, неотложных операций. Вторые эшелоны в этих случаях отводились на значительное расстояние до 25–30 км*». Исключительно тяжелыми для санитарной службы стали сентябрь – декабрь 1942 г., когда 62-я армия занимала оборонительный рубеж в самом Сталинграде. Причинами тому стали сложности организации ее работы

---

[1] *Миренков А.И.* Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 22. Л. 12–13.

[3] Там же. Д. 3. Л. 377.

в условиях горевшего города и уличных боев; «*трудности эвакуации через мощный водный рубеж, сложность работы санитарных переправ через р. Волгу под непрерывным ожесточенным огнем противника*». К ним добавились отсутствие в первые полтора месяца фронтовой госпитальной базы, растянутость грунтовой линии эвакуации до 150 км; осложненность эвакуации с правого берега Волги начавшимся ледоставом (сплошным ледяным покровом). Трудности последней привели в конечном итоге к росту инфицирования осколочных ранений, составлявших «*до 80 % всех ран… Необходимо было принять исключительные меры, чтобы не иметь картину Крымской операции по осложнениям ран анаэробной и другими видами инфекции и по смертности*». Санитарной службе пришлось приспосабливаться и к природным особенностям местности ведения боевых действий. Так, в ноябре в связи с ожидавшимся ледоставом для обслуживания хирургической помощью частей на правый берег Волги были выброшены хирургические группы частей медсанбатов[1].

Вопросы медико-санитарного обеспечения переправ через водные преграды стали предметом специального циркулярного распоряжения военно-санитарного управления Юго-Западного фронта от 16 июля 1942 г. Разосланное начальникам санитарных управлений 21, 62, 63 и 64-й армий, «*неоднократно побывавших на переправах*», оно подчеркивало, что «*забывается основная особенность переправ как узкого места, где может скапливаться значительное число войск и транспорта всех видов. Отсюда особая опасность воздушных налетов и связанная с этим необходимость самой тщательной организации, оказания медицинской помощи пострадавшим. Между тем, в лечебно-эвакуационных планах вопросу обеспечения переправ уделяется очень мало внимания, а иногда этот вопрос совершенно упускается*». Предлагалось самым тщательным образом предусматривать как организацию медицинской помощи в местах переправ, так и эвакуацию пострадавших в заранее подготовленные медицинские учреждения[2].

Санитарная служба 304-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта, которая в конце июня 1942 г. находилась в активной обороне в районе реки Оскол и вела ожесточенные бои с противником, понесла значительные потери и не смогла справиться с организацией эвакуации раненых. Через пропускные пункты медицинских частей 24 июня прошли 807 чел., раненных в основном осколками снарядов, мин и авиабомб. Их эвакуация проводилась транспортом полков и медсанбатов, «*как на себя, так и от себя. Помощь армейским транспортом была весьма незначительной, несмотря*

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 366. Д. 21. Л. 36, 36об.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 5. Л. 122.

на наши постоянные заявки. Причем и этот транспорт предоставлялся лишь в период относительного затишья, а при максимальной загрузке эвакуация производилась только своим транспортом. Вследствие этого 23 июня при отходе со ст. Бугаевка под напором немецких танков, прорвавшихся в тыл нашим частям, МСБ, имея около 100 чел. раненых на ДПМ (дивизионных пунктах медпомощи. – *Авт.*) *и до 50 чел. раненых в полках, был поставлен перед необходимостью оставить часть имущества, но вывезти раненых*». Раненые были эвакуированы личным составом медсанбата, который проявил при этом исключительное мужество. 24 июня при переправе через Оскол весь транспорт санитарных рот полков дивизии был уничтожен авиацией противника. Медсанбат потерял 3 автомашины, 7 парных подвод, направленных в полки за ранеными, 3 врачей, пропавших без вести на переправах, 3 фельдшеров и 11 санинструкторов. Среди срочных нужд для восстановления работы санитарных подразделений дивизии требовались транспорт, медицинское имущество и регулярный отпуск хозяйственного мыла[1].

К декабрю 1942 г. обеспеченность конных и автосанитарных рот в ряде армий Сталинградского фронта (лошадьми – до 61 %, санями – 60 % и автомашинами – 80 %) ставила под угрозу своевременное проведение эвакуации раненых и больных из войсковых и армейских районов, особенно в зимний период. В обращении начальника военно-санитарного управления фронта к начальнику службы тыла от 20 декабря 1942 г. содержалась просьба «*конные и автосанитарные роты фронта доукомплектовать лошадьми, санями и автомашинами до штатной потребности за счет ресурсов фронта*»[2]. Проведенное в этот период времени начальником политотдела 65-й армии расследование причин «*недостатков в деле эвакуации тяжелораненых военнослужащих Донского фронта*» выявило ряд серьезных «*неисполнений принятых приказов*». По указаниям сануправления Донского фронта тяжелораненых, требовавших срочной эвакуации, должны были вывозить самолеты «Дуглас». Во избежание их излишней задержки раненые доставлялись на аэродром, где планировалась организация приемника, в котором они в течение 1–2 часов ждали самолета. Приемник был открыт 16 декабря. Однако практика первых дней отправки раненых самолетами показала, что «*вместо срочной эвакуации происходит издевательство над ранеными, да еще над такими, которые находятся в крайне тяжелом состоянии. Раненых везут из госпиталей в аэропорт за 10–12 км и после 6–8 часов ожидания самолета возвращают в госпиталь. Так, например,*

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 221. Д. 3. Л. 614–615.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 470. Д. 2. Л. 57.

16 декабря из сануправления фронта сообщили, что будут поданы 2 самолета, а фактически был подан один. 14 тяжелораненых возвращены в госпиталь. 17 декабря вместо трех самолетов было подано два. Возвращено в госпиталь 20 тяжелораненых. 19 декабря сообщили, что будет подано 2 самолета, не было ни одного. Сорок раненых, пробыв на аэродроме с 10 до 19 часов, были возвращены в госпитали». Санитарным управлением было отдано приказание о том, чтобы доставлять раненых на санитарных самолетах из Калача-на-Дону в Клецк, принимать на аэродроме и, минуя госпиталь, пересаживать на «Дугласы». Однако ни 19, ни 20 декабря ни одного самолета подано не было, и полевой эвакуационный пункт вынужден был перевезти 50 раненых, прибывших санитарными самолетами, с аэродрома в госпитали. Такое положение с эвакуацией признавалось «*совершенно нетерпимым*» и связывалось с «*плохим планированием помощником начальника Сануправления Донского фронта, военврачом I ранга Сановичем работы самолетов*»[1].

Еще одной «*значительной недоработкой*» санитарной службы признавалось «*игнорирование важнейших положений санитарной тактики, до сих пор подчас грубо нарушавшихся*». 28 июня 1942 г. начальником военно-санитарного управления Юго-Западного фронта, бригадным врачом Бяликом было разослано письмо, адресованное всем начальникам санитарных армий, эвакуационных пунктов и армейским хирургам. В нем, в частности, отмечалось, что кабинетное руководство полевой санитарной службой стало основной причиной «*ряда пороков в ее организации и оказании помощи*»: «*…преданы забвению диагностика и вытекающая из нее эвакуационно-транспортная сортировка раненых и больных. О ней не вспомнили даже тогда, когда на этапы санитарной эвакуации хлынули большие потоки раненых. Все это происходит на 12 месяц войны*». Указывалось, что сопровождающая раненых документация была не на должном уровне, «*написания неразборчивые, нередко неправильные, неполные. Направленные в ППГ* (полевой подвижный госпиталь. – *Авт.*) *58/19 историй болезней на пораженных газовой инфекцией оказались настолько неудовлетворительными, что выявить отчетливо суждение о методе лечения болезни, реакции раненых на введение противогангренозной сыворотки, об эффекте лечения нет никакой возможности*». Особое беспокойство вызывали отсутствие логики в распределении консервированной крови по санитарным учреждениям фронта; нарушение правил асептики, антисептики, «*грубое поругание хирургической культуры*»; санитарное состояние, оказывавшееся «*ниже всякой критики. Так, грязь захлестнула АПГ*

[1] ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 366. Д. 5. Л. 1–2.

(армейский полевой госпиталь. – *Авт.*) *2926. Палаты в отвратительном состоянии, под подушками куски хлебной крошки, махорка. Уборная во дворе в жутком состоянии. Перевязочная отвратительная. Подушки, матрацы, белье тяжелораненых пропитаны гноем*»[1].

15 февраля 1943 г. в секретном донесении начальнику санитарного управления Донского фронта сообщалось, что «*7–11 февраля ВСП* (военно-санитарный поезд. – *Авт.*) *1 разгружал ранбольных в госпиталях, расположенных по ж. д. линии Бузулук – Орск. Контингенты ВСП 1 были сильно завшивлены. Во время погрузки была выявлена сильная завшивленность среди ранбольных и плохая их медицинская обработка, но по настоянию представителя ФЭП* (фельдшерский эвакуационный пункт. – *Авт.*) *№ 73 все указанные контингенты были все же погружены в поезд. В первые же дни следования ВСП среди ранбольных… была выявлена группа лихорадящих больных*». Изложенные факты расценивались новым подтверждением «*совершенно недостаточной санобработки направленных в тыл контингентов*»[2]. Вместе с тем их предварительная обработка и необходимость последующего лечения наталкивались на «*безответственное отношение военврачей и фельдшеров войсковых районов к раненым явно умышленного характера*». Речь велась об особой категории раненых, поступавших в госпитали в этот период времени «*в больших количествах*» – «*самострельщиках*», «*взаимострельщиках*» и так называемых «*голосовальщиках*».

15 августа 1942 г. по результатам проверки эвакогоспиталей, проведенной военно-санитарным управлением Сталинградского фронта, начальникам эвакуационных пунктов была разослана депеша. В ней «*строго*» отмечалось, что «*выявление подобного рода явлений, привлечение к суровой ответственности лиц, проявивших малодушие, трусость и паникерство в бою, превратившихся в предателей родины, является первейшей и ответственейшей задачей всей санитарной службы на всех этапах*». Обращалось внимание, что такие раненые не только численно ослабляют армию, но и дисциплину: «*Они, как правило, двигаются неорганизованно, разглашают военную тайну, болтают разного рода небылицы, сеют панику, вызывают законные нарекания со стороны честных и преданных родине людей*». Приказывалось при любых условиях боя раненых собирать и выводить организованно. При этом ни один легкораненый не имел права уходить с поля боя без разрешения его непосредственного командира и без контроля саниструктора роты или фельдшера батальона. Ранения в кисть и ранения, вызывающие сомнения, должны были тщательно контролироваться

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 13. Л. 122.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 366. Д. 21. Л. 23.

«*уже на передовых этапах санитарной службы и находить то или иное логическое объяснение, подтверждающее или отрицающее подлинность боевого поражения*». Начальникам санитарных отделов армий предписывалось «*лично прослеживать, чтобы лица с умышленными ранениями и легкораненые вообще, не требующие специального лечения в тылу фронта, задерживались медсанбатами или армейскими полевыми госпиталями для долечения и немедленно возвращались в строй*». Судебным экспертам надлежало согласовывать свою работу с хирургами, взаимно консультируясь для оценки всех подозрительных «*по своему происхождению*» ранений. Лица с умышленными ранениями подлежали передаче в прокуратуру и соответствующие органы для принятия окончательных решений. Особое внимание уделялось работе фельдшерско-эвакуационного пункта № 73 и медико-эвакуационного пункта № 20, начальникам которых надлежало «*организовать работу так, чтобы ни один раненый с умышленной травмой не остался бы без выявления и передачи его следственным органам… добиваться от врачей-лечебников сознания, что врачебно-экспертная работа является одной из важнейших работ в их лечебной практике*»[1].

Время от времени вскрывались отдельные факты, «*когда тяжелораненые оставались без медицинской помощи и питья в течение 5 суток, будучи предоставленными сами себе; к тому же первая медицинская помощь была оказана неправильно*». Об одном из таких фактов сообщалось 14 января 1942 г. в письме начальника военно-санитарного управления Сталинградского фронта. На станции Елань-Камышинская был обнаружен товарный вагон с 19 ранеными, большинство которых оказались нетранспортабельными: «*Вагон был чрезвычайно загрязнен, раненые лежали на полу без всякой подстилки. Не было и сопровождающего медсостава. Многие из раненых не перевязывались по 9, 12, 14 дней. В результате проявленной инициативы одним из командиров, свидетелей этого безобразия, раненые были перевезены в ближайший госпиталь*». Приводились случаи, когда по основным дорогам армейских районов «*тянутся вереницы раненых, и никто из санитарных начальников не проявит инициативы в организации этого потока и направлении его в соответствующие лечебные учреждения*»[2].

Однако основная тяжесть работы санитарной службы приходилась на профилактику и лечение заболеваний военнослужащих. Она осуществлялась в условиях недоукомплектованности медицинских учреждений запасами крови, медикаментами, военными хирургами, зачастую

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 5. Л. 134.

[2] Там же. Л. 143.

в переполненных госпиталях и в плохо оборудованных к тому помещениях. Проверки фронтовых госпиталей, частота осуществления которых всецело зависела от оперативной обстановки, выявляли их сильную перегруженность ранеными. Отмечаемая «*скученность*» больных признавалась основной причиной неудовлетворительности их обработки и последующего медицинского ухода: «*Так, например, эвакоприемник № 105, дислоцирующийся в Ленинске, рассчитанный на 500 коек, 22 сентября сего* [1942] *года имел 1900 чел. раненых. Эвакуация раненых вглубь страны проходит медленно, главным образом из-за отсутствия санитарных поездов… В самом санитарном учреждении неправильно используются медицинские кадры. Так, например, два вновь прибывших фельдшера КОЧЕГАРОВ и МЕДЬВЕДКО зачислены в резерв и назначены офицерами связи, в то время как эти должности по штату не положены*»[1]. Однако даже тогда, когда ситуация с наличием койко-мест значительно улучшилась, положение с лечением военнослужащих менялось не столь быстро. К началу контрнаступления под Сталинградом 19 ноября 1942 г. санитарная служба Сталинградского, Юго-Восточного и Юго-Западного фронтов располагала 255 эвакуационными и полевыми госпиталями с 124 700 койками, в которых находились 36 877 больных и раненых. При этом ее возможности были «*крайне ограниченными в связи с тем, что госпитальные базы армий и фронтов были заполнены ранеными и больными на 80–90 процентов. Между тем резервных медицинских учреждений фронты не имели*»[2].

Ситуация с лечением раненых на протяжении осени 1942 г. – зимы 1943 г., особенно в эвакуационных госпиталях армейских районов, оценивалась «*не вполне удовлетворительной*». Разосланная военно-врачебным комиссиям эвакуационных госпиталей Сталинградского фронта «Объяснительная записка к сведениям формы № 16» за сентябрь 1942 г. детально анализировала работу 73-го фельдшерско-эвакуационного пункта. Выбранный в качестве показательной площадки, он призван был «*вскрыть достижения и просчеты нашей медицины*». Главным просчетом назывался тот факт, что «*чуть не половина освидетельствованных* (*335 чел.*) *по последствиям ранений* (*47,3 %*) *оказываются негодными вовсе к военной службе. Неблагополучие в этом отношении особенно подчеркивается при анализе последствий ранений у прошедших освидетельствование с точки зрения локализации поражений. Свыше 4/5* (*110 чел.*) *были освидетельствованы по поводу ранений верхних и нижних конечностей. А это ведь такие*

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 470. Д. 4. Л. 148.

[2] *Миренков А.И.* Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве.

поражения, которые при правильном лечении в сочетании с рационально поставленной функциональной терапией должны давать наибольший эффект в ликвидации их». Между тем, этого не наблюдалось, хотя по фактическому положению дел только 5 чел. могли быть признанными полностью утратившими боеспособность. В записке отмечалось, что отсутствие должного внимания к указанной группе ранений и пренебрежение со стороны хирургов и специалистов эвакуационного пункта таким вспомогательным методом как лечебная физкультура сказываются на восстановлении боеспособности раненых.

Не менее существенной причиной «*плохого процента выздоравливающих*» называлось и механическое лечение ран, когда не уделялось должного внимания общему состоянию раненого. Приводились примеры «*тяжелых последствий таких ошибок, нередко с летальным исходом*»: сосредоточив усилия на лечении осколочного или пулевого ранения, хирурги «*не замечали*» сопутствовавших туберкулеза легких или сердечной недостаточности, становившихся причинами смерти больных[1]. Увеличению процента смертности способствовали и «*простои раненых на первичных пунктах эвакуации, и их долгая транспортировка с поля боя*». Анализ «Актов смерти» за декабрь 1942 г. только одного санитарного учреждения – 268-го медсанбата Сталинградского фронта – свидетельствует, что тяжелораненые доставлялись в медсанбат в интервале от 8 часов до 2 суток: «*Сержант 24 стрелкового полка 82 особой разведывательной роты поступил с пулевым сквозным ранением мягких тканей бедра, проникающим ранением груди, открытым пневмотораксом, шок. Поступил через два дня после ранения*». «*Красноармеец 316 стрелкового полка учебного батальона поступил с диагнозом сквозное пулевое ранение правой кисти с повреждением костей, слепое проникающее ранение живота с повреждением кишечника. Перитонит. Поступил через 11 часов после ранения*»[2].

Основными «*видами заболеваемости*» (формулировка, принятая в военно-медицинской отчетности того времени) в районах действий Юго-Западного (Сталинградского, Донского) фронта являлись «*раненые, контуженные, обожженные, обмороженные, больные хирургические и терапевтические*». Из них, по данным паталого-анатомических лабораторий, треть смертей «*наступала не в связи с военными действиями, а от инфекционных болезней* (*брюшной тиф, дизентерия, пневмония, малярийная кома*), *болезней органов пищеварения* (*пищевая интоксикация*) *и хирурги-*

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 47. Л. 50.

[2] Там же. Л. 64, 69.

ческих заболеваний (*прободная язва желудка, абсцесс печени*)»[1]. 16 октября 1942 г. военно-санитарное управление Донского фронта разослало циркуляр начальникам санитарных служб 21, 24, 63, 65 и 66-й армий о распространении среди рядового состава «*вызывающей растущее беспокойство*» так называемой отечной болезни. Наиболее подверженными ей оказались лица со слабым общим питанием: «*Заболевание характеризуется в основном следующими синдромами: общей слабостью, упадком питания, понижением работоспособности, субнормальной температурой, наклонностью к отекам по преимуществу нижних конечностей… Это заболевание при несвоевременном выявлении и лечении дает значительную смертность*». Основным фактором, способствовавшим заболеванию, признавался недостаток в пище витаминов и минералов[2]. Именно плохое малокалорийное питание и качество питьевой воды, по признанию медиков, осложняли ситуацию с выздоровлением, «*затягивая его и усугубляя*».

Число и рост конкретных видов заболеваемости определялись задачами, выполнявшимися войсковыми подразделениями. Санитарные потери 9-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии за июнь 1942 г. составили 1221 ранение, из них пулевых – 419, осколочных – 802. Значительное преобладание осколочных ранений объяснялось «*тактикой противника, за последнее время применяющего массированные атаки авиации, большую плотность артиллерийского и минометного огня*». Из заболеваний преобладали грипп, вызванный холодной и сырой погодой, и «*отечные заболевания*», принесенные с собою пополнением, питавшимся «*неполноценно и однообразно*»[3]. Во время отхода на оборонительные рубежи в июле 1942 г. санитарная служба 21-й армии понесла значительные потери, оставив «*на переправах транспорт и имуществ. Естественно, что в таких условиях оказание медицинской помощи не всегда было своевременным*». Большинство больных поступило с жалобами на переутомление в связи с длительными переходами, заболеваниями желудочно-кишечного тракта «*на почве поедания случайных продуктов, взятых у местного населения и питья недоброкачественной воды. Ряд больных имели потертость ног. Имели случаи заболевания малярией, чесоткой, гриппом. Заболевания чесоткой связаны с тесными контактами с местным населением во время отхода войск*». Преобладали ранения осколками авиабомб и мин с множественными повреждениями костей[4].

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 13. Л. 105.

[2] Там же. Д. 5. Л. 176.

[3] ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 221. Д. 3. Л. 636.

[4] Там же. Л. 751.

За этот же период времени санитарные потери 63-й армии составили ранеными 4579 чел., контуженными 61 чел., обожженными 12 чел., больными 1655 чел. Более 70 % из них были возвращены в строй[1].

В зимний период количество заболеваний увеличивалось за счет обморожений, по борьбе с которыми консультантом-хирургом 38-й армии, военврачом 2-го ранга, доктором медицинских наук Дудко были разработаны особые указания. Прежде всего, внимание военнослужащих обращалось на тот факт, что обморожение наступает не только под воздействием холодного воздуха, но и температуры выше 0 °С, до +7… +8 °С при наличии влажности. Способствовавшими обморожению моментами признавались наличие ветра, промокавшей одежды и обуви, повышенная потливость ног, вынужденное неподвижное положение, кровопотери и ранения, усталость, ранее перенесенное обморожение. Указания содержали подробный перечень мер профилактики (смазывание кожаной обуви жиром, ношение соломенных стелек и свободной обуви, систематическая сушка портянок) и самопомощи (растирание пораженных участков спиртом, смазывание их несоленым жиром), которые были рассчитаны на снижение случаев обморожения[2]. Несмотря на активную пропаганду борьбы с этим видом заболеваний, реальные условия несения воинской службы и боевых действий приводили к обратному результату. Из «Объяснительных записок к отчету по форме № 11» за декабрь месяц 1942 г. санитарных учреждений 65-й армии Сталинградского фронта следовало, что основной процент давали обморожения II и III степени. Незначительное число обморожений IV степени, ожидаемых при температурах ниже –20 °С, объяснялось невозможностью их диагностирования «*со слов пострадавших, да и госпитали не всегда могут отрешиться от 3-х степеней классификации, несмотря на ряд дававшихся указаний в этой части*». Следует отметить, что в абсолютном количестве санитарных потерь обморожения, как правило, не превышали 20–25 %[3]. Большинство случаев приходилось на строительно-дорожные батальоны, «*где обморожения произошли в связи с отсутствием подчас теплых портянок. Говоря об обморожении у раненых, то таковые поступили в связи с длительным пребыванием на поле боя после ранения*»[4].

Санитарными учреждениями велись специальные списки обмороженных больных с указанием причин обморожения. В одном из них,

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 221. Д. 3. Л. 806.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 195. Д. 5. Л. 558.

[3] *Миренков А.И.* Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве.

[4] ЦАМО РФ. Ф. 206. Оп. 307. Д. 54. Л. 23.

подготовленном 1154-м госпиталем для легкораненых за январь 1943 г., значилось 72 чел. «*в основном из стрелковых полков и дивизий*». В качестве причин обморожения указывались: постоянная работа на холоде в тесной обуви; наличие летних портянок; долгое пребывание на снегу в сапогах; ношение тесных ботинок, надетых на легкие портянки, мокрых валенок; длительное сидение в окопах; отсутствие рукавиц; пребывание на сильном морозе и в сырости[1]. С разной степенью частоты к ним добавлялись ночевки на улице из-за отсутствия квартир; ношение ботинок на резиновой подошве; нахождение в плену[2].

Деятельность санитарной службы Юго-Западного (Сталинградского, Донского) фронта в 1942–1943 гг. по обеспечению боеспособности военнослужащих определялась единой задачей, стоявшей перед фронтовой медициной: необходимостью оказания своевременной и квалифицированной помощи, нацеленной на возвращение больных и раненых в строй. Характер и конкретные условия ведения фронтовыми подразделениями боевых действий вносили в ее работу неизбежные коррективы. Форсирование войсками водных рубежей, подвергавшееся массированной бомбардировке авиации противника, ожесточенные бои на подступах и в самом Сталинграде увеличивали количество раненых и требовали усовершенствования эвакуационных мероприятий. Сырость и низкие температуры в зимний период времени обусловили необходимость разработки конкретных мер по борьбе с обморожениями. При этом, несмотря на то, что работа санитарной службы протекала в условиях нехватки транспорта, медикаментов и персонала, его недостаточного снабжения продуктами питания и обмундирования, с поставленной задачей она справлялась. Сначала «*не вполне удовлетворительно*», затем, по мере того, как научились воевать, – всё лучше.

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 366. Д. 21. Л. 53.

[2] Там же. Л. 275.

ГЛАВА 7. ВОЙНА И НАСЕЛЕНИЕ

7.1. Эвакуация населения в официальных документах и воспоминаниях очевидцев

Эвакуация населения, промышленных предприятий, скота, запасов продовольствия, сырья и других ценных ресурсов в восточные районы страны позволила не только сохранить основную экономическую базу и промышленный потенциал страны, но и стала одним из факторов, обеспечивших победу в войне. Ее проведению и сопряженным с нею сложностям посвящены многочисленные работы, в основе которых лежат источники как официального, так и личного происхождения. Использование широкого круга исторических свидетельств позволили историкам ответить на очень многие «неудобные» вопросы относительно срыва эвакуационных мероприятий; трудностей размещения эвакуированного населения; неизбежно связанных с перемещением огромного количества людей и материальных ресурсов потерь[1].

На сегодняшний день в изучении эвакуации, казалось бы, не осталось белых пятен. Тем не менее вопрос о том, из чего складывается ее нынешний образ, на каком уровне дополняют друг друга память современников событий и сухие сведения официальных документов того времени, остается открытым. Рассмотрим, как и чем запомнилась эвакуация населения из

---

[1] *Потёмкина М.Н.* Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. 2002. № 3. С. 148–156; *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д, 2003; *Куманев Г.А.* Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 гг. // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27; *Яшин С.В.* Эвакуационные перевозки в годы Великой Отечественной войны // Железнодорожный транспорт. 2008. № 6. С. 73–77; Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. Эвакуация. URL: http://www.lost-childhood.com/o-proekte/neskolko-slov-o-nashem-proekte.html (дата обращения: 02.03.2014) и др.

Ростовской и Сталинградской областей в 1941–1942 гг. ее участникам и очевидцам, и как она отражена в источниках официального происхождения.

24 сентября 1941 г. «*для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей*» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации[1]. А уже 27 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Согласно этому постановлению, первоочередной эвакуации из местностей, находившихся под угрозой вторжения немецких войск, подлежали «*важнейшие промышленные ценности (оборудование – важнейшие станки и машины), ценные сырьевые ресурсы и продовольствие (цветные металлы, горючие, хлеб) и другие ценности, имеющие государственное значение*». Квалифицированные рабочие, инженеры и служащие эвакуировались вместе с предприятиями; годная к воинской службе молодежь и ответственные партийные и советские работники упоминались в нем «*второй очередью*»[2].

В историографии отмечается, что остальные категории гражданского населения (неработающие женщины, старики, дети, инвалиды) были просто брошены на произвол судьбы. С этим трудно не согласиться, хотя в источниках отразились предпринимавшиеся органами власти меры по эвакуации детских домов, организации дополнительных составов по вывозу гражданского населения. Однозначной оценке эвакуационных мероприятий препятствуют и особенности ее организации и проведения в разных регионах страны. Ростовская область, дважды подвергнувшаяся оккупации (недельной в ноябре 1941 г. и восьмимесячной в конце июля 1942 – начале февраля 1943 гг.), прошла через две волны эвакуации, каждая из которых имела свою специфику, нашедшую отражение в источниках.

В повестку дня заседаний бюро Ростовского обкома ВКП(б) вопрос об эвакуации был поставлен 2 сентября 1941 г. К этому времени стало очевидным, что война приобрела затяжной характер, а скорость продвижения противника вглубь советской территории не оставляла надежд на сохранение в полном объеме «*людского контингента и ценного имущества*». Речь шла о срыве важнейших правительственных мероприятий по обеспечению вагонами эвакуируемых предприятий и грузов. По этому поводу в докладной записке с характерным названием «Анализ состояния оборота вагонов по Ростовскому отделению движения железной дороги

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 13.

[2] *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации. С. 54.

им. Ворошилова» отмечалось, что «*наметившееся до войны улучшение работы с вагонами сошло на нет… Оборот вагона в военное время ухудшился… Технический простой вагонов только за май месяц при норме 10,2/11,1 составил 15,3/21,5* (в числителе – крытый или открытый поездной состав, в знаменателе – цистерны. – *Авт.*). *За десять дней июня перепростой составил 14,5/19,1. После начала войны в июле месяце он достиг 16,1/22, а за 10 дней августа – 19,2/15,5*»[1].

Причины столь тревожного положения дел связывались исключительно с человеческим фактором: «*Многие железнодорожники сразу после начала войны перестали вести борьбу за быстрейший оборот вагонов, перестали беспокоиться о своевременной и быстрой передаче местного груза, развозе его внутри отделения, подаче вагонов к местной нагрузке и погрузке, уборке вагонов по окончании грузовых операций <…> Идет неприем поездов на Марцево* (железнодорожная станция, в настоящее время находящаяся в черте г. Таганрога. – *Авт.*) *в связи с прекращением продвижения грузов на дороги Запада и обработкой поездов с эвакогрузами, когда многие вагоны непроизводительно простаивают в ожидании вынесения нового назначения <…> Ситуацию ухудшают и крупнейшие предприятия. Рос[т]сельмаш передержал в мае свыше нормы 705 вагонов на 1475 час. 30 мин.; за 10 дней июня – 224 вагона на 357 час. 20 мин.; в июле – 593 вагона на 1847 час.; за десять дней августа – 240 вагонов на 691 час. 50 мин.*»[2]. Беспечное, а в ряде случаев преступное отношение отдельных руководителей станций и предприятий к вопросу организации выгрузки, по мнению членов бюро, в конечном итоге и стало основной причиной заторов на пути передвижения эвакуационных грузов. Выход из создавшейся ситуации виделся в усилении партийного руководства состоянием грузооборотов на железных дорогах и повышении дисциплины у железнодорожников.

На этом же заседании рассматривалось и состояние детских домов, эвакуированных в Ростовскую область. Их инспектирование было инициировано решением оргбюро ЦК ВКП(б) от 22 августа 1941 г. Проверка выявила отсутствие в ряде районов нормальных бытовых условий для проживания эвакуированных детей, необеспеченность их надлежащим медицинским обслуживанием. В Раздорском районе 38 детей болели корью, 20 – свинкой; в Мечетинском районе – 16 чел. на момент осмотра «*страдали ангиной*». Располагавшийся здесь детдом находился в бывшем пионерском лагере, единственное здание которого было абсолютно не приспособлено к зимним условиям: текла крыша, отсутствовали прачечная и столовая.

---

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 314. Л. 6.

[2] Там же. Л. 28.

Дети спали *«по два человека на соломенных подушках»*, отсутствовали кровати. В Багаевском районе детский дом размещался в маленьком помещении, где отмечалась *«большая детская скученность»*. За отсутствием кроватей дети спали на полу, практически отсутствовала кухонная и столовая посуда. Такое же положение наблюдалось в Калмыцком, Раздорском, Неклиновском районах области. Районным партийным организациям, чьим безответственным отношением объяснялось *«ненормальное положение эвакуированных детей»*, вменялось в обязанность его скорейшее исправление[1].

Только 24 октября 1941 г. после получения телеграфной депеши за подписью И.В. Сталина бюро приступило к непосредственному рассмотрению вопроса о массовой эвакуации. В ней, в частности, отмечалась необходимость *«1) образовать комитет по эвакуации вглубь страны из работников прифронтовой полосы продовольственных запасов, запасов мануфактуры, текстильного оборудования и сырья, кожевенного оборудования и сырья, оборудования холодильников, оборудования обувных, швейных, табачных фабрик и мыловаренных заводов, табачного сырья и махорки, мыла и соды в составе Микоян (председатель), Косыгин, Каганович, Смирнов, Зотов, Шатов; 2) обязать комитет проводить эвакуацию всеми средствами: железными дорогами, водным транспортом, автомобилями, подводами; 3) предоставить 26 октября план эвакуации грузов, перечисленных в п. 1»*[2].

Первая, осенняя 1941 г., эвакуация прервалась с захватом вермахтом Ростова-на-Дону 21 ноября. К этому времени на восток страны отправились таганрогские заводы «Красный котельщик» им. Андреева и им. Димитрова, Новочеркасский листопрокатный завод им. Будённого, Ростовский завод «Красный Аксай» и другие предприятия и учреждения со своими работниками. Всего было вывезено оборудование и сырье 85 донских заводов и фабрик. Для этого потребовалось использовать около 20 тыс. железнодорожных вагонов, сотни речных и морских судов[3]. Однако первая оккупация была недолгой, 29 ноября Ростов-на-Дону был освобожден советскими войсками, и значительная часть эвакуированных вместе с имуществом отправилась назад.

В воспоминаниях жителей области и ее административного центра первая эвакуация характеризуется разными возможностями у разных категорий населения. Ростовчанка Н.В. Бакулина, работавшая в педагогическом

---

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 314. Л. 31.

[2] Там же. Л. 35.

[3] Сквозь ветры века. Очерки истории Ростовской областной организации КПСС (80-е гг. XIX в. – 1987 г.). Ростов н/Д, 1988. С. 294.

институте и имевшая на руках пожилую мать и малолетнего сына, в 1953 г. писала: «*К началу ноября 1941 г. немецкая армия уже стояла под Ростовом. Мало кто из граждан успел эвакуироваться. Это удалось, видимо, только представителям городских и областных властей. Они удирали, бросив на произвол врага вверенный им город, вывозя на грузовиках своё имущество. Между отходом наших частей и вступлением в город немцев образовалась пауза в несколько часов. Начались грабежи. Занимались этим не оккупанты, а наши граждане*»[1]. О «*всём начальстве, покинувшем город*» за два-три дня до прихода немцев и обрекшим его на разграбление населением, говорил и А. Карапетян, отмечая: «*Примерно за месяц до вступления немцев в Ростов, во второй половине октября, в городе началась паника. Наверное, это был отголосок паники в Москве. Прошел слух: немцы прорываются к Ростову*»[2]. Ребенок военного времени А. Агафонов спустя 70 лет вспоминал: «*Многие эвакуировались. И весь наш огромный двор был завален скарбом, который нельзя было увезти. Особенно много было книг – классиков марксизма-ленинизма и другой политической литературы. Мы, мальчишки, долго рылись в этих книгах, искали книжки с картинками. Среди этой книжной макулатуры мы нашли письмо. Прочитали его. Оно нас поразило. Письмо было из Москвы. Самое страшное: в нем писалось, что в Москве – паника, идет эвакуация*»[3]. Вспоминали ростовчане и о госпитале с ранеными красноармейцами, который перед «*приходом немцев наши не успели эвакуировать. Их жители разобрали по квартирам*»[4].

Для тех же, кто всё-таки сумел выбраться из города, эвакуация вспоминается как цепь хаотических событий – спешных сборов в дорогу, когда хватали не самое необходимое, а всё, что попадалось под руку, движения неизвестно куда и неизвестно зачем, ночных переездов, так нарушавших прежний ритм жизни, особенно у детей. Как правило, выезд в эвакуацию объясняется заботой и помощью родственников, а не соответствующих инстанций: «…*нас дядька вывез, и довезли нас до Георгиевска, такой городок есть. Нас там высадили, а повезли в какое-то село. Какие-то были телеги. Я как раз помню ужас вот этого поезда, я не помню самой дороги, а выгружение ночью я помню как раз очень хорошо. Потому что надо было собрать какие-то даже не чемоданы, а тюки, тогда всё складывалось, знаете как. Чемоданов я даже не помню, ни одного чемодана. Я только знаю, что*

---

[1] *Бакулина Н.В.* Пасмурные дни (1933–1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (дата обращения: 21.01.2014).

[2] Цит. по: *Смирнов В.В.* Ростов под тенью свастики. Ростов н/Д, 2006. С. 54.

[3] Там же. С. 46.

[4] Там же. С. 62.

складывали всё, заворачивали, чуть ли не в простыню. Значит, какие-то вещи покидали, пошвыряли, а у нас была большая семья, еврейская. Мама моя еврейка и дядька нас вывозил, еврей, а папа мой – и русские, и греки там все у него. И вывозил нас мой дядька еврей, всю еврейскую семью: деда с бабкой, свою жену с детьми, мою тетку с детьми и маму. Всех нас вывез. И вот эту выгрузку ночную из этого поезда, ну это что-то невообразимое. Ночь, все шумят, поезд стоит, почему не знаю, в общем, я только помню, что без конца искали какие-то вещи. Моя тетка кричала, что она не может найти тюка со своей шубой, не кроличьей, а тогда знаете, такие были котиковые. Она искала эту шубу, поэтому мама сказала, что она не взяла свой тюк, в котором был шоколад. Потому что когда мы уезжали, мама покидала сладкие вещи, она ж понимала, что с детьми»[1]. Очевидцы рассказывают о трудностях обустройства на новом месте, скученность жизни, отсутствие личного пространства и прежних привычных предметов домашнего обихода: «*И нас завезли в какую-то деревню, конечно, название деревни я не помню абсолютно. И поселили в доме вот эту всю громадную семью, вот, представляете, дед с бабкой, три женщины, одна с двумя детьми, вторая с двумя детьми и я с мамой. Вот одна большущая комната, на кровати все спали по двое, по трое*»[2].

После освобождения Ростова-на-Дону линия фронта прошла по реке Миус в 70 км от донской столицы. Крупный промышленный и транспортный центр Таганрог и несколько районов Ростовской области остались в оккупации. Безуспешные бои по прорыву Миус-фронта советскими войсками продолжались всю зиму и весну 1942 г.[3] В этих условиях бюро Ростовского обкома ВКП(б) совместно со штабом 56-й армии рассматривало предложения о выселении гражданского населения из прифронтовой полосы, фактически осуществляя внутреннюю эвакуацию. 16 декабря 1941 г. было принято постановление «О выселении гражданского населения из районов действия войск армии». 6 апреля 1942 г. бюро Ростовского обкома ВКП(б) заслушало сообщение областной прокуратуры о «*непорядках при эвакуации в Чернышевском районе*». Готовя хозяйства к эвакуации,

---

[1] Респондент Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись 18 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

[2] Респондент Розенблит Эвелина Евгеньевна…

[3] См.: *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011; *Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф.* Миус-фронт в истории Великой Отечественной войны // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 5. С. 387–395.

руководители ряда районных машинно-тракторных станций (МТС) получили на основании распоряжений секретаря Чернышевского райкома в колхозах продукты питания (пшеницу, просо, мясо) и «*длительное время с колхозами за эти продукты не рассчитывались*». В свою очередь, секретарь райкома, дав распоряжение об обеспечении продуктами питания работников МТС на время нахождения их в пути, «*не проконтролировал за тем, чтобы взятые продукты пошли по прямому назначению и своевременно за них были выплачены колхозам деньги*». По результатам проведенной проверки секретарю райкома ВКП(б) был объявлен строгий выговор с предупреждением «*за бесплатное получение, а по существу растаскивание скота и зерна из колхозов*». Особое внимание обращалось на увеличившееся за время начала войны количество «*неправильно принимаемых решений*»: вопросы рассматривались не на заседаниях партийной организации, «*а путем дачи записок от райкома за подписью его секретаря*»[1].

Но эти эвакуационные мероприятия затрагивали лишь небольшую часть жителей области и не касались ее огромного большинства. Более того, 13 февраля 1942 г. военный комендант Ростова-на-Дону майор Борщ издал специальный приказ, согласно которому свободный выезд из прифронтового города был запрещен и разрешался лишь в индивидуальном порядке по спецпропуску, выдававшемуся только тем, кто отработал норму на строительстве оборонительных сооружений, независимо от возраста, состояния здоровья, наличия детей и иждивенцев[2].

Впрочем, часть жителей города, а также прибывших сюда эвакуированных, всеми правдами и неправдами стремились покинуть его. В течение апреля-мая 1942 г. в обком и облисполком неоднократно обращалось и руководство железной дороги им. К.Е. Ворошилова с вопросом о необходимости продолжения эвакуации, но неизменно получало отказ с формулировками: «*это преждевременно*», «*люди нас не поймут*», «*это может вызвать панику*». 25–27 мая 1942 г. бюро Ростовского обкома ВКП(б), заслушав пересланное из редакции газеты «Правда» письмо рабочего (*«по-видимому, из Бело-Калитвенского района»*) о «*преступных делах, связанных с эвакуацией, постановило: передать письмо в областную прокуратуру для проведения расследования и предания суду виновных, если сообщение подтвердится*»[3]. Двумя месяцами ранее рассматривалось пересланное начальником политотдела одной из дивизии письмо не успевшей эвакуироваться дочери красноармейца Сысоева из колхоза «Красный маяк»

---

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 324. Л. 56.

[2] *Мовшович Е.В.* Очерки истории евреев на Дону. Ростов н/Д, 2011. С. 139.

[3] ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 350. Л. 204.

Хлеборобинского сельсовета Целинского района. Секретарю райкома поручалось выяснить достоверность изложенных в нем фактов и передать их в обком. В ссылке к пункту постановления сообщалось, что *«решения приняты 25.III.42 г.»*[1]

В отличие от предыдущего года, советское руководство не обеспечило необходимых условий и предпосылок для проведения массовой эвакуации в условиях нового немецкого наступления летом 1942 г. Только 22 июня 1942 г. Государственный комитет обороны СССР учредил Комиссию по эвакуации, но, в отличие от Совета, ее решения носили лишь рекомендательный характер. Лишь когда начались варварские налеты люфтваффе на донские города и станицы, 10 июля 1942 г. Ростовский облисполком разрешил выдачу населению пропусков на право выезда в пределах области. На следующий день началась спешная эвакуация предприятий, но вагонов уже не хватало, поэтому она практически сразу же приняла хаотический и бессистемный характер под непрерывными ударами вражеской авиации. Железные дороги были забиты эшелонами с военным имуществом, наплавные мосты через Дон в черте Ростова использовались под военные перевозки. Жителям пришлось преодолевать Дон на лодках, плотах, с помощью подручных средств. А многие из тех, кто сумел покинуть город до вступления в него немцев, были перехвачены по пути наступавшими частями вермахта и оказались вынуждены вернуться назад.

Очевидцам эвакуации запомнились мучительные сборы в *«неизвестность»*, *«вокзальная толкучка»* и *«штурм вагонов»*: *«Вскоре я услышал странное, непонятное слово “эвакуация”. Оказывается, нам надо было уезжать в какую-то Среднюю Азию. Эвакуировались целыми предприятиями. С оборудованием, семьями. Готовился к отъезду и кожзавод, где работал отец. Мать сушила сухари, упаковывала вещи... На вокзале нас встретило удручающее зрелище. Обессиленные люди подтаскивали свои вещи. Городской транспорт тогда уже не работал… Было уже темно. Сам вокзал сгорел. Стоял лишь его скелет. Воняло гарью. Посадка шла ночью. Походила она на штурм средневековой крепости. Никаких билетов, никаких проводников. Вот вагон. Вот толпа. Вот груда вещей. Высокие ступеньки и узкие двери. Вся эта орущая, возбужденная детским плачем масса людей была неуправляемой стихией»*[2].

Сильно запаздывавшая информация стоила жизни тем, кто собирался в эвакуацию: *«Мы никогда не знали, что и где происходит. Когда отправляли эвакуированных на юг, в сторону Сальска, никто не знал, что*

---

[1] ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 336. Л. 83.

[2] *Смирнов В.В.* Ростов под тенью свастики. С. 107.

танки немцев уже устремились туда»[1]. При этом очевидцы вспоминают о спешном выезде руководства: «*Исподволь и без огласки началась эвакуация учреждений. Вспомнилось, как мы, трое подружек еще со студенческих времен, аспирантки университета и пединститута, движимые советским патриотизмом, отправились в Кировский райком ВКП(б), чтобы приобщиться к партизанскому движению в тылу оккупантов и получить соответствующие полномочия и инструкции. Райком встретил нас распахнутыми дверями и окнами, в пустых помещениях гулял ветер. Партийное руководство заблаговременно смотало удочки, и след его давным-давно простыл*». И решение остаться чаще всего оказывалось принятым под воздействием силы обстоятельств: «*За всеми этими делами я так ничего и не узнала об эвакуации Пединститута. Но до меня дошел слух, что на станции Ростов-Товарная готовится к отправлению эшелон с сотрудниками университета. Оставив дома маму и сына, я буквально под бомбами, укрываясь в воронках, побежала туда. Надеялась, что нас тоже возьмут. Но там мне сообщили, что эшелон переполнен и "чужаков" не берут. Мы поговорили с мамой и решили остаться. Уходить пешком было безумием*»[2].

С болью отмечалась и позиция властей, вернее, «*того, что от них осталось*», убеждавших жителей в том, что Ростов-на-Дону сдан не будет: «*…со временем описанная выше тактика приобрела весьма неприятный привкус иезуитизма: сознательно удерживали граждан от эвакуации, а после войны возложили на них весь груз ответственности за то, что они оставались на оккупированной территории, и организовали подлую кампанию преследования за эту провинность. Еще один штрих к характеристике той системы, которую настойчиво именовали социалистической*»[3]. «*Да никто не уехал, никто не успевал, кто успел уехать заранее. Кто мог возможность иметь какую-то. Не было той возможности. Это оккупация была, брошенные наши были, почему сейчас люди обижаются*»[4].

Вместе с тем другие очевидцы сохранили благодарное отношение к власти, позволившей уехать после «*ужасов первого нашествия немцев*» и принявшей на новом месте: «*А я хочу Вам сказать, что наше правительство сдавать Ростов не собиралось, не хотели, ключ к Кавказу. Очень многие уехали до первых немцев, просто началась война, и они уехали. А те, кто*

[1] *Смирнов В.В.* Ростов под тенью свастики. С. 127.

[2] *Бакулина Н.В.* Пасмурные дни (1933–1953).

[3] Там же.

[4] Респондент Моисеев Евгений Васильевич, 1927 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 201 мин. Запись 23 января 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

не уехали, вот значит нам вот эваколисточки, те которые на Кузнецком мосту в Москве, у нас этих нет. Ну, может там что-то и есть, я не писала туда письмо. У меня есть доказательство того, что я была в Казахстане, у меня комсомольский билет на казахском языке. У меня есть, что когда мы уехали, значит, что я закончила 10 классов. Потом в марте месяце, ранней весной, забирали под чистую. И забрали папу в армию в марте месяце. У меня есть его военный билет, когда и с какого адреса его забрали. Все вот в том адресе. Вот, значит, мы поехали и уехали последним поездом»[1]. Во всех этих воспоминаниях память нередко «добирает» недостающее свидетелям знание из будущего, помогая тем самым справиться с пониманием ситуации прошлого. Ее аберрация во многом вызвана происходящим переосмыслением событий военного времени в целом, а также усиленным вниманием профессионального сообщества к возможностям и содержательной составляющей индивидуальной памяти.

Тяжелым испытанием стал путь в эвакуацию и для жителей Сталинграда. Помимо собственного населения, через Сталинградскую область, как и Ростовскую, шел массовый поток эвакуированных. С начала войны до начала весны 1942 г. через Сталинградский пункт эвакуирования прошло более 440 тыс. чел. В начале 1942 г. в Сталинграде размещалось свыше 100 тыс. эвакуированных рабочих с семьями, еще более 200 тыс. чел. были направлены в районы Сталинградской области. Летом 1942 г. этот поток возобновился. ГКО СССР и Комиссия по эвакуации, не учитывая хода боевых действий, продолжали адресовать людские потоки и грузы в Сталинград вплоть до начала сентября 1942 г. Так, в конце июня началась эвакуация в Сталинград людей, материалов и оборудования с территории Ворошиловградской области. 12 июля ГКО принял решение направить эвакуированный из Ворошиловградской области скот через Сталинградскую область в Казахскую ССР. На облисполком возлагались задачи организации пунктов подкормки скота по пути его следования. Для эвакуировавшегося из Сталинградской области населения были созданы пункты питания с выдачей хлеба и горячей воды на станциях Лихая, Сталинград, Котельниково[2].

В связи с угрозой вражеского вторжения и в соответствии с указанием ГКО 13 июля 1942 г. Сталинградский городской комитет обороны принял постановление об эвакуации скота, имущества, средств производства

[1] Респондент Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г. р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 мин. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

[2] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград, 2012. С. 699–700.

колхозов, совхозов и других государственных учреждений и общественных организаций по правым берегам рек Хопёр и Дон. С правобережья Хопра предусматривалась эвакуация из Хопёрского, Добринского, Нехаевского, Кругловского и Подтелковского районов, а с правобережья Дона – из оккупированных впоследствии Серафимовичского, Клетского, Перелазовского, Кагановичского, Тормосиновского, Чернышковского, Нижнечирского, Сиротинского, Калачевского, Верхнекурмоярского районов. Было также принято решение о строительстве 6 дополнительных переправ через Волгу (в Камышине, Антиповке, Горном Балыклее, Горной Пролейке, Дубовке, Каменном Яру) с общей пропускной способностью в 30 тыс. голов в сутки, о приведении в порядок мостов и подъездов к Волге. В тыловые районы двинулись своим ходом тракторный парк МТС и совхозов, гурты колхозного скота и семьи колхозников задонских районов. На левый берег Волги эвакуировалось также имущество колхозов, МТС и совхозов Ростовской области и Калмыцкой АССР[1].

В последующие дни был принят еще ряд специальных постановлений: 14 июля – об эвакуации детских домов из Кагановичского, Нижнечирского, Новоаннинского, Михайловского и Сиротинского районов Сталинградской области. 15 июля – об эвакуации из прифронтовой полосы и Сталинграда детских лечебно-профилактических учреждений и эвакогоспиталей. 16 июля – о передислокации из Сталинграда и областей госпиталей Наркомата здравоохранения и эвакуации Всесоюзного пионерского лагеря «Артек», размещавшегося во Фроловском районе на базе санатория «Серебряные пруды». Началась эвакуация семей комсостава, советских и партийных работников из придонских и прихоперских районов, а 18 июля – рабочих и неиспользовавшегося оборудования.

Серьезное внимание уделялось и эвакуации приписного состава и военнообязанных граждан, а остальные категории населения вывозились уже по остаточному принципу. Только 21 июля Военный совет 64-й армии обязал районные советские и партийные органы в срок до 1 августа «*эвакуировать всё население со всем имуществом и скотом в районе действий армии: а) по правому берегу р. Дон – Обливский, Калачевский, Суровикинский, Нижнечирский, Тормосиновский и Цимлянский районы полностью; б) по левому берегу р. Дон на расстоянии 15–20 км на восток* [из] *Калачевского, Нижнечирского, Верхнекурмоярского и Котельниковского районов*»[2]. Постановление было принято всего за 3 дня до оккупации

---

[1] *Павлова Т.А.* Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005. С. 124.

[2] ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 39. Л. 94.

Тормосиновского района, за 8 дней до занятия станицы Нижне-Чирской, за 10 дней до занятия станции Котельниково[1]. Понятно, что выполнялось оно в спешном порядке с огромными трудностями. Но вывезти большинство населения в этой ситуации уже объективно не удалось.

Под воздействием начавшихся немецких бомбардировок нередко возникали панические настроения, в том числе и у местных руководителей. Выступая 22 июля 1942 г. на пленуме Сталинградского горкома ВКП(б) первый секретарь обкома и горкома партии А.И. Чуянов сказал, что «*кое-где после первой бомбежки некоторые руководители рванулись или, просто говоря, сбежали*»[2]. Так, во время бомбардировки города Фролово, районного центра Фроловского района Сталинградской области, «*руководители этого района, особенно в первые дни, растерялись, бросили район. В этом районе было очень много безобразий только потому, что партийные руководители растерялись*»[3]. В неизвестном направлении бежал секретарь Иловлинского райкома ВКП(б) Авилов, хотя его району не угрожало вторжение войск противника[4]. Часть местных руководителей, забросив должностные обязанности, занялись спасением собственных семей. 26 июля два секретаря райкома ВКП(б), председатель райисполкома, прокурор, председатель райпотребсоюза, начальник районного земельного отдела и другие руководители Калачевского района уехали за 40 км от районного центра в колхоз им. Куйбышева, а оттуда в село Карповку Городищенского района. Там они нагнали свои эвакуировавшиеся семьи, и в течение дня занимались их благоустройством[5].

Всего из прифронтовых районов области с 16 по 27 июля 1942 г. было эвакуировано свыше 100 тыс. чел. В соответствии с указаниями Комиссии по эвакуации, 15 августа руководство Сталинградской области приняло новое постановление об эвакуации населения из Сталинграда и районов, прилегавших к фронту. Намечалось вывезти в Куйбышевскую область 15 тыс. женщин с детьми и 8–10 тыс. чел. разместить в заволжских районах. На следующий день было решено эвакуировать гражданское население из районов боевых действий. 18 августа было принято постановление об эвакуации всех детдомов. До двадцатых чисел августа из Сталинграда

---

[1] *Павлова Т.А.* Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. С. 130.

[2] ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 2. Д. 35. Л. 2.

[3] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 59а. Л. 19.

[4] ЦДНИВО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 153. Л. 20.

[5] *Павлова Т.А.* Указ. соч. С. 122.

было эвакуировано до 100 тыс. чел., в том числе местных жителей не более 35–40 тыс. человек[1].

Приближение фронта стало полной неожиданностью для огромного большинства жителей и органов власти, которые убеждали население в том, что Сталинград немцам не сдадут: «*Нас же не выпускали из Сталинграда никуда. Пойдет мама на границу: "Нет! Без паники! Не паникуйте! Немец сюда не дойдет!"*»[2]. При попытках покинуть город в начале августа граждане сталкивались с проблемой оформления выездных документов и расставания с другими членами семьи: «*После той бомбежки поднялся вопрос о том, что нужно уезжать. А пропуска нет, мать ходила по каким-то учреждениям… Когда мама получила пропуск на себя на меня, что-то собрали, поплакали, прощались*»[3]. В этих условиях значительное большинство населения оставалось в городе, оказывало помощь своим войскам, многие жители сами не желали эвакуироваться.

Только после жестокой бомбардировки противником города 23 августа 1942 г., когда погибло огромное количество людей, началась подготовка массовой эвакуации. На следующий день Сталинградский городской комитет обороны принял постановление об эвакуации стариков, женщин, детей, раненых на левый берег Волги. 26 августа бюро обкома и горкома ВЛКСМ приняло постановление о проведении силами комсомольской организации города и области эвакуации за Волгу детей, потерявших в Сталинграде родителей. Благодаря этому удалось переправить на левый берег Волги более 1 тыс. осиротевших детей. С 29 августа 1942 г. началась массовая эвакуация. С конца августа до начала октября только из Ворошиловского района было переправлено на левый берег Волги около 65 тыс. чел., из Краснооктябрьского района – 60 тыс. человек[4].

В то же время очевидцы нередко рассказывают о проявлениях социального неравенства, с которым им пришлось столкнуться в процессе эвакуации: «*Когда мы пришли на эту переправу, стоял большой пароход. И вот этот пароход заселялся, всё начальство со своими семьями, со своим*

---

[1] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. С. 699.

[2] Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград, 2014. С. 347.

[3] *Рыблова М.А., Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Архипова Е.В., Курилла И.В., Назарова М.П.* Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград, 2015. С. 261–262.

[4] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград, 2012. С. 699.

скарбом, всё. А такие как мы с мамой, мы стояли в стороне. Мы ненужные были»[1]. «*Жили мы в доме № 113, только что отстроенном и заселенном, где сейчас располагается сельскохозяйственный институт. В одной половине его как раз и жили семьи таких* [партийных и советских] *работников… Так вот они были эвакуированы за две недели до начала бомбежки. Причем весьма скрытно, со всякими предосторожностями… Оставшимся же жителям нашей половины дома пришлось испытать неимоверные муки и страдания. Не все они дожили до освобождения… Вот такая разная получилась "эвакуация"*»[2].

В первую очередь эвакуировались семьи партийных и советских работников, активистов, сотрудников НКВД. Но и представители этих категорий населения в условиях начавшейся неразберихи и хаоса не всегда могли своевременно попасть на корабли: «*После того как бомбежки прекратились, и после того как Волга прогорела, мы спустились к берегу. Мама рвалась переправиться на пароходе на тот берег, но по какой-то причине мы не попали на этот пароход. Этот пароход разбомбили… В одну из сентябрьских ночей, когда бомбежек уже практически не было, нас перевезли на пароходе "Кренкель"*»[3]. Другим жителям переправиться через Волгу было еще сложнее: «*Нас остановили и сказали: "Время военное. Перевозить будем ночью или днем только раненых солдат. Вы разворачивайтесь". Мы, как ни просили: лодку купим, мы там то, мы там сё, к барже цепляли и вот туда, нам отказали. По законам военного времени перевозили только раненых солдат, и всех людей бросили в Сталинграде*»[4].

Впрочем, есть свидетельства того, что представители властей заставляли мирных жителей уйти из города к Волге для переправы: «*Потом эвакуация начиналась, мама не хотела уезжать… У нас был участковый… он с наганом ходил и ее искал. Мама пряталась, не хотела уезжать. Говорит:*

---

[1] Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. С. 115.

[2] *Рыблова М.А., Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Архипова Е.В., Курилла И.В., Назарова М.П.* Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). С. 262–263.

[3] Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. С. 19.

[4] *Рыблова М.А., Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Архипова Е.В., Курилла И.В., Назарова М.П.* Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны. С. 264.

“Я пропаду с этими дитями”… А ему дали, видимо, задание, и он ее искал»[1]. Однако даже попасть на пароход – еще не означало спастись. Переправа осуществлялась под немецкими бомбами и сопровождалась многочисленными жертвами. Очевидцы отмечают драматизм эвакуации, как ситуации острого выбора, от которого прямо зависела последующая жизнь и судьба многих жителей города. По словам А.М. Лобановой, «*иногда думаю, сколько жизней мирных жителей можно было спасти, особенно детей, если бы заблаговременно организовать их эвакуацию. Но по каким-то причинам этого сделано не было»*[2].

С началом боевых действий в городе остававшиеся в нем жители, в основном женщины с детьми и пожилые люди, стали уходить в противоположную от Волги сторону, на запад, с надеждой попасть к родственникам в сельской местности, не зная, что эта территория уже захвачена врагом. В результате оккупанты отправили часть из них в Германию. Многие сталинградцы оказались в пересыльном лагере в Белой Калитве, пережив в нем немало мучений и страданий[3]. Но и те, кому повезло выбраться за Волгу, столкнулись с многочисленными проблемами жизни на новом для себя месте. Заволжские эвакопункты не были рассчитаны на столь большое количество беженцев, занимаясь в основном перераспределением людских потоков. Чаще всего переправившиеся через Волгу горожане были предоставлены сами себе и самостоятельно искали работу и пропитание: «*А детей собирали и вывозили в поле, у каждого из нас была торбочка. Мы становились на рядки и собирали колоски. Кормили нас один раз, а когда мы уходили домой, то нам в эту торбочку насыпали по стакану, мукой это не назвать, скорее отруби… Потом еще мы грибы в лесах собирали, кислицу – дикие яблоки»*[4]. «*Работать пошли, 16 лет не было… Мы на быках возили зерно на посевную, провеем, просушим и везем. Когда урожай – опять перекрутим, посушим и везем на элеватор»*[5]. Самой распространенной практикой выживания была помощь родственников и знакомых, но они были далеко не у всех эвакуированных.

В связи с подготовкой советского контрнаступления в конце осени 1942 г. был отдан приказ о выселении в двухнедельный срок за пределы 25-километровой прифронтовой полосы всего гражданского

---

[1] Дети и война: Сталинградская битва и жизнь... С. 98.

[2] *Рыблова М.А., Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Архипова Е.В., Курилла И.В., Назарова М.П.* Детство и война. С. 263.

[3] Там же. С. 276–291.

[4] Дети и война: Сталинградская битва и жизнь... С. 22.

[5] Там же. С. 505.

населения – жителей Сталинграда, Средней и Верхней Ахтубы, Красной Слободы, Красноармейска, Верхне- и Среднепогромного, Ударника, Светлого Яра, Райгорода и других населенных пунктов. С 25 октября по 14 ноября проходила эвакуация гражданского населения из Кировского района Сталинграда. На левый берег Волги было вывезено около 25 тыс. человек[1].

На сегодняшний день в понимание механизмов осуществлявшихся эвакуационных мероприятий и оценки степени их эффективности включаются не только традиционные представления, длительное время основывавшиеся на архивном комплексе документов, но и индивидуальная память очевидцев того времени. Под их воздействием эвакуация из плоскости мероприятия государственной важности перемещается в область человеческих судеб. При этом и официальные документы, и воспоминания тех, кто непосредственно пережил эвакуацию, грешат принципиальной неполнотой, связанной как с особенностями памяти, помещающей человека в «пучину конкретных обстоятельств», так и партийных документов, отражающих чрезвычайные нужды страны в целом. На этом пересечении и выстраиваются нынешние историографические образы эвакуации, ставшей поворотным событием не только в жизни страны, но и в судьбах конкретных людей.

7.2. Особенности нацистской оккупации

Нацистская оккупация советских территорий относится к наиболее дискуссионным проблемам историографии Великой Отечественной войны. Советские историки уделяли внимание таким вопросам, как террор оккупантов против мирных жителей и советских военнопленных, грабеж захваченных районов, нанесенный им материальный ущерб. В то же время были недостаточно раскрыты специфика оккупации отдельных областей, система управления и различные направления оккупационной политики, повседневной жизни советского населения на захваченной территории. Всё

[1] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. С. 699.

это в полной мере относится и к оккупации Ростовской и Сталинградской областей, особенно их сельских районов. Только в последние годы вышел ряд серьезных исследований, посвященных оккупации советских территорий в целом и политике захватчиков в отдельных регионах, в том числе и на юге страны[1]. В данной связи необходимо отметить монографию и кандидатскую диссертацию Т.А. Павловой, впервые поставившей вопрос о трагедии гражданского населения Сталинграда и Сталинградской области в условиях одного из решающих сражений Великой Отечественной войны[2]. Тем не менее выявление особенностей оккупации городов и сельских районов Ростовской и Сталинградской областей по-прежнему остается перспективной исследовательской задачей.

Следует отметить, что еще до начала Великой Отечественной войны нацистское руководство предполагало создать на захваченной территории СССР несколько рейхскомиссариатов. На территории от Азовского моря до АССР немцев Поволжья планировалось создание рейхскомиссариата Дон – Волга (в немецких официальных документах Dongebiet – земли, примыкающие к Дону). Административным центром предполагалось сделать Ростов-на-Дону. На пост рейхскомиссара Альфред Розенберг выдвигал Дитриха Кляггеса, главу правительства Брауншвейга. Затем эти территории было решено включить в состав рейхскомиссариата «Украина»[3]. Планировалось создать два генеральных комиссариата – Donland с центром в Ростове-на-Дону и Wolgaland-Süd с центром в Сталинграде, переименованном в Wolgaburg.

Весенне-летняя кампания 1942 г. на южном участке советско-германского фронта вызвала новую волну проектов административных

---

[1] *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943). Майкоп, 2000; *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития, июль 1942 г. – октябрь 1943 г.). Ростов н/Д, 2003; *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004; *Романько О.В.* Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М., 2014 и др.

[2] *Павлова Т.А.* Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005; *Ее же.* Гражданское население Сталинградской области в условиях германской оккупации: июль 1942 г. – февраль 1943 г.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2007.

[3] *Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Крах плана «Ольденбург». 3-е изд. М., 1990. С. 118, 123.

преобразований на захваченных территориях СССР[1]. Министр по делам оккупированных восточных областей Розенберг в письме Гитлеру 29 июля 1942 г. изложил новый план территориально-политического устройства оккупированных советских областей. В частности, планировалось создать отдельный рейхскомиссариат между Украиной, Кавказом и Уралом, включив в него Ростовскую, Сталинградскую, Воронежскую и Саратовскую области. В качестве генерального комиссара Сталинграда предлагался обергруппенфюрер СС С.А. Бенке[2].

В ходе летнего наступления 1942 г. вермахт захватил большую часть территории Ростовской области, за исключением Вёшенского и частично Верхнедонского районов (западные районы до реки Миус были оккупированы еще осенью 1941 г.)[3] Из 74 сельских районов Сталинградской области в 1942 г. противнику удалось захватить лишь 14 районов: Клетский, Сиротинский Красноармейский (все три – частично), Перелазовский, Чернышковский, Тормосиновский, Кагановичский, Нижнечирский, Серафимовичский, Котельниковский, Верхнекурмоярский, Калачевский, Городищенский и Ворошиловский, а также практически полностью областной центр – город Сталинград[4].

Находясь в непосредственной близости от линии фронта, данные районы, как и другие оккупированные территории РСФСР, оказались в военной зоне управления. Здесь не было создано немецкой гражданской оккупационной администрации, вся полнота власти принадлежала немецким (в ряде населенных пунктов – румынским и итальянским) военным комендатурам – полевым (фельдкомендатурам) или местным (ортскомендатурам), а в районе боевых действий – непосредственно командирам соединений вермахта и союзных ему частей. Военные коменданты отвечали не только за традиционный для них круг вопросов – охрану территорий, расквартирование и снабжение войск вермахта и его союзников, обеспечение порядка, выполнение приказов командования. Они также вели контрразведывательную работу по выявлению советских диверсантов и враждебно настроенных к оккупантам лиц, насаждали собственную аген-

---

[1] См.: *Кринко Е.Ф.* Кавказская программа Розенберга как проект модернизации «восточной политики» Германии // Authority and society (History, Theory, Practice). Scientific magazine of The Open Diplomacy Association. Tbilisi. 2011. No 4 (20). Vol. II. P. 52–59 и др.

[2] *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 209–210.

[3] Завещано помнить… Донские архивы – 70-летию Великой Победы. Сборник документов и материалов. Ростов н/Д, 2015. С. 271–272.

[4] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 13. Л. 2.

туру, проводили регистрацию населения и его мобилизацию на работы, организовывали сбор оружия и другого имущества, формировали вспомогательную полицию и гражданские административные учреждения, выполняли другие полномочия.

В крупных городах комендатура состояла из отделов: военного, полиции и карательных отрядов, сельскохозяйственного, транспортного, регистрации и прописки населения, по делам военнопленных, финансового и других. При комендатуре действовала команда охраны, группа связных-мотоциклистов, а также писари и переводчики, набиравшиеся из местных жителей. Районные и городские комендатуры возглавляли офицеры вермахта. Военным комендантом Ростова-на-Дону являлся генерал-майор Ф. Киттель, города Миллерово – капитан Ю. Майер. В небольших населенных пунктах комендатуры имели упрощенную организацию и сокращенный личный состав (комендант, его заместитель, 1–2 переводчика).

В Сталинграде военная комендатура была создана 1 октября 1942 г., комендантом был назначен генерал-майор Ленинг. 13 октября комендатура была упразднена, вместо нее создана временная комендатура во главе с бывшим заместителем Ленинга майором Шпайделем. Через неделю она была расформирована и организованы самостоятельные комендатуры в центральной (Дзержинский и Ерманский районы), южной (Ворошиловский район) и северной (Тракторозаводский, Баррикадный и Краснооктябрьский районы) частях города. Действовавшей в Ворошиловском районе комендатуре «Сталинград – Царица-Юг» подчинялись три участковых комендатуры. В поселке Монино автономно действовала комендатура 71-й пехотной дивизии. Ей же подчинялась комендатура северной части Сталинграда[1].

Деятельность военных комендатур находилась под контролем служб тыла, действовавших на оккупированной территории соединений вермахта. Захваченные районы Сталинградской области были объединены в оккупационный округ (генерал-бецирк), за который отвечал 1-й квартирмейстер штаба 6-й армии фон Верен. Военные комендатуры контролировали деятельность сельскохозяйственных комендатур, которые подчинялись штабам группы армий «А», 6-й армии вермахта и непосредственно ее 2-му квартирмейстеру, другим тыловым службам вермахта[2]. Их задачей являлось снабжение войск за счет местных ресурсов, организация сельскохозяйственных работ, хранение сельскохозяйственной продукции. В свою

---

[1] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. С. 418.

[2] Там же. С. 419.

очередь, сельскохозяйственные комендатуры контролировали работу сельских общин.

В оккупированных районах и городах Сталинградской и Ростовской областей действовало немало полицейских, контрразведывательных и других спецслужб. Полевая полиция вела борьбу против диверсантов, партизан и любых антигерманских проявлений, выявляла партийных и советских активистов, проверяла советских граждан, насаждала свою агентуру. Полевая жандармерия следила за соблюдением «нового порядка», выявляла евреев, проводила аресты антигермански настроенных и просто подозрительных лиц. В документах нередко упоминается о создании и деятельности гестапо. В частности, в докладной записке начальника Управления НКВД по Сталинградской области комиссара госбезопасности 3-го ранга А.И. Воронина указывалось, что в Тормосиновском районе отделение гестапо «*начало свою деятельность с ноября 1942 г., т.е. по истечении 4 месяцев со дня оккупации района, и подчинялось Н-Чирскому отделу гестапо. За время оккупации района отделение развернуло широкую вербовочную работу, создавая агентурную сеть среди всех слоев населения*»[1]. Однако сферой деятельности гестапо (Geheime Staatspolize – тайной государственной полиции) являлась территория Третьего рейха, поэтому, возможно, в данном случае имеются в виду служба безопасности (СД), ГФП (Geheime Feldpolize – тайная полевая полиция) или полевая жандармерия.

Как правило, через несколько дней после захвата населенного пункта в нем проводились выборы руководителя местного органа управления – старосты (в казачьих районах – атамана, в городах – бургомистра). Там, где избрать старосту не удавалось, его назначал комендант. В Ростове-на-Дону бургомистром стал прибалтийский немец Тикерпу. Оккупанты отводили органам местного управления сугубо вспомогательную роль, сводили их обязанности к выполнению своих заданий. Военные коменданты направляли и контролировали работу сельских, районных и городских органов самоуправления, получавших от них инструкции по всем важнейшим вопросам и каждую субботу докладывавших о ходе уборки урожая, об обеспечении немецких войск продовольствием, а также по другим вопросам.

В обязанности бургомистра входили выполнение приказов и распоряжений немецких властей, поддержание порядка, организация полиции, сбор оружия, арест солдат и командиров Красной армии, регистрация населения, запрет собраний и демонстраций, восстановление работы учреждений и предприятий, ремонт поврежденных сельскохозяйственных орудий и машин. Бургомистрам было вменено в обязанности следить за

[1] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 306. Л. 53.

затемнением окон и дверей, препятствовать образованию политических партий. В то же время им запрещалось проведение любых самостоятельных мероприятий по преобразованию существовавшего порядка хозяйствования и управления. Городские и районные управы состояли из отделов: административного, финансового, промышленного, торгового, транспортного, земельного, жилищного, дорожного, строительного, коммунального, просвещения, здравоохранения и других. Различия в структуре зависели от численности жителей населенных пунктов, специфики хозяйственного развития города или района. Городские бургомистры назначали в каждом квартале специальных уполномоченных – квартальных, а в каждом доме – ответственных (комендантов), на них были возложены обязанности соблюдения порядка и правил общежития, санитарных и противопожарных инструкций.

Во всех населенных пунктах были сформированы участки вспомогательной полиции из местных жителей. Количество полицейских зависело от численности населения, составляло от нескольких человек в небольших хуторах до десятков человек в крупных станицах и селах. Полицейские носили гражданскую одежду, а их отличительной чертой являлась белая повязка на рукаве. Каждому выдавался документ – свидетельство, подписанное комендантом и старостой. Оружие выдавалось в случае необходимости по специальному разрешению коменданта. Полиция охраняла органы власти и другие объекты, проводила обыски, аресты и облавы, выполняла указания комендантов и старост. Все сотрудники органов власти и полиции получали фиксированную зарплату: полицейские – 300 руб., начальник полиции – 650 руб., агроном – от 350 до 850 руб. в месяц[1]. В Сталинграде в помощь районным комендатурам были приданы по роте украинской вспомогательной полиции и еще две сотни – комендатурам, действовавшим в центре и южной части города[2].

Оккупанты при необходимости меняли границы районов, вводя дореволюционные волости. Так, в Ворошиловском (в настоящее время Октябрьский) районе Сталинградской области, включавшем до войны 21 сельский совет, административным центром «*была волостная управа в селе Аксай. Во главе ее стоял старшина… и два его заместителя… Выборы волостной управы проводились путем насильственного сбора населения румынскими солдатами*». В состав волости входили 32 сельские

---

[1] Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. Волгоград, 2008. С. 17.

[2] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. С. 418.

управы[1]. А Клетский район был разделен на две части, управление которыми находилось в Евстратовском хуторе (к нему относились станица Распопинская, Верхне-Саломаковский, Головской, Селивановский и другие хутора) и Сухановском хуторе Кагановичского района (Нижняя и Верхняя Бузиновки, Майоровский, Ерик и другие хутора). В каждой из этих частей была создана сельскохозяйственная комендатура. Крупными центрами управления стали станица Нижне-Чирская, поселок Котельниково и хутор Тормосин. Так, в станице Нижне-Чирской, помимо уже упомянутого отделения гестапо, располагались военная и сельскохозяйственная комендатуры, бюро пропаганды, окружное отделение службы безопасности с отделением на хуторе Дёмкине, комендатура полевой жандармерии, а также управления районного и станичного старост, комендатура районной вспомогательной полиции при полевой жандармерии и станичная полиция[2].

Как правило, в первые же дни оккупации в захваченных населенных пунктах проводилась регистрация населения, в ходе которой выявлялись евреи и коммунисты, диверсанты и подпольщики, учитывались оставшиеся специалисты. Каждый еврей должен был носить на одежде отличительный знак в виде шестиконечной желтой звезды. В центральной и южной части Сталинграда регистрация была проведена только к 1 января 1943 г., а в северной части города в связи с поголовным выселением жителей вообще не проводилась. В результате регистрацию прошли только 2 тыс. жителей из остававшихся на оккупированной территории 12–15 тыс. чел.[3]

Приказы коменданта запрещали жителям пускать на квартиру посторонних без проверки, укрывать военнопленных и других подозрительных лиц. За нарушение порядка виновным угрожал расстрел. Был установлен строгий пропускной режим: жителям запрещалось перемещаться без разрешения из села в село, для этого требовался специальный пропуск, выдававшийся комендатурой (на расстояние не более 7 км). Время свободного хождения было установлено с 6 часов утра до 6 часов вечера (в другом документе указано с 5 часов утра до 8 часов вечера[4]). Лица, задержанные до или после указанного времени или отлучившиеся из населенного пункта без пропуска, считались партизанами и подлежали расстрелу. Расстрелу также подлежали лица, уклонявшиеся от регистрации населения, не

---

[1] Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. С. 22.

[2] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 306. Л. 19.

[3] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. С. 418.

[4] Оккупация... С. 24.

сдавшие оружие и не выполнявшие приказы комендантов. В ряде населенных пунктов для местных жителей выделялись специальные места для забора воды, отдельно от военнослужащих оккупационных войск.

Вследствие сорванной эвакуации на оккупированной территории осталась значительная часть еврейского населения. К началу 1940-х гг. численность евреев в Ростове-на-Дону составляла 27 тыс. чел., или 5,38 % населения города, насчитывавшего более 0,5 млн чел. Еврейская община Ростова-на-Дону была до Великой Отечественной войны третьей по численности в РСФСР после Москвы и Ленинграда. В начале войны часть евреев эвакуировалась на восток, однако их общая численность возросла за счет беженцев из западных областей, составив, по оценке Е.В. Мовшовича, 30–32 тыс. чел. к августу 1942 г.[1] В начале августа появилось воззвание к еврейскому населению города, в котором сообщалось о создании еврейского Совета старейшин во главе с доктором Г. Лурье. Всех евреев старше 14 лет обязали лично зарегистрироваться к 10 августа. В это время военнопленные красноармейцы вырыли большие ямы и рвы в балке Змиевской, на северо-западной окраине города, за зоопарком и Ботаническим садом. К 8 августа в этих ямах и рвах были расстреляны 300 советских военнопленных, ставших первыми жертвами немецкого геноцида в Ростове-на-Дону. В новом воззвании Совета старейшин от евреев потребовали явиться с утра 11 августа на 6 сборных пунктов для их организованного переселения в особый район, где они якобы будут находиться под защитой немецких властей. Со сборных пунктов евреев пригоняли колоннами и перевозили машинами в Змиевскую балку, где раздевали и расстреливали из пулеметов. Детей отравляли, смазывая им губы сильнодействующим ядом. В первый день было уничтожено более 13 тыс. евреев. Расстрелы продолжались ночью и на следующий день[2]. Организатором казни был «фюрер» карательной зондеркоманды СС 10а Г. Зеетцен. Самой акцией руководил его подчиненный – гауптштурмфюрер СС Л. Хеймбах[3].

Точное число уничтоженных в Змиевской балке людей не установлено. Согласно акту комиссии при Ростовском облисполкоме по учету ущерба и злодеяний, причиненных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам города Ростова-на-Дону, о зверских убийствах мирного населения и разрушениях в г. Ростове-на-Дону,

[1] *Мовшович Е.В.* Очерки истории евреев на Дону. С. 140.

[2] Там же. С. 145–146.

[3] Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. М., 2015. С. 288.

«*по предварительным данным, количество расстрелянных и отравленных, замученных и истребленных евреев по г. Ростову н/Д в период с 23 июля 1942 г. по 13 февраля 1943 г. составляет 15–18 тысяч человек. Вместе с ними погибли и провожавшие их члены семьи другой национальности*»[1]. Местные краеведы называют бóльшую цифру погибших в Змиевской балке евреев – не менее 27 тыс. чел.[2]

Еврейское население подвергалось преследованию и уничтожению на всей оккупированной территории Ростовской и Сталинградской областей. В Сталинградской области было уничтожено 600 евреев, в том числе несколько сотен в областном центре, 68 чел. в селе Аксай, 209 чел. в Ворошиловском районе[3]. 31 июля 1942 г. на территории сел Балабановка и Ольхового Рога Мальчевского (в настоящее время – Миллеровского) района были уничтожены эвакуированные из Запорожья евреи – всего 101 чел.[4] В начале августа в городе Шахты по приказу военного коменданта Кремера были расстреляны около 300 чел. – 100 еврейских семей. В Морозовске и его окрестностях уничтожены 400 чел., в Новочеркасске – 10 чел., в станице Семикаракорской – 15 чел. Всего в 24 населенных пунктах Ростовской области было уничтожено, по разным данным, от 19 до 26,8 тыс. евреев. Отличительной особенностью уничтожения еврейского населения в Ростовской области стало то, что регистрации и дальнейшему уничтожению подлежали не только евреи, но и лица из смешанных браков евреев с не евреями.

Для населения оккупированных территорий в возрасте с 16 до 50 лет была установлена трудовая повинность. От нее освобождались инвалиды 1-й и 2-й групп, женщины с детьми до 5 лет, тяжелобольные, имевшие справки от врача. За отказ от работы следовало суровое наказание, вплоть до расстрела. Трудоспособные жители использовались в сборе оружия, строительстве оборонительных рубежей, ремонте дорог. Для заготовки топлива и других работ широко использовались и эвакуированные, при этом им выдавалось по 400 г хлеба, а их иждивенцам – по 300 г хлеба в день[5]. Не выполнявшие трудовую повинность подлежали наказаниям. Так,

---

[1] ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 441. Л. 3.

[2] *Мовшович Е.В.* Очерки истории евреев на Дону. С. 147; *Ракша В.Н.* Гибель евреев Ростова-на-Дону // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д, 2015. С. 388–395.

[3] Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., 2009. С. 935.

[4] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 3. Л. 140.

[5] Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. С. 17.

в селе Греково-Степановка Ростовской области за невыход на работу было оштрафовано 30 чел. на общую сумму в 6 тыс. руб. Штрафы вообще широко применялись в качестве наказаний. В Алексеево-Лозовской слободе оккупанты оштрафовали более 30 чел. за сбор веток и щепок, оставшихся от порубки леса[1].

Сельское население было обложено натуральными налогами: «…*печеный хлеб, мясо, яйца, молоко, тарелки, ложки, чашки, ножи и вилки, стаканы и стекло и прочее. Хозяин или хозяйка каждый месяц должны были сами приносить все перечисленные виды продуктов в таком количестве, которое требовалось управе. Каждый дом облагался налогом стекол, кирпичей и домашней утвари: есть четыре окна – два заложи, а из двух* [одно] *стекло принеси в управу. Предприятия совершенно не работали, рынков и базаров не было. Торговля велась не за деньги, а за продукты* (*нелегальная*) *– немец приносил хозяйке рыбу, пудру, а она давала яйца и другие продукты*»[2].

Оккупанты широко пропагандировали роспуск колхозов и передачу земли в частную собственность[3]. Но в реальности колхозы в оккупированных районах Ростовской и Сталинградской областей продолжали работать, поскольку оккупанты были заинтересованы в стабильности сельскохозяйственных поставок. При этом часть председателей работала в прежних должностях до освобождения области. Населению разъяснялось, что задержка роспуска колхозов является временной мерой в связи с близостью фронта, в более глубоком тылу колхозы распущены, земля и инвентарь розданы крестьянам в личное пользование. Все оставшиеся на оккупированной территории запасы государственного и колхозного зерна, скот и птица, промышленное сырье и топливо были конфискованы в пользу вермахта. Только в Сталинградской области оккупанты конфисковали 298 тыс. голов скота[4].

Но сельскохозяйственное производство на захваченных территориях снизилось по всем показателям. Из 2700 га в колхозе станицы Клетской было убрано всего 10 га, в Нижней Бузиновке из 1350 га – 300 га, посеяно 85 га ржи, на хуторе Муковнинском из 800 га убрано 60 га, посеяно 40 га. Причины резкого снижения сельскохозяйственного производства во многом объясняются значительным ухудшением его материально-технической базы, сокращением поголовья скота вследствие боевых действий и

[1] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 22. Л. 43.

[2] Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. С. 23.

[3] ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

[4] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. С. 420.

эвакуации, а также саботажем со стороны населения решений оккупационных властей. Если в Клетском районе до оккупации было 2548 коров, то осталось всего 662, молодняка из 3246 осталось 230 голов, из 11 288 овец и коз осталось 431, из 3298 свиней осталось 214, из 47 012 птиц осталось 3479[1].

Немецкое командование рассчитывало на восстановление работы промышленных предприятий в оккупированных районах. И в ряде районов и городов им удалось этого достичь. Однако в Сталинграде, через который проходила линия фронта, работало немного предприятий; в Ворошиловском районе, например, была налажена работа мельницы и кожевенного завода № 1. Частично оборудование сталинградских заводов также использовалось для ремонта немецкой военной техники. По неполным данным, оккупантам удалось вывезти из Сталинграда 160 т цветных металлов, 20 тыс. т зерна[2].

Особое внимание оккупанты уделяли предотвращению инфекционных заболеваний, в первую очередь из-за опасений распространения эпидемий среди военнослужащих вермахта. Эти вопросы находились под особым контролем немецких спецслужб, регулярно собиравших сведения об инфекционных заболеваниях в районах. Заболевшие жители «*во избежание контактирования их с солдатами и офицерами германской армии*» немедленно отправлялись в глубокий тыл[3]. В то же время для солдат и офицеров вермахта на оккупированной территории были открыты публичные дома, куда на работу привлекались местные девушки и женщины. Один из таких домов действовал в Ростове-на-Дону.

Районные и сельские библиотеки в селе Аксай, станице Верхне-Курмоярской Сталинградской области и в других населенных пунктах были разгромлены, книги выброшены, часть их сожжена, а часть унесена жителями, киноустановки и радиоустановки уничтожены. В то же время в других населенных пунктах оккупанты организовывали немало мероприятий для привлечения населения на свою сторону и разъяснения жителям всех преимуществ «нового порядка». Так, в Ростове-на-Дону издавалась газета «Голос Ростова». Два раза в неделю комендант села Котельниково выпускал газету «Котельниковская правда»[4]. В станице Нижне-Чирской был открыт кинотеатр. Бюро пропаганды организовало выпуск газеты «Новое

---

[1] Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. С. 15.

[2] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. С. 419.

[3] Оккупация... С. 16.

[4] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 306. Л. 31.

время», распространяло «*ряд контрреволюционных фашистских брошюр и иллюстрированных журналов*», содержание которых было направлено на восхваление «*мощи и непобедимости*» германской армии[1].

Поощрялось возрождение религиозных традиций. В Ростовской области в период оккупации было открыто 243 церкви[2]. Молитвенные дома открылись в Перелазовском (хутор Верхне-Черенский), Клетском (хутора Евстратовский, Платонов, Головский, Ореховский, Селивановский), Калачевском (село Мариновка, хутор Голубинский), Чернышковском (станица Обливская, хутор Верхнегнутов), Тормосиновском (хутора Тормосин, Степано-Разинский) районах по инициативе оккупационных властей и румынских полковых священников. В Перелазовском районе при крещении детей в роли крестных нередко выступали румынские офицеры[3].

Однако остро ощущалась нехватка священнослужителей. В начале сентября 1942 г. в Ростове-на-Дону несколько представителей духовенства были посвящены в священники. Прежде чем они приступали к работе, с ними проводили переэкзаменовку, испытательный экзамен, выдержав который, они могли работать с прихожанами[4]. Немецкий полковник Мейер 30 августа 1942 г., посетив Новочеркасск, отметил: «*В 16 часов я посетил воскресную обедню литургического богослужения. Собор при богослужении оказался пустым, поэтому я снова его покинул. Это закрепило во мне мнение, которое было подтверждено бургомистром Ростова, что религиозную веру можно найти только среди населения свыше 40 лет. Для населения в возрасте от 15–30 лет богослужение является просто как посещение спектакля. По показанию бургомистра, еще более младшему поколению совершенно незнакомо никакое религиозное чувство*». В то же время немецкий полковник подчеркивал, что в казачьих станицах Дона ситуация выглядела совершенно иначе: казаки ревностно относились к религии и в большинстве своем были крещеными[5].

Следует отметить, что часть антисоветски настроенных жителей действительно ожидала прихода оккупантов, надеясь с их помощью

---

[1] Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. С. 21–22.

[2] *Васильева О.Ю.* Особенности религиозной жизни на временно оккупированной территории // Церковь в истории России. Сборник № 4. М., 2000. С. 228.

[3] *Мордвинов С.В.* Православное возрождение на Нижней Волге и Дону в 1942–1943 годах // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. Вып. 1 (23). С. 21.

[4] Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Ф. 619. Оп. 1. Д. 211. Л. 9.

[5] Там же.

восстановить дореволюционные порядки, и не верила сообщениям советской пропаганды об их жестокости. По этой причине они отказывались от эвакуации и пошли на сотрудничество с оккупантами: «…*все эти люди в большинстве были те, которые в прошлом, особенно до революции, до колхозного строительства были кулаками, зажиточными, знатными людьми этого казачества. Среди них имелась и интеллигенция, даже учителя, агрономы и другие профессии*»[1]. Некоторые прикладывали немалые усилия, «*чтобы устроиться в учреждения оккупационной власти*»[2]. Кроме того, с войсками вермахта в казачьи станицы «*пришли отдельные люди, находившиеся за границей, которые рассчитывали получить здесь громадные наделы земли, инвентарь и прочие средства производства с тем, чтобы здесь стать помещиками. Это было в станице Н. Чирской, в хуторах Демкинском, Б. Солоновском*»[3].

В документах отмечалось: «*Одной из особенностей на оккупированной территории Сталинградской области, и особенно в Ворошиловском районе, является то, что немцы не применяли террора к мирному населению и даже ответработникам. Они их или отпускали на нашу территорию, или эвакуировали за Дон, предварительно отобрав партдокументы, или оставляли на своем месте жительства. Немецкая жандармерия стала перевоспитывать… мирных жителей*». В этих целях предпринимались различные мероприятия, особенно для молодых людей: «*Молодежь, особенно комсомольцы, через день должны были являться в жандармерию. В первую явку задавались вопросы: год рождения, замужем ли… при вторичной явке дали задание связать по паре носков и варежек для германо-румынских солдат с исключительной точностью*»[4].

Тем не менее оккупантам не удалось в полной мере добиться своих целей. Об этом свидетельствует возникновение сопротивления захватчикам, создание партизанских отрядов и подпольных групп, саботаж населением решений оккупационных властей[5]. Подготовительная работа по созданию партизанских отрядов и подпольных групп велась в Ростовской и Сталинградской областях с осени 1941 г. под руководством партийных органов и органов НКВД. Во всех районах и городах были заранее созданы

---

[1] ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

[2] ГАВО. Ф. Р-3423. Оп. 3. Д. 2. Л. 7об.

[3] ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

[4] Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. С. 23.

[5] *Дубков В.Н.* Непокоренные. Партизанская и подпольная борьба на территории Сталинградской области в 1942–1943 гг. Волгоград, 2004.

отряды и группы из активистов, рабочих, служащих, колхозников. Для большинства отрядов были заранее созданы базы с продовольствием, теплой одеждой, подготовлено вооружение. Однако вследствие мобилизации и эвакуации первоначальный состав партизан и подпольщиков значительно изменился, а часть баз были выданы предателями противнику.

Высшим руководящим органом по управлению партизанскими формированиями на юге страны должен был стать Южный штаб партизанского движения, образованный по постановлению ГКО СССР от 3 августа 1942 г. В его состав вошли и представители Ростовской области – П.И. Александрюк (Ростовский обком ВКП(б)) и Н.М. Киселев (Управление НКВД по Ростовской области)[1]. Однако затем бюро обкома разделилось на северную (саратовскую) и южную (кавказскую) группы, которые совместно с представителями Центрального штаба партизанского движения (далее – ЦШПД) при Сталинградском и Закавказском фронтах разрабатывали меры по развертыванию партизанской борьбы и диверсионной деятельности в прифронтовом тылу[2]. Действовавшие на правобережье Дона партизанские отряды Ростовской области перешли под управление командующих фронтами сталинградского направления.

Действиями сталинградских партизанских отрядов в июле – августе 1942 г. руководил Украинский штаб партизанского движения (далее – УШПД), находившийся на территории Сталинградской области. Кроме того, 28 июля 1942 г. при обкоме ВКП(б) была создана оперативная группа из 3 человек во главе с секретарем обкома партии Ф.В. Ляпиным. Во второй половине августа УШПД покинул территорию Сталинградской области. Сталинградские партизанские отряды перешли под контроль Военного совета Сталинградского фронта и обкома ВКП(б). Ф.В. Ляпин был назначен представителем ЦШПД и членом Военного совета фронта. Он возглавил созданный осенью 1942 г. штаб партизанского движения при Военном совете Сталинградского фронта. Такие же штабы и оперативные группы были созданы на Юго-Западном и Донском фронтах. В оккупированные противником районы Сталинградской области обкомом и райкомами партии были направлены 9 боевых отрядов с общей численностью 118 чел. Всего в 14 сельских районах действовали 11 отрядов и групп с общей численностью в 186 чел.[3]

---

[1] Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 17а. Л. 3.

[2] *Маркусенко И.С.* Дон в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1977. С. 86.

[3] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. С. 436.

С приходом оккупантов развернулась подпольная сеть во многих городах и станицах Дона. С врагом боролись партийные и комсомольские группы, а также стихийно созданные подпольные организации. Но подпольная борьба носила очаговый характер. Недоработки местных партийных и советских органов в подготовке привели к тому, что в значительной части городов и районов подпольные организации отсутствовали либо были созданы стихийно[1]. Часть партизанских отрядов отошла на соседнюю территорию, не занятую противником. В Семикаракорском районе партизанский отряд «Гроза» создали попавшие в окружение старший лейтенант Г. Филатов, политруки В. Федоров и К. Стрельцов. В Ростове-на-Дону самой крупной подпольной организацией был отряд М.М. Трифонова (Югова), созданный разведывательным отделом фронта. Подпольщики испортили 6000 свиных кож и 480 кавалерийских сёдел, предназначенных для вермахта, 13 бочек с красителями для обработки кож на обувной фабрике[2]. На станции Ростов-Главная они выпустили горючее из 12 цистерн, 9 раз выводили из строя телефонную связь, соединявшую военный аэродром и огневые точки противника с городом, распространяли листовки и сводки Совинформбюро среди населения. Через врача Д.П. Ломову, выдававшую фиктивные справки о болезни, подпольщики освободили от работы и отправки в Германию около 700 чел.[3] Из лагеря военнопленных был организован побег более 800 заключенных[4].

Подпольщики Мигулинского района и партизаны отряда «Донской казак» только за первые три месяца оккупации вывели из окружения 1,1 тыс. бойцов и командиров РККА, уничтожили 70 военнослужащих противника, 21 старосту и полицейского. Каменские подпольщики взорвали понтонный мост через Северский Донец, совершали диверсии на предприятиях и железной дороге, спасали советских воинов, оказавшихся в окружении или бежавших из плена, собирали разведывательные данные, вели агитационную работу среди населения[5].

Жестокость оккупантов по отношению к местным жителям и военнопленным порождала недовольство оккупационным режимом. Многие немецкие и румынские военнослужащие занялись открытым грабежом населения и имущества учреждений, особенно в конце осени – начале

---

[1] *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития, июль 1942 г. – октябрь 1943 г. С. 483–484.

[2] *Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М., 1970. С. 151.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. ОП. 1. Д. 96. Л. 101.

[4] Там же. Л. 131.

[5] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 39. Л. 1–18.

зимы, когда их снабжение резко ухудшилось. В докладной записке Клетского райкома ВЛКСМ о результатах временной фашистской оккупации района говорилось: «*Забирали всё до детской игрушки, производили массовый грабеж, и в хуторах, откуда не выселялся народ, забирали всё, что попадало на глаза. Там, где побывал фашистский сапог, весь народ выгонялся из домов. Колхозники поселились в землянке, а квартиры представлялись для "арийских господ". Кроме того, из жилых домов строили блиндажи и наблюдательные пункты*»[1]. Движение сопротивления опиралось на моральную и материальную поддержку жителей, включало в свои ряды наиболее активных противников оккупационного режима. Так, багаевские колхозники П.П. Радюк и его жена организовали у себя дома подпольный госпиталь и спасли от гибели 10 раненых бойцов и командиров РККА[2].

В декабре 1942 г. ЦШПД разработал план развертывания партизанских действий в Сталинградской и Ростовской областях, Калмыцкой АССР. Главное внимание уделялось нарушению коммуникаций противника. Для руководства боевой деятельностью в полосе военных действий создавались оперативные органы, которые совместно с обкомами партии занимались подготовкой и переброской новых партизанских отрядов и диверсионных групп за линию фронта[3]. Всего на оккупированной территории Ростовской области действовало 20 подпольных райкомов партии, 167 партизанских отрядов, подпольных организаций и групп, в которых сражалось с врагом около 5 тыс. чел. Партизаны Ростовской области уничтожили более 5,3 тыс. и взяли в плен свыше 4,1 тыс. солдат и офицеров противника, захватили большое количество оружия и техники, взорвали 10 железнодорожных мостов, пустили под откос сотни вагонов и паровозов[4].

Перед отступлением оккупанты сжигали дома мирных граждан и здания учреждений, убивали сопротивлявшихся этому жителей. В результате станица Клетская была разрушена на 85–90 %, Распопинская – на 80–85 %, хутор Логовский – на 100 %. Всего в Клетском районе было разрушено 930 частных домов и 674 дома значительно повреждены, разрушено 150 животноводческих построек, 53 дома, в которых располагались детские ясли, 32 школьных здания, 21 изба-читальня, дом культуры и кинотеатр. Уничтожены 38 школьных библиотек, в которых имелось 23 тыс.

---

[1] Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. С. 15.

[2] *Маркусенко И.С.* Дон в Великой Отечественной войне. С. 99.

[3] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 74. Л. 17.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. Д. 1442. Л. 45.

томов книг. В районной библиотеке было уничтожено 12 тыс. томов, в педагогической библиотеке – 5 тыс. книг[1].

При отступлении оккупанты угоняли в тыл местных жителей, отправляя затем их на работу в Германию. С территории Сталинградской области в Германию было вывезено свыше 64 тыс. чел., Ростовской области – 85 тыс. чел. Жителей Сталинградской и Ростовской областей также отправляли на восстановление промышленных объектов в Украинской ССР. При этом лица, сотрудничавшие с противником, опасаясь восстановления советской власти, уходили с ними добровольно.

Еще одним последствием оккупации стало расследование после освобождения деятельности лиц, находившихся на захваченной противником территории. Перед органами государственной безопасности ставилась задача «*через агентов, осведомителей и партизан, а также честных советских граждан установить и арестовать предателей, изменников и провокаторов, как состоявших на службе немецких оккупационных властей, так и способствовавших им в проведении антисоветских мероприятий… Выявляемых лиц, причастных к антисоветской работе, немедленно арестовывать и предавать суду*»[2]. На освобожденной от оккупации территории Сталинградской области органами государственной безопасности в феврале – марте 1943 г. было арестовано 2450 чел., в том числе 479 чел., причастных к разведывательной деятельности против СССР, 1423 пособника оккупационных властей, 78 бандитов и дезертиров, 470 чел. «прочего антисоветского элемента»[3].

Среди арестованных было немало и членов партии. Только на оккупированной территории Ростовской области без ведома партийных организаций осталось около 10 тыс. коммунистов. Примерно 40 % из них уничтожили во время оккупации свои партийные билеты. В результате после освобождения в 1943–1944 гг. из партии были исключены 5019 чел. (что составило 55 % всех рассмотренных дел): 231 чел. – с формулировками «*продались немцам*», 258 чел. – за связи с изменниками Родины, 2990 чел. – самовольно оставшихся на оккупированных территориях и не выполнивших

---

[1] Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. С. 15.

[2] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. М., 2002.С. 414.

[3] *Першин К.В.* Деятельность советских органов государственной безопасности на освобожденной от противника территории Сталинградской области (ноябрь 1942 г. – середина 1943 г.) // Сталинградская битва в судьбах народов. Материалы Международной научно-практической конференции (Волгоград, 1 февраля 2013 г.). Волгоград, 2013. С. 193.

директивы партии[1]. При этом советскими правоохранительными органами в 1943–1944 гг. были арестованы и осуждены всего 243 бывших комсомольца и 338 бывших коммунистов[2].

7.3. Казачий вопрос на Дону в годы войн

До революции 1917 г. территория большой излучины Дона входила в состав области Войска Донского. После победы большевиков она, как и все казачьи области, считавшиеся оплотом контрреволюционных сил, своеобразной «Русской Вандеей», была упразднена, а ее территории разделены между несколькими административно-территориальными образованиями. Политика большевиков по отношению к казачеству носила дискриминационный характер, выражалась в различных ограничениях, в том числе в военной службе, запрете на ношение традиционной одежды. Расказачивание, коллективизация и раскулачивание фактически вели к ликвидации казачества как социальной общности.

Только в середине 1930-х гг. политика в отношении казачества стала меняться. 20 апреля 1936 г. ЦИК СССР, «*учитывая преданность казачества Советской власти, а также стремление широких масс советского казачества наравне во всеми трудящимися Советского Союза активным образом включиться в дело обороны страны*», отменил специальным постановлением все прежние ограничения в отношении его службы в РККА[3]. 23 апреля на основе этого постановления был издан приказ наркома обороны СССР № 67, согласно которому на Дону формировалась 13-я Донская территориальная казачья дивизия. Вместе с 10-й Терско-Ставропольской и 12-й Кубанской территориальными казачьими дивизиями она вошла в состав 4-го казачьего кавалерийского корпуса Северо-Кавказского военного округа. В казачью дивизию также переформировались 4-я кадровая кавалерийская дивизия Белорусского военного округа. Она стала называться 4-й Донской казачьей Краснознаменной дивизией имени К.Е. Ворошилова и вместе с 6-й Кубано-Терской казачьей Краснознаменной дивизией имени С.М. Будённого вошла в состав 6-го казачьего кавалерийского корпуса.

При формировании данных казачьих соединений, в отличие от дореволюционной эпохи, фактор социального происхождения не

[1] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 545. Л. 38.

[2] Там же. Д. 323. Л. 71.

[3] Правда. 1936. 21 апреля.

учитывался, приказ наркома обороны устанавливал: «*Комплектование… казачьих дивизий производить со всего населения Дона, Терека, Кубани и Ставропольщины*»[1]. В то же время сам факт создания казачьих дивизий широко пропагандировался, на страницах центральных советских газет стали публиковаться фотографии казаков в новой форме, сохранявшей черты традиционного костюма. Впрочем, уже в 1940–1941 гг. большую часть казачьих частей, как и кавалерийских вообще, расформировали, их личный состав передали в танковые и механизированные войска.

Начало Великой Отечественной войны привело к огромным потерям в составе Красной армии, особенно в танковых и механизированных войсках, определявших мобильность ее действий. Поэтому Ставка Верховного главнокомандования предложила создать несколько десятков «*легких кав-дивизий истребительного типа в три тысячи человек каждая, с легким обозом без перегрузки тылами*», а также переформировать в них существовавшие кавалерийские корпуса и дивизии[2]. В июле – августе 1941 г. было создано 48 таких кавалерийских дивизий, а к концу года их стало 82. Штат каждого из новых соединений был почти в три раза меньше, чем до войны, и включал по 3 кавалерийских полка из 4 сабельных и 1 пулеметного эскадронов каждый, а также по батарее 76-мм и 45-мм орудий. Тяжелая артиллерия, танки, противотанковые и зенитные средства, подразделения связи и саперов для них не предусматривались.

Довоенная система подготовки территориальных формирований в местах компактного проживания казаков на юге России позволила создать здесь кавалерийские соединения в самые краткие сроки. Уже летом 1941 г. из Северо-Кавказского военного округа в действующую армию отправилось 17 кавалерийских дивизий, в том числе 5 донских, а также 9 кубанских, 1 кубано-терская и 2 ставропольских, всего более 50 тыс. чел.[3] Хотя они и не носили наименование казачьих, значительную часть их составляли казаки Дона, Кубани, Терека и Ставрополья. Судя по спискам личного состава, немало бойцов было связано родственными узами: казаки, следуя традициям, уходили на фронт целыми семьями. Показательно, что и в сводках Совинформбюро, и в периодической печати военного времени указанные дивизии именовались казачьими. В большинстве своем сформированные на юге России кавалерийские соединения прибывали на фронт уже через одну – две недели после начала комплектования и практически сразу

---

[1] Красная звезда. 1936. 24 апреля.

[2] Исторический архив. 1992. № 1. С. 56.

[3] *Курков Г.М.* Кубанские казаки на фронтах Великой Отечественной // Военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 17.

приступали к выполнению боевых задач. В оборонительных боях прикрывали отход других соединений, наносили контрудары по флангам и тылу прорывавшихся группировок противника, дезорганизовывали его управление и снабжение. При переходе в наступление преследовали противника, нарушали его коммуникации. Нередко кавалерийские дивизии вводились в прорыв на узких участках фронта и самостоятельно действовали в тылу противника, нанося ему значительный ущерб.

Успешно вела боевые действия на Украине сформированная в июле 1941 г. в Персиановских лагерях 38-я кавалерийская дивизия (командир – генерал-майор Н.Я. Кириченко). В ходе трехдневных боев на подступах к Сталино она разгромила до двух полков пехоты вермахта и первой в РККА в годы Великой Отечественной войны была награждена орденом Красного Знамени, а ее командир – орденом Ленина. Сформированная в Новочеркасске 52-я кавалерийская дивизия (командир – полковник Н.П. Якунин) действовала на брянском направлении, позже вошла в состав 8-го кавалерийского корпуса, став 21-й кавалерийской дивизией.

Сформированные в районе станции Лихой 35-я (командир – полковник С.Ф. Скляров), 56-я (командир – полковник Л.Д. Ильин) и 68-я (командир – полковник Н.А. Кириченко) кавалерийские дивизии участвовали в боях на Южном фронте осенью 1941 г. Сдерживая натиск Клейста, они участвовали в оборонительных боях наряду с пехотой, а то и прикрывали ее отход. Советские военачальники не всегда эффективно использовали кавалерийские соединения, «латая» с их помощью бесконечно возникавшие «дыры» на фронте, а то и ставя задачи, решить которые они просто не могли[1].

В начале ноября 1941 г. 35, 56 и 68-я кавалерийские дивизии вошли в состав отдельного кавалерийского корпуса Южного фронта под командованием генерал-майора И.И. Хоруна. Его задачей являлся прорыв в тыл противника на стыке 18-й и 37-й армий для обеспечения действий главной ударной группировки фронта. Недостаток огневой мощи не позволил корпусу выполнить поставленную задачу. Тем не менее казаки-кавалеристы не раз проявляли героизм в тяжелых боях на ростовском направлении. 68-я кавалерийская дивизия участвовала в обороне Новочеркасска и освобождении Ростова-на-Дону. В боях при освобождении Ростова и при

[1] *Кринко Е.Ф.* Формирование кавалерийских соединений РККА на юге России и их боевой путь в 1941 г. // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны). Материалы Междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 1–2 июня 2011 г.). Ростов н/Д, 2011. С. 110–115; *Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* «Все рвались в бой с противником…»: действия кавалерии РККА на Южном фронте в октябре-декабре 1941 г. // Военно-исторический журнал. 2012. № 1. С. 27–34 и др.

безуспешных попытках прорыва Миус-фронта в декабре 1941 г. кавалерийские соединения понесли значительные потери, что поставило вопрос об их сохранении в качестве полноценных кавалерийских соединений, поскольку маршевое пополнение не имело соответствующих навыков. Отдельный кавалерийский корпус Южного фронта 10 января 1942 г. был переименован в 1-й казачий корпус, а 14 января стал 1-м кавалерийским корпусом (командир – генерал-майор Ф.А. Пархоменко). В его состав входили 35-я и 56-я кавалерийские дивизии. В марте 1942 г. 1-й кавалерийский корпус был расформирован, а его части пошли на укомплектование 2-го кавалерийского корпуса. Переданный Юго-Западному фронту, с включением 38-й дивизии, он участвовал в наступлении на Харьков и Красноград в мае 1942 г., где и погиб практически в полном составе. В 1942 г. был расформирован и ряд других легких кавалерийских дивизий.

К этому времени в Краснодарском крае, Ростовской и Сталинградской областях шло полным ходом формирование добровольческих казачьих соединений. В соответствии с традицией казаки должны были явиться на службу в конном строю, полностью обмундированные и снаряженные, с холодным оружием. Выделяли лошадей и оснащали казачьи сотни всем необходимым колхозы и совхозы. Первые добровольческие казачьи сотни стали формироваться на Дону и Кубани уже в июле 1941 г. в качестве частей народного ополчения. 11 июля Сталинградский обком ВКП(б) постановил создать Донскую казачью кавалерийскую дивизию из добровольцев непризывных возрастов. 15 июля такое же постановление принял Ростовский обком ВКП(б)[1]. Первоначальная численность сотен, сводимых затем в эскадроны, различалась, но при формировании полков они получали одинаковую структуру. Многие казаки уходили служить целыми семьями. Так, в сотню, которую собрал и возглавил в станице Березовской Сталинградской области участник Первой мировой и Гражданской войн, полный Георгиевский кавалер 52-летний казак К.И. Недорубов, вместе с ним вступил его 17-летний сын. При отборе желающих учитывалось наличие у них боевого опыта, преимущество получали участники Гражданской войны.

Если в рядовых кавалеристах недостатка не было, то командиров и военных специалистов, особенно артиллеристов, саперов, связистов, не хватало. Основную часть командиров составляли выпускники краткосрочных курсов, которые были в два, а то и в три раза моложе своих подчиненных, не обладали боевым опытом и не имели авторитета у старых казаков. Младшими командирами сабельных подразделений назначались старые

[1] ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 5. Д. 39. Л. 16–17.

казаки или военнослужащие, прошедшие подготовку на десятидневных сборах лучших рядовых. Серьезные проблемы вызывало и снабжение казаков необходимым имуществом, вооружением и особенно лошадьми, так как перед этим на фронт с Дона и Кубани уже отправились десятки тысяч кавалеристов. Чтобы выполнить поставленные задачи, в станицах и городах был организован сбор по дворам казачьего обмундирования и снаряжения, налажено его собственное производство из имевшихся материалов.

В мае 1942 г. сформированные в Сталинградской области 15-я и в Ростовской области 116-я Донские казачьи кавалерийские дивизии вошли в состав 17-го кавалерийского казачьего корпуса. В него к этому времени уже входили 12-я и 13-я Кубанские кавалерийские дивизии. Командиром корпуса был назначен генерал-майор М.Ф. Малеев (с июня 1942 г. – генерал-майор Н.Я. Кириченко). Командиром 15-й кавалерийской дивизии был назначен полковник С.И. Горшков, 116-й кавалерийской дивизии – генерал-майор Я.С. Шарабурко.

28 апреля 1942 г. корпус получил свою первую боевую задачу, заняв оборону по восточному побережью Азовского моря, на случай возможных десантов противника. Но настоящим боевым крещением для казаков оказались ожесточенные бои с частями 17-й армии вермахта в конце июля – начале августа 1942 г. Первый бой 27–29 июля в низовьях реки Кагальник приняли казаки 12-й Кубанской и 15-й Донской дивизий, а 30 июля 17-й корпус занял оборону по южному берегу реки Ея на рубеже станиц Кущевской, Шкуринской, Канеловской, Старощербиновской. На несколько суток казаки упорной обороной и острыми контратаками сумели задержать продвижение противника. В районе станицы Канеловской 116-я кавалерийская дивизия четверо суток вела тяжелые оборонительные бои и решительными контратаками разгромила немецкий пехотный полк. 17-й кавалерийский корпус тоже понес серьезные потери, составившие около 2 тыс. чел. И все же действия казаков заметно выделялись на фоне того, как происходило отступление других советских частей на Северном Кавказе, и заслужили высокую оценку командования. Военный совет Северо-Кавказского фронта 5 августа 1942 г. поздравил 17-й корпус «*со славной победой, одержанной в бою с фашистскими гадами в станицах Кущевской, Шкуринской и Канеловской*». В середине августа 1942 г. Ставка Верховного Главнокомандования поставила действия казаков в пример другим частям и соединениям, указав командованию фронта: «*Добейтесь того, чтобы все ваши войска действовали, как 17-й кавалерийский корпус*»[1].

---

[1] Четвертый гвардейский Кубанский. Сборник документов и материалов. Краснодар, 1981. С. 49.

В условиях общего отступления советских войск 17-й корпус отошел с боями на юг и переправился на левый берег реки Кубани у станицы Усть-Лабинской. Две недели его части, прикрывая отход 12-й армии, вели упорные бои в горно-лесистой местности с мотомеханизированными войсками противника, наступавшими в направлении станиц Белореченской и Хадыженской. Действия командования корпуса в этой сложной ситуации были не всегда удачны, оно нередко теряло управление войсками. Однако казакам удалось задержать части вермахта в предгорьях западной части Главного Кавказского хребта. За проявленные успехи 27 августа 1942 г. 17-й корпус был преобразован в 4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус. 12-я и 13-я дивизии стали 9-й и 10-й гвардейскими Кубанскими казачьими, 15-я и 116-я – 11-й и 12-й гвардейскими Донскими казачьими кавалерийскими дивизиями. Н.Я. Кириченко было присвоено звание генерал-лейтенанта, полковнику С.И. Горшкову – звание генерал-майора.

В ноябре донские гвардейские казачьи дивизии были переброшены на правый фланг Закавказского фронта и перешли в подчинение Северной группы войск, сражавшейся с частями 1-й немецкой танковой армии. Советское командование предполагало совершить кавалерийский рейд в тыл противника и сформировать для этого конную армию из 9, 10, 11, 12-й гвардейских, 30, 63, 110-й кавалерийских дивизий. Командиром был назначен генерал-лейтенант Н.Я. Кириченко, его заместителями – генерал-майор А.Г. Селиванов и генерал-майор Г.Т. Тимофеев. Однако советское контрнаступление под Сталинградом потребовало ускорить подготовку операции, чтобы не допустить переброску противником механизированных соединений с Кавказа. Поэтому вместо конной армии решили сформировать два гвардейских кавалерийских корпуса. 20 ноября был образован 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус из 11-й и 12-й гвардейских Донских казачьих, а также 63-й (командир – комбриг, позже генерал-майор К.Р. Белошниченко) кавалерийских дивизий. Командиром корпуса был назначен генерал-майор А.Г. Селиванов. 4-й гвардейский корпус стал именоваться Кубанским, в его состав вошла 30-я Краснознаменная кавалерийская дивизия.

5-й гвардейский корпус должен был действовать на фланге 44-й армии западнее Моздока, а 4-й гвардейский корпус совершал глубокий рейд в тыл противника. Начало наступления назначалось на 30 ноября. Острая нехватка времени отрицательно сказалась и на качестве подготовки операции в целом, и на формировании гвардейских кавалерийских корпусов в частности. Особенно сложной была ситуация в 5-м гвардейском корпусе. Инспектировавший 11-ю гвардейскую дивизию Н.Я. Кириченко

не скрывал перед командующим фронтом своего возмущения, указывая на ее небоеспособное состояние: «*Конский состав доведен до изнеможения… Люди измотаны, ободраны и завшивлены. Материальная часть и оружие истрепаны и требуют немедленного восстановления*»[1]. Неудача казачьей гвардии в декабрьском наступлении предопределило то, что ей пришлось выполнять несвойственную для кавалерии работу – прорывать в пешем строю хорошо подготовленную линию обороны противника, превосходившего советские войска в подвижности.

В начале января 1943 г. 5-й гвардейский казачий корпус вместе с другими советскими войсками перешел в наступление. Освобождая территорию Северного Кавказа, казаки прошли 1,2 тыс. км по Ногайским, Прикаспийским и Сальским степям, участвовали в освобождении Ростовской области. Перейдя по льду Дон и Мертвый Донец, заняли станицу Нижнегниловскую и станцию Хапры, перерезав железную дорогу Ростов – Таганрог. 20 февраля, преследуя противника, вышли к реке Миус, где уперлись в заранее подготовленный оборонительный рубеж[2]. После безуспешных атак казачьи корпуса были выведены на доукомплектование в места своего формирования.

Получив пополнение, в начале мая 1943 г. вернулся на фронт 5-й гвардейский Донской корпус. В сентябре он участвовал в Донбасской наступательной операции, в ходе которой прорвал укрепленный рубеж обороны противника на реке Кальмиус, овладел городами Волноваха, Гуляйполе, Орехов. В ходе дальнейшего наступления корпус в составе конно-механизированной группы «Ураган» под командованием А.Г. Селиванова освободил сотни населенных пунктов, в том числе Каховку, Голую Пристань, Цурюпинск. В январе – феврале 1944 г. казаки участвовали в разгроме Корсунь-Шевченковской группировки противника. В марте вместо тяжело заболевшего генерал-лейтенанта А.Г. Селиванова вступил в должность командующего корпусом генерал-майор С.И. Горшков, уроженец хутора Ольшанка станицы Урюпинской. Под его командованием корпус участвовал в освобождении Молдавии, Уманско-Ботошанской и Ясско-Кишиневской наступательных операциях. Летом и осенью 1944 г. части корпуса сражались с противником на территории Румынии и Венгрии, в предгорьях Карпат и на равнинах Трансильвании. Вместе с другими

---

[1] *Безугольный А.Ю., Кринко Е.Ф.* Во главе казачьей гвардии: штрихи к портрету Н.Я. Кириченко // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Вып. 2. Ростов н/Д, 2008. С. 316.

[2] *Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д, 2010. С. 121–123.

частями 5-й Донской казачий корпус форсировал Дунай, принял участие в битве за Будапешт, кровопролитных боях у озера Балатон.

В конце войны 5-й гвардейский казачий кавалерийский Краснознаменный Донской Будапештский корпус участвовал в Венской наступательной операции, совершив рейд в Австрийские Альпы. Здесь в небольшом австрийском городке Фишбах он и встретил 9 мая 1945 г. Всего за годы Великой Отечественной войны казаки 5-го Донского корпуса прошли около 9 тыс. км. Корпус был удостоен 8 благодарностей Верховного Главнокомандующего. Почти 32 тыс. его воинов награждены орденами и медалями, 11 человек удостоены звания Героя Советского Союза.

Руководство нацистской Германии в годы войны также активно пыталось разыграть «казачью карту». Следует отметить, что многие казаки-эмигранты восприняли нападение Германии на СССР с воодушевлением, ожидая скорого возвращения на родину. Поэтому с начала войны активизировалась работа по составлению различных проектов обустройства казачьих территорий после их «освобождения» от власти большевиков. Однако этим надеждам не суждено было осуществиться: политические цели Третьего рейха не предусматривали ни сохранения единой России, ни создания на ее месте новых независимых государственных образований, в том числе казачьих.

Ситуация изменилась уже к концу 1941 г., когда провал «блицкрига», немалые потери на фронте и подъем сопротивления на оккупированной территории вынудили немецкое командование пойти на создание вооруженных частей из жителей России различных национальностей. Казаки при этом рассматривались не только как прирожденные воины, но и как наиболее убежденные борцы с большевизмом. Идейным обоснованием привлечения казаков к военной службе на стороне Третьего рейха стала теория об их «арийском» происхождении, в соответствии с которой они считались потомками германского племени остготов, владевшего Причерноморьем во II–IV вв.[1]

Первую относительно крупную казачью часть сформировал в Могилеве из военнопленных бывший майор РККА, командир 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии И.Н. Кононов, по происхождению донской казак, в августе 1941 г. перешедший на сторону противника с группой своих бойцов. К сентябрю он уже командовал 102-м (позже – 600-м) дивизионом, состоявшим из трех казачьих эскадронов, трех пластунских рот, минометной и артиллерийской батарей. Общая численность дивизиона составляла 1799 чел., в том числе 77 офицеров, 201 урядник и 1521 казак.

---

[1] *Крикунов П.Н.* Казаки между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 201–206.

На вооружении дивизиона состояло 6 полевых 76,2-мм орудий, 6 противотанковых 45-мм орудий, 12 батальонных 82-мм минометов, 16 станковых пулеметов. В 1942–1943 гг. казачий дивизион Кононова вел борьбу с партизанами в районах Бобруйска, Могилева, Смоленска, Невеля и Полоцка. Позже его переименовали в 5-й казачий полк.

В феврале 1942 г. началось формирование казачьих частей в Винницком лагере военнопленных. К середине мая их численность достигла 1,6 тыс. чел., и первые казачьи части отправились на фронт. 18 июня казаков перевели в Славуту. Сюда стали направлять всех советских военнопленных, признавших себя казаками[1]. Сформированные казачьи части 6 августа перебрались в Шепетовку, получив название Казачьей запасной бригады. В первую очередь был создан 1-й Атаманский полк под командованием подполковника барона Г. фон Вольфа и особая полусотня, позже развернутая в сотню. В нее набирали казаков, сражавшихся в годы Гражданской войны в отрядах генералов С.Л. Маркова, А.Г. Шкуро, а также репрессированных в годы советской власти и имевших по приговору срок не менее 10 лет. Затем были сформированы 2-й Лейб-казачий, 2, 3, 9-й (имени генерала Бакланова) и 10-й Донские, 4, 5, 11-й Кубанские, 6, 7, 12 и 14-й Сводно-казачьи полки и другие части. Служба в них, включая распорядок дня, была организована по образцу дореволюционных казачьих войск. Поскольку командиров не хватало, их стали набирать из военнопленных, не являвшихся казаками. В октябре для подготовки командиров были открыты 1-е Казачье имени атамана Платова юнкерское училище и унтер-офицерская школа[2]. Сформированные на Украине казачьи части охраняли железные дороги и другие военные объекты от нападений партизан. Несмотря на названия полков, доля казаков юга России в них была невелика, как, впрочем, и степень боеспособности.

Оккупация Дона, Кубани и Терека привела к созданию новых казачьих частей на стороне вермахта. Уже осенью 1941 г., во время первого наступления 1-й танковой армии на Ростов, к немецким войскам добровольно присоединился казачий отряд хутора Синявского (180 чел.). На захваченной летом 1942 г. территории Дона воссоздавалось казачье самоуправление во главе со станичными и окружными атаманами, возрождалась религиозная деятельность. В сентябре 1942 г. в Новочеркасске с разрешения оккупационных властей состоялся казачий сход, на котором был избран штаб Войска Донского и его походный атаман, уроженец станицы

---

[1] *Науменко В.Г.* Великое предательство. СПб.; М., 2003. С. 10.

[2] *Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К.* Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2009. С. 684.

Екатерининской полковник С.В. Павлов. Однако формирование казачьих частей на Дону затянулось до конца 1942 г., в чем сыграли свою роль оставшиеся на оккупированной территории агенты НКВД.

Казаки были освобождены от принудительной отправки в Германию на работы и проходили перепись в качестве отдельной категории населения. В Ростове казаками записалось 6 тыс. чел. Начальник штаба Войска Донского 2 октября приказал атаманам станиц зарегистрировать казачьих офицеров и добровольцев, «*желавших своей казачьей доблестью честно завоевать себе славное имя казака в составе германской армии в борьбе с большевиками*»; учесть строевых лошадей, оружие, седла, обмундирование, амуницию и по возможности провести «самообмундирование» в казачью форму, присвоив каждому казаку последний чин или звание по должности в Добровольческой или дореволюционной армии. На атаманов возлагалась личная ответственность за качественный подбор добровольцев[1]. В Новочеркасске был создан 1-й Донской полк есаула А.В. Шумкова и пластунский батальон, составившие группу походного атамана Павлова, в Белокалитвенском районе – 1-й Синегорский атаманский полк из 1260 чел. Казачьи подразделения появились при немецких разведывательно-диверсионных группах, впоследствии часть была объединена в казачий полк особого назначения.

Вступление казаков в указанные части во многом обусловливалось неприятием осуществлявшейся в СССР политики. Впрочем, далеко не все репрессированные и недовольные советской властью казаки оказались в рядах коллаборационистов. От сотрудничества с немцами многих оттолкнул характер оккупационной политики, а также патриотические чувства. Вопрос о численном соотношении тех казаков, которые пошли на сотрудничество с противником, и тех, кто оказывал ему сопротивление, пока не имеет однозначного ответа. Зарубежный исследователь Хакслей-Блант, ссылаясь на данные мюнхенского Института по изучению культуры и истории СССР, утверждает, что в оккупированных городах Дона и Кубани 11 % казаков выступали против немцев, 85 % – против советской власти, а 4 % были безразличными. В оккупированных селах 4 % было настроено против немцев, 87 % – против советской власти, а 9 % оставались безразличными[2]. Однако эти цифры нуждаются в доказательствах, особенно с учетом идеологической ангажированности мюнхенского института, порожденной условиями «холодной войны».

---

[1] ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 446. Л. 6.

[2] *Табунщикова Л.В.* Донские антисоветские казачьи структуры и Германия в 1918 и 1941–1945 гг.: дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 77.

Первоначально руководство вермахта использовало методы добровольной вербовки коллаборационистов, выплачивая им денежное вознаграждение и предоставляя дополнительный земельный надел. Оккупанты стремились привлечь на свою сторону местное население, особенно в казачьих районах. Оккупанты обещали казакам открыть церкви, раздать землю и скот, сделать их «*вольным придонским казачеством, как оно жило и раньше*»[1]. Но незначительный приток добровольцев вскоре вынудил немецкое командование приступить к проведению мобилизации через атаманов станиц под контролем немецких комендатур. Уклонявшиеся от службы подвергались преследованиям вместе с членами своих семей. Так удалось набрать в казачьи части молодежь 1925–1926 гг. рождения. Активную роль в привлечении казаков к сотрудничеству с вермахтом сыграли лидеры казачьей эмиграции, обещавшие создание казачьего государства на Дону, Кубани и Тереке. Еще в июле 1942 г. бывший донской атаман генерал от кавалерии П.Н. Краснов составил проект обращения А. Гитлера к казакам, который был опубликован лишь 10 ноября 1943 г. за подписями В. Кейтеля и А. Розенберга. Германские руководители обещали казакам сохранение их самобытности, соблюдение прежних привилегий, неприкосновенность земельных угодий, а также обустройство казачьей жизни на востоке Европы в случае невозможности возвращения «на земли предков».

Все части, созданные из советских граждан, как перешедших добровольно на службу к оккупантам, так и принудительно мобилизованных, получили название «добровольческих». Значительную долю в них составляли военнопленные. Попав на фронт, они нередко стремились перейти на советскую сторону. Более надежными союзниками вермахта стали казачьи части, сформированные в казачьих станицах и из перебежчиков.

Общее руководство всеми казачьими частями в вермахте осуществлял отдел добровольческих формирований при главном командовании сухопутных войск Германии. В декабре 1942 г. при Министерстве по делам восточных оккупированных областей было создано специальное Казачье управление во главе с Н.А. Гимпелем, а в марте 1944 г. при нем возникло Главное управление казачьих войск (ГУКВ), призванное играть роль «казачьего правительства» в изгнании. Его возглавил П.Н. Краснов. В то же время он отказался стать верховным атаманом казачьих войск, поскольку полагал, что данный пост можно было занять только на основе выборов[2]. Членом ГУКВ стал и походный атаман казачьих войск С.В. Павлов.

---

[1] ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.

[2] *Александров К.М.* Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. Сборник статей и материалов. М., 2005. С. 92.

На ГУКВ возлагались отбор казаков из лагерей военнопленных и восточных рабочих и их вербовка в казачьи части вермахта, устройство казачьих семейств, стариков и инвалидов.

В ноябре 1942 г. командующий 1-й танковой армией, а затем группой армий «А» генерал-полковник Э. фон Клейст поручил кавалерийскому полковнику Г. фон Паннвицу сформировать и возглавить казачью дивизию. Однако советское контрнаступление в январе 1943 г. сорвало данные планы. Казакам, перешедшим на сторону Германии, пришлось спешно эвакуироваться с территории Северного Кавказа вместе с отступавшими немецкими войсками. С ними уходили члены их семей и все те, кто опасался возвращения советской власти. Всего на Украину зимой 1943 г. эвакуировалось 135 850 донских казаков, в пути они подверглись интенсивным бомбардировкам советской авиации[1].

Немецкое командование спешно формировало кавалерийские и пластунские части из казаков, чтобы задержать наступавшие советские войска. В боях за Новочеркасск 12–13 февраля участвовали 1-й Донской казачий полк походного атамана Павлова (900 чел.), казачий боевой отряд абвера № 201 полковника Т.К. Хоруженко (1 тыс. чел.) и еще до 2 тыс. «неорганизованных» казаков. В Ростове-на-Дону советским войскам противостоял 17-й Донской казачий пластунский полк войскового старшины Т.Г. Бударина. В арьергардных боях также участвовал отдельный казачий конный полк полковника Шведова, сформированный в апреле 1942 г. под Харьковом. На Миус-фронте сражался 1-й Донской казачий конный полк Донского атамана генерала от кавалерии графа М.И. Платова (до 1,5 тыс. чел.) под командованием полковника И.С. Луизова. Среди противостоявших казачьим частям вермахта соединений Красной армии находился 5-й Донской гвардейский казачий корпус. Об отношении друг к другу казаков, находившихся по разные стороны фронта, свидетельствуют приводимые К.С. Симоновым слова 64-летнего донского казака старшего лейтенанта П.С. Куркина: «*Ох и злые мы сейчас, в эту войну, на этих немецких казаков, которые у них со значками, что добровольцы. Загнал бы их всех в Крутую балку и пожег*»[2].

Весной в среде казаков-беженцев возник раскол, поскольку Клейст поддерживал назначенных им атаманов (в том числе донского атамана П.М. Духопельникова), занимавшихся вербовкой строевых казаков в дивизию Паннвица. Однако основная масса казачьих групп и отрядов

---

[1] *Александров К.М.* Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. С. 78.

[2] *Симонов К.М.* Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 2. 1942–1945. М., 1981. С. 216.

объединилась под началом донского походного атамана С.В. Павлова, который был признан походным атаманом всех казачьих войск. С середины лета до конца осени 1943 г. количество казаков в подчинении Павлова выросло с 3 до 18 тыс. чел. Созданное им полувоенное передвижное поселение получило название Казачьего стана.

В 1944 г. Казачий стан перебрался из Подолья в Белоруссию, где немецкое командование предоставило ему, в соответствии с декларацией от 10 ноября 1943 г., 180 тыс. га в районе города Новогрудок, рассчитывая с помощью казаков подавить здесь партизанское движение. Жизнь в Казачьем стане была организована в соответствии с казачьими традициями. Строевые части были объединены по войсковому принципу в 10 полков по 1,2 тыс. чел. каждый. Казаки обрабатывали землю, разводили скот, построили церковь, больницы и школы. После гибели С.В. Павлова новым походным атаманом стал уроженец станицы Мигулинской Т.Н. Доманов. В июле 1944 г., опасаясь советского наступления, Казачий стан через Польшу, Германию и Австрию совершил переход на север Италии. Сначала во Фриуле, а затем в Тольмеццо казакам предоставили земельные владения, дома и привлекли к борьбе с местными партизанами. В конце апреля в Казачьем стане насчитывалось 31,5 тыс. чел., включая 1,5 тыс. офицеров, 16,5 тыс. рядовых и сержантов.

В апреле 1943 г. в польском городе Милау (Млава), где находились склады снаряжения польской кавалерии, под командованием получившего вскоре звание генерал-майора Г. фон Паннвица началось формирование 1-й казачьей дивизии. В нее вошли наиболее боеспособные казачьи полки, в том числе полк Кононова. Поступая в Милау, они проходили переформирование по принадлежности к определенному войску. Дивизия состояла из двух конных бригад – 1-й Донской (1-й Донской, 2-й Сибирский, 4-й Кубанский полки) и 2-й Кавказской (3-й Кубанский, 5-й Донской, 6-й Терский полки), двух конноартиллерийских (Донского и Кубанского) дивизионов и других подразделений. Полки состояли из 2 дивизионов, каждый из которых включал по 3 кавалерийских, пулеметному, минометному и противотанковому эскадрону. Эскадрон насчитывал 160–180 чел., разделенных на 4 взвода (3 боевых, 1 хозяйственный), состоявших из 3 отделений. По штатному расписанию в полку насчитывалось 2 тыс. чел., включая 150 немцев. Все командиры полков, кроме Кононова, были немцами, в каждом эскадроне на хозяйственных должностях находилось по 12–14 немецких солдат и унтер-офицеров. Всего в дивизии к 1 ноября 1943 г. насчитывалось 18 555 чел., в том числе 4049 немцев[1].

---

[1] *Хоффманн Й.* История Власовской армии. Париж, 1990. С. 69.

Хорошо говоривший на русском языке и прекрасно сидевший в седле, Г. фон Паннвиц поощрял в своем соединении соблюдение казачьих обычаев и проведение церковных служб. Все команды отдавались на русском языке. Парадная форма была сшита по казачьему образцу. В Милау были также сформированы учебно-запасной полк, унтер-офицерская школа и школа юных казаков для нескольких сотен подростков, лишившихся родителей. К июлю 1944 г. это учебное заведение насчитывало 450 чел., среди которых было немало беженцев с Дона.

К концу 1943 г. участились переходы военнослужащих коллаборационистских формирований на сторону советских войск, и германское командование перевело большую их часть в Западную Европу. Во Франции казачьи части использовались на охране «Атлантического вала» и в борьбе против партизан. После открытия второго фронта и высадки союзников в Нормандии, а затем на юге Франции казачьи части приняли участие в боях с англо-американскими войсками.

1-ю казачью дивизию немецкое командование первоначально предполагало использовать на Восточном фронте, но изменившаяся обстановка заставила перебросить ее в сентябре 1943 г. в Югославию, где активизировались партизаны И. Броз Тито. В междуречье Дуная и Тисы дивизия вела боевые действия с партизанами, охраняла коммуникации и другие стратегические объекты. Благодаря своей подвижности и маневренности она оказалась лучше приспособлена к горным условиям Балкан и действовала более эффективно, чем немецкие пехотные и моторизованные дивизии. В течение лета 1944 г. дивизия предприняла ряд самостоятельных операций в горных районах Хорватии и Боснии, уничтожив целый ряд партизанских опорных пунктов. В то же время казаки не раз реквизировали лошадей, продовольствие и фураж у местных жителей в соответствии с приказами немецкого командования о самообеспечении. Эти действия часто выливались в массовые грабежи и насилие по отношению к жителям деревень, население которых подозревалось в пособничестве партизанам[1].

В конце войны соединению Г. фон Паннвица пришлось сражаться против регулярных частей Красной армии. В декабре 1944 г. войска 3-го Украинского фронта вышли в долину реки Драва, и германское командование выдвинуло навстречу им 1-ю казачью дивизию. В ходе ожесточенного боя у Питомачи казакам удалось прорвать оборону 703-го полка 233-й Кировоградско-Знаменской стрелковой дивизии, смять его боевые порядки. В дальнейшем казаки продолжали удерживать фронт против болгарских и югославских войск, а затем с боями прорвались в Австрию.

---

[1] *Решин Л.Е.* «Казаки» со свастикой // Родина. 1993. № 2. С. 77.

Ранее, в августе 1944 г., все иностранные национальные формирования Третьего рейха были переданы в ведение СС. Пополненная рядом частей, 1-я казачья дивизия 25 февраля 1945 г. была преобразована в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС. Это позволило улучшить ее обеспечение оружием, боевой техникой и автотранспортом. Обе кавалерийские бригады переименовывались в дивизии, практически без изменений в их численности и структуре, конноартиллерийские дивизионы – в полки, а на базе 5-го Донского полка Кононова началось формирование пластунской бригады из двух полков. Общая численность корпуса к этому времени достигала 25 тыс. солдат и офицеров, в том числе от 3 до 5 тыс. немцев.

В конце войны, стремясь использовать любую возможность, чтобы предотвратить назревавший крах, германское руководство решилось объединить все части из советских граждан в Русскую освободительную армию во главе с генерал-лейтенантом А.А. Власовым. 14 ноября 1944 г. в Праге состоялось Учредительное собрание Комитета освобождения народов России (КОНР), в состав которого вошли национальные комитеты различных народов России. Поскольку П.Н. Краснов выступил против данного объединения, в противовес ГУКВ в феврале 1945 г. было создано Управление казачьих войск при КОНР и Совет казачьего войска, в который вошли полевые атаманы Донского, Кубанского и Терского войск, представители оренбургских, уральских, астраханских, сибирских, семиреченских, забайкальских, амурских, уссурийских казаков. В марте 1945 г. в подчинение КОНР перешла группа генерал-майора А.В. Туркула, преобразованная в казачью кавалерийскую бригаду из трех полков. Во второй половине апреля КОНР признали Казачий стан, 15-й казачий корпус СС и учебный казачий полк А.Г. Шкуро. Атаман Науменко объявил о подчинении Власову кубанских казаков, а общеказачий съезд в Вировитице принял решение о подчинении всех казачьих войск КОНР, сосредоточении их в районе Зальцбурга и Клагенфурта для создания казачьей ударной армии, отстранении не согласных с этим немецких офицеров и Краснова. Походным атаманом впервые был избран иностранец – генерал-лейтенант Г. фон Паннвиц.

К середине мая 1945 г. Казачий стан, 15-й казачий корпус и некоторые другие части, сдавшиеся англичанам, сосредоточились на стыке австрийской, итальянской и хорватской границ в Тирольских Альпах, в долине реки Дравы. Первое время казаки содержались в относительно свободных условиях, отношение английских солдат к ним было подчеркнуто корректным. Однако по соглашению, подписанному на Ялтинской конференции в феврале 1945 г., судьба казаков, сотрудничавших с вермахтом, была предрешена. Сначала англичане разоружили их под предлогом выдачи нового

оружия, затем арестовали генералов и офицеров, лишив казаков руководителей. После этого они провели массовую депортацию казаков из долины Дравы с участием 3 английских дивизий и 2 бригад. Англичане предприняли настоящий штурм находившегося восточнее Лиенца лагеря Пеггец, где 15 тыс. чел. из Казачьего стана, включая женщин и детей, устроили богослужение под открытым небом. Штыками и прикладами солдаты отделяли людей и заталкивали в грузовики, при этом несколько десятков казаков были убиты при попытке к бегству, погибли в давке, утонули или покончили с собой. Подобным образом произошла и выдача казаков 15-го корпуса в районе города Клагенфурт.

Всего весной – летом 1945 г. в СССР были насильственно репатриированы 50–55 тыс. казаков, включая не менее 3 тыс. эмигрантов, на которых ялтинские соглашения официально не распространялись. Большинство оказалось в советских лагерях, часть сразу расстреляли по возвращении домой. В январе 1947 г. были казнены казачьи генералы П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро, С.Н. Краснов, Т.И. Доманов вместе с Г. фон Паннвицем и черкесским князем и генералом Султаном-Клыч-Гиреем. Длительные сроки заключения получили некоторые офицеры и рядовые, остальные казаки вместе с семьями были отправлены на спецпоселение сроком на шесть лет.

Великая Отечественная война стала еще одним суровым испытанием для казачества юга России. Еще накануне войны создание казачьих частей отразило новый политический курс советского руководства, символизируя единство всех народов страны в условиях нарастания внешней угрозы и справедливость «ленинско-сталинской национальной политики» внутри страны. Эти тенденции получили свое дальнейшее развитие в военные годы. Достаточно показательно участие представителей казачества Кубани, Дона, Терека и Сунжи в антифашистском митинге народов Северного Кавказа 13 августа 1942 г. в городе Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ). В условиях борьбы со смертельным врагом казачество прямо признавалось самостоятельным народом.

Впрочем, эволюция советской политики в отношении казачества выглядит во многом декларативной и конъюнктурной. Для советской власти просто оказалось более приемлемым использовать военный потенциал казачества, опередив в этом противника и стремясь использовать в жестком противостоянии все возможные резервы. Всего в годы войны в СССР было создано более 70 казачьих частей и соединений, многие из которых стали гвардейскими. К тому же донские казаки служили во многих кавалерийских, стрелковых, артиллерийских, танковых и других частях, которые не носили названия казачьих.

Германия также стремилась привлечь на свою сторону казачество, особенно на юге России. Донское войско до революции являлось самым крупным и, несмотря на репрессии, казаков к началу войны здесь проживало значительно больше, чем в любом другом регионе страны. Оккупация создала условия для перехода жителей Дона на сторону противника. Всего в казачьих частях на стороне противника в годы Великой Отечественной войны сражалось 70–80 тыс. чел., из них примерно 50 тыс. чел. составляли потомственные казаки.

Разумеется, состав и советских, и коллаборационистских частей позволяет считать их казачьими с определенной степенью условности. Наиболее высокую долю потомственные казаки составляли именно в казачьих частях, созданных на юге России. То, что представители донского казачества воевали в годы Великой Отечественной войны и на той и на другой стороне, стало продолжением его трагедии, начало которой было положено событиями революции 1917 г. и Гражданской войны. И воспоминания о тех казаках, которые перешли на сторону противника, несмотря на прошедшие десятилетия, до сих пор сохраняют свой болезненный след в памяти тех, кто остался.

ГЛАВА 8. БОЛЬШАЯ ИЗЛУЧИНА ДОНА КАК МЕСТО ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

8.1. Людские потери и материальный ущерб

Вследствие боевых действий, эвакуации и оккупации районы, располагающиеся в большой излучине Дона, понесли значительный ущерб. Расследованием преступлений, совершенных оккупантами и их пособниками по отношению к населению и военнопленным, и определением размера нанесенного ущерба занимались Ростовская и Сталинградская областные комиссии содействия работе Чрезвычайной государственной комиссии СССР (далее – ЧГК СССР). Только Ростовская областная комиссия в соответствии с требованиями ЧГК СССР привлекла к расследованию данных преступлений 14,5 тыс. свидетелей[1].

Еще осенью 1941 г. начались первые бомбардировки городов и районов Дона и Нижнего Поволжья. С началом боевых действий в большой излучине Дона в 1942 г. авиация противника регулярно бомбила военные, промышленные и социальные объекты на данной территории, особенно железные дороги, по которым обеспечивалось снабжение Красной армии. С 20 июня 1942 г. жестоким бомбардировкам подвергался Ростов-на-Дону. В.М. Терновой, по окончании Харьковского военного авиационного училища связи в Коканде только прибывший в Ростов, чтобы вступить в должность при штабе 2-й воздушной армии, так описывает пережитое им потрясение от одной из таких бомбардировок: «…*перед Красноармейской опять гул, и вот здесь, наверное, я поседел. В воздухе вой сирены или вой бомб, а здесь такая какофония звуков и давит, действительно просто давит. Я не мог понять, в чем дело, и идти дальше не мог. Я поставил свой чемодан, сел на него, уши зажал, это всё, что я мог сделать. И после того, как звук этот прекратился, несмотря на то, что я был более или менее оглушен, я уши открыл. Звука нет. Думаю, что же такое?*» Завернув за угол, В.М. Терновой увидел колесо от трактора Харьковского тракторного

[1] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 22. Л. 7–8.

завода, при падении с высоты издававшее тот самый ужасный звук: «*немец, как говорится, издевался: уже у него бомб не было, и он чего только не цеплял, потом мне говорили, что он бочки и с мазутом, и с бензином цеплял… Бросал просто бочки, иногда бочки дырявили, чтобы они эти звуки издавали*»[1]. Однако немецкие бомбардировки имели не только психологический эффект, они вели к значительным разрушениям и потерям среди мирного населения. Об этом свидетельствуют воспоминания самих немецких военнослужащих: «*Жуткая картина. Сплошные развалины. Ни одного целого здания. От многоэтажных административных зданий остались лишь черные от копоти руины*»[2].

Жестоким ударам с воздуха подвергались и другие населенные пункты. Только на город Фролово Сталинградской области и располагающуюся в нем станцию Арчеда самолеты люфтваффе с 22 июля 1942 г. по 28 января 1943 г. совершили 62 налета[3]. Но особенно варварские бомбардировки пришлось испытать Сталинграду. В результате бомбардировок с 23 по 29 августа 1942 г. здесь погибли 71 тыс. мирных жителей, не менее 142 тыс. чел. получили ранения разной степени тяжести[4]. За несколько дней три городских района – Ерманский, Дзержинский и Ворошиловский – выгорели на 60–90 %[5]. Массированные бомбардировки продолжались и осенью, когда город оказался в самом центре кровопролитного сражения. Общие безвозвратные потери населения Сталинграда за время битвы превысили 185 тыс. чел.[6]

Значительные потери понесли и находившиеся в оккупации сельские районы Сталинградской области. Обобщающие данные об этих потерях представлены в итоговом отчете Сталинградской комиссии содействия работе ЧГК (см. табл. 12).

---

[1] Респондент Терновой Вадим Михайлович, 1921 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Таганрог, квартира респондента. Продолжительность 125 минут. Запись 16 февраля 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

[2] *Кубек В.* Передовой отряд смерти. Фронтовой дневник разведчика Вермахта 1942–1945. М., 2010. С. 25.

[3] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. С. 650.

[4] *Павлова Т.А.* Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. С. 185–186.

[5] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. С. 78.

[6] *Павлова Т.А.* Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. С. 554.

Таблица 12. Установленные злодеяния, совершенные оккупантами в отношении жителей сельских районов Сталинградской области[1]

Районы	Расстреляно, повешено	Случаев насилия	Угнано	Погибло от бомбардировок и обстрелов
Клетский	7	50	8	
Сиротинский	14	74	3327	23
Перелазовский	4	5		
Чернышковский	9	18		
Тормосиновский	57	88		
Кагановичский	2	115		
Нижнечирский	301	73	800	
Калачевский	32	23		
Серафимовичский	40	585	5000	
Котельниковский	48	14	125	
Ворошиловский	411	95	36	20
Верхнекурмоярский	22	31	8	
Красноармейский	–	6		
Городищенский	38	38	8379	
Итого	985	1215	17 683	43

Множество преступлений нацистов по отношению к советскому населению было установлено и после освобождения Ростовской области. Практически через неделю после вторичного захвата противником Ростова-на-Дону начались массовые расстрелы в бывшем песчано-каменном карьере возле 2-го Змиевского поселка, продолжавшиеся на протяжении всей оккупации. После освобождения города здесь были выявлены три братские могилы, в которых насчитывалось более 15 тыс. трупов. В балке на опушке рощи, в 500 м восточнее 2-го Змиевского поселка, находилась еще одна могила, в которой было закопано около 10 тыс. расстрелянных евреев[2]. В балке к северу от проселочной дороги, в 250 м западнее железной дороги, было расстреляно и зарыто в ямах около 150 чел. В четырех могилах на западной опушке рощи, между поселками Западным и 2-м Змиевским, обнаружены тела еще около 2 тыс. чел. Всего более 27 тыс. тел мирных советских граждан и военнопленных[3].

При отступлении из Ростова-на-Дону в феврале 1943 г. немцы взорвали и сожгли здание городской тюрьмы вместе с находившимися в нем

[1] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 13. Л. 3об.–4.

[2] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 22. Л. 10–11.

[3] Там же. Л. 32.

людьми. Жертвами стали 346 чел. (см. рис. 20). Кроме того, после освобождения города во дворе тюрьмы в яме размером 300 м^3 было найдено 370 трупов, из них 32 детских и 85 женских. В 50 м от этой ямы находилось место расстрела 303 чел. разного возраста. Других казненных насчитывалось 135 чел. Всего на территории тюрьмы было обнаружено 1154 трупа. Следы на убитых свидетельствовали о многочисленных пытках мирных граждан, у многих в большой степени были сильно обезображены тела[1]. Общие данные о количестве жертв нацистской оккупации в Ростове-на-Дону приведены в таблице 13.

Таблица 13. Данные о пострадавших от немецких оккупантов гражданах в Ростове-на-Дону[2]

Вид злодеяния	Пострадало человек
Расстреляно	6489
Замучено	27 444
Убито при бомбардировках	6563
Угнано в рабство	52 991

Расправы немецких преступников над мирными жителями происходили во всех оккупированных районах. Так, в колхозе «Путь к социализму» Базковского района оккупанты расстреляли директора, учительницу и двух колхозников за подозрение в связи с партизанами. Очевидцами зафиксированы факты издевательства и избиения трех ни в чем неповинных колхозников, а также казни 12-летнего И.Г. Абакумова. Причиной жестокой расправы над мальчиком послужила кража им бензинового примуса[3]. В колхозе «Клич Ильича» хутора Варваринского за оскорбление местного старосты был повешен 15-летний В.П. Юркин[4]. В колхозе «Большевик» была расстреляна одна местная жительница-еврейка, издевательствам и пыткам подверглись еще 8 колхозников. В колхозе им. Карла Маркса хутора Грачевского оккупанты арестовали и угнали 3 колхозников и начальника политотдела Грачевской МТС Б.Ф. Фоменко. Издевательствам и побоям подверглись еще 5 колхозников, одного из них немцы расстреляли. В колхозе «Красный флот» хутора Меркуловского немцы расстреляли 3 жителей, объявив их партизанами. В колхозе «День урожая» убили 6 жителей и угнали в Германию на каторжные работы 2 чел.[5]

1 ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 22. Л. 11–12.
2 Там же. Л. 9.
3 ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
4 Там же. Л. 15–15об.
5 Там же. Л. 15–15об.

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА 3

Зверства немецко-фашистских людоедов в Ростове на Дону

Наши объективные акт и фотоснимки о чудовищных преступлениях немецко-фашистских мерзавцев в Ростове на Дону:

АКТ

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт о нижеследующем: после выбития Ростова немецкой комендант город полковник-майор Бетель произвел массовые истребления мирных жителей города. Много сотен трупов были вынуты вместе с детьми прямо на сборные пункты, пытаться с собою ценные вещи и предметы домашнего пользования. На сборных пунктах женщины сдавали на грузовики и вывозили за город. В районе Богаевского сада и Зоологического сада расстреливали, а затем сжигали, сжигали на трупы сильно действующими горючими веществами. По неполным данным, немецкие звери расстреляли и сожгли 15—18 тысяч человек. Среди расстрелянных — заведующий главным управлением Советской больницей доктор Кузнецов, врач-терапевт Ивлев, врач Лукьяй, заместитель директора завода им. Ворошилова Бушмин и его жена, доктор Поповский, его мать — 70 лет, дочь и сотрудницы сына, доктор Шендеровский, медицинская сестра Сапожкина, товарищ Шаповалова и другие.

За время нахождения в городе, помимо перед его отступлением, немецкие варвары разрушили, взорвали и сожгли многие промышленные предприятия Ростова. Разрушены завод Ростсельмаш им. Сталина, завод «Красный Аксай», паровозоремонтный завод имени Ленина, табачная фабрика «Красная звезда», цементный завод «Спартак», чугунно-литейный завод им. Ворошилова, кожевенно-мехорный комбинат № 2, медицинский завод имени Ворошилова, одна из крупнейших в стране механизированных хлебопекарен, ростовская электро-обувная фабрика, крупнейший завод, трамвайная и троллейбусная сеть на всему городу, институт и университет, типография, водопровод, канализация, клиника-медицинский институт, различные лечебные учреждения, больницы и другие крупнейшие предприятия и сооружения.

Немецкие варвары сожгли свыше 2 миллионов книг Областной Государственной библиотеки и разграбили 25 библиотек. Ценнейшие книги, являющиеся редкостью и представляющие огромную научную ценность, были уничтожены или вывезены в Германию. Окончательно разрушены основные корпуса Центральной городской больницы, 1-ю, 2-ю и 4-ю Поликлиники, Поликлинику железнодорожников и другие. Некоторые больницы были уничтожены вместе с находившимися в них больными. Фашистские варвары вывезли из фильтра в Германию полностью механизированную мастерскую и инструмент.

Варвары разрушили и частично сожгли лучшие общественные здания города: Дом Советов, гостиницы «Интурист» и «Интернациональ», Драматический театр им. Горького, театр Эстрады, театр Юного Зрителя, театр Музыкальной Комедии, кинотеатры «Гигант» и «Хроника», Дом

НА СНИМКАХ (сверху вниз): Первый ряд: жители Ростова, замученные и расстрелянные гитлеровцами во дворе ростовской тюрьмы; Ростовский Государственный театр [illegible] Второй ряд: женщины и дети, расстрелянные гитлеровцами. 13-летний Александр Белых, замученный фашистскими людоедами. Третий ряд: [illegible] гитлеровцы сжигали расстрелянных жителей Ростова; театр Музыкальной [illegible] и один из жилых домов, сожженные немцами при отступлении из Ростова.

Рис. 20. Зверства немецких оккупантов в Ростове-на-Дону[1]

[1] Зверства немецко-фашистских людоедов в Ростове-на-Дону // Красная звезда. 1943. 13 марта. № 60 (5431). С. 3.

В зерносовхозе слободы Алексеево-Лозовской немцы расстреляли и повесили свыше 100 чел. С центральной усадьбы были выселены все жители. Сотни семей рабочих совхоза остались без крова. Здание средней школы гитлеровцы переоборудовали в тюрьму для арестованных из всех окружающих населенных пунктов. Двум женщинам, Колпачевой и Добровольской, выкололи глаза, отрезали груди, а потом застрелили. Найденный родственниками труп председателя колхоза Курганского был сильно изуродован[1]. В слободе Ольховчик было расстреляно 26 чел., в Зубрилинском зерносовхозе – 19 чел., в Семено-Камышенском сельсовете – 15 чел., в колхозе им. Сельмаша Алексеево-Лозовского сельсовета – 54 чел.[2]

В Кашарском районе Ростовской области гитлеровцы расстреляли 4 чел. в свиносовхозе «Красный колос», 7 чел. – в колхозе «Красный Октябрь», замучили В.Ф. Демченко в колхозе «Большевистский путь», расстреляли П. Сланченко в колхозе «Правда». В колхозе им. Молотова Верхне-Макеевского сельсовета было замучено и расстреляно 11 мирных жителей[3]. В Новочеркасске в период оккупации была учинена жестокая расправа над 95 душевнобольными психиатрической больницы. Еще 21 сентября 1942 г. немцы из больницы увели на расстрел 10 евреев. Остальных 85 больных расстреляли 6 октября 1942 г.[4] В станице Дубовской оккупанты расстреляли и замучили 41 мирного жителя. В станице Жуковской Дубовского района 10 декабря 1942 г. карательный отряд арестовал 18 жителей. Людей подвергли пыткам, истязали до потери сознания, добиваясь от них сведений о местонахождении партизанского отряда, а затем, не добившись желаемых результатов, расстреляли[5]. В хуторе Грузинове Морозовского района с 26 по 30 декабря 1942 г. каратели расстреляли 103 местных жителя и 157 чел., эвакуированных из Сталинградской области[6]. В Морозовске расстреляли 77 взрослых, стариков и детей[7].

Огромные потери причинили немецкие войска и населению Белой Калитвы. В самой станице немцы расстреляли 4 коммуниста и повесили одного местного жителя. Особенно сильно пострадали жители хуторов Худяково, Павлов, Апанаскин Белокалитвинского района – перед своим отступлением оккупанты замучили и расстреляли в них 39 чел. В хуторе Грушевке под видом сбора на трудовые работы было расстреляно 60 чел.

[1] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 4. Л. 8–9, 42.
[2] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 22. Л. 41.
[3] Там же. Л. 33.
[4] Там же. Л. 34.
[5] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 75–75об.
[6] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 3. Л. 112–113.
[7] Там же. Л. 115.

В Синегорском и Коксовском местные полицаи расстреляли 15 чел. за уклонение от угона в Германию. В хуторе Погорелове немцы зверски расправились над председателем, секретарем совета и еще 6 местными жителями. В хуторе Насонтове была расстреляна местная учительница, мать трех маленьких детей. В колхозе им. Ворошилова расстреляны 10 подростков 1926–1927 гг. рождения. В других населенных пунктах Белокалитвинского района число расстрелянных жителей доходило до 100 чел. Всего в Белокалитвинском районе расстреляно, повешено и замучено 182 чел., до 600 чел. угнано за пределы района[1].

В Волошинском районе (позднее вошел в состав Каменского района) Ростовской области за невыход на работу колхозник И.З. Погребняк был избит и посажен в проволочную клетку на 3 суток. В колхозе «Политотделец» за невыход на работу по причине болезни ребенка немецким комендантом была избита плетьми колхозница Ф.Н. Беда. Около 1200 молодых людей увезено на работы в Германию[2]. Общие данные о количестве пострадавших мирных гражданах в Ростовской области за период нацистской оккупации приведены в таблице 14.

Таблица 14. Число пострадавших гражданских лиц за период оккупации Ростовской области[3]

Вид злодеяния	Количество пострадавших, чел.
Расстреляно и повешено	46 428
Замучено	42 616
Угнано в рабство	84 030
Убито при бомбардировках	7737
Подверглись насилию	210
Всего пострадало	182 021

Крайней жестокостью отличалось отношение нацистов к советским военнопленным. Во время оккупации на территории Ростовской и Сталинградской областей действовали 50 лагерей для советских военнопленных различных видов. Одним из наиболее крупных в Ростовской области был дулаг-124 (Durchgangslager – пересыльный лагерь), располагавшийся на территории молочно-товарной фермы колхоза им. Карла Маркса у хутора Ериковского Дубовского района. Предназначенный для

[1] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

[2] Там же. Л. 26–26об.

[3] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.

пересылки военнопленных, лагерь, по сути, функционировал как концентрационный. Изначально там был сделан небольшой баз, огороженный колючей проволокой, потом его расширили, и баз стал занимать площадь не менее 2 кв. км. Внутри лагеря построили длинные глубокие бараки. При этом весь строительный материал пленные советские бойцы и командиры переносили на себе: камыш – на расстояние в 7–10 км, саманный кирпич – в 3–4 км. В 12 км от лагеря, в хуторе Барабанщиковском, немцы разрушили школу и другие постройки, заставив пленных переносить оттуда лесоматериал и тяжелый каменный фундамент[1].

Рабочий день длился в лагере с 4 часов утра и до поздней ночи. Обессилевшим от непосильного и невыносимого труда пленным выдавалась совершенно непригодная к употреблению пища. Два раза в сутки каждый получал 1 л баланды, приготовленной из шелухи проса, отрубей, мороженого картофеля или отбросов капусты, и 50–100 г черного хлеба. Нередко в пищу употреблялось отварное зерно разных культур и мясо павших животных. Большинство пленных день и ночь находились под открытым небом, в плохой одежде. Хорошую одежду отбирала себе охрана лагеря. В октябре пошли дожди, одновременно начались заморозки. Находясь под открытым небом, пленные насквозь промокали под дождем и замерзали ночью при отрицательных температурах. В результате в лагере стали широко распространяться болезни, повлекшие за собой повышенную смертность. Только за одни сутки 14 октября 1942 г. умерли 217 военнопленных. В специальном глубоком бараке пленных подвергали чудовищным пыткам, издевательствам и избиениям.

Среди надзирателей в лагере было много коллаборационистов из числа украинцев и донских казаков. Очевидцы утверждали, что самыми жестокими были выходцы из Западной Украины[2]. Избиения пленных проводились систематически при малейшем проступке или неповиновении, а также при попытке получить передачи от мирного населения. Во время работы обессиленных и больных пленных надзиратели принуждали двигаться, тех же, которые не могли двигаться, сильно избивали, а иногда и пристреливали. Для умерших пленные рыли длинные и глубокие ямы. В некоторые дни туда зарывали до 380 чел. Кухня, бараки и другие помещения находились в антисанитарном состоянии. Больных тифом помещали вместе с ранеными, никакой медицинской помощи не оказывали. Пленные использовали воду из пруда, непригодную к употреблению. В бывшем коровнике немцы

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

[2] *Дронов В.А.* Дубовский район в годы Великой Отечественной войны. Дубовское, 2016. С. 49–50.

соорудили проволочные нары, настеленные бурьяном и колючкой. На эти «постели» немцы заставляли пленных ложиться спать только в раздетом виде. Количество людей в лагере достигало 12 тыс. чел., из них с августа 1942 г. по январь 1943 г. погибло от болезней, голода, холода, непосильного труда, а также были расстреляны свыше 5 тыс. чел. – бойцов и командиров Красной армии[1].

Еще один пересылочный лагерь для советских военнопленных – дулаг-125 – располагался в городе Миллерово. Прозванный «миллеровской ямой», он отличался от дулага-124 только количеством жертв. В действовавшем с июля по декабрь 1942 г. дулаге-125 пленные подвергались мучениям летом из-за изнуряющей жары, а зимой – из-за лютого холода. В глубоком котловане находились тысячи военнослужащих Красной армии, преимущественно из состава частей и соединений Юго-Западного фронта. Огороженный колючей проволокой и наблюдательными вышками, лагерь постоянно находился под открытым небом. Одних пленных отправляли на работы, других – в концентрационные лагеря, третьих сразу расстреливали. Ежедневно расстрелу подвергалось от 20 до 30 чел.[2] Немало пленных умирало от ран и болезней, систематических издевательств и избиений. Трупы подолгу находились среди живых, из-за чего в лагере быстро распространялись инфекционные заболевания. Всего один раз в сутки пленным выдавали жидкую похлебку из шелухи проса. Страшная давка в очередях за ней приводила к тому, что некоторым вовсе не доставалось еды. Местные дети, рискуя жизнью, пытались помочь едой обессиленным пленным красноармейцам, например, скатывая в яму яблоки. Менее чем за полгода в «миллеровской яме» погибло, по различным источникам, от 40 до 200 тыс. чел.[3]

В слободе Тихо-Журавке Алексеево-Лозовского района, на территории колхоза им. Орджоникидзе, располагался еще один лагерь для военнопленных солдат и офицеров Красной армии. С середины сентября и до освобождения района 19 декабря 1942 г. военнопленные содержались в сарае и в палатках. Лагерь был полностью огражден колючей проволокой. Первоначально немцы направили сюда 1060 чел., затем лагерь еще несколько раз пополнялся. С 5 часов утра в лагере людей поднимали на работы, которые заканчивались в 18 часов. Измученные непосильными земляными работами и голодом, в оборванной грязной одежде,

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 76об.–77.

[2] Дулаг 125 – Миллеровская яма. URL: http://www.geocaching.su/?pn=101&cid=7278 (дата обращения: 12.11.2016).

[3] Дулаг 125 – Миллеровская яма.

обессиленные побоями, военнопленные ежедневно ранним утром двигались по 10 км до места работы. Питание пленных, выполнявших норму на тяжелых земляных работах, в сутки составляло всего одно ведро прелого проса на 15–20 чел. Остальные пленные зачастую оставались вовсе без питания. Ежедневная смертность в лагере достигала 10–15 чел. Колхозников, приносивших продукты для военнопленных, отгоняли, не подпускали близко к лагерю. При отступлении немецких войск 19 декабря 1942 г. оккупанты увели с собой около 100–150 чел. из этого лагеря. Более 1000 остальных погибли от голода и невыносимых для жизни человека условий или вовсе были расстреляны.

Ужасающей выглядела картина издевательств над советскими военнопленными в бывшем Ростовском артиллерийском училище. В этом здании немцы организовали лагерь для пленных советских бойцов и командиров, названный «Лазарет № 192» (см. рис. 21, 22). В него направлялись раненые и больные военнопленные из Цимлянского, Батайского, Сальского и других окрестных лагерей. Кормили пленных два раза в день. На обед давали несоленый суп с незначительной примесью ячменных отрубей, перловой крупы или забракованной гнилой вермишели. Поначалу еще выдавалось по 150 г некачественного хлеба, но потом его вовсе перестали выдавать. Для морального унижения содержавшихся в лазарете людей немцы одновременно готовили качественную пищу, которую скармливали сторожевым собакам. Вода вовсе не выдавалась. Люди доходили до крайнего состоянии, смертность в лазарете достигала до 100 чел. в сутки[1]. Заподозренных к побегу пленных отвозили ночью в специальную часть двора и расстреливали у стены. В это же место скидывали и умерших от голода и болезней. Больным приказывали вырыть ров, куда потом сбрасывали трупы, слегка покрывая их земляным слоем. После освобождения во рву было обнаружено около 3700 трупов и рядом 383 трупа не захороненных умерших и расстрелянных. В 20 ямах на ул. Тоннельной было найдено 1435 убитых. В некоторых случаях немцы приказывали пленным зарывать казненных людей с признаками жизни[2].

В лагере военнопленных в помещении молочно-товарной фермы колхоза им. Чкалова Лукичевского сельсовета Милютинского района Ростовской области находилось около 400 чел. Условия содержания, как и во многих других местах, были совершенно неприемлемыми. Из слов свидетелей известно, что питание производилось два раза в сутки, по одной ложке вареного проса на человека. Пленные систематически подвергались

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 10. Л. 7–8.

[2] Там же. Д. 22. Л. 77–78.

избиениям. В ноябре 1942 г. немцы заблокировали все выходы из помещения и подожгли его. На крики о помощи открыть дверь отозвались местные жители, однако немцы открыли по ним стрельбу, не позволив этого сделать. В итоге заживо сгорели 250 военнопленных[1].

Рис. 21. «Лазарет № 192» – лагерь советских военнопленных на территории Ростовского артиллерийского училища[2]

Рис. 22. Водовозки, при помощи которых раненые и больные советские военнопленные возили воду в «Лазарете № 192»[3]

[1] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 22. Л. 54.

[2] Завещано помнить… Донские архивы – 70-летию Великой Победы. Сборник документов и материалов. Ростов н/Д, 2015. С. 93.

[3] Там же.

В хуторе Вертячем Городищенского района Сталинградской области оккупанты еще 23 августа 1942 г. облили горючим веществом госпиталь с ранеными советскими бойцами, обложили сеном и подожгли. Советские солдаты, которые могли передвигаться, попытались выбраться из горящего здания, но были расстреляны. Заживо сгорело около 180 чел. и еще 20 чел. были расстреляны (см. рис. 23)[1].

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА 3

Чудовищное преступление гитлеровцев в хуторе Вертячем

Рис. 23. Свидетельства преступлений оккупантов на страницах центральной советской прессы[2]

[1] *Kurbat T.G.* The Tragedy of the Soviet Prisoners of War in the Big Bend of the Don River (1942–1943) // Русская старина. 2015. № 4 (16). С. 306.

[2] Чудовищное преступление гитлеровцев в хуторе Вертячем // Красная звезда. 1942. 22 декабря. С. 3.

В этом же хуторе располагался лагерь для советских военнопленных, которые содержались в нечеловеческих условиях и в конечном итоге были жестоко убиты. После освобождения хутора войсками Красной армии на месте лагеря были обнаружены изуродованные тела 87 советских бойцов. Сталинградская областная комиссия содействия ЧГК с помощью очевидцев выяснила, что пленные работали по 14 часов в сутки на строительстве оборонительных сооружений. В качестве питания вечером выдавалось 0,5 л кипятка, 3–4 ложки запаренной ржи и кусочек конины от павших животных. Больных не кормили совсем. На убитых советских пленных имелись множественные следы пыток: выколотые глаза, вспоротые животы, отрезанные уши и носы[1].

На площади в слободе Алексеево-Лозовской в октябре – ноябре 1942 г. оккупанты провели показательную казнь 7 военнопленных красноармейцев[2]. Общее количество расстрелянных, повешенных и замученных в лагерях Алексеево-Лозовского района составило около 1300 чел., из них 45 чел. являлись местными жителями, остальные – военнопленными бойцами и командирами Красной армии. Перед казнью немцы подвергали свои жертвы жестоким пыткам[3]. 22 декабря 1942 г. в Боковском районе Ростовской области местных жителей потрясла показательная казнь немцами 9 солдат Красной армии с помощью кирок и лопат[4]. Жители станицы Багаевской Л.Н. Наумова, П.П. Потапова и А.Н. Грузинова свидетельствовали о жестокой казни лейтенанта 64-й кавалерийской дивизии А.А. Киселева: «*Перед тем, как бросить его в костер, его мучили, вывертывая ему руки, конечности, резали ему уши, нос и затем развели костер и бросили его в пылающий костер*»[5]. Издевательства над пленными красноармейцами осуществлялись и в хуторе Красном Багаевского района. В начале января 1943 г. немцы заставляли пленных раздеваться во время сильных морозов и бегать босиком по улицам. Всего в хуторе Красном было расстреляно более 150 пленных[6]. В колхозе «Победа» хутора Лысогорка Кашарского района Ростовской области были расстреляны 5 военнопленных, еще 8 военнопленных ранены, 6 чел. впоследствии умерли от ран. В колхозе Ленина повешено 4 военнопленных и 2 чел. расстреляны. В колхозе им. Кирова расстреляны 2 военнопленных. В колхозе им. Молотова Верхне-Макеевского сельсовета замучено

[1] Чудовищное преступление гитлеровцев в хуторе Вертячем // Красная звезда. 1942. 22 декабря. С. 3.

[2] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

[3] Там же. Д. 4. Л. 8–9, 42.

[4] Там же. Д. 1. Л. 22.

[5] Там же. Д. 22. Л. 19.

[6] Там же. Л. 56.

и расстреляно 13 военнопленных. В хуторе Черепиевке Поповского сельсовета расстреляны 2 военнопленных[1]. После отступления противника из Базковского района 20 марта 1943 г. в лесу у хутора Грачевского было обнаружено 16 трупов красноармейцев. Комиссия содействия ЧГК установила, что они до расстрела подвергались мучениям и пыткам[2].

В хуторе Хрящи Константиновского района Ростовской области в период наступления войск Южного фронта в январе 1943 г. группа разведчиков 88-го гвардейского стрелкового полка 33-й гвардейской стрелковой дивизии в количестве 30 чел. наткнулась на расположение противника. В произошедшем боевом столкновении часть красноармейцев погибла, некоторые получили ранения, другие успели отступить. Немцы жестоко истязали попавших в плен раненых, вырезали им конечности, связывали и опускали головой в воду под лед реки Северский Донец, заморозив 14 чел. Через некоторое время в хутор прибыла другая группа советских разведчиков, которых ждала та же участь, только в этот раз часть бойцов укрылась в помещениях. В ходе обстрела один сарай загорелся, выбегавших из него разведчиков расстреляли, оставшиеся 18 бойцов заживо сгорели. Всего в период наступления советских войск в районе хутора Хрящи были подвергнуты истязаниям и казнены 107 раненых красноармейцев[3].

Общие данные о численности жертв среди мирных жителей и военнопленных на территории Ростовской области в период нацистской оккупации приведены в таблице 15.

Таблица 15. Жертвы среди населения и военнопленных в Ростовской области, чел.[4]

Расстреляно	
Военнопленные	15 192
Старики	400
Женщины	1141
Дети	462
Замучено	
Военнопленные	5806
Старики	45
Женщины	276
Дети	192
Угнано в рабство	
Дети	4275

[1] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 22. Л. 33.
[2] Там же. Д. 1. Л. 15–15об.
[3] Там же. Д. 22. Л. 53.
[4] Там же. Л. 10.

Во многих населенных пунктах большой излучины Дона нанесенный оккупацией ущерб стал невосполнимой утратой для населения, государственных учреждений и общественных организаций. Например, Перелазовский район Сталинградской области находился в оккупации с 19 июля по 19 октября 1942 г. Около 80 % населения не было эвакуировано из района и оставалось на захваченной территории весь период оккупации. Ущерб от оккупации в Перелазовском районе доходил до 100 млн руб. Особенно сильно пострадал Серафимовичский район, здесь разрушению подверглись практически все населенные пункты. Районный центр – город Серафимович – был разрушен на 15–20 %. Немецкие, румынские и итальянские войска нанесли ущерб Серафимовичскому району на 150 млн руб.[1] В Тормосиновском районе за 5 месяцев оккупации было расстреляно 70 коммунистов и лиц, заподозренных в связи с партизанами. Нанесенный району ущерб был определен в сумму в 41 млн руб. Значительно пострадал и Нижнечирский район, где оккупанты истребили большое количество скота, свиней, птиц, вывезли сотни тонн хлеба для потребностей вермахта. Материальный ущерб вследствие оккупации Нижнечирского района составил 35,8 млн руб.[2] В Котельниковском районе немецкие войска разрушили 83 общественных и 22 частных дома. Общий ущерб от оккупации в районе оценивался в 4,13 млн руб. В Калачевском районе материальный ущерб от оккупации составил 100 млн руб.[3] Боевые действия нанесли существенный урон сельскому хозяйству Красноармейского (ныне – Светлоярского) района, где тракторный парк сократился на 25,7 %, комбайновый на 67 %, а посевные площади на 45,5 %. Потери в Верхне-Курмоярском районе составили более 14 млн руб. Оккупантами было повешено 3 и расстреляно 9 чел.[4] В Сиротинском районе захватчики расстреляли 51 чел., материальный ущерб оценивался в сумму более чем в 3,5 млн руб.[5]

Общие итоги материального ущерба от оккупации сельских районов Сталинградской области представлены в таблице 16.

Данные об ущербе по различным видам имущества населения всей Сталинградской области представлены в таблицах 17 и 18.

---

[1] Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 4-е изд., испр. и доп. Волгоград, 2010. С. 493, 427.

[2] Там же. С. 567, 380, 381.

[3] Там же. С. 304, 305, 268.

[4] Там же. С. 91, 92, 307, 308.

[5] Там же. С. 496.

Таблица 16. Итоги оккупации сельских районов Сталинградской области[1]

Районы	Дата начала оккупации	Дата освобождения	Количество актов	Сумма ущерба колхозам, тыс. руб.
Клетский (частично)	13.07.1942	22.11.1942	34	135 122,5
Сиротинский (частично)	15.07.1942	01.01.1943	19	70 159,0
Перелазовский	22.07.1942	04.12.1942	24	83 249,2
Чернышковский	23.07.1942	02.01.1943	21	109 264,3
Тормосиновский	24.07.1942	01.01.1943	19	87 117,3
Кагановичский	24.07.1942	15.12.1942	35	159 551,9
Нижнечирский	26.07.1942	31.12.1942	38	145 295,9
Калачевский	27.07.1942	23.11.1942	38	148 561,0
Серафимовичский	01.08.1942	21.12.1942	34	141 526,6
Котельниковский	02.08.1942	29.12.1942	19	111 785,9
Ворошиловский	04.08.1942	24.11.1942	28	214 911,3
Верхнекурмоярский	05.08.1942	10.01.1943	24	138 173,2
Красноармейский (частично)	10.08.1942	01.01.1943	15	67 623,0
Городищенский	09.09.1942	25.01.1943	24	163 992,3

Таблица 17. Ущерб от оккупации граждан Сталинградской области[2]

Вид имущества	Количество разграбленного имущества
Жилые здания	4 114 592 м^3 / 48 597 зданий
Надворные постройки (амбары, сараи и проч.)	1 906 451 м^3 / 12 471 зданий
Лошади	1 голова
Быки-производители	1 голова
Коровы	12 907 голов
Молодняк крупного рогатого скота	16 642 голов
Свиньи	12 934 голов
Овцы и козы	58 547 голов
Птица (куры, гуси, утки и пр.)	389 213 голов
Пчелы	88 пчелосемей
Многолетние насаждения	58 717 деревьев
Зерно	63 965 ц

[1] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 11. Л. 2.

[2] Там же. Д. 13. Л. 8.

Окончание таблицы 17

Мука	21 782 ц
Картофель и овощи	118 556 ц
Прочие с/х продукты	1,5 ц
Книги	303 533 тома
Ценности	6613 тыс. руб.

Таблица 18. Сводная ведомость ущерба, причиненного оккупантами, по 49 районам Сталинградской области (32 908 актов, 82 044 пострадавших семьи)[1]

Ущерб в денежном выражении по индивидуальным актам	Сумма, в руб.
Стоимость имущества, отобранного, похищенного и уничтоженного оккупантами, а также погибшего, испортившегося в результате условий оккупационного режима, и затраты по ремонту поврежденного оккупантами имущества	2 934 386 284
Стоимость имущества, уничтоженного боевыми действиями, и затраты на ремонт поврежденного	279 237 760
Стоимость имущества, погибшего или испорченного во время эвакуации, и расходы по ремонту имущества	104 405 330
Налоги, штрафы и контрибуции, уплаченные оккупационным властям	1 102 395
Расходы по лечению граждан, получивших увечья или заболевания в результате зверств оккупантов или условий оккупационного режима	1 804 109
Заработки и доходы, потерянные из-за увечья или заболевания	155 063 551
Расходы по эвакуации и реэвакуации	44 271 937
Заработки и доходы, потерянные из-за невозможности заниматься своей профессией	487 645 789
Заработки и доходы, потерянные членами семьи из-за смерти кормильцев	31 414 568
Стоимость отобранного, похищенного и уничтоженного имущества и затраты на ремонт поврежденного имущества по актам-спискам	1 075 655 604
Прочий ущерб, выявленный по актам-спискам	62 098 497
Всего ущерба	5 298 843 473

В городе Сталинграде были уничтожены все общественные учреждения. Разрушения жилого фонда составили 80 %. Подробный ущерб, причиненный Сталинграду, представлен в таблице 19.

[1] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 13. Л. 7.

Таблица 19. Ущерб Сталинграду за период боевых действий[1]

Пострадавшие объекты	Количество
Школы	124
Детские сады	120
Детские консультации	14
Театры и кинотеатры	14
Рабочие клубы и дворцы культуры	75
Цирки	2
Больницы	15
Амбулатории и поликлиники	68
Родильные дома	6
Железнодорожные пути	425 км
Другие железнодорожные объекты	214
Депо	5
«Зеленое кольцо» древонасаждений	100 км
Материальный ущерб	9 млрд руб.

Значительный ущерб был нанесен оккупацией и хозяйству Ростовской области. За 5 месяцев пребывания в Дубовском районе, по неполным данным, оккупанты принесли убытков колхозам, МТС, рабочим и служащим на 206 215 руб. Немцы полностью уничтожили все животноводческие фермы, сожгли и разорили 100 помещений для скота, 1292 дома[2]. Материальные убытки от оккупации по Базковскому району составили около 157 707,1 руб. Кроме того, оккупанты отбирали личные вещи и оборудование у населения, эти данные не вошли в учет материальных убытков[3]. За время пребывания немецких оккупантов в Белокалитвинском районе было разграблено, уничтожено и приведено в негодность имущества, хлеба, инвентаря, строений и оборудования на сумму в 10 276,7 руб., по учреждениям и предприятиям – на сумму в 58 980,6 руб. По колхозам и колхозникам – на сумму 57 638,1 руб. Всего материальные убытки по Белокалитвинскому району составили 126 895,3 руб.[4] В Волошинском районе были полностью уничтожены 16 животноводческих ферм и здание райкома ВКП(б). В Волошинской и Сулинской МТС практически полностью были разрушены ремонтные мастерские, гаражи, служебные и жилые

---

[1] *Красавин В.С.* Восстановление Сталинграда // Царицын – Сталинград. Сталинград, 1954. С. 198.

[2] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 75–75об.

[3] Там же. Л. 15–15об.

[4] Там же. Л. 24.

помещения. Приведен в нерабочее состояние машинно-тракторный парк: тракторы, комбайны, мотоциклы и другая сельскохозяйственная техника. Существенно пострадали общественные постройки колхозов и советских учреждений[1]. Обобщающие данные о нанесенном ущербе приведены в таблицах 20 и 21.

Таблица 20. Ущерб от оккупации в различных сферах Ростовской области[2]

Сожжено и разрушено	
Школ	943
Клубов, театров, красных уголков	843
Библиотек	80
Больниц и амбулаторий	493
Научных учреждений	17
Зданий культурно-бытового назначения	259
Разграблено и отобрано у колхозов, отдельных граждан, предприятий и учреждений	
Крупного рогатого скота	344 447 голов
Лошадей	139 378 голов
Свиней	2 888 884 голов
Овец	819 426 голов
Разной птицы	2 830 718 голов
Пчелосемей	60 665
Зерна	6 148 541 ц
Картофеля	1 852 865 ц
Овощей	622 120 ц
Подсолнечника	749 284 ц
Муки и круп	346 696 ц
Уничтожено и вывезено сельскохозяйственных машин и орудий	
Двигателей и станков	9726
Автомашин, трамвайных вагонов и троллейбусов	1065
Уничтожено посевов и насаждений, га	
Зерновых культур	1 428 024
Картофеля	26 732
Кормовых	33 546
Садов	6885
Виноградников	2490
Прочих культур	52 143

[1] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Л. 26–26 об.

[2] Там же. Д. 22. Л. 21, 84.

Таблица 21. Ущерб, причиненный в ходе оккупации гражданам, колхозам, государственным предприятиям, учреждениям и организациям местного подчинения Ростовской области

Наименование отрасли	Сумма ущерба
Местная промышленность	43 674,4
Промышленность стройматериалов	28 115,3
Пищевая промышленность	49 330,0
Топливная промышленность	1376,8
Легкая промышленность	33 697,0
Лесная промышленность	8451,3
Промышленные управления полиграфии и издательства	41 819,5
Колхозы	8 640 201,1
Прочие отрасли сельского хозяйства, находящиеся в ведении областного земельного отдела	22 528,5
Жилищно-коммунальное хозяйство	563 916,4
Дорожное хозяйство	41 168,2
Хозяйство управления автотранспортом	7669,4
Областное управление местной торговли	138 540
Хозяйство областного отдела народного образования	238 594,4
Хозяйство областного отдела здравоохранения	94 642,3
Хозяйство управления искусств	69 802,8
Хозяйство управления кинофикации	11 201,6
Хозяйство областного отдела социального обеспечения	87,1
Хозяйство исполкомов местных советов	130 934,0
Ущерб, причиненный гражданам	3 269 537
Всего	13 435 287,7

Всего за период оккупации в Ростовской области было уничтожено, отправлено на трудовые работы и увезено в Германию 182 021 чел. Подсчитанный материальный ущерб, нанесенный гражданам, колхозам, государственным предприятиям, учреждениям и организациям, составил 13 435 287,7 руб.[1]

Война и оккупация принесли неисчислимые беды и опустошение донскому краю. Погибли тысячи мирных граждан. Убытки народного хозяйства региона исчислялись в миллионах рублей, сотнях разрушенных зданий. Восстановление разрушенного войной хозяйства, преодоление

[1] ЦДНИРО. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–3.

последствий боевых действий и нацистской оккупации станет серьезной проблемой в дальнейшем развитии районов на территории большой излучины Дона, а также соседних городов и населенных пунктов.

8.2. Очистка и разминирование полей сражений

Завершение боевых действий и освобождение оккупированных областей ставили перед их руководством новые задачи, важнейшими из которых являлись разминирование территорий, сбор военного имущества, вооружения и военной техники с мест боев, восстановление разрушенной административной, социальной и хозяйственной инфраструктуры. Уже в конце января 1943 г. было принято решение Совнаркома СССР о начале работы по уборке трупов со сталинградских полей сражений. Наступление весны угрожало распространением эпидемий. Поэтому работа по уборке трупов, расчистке дорог и улиц началась практически сразу же, к ней привлекались жители, а также военнопленные, которых в Сталинградской области насчитывалось до 90 тыс. человек.

Масштаб происходивших на Дону и Волге военных событий, а также вызванных ими разрушений не позволял выполнить указанные задачи силами только местных властей. К тому же участвовавшие в боях войска понесли значительные потери, нуждались в отдыхе и приведении себя в порядок. Поэтому 5 февраля 1943 г. приказом Ставки ВГК на базе бывшего Донского фронта была образована Сталинградская группа войск (СГВ). Ее возглавил заместитель командующего войсками Донского фронта генерал-лейтенант К.П. Трубников (с 24 февраля – генерал-лейтенант В.В. Косякин). В состав СГВ вошли 62, 64 и 66-я армии, 7-й стрелковый корпус, 13 отдельных стрелковых дивизий, 6 отдельных стрелковых бригад и другие отдельные части и соединения[1]. Всего в 28 стрелковых дивизиях, 7 стрелковых бригадах, 187 частях Резерва Главного командования насчитывалось 226 232 чел., свыше 30 тыс. лошадей, 11 тыс. автомашин[2]. К концу марта численность личного состава возросла до 402 тыс. чел. за счет военнослужащих из дополнительно выявленных частей, из находившихся на излечении в госпиталях, бывших военнопленных, освобожденных из

---

[1] Сталинградская группа войск. Февраль – март 1943 г.: документы и материалы. Волгоград, 2004. С. 20.

[2] Там же. С. 35.

немецких концлагерей, а также военнообязанных[1]. Основными задачами СГВ являлись: расквартирование и приведение в порядок войск, организация их боевой подготовки и снабжения, упорядочивание учета личного состава, вооружения, военной техники и имущества, разминирование местности, захоронение погибших, сбор и вывоз трофейного имущества, своевременная отправка соединений и частей в новые пункты назначения.

15 февраля 1943 г. Сталинградский городской комитет обороны принял постановление об уборке трупов вражеских солдат и офицеров, очистке населенных пунктов. Сталинградскому городскому совету депутатов и исполкомам районов, находившихся в немецкой оккупации, предлагалось немедленно «*приступить во всех населенных пунктах, освобожденных от немецких оккупантов, и на полях бывших сражений к уборке вражеских трупов солдат и офицеров*», закончив ее к 25 февраля на территории города и к 1 марта в окрестностях города[2]. Трупы немецко-фашистских солдат и офицеров следовало зарывать за чертой города в местах, отведенных горисполкомом. Тела бойцов и командиров Красной армии, павших при защите Сталинграда, хоронить в братских могилах в местах, установленных горисполкомом[3]. Основные захоронения были проведены на Мамаевом кургане, в парке на нижнем поселке «Баррикады», в сквере площади Павших борцов, напротив учебного здания мединститута, в парке завода «Красный Октябрь»[4].

22 февраля был принят приказ по войскам Приволжского военного округа о захоронении трупов вражеских солдат и офицеров в Сталинграде и прилегающих к нему районах к 1 марта 1943 г. Очистка территории Сталинграда от южной окраины до реки Царицы и районов Гумрак, Питомник, Новый Рогачик, Ракитино, Песчанка возлагалась на войска 64-й армии; центральной части города от Царицы до Нефтесиндиката – 7-го стрелкового корпуса, северной части от Нефтесиндиката до поселка Латошинки, села Орловки, разъезда Разгуляевки, Сараев – 62-й армии; районов Городища, Орловки, Ерзовки, балки Каменной, совхоза Котлубань, Самофаловки, Новой Надежды – 66-й армии. В районах, прилегавших к излучине Дона и Волги, уборка трупов возлагалась на Калачевский и Городищенский районные военкоматы, которым комендант города Сталинграда выделял для этого по взводу бойцов[5]. 5 марта командующий

---

1 Там же. С. 92–93.

2 ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 5. Л. 40–40об.

3 Сталинградская группа войск… С. 25.

4 ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 640. Л. 2об.–3.

5 Сталинградская группа войск… С. 30.

войсками округа генерал-лейтенант С.А. Калинин телеграфировал секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову: «*Уборка трупов в основном закончена, войска освобождены. Оставшуюся подчистку одиночек, появившихся из-под снега, уберут райвоенкомы и местное население*». Далее в телеграмме сообщалось о планируемом завершении работ по разминированию: «*Разминирование идет успешно, основную работу закончим 15 марта*»[1]. Через два месяца, к 15 мая, общая площадь территории, на которой были проведены разминирование и сбор взрывоопасных предметов, составила 38 тыс. кв. км. При этом участок между Волгой и Доном был разминирован на 80 %, за Доном – на 75 %. Полностью разминирование планировалось завершить к 15 июня[2].

СГВ оказала большую помощь местным органам власти и населению в восстановлении разрушенного хозяйства, налаживании мирной жизни, уборке и захоронению трупов, расчистке улиц и дорог. В ходе первоочередных восстановительных работ был проведен ремонт 16 км дорог и 7,8 км железнодорожных путей, построено 18 мостов, очищено около 3,5 км водопровода, 56 колодцев, поднято со дна 4 судна, отремонтировано большое количество жилых и школьных помещений[3]. 22 мая 1943 г. СГВ в связи с выполнением поставленных задач и полным убытием войск на новые места дислокации была расформирована. А 28 мая заместитель наркома обороны СССР Е.А. Щаденко докладывал И.В. Сталину: «*Уборка трупов по Сталинграду и области полностью закончена. Всего захоронено бойцов и командиров Красной армии – 47 000; зарыто вражеских трупов солдат и офицеров – 147 000; гражданского населения – 300; трупов животных – 12 500*»[4].

Немаловажной задачей являлся сбор военного имущества, вооружения и военной техники на освобожденных территориях. Небольшие по штату трофейные подразделения в составе РККА появились в конце 1941 – начале 1942 г. после первых крупных побед Красной армии. А в марте 1942 г. было принято постановление ГКО СССР «Об организации сбора и вывоза трофейного имущества и лома черных и цветных металлов». Были созданы две постоянно действующих комиссии – Центральная комиссия по сбору трофейного вооружения и имущества под председательством Маршала Советского Союза С.М. Будённого и Центральная комиссия по сбору черных и цветных металлов в прифронтовой полосе под

---

1 Сталинградская группа войск… С. 79.

2 Там же. С. 100–101.

3 Там же. С. 93.

4 Там же. С. 101.

председательством Н.М. Шверника. Комиссии получили право отдавать распоряжения центральным управлениям Наркомата обороны СССР и начальникам тыла армий и фронтов. В составе Главного управления тыла Красной армии сформировано управление по сбору и использованию трофейного вооружения, имущества и металлолома, а в полевых управлениях фронтов и общевойсковых армий – аналогичные отделы. Трофейные отделения введены в штаты стрелковых дивизий, а для каждой армии сформировано по одной трофейной роте численностью до 200 чел.[1] Они формировались за счет сокращения тыловых организаций, не входивших в состав действующей армии.

С разгромом крупной группировки немецких войск и их союзников на Волге и Дону деятельность трофейной службы существенно усложнилась. Только за период зимнего наступления с ноября 1942 г. по март 1943 г. нашими войсками было захвачено 1490 самолетов, 4679 танков, 15 860 орудий, 9835 минометов, 123 тыс. автомашин, 890 паровозов, 22 тыс. вагонов и много иного вооружения и имущества[2]. На трофейную службу возлагались задачи обеспечить охрану предприятий до приема их местными властями, очистить железнодорожные станции, дороги, промышленные объекты и поля от взрывоопасных предметов и веществ.

Одновременно с трофеями наши войска отбивали у противника награбленное им оборудование, ценные металлы, продовольствие, произведения искусства, культурные ценности и другое имущество. Немало такого имущества оказывалось на путях подвоза и эвакуации, на железнодорожных узлах в эшелонах, на базах и складах, в транспортах войск. Всё это надо было выявить, сосредоточить в пунктах сбора, сохранить и передать соответствующим организациям. Трофейная служба активно участвовала в оказании помощи местным органам власти и населению освобожденных районов в обеспечении продовольствием, восстановлении предприятий, жилищ, больниц, школ, в ремонте сельскохозяйственного инвентаря. Потребовались увеличение численности и повышение маневренности трофейных частей.

Постановлением ГКО 2686сс от 2 января 1943 г. «О сборе трофейного имущества на фронтах и обеспечении его хранения» вместо двух существовавших комиссий был создан Трофейный комитет во главе с Маршалом Советского Союза К.Е. Ворошиловым. 7 апреля управление по сбору и использованию трофейного вооружения, имущества и металлолома,

---

[1] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. М., 1977. С. 374.

[2] Там же. С. 375.

возглавлявшееся генерал-лейтенантом Ф.И. Вахитовым, было реорганизовано в Главное трофейное управление и подчинено этому комитету. Фронтовые трофейные отделы, реорганизованные затем в управления, были переподчинены в административном отношении Главному трофейному управлению, а в оперативном – военным советам фронтов. Трофейные отделы армий и трофейные отделения дивизий (отдельных бригад) переподчинены соответствующим командующим (командирам). Сформировались также трофейные отделения в корпусах. Командирам соединений и частей разрешалось формировать в случае необходимости временные нештатные команды.

Наряду с реорганизацией органов управления трофейной службы началось формирование новых трофейных частей. Были созданы фронтовые трофейные бригады, армейские трофейные батальоны и специальные демонтажные взводы при армейских трофейных складах. Воздушным армиям приданы специальные технические трофейные роты. Всего в начале 1943 г. было сформировано семь фронтовых трофейных бригад. Все они, хотя и не находились в боевых порядках наступающих советских войск, нередко действовали в прифронтовой линии, подвергались налетам авиации противника и поэтому числились в составе действующей армии. В междуречье Дона и Волги работали две трофейные бригады – 1-я (Юго-Западного фронта) и 2-я (Донского фронта). В каждой из них по штату полагалось иметь по пять батальонов с общей численностью личного состава в 2484 чел., по 169 грузовиков ЗИС-3 и ГАЗ-АА, 105 тракторов-тягачей, лебедки и блоки, автогенные и бензорезные аппараты, мощные домкраты и полиспасты (подъемные механизмы)[1].

Для очистки полей сражений на Дону и Волге от огромного количества боевой техники и вооружения на базе трофейного отдела бывшего Донского фронта (начальник – подполковник Плетницкий) был создан специальный усиленный трофейный отдел. Помимо указанной фронтовой трофейной бригады ему были приданы семь армейских трофейных рот, пять армейских батальонов, эвакорота, семь армейских трофейных складов, три отдельных рабочих батальона, эвакоподъемный и эваководолазный отряды.

По окончании боевых действий освобожденная территория была закреплена за отдельными трофейными частями для сбора и вывоза трофеев на сборные пункты и прирельсовые склады. Для непосредственного осуществления сбора трофеев на полях сражений было организовано 175 комендантских участков, обязанности которых заключались в выявлении и разведке трофеев, их сборе и охране, подготовке и сортировке

[1] ЦАМО РФ. Ф. 5-й отдельной трофейной бригады. Оп. 246 411. Д. 2. Л. 7–8.

для последующего вывоза транспортом трофейных частей на склады. Комендант участка являлся связующим звеном с органами местной власти по привлечению местного населения к сбору трофеев и наиболее полному их выявлению. Однако в итоговом отчете о работе отдела трофейного вооружения бывшего Донского фронта (начальник – подполковник интендантской службы Тарнавский) отмечалось: «*Масштабы привлечения местного населения были, однако, небольшими, так как в балках, где работали части, населения не было вовсе, а в населенных пунктах и в районе Сталинграда число его было невелико*». Всего местное население отработало на сборе трофеев 19 043 человеко-дня[1].

Разбросанность трофеев на огромной территории боев и большая отдаленность от сборных пунктов и складов требовали значительных перевозочных средств, которыми к началу работ трофейные части не располагали. Поэтому оснащение трофейных частей собственными транспортными средствами «*за счет восстановления машин из числа трофеев явилось центральной задачей с первых дней работы отдела в районе Сталинграда*». В результате количество автомашин выросло с 65 на 1 января до 354 на 1 апреля 1943 г., тракторов и тягачей – с 29 до 100. Значительные расстояния подвоза, составлявшие на участке между Доном и Волгой 26 км, а за Доном в среднем 135 км, создавали постоянный напряженный ритм работы транспорта, а также «*необходимость постоянной заботы по восполнению парка и замене выбывавших из строя машин вновь восстанавливаемыми и ремонтируемыми своими средствами*». Всего за период работы в Сталинграде и его окрестностях трофейные части восстановили 708 автомашин, 79 тракторов, 255 тягачей-вездеходов. В целях сокращения расстояния подвоза собранных трофеев было создано 26 трофейных складов по приемке, сортировке и отгрузке вооружения, имущества и металлолома. Для осуществления эвакуации тяжеловесов, главным образом танков и тяжелых артиллерийских систем, трофейные части восстановили и использовали 18 немецких трейлеров и другие подъемно-такелажные средства.

Трудности заключались и в том, что в трофейных частях отсутствовали необходимые кадры водителей, а также в «*абсолютном незнании личным составом частей конструкции машин иномарок и эксплуатации немецких тягачей-вездеходов*». Личный состав трофейных частей комплектовался преимущественно из военнослужащих старших возрастов, предназначенных по состоянию здоровья к службе в тыловых частях. Около половины всего личного состава приходилось на лиц старше 35 лет, а около трети – старше 40 лет. Около двух третей приходилось на лиц, фактически не

[1] Сталинградская группа войск… С. 110.

служивших в армии. Вследствие нехватки кадров первоначально в трофейных частях использовались специалисты из числа военнопленных (всего работали 177 чел. в течение месяца). Наряду с этим трофейные части уделяли большое внимание подготовке собственных кадров водителей и специалистов, организации для этого курсовых мероприятий. В 1943–1944 гг. было подготовлено 645 специалистов, из них 415 шоферов, 94 тракториста, 24 автогенщика, 112 такелажников[1].

Трофейные части испытывали серьезные сложности практически во всех вопросах снабжения и материально-технического обеспечения уже вследствие того, что считались небоевыми. Например, 1-я бригада, сформированная в городе Фролово Сталинградской области в составе Юго-Западного фронта, почти полтора месяца даже не была принята на довольствие, снабжалась по остаточному принципу, и даже офицерскому составу приходилось искать подработки, за что военнослужащие бригады получили прозвище «голодных трофейщиков». Только в конце февраля 1943 г. 1-я трофейная бригада была принята на довольствие и передислоцировалась в город Миллерово. Уже в марте 1943 г. бригада приступила к работам, собрала за месяц 931 т черного металла, отгрузила 250 т черного и 83 т цветных металлов. Все работы за отсутствием техники проводились вручную[2]. А в апреле бригада перевыполнила план сбора цветного металлолома и авторезины на 200 %[3].

2-я трофейная бригада была создана в составе Донского фронта 7 января 1943 г. в городе Калач Сталинградской области. 26 февраля, не закончив укомплектования личным составом (числилось 1482 чел.), практически не имея в своем составе специалистов (шоферов, трактористов, слесарей), техники и инструмента, батальоны бригады во исполнение приказа управления тыла Донского фронта приступили к работе по сбору и вывозу трофеев на бывших участках обороны 21, 64, 62, 65 и 66-й армий. К 1 апреля 1943 г. 2-я бригада имела в своем составе управление, взвод управления и пять трофейных батальнов – всего 2313 чел.[4] К апрелю 1943 г. укомплектование бригады было далеко еще не окончено: при переизбытке рядовых имелось лишь 143 чел. командно-начальствующего состава из 258 чел., положенных по штату, в том числе лишь 3 из 27 штатных политработника.

Командный и красноармейский состав трофейных бригад комплектовался за счет строительных колонн, бывших советских военнопленных,

---

1 Сталинградская группа войск… С. 110–111.

2 ЦАМО РФ. Ф. 1-й отдельной трофейной бригады. Оп. 638 837. Д. 1. Л. 44.

3 Там же. Л. 50.

4 ЦАМО РФ. Ф. 1-й отдельной трофейной бригады. Оп. 20 059. Д. 13. Л. 6.

освобожденных из немецких лагерей, фронтовиков, выздоравливавших после ранений. 2-я бригада в конце февраля 1943 г. получила от 2-го управления оборонного строительства 940 трудармейцев, «*из которых большинство в течение 10–15 дней было нетрудоспособно ввиду сильного изнурения предыдущими работами*»[1]. В силу специфики личного состава партийно-комсомольская прослойка, составлявшая в соединениях РККА от 10 до 20 %, в 1-й трофейной бригаде едва превысила 4 %.

Положение с укомплектованием транспортом было и вовсе катастрофическим: во 2-й бригаде из положенных 206 автомашин и 105 тракторов имелось лишь 10 автомашин[2]. А 1-я трофейная бригада при укомплектовании получила одну (!) грузовую машину ГАЗ-АА. Трофейщикам прямо была поставлена задача: «*оснастить себя автопарком и необходимыми техническими средствами за счет восстановления трофейных машин*». Можно представить, каких неимоверных усилий стоило укомплектовать бригаду необходимыми транспортными средствами, подъемными и такелажными механизмами. По ходу работ готовились специалисты: в 1-й бригаде было подготовлено 90 шоферов, 48 трактористов, 50 автослесарей, 10 аккумуляторщиков. Во 2-й бригаде за этот же период были обучены и получили водительские права 85 чел., 13 трактористов, 13 бензорезчиков, 72 такелажника, 70 саперов-подрывников. Большая часть специалистов была подготовлена непосредственно в батальонах бригад «*на практической работе*»[3].

Для 2-й бригады общая площадь сбора трофеев до апреля 1943 г. составляла 1800 кв. км, а позднее была расширена до 3300 кв. км. В зону работ попал 91 населенный пункт, которые после очистки были сданы по актам сельсоветам и райисполкомам[4]. Будучи разбросанными по огромной территории, подразделения бригады поддерживали связь с управлением только связными, которые, если имелась возможность, передвигались на попутках или даже железной дорогой[5]. Район работ 1-й бригады располагался вдоль Юго-Восточной железной дороги на участке Кантемировка – Глубокая, а также на 30 км западнее этой дороги и на 80 км восточнее нее. Позднее район был расширен на север до Россоши, а на восток – до Вёшенской[6]. На этом участке бригада работала до сентября 1943 г.

Самостоятельно снабжая себя автотранспортом, трофейные бригады обзаводились, пожалуй, самым экзотическим в Красной армии автопарком.

---

1 ЦАМО РФ. Ф. 2-й отдельной трофейной бригады. Оп. 194 262. Д. 10. Л. 1.

2 Там же. Л. 6об.

3 Там же. Л. 6.

4 Там же. Л. 3.

5 Там же. Л. 6.

6 ЦАМО РФ. Ф. 1-й отдельной трофейной бригады. Оп. 638 837. Д. 1. Л. 55.

2-я трофейная бригада уже к концу апреля 1943 г. располагала 182 грузовыми и легковыми автомобилями, что составляло 88 % положенных по штату, и 61 трактором-тягачом (58 % от штата). 123 грузовых автомобиля принадлежало к самым разнообразным иностранным маркам. 1-я бригада почти весь свой автопарк также раздобыла на полях недавних сражений в районе Миллерово – Кантемировки. С марта по август 1943 г. бригада восстановила 95 автомашин, 13 тракторов, 17 тягачей, в основном итальянских марок – «Лянча», «ФИАТ» «ОМ», «СПА». Число марок автомобилей в бригаде временами достигало 40[1]. Можно представить, каких трудов стоило привести в рабочее состояние иностранный автотранспорт, как правило, разукомплектованный противником или наступавшими советскими войсками (запасавшимися карбюраторами, радиаторами, трамблерами, стартерами, резиной), при почти полном отсутствии подготовленных кадров, «*которые не только не были знакомы с иностранными машинами, но не знали даже отечественных машин*»[2]. «*Прибуксированные трофейные машины неизученных марок были объектами опытов любознательных шоферов, кажущаяся беспомощность которых скоро преодолевалась универсальностью навыков и смекалкой, свойственной русским людям. Подобранные трофеи быстро осваивались и поступали на оснащение бригады*», – вспоминал командир 1-й бригады полковой комиссар Антонов[3].

«*Стоят, например, в поле... несколько однотипных изуродованных, разукомплектованных автомашин*, – продолжал Антонов. – *Туда и выезжает восстановительная группа. Подтягивает эти машины к одному месту, почти вслепую демонтирует оставшиеся агрегаты и комплектует одну-две машины, способные дойти своим ходом в часть*»[4]. Однажды такая восстановительная группа 1-й трофейной бригады отправилась в район хутора Верхне-Чирского на поиск трофейного транспорта на двух итальянских «мулах в упряжке», а в часть торжественно вернулась на 12 восстановленных в полевых условиях тягачах[5].

Огромное разнообразие марок почти исключало взаимозаменяемость транспорта. При этом бригады не имели необходимых для ремонта токарных, сверлильных станков, зарядных станций и проч. К тому же осенью 1943 г. автомобили были переведены с высокооктанового бензина на низкосортную автосмесь, непригодную для нормальной работы, что

---

1 ЦАМО РФ. Ф. 1-й отдельной трофейной бригады. Оп. 638 837. Д. 1. Л. 52.

2 Там же. Л. 15.

3 Там же. Л. 52.

4 Там же.

5 Там же.

катастрофически ускорило износ двигателей. Тем не менее немецкие, итальянские, французские грузовики, имевшие пробег 20–25 тыс. км, проходили уже на новой службе еще по 30–35 тыс. км. Следует отметить, что эксплуатация автомобилей велась в условиях экстремальных нагрузок, поскольку им часто приходилось двигаться вне дорог, по полям, к тому же усеянным большим количеством осколков, которые выводили из строя колесную резину. Тяжелые условия эксплуатации приводили к частым поломкам сцепления.

Переброске на тот или иной участок трофейных подразделений предшествовала разведка командиров батальонов совместно со специалистами-дефектовщиками и саперами, имевшая целью выявление местонахождения и количества тяжеловесов и прочих видов вооружений, а также минных полей. Дефектовщики оценивали возможности восстановления боевой техники, прежде всего, советского производства. Разведка велась личным осмотром местности, а также опросом местных жителей. Обнаруженное вооружение свозилось на охраняемые полевые сборные пункты, а затем – на железнодорожные станции для погрузки. На сборных пунктах оружие и имущество приводились в порядок, очищались от грязи и ржавчины, смазывались, а боеприпасы затаривались. Для укупорки боеприпасов использовалась собираемая в полях тара. После этого под руководством командиров рот, которым придавались транспортные средства, трофеи вывозились на станции погрузки.

Особенно тяжелой работой была эвакуация так называемых тяжеловесов (танков, тяжелых орудий, бронетранспортеров), как правило, нетранспортабельных (с подорванной или заклиненной ходовой частью, застрявших во рвах, болотах, реках). Пути вывоза проходили по сильно пересеченной местности, балкам и оврагам, которыми так изобилует территория большой излучины Дона. Только непосредственно на полях сражений Сталинградской битвы 2-я трофейная бригада утилизировала 137 танков, 243 автомашины, 146 железнодорожных вагонов. Бригада отгрузила на склады НКО и ремонтные заводы 154 танка, 173 вагона артиллерии, 204 вагона боеприпасов, около 200 вагонов другого военного имущества. Железнодорожным и водным транспортом было отгружено около 60 тыс. т черного металлолома, 347 т цветного металлолома и 1900 т боеприпасов. Чтобы понять масштабы работы, следует сказать, что за год всеми тягачами было пройдено 252,3 тыс. км пути, или в среднем по 4,2 тыс. км на тягач.

Тяжелые танки типа КВ буксировались тремя тягачами, Т-34 – двумя, а легкие танки и бронетранспортеры – одним тягачом. Из балок танки вытягивали с помощью лебедок. Танки, застрявшие в болотах, реках, оврагах,

перевернутые вверх ходовой частью, извлекались кантовкой посредством длинного троса и тягачей. Во время кантовки танк, как правило, терял башню. Для транспортировки тяжеловесов с сентября 1943 г. бригада располагала тремя большими трейлерами (грузоподъемность – 22 т) и четырьмя малыми (грузоподъемность – 7 т)[1]. В городе разукомплектованная техника, которую нельзя было поставить на колеса или катки, вывозилась на импровизированных санях, чтобы не портить дорожное покрытие. По естественным причинам сбор трофеев в зимнее время был неэффективным, и после схода снежного покрова проходилось зачищать отработанные зимой участки вторично.

Помимо собственно сбора трофеев и металлолома трофейные бригады (наряду с тыловыми минно-разградительными бригадами) занимались разминированием местности. Так, 2-я трофейная бригада разминировала 10 кв. км, извлекла и обезвредила 1600 противотанковых и противопехотных мин в Городище, Александровке, Разгуляевке, Орловке и других населенных пунктах. Разведка проводилась щупами, поскольку использование миноискателей исключалось огромным количеством осколков на участках разминирования. Кроме того, по нарядам трофейного управления бригады занимались демонтажом узлов и агрегатов для трофейной техники, эксплуатировавшейся в частях Красной армии, а также захоронением трупов.

Непригодные к восстановлению тяжеловесы, не поддававшиеся транспортировке (например, с разрушенной ходовой частью), подвергались разделке на металлолом на месте. Танки разделывались, как правило, подрывным способом. В качестве взрывчатки использовались противотанковые мины и негодные к использованию боеприпасы. Расход боеприпасов на средние и тяжелые танки составлял от 210 до 270 кг. Например, 2-я бригада таким способом разделала на металлолом 99 отечественных и 28 немецких танков. Кроме того, техника разделывалась огневым способом (резкой с помощью керосинорезов), однако широко применять его не позволяла постоянная нехватка материалов для резки (карбида и кислорода).

Понятно, что трофейщики в ежедневном режиме имели дело с взрывоопасными материалами, часто дефектными боеприпасами внутри боевых машин. Нередко случались потери, в основном из-за того, что многие бойцы были просто не знакомы с минно-взрывным делом. Например, во 2-й бригаде 23 апреля 1943 г. от взрыва противотанковой гранаты погиб командир роты 1-го батальона лейтенант А. Гринчук[2]. 27 апреля насмерть

---

[1] ЦАМО РФ. Ф. 2-й отдельной трофейной бригады. Оп. 194 262. Д. 10. Л. 13.

[2] Там же. Л. 15.

подорвались двое бойцов 4-го батальона этой же бригады[1]. Случались и боевые потери. Так, 21 марта 1943 г. во время вражеского авианалета на город Миллерово в бригаде погибло 10 чел., получили ранения 14 чел., без вести пропали 5 чел. В числе прочих погиб командир бригады подполковник Щелчков[2]. 3 мая 1943 г. во время налета вражеской авиации на станицу Глубокую один боец был убит и еще один ранен[3].

Работа трофейных бригад имела важное военно-экономическое значение. Тяжелый труд трофейщиков возвращал в строй множество военной техники, давал промышленности многие тысячи тонн черных и цветных металлов. К 1 мая 1943 г. на склады СГВ было вывезено 830 танков и бронеавтомобилей, 966 орудий, 5410 автомашин, 12 466 пулеметов, 113 510 винтовок, 162 трактора и тягача и много другого воинского имущества. Вывозу подлежали еще 1343 танка и бронеавтомобиля, 1492 орудия, 6606 автомашин, 2651 пулемет, 448 тракторов, тягачей и другое имущество[4]. После расформирования СГВ эту работу осуществлял отдел трофейного имущества и вооружения бывшего Донского фронта (см. табл. 22).

Таблица 22. Работа трофейных частей бывшего Донского фронта с февраля по сентябрь 1943 г.[5]

Вооружение, военная техника и военное имущество	Единица измерения	Вывезено к трофейным складам у железнодорожных станций	Отгружено на склады НКО, заводы, передано войскам	Всего вывезено с полей сражений
Танки	штук	4385	1932	6317
Бронемашины	–	501	165	666
Тягачи и тракторы	–	1257	565	1822
Автомашины	–	20 905	12 426	33 331
Орудия	–	4700	3097	7797
Минометы	–	2016	1648	3664
Пулеметы	–	12 316	11 189	23 505
Винтовки	–	212 310	196 851	409 161
Снаряды и мины	–	5 280 142	4 556 195	9 836 337
Винтовочные патроны	–	105 844 000	86 260 000	192 104 000

1 ЦАМО РФ. Ф. 2-й отдельной трофейной бригады. Оп. 194 262. Д. 10. Л. 27.
2 ЦАМО РФ. Ф. 1-й отдельной трофейной бригады. Оп. 20 059. Д. 13. Л. 6.
3 ЦАМО РФ. Ф. 2-й отдельной трофейной бригады. Оп. 194 262. Д. 10. Л. 27.
4 Сталинградская группа войск… С. 93.
5 Там же. С. 104.

Окончание таблицы 22

Черный металлолом	тонн	140 527	119 012	259 539
Цветной металлолом	–	3157	2798	5955

К 1 января 1944 г. только 2-я трофейная бригада с ее четырьмя тягачами вывезла с полей сражений 767 танков, 123 бронемашины, 1204 артиллерийские системы, 9340 автомашин и 500 тракторов и тягачей[1]. 1-я трофейная бригада за этот же период вывезла к станциям 603 танка, 764 орудия, 3476 автомашин, 30 самолетов, 60 бронемашин, 253 трактора и тягача, собрала несколько миллионов артиллерийских снарядов и мин[2].

После завершения боевых действий трофейные части бывшего Донского фронта осуществляли работу всем своим составом до 15 июня 1943 г. в междуречье Дона и Волги, где происходили решающие бои, на территории в 3670 кв. км. После 15 июня 1943 г. ряд трофейных частей передислоцировался западнее Дона. Одновременно был расширен на 1870 кв. км участок работ между Доном и Волгой. Общая площадь работ составила 37 650 кв. км, в том числе 24 990 кв. км в Сталинградской области. Указанная территория располагалась в административных границах 24 районов Сталинградской и 13 районов Ростовской областей с 1117 населенными пунктами (см. табл. 23)[3].

Таблица 23. Территории Сталинградской и Ростовской областей, в которых работали трофейные части Донского фронта[4]

№ п/п	Административные единицы	Площадь (кв. км)
	Сталинградская область	
1	Сталинград	240
2	Подтелковский район	1090
3	Кумылженский район	1120
4	Фрунзенский район	1670
5	Серафимовичский район	1380
6	Дубовский район	60
7	Перелазовский район	1340

[1] ЦАМО РФ. Ф. 2-й отдельной трофейной бригады. Оп. 194 262. Д. 10. Л. 12.
[2] ЦАМО РФ. Ф. 1-й отдельной трофейной бригады. Оп. 638 837. Д. 1. Л. 58.
[3] Сталинградская группа войск… С. 109.
[4] Там же. С. 115.

Окончание таблицы 23

8	Клетский район	2130
9	Сиротинский район	1380
10	Городищенский район	1620
11	Кагановичский район	1660
12	Чернышковский район	1300
13	Калачевский район	4140
14	Нижнечирской район	1280
15	Тормосинский район	1260
16	Верхнекурмоярский район	660
17	Ворошиловский (сельский) район	940
18	Красноармейский район	1880
Итого по области		24 990
Ростовская область		
1	Вёшенский район	640
2	Базковский район	1120
3	Боковский район	1140
4	Киевский район	60
5	Кашарский район	100
6	Селивановский район	900
7	Чернышевский район	1300
8	Милютинский район	900
9	Обливский район	1540
10	Морозовский район	1810
11	Тацинский район	220
12	Николаевский район	230
13	Цимлянский район	2500
Итого по области		12 460
Всего по Сталинградской и Ростовской областям		37 650

В результате проведенной работы эта территория была очищена от вооружения, боеприпасов, военного имущества и сдана по актам представителям местных властей. Всего к декабрю 1944 г. трофейные части Донского фронта собрали и подвезли к железной дороге 5812 танков, 25 180 автомашин, 1501 трактор и тягач, 7518 орудий, 16 215 пулеметов, 273 990 винтовок, 4 681 479 снарядов, 107 061 авиабомб, 115 641 000 винтовочных патронов, 248 041 тонну черного металлолома и большое количество другого военного имущества (см. приложение 11). Через трофейные склады по железной дороге в 1943–1944 гг. было отгружено 19 418 вагонов с вооружением,

имуществом и металлоломом. Водным путем по Волге в навигацию 1943 г. было отправлено 38 барж с 50 158 т металлолома и 2 баржи с боеприпасами. Кроме того, проводилось разминирование на участках, где предстояли сбор и вывоз трофеев. Всего в междуречье Волги и Дона к осени 1943 г. было обезврежено 23 802 мины и извлечена 16 381 мина[1].

В дальнейшем работа по разминированию была возложена на районные команды Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахима). Только в Морозовском районе Ростовской области с 1943 г. по 1945 г. команды Осоавиахима собрали и уничтожили более 800 тыс. мин, артиллерийских снарядов, авиабомб. Однако и после этого работы по разминированию продолжались. Например, осенью 1945 г. из Вознесенского сельсовета того же Морозовского района сообщили, что вся территория очищена от взрывоопасной техники. Но команда минеров-подрывников, прибывшая в сельсовет, обнаружила и обезвредила еще свыше 5 тыс. различных снарядов и мин. Еще долгие годы по окончании войны боеприпасы и взрывчатые вещества обнаруживались снова[2].

Трофейные части, хотя и не сражались непосредственно на линии фронта, тем не менее внесли свою достойную лепту в общее дело победы над врагом. Каждая из них сберегла для родины многие тысячи тонн металла, вернула в строй сотни танков, иной военной техники и боеприпасов, разминировала десятки населенных пунктов. Всего трофейными частями РККА только в 1943 г. было отправлено в тыл 133 799 вагонов грузов, из них 21 114 вагонов вооружения и имущества и 112 685 вагонов металлолома[3]. Все это – результат тяжелейшего, практически ручного труда полуголодных людей, подчеркивающий героизм советского народа.

8.3. Память о боях в большой излучине Дона в мемориальной культуре региона

Сражения в большой излучине Дона в годы Великой Отечественной войны нашли свое отражение в различных формах исторической памяти. Этим событиям посвящены сотни памятников и мемориалов, первые из которых появились непосредственно в военные годы над братскими

---

[1] Сталинградская группа войск… С. 110–111.

[2] *Лобачев И.* Разминирование территории колхозов и совхозов // Морозовский большевик. 1946. 27 марта.

[3] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. С. 377.

и одиночными могилами советских военнослужащих, павших при обороне и освобождении Сталинградской и Ростовской областей в 1941–1943 гг., а также захоронениями мирных жителей, погибших во время нацистской оккупации.

В данной связи следует отметить, что незадолго до начала войны, 15 марта 1941 г., был принят специальный приказ наркома обороны СССР № 138, утвердивший «Положение о персональном учете потерь и погребении личного состава Красной армии в военное время». Погребение рядовых и младших командиров следовало проводить в братских могилах или на братских кладбищах, начальствующего состава – в отдельных могилах, с установлением на них деревянных или каменных пирамид до 1,5 м высотой с номерами захоронений. Предусматривалось оказание соответствующих воинских почестей при погребении[1]. Однако для соблюдения всех установленных положением правил и процедур захоронения не всегда находились время и возможности, особенно в условиях отступления. Нередко погребение погибших советских военнослужащих проводилось прямо в окопах, траншеях и блиндажах, а также в естественных или рукотворных углублениях непосредственно в местах гибели – противотанковых рвах, окопах, воронках от снарядов и бомб, силосных ямах. Могилы не всегда регистрировались и отмечались на картах, а в качестве надгробий обходились в лучшем случае куском фанеры, каской или орудийной гильзой[2].

Только с 1943 г., после освобождения советских территорий, появилась возможность для увековечивания памяти о погибших участников войны. Главную роль в этом играли местные органы власти. Так, уже в апреле 1943 г., через два месяца после освобождения Ростова-на-Дону и за четыре с лишним месяца до полного освобождения Ростовской области, когда линия фронта еще проходила по реке Миус в нескольких десятках километров от донской столицы, Ростовский-на-Дону горисполком принял решение «Об установлении памятников на братских могилах бойцов и командиров, павших смертью храбрых в боях за освобождение г. Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков». В документе говорилось: «*Обязать Горкомхоз представить свои соображения об установлении временных памятников на братских могилах бойцов, павших при освобождении г. Ростова-на-Дону*»[3]. 18 мая горисполком принял новое решение «Об

[1] ЦАМО РФ. Ф. 4. Оп. 12. Д. 97. Л. 263–272.

[2] См. подробнее раздел «В последний путь: похороны товарищей» в кн.: *Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П.* Повседневный мир советского человека 1920–1040-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011. С. 268–281.

[3] ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 2. Л. 96.

установлении порядка по содержанию в надлежащем виде имеющихся в городе памятников, могил и мест погребения павших в боях за Родину бойцов и командиров Красной армии, а также жертв зверской расправы немецких войск во время оккупации г. Ростова». Районные исполкомы обязывались «*взять на учет и установить постоянный надзор и надлежащий уход по содержанию в должном порядке имеющихся в городе (садах, парках, скверах и т.д.), а похоронному тресту имеющихся на городских кладбищах: памятников, могил и мест погребения павших в боях за родину бойцов и командиров Красной армии, а также жертв немецкой оккупации*». На эти работы тресту разрешалось израсходовать до 3 тыс. рублей из собственных накоплений за 1943 г.[1]

Тем не менее проверка одиночных и братских могил бойцов и офицеров Красной армии, проведенная в ряде районов Ростовской области, установила, что «*эти могилы все еще содержатся в безобразном состоянии. Решение исполкома облсовета депутатов трудящихся от 15 июня 1944 г., обязывающее исполкомы горрайсоветов депутатов трудящихся привести могилы в благоустроенный вид, установить памятники и систематическое наблюдение за содержанием могил, райисполкомами не выполнено*». Количество похороненных бойцов в ряде братских могил не было установлено, надписи на них отсутствовали или были слабо различимы, сами могилы не имели ограждений, зарастали травой. В постановлении бюро Ростовского обкома ВКП(б) подчеркивалось: «*Такое отношение руководителей районных организаций к содержанию братских и одиночных могил не только не терпимо, а граничит с преступлением*». Учитывая «*исключительно важное политическое значение вопроса*», бюро обкома ВКП(б) обязало первых секретарей горкомов и райкомов партии «*немедленно выявить и взять на учет с привлечением общественности все военные кладбища, братские и индивидуальные могилы погибших бойцов и офицеров Красной армии*»; в месячный срок привести их в благоустроенный вид, «*установив ограды, памятники, на кладбищах разбить дорожки, цветники и т.д.*», а также установить систематическое наблюдение за содержанием кладбищ и могил, привлекая к этому «*все партийные, комсомольские, профсоюзные организации городов и районов*»[2]. В послевоенные годы местные власти еще не раз принимали решения, направленные на благоустройство братских и одиночных могил советских военнослужащих, погибших в годы Великой Отечественной войны[3].

[1] ГАРО. Ф. Р-1817. Оп. 4. Д. 3. Л. 101.

[2] ЦДНИРО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 506. Л. 21об.–22.

[3] Завещано помнить… Донские архивы – 70-летию Великой Победы. Сборник документов и материалов. Ростов н/Д, 2015. С. 225 и др.

Одна из главных особенностей мемориализации событий 1942–1943 гг. в Сталинграде заключалась в подчеркивании их взаимосвязи с обороной Царицына в 1918 г.[1] Главная роль в сохранении и увековечивании памяти о подвигах защитников города возлагалась на Музей обороны Царицына им. И.В. Сталина. В конце 1941 г. он был эвакуирован в Гмелинский район Сталинградской области, а в конце января – начале февраля 1943 г. реорганизован в Музей обороны Царицына – Сталинграда им. товарища Сталина. Сбор материалов по новой для музея теме Сталинградской битвы начался еще во время боев. 24 января 1943 г. Сталинградский горком ВКП(б) обратился к начальникам политотделов 62, 64 и 57-й армий с просьбой передать музею фотопортреты командного состава, Героев Советского Союза, особо отличившихся бойцов и командиров, другие фотоснимки, листовки, плакаты, трофейное оружие, обмундирование, знаки отличия и другие исторические документы и артефакты. По окончании боев руководство обкома ВКП(б) неоднократно обращалось с подобными же просьбами к командованию Донского фронта, в штаб трофейного имущества Приволжского военного округа[2], к командованию района авиационного базирования города Сталинграда и Сталинградской области[3], Сталинградского дивизионного корпусного района ПВО, отдельных соединений и частей[4] и к другим адресатам.

7 июня 1943 г. Сталинградский городской комитет обороны постановил «*взять на учет во всех городских партийных, советских организациях и на предприятиях документы и экспонаты, характеризующие оборону и восстановление Сталинграда с тем, чтобы в течение июля с.г. передать их на хранение в музей*»[5]. Вскоре в фонды музея поступили подшивки фронтовых, армейских и дивизионных газет, боевые листки, донесения, фотографии, схемы боевого пути частей и соединений, другие материалы, рассказывающие об их истории, советское и трофейное вооружение, разнообразные предметы снаряжения и быта. Временно музей разместился в подвальном помещении центрального универмага, где был пленен фельдмаршал Ф. Паулюс.

Только к 1947 г. было восстановлено прежнее здание музея, на следующий год состоялось его торжественное открытие, а в 1949 г. он стал

[1] *Генкина Э.* Царицын – Сталинград: о героической обороне Царицына в 1918 г. и боях за Сталинград в Великой Отечественной войне // Большевик. 1942. № 17–18. С. 43–50 и др.

[2] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 111. Л. 11.

[3] Там же. Л. 19.

[4] Там же. Л. 32, 33 и др.

[5] ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 5. Л. 66–67.

государственным. Первоначально в экспозиции уделялось значительное внимание роли И.В. Сталина в разгроме врага. Но в период «оттепели» в связи с решениями ЦК КПСС о «преодолении последствий культа личности Сталина» все предметы и документы, связанные со Сталиным, были убраны из экспозиции[1]. В 1962 г. в связи с переименованием города музей стал называться Волгоградским государственным музеем обороны. Экспозиция, посвященная Сталинградской битве, просуществовала в нем до 1982 г., когда он был преобразован в Волгоградский государственный музей-панораму «Сталинградская битва» (строительство началось еще в 1968 г., а полный ввод в строй с новой экспозицией произошел только в 1985 г.).

В настоящее время музей-панорама «Сталинградская битва» – самый крупный музейный комплекс, посвященный Сталинградской битве, в залах которого представлено свыше 4,5 тыс. экспонатов, а в фондах – 147 тыс. экспонатов (рис. 24). В 2008 г. он был объединен с историко-мемориальным комплексом «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане в историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». В музейный комплекс также вошли руины паровой мельницы Гергардта (Грудинина) (рис. 25) и бронекатер БК-13 – памятник морякам Волжской военной флотилии. В 2012 г. в подвале центрального универмага – месте пленения фельдмаршала Ф. Паулюса – открылся еще один включенный в него объект – музей «Память».

Еще в 1943 г. от секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов Сталинградской области потребовали составить перечни всех исторических мест, подлежавших сохранению (блиндажей штабов, окопов, огневых точек, оборонительных сооружений, защищавших город «*прославленных частей и подразделений*», мест расположения артиллерийских батарей и зенитных орудий, наиболее важных убежищ для укрытия населения от бомбардировок, переправ через Волгу и пр.), представить предложения о переименовании улиц и площадей, связанных с историческими событиями обороны Сталинграда, а также мероприятия по улучшению содержания могил защитников города. Отдельно выделялся вопрос «*о сохранении и поддержании в первоначальном виде мест боев на Мамаевом бугре и наиболее важных мест боев 62-й армии и предложениях об обставлении этих мест мемориальными досками*»[2].

---

[1] *Богатова Т.А.* Музей: путь длиной в 60 лет // Музей: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию музея. Волгоград, 1997. С. 7.

[2] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 111. Л. 14–14об.

Рис. 24. Музей-панорама «Сталинградская битва». Фото Е.Ф. Кринко, 2015

Рис. 25. Руины паровой мельницы Гергардта (Грудинина). Фото Е.Ф. Кринко, 2015

Немало внимания руководство города и области уделяло состоянию братских могил защитников Сталинграда. Уже 4 мая 1943 г. в письме отдела

агитации и пропаганды обкома ВКП(б) райкомам партии отмечалось: «*На некоторых могилах отдельные части Красной армии установили временные памятники, а некоторые могилы до сих пор соответственно не оборудованы, и со стороны партийных, советских органов и населения должной заботы о сохранении и ухода за братскими могилами не проявляется*». Райкомы ВКП(б) обязывались «*все братские могилы бойцов и командиров Красной армии сохранить, организовать за ними тщательный уход, провести озеленение, привлекая для этой цели население, комсомольцев и пионеров*»[1].

В 1944 г. Комитет по делам архитектуры при Совнаркоме СССР и Союз советских архитекторов объявили открытый конкурс на эскизный проект восстановления Сталинграда. В нем приняли участие не только профессиональные архитекторы, но и все желающие. Проекты эскизов присылали с фронтов войны и даже из-за рубежа[2]. Степень разрушений города была настолько высока, что городская инфраструктура, особенно в центральных районах, где шли особенно жестокие бои, фактически создавалась заново, что облегчало решение задач о включении в нее новых мемориальных объектов. В послевоенное время в Волгограде появились Гвардейская площадь и проспект Героев Сталинграда, бульвар 30-летия Победы и парк Победы, улицы 7, 13, 35, 39, 51, 95-й гвардейских дивизий, 10-й дивизии НКВД, 8-й воздушной, 62-й и 64-й армий и многие другие топонимы, связанные со Сталинградской битвой и ее участниками. Впрочем, под воздействием изменений в политической конъюнктуре некоторые из них меняли свое название, а отдельные имена то исчезали с карты Волгограда, то снова возвращались на нее. Так, в 1951 г. улица Маршала Жукова была переименована в улицу Правды, а в 1996 г. в городе появился проспект Маршала Жукова[3]. Всего из 2070 наименований элементов городской улично-дорожной сети 92 улицы названы в честь защитников Сталинграда.

Сами памятники военных лет были достаточно простыми в художественном отношении. В 1944 г. с южной стороны Театральной площади в Ростове-на-Дону был установлен двухметровый гранитный обелиск в качестве памятного знака места закладки будущего мемориального комплекса в честь воинов, павших при обороне и освобождении города от

[1] ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 111. Л. 18.

[2] Федеральное государственное учреждение культуры Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Путеводитель. Волгоград, 2010. С. 63.

[3] *Курилла И.И.* Сталинград по праздникам: неустойчивый хронотоп постсоветского общества // Историческая разметка пространства и времени. Материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом при поддержке Фона Ф. Эберта 13 мая 2014 г. Волгоград, 2014. С. 6.

оккупантов. Обелиск простоял до конца 1970-х гг., когда здесь началось возведение нового мемориала.

Стиль памятников военного времени во многом сохранился и в тяжелые послевоенные годы. Во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. на месте братских и одиночных могил советских военнослужащих в основном по инициативе местных жителей и органов власти устанавливали бетонные стелы с перечнями фамилий и имен. Так, в 1948 г. были установлены обелиски на братских могилах советских воинов в хуторах Венцы, Ерик и Головском Клетского района (см. приложение 12). В 1949 г. – памятники на братских могилах советских воинов на хуторах Жирковском и Гвардейском Клетского района, а также в Серафимовичском районе – в станицах Отрожкинской и Усть-Хопёрской (на высоте 220,0, иначе именуемой Чепелевым курганом, месте гибели 5 тыс. советских бойцов)[1]. В 1953 г. были установлены стелы на братских могилах на кладбище в станице Клетской, в хуторах Большая Донщинка, Верхняя Бузиновка, Зотовском, в 1955 г. – в хуторах Большая Осиновка, Захаров и Евстратовском Клетского района и других местах.

Одним из самых значительных по своим масштабам монументом, возведенным в первое послевоенное десятилетие в честь участников боев на Волге и Дону, стал памятник чекистам – воинам 10-й дивизии войск НКВД и милиционерам Сталинграда. Он был установлен в 1947 г. на одноименной площади на правом берегу реки Царицы, возле моста, соединяющего Центральный и Ворошиловский районы города. Памятник достигает в высоту 22 м: 5-метровая бронзовая фигура воина-чекиста с обнаженным мечом в руке возвышается на 17-метровом постаменте в форме обелиска. В районе поселка Пятиморска Калачевского района в 1954 г. был воздвигнут еще один внушительный монумент «Соединение фронтов», представляющий собой фигуры четырех солдат: мотострелка, конногвардейца, пехотинца и танкиста. Двое пожимают друг другу руки, третий рядом, с оружием наготове, а четвертый возвещает о победе. Высота скульптуры, установленной на трехступенчатом бетонном постаменте на 11-метровом насыпном холме, достигает 17,5 м. У подножия холма расположены две тумбы с мемориальной надписью. Надпись на первой гласит: «23 ноября 1942 года в районе Калача советские войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов во взаимодействии с войсками Донского фронта завершили оперативное окружение противника, что привело к последующему разгрому 330-тысячной группировки немецко-фашистских войск,

[1] *Голенева Н.* Первый памятник войны // Serafimovich.org. Город Серафимович, станица Усть-Медведицкая. 12.05.2014. URL: http://www.serafimovich.org/2243-pervyj-pamyatnik-vojny.html (дата обращения: 12.11.2016).

прорвавшихся к Волге». На второй: «Потомки наши не забудут никогда величие духа и сказочной крепости русских солдат у берега Дона и Волги. В боях по окружению немецко-фашистских войск отличились 19, 45, 157-я дивизии, 102-я танковая, 14-я мотострелковая и 31-я механизированная бригады». В 1951–1954 гг. были также установлены на постаментах 17 башен танков Т-34, на расстоянии в несколько километров друг от друга. Они символизировали линию обороны Сталинграда протяженностью около 30 км (рис. 26). В 1955 г. в сквере нижнего поселка завода «Баррикады» в Сталинграде установили стелу с бронзовой мемориальной доской в честь «Острова Людникова».

Рис. 26. Монументы в память о линии обороны Сталинграда. Фото Е.Ф. Кринко, 2015

В том же 1955 г. поисковики восстановили место захоронения 13 советских бойцов 130-го гвардейского стрелкового полка 44-й гвардейской стрелковой дивизии 1-й гвардейской армии Юго-Западного фронта во главе

с командиром роты лейтенантом И.С. Ликуновым. На рассвете 15 января 1943 г. они ворвались на окраину железнодорожного поселка Донской (ныне – хутор Красновка Тарасовского района Ростовской области), захватили три дома и удерживали их до подхода советских войск. Всем 13 посмертно присвоено звание Героев Советского Союза. В 1957 г. на станции Красновка в их честь был основан музей, а в 1968 г. открыты музей и мемориал.

В 1965 г. в СССР впервые был торжественно отмечен юбилей Победы в войне, символизировавший придание нового статуса данному событию. Это провозглашало новые тенденции в мемориализации Великой Отечественной войны, приобретавшей важное государственное значение. Установление памятников получило централизованный и организованный характер. Места воинских мемориалов должны были хорошо просматриваться, иметь возможности для подъезда и подхода больших групп для совершения торжественных церемоний. Во многих городах и районах проводились перезахоронения: останки из одиночных и братских могил с улиц и площадей, из балок, оврагов, заброшенных хуторов и других мест переносили на сельские и городские кладбища, в общие братские могилы, над которыми устанавливали единые обелиски. При этом в селах и небольших городах, в отличие от крупных городов со сложившейся исторической застройкой, мемориалы, посвященные Великой Отечественной войне, обычно устанавливали в центре, недалеко от зданий органов власти. Новой традицией стало посещение воинских мемориалов молодоженами в день свадьбы, свидетельствовавшее об их превращении в значимые публичные объекты и центры официальных и неофициальных коммемораций. Иерархию нового мемориального пространства памяти о войне закрепляло появление городов-героев, наиболее прославившихся своей героической защитой в годы Великой Отечественной войны. В числе первых этого почетного звания был удостоен Волгоград (Сталинград) по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. Постепенно он стал превращаться в настоящий город-памятник. Мемориальные объекты, посвященные Великой Отечественной войне, стали играть ведущую роль в организации городского пространства.

Еще в 1959 г. под руководством известного советского скульптора Е.В. Вучетича было начато строительство грандиозного мемориала на Мамаевом кургане с памятником-ансамблем «Героям Сталинградской битвы», главным монументом которого являлась «Родина-мать зовет!» высотой 85 м. Сам масштаб мемориала (а первоначальный проект предусматривал создание второй очереди ансамбля от проспекта Ленина до Волги) был призван увековечить значение Сталинградской битвы как важнейшего события Великой Отечественной войны. Строительство завершилось в 1967 г.,

а мемориал стал одним из самых ярких воплощений советской мемориальной культуры. Ранее, в 1963 г. на центральной площади города, носившей имя Павших борцов, был зажжен Вечный огонь в память о мужестве и героизме всех защитников города. Площадь Павших борцов с набережной 62-й армии связала аллея Героев. Установленные на ней стелы Героев Советского Союза увековечили имена 127 чел., получивших это звание за героизм в Сталинградской битве, 192 чел. – уроженцев Волгоградской области, в том числе троих дважды Героев Советского Союза, и 28 кавалеров ордена Славы трех степеней. В 1968 г. был установлен 20-метровый обелиск в память о жестоких боях на Лысой горе (высоте 145,6).

В Ростове-на-Дону в 1957 г. в саду имени М.В. Фрунзе вблизи площади К. Маркса, на братских могилах советских военнослужащих и мирных граждан, погибших в боях за Ростов-на-Дону и в период нацистской оккупации, был открыт памятник в виде традиционной для того времени скульптуры коленопреклоненного солдата со знаменем в руке. Через два года, 9 мая 1959 г., у памятника зажгли Вечный огонь. Еще спустя десять лет, в 1969 г., проведена коренная реконструкция мемориала, получившего название «Памяти павших». Новый памятник представлял собой бетонное полукольцо с барельефным изображением лавровой ветви и скорбного лица женщины-матери. В 1995 г. мемориал дополнили плитами с 7 тыс. фамилий павших воинов. Но к этому времени он перестал быть главным ростовским мемориалом, посвященным Великой Отечественной войне, не соответствуя данному статусу ни содержанием, ни скромными размерами и оформлением.

В 1961 г. в Пионерском парке Ростова-на-Дону был открыт бронзовый бюст 16-летнего подростка Вити Черевичкина, расстрелянного оккупантами по подозрению в помощи Красной армии. Спустя четыре года и сам парк получил имя Вити Черевичкина. Пионерам-героям Дона, погибшим в годы Великой Отечественной войны, был посвящен еще один памятник в парке имени Николая Островского, но в середине 1990-х гг. его разрушили неизвестные лица[1]. В 1967 г. на Комсомольской площади была открыта стела с изображением смертельно раненого воина, продолжающего крепко сжимать автомат – памятник молодым воинам-защитникам и освободителям Ростова. В 1966 и 1969 гг. установлены бронзовые бюсты двум уроженцам Дона – военачальникам Великой Отечественной войны: на углу Будённовского проспекта и Пушкинской улицы – Маршалу Советского Союза С.М. Будённому, а в сквере у гостиницы «Ростов» на Красноармейской улице – генералу армии Д.Д. Лелюшенко.

---

[1] *Редьков Н.Н., Беленький Г.Л., Лисицына Л.П.* Культура Южной столицы. История и современность. Ростов н/Д, 2008. С. 274.

Еще в 1958 г. был установлен памятник в Змиевской балке, на месте массовых расстрелов ростовчан и военнопленных во время нацистской оккупации. В 1975 г. его заменил новый мемориальный ансамбль, в центре которого находится бетонная монументальная скульптурная группа, включающая ребенка, пытающегося спрятаться за матерью, поднявшей руки, и старика, протягивающего связанные руки в мольбе (рис. 27). Перед ней – могила «Сердца павших бьются» с метрономом, изображающим ритм сердца, и плита с металлическим венком, в котором горит Вечный огонь. Вдоль дороги располагаются мемориальные плиты могил погибших и пять железобетонных пилонов, символизирующих годы войны.

Рис. 27. Мемориальный комплекс «Змиевская балка», г. Ростов-на-Дону. Фото Е.Ф. Кринко, 2015

У входа в мемориал оборудованы смотровая площадка и зал скорби, экспозиция которого рассказывает о зверствах оккупантов в Ростове-на-Дону. Мемориал в Змиевской балке стал символом скорби по погибшим,

а не величия и славы одержанной Победы, концепция которой доминировала в советской мемориальной политике. Само расположение мемориала на окраине города затрудняло его использование в качестве места проведения торжественных церемоний. Этому не способствовала и национальная принадлежность основной массы казненных людей, особенно в условиях периодически возникавших идеологических кампаний. Несколько раз еврейской общине запрещалось проводить здесь религиозные церемонии поминовения погибших.

В том же 1975 г., к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне, был возведен крупный мемориальный комплекс в г. Шахты у шахты им. Красина – месте массового уничтожения оккупантами 3,5 тыс. советских граждан. Ствол шахты, в который сбрасывали людей, оформлен в виде декоративной решетки. Основной монумент выполнен в виде двух бетонных пилонов, облицованных гранитной крошкой и формирующих силуэт усеченной пирамиды – террикона, напоминающего погребальный курган. В пространстве между пилонами располагается фигура скорбящего шахтера, держащего в руках чашу с огнем. Пространство мемориала выходит за пределы непосредственного визуального восприятия ансамбля и включает панораму города[1].

В 1970–1980-х гг. количество мемориальных объектов, посвященных отдельным событиям и героям Великой Отечественной войны, а также воинским частям и соединениям, участвовавшим в кровопролитных боях на Дону и Волге, существенно выросло. Так, в 1975 г. в Волгограде был установлен памятник матросу-пехотинцу 193-й стрелковой дивизии М.Д. Паникахе, изображенному в момент его броска на вражеский танк. В 1977 г. на берегу Волги был установлен памятник речникам – катер «Гаситель» (рис. 28), а возле здания элеватора – 7-метровая железобетонная статуя морского пехотинца с противотанковым ружьем, получившая название «памятника североморцам». В 1985 г. была открыта мемориальная стена-памятник на торцевой стене дома Павлова со стороны улицы Советской (рис. 29).

В Ростове-на-Дону появились памятники в честь воинов 56-й и 8-й воздушной армий, 248-й Одесской Краснознаменной стрелковой дивизии, Ростовского стрелкового полка народного ополчения. Они представляют собой стелы, обелиски, пилоны, тематические барельефы с изображением ордена Победы и боевого пути соединений. Тематически близки к ним монументы, посвященные вкладу представителей разных родов войск в

---

[1] *Пьявченко Е.В.* Памятники Великой Отечественной на Дону. Ростов н/Д, 2005. С. 26–29.

защиту и освобождение Ростова-на-Дону – летчикам, танкистам, речникам, зенитчикам. На пересечении Таганрогской улицы и улицы Оганова в 1983 г. установили памятник погибшим при обороне Ростова-на-Дону в 1941 г. артиллеристам батареи Сергея Оганова и Сергея Вавилова. В том же 1983 г. к 40-летию рейда, совершенного с 16 по 24 декабря 1942 г. 24-м танковым корпусом под командованием генерал-майора танковых войск В.М. Баданова, построен мемориал «Прорыв» у въезда в станицу Тацинскую. Героическому рейду танкистов и его роли в Сталинградской битве посвящена и значительная часть экспозиции Тацинского историко-краеведческого музея, открытого в 1968 г. В 1980 г. появился Курган Славы в Александровском парке города Новочеркасска. Взметнувшиеся в небо четыре штыка символизируют четыре года войны. В центре находится Вечный огонь. Недалеко от выхода установлена бетонная плита с данными о потерях жителей города в годы Великой Отечественной войны и именами 900 советских солдат, погибших в боях за освобождение Новочеркасска 13 февраля 1943 г.

Рис. 28. Памятник волжским речникам – катер «Гаситель», г. Волгоград. Фото Е.Ф. Кринко, 2015

Рис. 29. Дом Павлова, г. Волгоград. Фото Е.Ф. Кринко, 2015

Практически во всех станицах, хуторах и селах большой излучины Дона были установлены памятники на братских и одиночных могилах погибших участников войны, мемориалы в честь не вернувшихся с полей сражений односельчан. Только на территории Серафимовичского района в настоящее время находятся 66 братских захоронений и 7 памятных знаков, Суровикинского района – 52 братских захоронения и 11 памятных знаков, Чернышковского района – 22 братских захоронения и 11 памятных знаков[1]. Как правило, эти монументы типичны, олицетворяя собой скорбь по погибшим. Нередко они представляют собой фигуры солдат, склонивших головы и снявших каски в честь павших товарищей или сжимающих в руках оружие (мемориалы в станицах Клетской, Нижнем Чире и других местах), иногда держащих щит как символ воинской доблести, а также женщин с цветами или венком (рис. 30, 31).

[1] Хроника Сталинградской битвы. 65-летию победы в Великой Отечественной войне посвящается. Научно-популярный альбом. Волгоград, 2010. С. 59, 65, 71.

Рис. 30. Памятник воинам Ростовского стрелкового полка народного ополчения, г. Ростов-на-Дону. Фото Е.Ф. Кринко, 2013

Рис. 31. Памятник советским воинам, погибшим в боях за Ростов-на-Дону в 1941–1943 гг., и пионерам-героям. Братское кладбище, г. Ростов-на-Дону. Фото Е.Ф. Кринко, 2016

Сложившийся советский мемориальный канон изображения солдатского подвига времен Великой Отечественной войны включал, помимо скульптурных групп, списки погибших, гранитные или бетонные конструкции, стелы, стены, Вечный огонь или изображение горящего факела[1]. Нередко использовалась бюсты, мемориальные доски и другие памятные знаки, а также советская боевая техника, особенно часто – танки Т-34. Другие образцы боевой техники, сохранившиеся в значительно меньшем количестве, использовались реже в качестве мемориальных объектов. Например, в Калаче-на-Дону был установлен танк-памятник Т-70. В Каменске-Шахтинском – автомобиль ЗИС-5 как памятник военным автомобилистам. Немало памятных мест, посвященных Великой Отечественной войне, насчитывается и в районах Сталинградской области, не подвергавшихся оккупации: например, в прифронтовом Новоаннинском районе находится 18 братских захоронений и 24 памятных знака, Светлоярском районе – 39 братских захоронений и 9 памятных знаков, Урюпинском районе – 34 братских захоронения и 28 памятных знаков[2].

Значительное количество монументов посвящено погибшим в годы Великой Отечественной войны студентам и преподавателям учебных заведений, сотрудникам различных предприятий и учреждений. Как правило, обязательными элементами данных памятников являются мемориальные плиты с фамилиями погибших, нередко – символы, характеризующие их профессиональную принадлежность (фигуры в белых халатах – для медицинских работников, якоря – для водников и т.д.). Установленные на территории предприятий и учреждений, школ и вузов, больниц, они создавали локальные места памяти, тесно вписанные в общую картину представлений о войне и формирующие их сопричастность «большой истории».

В 1982 г. Ростов-на-Дону Указом Президиума Верховного Совета СССР «*за мужество и стойкость, проявленные трудящимися города в годы Великой Отечественной войны, и за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве*» был награжден орденом Отечественной войны I степени. Эта награда означала отказ от прежних стереотипов восприятия Ростова-на-Дону как города, оставленного «*без серьезного сопротивления и без приказа*», что было зафиксировано в приказе № 227 и фактически означало сдачу его врагу без боя. Официальное признание вклада Ростова-на-Дону и ростовчан в дело Победы требовало соответствующего закрепления в мемориальных формах. В 1983 г. в Ростове-на-Дону появилось два новых

[1] *Конрадова Н., Рылева А.* Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 248.

[2] Хроника Сталинградской битвы. 65-летию победы в Великой Отечественной войне посвящается. С. 45, 57, 67.

крупных мемориала. В центре города, на Театральной площади был открыт мемориальный комплекс «Воинам-освободителям г. Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков». В центре его располагается 72-метровая стела из нержавеющей стали, увенчанная позолоченными скульптурой греческой богини победы Ники и изображением ордена Отечественной войны I степени. Одетая в плащ-палатку Ника направляется на юг, в сторону Дона, откуда наступали советские войска на город, а сам мемориал обращен на север. У подножия стелы – стилизованная звонница с 12 медными колоколами разных размеров, на которых указана дата освобождения Ростова-на-Дону – 14 февраля 1943 г. – и бетонные горельефы вогнутой формы на темы «Фронт», «Тыл», «Мир». В нижней части стелы – текст сообщения Совинформбюро об освобождении Ростова-на-Дону и надпись: «В честь воинов, освободивших наш город от фашистских захватчиков, памятник этот над Доном воздвигнут. По велению долга и сердца сражались они за Отчизну, ни крови, ни жизни своей не жалея. Мужество их осеняет своими крылами Победа. Подвиг, ими свершенный, в далеких веках не померкнет». На нижнем уровне монумента располагается бассейн, наполняемый водой, к которому амфитеатром с трех сторон спускаются террасы. В него также вмонтирована чаша Вечного огня. Перед мемориалом скрижали – два бетонных куба с рельефными датами – 14 февраля 1943 г. и перечислением названий всех воинских частей, участвовавших в освобождении Ростова-на-Дону. Мемориальный комплекс «Воинам-освободителям г. Ростова-на-Дону от немецко-фашистских захватчиков» стал одним из главных символов города.

Еще один мемориал был открыт в Кумженской роще, откуда наступали красноармейцы, форсировавшие Дон. Главная многофигурная композиция «Штурм» представляет собой скульптурную группу из бойцов и командиров РККА, поднявшихся в атаку. Над ними – 18-метровая стальная дугообразная стрела, символизирующая направление главного удара на оперативных картах советского командования. В комплекс входят стелы с названиями воинских частей, освобождавших город на этом направлении, с текстами сводок Совинформбюро и Указов Президиума Верховного Совета СССР о награждении Ростова-на-Дону орденами Ленина и Отечественной войны I степени. На территории мемориала «Кумженская роща» с 2009 г. ежегодно проводятся подзахоронения останков советских воинов, обнаруженных поисковыми отрядами Ростовской области.

Участие казачьих соединений РККА в Великой Отечественной войне также нашло свое отражение в камне и бронзе. На автостраде Ростов – Баку, в нескольких километрах от станицы Кущевской Краснодарского края был воздвигнут памятник, посвященный действиям 17-го кавалерийского казачьего корпуса, в рядах которого сражались и донские казаки

(1967). В Ростове-на-Дону памятник героям 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского краснознаменного Будапештского корпуса был установлен на одноименной площади (1974).

В 2006 г. в России было введено новое почетное звание – «Город воинской славы», присваиваемое «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества». В 2008 г. это почетное звание было присвоено Ростову-на-Дону, а в 2010 г. – Калачу-на-Дону. Во всех городах, удостоенных данного звания, устанавливается типовой мемориал, включающий памятную стелу, увенчанную гербом Российской Федерации. На передней части постамента расположен картуш с текстом президентского указа о присвоении звания «Город воинской славы», с обратной стороны – картуш с изображением герба города. В Ростове-на-Дону такой мемориал был открыт на площади перед зданием аэропорта в 2010 г., в Калаче его создание пока только планируется.

В большинстве своем открытие новых памятников по-прежнему приурочено к очередным юбилеям Победы, датам завершения боевых операций или освобождения населенных пунктов. Так, в декабре 1992 г. к 50-летию Сталинградской битвы по инициативе ветеранов был установлен памятник-танк на кургане Хорошем по дороге в станицу Голубинскую. В июле 1942 г. здесь занимала оборону 158-я танковая бригада полковника А.В. Егорова, на месте памятника находился ее командно-наблюдательный пункт. На памятнике надпись: «Здесь, в большой излучине Дона, летом 1942 г. героически сражались воины 1-й танковой армии. Ценой своей жизни они остановили и обескровили бронированные полчища 6-й немецкой армии, сорвав план Гитлера с хода форсировать Дон и захватить Сталинград. Сталинград выстоял и победил. В сражении отличились: 13, 23, 28 танковые корпуса, 131, 388 стрелковые дивизии, 158 отдельная танковая бригада. Слава и вечная память танкистам!». Рядом располагаются братские могилы, в которых проводятся перезахоронения останков советских бойцов, погибших в этих местах и обнаруженных поисковиками. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне в Волгограде в сквере на 7-й гвардейской улице 7 мая 2015 г. был установлен конный памятник Маршалу Советского Союза К.К. Рокоссовскому.

В то же время в начале 1990-х гг. появились новые тенденции в мемориализации событий и участников Великой Отечественной войны. Одна из них проявляется в усилении религиозного фактора в мемориальных практиках. Ее отражением, в частности, стало возведение храма Всех Святых на Мамаевом кургане в 2005 г. (рис. 32) и часовни памяти на площади Чекистов в 2012 г. (рис. 33), а также установление и освящение 10-метрового православного креста на «острове Людникова» по инициативе казачьих обществ Волгограда в 2008 г.

Рис. 32. Храм Всех Святых на Мамаевом кургане, г. Волгоград.
Фото Е.Ф. Кринко, 2015

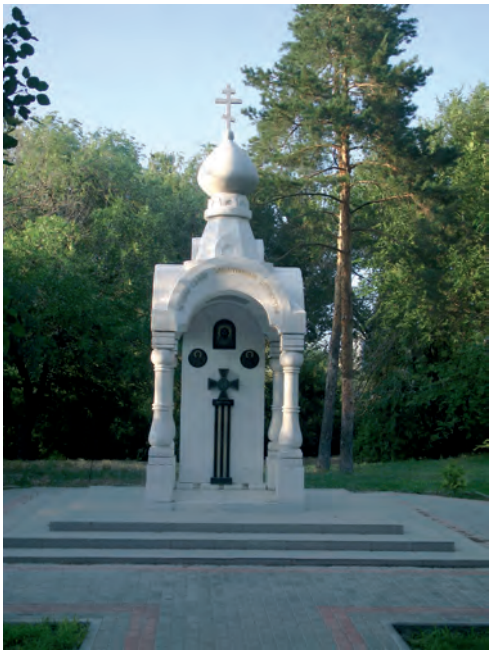

Рис. 33. Часовня защитникам Отечества на площади Чекистов, г. Волгоград.
Фото Е.Ф. Кринко, 2015

Все чаще в мемориалах находит свое отражение судьба мирных жителей – жертв войны. 9 мая 1995 г. на набережной Волгограда у перекрестка улиц Комсомольской и Чуйкова был открыт памятник жителям Сталинграда, погибшим во время бомбежки 23 августа 1942 г. Он представляет собой проникнутую трагизмом скульптурную композицию: над женщинами и детьми, застывшими в пожаре, зависла 500-килограммовая фашистская бомба (рис. 34). В память о погибших 23 августа возле памятника проводятся акции поминовения. Приходящие люди делятся воспоминаниями о близких, зажигают свечи. В 2013 г. труппа Первого драматического театра показала здесь свой спектакль «Украденное солнце», основанный на воспоминаниях юных защитников Сталинграда и горожан, угнанных в немецкий плен, а также на письмах немецких солдат и офицеров, написанных в последние дни января 1943 г.

Рис. 34. Памятник жителям Сталинграда, погибшим во время бомбежки 23 августа 1942 г., г. Волгоград. Фото Е.Ф. Кринко, 2015

В 2004 г. у железнодорожной станции Ельшанка в Советском районе Волгограда состоялось торжественное открытие еще одного памятного знака мирным жителям, погибшим в дни Сталинградской битвы. В августе 1942 г. здесь было разбито два железнодорожных эшелона с жителями, эвакуированными из блокадного Ленинграда. На бетонном надгробии установлена каменная глыба, на гранитной табличке надпись: «Погибшим в Сталинградскую битву мирным жителям и детям в августе 1942 года». В настоящее время это – единственный памятник гражданским людям, похороненным непосредственно на месте их гибели после бомбардировки Сталинграда.

В 2003 г. в центре Ростова-на-Дону, недалеко от Донской государственной публичной библиотеки установили памятник узникам нацистских концентрационных лагерей «Мы помним вас». 10 мая 2016 г. в сквере у Свято-Троицкого храма, на пересечении улицы Международной и проспекта Стачки открылся памятник детям войны. Он представляет собой скульптуры мальчика с голубями и девочки с мягкой игрушкой в руках, сидящих на разрушенном парапете здания. Рядом с ними стоит котелок с едой. Небольшой по размерам монумент призван передать боль и переживания, которые испытали дети в годы войны.

Новой тенденцией стало создание памятников военнослужащим вермахта и его союзникам. Ветераны Великой Отечественной войны нередко выступали против создания мемориалов погибшим немецким солдатам, видя в этом «попытку прославления оккупантов»[1]. Тем не менее в пригороде Волгограда селе Россошки Городищенского района в 1999 г. было открыто военно-мемориальное кладбище для немецких солдат, содержание и уход за которым осуществляется за счет пожертвований германских граждан. Здесь было погребено 50 тыс. погибших из сотен различных могил, расположенных в районе Волгограда и Ростова-на-Дону. На именные плиты из природного камня занесены имена 120 тыс. погибших, пропавших без вести и тех, место гибели которых установить невозможно. Примерно в 500 м от мемориала, на месте концентрационного лагеря советских военнопленных установлен в их честь памятный знак, представляющий собой пирамиду с солдатской каской, опутанной колючей проволокой, и текстом: «Умерли, но не изменили присяге». Памятные знаки на местах захоронений военнослужащих армий, воевавших на стороне Третьего рейха, появились также в Урюпинске, Сальске, Красном Сулине и в других местах (рис. 35).

[1] *Курилла И.И.* Историческая память и публичная коммеморация // Память и памятники. Материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона. С. 9.

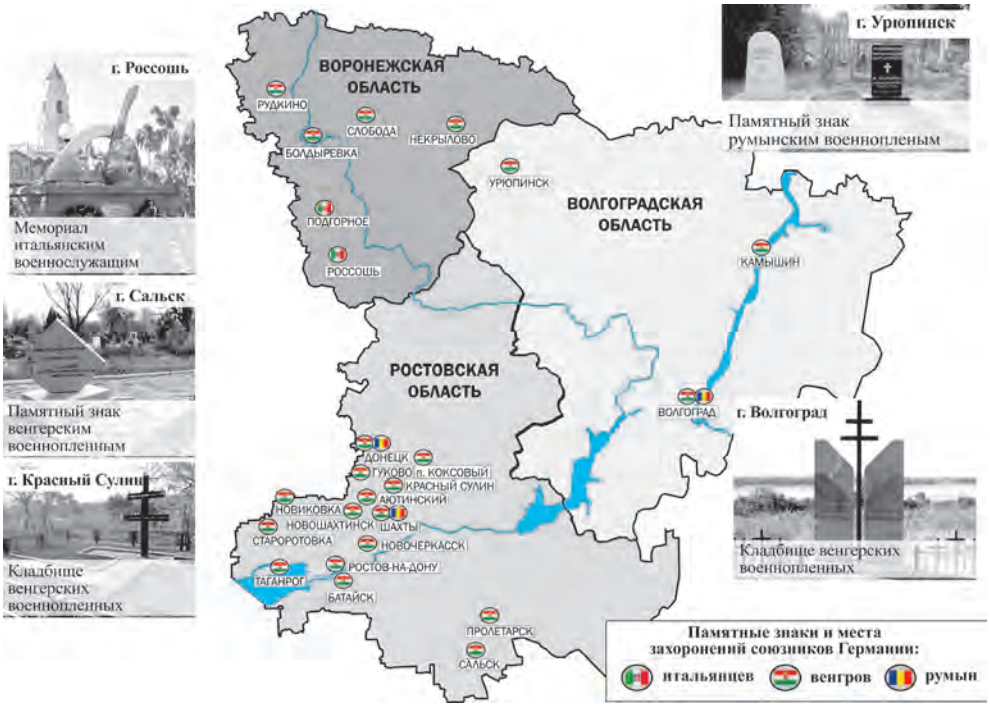

Рис. 35. Памятные знаки и места захоронений союзников Германии на Дону

Острота восприятия событий военного времени и их политизация нередко вызывают и другие мемориальные конфликты. В эпицентре одного из таких конфликтов оказалась Змиевская балка. В 2004 г. на мемориале была установлена памятная доска с надписью: «11–12 августа 1942 года здесь было уничтожено нацистами более 27 тысяч евреев. Это самый крупный в России мемориал Холокоста». После восстановительных работ в 2011 г. памятную доску переместили в зал скорби, а на ее месте оказалась другая со следующей надписью: «Здесь, в Змиевской балке в августе 1942 года гитлеровскими оккупантами были уничтожены более 27 тысяч мирных граждан Ростова-на-Дону и советских военнопленных. Среди убитых – представители многих национальностей. Змиевская балка – крупнейшее на территории Российской Федерации место уничтожения фашистскими захватчиками советских граждан в период Великой Отечественной войны – является историческим памятником регионального значения». Далее указывались авторы и дата создания мемориала. С этим решением не согласились Российский еврейский конгресс, Московское бюро по правам человека, Научно-просветительный центр и Фонд «Холокост» и другие организации, потребовавшие «вернуть национальность жертвам Холокоста, которые

погибли в Ростове»[1]. Ряд общественных организаций (православных, мусульманских и других), напротив, выразил поддержку городским властям. Переросший в судебный процесс конфликт получил широкий общественный резонанс. В декабре 2013 г. Администрация Ростова-на-Дону приняла решение об изменении текста на памятной доске. Новый текст гласит: «Здесь, в Змиевской балке, в августе 1942 года гитлеровскими оккупантами было уничтожено более 27 тысяч мирных граждан Ростова-на-Дону и советских военнопленных. Среди убитых – представители многих национальностей. Змиевская балка – крупнейшее на территории Российской Федерации место массового уничтожения фашистскими захватчиками евреев в период Великой Отечественной войны».

Обращает внимание то, что отдельные памятники находятся в неудовлетворительном состоянии. Так, 19 апреля 2009 г. упали трехметровые фигуры героев-комсомольцев, установленные в сквере на пресечении улицы Комсомольской и проспекта Ленина в самом центре Волгограда. Другие мемориалы подвергаются действиям вандалов. 8 января 2014 г. безработный житель Городищенского района разбил молотком скульптуру девочки Милы на Солдатском поле, сняв с нее медные пластины для сдачи на металлолом. Эти и другие подобные действия вызывают массовое негодование. Скульптура Милы вскоре была восстановлена в бронзе на средства, выделенные частным предпринимателем[2]. Это свидетельствует о сохранении высокой значимости темы войны для большинства граждан. Однако акты вандализма продолжаются. В октябре 2016 г. две школьницы 14 и 15 лет осквернили стены смотровой площадки мемориального комплекса в Новочеркасске, расписав их нецензурными словами. Инцидент вызвал резонанс в социальных сетях, при этом участники обсуждения осудили поступок вандалов[3].

Таким образом, в памятниках и мемориалах нашли свое отражение различные события, происходившие в большой излучине Дона в 1942–1943 гг., и их участники. Главное место в советской мемориальной

---

[1] *Быченкова А.* С мемориальной доски на «Змиевке» исчезло упоминание о евреях // DonNews. 14.12.2011. URL: http://donnews.ru/S-memorialnoy-doski-na-Zmievke-ischezlo-upominanie-o-evreyakh_5905 (дата обращения: 14.06.2013) и др.

[2] На Солдатском поле под Волгоградом вновь появилась девочка с цветком // Все для вас. Волгоград. 30.04.2014. URL: http://news.vdv-s.ru/society/?news=249149 (дата обращения: 29.08.2015).

[3] *Андреева К.* Мемориал Курган Славы в Новочеркаске осквернили девочки-подростки // DonNews. 07.10.2016. URL: http://www.donnews.ru/Memorial-Kurgan-Slavy-v-Novocherkaske-oskvernili-devochki-podrostki_26744 (дата обращения: 29.11.2016).

политике отводилось Сталинграду, ставшему городом-монументом, символом Победы всего советского народа. Именно так он воспринимается значительной частью российского общества и многими горожанами. Наибольшую известность среди всех мемориальных объектов, связанных с Великой Отечественной войной, имеют Мамаев курган и «Родина-мать». Результаты социологических опросов показывают, что они остаются важнейшими символами города, положительно оцениваемыми подавляющим большинством жителей[1]. Другие мемориальные объекты региона обладают значительно меньшей популярностью. Своеобразные метаморфозы в сфере мемориализации событий Великой Отечественной войны пережил Ростов-на-Дону – от резкой критики его защитников до признания их заслуг и героизма, нашедшего отражение в присвоении ему почетного звания «Города воинской славы». И практически малоизвестными для огромного большинства не только широких кругов граждан, но и специалистов остаются памятники на местах боевых действий непосредственно в самих сельских районах большой излучины Дона, что выглядит несправедливым по отношению к павшим в кровопролитных боях бойцам и командирам Красной армии.

[1] *Токарев В.В., Дулина Н.В.* Восприятие населением региона памятников, расположенных в Волгограде (по итогам прикладного социологического исследования) // Сталинградская битва в судьбах народов. Материалы Международной научно-практической конференции, 2013 г. Волгоград, 2013. С. 230–232.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После успехов первой зимней кампании 1941–1942 гг. на северо-западном, московском и юго-западном направлениях советское руководство рассчитывало удержать стратегическую инициативу. Ставка ВГК планировала провести новые наступательные операции в районе Ленинграда, Демянска, Орла, Харькова и в Крыму с целью упредить противника и создать условия для общего наступления советских войск. Главное внимание уделялось усилению центрального участка советско-германского фронта, так как советское командование ожидало, что противник сосредоточит свои усилия на московском направлении. Поэтому большую часть резервов Ставка направила на Западный и Брянский фронты. Последний должен был обеспечивать прикрытие Москвы с юга. В условиях отсутствия обученных и оснащенных стратегических резервов, когда оборонная промышленность всё еще находилась в стадии наращивания мощностей на новых местах после эвакуации, определение московского направления как важнейшего выглядит вполне логичным. Вопрос о безопасности Москвы решался двумя путями: усилением советских войск на центральном участке фронта, а также наступлениями в Крыму и на юго-западном направлении.

Эту точку зрения разделял начальник Оперативного управления Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенант А.М. Василевский, позже писавший в своих мемуарах: «*Все мы отлично понимали, что от результатов летней кампании 1942 года во многом будет зависеть дальнейшее развитие всей мировой войны, поведение Японии, Турции и т.д., и быть может, и исход войны в целом*». Еще через пару страниц он отмечал, что «*обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара врага на юге не были учтены. На Юго-Западное направление было выделено меньше сил, чем на Западное*»[1]. Ему вторит И.Х. Баграмян, в тот период – начальник штаба войск Юго-Западного направления: «*С точки зрения стратегии и оперативного искусства намерение нашего Верховного Главнокомандования предпринять Харьковскую операцию в мае 1942 года*

[1] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1984. С. 164, 167.

было правомерным, поскольку оно основывалось на твердо установившемся тогда в Ставке мнении, что с началом летней кампании гитлеровское командование нанесет свой главный удар на московском направлении с целью овладеть столицей вашей Родины, а против войск Юго-Западного направления одновременно предпримет вспомогательный удар ограниченными силами. Эта уверенность, как я уже отмечал, разделялась не только Генеральным штабом, Ставкой Верховного Главнокомандования, но и командующими большинства фронтов, в том числе и главнокомандованием Юго-Западного направления. Лично я тоже твердо придерживался этого мнения, которое оказалось ошибочным»[1]. Без внимания высшего советского командования осталось то, что уже к лету 1942 г., а не годом позже вермахт получил качественное превосходство в средствах противотанкового вооружения, создал мобильные структуры и боеприпасы, позволявшие эффективно бороться с количественным превосходством советских войск в танках.

Поражение войск Крымского, Юго-Западного и двух армий Южного фронтов в мае 1942 г. позволило немецкому командованию перехватить стратегическую инициативу на южном крыле советско-германского фронта и создать благоприятные условия для летнего наступления вермахта на Кавказ и к Волге в ее нижнем течении. Ставка ВГК решила отказаться от прежних планов летней кампании. В июле был отдан приказ спасти от окружения войска Юго-Западного и Южного фронтов. В период с 28 июня до 24 июля части и соединения Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов отошли на восток на расстояние от 170 до 350 км, оставив территорию восточной части Донбасса и большую излучину Дона. Отступление серьезно сказалось на моральном духе войск и населения, но тем не менее противнику не удалось одержать победу того масштаба, на которую он рассчитывал. Системные ошибки высших военачальников РККА на южном крыле советско-германского фронта выражались в недооценке сил противника и переоценке собственных возможностей, слабости войсковой разведки, низком качестве связи при нестабильности линии фронта, потере управления войсками в звене дивизия – армия – фронт. Всё это в совокупности и привело в июле 1942 г. к катастрофическим последствиям – прорыву врага в большую излучину Дона, к Сталинграду, в предгорья Кавказа, захвату огромной территории на юге СССР.

Чтобы задержать продвижение противника, еще с осени 1941 г. началось строительство сталинградских и ростовских оборонительных рубежей. Но их создание велось с огромными трудностями, при

---

[1] *Баграмян И.Х.* Так шли мы к Победе. М., 1977. С. 68.

недостатке рабочей силы и материальных ресурсов. Строителям не хватало теплой одежды и инструмента, со сбоями было организовано питание. Руководству Сталинградской и Ростовской областей пришлось приложить немало усилий, чтобы изменить ситуацию. К тому же в результате разлива Дона уже подготовленные оборонительные рубежи существенно пострадали. Строительство оборонительных сооружений приобрело ускоренные темпы только летом и осенью 1942 г. Созданные ценой больших усилий саперов и населения оборонительные сооружения смогли лишь ненадолго задержать врага, который обошел противотанковые рвы и эскарпы на незащищенных участках.

Высшее немецкое командование и в первую очередь сам Гитлер, находясь в эйфории от июльских успехов в большой излучине Дона, приняли решение о том, чтобы в дальнейшем продвижении войска групп армий «А» и «Б» расходились под прямым углом, на два независимых операционных направления – сталинградское и кавказское. Изъятие по приказу Гитлера после захвата Ростова-на-Дону из состава группы армий «А» девяти немецких дивизий, в том числе двух танковых и моторизованной, лишило ее командующего генерал-фельдмаршала В. Листа оперативных резервов в осуществлении операции «Эдельвейс» по захвату Кавказа и обрекло эту операцию на неудачу. Противнику не удалось перекрыть «персидский коридор» поставок военных грузов по ленд-лизу в самый кризисный для СССР момент. Свою роль в наведении порядка в войсках сыграл приказ № 227 «Ни шагу назад!» от 28 июля 1942 г.

Сталинградское направление с конца июля 1942 г. неотвратимо становилось основным. В этом состоял стратегический просчет Гитлера. Из-за растянувшихся коммуникаций немецкое командование не успевало обеспечивать резервами и ГСМ оба операционных направления на южном крыле советско-германского фронта. При продвижении к Сталинграду линия фронта всё сильнее растягивалась, что вынуждало немецкое командование ставить на фланги армии союзников (2-ю венгерскую, 8-ю итальянскую, 3-ю, а затем и 4-ю румынские), которые по качеству личного состава и вооружению уступали немецким войскам.

В августе – сентябре 1942 г. накал боев на Дону и Волге усиливался. Противоборствующие стороны наращивали свои группировки под Сталинградом. С Кавказа на Сталинград была повернута 4-я танковая армия. На Среднем Дону дивизии и бригады 8-й итальянской армии сменили 11-й и 17-й немецкие армейские корпуса, направленные на усиление 6-й полевой армии. С начала сентября начались уличные бои в самом Сталинграде, не прекращавшиеся до 2 февраля 1943 г. Основную тяжесть

этих боев вынесла 62-я армия генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова. В отличие от противника, советское командование сумело сосредоточить необходимые резервы для перехода к контрнаступлению на сталинградском и кавказском направлениях. Боевые действия советских войск зимой 1942–1943 гг. стали свидетельством возросшего мастерства советского командования, его умения проводить крупномасштабные наступательные операции. С ноября 1942 г. по начало февраля 1943 г. советские войска уничтожили или обескровили под Сталинградом и в большой излучине Дона пять армий противника, в том числе две немецкие армии, насчитывавшие более 50 дивизий. Погибли или были захвачены в плен свыше 880 тыс. солдат и офицеров противника. Войска сателлитов Германии были фактически разгромлены. Это предопределило закат наступательной стратегии Германии на Восточном фронте, привело к фатальным для вермахта последствиям в войне в целом.

Огромные потери в живой силе и технике понесли и советские войска. Существенную роль в этом сыграли природные условия театра боевых действий. Уже по окончании Великой Отечественной войны один из главных героев Сталинградской битвы В.И. Чуйков вспоминал: «*По всем нашим уставам и наставлениям, обороняющийся должен прежде всего оценить противника и местность, на которой он решает принять бой или сражение, и разместить свои силы в наивыгоднейшем положении. Для обороняющегося местность всегда должна быть союзником, она должна дать ему тактические выгоды для контратак, для использования всех огневых средств, для маскировки*». В то же время «*местность должна по возможности затормозить движение и маневр наступающего, а при инженерном обеспечении – сделать ее недоступной для танков, чтобы наступающий не имел скрытых подступов и как можно дольше находился под огнем обороняющихся*»[1].

Умение считаться с природными условиями, использовать их в своих интересах и не позволять это делать противнику всегда являлось одним из важнейших качеств настоящего полководца, позволяющих ему достичь успеха, даже не имея преимущества в численности находящихся в его подчинении войск. Анализ боевых действий в большой излучине Дона свидетельствует о том, что советские военачальники не всегда учитывали влияние природного фактора. Некоторым просто не хватило опыта, другие оказались послушными исполнителями не всегда продуманных приказов вышестоящего начальства. При планировании боевых операций, их сроков и порядка проведения не всегда учитывались данные метеосводок

---

[1] *Чуйков В.И.* От Сталинграда до Берлина. М., 1980. С. 33.

и метеопрогнозов, что негативно сказывались на действиях артиллерии и авиации. Рельеф, климат и погода прямо влияли на мобильность и эффективность действий боевых частей, служб обеспечения, снабжения, эвакуации, на объемы расхода ГСМ и боеприпасов. Исправлять ошибки военачальников нередко приходилось ценой героических усилий, а то и жизней сотен тысяч рядовых бойцов и командиров. Впрочем, командование вермахта также не всегда учитывало специфику природных условий боевых действий на Дону как в условиях летних, так и, особенно, зимних кампаний 1942–1943 гг. Руководство Третьего рейха не сумело извлечь уроки из первой зимней кампании и поплатилось за это сокрушительными поражениями.

Только в период коренного перелома в Великой Отечественной войне произошли изменения в советской тактике, а при подготовке наступательных и оборонительных операций стали лучше учитываться природные условия, в частности использовались макеты местности, позволявшие детально представить особенности предстоявших сражений[1]. Опыт проведения стратегических операций 1942–1943 гг. на Дону и Волге был усвоен советским командованием. Подтверждением этому стали последующие успешные операции на Украине осенью и зимой 1943–1944 гг. и в Польше зимой 1944–1945 гг. Предпосылки будущей победы были заложены в боях в большой излучине Дона.

Не менее важную роль, чем природные условия, в развитии событий в большой излучине Дона летом 1942 г. – зимой 1943 г. сыграл и социальный фактор. Для эффективности действий комбатантов необходимо своевременное решение вопросов их продовольственного и вещевого снабжения, обеспечения всех бытовых нужд, организации досуга и отдыха. Специфика боевых действий в большой излучине Дона накладывала свой отпечаток на всю повседневную жизнь бойцов и командиров действующей армии, создавая немалые трудности в реализации их самых необходимых потребностей. Однако анализ документов и воспоминаний очевидцев свидетельствует о том, что и в организации войскового быта фронтовиков ситуация менялась в лучшую сторону по сравнению с начальным этапом Великой Отечественной войны. Постепенное совершенствование деятельности санитарной службы, перед которой стояли непростые задачи возвращения в строй сотен тысяч раненых, больных, обмороженных, обожженных военнослужащих, также стало залогом перехода стратегической инициативы к советским войскам.

Немало бед и страданий принесли боевые действия и нацистская оккупация мирному населению Ростовской и Сталинградской областей.

---

[1] *Батов П.И.* На ударном направлении. С. 527.

Большая часть данного региона была захвачена во время немецкого наступления в июле – сентябре 1942 г. и освобождена в ходе советского контрнаступления в конце ноября 1942 г. – начале января 1943 г. Вследствие неожиданно быстрого продвижения войск вермахта эвакуация населения оказалась фактически сорванной. Даже многие евреи не сумели покинуть захваченную противником территорию вместе с отступавшими советскими войсками. Практически все они были уничтожены в первые же месяцы оккупации. Крайней жестокостью отличалась политика захватчиков по отношению и к другим советским гражданам, вызывавшим подозрения, а также к советским военнопленным. На территории Ростовской области действовало 15, а в Сталинградской – 35 лагерей для советских военнопленных, режим содержания в которых обрекал на гибель бойцов и командиров РККА.

Главной задачей оккупантов являлось обеспечение безопасности немецкого фронтового тыла и организация бесперебойного снабжения войск за счет местных ресурсов. Для этого они стремились активно привлечь к сотрудничеству местных жителей, прежде всего донских казаков. На это была направлена политика оккупантов в сфере экономики, культуры и религии. Однако уже сама близость линии фронта с многочисленными войсками вермахта и их союзниками, а также краткий срок оккупации, составлявший в среднем от 3,5 до 6 месяцев, лишали перспектив программы нацистских преобразований, основанных на принципах «нового порядка». Большинство населения оккупированных городов и районов Ростовской и Сталинградской области воспринимало войска вермахта и его союзников как захватчиков и ожидало возвращения Красной армии.

Оказалась несостоятельной и попытка германского руководства разыграть «казачью карту» в годы Великой Отечественной войны. Значительная часть донского казачества откликнулась на призыв советского руководства к борьбе с врагом. Созданные на Дону казачьи части и соединения Красной армии внесли существенный вклад в достижение общей победы над врагом. В то же время на сторону противника перешла часть донского казачества, что во многом объясняется событиями предшествовавшей истории, политикой расказачивания, осуществлявшейся в первые годы советской власти. Вне зависимости от того, какими мотивами руководствовались коллаборационисты, пошедшие на сотрудничество с врагом: пришли они на службу к противнику осознанно или под влиянием внешних обстоятельств, стремясь выжить в условиях военного времени, – их судьбы оказались одинаково трагическими. Даже если они и сумели впоследствии избежать судебных преследований, им пришлось

навсегда расстаться с родным Доном. Поражение Германии в войне стало и поражением той части казачества, которая, вольно или невольно, связала с ней свою судьбу.

Вследствие боевых действий и оккупации рассматриваемым территориям был нанесен огромный ущерб. Сотни тысяч жителей Ростовской и Сталинградской областей погибли на фронте, были уничтожены, замучены, казнены оккупантами, угнаны на принудительные работы в Германию. Существенно пострадали все сферы народного хозяйства региона. В первые месяцы после освобождения значительные усилия прикладывались для захоронения погибших, разминирования и очистки территории от оружия, боеприпасов и другого имущества, без чего были невозможны последующие восстановительные процессы. Однако поисковики до сих пор находят останки советских воинов и их противников, а также смертоносный металл на полях сражений. Нашли свое отражение события 1942–1943 гг. в исторической памяти и мемориальной культуре региона.

Сражения в большой излучине Дона сыграли существенную роль в истории Великой Отечественной войны. Без комплексного анализа всех обстоятельств происходивших здесь боев нельзя понять общий ход военных действий, объяснить причины поражений и побед Красной армии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные документы

Российский государственный архив социально-политической истории (*РГАСПИ*):

Ф. 17. Оп. 3. Д. 1442.

Ф. 69. Оп. 1. Д. 74, 96.

Ф. 644. Оп. 1. Д. 17.

Российский государственный военный архив (*РГВА*):

Ф. 38 650. Оп. 1. Д. 5, 837.

Государственный архив Ростовской области (*ГАРО*):

Ф. Р-1817. Оп. 3. Д. 2. Оп. 4. Д. 3.

Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 2, 6, 16а, 17а, 30, 441, 444, 446, 447, 451.

Государственный архив Волгоградской области (*ГАВО*):

Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 640.

Ф. Р-686. Оп 5. Д. 126.

Ф. Р-3423. Оп. 3. Д. 2.

Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 3, 4, 5, 9, 13, 14, 20, 20а, 21, 22, 30, 32, 33, 35, 42, 46, 50.

Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (*ТФ ГАРО*):

Ф. 619. Оп. 1. Д. 211.

Центр документации новейшей истории Волгоградской области (*ЦДНИВО*):

Ф. 113. Оп. 12. Д. 33, 56, 59а, 71, 72, 74, 76, 83, 115, 127, 129. Оп. 14. Д. 11, 13, 111, 112, 123, 125, 126, 129, 228, 260, 275, 293, 306. Оп. 95. Д. 83.

Ф. 114. Оп. 1. Д. 153.

Ф. 149. Оп. 3. Д. 382, 668, 794.

Ф. 171. Оп. 1. Д. 5, 17, 20, 21, 24, 26, 27, 30, 38, 39, 51, 52, 55, 56, 63, 124, 125, 126, 127, 128. Оп. 2. Д. 35.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (*ЦДНИРО*):

Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1, 10, 3, 4, 22.

Ф. 3. Оп. 2. Д. 2, 3, 4.

Ф. 9. Оп. 1. Д. 314, 318, 323, 324, 325, 332, 333, 336, 342, 350, 351, 352, 353, 354, 506, 545. Оп. 2. Д. 39. Оп. 5. Д. 39.

Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 314.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (*ЦДНИКК*):

Ф. 4372. Оп. 1. Д. 17а.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (*ЦАМО РФ*):

Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 12.

Ф. 4. Оп. 12. Д. 97, 105.

Ф. 15. Оп. 977 444. Д. 1.

Ф. 16. Оп. 1072сс. Д. 1, 7, 8, 11, 12, 481. Оп. 512. Д. 62.

Ф. 33. Оп. 11 458. Д. 844.

Ф. 38. Оп. 11 373. Д. 150. Оп. 80 038сс. Д. 36.

Ф. 48. Оп. 470. Д. 2, 4, 6. Оп. 1135. Д. 9. Оп. 1640. Д. 179. Оп. 2642. Д. 12, 32. Оп. 3408. Д. 71.

Ф. 62. Оп. 366. Д. 5, 21.

Ф. 64. Оп. 505. Д. 15, 30, 101.

Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26.

Ф. 103. Оп. 161. Д. 843.

Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 32.

Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 10, 107, 124, 126, 136.

Ф. 202. Оп. 5. Д. 56. Оп. 7. Д. 46.

Ф. 206. Оп. 262. Д. 189. Оп. 268. Д. 2, 13. Оп. 307. Д. 1, 3, 5, 13, 22, 47, 51, 54.

Ф. 220. Оп. 220. Д. 4, 8, 18, 71, 72. Оп. 221. Д. 3. Оп. 451. Д. 42а. Оп. 496. Д. 16.

Ф. 224. Оп. 760. Д. 2, 5, 9, 30.

Ф. 228. Оп. 505. Д. 14, 16, 82. Оп. 701. Д. 8, 1010.

Ф. 229. Оп. 195. Д. 5, 17. Оп. 209. Д. 41. Оп. 213. Д. 63. Оп. 590. Д. 47.

Ф. 232. Оп. 590. Д. 1, 161, 230. Оп. 592. Д. 92.

Ф. 251. Оп. 646. Д. 145, 152, 153, 355, 871, 872, 910, 912, 920, 924, 937, 938.

Ф. 303. Оп. 4005. Д. 71.

Ф. 331. Оп. 5041. Д. 18.

Ф. 333. Оп. 4885. Д. 27.

Ф. 341. Оп. 5312. Д. 51.

Ф. 345. Оп. 5127. Д. 1. Оп. 5312. Д. 9. Оп. 5487. Д. 42, 47, 49. Оп. 5504. Д. 20. Оп. 5512. Д. 10.

Ф. 346. Оп. 5755. Д. 259.

Ф. 361. Оп. 6079. Д. 105.

Ф. 368. Оп. 6512. Д. 25. Л. 4, 7.

Ф. 412. Оп. 10 282. Д. 9, 37, 44, 66.

Ф. 500. Оп. 12462. Д. 196, 198. Оп. 12475. Д. 199. Оп. 12 462. Д. 15, 196, 245, 282, 674. Оп. 12 475. Д. 198.

Ф. 1172. Оп. 1. Д. 12.

Ф. 1375. Оп. 1. Д. 4.
Ф. 1430. Оп. 1. Д. 3.
Ф. 1666. Оп. 1. Д. 2.
Ф. 1881. Оп. 1. Д. 1, 2, 5, 7.
Ф. 3430. Оп. 1. Д. 11.
Ф. 12-й армии. Оп. 6005. Д. 96.
Ф. 4-й воздушной армии. Оп. 4800. Д. 8, 13.
Ф. 7-й саперной армии. Оп. 5438. Д. 12, 13.
Ф. 1-й отдельной трофейной бригады. Оп. 20059. Д. 13. Оп. 638 837. Д. 1.
Ф. 2-й отдельной трофейной бригады. Оп. 194 262. Д. 10.
Ф. 5-й отдельной трофейной бригады. Оп. 246 411. Д. 2.
Ф. 734-го зенитно-артиллерийского полка. Оп. 86 169. Д. 1.

Музейные источники

Ростовский областной музей краеведения. Отдел фондов. Письменные источники. КП 22169.

Публикации официальных документов

Завещано помнить… Донские архивы – 70-летию Великой Победы. Сборник документов и материалов. Ростов н/Д: Альтаир, 2015. 280 с.

Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940–1941 гг.: структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. М.; СПб.: Летний сад, 2005. 272 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1971. Т. 6. 528 с.

Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. Волгоград: Перемена, 2008. 60 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. Крушение «блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М.: Русь, 2003. 691 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М.: Политиздат, 1968. 752 с.

Русский архив: Великая Отечественная. Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. М.: ТЕРРА, 1997. Т. 13 (2–2). 448 с.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 16 (5–2). 624 с.

Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов

на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. Вып. 2. М.: Воен.-науч. упр. Ген. штаба, воен.-ист. отдел, 1956. 171 с.

Сталинградская группа войск. Февраль – март 1943 г.: документы и материалы. Волгоград: Издатель, 2004. 264 с.

Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: Звонница-МГ, 2000. 496 с.

Четвертый гвардейский Кубанский. Сборник документов и материалов. Краснодар: Кн. изд-во, *1981*. 222 с.

Публикации воспоминаний, дневников, писем

Артющенко (Шевченко) Мария Максимовна. URL: http://iremember.ru/zenitchiki/artiuschenko-shevchenko-mariya-maksimovna.html (дата обращения: 17.01.2014).

Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977. 608 с.

Бакулина Н.В. Пасмурные дни (1933–1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (дата обращения: 21.01.2014).

Батов П.И. В походах и боях. 4-е изд. М.: ДОСААФ, 1984. 511 с.

Бирюзов С.С. Суровые годы. 1941–1945. М.: Наука, 1966. 560 с.

Битва за Волгу: Воспоминания участников Сталинградского сражения. Сталинград: Кн. изд-во, 1958. 443 с.

Битва, изменившая мир! Воспоминания участников Сталинградской битвы спустя 70 лет. Волгоград: Волга-Медиа, 2013. 410 с.

В боях за Дон. 1941–1943. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1983. 256 с.

Василевский А.М. Дело всей жизни. 6-е изд. М.: Политиздат, 1988. Кн. 2. 363 с.

Вельц Г. Солдаты, которых предали. М.: Мысль, 1965. 359 с.

Видер И. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М.: Прогресс, 1965. 336 с.

Гальдер Ф. Военный дневник (июнь 1941 – сентябрь 1942): [пер. с нем.]. М.: Астрель, 2012. 704 с.

Гергени Д. Один из первых. М.: Воениздат, 1970. 312 с.

Гречко А.А. Годы войны. М.: Воениздат, 1976. 574 с.

Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград: РАНХиГС, 2014. 511 с.

Егоров А.В. В донских степях. М.: ДОСААФ, 1988. 165 с.

Ерёменко А.И. Сталинград: записки командующего фронтом. М.: Воениздат, 1961. 504 с.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002. 415 с.

Закруткин В.А. Кавказские записки. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1975. 303 с.

Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990. 480 с.

Казаков М.И. На воронежском направлении летом 1942 года // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 27–44.

Казаков М.И. Над картой былых сражений. М.: Воениздат, 1971. 288 с.

Козин Н.Д. Гвардейцы в боях. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1975. 237 с.

Кубек В. Передовой отряд смерти. Фронтовой дневник разведчика Вермахта 1942–1945. *М.*: Яуза-Пресс, 2010. 256 с.

Малиновский Р.Я. Солдаты России. М.: Воениздат, 1969. 452 с.

Манштейн Э. Проигранные победы. Личные записки генерала вермахта. 1939–1944. М.: Центрполиграф, 2009. 575 с.

Мессе Д. Война на русском фронте. Итальянский экспедиционный корпус в России (К.С.И.Р.): [пер. с итал.]. М.: Книжный мир, 2009. 288 с.

Метельман Г. Сквозь ад за Гитлера. М.: Яуза-Пресс, 2009. 393 с.

Морозов И.К. Полки сражались по-гвардейски. Записки командира дивизии. Волгоград: Кн. изд-во, 1962. 159 с.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Воспоминания командарма. Кн. 1. М.: Наука, 1969. 416 с. Кн. 2. М.: Наука, 1973. 626 с.

Подевильс К. Бои на Дону и Волге. Офицер вермахта на Восточном фронте. 1941–1943 гг. М.: Центрполиграф, 2010. 191 с.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. 5-е изд. М.: Воениздат, 1988. 367 с.

Симонов К.М. Разные дни войны: дневник писателя: 1942–1945. М.: Известия, 1981. Т. 2. 718 с.

Скрипко Н.С. По целям ближним и дальним. М.: Воениздат, 1981. 350 с.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. М.: Писатель, 1997. 247 с.

Сталинградская эпопея. М.: Наука, 1968. 719 с.

Тетюнникова Надежда Павловна (сержант). Воспоминания. Я помню. URL: http://army.lv/ru/Tetyunnikova-Nadezhda-Pavlovna-(serzhant).-Vospominaniya.-/1002/2502 (дата обращения: 15.10.2014).

Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Кн. I. М.: ИИК «Московские Новости», 1999. 848 с.

Чуйков В.И. От Сталинграда до Берлина. М.: Воениздат, *1980*. 672 с.

Чуйков В.И. Сражение века. М.: Советская Россия, 1975. 400 с.

Чуянов А.С. Сталинградский дневник. 2-е изд. *Волгоград*: Ниж.-Волж. кн. изд-во, *1968*. 367 с.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1 и 2. М.: Воениздат, 1989. 560 с.

Якубовский И.И. Земля в огне. М.: Воениздат, 1975. 567 с.

Nemeskürty I. Requiem egy hadseregért. Budapest: Magvető Kiadó, 1972. 239 old.

Полевые материалы

Респондент Ананьев Всеволод Петрович, 1923 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 174 минут. Запись 10 февраля 2011 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Гуревич Арнольд Михайлович, 1931 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев, Т.П. Хлынина. Место проведения: Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН. Продолжительность 168 мин. Запись 3 апреля 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Загорулько Максим Матвеевич, 1924 г. р. Интервьюер Е.Ф. Кринко. Место проведения: Волгоград, Волгоградский государственный университет. Продолжительность 48 минут. Запись 22 июля 2015 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Карпун Александр Никифорович, 1924 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев. Присутствовала жена А.Н. Карпуна. Место проведения: Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 128 минут. Запись 24 сентября 2015 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Колесников Илья Сергеевич, 1926 г. р. Интервьюер Е.Ф. Кринко. Присутствовала жена И.С. Колесникова – Е.С. Колесникова. Место проведения: Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 19 ноября 2007 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Кремянская Сильвия Яковлевна, 1926 г. р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 мин. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Куликов Игорь Вячеславович, 1924 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 129 минут. Запись 23 июля 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Моисеев Евгений Васильевич, 1927 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 201 минута. Запись 23 января 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Никаноров Григорий Григорьевич, 1925 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев, Т.П. Хлынина. Место проведения: Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 220 минут. Запись 16 мая 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Першин Александр Васильевич, 1923 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, Совет ветеранов Советского района. Присутствует сотрудница Совета ветеранов. Продолжительность 74 минуты. Дата проведения 21 мая 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Редкозубов Петр Семенович, 1923 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина, М.В. Медведев. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 104 минуты. Запись 11 апреля 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 107 минут. Запись 18 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Степыгин Петр Георгиевич, 1923 г. р. Интервьюер Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Шахты, квартира респондента. Продолжительность 89 минут. Запись 9 июля 2015 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Терновой Вадим Михайлович, 1921 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат. Место проведения: г. Таганрог, квартира респондента. Продолжительность 125 минут. Запись 16 февраля 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Тюкина Евгения Степановна, 1925 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 105 минут. Запись 7 марта 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Худоерко Александр Михайлович, 1925 г. р. Интервьюер Е.Ф. Кринко. Место проведения: Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 235 минут. Запись 24 декабря 2010 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Шаповалов Алексей Илларионович, 1925 г. р. Интервьюер М.В. Медведев. Место проведения: Таганрог, квартира респондента. Продолжительность 148 минут. Запись 28 мая 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Респондент Шутенко Родион Степанович, 1921 г. р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, М.В. Медведев. Место проведения: Ростов-на-Дону,

мастерская Р.С. Шутенко. Продолжительность 98 минут. Запись 8 сентября 2015 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.

Монографии, коллективные труды и сборники

Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. Сборник статей и материалов. *М.*: Яуза; Эксмо, *2005.* 752 с.

Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. 56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь – декабрь 1941 г. М.: Центрполиграф, 2013. 318 с.

Барятинский М.Б. Танки ленд-лиза в бою. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 320 с.

Белов Д.А. Сталинград в оценке общественности Великобритании и США. 1942–1945 гг. Волгоград; Самара: ООО «Изд-во Ас Гард», 2011. 220 с.

Бессмертные героев имена. Очерки о воинах, удостоенных звания Героев Советского Союза за подвиги в сражениях на Дону. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1978. 160 с.

Бешанов В. Год 1942 – «учебный». Минск: Харвест, 2003. 624 с.

Бивор Э. Сталинград. Смоленск: Русич, 1999. 448 с.

Бирюлин И.Ф. Верхний и Средний Дон в Великой Отечественной войне. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1970. 222 с.

Битва за Сталинград. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1973. 593 с.

Богачёв В.П. Гвардейский Котельниковский: боевой путь 3-го гвардейского Котельниковского Краснознаменного, ордена Суворова танкового корпуса. М.: Воениздат, 1981. 176 с.

Быков К.В. Харьковский котел. 1942 год. Крушение надежд. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 480 с.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки: в 4 кн. Кн. 2. Перелом. М.: Наука, 1998. 502 с.

Водолагин М.А. Сталинград в Великой Отечественной войне (1941–1945). Сталинград: Обл. кн. изд-во, 1949. 213 с.

Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. Киров: ВятГГУ, 2014. 510 с.

Генкина Э.Б. Героический Сталинград. М.: Госполитиздат, *1943*. 79 с.

Героический Сталинград. Астрахань: Сталингр. кн. изд-во, 1943. 196 с.

Горецкий Г.И. Аллювиальная летопись великого Пра-Днепра. М.: Наука, 1970. 492 с.

Грамс Р. 14-я танковая дивизия. 1940–1945. М.: Центрполиграф, 2014. 452 с.

Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1971. 496 с.

Грязнов М.Н. Моряки в битве за Сталинград. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1982. 208 с.

Губин Б.А., Киселев В.Д. Восьмая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 8-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1980. 239 с.

Джонс Р. Ленд-Лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во Второй мировой войне 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2015. 350 с.

Джусти М.Т. Итальянские военнопленные в СССР, 1941–1954. СПб.: Алетейя, 2010. 272 с.

Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. М.: АСТ; Астрель, 2009. 848 с.

Дронов В.А. Дубовский район в годы Великой Отечественной войны. Дубовское, 2016. 123 с.

Дубков В.Н. Непокоренные. Партизанская и подпольная борьба на территории Сталинградской области в 1942–1943 гг. Волгоград: Издатель, 2004. 104 с.

Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург». 3-е изд. М.: Экономика, 1990. 376 с.

Зайцев В.П. Дон в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1958. 48 с.

Замятин Н.М., Савин М.В., Воробьев Ф.Л. Битва под Сталинградом. Краткий очерк. М.: Воениздат, 1944. 70 с.

Захарченко А.В., Солдатова О.Н. Волжская рокада и железнодорожное строительство в Поволжье в годы Великой Отечественной войны. Самара: Ас Гард, 2014. 264 с.

Зенитчики в боях за Сталинград. М.: Московский большевик, 1942. 56 с.

Зубов Д.В., Дегтев Д.М. Прерванный полет «Эдельвейса». Люфтваффе в наступлении на Кавказ. М.: Центрполиграф, 2014. 353 с.

Ибрагимов Д.С. Противоборство. М.: ДОСААФ, 1980. 390 с.

Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 448 с.

Исаев А.В. Перелом 1942. Когда внезапности уже не было. М.: Яуза, 2012. 496 с.

Исаев А.В. Мифы и правда о Сталинграде. 4-е изд. М.: Яуза; Эксмо, 2013. 479 с.

Исаев А.В. Сталинград. Иллюстрированная энциклопедия. М.: Яуза; Эксмо, 2014. 272 с.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М.: Воениздат, 1960. 600 с. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание

условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М.: Воениздат, 1961. 682 с. Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). М.: Воениздат, 1961. 652 с.

История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. М.: Воениздат, 1975. 512 с. Т. 6. Коренной перелом в войне. М.: Воениздат, 1976. 520 с.

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества: 1938–1958 гг. Кн. 1. 1938–1945 гг. М.: Политиздат, 1970. 723 с.

Карель П. Восточный фронт. Кн. I. Гитлер идет на Восток. От «Барбароссы» до Сталинграда 1941–1943. М.: Эксмо, 2008. 720 с.

Карель П., Беддекер Г. Восточный фронт. Кн. 3. Сталинград. Крах операции «Блау». Военнопленные. Вермахт за колючей проволокой. М.: Эксмо, 2008. 592 с.

Классика геополитики, XIX век: сб. *М.*: АСТ, 2003. 718 с.

Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Мысль, 1987. 430 с.

Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 544 с.

Коновалов Ф.П. Острогожско-Россошанская и Воронежско-Касторненская наступательные операции (январь – февраль 1943 г.). М.: Изд-во Военной академии им. М.В. Фрунзе, 1951. 66 с.

Крестовый поход на Россию: сб. ст. М.: Яуза, 2005. 480 с.

Крикунов П.Н. Казаки между Гитлером и Сталиным. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 608 с.

Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943). Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. 242 с.

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.

Куманев Г.А. Сталинградская битва. Краткий военно-исторический очерк, документы, материалы. М.: МППА Бимпа, 2007. 832 с.

Курченко Н. 33-я гвардейская стрелковая дивизия. 1941–1945 гг. Волгодонск: Полиграфобъединие, 2010. 195 с.

Лидделл-Гарт Б.Х. Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1976. 680 с.

Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д: Северо-Кавказский научный центр высшей школы, 2003. 564 с.

Макензен Э., фон. От Буга до Кавказа. 3-й танковый корпус в кампании против Советской России 1941–1942 годов. М.: Транзиткнига, 2004. С. 325.

Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2010. 406 с.

Маляров В.Н. Строительный фронт Великой Отечественной войны. Создание стратегических рубежей и плацдармов для обеспечения оборонительных операций вооруженных сил в годы войны 1941–1945 гг. СПб.: ВИТУ, 2000. 348 с.

Маркусенко И.С. Дон в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1977. 180 с.

Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 228 с.

Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Власкина Н.А., Бритвина Е.А. Социально-исторический портрет села Приазовья: Кагальник. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 208 с.

Мировая война 1939–1945. Взгляд побежденных. М.: АСТ, 2002. 736 с.

Мовшович Е.В. Очерки истории евреев на Дону. Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2011. 336 с.

Молодкин П.Ф. Равнины Нижнего Дона. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1980. 141 с.

Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. М.: Вече, 2010. 192 с.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М.: Изографус; Эксмо, 2002. 800 с.

Науменко В.Г. Великое предательство. СПб.; М.: Нева; Олма-Пресс, 2003. 448 с.

Овчаренко И.В. Пятый Донской (5-й гвардейский казачий кавалерийский Краснознаменный Донской Будапештский корпус). Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1985. 160 с.

Огненные рубежи. Военно-исторический очерк. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1976. 223 с.

Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Т. 1. Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР. М.: Воениздат, 1958. 735 с.

Очерки истории Великой Отечественной войны, 1941–1945. М.: Изд-во АН СССР, *1955*. 534 с.

Павлова Т.А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 593 с.

Португальский Р. Маршал Тимошенко. «Поставьте меня на опасный участок…» М.: Яуза; Эксмо, 2007. 544 с.

Пьявченко Е.В. Памятники Великой Отечественной на Дону. Ростов н/Д: Булат, 2005. 36 с.

Редьков Н.Н., Беленький Г.Л., Лисицына Л.П. Культура Южной столицы. История и современность. Ростов н/Д: Донской издательский дом, 2008. 298 с.

Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю: [пер. с англ.]. М.: УРСС, 2003. 176 с.

Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: Центрполиграф, *2014*. 414 с.

Рыблова М.А., Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Архипова Е.В., Курилла И.В., Назарова М.П. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград: РАНХиГС, 2015. 335 с.

Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.

Самойлов И.В. Устья рек. М.: Географгиз, 1952. 526 с.

Самсонов А.М. Сталинградская битва. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1983. 623 с.

Сафронов В.Г. Итальянские войска на Восточном фронте 1941–1943 гг. М.: Вече, 2012. 384 с.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.

17-я воздушная армия в боях от Сталинграда до Вены. М.: Воениздат, 1977. 262 с.

Сидоров В., Фокин Н. Разгром итало-немецких войск на Дону. М.: Воениздат, 1944. 37 с.

Сквозь ветры века. Очерки истории Ростовской областной организации КПСС (80-е гг. XIX в. – 1987 г.). Ростов н/Д: Кн. изд-во, *1988*. 512 с.

Смакотин М.Н. От Дона до Берлина (57-я гвардейская стрелковая дивизия в Великой Отечественной войне). М.: Изд-во МО СССР, 1962. 200 с.

Смирнов В.В. Ростов под тенью свастики. Ростов н/Д: [Б.и.], 2006. 192 с.

Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Голос, 1993. 768 с.

Сталинград 1942–1943. М.: Библиотека, 1995. 424 с.

Сталинград: Событие. Воздействие. Символ: [пер. с нем.]. М.: Прогресс-Академия, 1995. 528 с.

Сталинград. Цена победы. М.; СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 2005. 331 с.

Сталинградская битва и ее геополитическое значение. М.: МГИМО–Университет, 2013. 480 с.

Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. М.: Олма-пресс, 2002. В 2 кн. Кн. 1. 910 с. Кн 2. 573 с.

Стеттиниус Э. Ленд-лиз – оружие победы: [пер. с англ.]. М.: Вече, 2000. 400 с.

Ступов А.Д., Кокунов В.Л. 62-я армия в боях за Сталинград. М.: Воениздат, 1949. 185 с.

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1977. 559 с.

У ворот Кавказа. Ополченцы Ростова-на-Дону в боях за Родину. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1972. 74 с.

Уткин А.И. Вторая мировая война. М.: Алгоритм, 2002. 864 с.

Фабрикант А.Е. 68-я отдельная морская стрелковая бригада в боях за Родину (краткая историческая справка о боевых действиях бригады в 1942–43 гг.). Одесса: [Б.и.], 1985. 61 с.

Филоненко С.И. От Прута и Днестра до Дона и Волги: разгром армий сателлитов фашистской Германии под Сталинградом и Воронежем (ноябрь 1942 года – февраль 1943 года). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. 258 с.

Хаупт В. Сражения группы армии «Юг». М.: Яуза; Эксмо, 2006. 448 с.

Хоффманн Й. История Власовской армии. Париж: YMCA-press, 1990. 379 с.

Царицын – Сталинград. Сталинград: Сталингр. кн. изд-во, 1954. 232 с.

Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. М.: АСТ, 2015. 768 с.

Черноусов С. В небе Донском. Изд. 2-е, доп. Ростов н/Д, 1974. 128 с.

Широкорад А.Б. Каспий – русское озеро. Великий Волжский путь. Большая нефть и большая политика. М.: Хранитель; АСТ, 2007.445 с.

Эренбург И.Г. Летопись мужества. 2-е изд., доп. М.: Советский писатель, *1983*. 352 с.

Юдович И. Возрождение. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1944. 32 с.

Glantz D. From the Don to the Dnepr: Soviet offensive operations, December 1942 – August 1943. London: F. Cass, 1991. 430 p.

Kljakiö Dr. Ustasko domobranska legija pod Stalingradom. 2 izd. Zagreb: Cesarec, 1979. 196 s.

Szabó P. Don-kanyar. Budapest: Ister, 1994. 309 old.

Valori F. Gli italiani in Russia. La campagna dello C.S.I.R. dell' A.R.M.I.R. Milano: Bietti, 1967. 426 p.

Wilczur J. Le tombe dell'ARMIR. Roma: Sugar, 1964. 239 p.

Zanussi G. Guerra e catastrofe d'ltalia. Roma: Corso, 1946. 392 p.

Статьи

Андреева К. Мемориал Курган Славы в Новочеркаске осквернили девочки-подростки. URL: http://www.donnews.ru/Memorial-Kurgan-Slavy-v-Novocherkaske-oskvernili-devochki-podrostki_26744 (дата обращения: 29.11.2016).

Артюхин Ю.В. От обороны Ейской военно-морской базы к боям за Новороссийск. О влиянии природных процессов на высадку десанта // Место подвига – Новороссийск. Август 1942 – сентябрь 1943 – на левом фланге советско-германского фронта. Материалы научной конференции. Новороссийск, 2014. С. 21–27.

Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. «Все рвались в бой с противником…»: действия кавалерии РККА на Южном фронте в октябре-декабре 1941 г. // Военно-исторический журнал. 2012. № 1. С. 27–34.

Безугольный А.Ю., Кринко Е.Ф. Во главе казачьей гвардии: штрихи к портрету Н.Я. Кириченко // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Вып. 2. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 307–322.

Белов Д.А. Количественный анализ тенденций развития отечественной историографии Сталинградской битвы // Сталинградская битва в судьбах народов. Материалы международной научно-практической конференции, 2013 г. Волгоград: Принт, 2013. С. 6–9.

Богатова Т.А. Музей: путь длиной в 60 лет // Музей: история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию музея. Волгоград, 1997. С. 5–15.

Быченкова А. С мемориальной доски на «Змиевке» исчезло упоминание о евреях. URL: http://donnews.ru/S-memorialnoy-doski-na-Zmievke-ischezlo-upominanie-o-evreyakh_5905 (дата обращения: 14.06.2013).

Васильева О.Ю. Особенности религиозной жизни на временно оккупированной территории // Церковь в истории России. Сборник № 4. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 226–248.

Веремеев Ю. История инженерных войск Русской армии. Краткий очерк. Сапер. URL: http://army.armor.kiev.ua/engenear/ing_history3.shtml (дата обращения: 14.11.2014).

Виноградская И.А. Керченская оборонительная операция. URL: http://voynablog.ru/2013/03/24/kerchenskaya-oboronitelnaya-operaciya-1942-goda (дата обращения: 23.03.2016).

Габор Д. Донская катастрофа и венгерская историография. Они были жертвами? URL: http://www.russkie.org/index.php?module=printnews&id=28536 (дата обращения: 15.01.2015).

Голенева Н. Первый памятник войны. URL: http://www.serafimovich.org/2243-pervyj-pamyatnik-vojny.html (дата обращения: 12.11.2016).

Голиков Ф.И. В боях за Воронеж // Воронежское сражение. Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1968. С. 5–26.

Зверства немецко-фашистских людоедов в Ростове-на-Дону // Красная звезда. 1943. 13 марта.

Конрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 222–241.

Котельников В.Р. Авиационный ленд-лиз // Вопросы истории. № 9–10. 1991. С. 223–227.

Кринко Е.Ф. Кавказская программа Розенберга как проект модернизации «восточной политики» Германии // Authority and society (History, Theory, Practice). Scientific magazine of The Open Diplomacy Association. Tbilisi. 2011. № 4 (20). T. II. P. 52–59.

Кринко Е.Ф. Формирование кавалерийских соединений РККА на юге России и их боевой путь в 1941 г. // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны). Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 1–2 июня 2011 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 110–115.

Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 гг. // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.

Курилла И.И. Историческая память и публичная коммеморация // Память и памятники. Материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 4–12.

Курилла И.И. Сталинград по праздникам: неустойчивый хронотоп постсоветского общества // Историческая разметка пространства и времени. Материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом при поддержке Фонда Ф. Эберта 13 мая 2014 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. С. 5–11.

Курков Г.М. Кубанские казаки на фронтах Великой Отечественной // Военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 13–17.

Лобачев И. Разминирование территории колхозов и совхозов // Морозовский большевик. 1946. 27 марта. № 38.

Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в истории Великой Отечественной войны // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 5. С. 387–395.

Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф. Юг России в 1942–1943 гг.: актуальные проблемы военно-исторических исследований // Вестник Южного научного центра. 2013. № 9 (юбилейный вып.). С. 115–125.

Матишов Г.Г., Кринко Е.Ф., Артюхин Ю.В. Влияние природных факторов на ход и характер боевых действий в большой излучине Дона во время Великой Отечественной войны // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10. № 2. С. 83–92.

Мещеряков Ю.А., Левинсон В.Г. Современные тектонические движения в южной части Русской платформы и Кавказа // Геология и разведка. Сборник материалов по обмену опытом. М.: Гостоптехиздат, 1951. С. 36–40.

Молодкин П.Ф., Бурдуковский В.О. Об асимметрии склонов речных долин бассейна Нижнего Дона // Географические исследования на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1974. С. 105–109.

Мордвинов С.В. Православное возрождение на Нижней Волге и Дону в 1942–1943 годах // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. Вып. 1 (23). С. 20–25.

На Дону ожидается большой разлив. URL: http://gazeta.aif.ru/_/online/don/829/08 (дата обращения: 28.03.2013).

На Солдатском поле под Волгоградом вновь появилась девочка с цветком. URL: http://news.vdv-s.ru/society/?news=249149 (дата обращения: 29.08.2015).

Панин А.В., Сидорчук А.Ю., Власов М.В. Мощный поздневалдайский речной сток в бассейне Дона // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 1. С. 118–129.

Пернавский Г. Почему погибли сталинградские пленные? // Мифы Великой Отечественной. *М.*: Яуза; Эксмо, 2008. С. 113–146.

Першин К.В. Деятельность советских органов государственной безопасности на освобожденной от противника территории Сталинградской области (ноябрь 1942 г. – середина 1943 г.) // Сталинградская битва в судьбах народов. Материалы Международной научно-практической конференции (1 февраля 2013 г.). Волгоград: Принт, 2013. С. 191–194.

Потёмкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. 2002. № 3. С. 148–156.

Ракша В.Н. Гибель евреев Ростова-на-Дону // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне. Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 3–6 июня 2015 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 388–395.

Решин Л.Е. «Казаки» со свастикой // Родина. 1993. № 2. С. 70–79.

Свиридов В. Время. Деньги. Знания // Армейский сборник. 2000. № 2. С. 64–66.

Сдвижков Н.Ю. Дело майора Рейхеля. URL: http://zhistory.org.ua/blau42_2.htm (дата обращения: 30.03.2016).

Токарев В.В., Дулина Н.В. Восприятие населением региона памятников, расположенных в Волгограде (по итогам прикладного социологического исследования) // Сталинградская битва в судьбах народов. Материалы Международной научно-практической конференции (2013 г.). Волгоград: Принт, 2013. С. 230–232.

Убушаев В.Б. Дорога жизни для Сталинграда: о необходимости строительства железной дороги Астрахань – Кизляр // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2011. № 1 (22). С. 139–141.

Ущерб от наводнения на Дону оценили в 400 млн рублей. URL: http://rostov-times.ru/stories/2584 (дата обращения: 28.03.2013).

Филоненко Н.В. Участие 2-й венгерской армии в летнем 1942 г. наступлении вермахта на южном участке советско-германского фронта // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Т. 13. Вып. 15. С. 187–194.

Чудовищное преступление гитлеровцев в хуторе Вертячем // Красная звезда. 1942. 22 декабря.

Шинкаренко Г.В. Поставки по ленд-лизу в Советский Союз через территорию Ирана. 1941–1945 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2003. № 2–3. С. 108–112.

Якушевский А. Дороги в Россию: помощь США Советскому Союзу по ленд-лизу: реферат на книгу Джоунса Р. // Информационный бюллетень Института военной истории МО СССР. М., 1972. № 10.

Яшин С.В. Эвакуационные перевозки в годы Великой Отечественной войны // Железнодорожный транспорт. 2008. № 6. С. 73–77.

Afanasenko V.I., Krinko E.F. “The Winter happened to be severe…”: the Impact of the Weather Conditions on the Battles on the Big bend of the Don in November 1942 – February 1943 // Русская старина. 2015. № 2. С. 115–129.

Babucs Z. “Pihenj, te nėma hadsereg” // Magyar Hirlap online. 2013. Január, 12. URL: http://archivum.magyarhirlap.hu/pihenj-te-nema-hadsereg (дата обращения: 20.01.2015).

Krinko E.F. Spring Flooding and Its Consequences for the Soviet Defences againstthe Wehrmacht at the Lower Don in 1942 // Военный сборник. 2014. Т. 3. № 1. С. 41–50.

Krinko E.F., Khlynina T.P. Milestones of Return of “Forgotten War”: Main Trends and Stages in the Development of Domestic Historiography of the First World // Былые годы. 2013. № 3 (33). С. 296–305.

Kurbat T.G. The Tragedy of the Soviet Prisoners of War in the Big Bend of the Don River (1942–1943) // Русская старина. 2015. № 4 (16). С. 303–308.

Справочные издания

Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М.: Вече, 2010. 384 с.

Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Справочное пособие. М.: ДИК; Дрофа, 2005. 160 с.

Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. 408 с.

Горемыкин В.П. Великая Отечественная: *Комдивы. Военный биографический словарь.* М.: Кучково поле, 2014. Т. 2. 992 с.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. 416 с.

Залесский К.А. Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 656 с.

Залесский К.А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. М.: АСТ, 2003. 492 с.

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001. 608 с.

Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград: Издатель, 2012. 800 с.

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне. Военно-исторический справочник. М.: Воениздат, 1972. 269 с.

Федеральное государственное учреждение культуры Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва». Путеводитель. Волгоград: Изд-во «Волгоград», 2010. 159 с.

Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. 1143 с.

Энциклопедия Третьего рейха. 2-е изд. М.: Локид-Пресс; РИПОЛ Классик, 2004. 479 с.

Авторефераты и диссертации

Павлова Т.А. Гражданское население Сталинградской области в условиях германской оккупации: июль 1942 г. – февраль 1943 г.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2007. 245 с.

Табунщикова Л.В. Донские антисоветские казачьи структуры и Германия в 1918 и 1941–1945 гг.: дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2003. 177 с.

Тимофеева В.В. Русловые процессы Нижнего Дона и их антропогенные изменения: автореф. дис. … канд. геогр. наук. М., 2007. 154 с.

Электронные ресурсы

Авиация второй мировой. URL: http://www.airpages.ru/uk/hurr2_3.shtml (дата обращения: 26.11.2016).

Автомобили по ленд-лизу. URL: http://www.gruzovikpress.ru/article/3224-avtomobili-po-lend-lizu/ (дата обращения: 22.11.2016).

Автомобили, тракторы, мотоциклы. URL: http://www.nnre.ru/voennaja_istorija/tanki_lend_liza_v_boyu/p16.php (дата обращения: 20.11.2016).

Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. Эвакуация. URL: http://www.lost-childhood.com/o-proekte/neskolko-slov-o-nashem-proekte.html (дата обращения: 02.03.2014).

Дон 1942. URL: http://don1942.ru/Maps/maps34batrajonov_niznego_dona.jpg (дата обращения: 15.11.2016).

Дулаг 125 – Миллеровская яма. URL: http://www.geocaching.su/?pn=101&cid=7278 (дата обращения: 12.11.2016).

Итальянские солдаты у подбитого советского танка М3 «Генерал Ли». URL: http://waralbum.ru/27157/ (дата обращения: 15.11.2016).

Монин С.М. Ленд-лизовский транзит через Иран и Каспий в 1941–1942 годах // Центр военно-политических исследований МГИМО. 01.2013. URL: http://eurasian-defence.ru/?q=node/6540 (дата обращения: 11.11.2016). Оборонительная операция Брянского и Юго-Западного фронтов на воронежском направлении (28 июня – 6 июля 1942 г.). URL http://las-arms.ru/index.php?id=276 (дата обращения: 23.11.2016).

Псковский военный автопарк. URL: http://www.scaleforum.ru/showthread.php?t=9943&page=16 (дата обращения: 04.11.2016).

САУ “Sturmgeschutz III”. URL: http://www.panzervaffe.1939-45.ru/sturmgeschutz-3.php (дата обращения: 22.05.2016).

Среднемесячная численность немецких армий в 1941–42 гг. URL: http://www.vif2ne.ru/nvk/forum/0/archive/1807/1807787.htm (дата обращения: 22.11.2016).

СССР и ленд-лиз в 1941–1945 годы. URL: https://razboiulpentrutrecut.wordpress.com (дата обращения: 18.11.2016).

Строительство оборонительных рубежей на территории Сталинградской области осенью 1941 – летом 1942 г. URL: http://kua.volganet.ru/activity/folder_9/folder_1/downloads/909125df-e6f2-2c10-6bac-fd922eecb239 (дата обращения: 04.04.2014).

Танки ленд-лиза в Красной армии. URL: http://www.libros.am/book/read/id/228018/slug/tanki-lend-liza-v-krasnojj-armii-chast-2 (дата обращения: 15.11.2016).

Центральный архив Министерства обороны РФ. URL: http://archive.mil.ru (дата обращения: 12.02.2015).

Штрафные части Сталинграда. URL: http://foto-history.livejournal.com/3340994.html (дата обращения: 17.11.2016).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Важнейшие битвы в большой излучине Дона и на прилегающих территориях (июнь 1942 – сентябрь 1943 гг.)

Название операции	Цели операции	Участники сражения		Период	Общие потери		Военные итоги
		РККА	вермахт		РККА	вермахт	
Донбасско-Ростовская оборонительная	Прорыв на Кавказ и Сталинград	Юго-Западный, Южный, Сталинградский, Северо-Кавказский фронты	1-я и 4-я танковые, 6-я и 17-я полевые армии	07–24.07.1942	568 347 чел., 13 716 орудий и минометов, 2436 танков, 783 самолета	26 000 чел., более 300 танков	Прорыв вермахта в большую излучину Дона, создание плацдармов для наступления на Кавказ и Сталинград
Сталинградская оборонительная	Захват Сталинграда, нарушение связи центра с Кавказом	Сталинградский, Юго-Восточный, Донской фронты	6-я полевая армия, 4-я танковая армия, 3-я и 4-я румынские армии	17.07–18.11.1942	643 842 чел., 1426 танков, 12 137 орудий и минометов, 2063 самолета	364 300 чел.	Сорван план перерезать коммуникации центра с Кавказом
Сталинградская наступательная	Окружение и уничтожение группы армий «Б»	Юго-Западный, Донской, Сталинградский фронты	4-я танковая, 6-я полевая, 3-я и 4-я румынские, 8-я итальянская армии	19.11.1942–02.02.1943	485 777 чел., 2915 танков	526 222 чел.	Начало коренного перелома в войне

Окончание Приложения 1

Северо-Кавказская наступательная «Дон»	Окружение и уничтожение главных сил группы армий «А»	Южный, Закавказский, Северо-Кавказский фронты	1-я танковая, 17-я полевая армия, 16-я моторизованная дивизия	01.01–04.02.1943	101 717 чел., 220 танков	до 47 000 чел., до 200 танков	Освобождение Северного Кавказа
Ростовская наступательная	Окружение и разгром группы армий «А» на Северном Кавказе	Южный, Северо-Кавказский фронты, 8-я воздушная армия	Группа армий «Дон», 1-я танковая армия	01.01–18.02.1943	157 194 чел.	40 778 чел., свыше 170 танков	Освобождение Ростова-на-Дону, выход на рубеж Миус-фронта
Миллерово-Ворошиловградская наступательная	Освобождение Донбасса	Юго-Западный фронт	Группа армий «Дон»	01.01–22.02.1943	101 733 чел.	более 40 000 чел.	Освобождение Восточного Донбасса
Миусская наступательная	Отвлечение сил противника с Курской дуги	Южный фронт	6-я полевая армия (2-го формирования)	17.07–02.08.1943	106 185 чел.	23 723 чел., более 350 танков и САУ	Создана основа успешного прорыва Миус-фронта
Донбасская наступательная	Освобождение Донбасса, прорыв Миус-фронта	Южный, Юго-Западный фронты	6-я армия (2-го формирования)	13.08–22.09.1943	116 173 чел.	более 40 000 чел.	Прорыв Миус-фронта и освобождение Донбасса
				Всего	2 280 968 чел.	1 108 023 чел.	

Приложение 2

Фронтовые операции в большой излучине Дона и на близлежащих территориях в рамках стратегических операций РККА

Название операции	Цели операции	Силы РККА	Силы вермахта	Период операции	Результаты операции
Ворошиловградско-Шахтинская оборонительная	Окружение и разгром 8 армий РККА	9, 12, 18, 24, 37, 38, 56, 57-я армии РККА	1-я и 4-я танковые, 6-я и 17-я полевые армии	07–19.07.1942	Окружение и разгром 9, 24 и 38-й армий РККА
Оборонительная операция Сталинградского фронта в большой излучине Дона	Окружение и разгром 62-й и 64-й армий РККА и захват Сталинграда	Сталинградский фронт 1-го формирования	6-я полевая и 4-я танковая немецкие, 3-я румынская, 8-я итальянская армии	17.07–03.09.1942	62-я и 64-я армии оттеснены на городской обвод
Наступательные операции войск Сталинградского и Донского фронтов в междуречье Дона и Волги	Соединение главных сил Сталинградского и Донского фронтов с 62-й и 64-й армиями Сталинградского фронта	1-я гвардейская, 4-я танковая (65-я), 21, 24 и 66-я армии, 4, 7 и 16-й танковые корпуса	3-я и 60-я моторизованные, 16-я танковая, 76-я пехотная дивизии 14-го танкового корпуса 6-й армии	05–12.09.1942, 18–23.09.1942, 30.09–02.10.1942, 09–10.10.1942, 20–27.10.1942	Соединиться с 62-й армией не удалось. Захвачен плацдарм у г. Серафимовича
Оборонительная операция войск Южного фронта на Нижнем Дону	Окружение и разгром армий Южного фронта южнее Ростова	9, 12, 18, 24, 37, 51 и 56-я армии Южного фронта	1-я и 4-я танковые, 17-я полевая армии	25–28.07.1942	Уничтожение армий Южного фронта не удалось
«Уран»	Окружение и разгром 6-й полевой, 4-й танковой немецких, 3-й и 4-й румынских армий	Юго-Западный, Донской, Сталинградский фронты	3-я и 4-я румынские, 4-я танковая, 6-я полевая армии	19–30.11.1942	Окружены 22 дивизии и 160 более мелких частей, разгромлены 3-я и 4-я румынские армии

Окончание Приложения 2

Операция «Малый Сатурн» Юго-Западного фронта	Окружение и разгром 8-й итальянской армии, оперативной группы «Холлидт»	6-я армия Воронежского, 1-я и 3-я гвардейская, 5-я танковая армии Юго-Западного фронтов	8-я итальянская армия, 1-й и 2-й румынские корпуса, 48-й танковый, 17-й и 29-й корпуса	16–30.12.1942	Разгромлены 8-я итальянская армия, база снабжения 6-й армии в Тацинской
Котельниковская наступательная операция Сталинградского фронта	Разгром 4-й танковой армии	2-я гвардейская, 51-я армии Сталинградского фронта	57-й танковый корпус вермахта, 6-й и 7-й румынские корпуса	24–31.12.1942	Сорвана попытка деблокады 6-й армии, противник отброшен к р. Маныч
«Кольцо»	Ликвидация окруженной группировки Паулюса	Донской фронт, Волжская военная флотилия	6-я армия вермахта, две румынских дивизии	10.01–02.02.1943	Ликвидация 6-й армии в Сталинграде
Сальская фронтовая наступательная операция	Окружение группы армий «А» на Северном Кавказе	Южный и две армии Северо-Кавказского фронтов	1-я и 4-я танковые, 17-я полевая армии	01.01–04.02.1943	1-я танковая армия отступила через Ростов, 17-я армия оттеснена на Таманский полуостров
Острогожско-Россошанская наступательная операция	Окружение и разгром 2-й венгерской армии	Часть войск Воронежского и Юго-Западного фронтов	2-я венгерская и часть войск 2-й полевой армий вермахта	13–27.01.1943	Разгром 2-й венгерской армии, 24-го танкового и 7-го армейского корпусов вермахта
Миусско-Мариупольская наступательная операция	Прорыв Миус-фронта и освобождение южного Донбасса	Южный фронт	6-я полевая армия вермахта	18.08–22.09.1943	Прорван Миус-фронт, враг отброшен к р. Молочной

Приложение 3

План охраны и разборки основных сооружений для пропуска весеннего ледохода и наводнения в пределах Южного фронта в 1942 г[1]

№	Сооружения	Местонахождение	Реки	Область
		57-я армия		
1	Деревянный мост (низководный)	Капиталовка	Северский Донец	Сталинская
2	Деревянный мост (низководный)	Студенок	Северский Донец	Сталинская
3	Деревянный мост	Сватово	Красная	Ворошиловградская
		9-я армия		
4	Деревянный мост (низководный)	Богородничное	Северский Донец	Сталинская
5	Деревянный мост (высоководный)	Банное	Северский Донец	Сталинская
6	Деревянный мост (низководный)	Шурово	Северский Донец	Сталинская
7	Деревянный мост	Кабанье	Красная	Ворошиловградская
8	Деревянный мост	Старобельск	Айдар	Ворошиловградская
		37-я армия		
9	Деревянный мост (низководный)	Закатное	Северский Донец	Сталинская
10	Деревянный мост (низководный)	Драновка	Северский Донец	Сталинская
11	Деревянный мост (низководный)	Серебрянка	Северский Донец	Ворошиловградская
12	Деревянный мост (низководный)	Григорьевка	Северский Донец	Ворошиловградская
13	Деревянный мост (высоководный)	Рубежная	Северский Донец	Ворошиловградская
14	Деревянный мост (высоководный)	Лисичанск	Северский Донец	Ворошиловградская
15	Деревянный мост	Михайловка	Боровая	Ворошиловградская
16	Железобетонный мост	Сентяновка	Лугань	Ворошиловградская
		Армейская группа Комкова		
17	Деревянный мост (низководный)	Верхнее	Северский Донец	Ворошиловградская
18	Деревянный мост (низководный)	Нижнее	Северский Донец	Ворошиловградская

[1] ЦАМО РФ. Ф. 12 армии. Оп. 6005. Д. 96. Л. 75–78.

Продолжение Приложения 3

№	Сооружения	Местонахождение	Реки	Область
19	Деревянный мост (низководный)	Крымская	Северский Донец	Ворошиловградская
		12-я армия		
20	Деревянный мост (низководный)	Трехизбенка – Лопаткино	Северский Донец	Ворошиловградская
21	Деревянный мост (низководный)	Веселогорск	Северский Донец	Ворошиловградская
22	Плотовой мост	Веселогорск	Северский Донец	Ворошиловградская
23	Деревянный мост (низководный)	Станично-Луганская	Северский Донец	Ворошиловградская
24	Деревянный мост (низководный)	Николаевка	Северский Донец	Ворошиловградская
25	Деревянный мост (низководный)	Давыдово-Никольская	Северский Донец	Ворошиловградская
26	Деревянный мост (низководный)	Б. Суходол	Северский Донец	Ворошиловградская
27	Деревянный мост	Александровка	Лугань	Ворошиловградская
28	Мост смешанной конструкции	Ребриково		Ворошиловградская
29	Мост смешанной конструкции	Лозовая – Павловка	Лозовая	Ворошиловградская
30	Мост смешанной конструкции	Первомайск	Лугань	Ворошиловградская
31	Мост смешанной конструкции	Черкасское	Лугань	Ворошиловградская
32	Мост смешанной конструкции	Хорошее	Лугань	Ворошиловградская
33	Деревянный мост	Голубовка	Луганчик	Ворошиловградская
34	Мост смешанной конструкции	Калиново	Луганка	Ворошиловградская
		18-я армия		
35	Деревянный мост (низководный)	Михайловка	Северский Донец	Ростовская
36	Деревянный плотовой мост	Каменск	Северский Донец	Ростовская
37	Мост смешанной конструкции	Каменск	Северский Донец	Ростовская
38	Деревянный мост (низководный)	Белокалитвинская	Северский Донец	Ростовская
39	Деревянный мост (низководный)	Красно-Донецкая	Северский Донец	Ростовская
40	Деревянный мост	Усть-Быстрый	Северский Донец	Ростовская

Окончание Приложения 3

№	Сооружения	Местонахож-дение	Реки	Область
41	Деревянный мост	Усть-Быстрянская	Северский Донец	Ростовская
42	Деревянный мост	Авиловский	Северский Донец	Ростовская
56-я армия				
43	Деревянный плотовой мост	Броницкий	Северский Донец	Ростовская
44	Деревянный мост на бочках	Броницкий	Северский Донец	Ростовская
45	Мост на плотах	Багаевская	Дон	Ростовская
46	Мост на плотах	Старочеркасская	Дон	Ростовская
47	Мост на плашкоут	Аксайская	Дон	Ростовская
48	Мост на плашкоут	Ростов	Дон	Ростовская
49	Плотовой мост	Константинов-ская	Дон	Ростовская
50	Деревянный наплавной мост	Ведерниковский	Дон	Ростовская
51	Деревянный наплавной мост	Цимлянская	Дон	Ростовская

Приложение 4

Состав и командование советских войск на харьковском направлении в мае 1942 г.

Юго-Западный фронт – Маршал Советского Союза Тимошенко Семен Константинович

28-я армия – генерал-лейтенант Рябышев Дмитрий Иванович
13-я гвардейская стрелковая дивизия – генерал-майор Родимцев Александр Ильич
38-я стрелковая дивизия – полковник Доценко Николай Петрович
162-я стрелковая дивизия – полковник Матвеев Михаил Иванович
169-я стрелковая дивизия – генерал-майор Рогачевский Самуил Моисеевич
175-я стрелковая дивизия – генерал-майор Кулешов Александр Демьянович
244-я стрелковая дивизия – полковник Истомин Иван Александрович

3-й гвардейский кавалерийский корпус – генерал-майор Плиев Исса Александрович

5-я гвардейская кавалерийская дивизия – полковник Чепуркин Николай Степанович
6-я гвардейская кавалерийская дивизия – подполковник Белогорский Анатолий Иванович
32-я кавалерийская дивизия – полковник Москаленко Алексей Прокофьевич

6-я гвардейская танковая бригада – подполковник Скуба Михаил Кузьмич
10-я танковая бригада – полковник Бунтман-Дорошевич Вениамин Александрович
14-я танковая бригада – полковник Семенников Сергей Ионович
57-я танковая бригада – генерал-майор Алексеев Василий Михайлович
90-я танковая бригада – подполковник Малышев Михаил Иванович

38-я армия – генерал-майор артиллерии Москаленко Кирилл Семенович
226-я стрелковая дивизия – генерал-майор Горбатов Александр Васильевич
124-я стрелковая дивизия – полковник Берестов Александр Кондратьевич
81-я стрелковая дивизия – полковник Пименов Федор Алексеевич
300-я стрелковая дивизия – полковник Меркулов Серафим Петрович
199-я стрелковая дивизия – полковник Веревкин Федор Андреевич
304-я стрелковая дивизия – полковник Хазов Иван Васильевич
13-я танковая бригада – полковник Климчук Иван Трофимович
36-я танковая бригада – полковник Танасчишин Трофим Иванович
133-я танковая бригада – полковник Бубнов Николай Матвеевич

6-я армия – генерал-лейтенант Городнянский Авксентий Михайлович
337-я стрелковая дивизия – генерал-майор Васильев Илья Васильевич
41-я стрелковая дивизия – полковник Баерский Владимир Гелярович
47-я стрелковая дивизия – генерал-майор Матыкин Филипп Николаевич
103-я стрелковая дивизия – комдив Чанышев Якуб Джагирович
253-я стрелковая дивизия – подполковник Григорьев Михаил Григорьевич
266-я стрелковая дивизия – полковник Таванцев Александр Игнатьевич
248-я стрелковая дивизия – полковник Матусевич Иосиф Иванович
411-я стрелковая дивизия – полковник Песочин Михаил Андреевич
37-я танковая бригада – полковник Кагарманов Мукарам Лутбрурахманович
38-я танковая бригада – подполковник Зурин Петр Захарович
48-я танковая бригада – полковник Сильнов Артемий Павлович
5-я гвардейская танковая бригада – генерал-майор Михайлов Николай Филиппович

Армейская оперативная группа – генерал-майор Бобкин Леонид Васильевич
270-я стрелковая дивизия – генерал-майор Кутлин Заки Юсупович
393-я стрелковая дивизия – полковник Зиновьев Иван Дмитриевич
7-я танковая бригада – полковник Юрченко Иван Федорович

21-й танковый корпус – генерал-майор Кузьмин Григорий Иванович
64-я танковая бригада – подполковник Постников Михаил Ефимович
198-я танковая бригада – полковник Дроздов Петр Дмитриевич
199-я танковая бригада – полковник Демидов Иван Демидович
4-я мотострелковая бригада – майор Шекал Александр Михайлович

23-й танковый корпус – генерал-майор Пушкин Ефим Григорьевич
6-я танковая бригада – подполковник Еремин Алексей Яковлевич
130-я танковая бригада – майор Бирюков Петр Степанович
131-я танковая бригада – подполковник Арсенюк Иван Кириллович
23-я мотострелковая бригада – полковник Шахназаров Аршавир Георгиевич

6-й кавалерийский корпус – генерал-майор Носков Александр Алексеевич
26-я кавалерийская дивизия – подполковник Андреев Михаил Николаевич
28-я кавалерийская дивизия – полковник Сакович Леонид Николаевич
49-я кавалерийская дивизия – полковник Юровский Борис Леонтьевич

Резервы фронта
277-я стрелковая дивизия – полковник Чернов Виктор Георгиевич
278-я стрелковая дивизия – генерал-майор Монахов Дмитрий Петрович
343-я стрелковая дивизия – полковник Чувашев Петр Павлович
242-я стрелковая дивизия – полковник Кашкин Анатолий Михайлович
114-я танковая бригада – подполковник Куриленко Иван Васильевич

5-й кавалерийский корпус – генерал-майор Вальц Юрий Владимирович
30-я кавалерийская дивизия – полковник Головской Василий Сергеевич
34-я кавалерийская дивизия – полковник Инаури Алексей Николаевич
60-я кавалерийская дивизия – полковник Перекрестов Григорий Никифорович

2-й кавалерийский корпус – полковник Ковалев Григорий Андреевич
62-я кавалерийская дивизия – полковник Григорович Владимир Иосифович
38-я кавалерийская дивизия – подполковник Субботин Федор Иванович
70-я кавалерийская дивизия – полковник Юрчик Николай Михайлович

Южный фронт – генерал-лейтенант Малиновский Родион Яковлевич

57-я армия – генерал-лейтенант Подлас Кузьма Петрович
14-я гвардейская стрелковая дивизия – генерал-майор Шепетов Иван Михайлович
99-я стрелковая дивизия – полковник Владимиров Владимир Яковлевич
150-я стрелковая дивизия – генерал-майор Егоров Дмитрий Григорьевич
317-я стрелковая дивизия – полковник Яковлев Дмитрий Павлович
351-я стрелковая дивизия – полковник Гурский Николай Устинович

9-я армия – генерал-майор Харитонов Федор Михайлович
51-я стрелковая дивизия – генерал-майор Филиппов Федор Григорьевич
333-я стрелковая дивизия – генерал-майор Дашевский Яков Сергеевич
335-я стрелковая дивизия – полковник Шевченко Иван Афанасьевич
349-я стрелковая дивизия – полковник Рузняев Михаил Гаврилович
341-я стрелковая дивизия – полковник Шагин Александр Ильич
12-я танковая бригада – полковник Кирнос Авраам Соломонович
15-я танковая бригада – генерал-майор Колосов Максим Васильевич
121-я танковая бригада – полковник Радкевич Николай Николаевич

Резервы фронта
296-я стрелковая дивизия – полковник Раевский Николай Порфирьевич
3-я танковая бригада – полковник Красноголовый Владимир Иванович

Приложение 5

Состав и командование войск вермахта на харьковском направлении в мае 1942 г.

Группа армий «Юг» – генерал-фельдмаршал Федор фон Бок

6-я армия – генерал- лейтенант Фридрих Паулюс

8-й армейский корпус – генерал артиллерии Вальтер Гейтц
62-я пехотная дивизия – генерал-майор Рихард-Генрих фон Ройсс
113-я пехотная дивизия – генерал-майор Ганс-Генрих Сикст фон Арним
305-я пехотная дивизия – генерал-майор Бернгард Штейнмец
454-я охранная дивизия – генерал-лейтенант Герман Вильке

29-й армейский корпус – генерал пехоты Ганс фон Обстфельдер
299-я пехотная дивизия – генерал артиллерии Вильгельм Мозер
75-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Эрнст Хаммер
168-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Ганс Мундт

51-й армейский корпус – генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах
44-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Фридрих Зиберт
71-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Александр фон Хартманн
297-я пехотная дивизия – генерал артиллерии Макс Пфеффер

17-й армейский корпус – генерал пехоты Вернер Кинитц
79-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Карл Штреккер
294-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Отто Габке (убит 22.03.1942)
3-я танковая дивизия – генерал-майор Герман Брайт
23-я танковая дивизия – генерал-майор Ганс фон Бойнибург-Ленгсфельд

Армейская группа «Клейст» – генерал-полковник Эвальд фон Клейст

17-я армия – генерал пехоты Ганс фон Зальмут

44-й армейский корпус – генерал артиллерии Максимилиан де Ангелис
16-я танковая дивизия – генерал-майор Ганс-Валентин Хубе
68-я пехотная дивизия – генерал-майор Пауль Шойерпфлюг
97-я легкая пехотная дивизия – генерал-майор Максимилиан Фреттер-Пико
101-я легкая пехотная дивизия – генерал-лейтенант Бруно фон Хайдринген
257-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Карл Гимбель
384-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Эккард фон Габленц
389-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Эрвин Йенеке

3-й танковый корпус – генерал кавалерии Эберхард-Август фон Макензен
14-я танковая дивизия – генерал танковых войск Фридрих Кюн
60-я моторизованная дивизия – генерал-лейтенант Отто Колерман
1-я горнострелковая дивизия – генерал-лейтенант Губерт Ланц
100-я легкая пехотная дивизия – генерал-лейтенант Вернер Занне

6-й румынский армейский корпус – генерал-лейтенант Корнелиу Драгалина
1-я румынская пехотная дивизия – бригадный генерал Константин Панаиотиу
2-я румынская пехотная дивизия – бригадный генерал Димитриу Тудосе

4-я румынская пехотная дивизия – бригадный генерал Георгиу Гилак
20-я румынская пехотная дивизия – бригадный генерал Георгиу Георгеску
298-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Вальтер Гресснер
239-я пехотная дивизия – генерал пехоты Фердинанд Нойлинг

55-й армейский корпус – генерал пехоты Эрвин Фиров
57-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Оскар Блюм
11-й армейский корпус - генерал пехоты Ойген Отт
125-я пехотная дивизия – генерал пехоты Вильгельм Шнекенбургер

4-й армейский корпус – генерал пехоты Виктор фон Шведлер
94-я пехотная дивизия – генерал-майор Георг Пфейфер
76-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Карл Роденбург

52-й армейский корпус – генерал пехоты Курт фон Бризен
9-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант барон Зигмундт фон Шлейниц
295-я пехотная дивизия – генерал-майор Отто Корфес

Приложение 6

Состав и командование группы армий «Юг» на 28 июня 1942 г.

Армейская группа «Вейхс» – генерал-фельдмаршал барон Максимилиан фон Вейхс

55-й армейский корпус – генерал-лейтенант фон Виров
45-я пехотная дивизия – генерал-майор Фриц Кюльвейн
95-я пехотная дивизия – генерал-майор Герберт Михаэлис
299-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Ральф граф фон Ориола
1-я пехотная бригада СС – оберфюрер СС Рихард Херрман

4-я танковая армия – генерал-полковник Герман Гот

13-й армейский корпус – генерал пехоты Эрих Штраубе
82-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Альфред Бентч
385-я пехотная дивизия – генерал пехоты Карл Эйбл
11-я танковая дивизия – генерал-майор Герман Бальк

24-й танковый корпус – генерал танковых войск Виллибальд фон Лангерман
377-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Адольф Лехнер
9-я танковая дивизия – генерал-майор Йоханес Бесслер
3-я моторизованная дивизия – генерал-майор Вернер Гельмут Шлемер

48-й танковый корпус – генерал танковых войск Рудольф Виль
24-я танковая дивизия – генерал-майор Вильгельм фон Ленгерк (до 28.08.1942)
2-я моторизованная дивизия «Великая Германия» – генерал-лейтенант Вальтер Хернлейн
2-я венгерская армия – генерал-полковник Густав Яни

3-й венгерский армейский корпус – генерал-лейтенант Штром
6-я венгерская пехотная дивизия
7-я венгерская пехотная дивизия
9-я венгерская легкопехотная дивизия

7-й армейский корпус – генерал артиллерии Эрнст Хелль
387-я пехотная дивизия – генерал-майор Арно Яр
16-я моторизованная дивизия – генерал-лейтенант Зигмунд Хенрици

Резерв армейской группы «Вейхс»
88-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Генрих Ротт
383-я пехотная дивизия – генерал-майор Эберхард фон Фабрице-Фальк

6-я полевая армия – генерал танковых войск Фридрих Паулюс

29-й армейский корпус – генерал пехоты Ганс фон Обстфельдер
57-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Оскар Блюм
75-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Эрнст Хаммер
168-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Дитрих Крайсс

8-й армейский корпус – генерал артиллерии Вальтер Хейтц
305-я пехотная дивизия – генерал-майор Бернгард Штейнмец
389-я пехотная дивизия – генерал-майор Эрих Альберт Магнус
376-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Александр фон Даниэльс
100-я легкопехотная дивизия – генерал-лейтенант Вернер Занне

40-й танковый корпус – генерал танковых войск Лео Гейр фон Швеппенбург
3-я танковая дивизия – генерал-майор Герман Брайт

23-я танковая дивизия – генерал-майор Эрвин фон Макк
29-я моторизованная дивизия – генерал-майор Макс Фремерей

17-й армейский корпус – генерал пехоты Карл Холлидт
79-я пехотная дивизия – генерал-майор Рихард граф фон Шверин
294-я пехотная дивизия – генерал-майор Йоханесс Блок
336-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант артиллерии Вальтер Люхт
113-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Ганс-Генрих Сикст фон Арним

51-й армейский корпус – генерал пехоты Зейдлиц фон Курцбах
44-я пехотная дивизия – генерал-майор Генрих Антон Дебой
62-я пехотная дивизия – генерал-майор Рихард-Генрих фон Ройсс
297-я пехотная дивизия – генерал-майор Мориц фон Дреббер
71-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Александр фон Хартманн
213-я охранная дивизия – генерал-лейтенант Рене Д'Омм де Курбьер

1-я танковая армия – генерал-полковник барон Эвальд фон Клейст

11-й армейский корпус – генерал пехоты Карл Штреккер
1-я горнострелковая дивизия – генерал-лейтенант Губерт Ланц
97-я егерская дивизия – генерал-лейтенант Эрнст Рупп
1-я румынская пехотная дивизия – бригадный генерал Александру Сайдак

6-й румынский армейский корпус – генерал-лейтенант Корнелиу Драгалина
2-я пехотная дивизия – бригадный генерал Димитриу Тудосе
4-я пехотная дивизия – генерал-майор Георгиу Гилак
20-я пехотная дивизия – бригадный генерал Ромулус Димитриу (с 04.07.1942 – дивизионный генерал Николае Татарану)
384-я немецкая пехотная дивизия – генерал-лейтенант Эккард фон Габленц

44-й армейский корпус – генерал артиллерии Максимилиан де Ангелис
68-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Роберт Мейснер
101-я егерская дивизия — генерал-лейтенант Эрих Дистель
257-я пехотная дивизия – и.о. полковник Карл Пюхлер

3-й танковый корпус – генерал кавалерии Эберхард-Август фон Макензен
14-я танковая дивизия – генерал-майор Фридрих Кюн
22-я танковая дивизия – генерал-лейтенант Вильгельм фон Апель
Моторизованная пехотная дивизия СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» – обергруппенфюрер СС Йозеф Дитрих
16-я танковая дивизия – генерал-майор Ганс-Валентин Хубе

4-й армейский корпус – генерал пехоты Виктов фон Шведлер
76-я пехотная дивизия – генерал-майор Карл Роденбург
295-я пехотная дивизия – генерал-майор, доктор Отто фон Корфес
94-я пехотная дивизия – генерал пехоты Гельмут Велькман
454-я охранная дивизия – генерал-лейтенант Герман Вилке

17-я полевая армия – генерал-полковник Рихард Руофф

52-й армейский корпус – генерал пехоты Ойген Отт
111-я пехотная дивизия – генерал-майор Герман Рекнагель
370-я пехотная дивизия – генерал-майор Эрнст Клепп

Итальянский экспедиционный корпус – генерал армии Итало Гарибольди
3-я мотопехотная дивизия имени принца Амедео, герцого Д'Аосты – дивизионный генерал Марио Мараццани
9-я пехотная дивизия «Пасубио» – дивизионный генерал Витторио Джиованелли
52-я пехотная дивизия «Торино» – дивизионный генерал Роберто Леричи

49-й горный корпус – генерал горных войск Рудольф Конрад
4-я горнострелковая дивизия – генерал-майор Карл Эгельзеер
198-я пехотная дивизия – генерал майор Альфред Букк

Румынский кавалерийский корпус – корпусный генерал Михай Раковитца
5-я кавалерийская дивизия – бригадный генерал Василие Майнеску
6-я кавалерийская дивизия – дивизионный генерал Ион Кодряну
444-я охранная дивизия – генерал-лейтенант Вильгельм Руссвурм

11-я полевая армия – генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн

42-й армейский корпус – генерал пехоты Иоахим фон Кортцфлейш
9-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант барон Зигмундт фон Шлейниц
46-я пехотная дивизия – генерал-майор Эрнст Хаккиус
Отдельная моторизованная бригада – полковник Карл-Альбрехт фон Гроддек

30-й армейский корпус – генерал артиллерии Максимилиан Фреттер-Пико
72-я пехотная дивизия – генерал-майор Миллер-Гебхардт
170-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Эрвин Сандер
28-я легкопехотная дивизия – генерал артиллерии Иоганн Зиннхубер

54-й армейский корпус – генерал пехоты Карл Маттенклот
22-я пехотная дивизия – генерал-майор Людвиг Вольф
24-я пехотная дивизия – генерал-майор Ганс фон Теттау
50-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Фридрих Шмидт
132-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Фриц Линдеман

Румынский горный корпус – корпусный генерал Георге Аврамеску
1-я горнострелковая дивизия – бригадный генерал Василиу Рэшкану
18-я пехотная дивизия – генерал-майор Раду Балдеску
1-я горнострелковая бригада – бригадный генерал Михай Ласкару

7-й румынский армейский корпус – дивизионный генерал Флориа Митранеску
10-я пехотная дивизия – бригадный генерал Траян Станеску
19-я пехотная дивизия – бригадный генерал Атанасе Петкулеску
4-я горнострелковая дивизия – генерал-майор Георге Манолиу
8-я кавалерийская дивизия – бригадный генерал Корнелиу Теодорини

Резерв ОКХ

14-й танковый корпус – генерал танковых войск Густав фон Виттерсгейм
60-я моторизованная дивизия – генерал-лейтенант Фридрих-Георг Эберхард

5-й армейский корпус – генерал-лейтенант Рихард Ветцель
73-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант барон Рудольф фон Бюнау
125-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Вильгельм Шнеккенбургер
2-я румынская горнострелковая дивизия – бригадный генерал Ион Думитраче

57-й танковый корпус – генерал танковых войск Фридрих Кирхнер
13-я танковая дивизия – генерал-майор Траугот Герр
5-я моторизованная дивизия СС «Викинг» – обергруппенфюрер СС Феликс Штайнер
Словацкая моторизованная дивизия – генерал-майор Август Малер

323-я пехотная дивизия – генерал-майор Андреас Небауер
340-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Виктор Кох
371-я пехотная дивизия – генерал-лейтенант Рихард Штемпель
403-я охранная дивизия – генерал-майор Вольфганг фон Дитфурт

1-я румынская кавалерийская дивизия – бригадный генерал Константин Братеску
9-я румынская кавалерийская дивизия – бригадный генерал Михай Чариакеску
Словацкая охранная дивизия – генерал-майор Рудольф Пильфоусек
10-я венгерская легкопехотная дивизия
12-я венгерская легкопехотная дивизия
13-я венгерская легкопехотная дивизия
105 венгерская легкопехотная дивизия
121-я венгерская пехотная бригада
124-я венгерская пехотная бригада

2-й армейский корпус – корпусный генерал Джиованни Зангьери
2-я пехотная дивизия «Сфорцеска» – дивизионый генерал Карло Пеллегрини
3-я пехотная дивизия «Равенна» – дивизионный генерал Эдуарде Неббиа

Приложение 7

Боевой и численный состав войск Сталинградского фронта на 15 июля 1942 г.[1]

Соединения и части	Всего людей	Лошадей	Винтовок	Пулеметов			Минометов	Орудий		ПТР	Автомашин	Зенитных орудий
				станковых и зенитных	ручных	ППШ и ППД		полевых	ПТО[2]			
62-я армия	74 600	11 289	54 600	461	1360	4690	1340	324	180	1734	460	4
63-я армия	67 094	7532	44 197	361	964	3084	1127	224	150	1338	371	1
64-я армия	72 823	10 121	46 181	411	1317	4473	1368	232	150	1675	645	4
21-я армия	43 641	7300	15 578	108	239	1893	447	108	41	541	1944	48
Части, не входящие в состав армий	42 152	8040	14 858	168	376	2924	519	176	43	684	352	8
Итого	300 310	44 282	175 414	1509	4256	17 664	4351	1064	564	5972	4256	65

[1] ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 220. Д. 85. Л. 38. В приводимые данные не включены артиллерийские полки РГК, танковые бригады и отдельные танковые батальоны.

[2] Противотанковой обороны.

Приложение 8

Изменения в составе группы армий «А» на начало и конец июля 1942 г.

17-я полевая армия: 4-й и 52-й армейские, 49-й горнострелковый, 3-й танковый, Итальянский подвижный корпуса – немецкие 76, 94, 111, 198, 295, 370-я пехотные, 14, 16, 22-я танковые, 60-я моторизованная, итальянские 3-я герцога Д'Аоста, 9-я «Пасубио», 52-я «Торино») дивизии.

Убыли:

- управление 4-го армейского корпуса, 76, 94, 295-я пехотные дивизии – 6 июля в 1-ю танковую армию;
- управление 3-го танкового корпуса, 14, 16, 22-я танковые, 60-я моторизованная дивизии – 8 июля в 1-ю танковую армию;
- управление 1-го армейского румынского корпуса – 15 июля в резерв ОКХ;
- управление 11-го армейского корпуса, 76-я и 295-я пехотные дивизии – 17 июля в резерв ОКХ;
- управление 4-го армейского корпуса, 94-я и 371-я пехотные дивизии – 22 июля в 1-ю танковую армию;
- управление 52-го армейского корпуса, 111-я и 370-я пехотные дивизии – 25 июля в 1-ю танковую армию;
- управление 57-го танкового корпуса, 13-я танковая, 5-я моторизованная дивизия СС «Викинг», Словацкая моторизованная дивизия – с 28 июля в 1-ю танковую армию;
- 3-я пехотная дивизия «Челере» из 8-й итальянской армии – 30 июля в 6-ю полевую армию.

Прибыли:

- управление 57-го танкового корпуса, управление 2-го кавалерийского румынского корпуса, 73, 125, 298-я пехотные, 13-я танковая, 5-я моторизованная СС «Викинг», Словацкая моторизованная, 5-я и 6-я кавалерийские румынские, 444-я охранная дивизии из группы «Виттерсгейм» – 6 июля;
- управление 5-го армейского корпуса из резерва ОКХ – 8–11 июля;
- 9-я пехотная дивизия из 11-й армии – 8–17 июля;
- управление 8-й итальянской армии, 2-й армейский итальянский корпус, пехотные дивизии «Равенна» и «Сфорцеска» из резерва группы армий «Юг» – 9 июля;
- управления 1-го и 3-го румынских армейских корпусов – 9 июля;

- управление 4-го армейского корпуса, 94-я и 371-я пехотные дивизии из 1-й танковой армии – 11 июля;
- 1-я горнострелковая дивизия из 1-й танковой армии в 17-ю армию – 29 июля;
- управление 11-го армейского корпуса, 76-я и 295-я пехотные дивизии из 1-й танковой армии – 14 июля;
- 2-я румынская горнострелковая дивизия из Румынии – 12 июля;
- итальянская пехотная дивизия «Коссерия» из Италии в 8-ю итальянскую армию – 12 июля;
- итальянская кавалерийская бригада «Барбо» из Италии в 8-ю итальянскую армию – 17 июля;
- итальянская пехотная бригада «23 марта» из Италии в 8-ю итальянскую армию – 21 июля;
- управление 1-го румынского армейского корпуса из резерва ОКХ в 3-ю румынскую армию – 30 июля;
- управление 29-го армейского корпуса, 62, 294, 336-я пехотные, 213-я и 403-я охранные дивизии из 6-й армии в 8-ю итальянскую армию – 30 июля.

Переименованы:

- 3-й моторизованный корпус – 3 июля – в 3-й танковый корпус;
- 5-й армейский корпус – с 8 по 23 июля – «группа Ветцель»;
- 17-я полевая немецкая, 8-я итальянская, 3-я румынская армии – с 9 июля – «армейская группа Руофф»;
- управления 4-го и 11-го армейских корпусов – с 14 по 17 июля – «группа Шведлер»;
- 57-й танковый корпус – с 15 по 23 июля – «группа Кирхнер».

Изменения в составе армий:

– с 15 июля 3-я румынская армия в составе 2-го кавалерийского румынского корпуса (5-я и 6-я румынские кавалерийские дивизии) получила самостоятельную полосу. 30 июля в ее состав дополнительно вошли 2-я румынская горнострелковая и 298-я немецкая пехотная дивизии;

– с 28 июля 8-я итальянская армия вышла из состава армейской группы «Руофф» и получила самостоятельную полосу в группе армий «Б». К концу июля 8-я итальянская армия в составе трех армейских корпусов имела 12 соединений; 17-я полевая армия – два армейских корпуса в составе семи дивизий; 3-я румынская армия в составе двух корпусов – 4 дивизии[1].

[1] Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1955. С. 92–93.

Приложение 9

Командующие фронтами и армиями РККА на южном крыле советско-германского фронта летом и осенью 1942 г.

Ф.И.О., национальность, происхождение	Воинское звание в 1914–1917 гг.	Служба и должность в РККА в 1918–1920 гг.	Военное образование	Воинское звание и должность в 1942 г.
Буденный Семен Михайлович (1888–1983), русский, из крестьян	старший унтер-офицер	с 1918 г., в Гражданскую войну – командующий 1-й Конной армией	Военная академия им. М.В. Фрунзе (далее – ВАФ) (1932)	Маршал Советского Союза (1935), 05–08.1942 командующий Северо-Кавказским фронтом
Ватутин Николай Федорович (1901–1944), русский, из крестьян	не служил	с 1920 г., в Гражданскую войну – командир взвода	ВАФ (1924), Военная академия Генерального штаба (далее – ВА ГШ) (1937)	генерал-лейтенант, командующий Брянским и Юго-Западным фронтами
Голиков Филипп Иванович (1900–1980), русский, из крестьян	не служил	с 1918 г., в Гражданскую войну – инструктор политотдела	Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава (далее – ККУКС) (1933)	генерал-лейтенант, командующий Брянским и Воронежским фронтами
Гордов Василий Николаевич (1896–1951), русский, из крестьян	старший унтер-офицер	с 1917 г., в Гражданскую войну – командир полка	ВАФ (1932)	генерал-лейтенант, командующий Сталинградским фронтом, 21-й и 1-й гвардейской армиями

Продолжение Приложения 9

Ф.И.О., национальность, происхождение	Воинское звание в 1914–1917 гг.	Служба и должность в РККА в 1918–1920 гг.	Военное образование	Воинское звание и должность в 1942 г.
Ерёменко Андрей Иванович (1892–1970), украинец, из крестьян	унтер-офицер	с 1918 г., в Гражданскую войну – начальник штаба полка	ВАФ (1935)	генерал-полковник, командующий Сталинградским и Юго-Восточным фронтами
Малиновский Родион Яковлевич (1897–1967), украинец, из крестьян	ефрейтор	с 1919 г., в Гражданскую войну – начальник пулеметной команды	ВАФ (1930)	генерал-лейтенант, командующий Южным фронтом, 66-й и 2-й гвардейской армиями
Рейтер Макс Андреевич (1886–1950), латыш, из крестьян	полковник	с 1919 г., в Гражданскую войну – командир полка	ВАФ (1935)	генерал-лейтенант, командующий Брянским фронтом
Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968), поляк, из рабочих	унтер-офицер	с 1917 г., в Гражданскую войну – командир полка	Высшие академические курсы (далее – ВАК) (1929)	генерал-лейтенант, командующий Брянским и Донским фронтами
Рябышев Дмитрий Иванович (1894–1985), русский, из крестьян	рядовой	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир бригады	ВАФ (1935)	генерал-лейтенант, командующий 2-й и 8-й армиями, представитель Ставки ВГК под Сталинградом

Продолжение Приложения 9

Ф.И.О., национальность, происхождение	Воинское звание в 1914–1917 гг.	Служба и должность в РККА в 1918–1920 гг.	Военное образование	Воинское звание и должность в 1942 г.
Тимошенко Семен Константинович (1895–1970), русский, из крестьян	рядовой	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир дивизии	ВАК (1930)	Маршал Советского Союза, командующий Юго-Западным и Сталинградским фронтами
Толбухин Федор Иванович (1894–1949), русский, из служащих	штабс-капитан	с 1918 г., в Гражданскую войну – начальник оперативного отдела штаба армии	ВАФ (1934)	генерал-майор, начальник штаба Северо-Кавказского фронта, командующий 57-й армией
Черняховский Иван Данилович (1906–1945), украинец, из рабочих	не служил	с 1924 г.	Военная академия механизации и моторизации (далее – ВАММ) (1936)	генерал-майор, командир 18-го танкового корпуса, командующий 60-й армией
Чибисов Никандр Евлампиевич (1892–1959), русский, из рабочих	штабс-капитан	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир бригады	ВАФ в (1935)	генерал-лейтенант, командующий Брянским фронтом
Парсегов Михаил Артемьевич (1899–1964), армянин, из крестьян	старший фейерверкер	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир батареи	ВАФ (1936)	генерал-майор артиллерии, командующий 40-й армией
Пухов Николай Павлович (1895–1958), русский, из крестьян	прапорщик	с 1918 г. – начальник штаба бригады, дивизии	Военно-хозяйственная академия (1932)	генерал-майор, командующий 13-й армией

Продолжение Приложения 9

Ф.И.О., национальность, происхождение	Воинское звание в 1914–1917 гг.	Служба и должность в РККА в 1918–1920 гг.	Военное образование	Воинское звание и должность в 1942 г.
Данилов Алексей Ильич (1897–1981), русский, из крестьян	прапорщик	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир роты	ВАФ (1931)	генерал-майор, командующий 21-й армией
Москаленко (Москалев) Кирилл Семенович (1902–1985), русский	не служил	с 1920 г. – рядовой	Артиллерийская академия им. Ф.Э. Дзержинского (1934)	генерал-майор артиллерии, командующий 38-й и 1-й танковой и 40-й армиями
Крюченкин Василий Дмитриевич (1894–1976), русский, из крестьян	младший унтер-офицер	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир кавалерийского полка	ускоренные курсы ВАФ (1943)	генерал-майор, командующий 28-й и 4-й танковой армиями
Лопатин Антон Иванович (1897–1965), русский, рабочий	рядовой	с 1919 г., в Гражданскую войну – командир эскадрона	не имеет	генерал-майор, командующий 9-й и 62-й армиями
Никишев Дмитрий Никитич (1898–1973), русский, из крестьян	рядовой	с 1918 г., в Гражданскую войну – политбоец, военком полка	ВАФ (1927)	генерал-майор, и.о. командарма 57-й армии, начальник штаба Сталинградского фронта
Смирнов Илья Корнилович (1887–1964), русский, из крестьян	старший унтер-офицер	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир полка	ВАФ (1934)	генерал-лейтенант, командующий 24-й армии
Лизюков Александр Ильич (1900–1942), белорус, из крестьян	не служил	с 1918 г., в Гражданскую войну – начальник артиллерии бронепоезда	ВАФ (1938)	генерал-майор, командующий 5-й танковой армией. Погиб в бою

Продолжение Приложения 9

Ф.И.О., национальность, происхождение	Воинское звание в 1914–1917 гг.	Служба и должность в РККА в 1918–1920 гг.	Военное образование	Воинское звание и должность в 1942 г.
Броуд Яков Исаакович (1900–1942), еврей	рядовой	с 1918 г., в Гражданскую войну – курсант, командир взвода	Артиллерийская академия им. Ф.Э. Дзержинского (1929)	генерал-майор артиллерии, и.о. командующего 24-й армией. Погиб
Камков Федор Васильевич (1898–1951), русский, из рабочих	рядовой	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир эскадрона 1-й Конной армии	ККУКС (1934)	генерал-лейтенант, командующий 18-й армией
Козлов Петр Михайлович (1893–1944), белорус, из крестьян	не служил	с 1918 г.	ВАФ (1926)	генерал-майор, командующий 37-й армии
Коломиец Трофим Калинович (1894–1971), украинец	унтер-офицер	с 1919 г., в Гражданскую войну – комиссар стрелкового полка	ВАФ (1934)	генерал-майор, командующий 51-й армии
Колпакчи Владимир Николаевич (1899–1961), крымчак	младший унтер-офицер	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир стрелкового полка	не имеет	генерал-майор, командующий 62-й армии
Кузнецов Василий Иванович (1894–1964), русский, из крестьян	подпоручик	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир стрелкового полка	ВАФ (1936)	генерал-лейтенант, командующий 63-й и 1-й гвардейской армиями
Марцинкевич Владимир Николаевич (1896–1944), белорус, из рабочих	не служил	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир полка	высшая повторная школа комсостава (1923)	генерал-майор, командующий 24-й и 9-й армиями

Продолжение Приложения 9

Ф.И.О., национальность, происхождение	Воинское звание в 1914–1917 гг.	Служба и должность в РККА в 1918–1920 гг.	Военное образование	Воинское звание и должность в 1942 г.
Пархоменко Феофан Агапович (1893–1962), украинец, из крестьян	прапорщик	с 1918 г., в Гражданской войне – командир 21-го кавалерийского полка 1-й Конной армии	не имеет	генерал-майор, командир 5-го кавалерийского корпуса, и.о. командующего 9-й армии
Попов Маркиан Михайлович (1902–1965), из донских казаков	не служил	с 1920 г., в Гражданскую войну – рядовой	ВАФ (1936)	генерал-лейтенант, командующий 48-й и 40-й армиями Брянского фронта
Рыжов Александр Иванович (1895–1950), русский, из крестьян	прапорщик	с 1918 г., в Гражданскую войну – помощник командира стрелкового полка	Высшие академические курсы командного состава (далее – ВАККС) (1924), ВА ГШ (1940)	генерал-майор, командующий 56-й армии
Гречко Андрей Антонович (1903–1976), украинец, из крестьян	не служил	с 1919 г., в Гражданскую войну – рядовой	ВАФ (1936), ВА ГШ (1941)	генерал-майор, командующий 12-й армии
Лелюшенко Дмитрий Данилович (1901–1987), украинец, из крестьян	не служил	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир взвода	ВАФ (1933)	генерал-майор, командующий 30-й и 3-й гвардейской армиями
Батов Павел Иванович (1897–1985), русский, из крестьян	младший унтер-офицер	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир роты	КУКС «Выстрел» (1927)	генерал-лейтенант, командующий 4-й танковой и 65-й армиями

Окончание Приложения 9

Ф.И.О., национальность, происхождение	Воинское звание в 1914–1917 гг.	Служба и должность в РККА в 1918–1920 гг.	Военное образование	Воинское звание и должность в 1942 г.
Коротеев Константин Аполлонович (1901– 1953), русский, из рабочих	рядовой	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир роты	КУКС «Выстрел» (1926)	генерал-майор, заместитель командующего Южным фронтом, командир 11-го гвардейского стрелкового корпуса, командующий 9-й армии
Антонюк Максим Антонович (1895–1961), белорус, из крестьян	поручик	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир бригады и Мозырской группы войск	Военная академия РККА (1924)	генерал-лейтенант, командующий 60-й армии
Романенко Прокофий Логвинович (1897–1949), украинец, из крестьян	прапорщик, Георгиевский кавалер	с 1918 г., в Гражданскую войну – командир кавалерийского полка 1-й Конной армии	Военная академия РККА (1925)	генерал-лейтенант, командующий 3-й танковой армии, заместитель командующего Брянским фронтом, командующий 5-й танковой армии

Приложение 10

Поставки бронетехники в СССР по ленд-лизу[1]

Танки	Количество	Бронетранспортеры	Количество	САУ	Количество
M3A1 «Стюарт» (M3n)	1681	M2	342	ЗСУ M15A1	100
M24 «Чаффи»	2	M3	2	ЗСУ M17	1000
M3 «Грант/Ли» (M3c)	1386	M5	421	САУ T48 (СУ-57)	650
M4A2 (75 мм) «Шерман»	2007	M9	419	САУ M18	5
M4A2 (76 мм) «Шерман»	2095	T16	96	САУ M10	52
M26 «Першинг»	1	M3A1 «Скаут»	3340		
Mk VII «Тетрарх»	19	LVT	5		
Mk II «Матильда»	918	БРЭМ M31	127		
Mk III «Валентайн»	3332	Mk I «Универсал Кэрриер»	2560		
Mk IV «Черчилль»	253	Мостоукладчик «Валентайн»	25		
Mk VIII «Кромвель»	6				
Всего	11 700		7337		1807

[1] Поставки танков по ленд-лизу в СССР. URL: http://www.4tanks.ru/publications/view_public.php?id=32#one (дата обращения: 15.11.2016).

Приложение 11

Сведения отдела трофейного вооружения Донского фронта о собранном [и] подвезенном к железной дороге и отгруженном трофейном и отечественном вооружении и имуществе за время с 1 января 1943 г. по 1 октября 1944 г.[1]

гор. Сталинград □ Не ранее ноября 1944 г.

№ п/п	Наименование вооружения и имущества	Единица учета	Остаток на 01.01. 1943	За отчетный период					
				учтено	подвезено	отгружено	передано на месте	передано в металлолом, утиль	остаток на 01.10.1944
1	Самолеты	шт.	117	505	164	9	455	155	3
2	Авиамоторы	–	7	132	138	83	10	36	10
3	Танки	–	972	4960	5812	4542	52	1333	5
4	Бронемашины	–	29	617	575	486	14	146	–
5	Автомашины	–	1007	24 619	25 180	6267	12 917	6442	–
6	Тракторы и тягачи	–	82	1474	1501	775	506	275	–
7	Орудия	–	895	6453	7158	5501	1563	284	–
8	Минометы	–	315	2980	3040	2367	832	96	–
9	ПТР	–	118	5162	5069	3849	1053	378	–
10	Пулеметы	–	588	16 218	16 215	12 188	4506	112	–
11	Винтовки	–	18 752	274 336	273 990	215 916	75 810	1362	–
12	Автоматы	–	68	11 281	11 281	7103	4095	151	–
13	Снаряды	–	39 530	4 698 321	4 683 479	4 437 939	144 638	155 274	–
14	Авиабомбы		36	114 861	107 061	92 583	15 395	6919	–
15	Винтовочные патроны	тыс.	5051	115 684	115 641	110 530	7685	2520	–

[1] Сталинградская группа войск. Февраль – март 1943 г.: документы и материалы. Волгоград, 2004. С. 117–118.

Продолжение Приложения 11

№ п/п	Наименование вооружения и имущества	Единица учета	Остаток на 01.01. 1943	За отчетный период					
				учтено	подвезено	отгружено	передано на месте	передано в металло-лом, утиль	остаток на 01.10.1944
16	Мины ПТ и ПП[1]	шт.	7175	165 033	164 732	116 673	26 936	28 599	–
17	Мины минометные	–	50 528	1 088 614	10 799 228	1 003 337	49 304	86 501	–
18	Шлемы стальные	–	13 996	280 130	280 899	273 501	3663	16 962	–
19	Металлолом черный	т	–	248 041	193 306	173 261	70 051	–	4729
20	Металлолом цветной	–	–	4121	3945	4073	–	–	–
21	Мотоциклы	шт.	481	2063	2294	2315	6	223	–
22	Велосипеды	–	669	2119	2522	2391	2	395	–
23	Лопаты	–	3358	106 354	103 561	104 982	2076	2656	
24	Топоры	–	75	3403	3403	2644	–	834	–
25	Кирки-мотыги	–	244	12 331	10 670	10 343	423	1809	–
26	Ломы	–	3	1431	1432	1208	104	122	–
27	Ножницы саперные	–	506	5619	5580	6028	2	95	–
28	Шнур зажигательный	м	–	55 659	55 659	53 124	2030	505	–
29	Проволока колючая	т	90	444	311	346	2	186	–
30	Лодки понтонные	шт.	–	849	842	667	–	182	–
31	Радиостанции и р[адио]-передатч[ики]	–	74	1039	1070	1056	–	57	–
32	Радиоприемники	–	91	2036	2051	1927	–	200	
33	Коммутаторы	–	9	211	211	125	–	95	–

[1] Противотанковые и противопехотные.

Окончание Приложения 11

№ п/п	Наименование вооружения и имущества	Единица учета	Остаток на 01.01. 1943	За отчетный период					
				учтено	подвезено	отгружено	передано на месте	передано в металлолом, утиль	остаток на 01.10.1944
34	Телефонные аппараты	–	104	2208	2306	2256	1	55	–
35	Кабели	км	474	2853	2858	2518	–	809	–
36	Противогазы	шт.	36 901	223 689	246 412	245 615	–	14 975	–
37	Огнеметы	–	–	280	273	245	–	35	–
38	Шашки дымовые	–	2700	49 559	44 226	38 061	–	14 198	–
39	Шинели	–	4037	54 097	55 215	53 156	70	4908	–
40	Шаровары	–	7715	80 928	85 474	75 645	183	12 815	–
41	Гимнастерки	–	8748	97 371	104 072	85 146	–	20 973	–
42	Белье нательное	пар	4155	93 758	95 515	88 183	30	9700	–
43	Сапоги	–	591	11 116	11 358	10 217	4	1486	
44	Ботинки	–	2965	52 122	52 166	50 168	47	4872	–
45	Повозки	шт.	254	10 547	10 692	8739	503	1559	–
46	Седла	–	1982	21 425	22 425	20 753		2654	–
47	Упряжь	комп-лектов	660	8682	8856	8900	–	442	–
48	Бочки железные	шт.	2382	35 840	35 153	35 441	351	2430	–
49	Бачки	–	17	9404	9421	8700	–	721	–
50	Цистерны	–	16	54	61	36	5	26	3

Начальник отдела трофейного вооружения,
майор и[нтендантской] сл[ужбы] *Бергельсон*
Начальник учетного отделения,
старший лейтенант а[дминистративной] сл[ужбы] *Спешное*
В тексте документа даны пояснения: «Отгружены 15.10.1944 г.».

Приложение 12

Памятники Клетского района Волгоградской области, посвященные боям в большой излучине Дона в 1942–1943 гг.

№ п/п	Наименование	Дата события	Местонахождение
1	Братская могила советских воинов	1942–1943	станица Клетская, у к/т «Маяк»
2	Братская могила советских воинов	1942–1943	станица Клетская, кладбище
3	Могила воинов-комсомольцев А.А. Покальчука и П.Л. Гутченко, закрывших своими телами амбразуру фашистского дзота. Памятник сооружен в 1982 г.	1942	станица Клетская, 20 м западнее к/т «Маяк», в парке
4	Место подвига воинов-комсомольцев А.А. Покальчука и П.Л. Гутченко, закрывших своими телами амбразуру фашистского дзота. Памятный знак установлен в 1967 г.	1942	станица Клетская, аэропорт, Меловая гора, шпиль, северный выступ
5	Памятник-танк знак на месте боев 76-й стрелковой дивизии	1942–1943	станица Клетская, северная окраина
6	Могила летчиков А.У. Ушакова, С.Г. Терещука, А.Ф. Баева	1942	АОЗТ «Клетское», поле к западу от отделения № 6
7	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1953 г.	1942–1943	хутор Большая Донщинка
8	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1955 г.	1942–1943	хутор Большая Осиновка
9	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1948 г.	1942–1943	хутор Венцы
10	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1978 г.	1942–1943	хутор Верхнереченский, кладбище
11	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1949 г., обновлен в 1995 г.	1942–1943	бывший хутор Верхнесаломаковский, кладбище
12	Братская могила военнопленных и советских воинов. Стела установлена в 1953 г., обновлена в 1978 г. Перезахоронены останки из могилы в бывшем хуторе Осино-Логовском	1942–1943	хутор Верхняя Бузиновка, 30 м западнее клуба
13	Обелиск на месте гибели командира 192-й стрелковой дивизии полковника А.С. Захарченко. Установлен в 1963 г.	1942	хутор Верхняя Бузиновка, южная окраина
14	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1949 г.	1942–1943	хутор Гвардейский, центр

Продолжение Приложения 12

№ п/п	Наименование	Дата события	Местонахождение
15	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1948 г.	1942–1943	хутор Головский
16	Братская могила советских воинов. Стела сооружена в 1955 г.	1942–1943	бывший хутор Громки
17	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1967 г.	1942–1943	у дороги к хутору Громки
18	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1955 г.	1942–1943	300 м юго-западнее хутора Евстратовского
19	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1948 г., обновлен в 1963 г.	1942–1943	хутор Ерик, центр, 50 м юго-восточнее клуба
20	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1949 г., дозахоронение в 1990 г.	1942–1943	хутор Жирковский
21	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1955 г.	1942–1943	хутор Захаров, центр
22	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1953 г.	1942–1943	хутор Зотовский, центр, 30 м юго-западнее школы
23	Братская могила советских воинов	1942–1943	хутор Иванушенский
24	Братская могила советских воинов	1942–1943	хутор Избушенский
25	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1949 г.	1942–1943	хутор Калмыковский, северо-восточнее школы
26	Могила летчика 370-го авиаполка 17-й воздушной армии Л.С. Зайкина	1942	хутор Калмыковский
27	Братская могила советских воинов. Скульптурный памятник установлен в 1995 г.	1942–1943	хутор Караженский, центр, 50 м юго-западнее клуба
28	Братская могила советских воинов. Памятный знак сооружен в 1972 г.	1942–1943	станица Кременская, центр
29	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1948 г.	1942–1943	хутор Липовский, 100 м от школы
30	Братская могила советских воинов. Стела установлена в 1981 г.	1942–1943	хутор Логовский, 100 м западнее клуба
31	Братская могила советских воинов. Скульптура установлена в 1962 г.	1942–1943	хутор Майоровский, у здания конторы
32	Братская могила советских воинов. Обелиск установлен в 1948 г.	1942–1943	хутор Максари, в 150 м юго-восточнее клуба,
33	Братская могила советских воинов. Стела установлена в 1955 г.	1942–1943	хутор Малая Донщинка, 15 м западнее клуба
34	Могила заместителя командира авиаэскадрильи Героя Советского Союза старшего лейтенанта И.А. Манойлова и других советских воинов. Обелиск сооружен в 1948 г., обновлен в 1975 г.	1942–1943	хутор Манойлин

Окончание Приложения 12

№ п/п	Наименование	Дата события	Местонахождение
35	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1955 г.	1942–1943	хутор Междуреченский
36	Братская могила советских воинов. Обелиск установлен в 1995 г.	1942–1943	хутор Мелоклетский, у конторы хлебоприемного пункта
37	Братская могила советских воинов. Скульптура установлена в 1962 г.	1942–1943	хутор Нижняя Бузиновка, 200 м северо-восточнее клуба
38	Братская могила советских воинов. Скульптура установлена в 1978 г.	1942–1943	хутор Новоцарицынский
39	Братская могила советских воинов. Скульптура установлена в 1962 г.	1942–1943	хутор Орехов, центр
40	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1967 г.	1942–1943	хутор Перекопка, 50 м южнее школы
41	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1967 г.	1942–1943	станица Перекопская
42	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1955 г.	1942–1943	хутор Перелазовский, 50 м от школы
43	Могила Героя Советского Союза Е.К. Лазарева	1942	хутор Перелазовский, 100 м севернее клуба
44	Братская могила жителей станицы Распопинской, расстрелянных фашистскими захватчиками. Обелиск установлен в 1967 г.	1942	станица Распопинская
45	Братская могила советских воинов. Скульптура установлена в 1978 г.	1942–1943	станица Распопинская, у Дома культуры
46	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1948 г.	1942–1943	станица Распопинская, у кладбища
47	Братская могила советских воинов. Первый обелиск сооружен в 1948 г., новый – в 1970 г.	1942–1943	станица Распопинская, на берегу реки Дон
48	Братская могила советских воинов	1942–1943	3 км западнее станицы Распопинской
49	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1955 г.	1942–1943	хутор Свечниковский, 20 м севернее хутора
50	Братская могила советских воинов	1942–1943	хутор Селиванов, 50 м севернее библиотеки
51	Братская могила советских воинов. Обелиск сооружен в 1967 г.	1942–1943	хутор Староклетский, на берегу реки Дон
52	Обелиск на высоте 11 героев-комсомольцев Востока	1942	хутор Староклетский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Глава 1. Природный фактор в сражениях в большой излучине Дона 13
1.1. Географические условия 13
1.2. Строительство оборонительных рубежей и весенний паводок 1942 г. 30
1.3. Влияние климата и погодных условий 49

Глава 2. Накануне тяжелых испытаний 69
2.1. Планы сторон и соотношение сил на южном крыле советско-германского фронта накануне весенне-летней кампании 1942 г. 69
2.2. Предвестники катастрофы на юге: поражения РККА в Крыму и под Харьковом в мае 1942 г. 94

Глава 3. Бросок вермахта на юг и его последствия 105
3.1. Забытые «котлы» и танковые сражения в июле 1942 г. 105
3.2. Оборона Ростова-на-Дону и Новочеркасска в июле 1942 г. 127
3.3. Приказ № 227 «Ни шагу назад!» и его значение 158
3.4. Боевое крещение 62-й и 64-й армий в большой излучине Дона в июле – августе 1942 г. 170

Глава 4. В эпицентре советско-германского противостояния 180
4.1. Стратегический разворот вермахта 180
4.2. Жернова Сталинграда (сентябрь 1942 г. – февраль 1943 г.) 193
4.3. Экзамен на профпригодность, или Почему советские маршалы в мемуарах замалчивали операции РККА в большой излучине Дона в 1942–1943 гг. 202

Глава 5. Курс на запад: начало коренного перелома 218
5.1. Разгром «нацистского интернационала» в большой излучине Дона 218
5.2. Несостоявшийся «Гросс-Сталинград»: зимнее наступление Красной армии 229
5.3. Роль ленд-лиза и каспийских конвоев 244

Глава 6. Военная повседневность 258
6.1. Фронтовые будни бойцов и командиров Красной армии 258
6.2. Организация санитарной службы....267

Глава 7. Война и население 281
7.1. Эвакуация населения в официальных документах и воспоминаниях очевидцев....281
7.2. Особенности нацистской оккупации 296
7.3. Казачий вопрос на Дону в годы войн 313

Глава 8. Большая излучина Дона как место памяти о Великой Отечественной войне 330
8.1. Людские потери и материальный ущерб 330
8.2. Очистка и разминирование полей сражений 350
8.3. Память о боях в большой излучине Дона в мемориальной культуре региона....364

Заключение....389
Список использованных источников и литературы....396
Приложения 415

TABLE OF CONTENTS

Foreword 5

Chapter 1. Natural factor in the battles in the big bend of the Don 13
1.1. Geographical conditions 13
1.2. Construction of defensive lines and spring floods of 1942 30
1.3. Climate and weather conditions 49

Chapter 2. On the eve of heavy trials 69
2.1. The plans of the sides and the ratio of forces on the eve of the spring-summer campaign of 1942 69
2.2. The forerunners of catastrophe: defeats of the Red Army in the Crimea and near Kharkov in 1942 94

Chapter 3. The Wehrmacht's thrust to the South and its consequences 105
3.1. Forgotten "pockets" and tank battles in July of 1942 105
3.2. The defence of Rostov-on-Don and Novocherkassk 127
3.3. Order № 227 and its significance 158
3.4. The baptism of fire of the 62nd and the 64th Armies in the big bend of the Don 170

Chapter 4. In the epicentre of the Soviet-German confrontation 180
4.1. The Wehrmacht's strategic U-turn 180
4.2. The millstones of Stalingrad (September 1942 – February 1943) 193
4.3. The profession suitability examination or Why the Soviet marshals hushed up the Red Army operations in the big bend of the Don in 1942–1943 in the memoirs 202

Chapter 5. The course to the West: the beginning of the abrupt change 218
5.1. Defeat of the "Nazi Internationale" in the big bend of the Don 218
5.2. Not taken place "Groß-Stalingrad": a winter offensive of the Red Army 229
5.3. The role of lend-lease and Caspian convoys 244

Chapter 6. Everyday war life 258
6.1. Everyday frontline life of soldiers and commanders of the Red Army 258
6.2. Organization of sanitary service 267

Chapter 7. The war and the population 281
7.1. Evacuation of inhabitants in official documents and recollections of eye-witnesses 281
7.2. Specific features of the Nazi occupation 296
7.3. The Cossack issue in the Don Region during the war years 313

Chapter 8. Big bend of the Don as a place of memory about the Great Patriotic War 330
8.1. Casualties and material loss 330
8.2. Demining and clearing of battle fields 350
8.3. Memory about the battles in the big bend of the Don in the memorial culture of the Region 364

Conclusion 389
References 396
Annexes 415

Научное издание

Матишов Геннадий Григорьевич
Афанасенко Владимир Иванович
Кринко Евгений Фёдорович
Медведев Максим Валерьевич

БОЛЬШАЯ ИЗЛУЧИНА ДОНА – МЕСТО РЕШАЮЩИХ СРАЖЕНИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1942–1943 гг.)

Редакторы: А.С. Бабаева, А.В. Стахеева,
С.А. Шестак, А.А. Яковлева
Перевод Р.Г. Михалюк
Оригинал-макет: С.А. Шестак, А.В. Стахеева
Дизайн обложки Я.Ю. Яковлева

Подписано в печать 20.12.2016
Формат 70×100 1/16. Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 37,05. Тираж 300 экз.

Издательство Южного научного центра РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел.: (863) 250-98-21
http://www.ssc-ras.ru

Отпечатано DSM
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9, тел. (863) 263-57-66